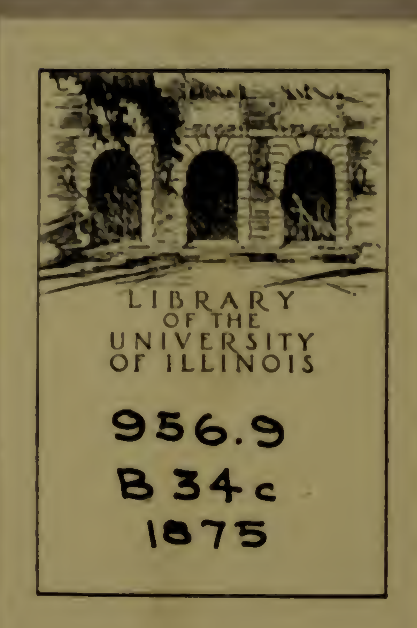


СИРІЯ и ПАЛЕСТИНА

ПОДЪ

ТУРЕЦКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

СОЧИНЕНІЕ

К. БАЗИЛИ.

ЧАСТЬ I.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ КАРТЫ

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Демидовъ пер., № 5.

1875.

Книга эта писана въ 1846 и 47 годахъ, въ уединенной обители Маръ-Ильясъ-Шуэръ, на вершинахъ Ливанскихъ, гдѣ проводилъ я знойное Сирійское лѣто, неподалеку отъ вѣчныхъ снѣговъ Санинскаго хребта.

Пятнадцать лѣтъ прожилъ я въ Сиріи и Палестинѣ, съ 1839 по 1853 г. Это были лучшіе годы моей жизни. Служебная дѣятельность оставила во мнѣ воспоминанія утѣшительныя. Въ бытность мою въ Бейрутѣ, на Ливанѣ и въ Іерусалимѣ, равно и въ поѣздки мои въ Дамаскъ, въ Антиливанъ и во внутренніе округи, представлялись случаи облегчать судьбу Христіанъ, бороться противу тиранскихъ властей, противу фанатизма мусульманскаго, и укрощать феодальныя насилія и безчинства.

Неразъ посчастливилось мнѣ быть примирителемъ между враждующими племенами и спасать села и города. Считаю себя въ правѣ упоминать объ этомъ, потому что заслуги Агента Великой Державы на Востокѣ должны быть приписаны не личности его, но званію которымъ онъ облеченъ. Званіе это сопряжено, правда, съ тяжкимъ трудомъ, съ лишеніями всякаго рода, съ опасностями. Но не унываетъ далекій труженникъ когда исполненіе долга къ правительству, ввѣрившему ему честь Русскаго имени среди страдальческихъ племенъ, вперяющихъ взоры съ надеждою и довѣріемъ къ великой единовѣрной Державѣ, даетъ ему случай нажить на старость запасъ благородныхъ воспоминаній.

Въ иныхъ случаяхъ дѣйствовалъ я одинъ, отъ имени Русскаго Правительства. Еще чаще дѣйствовалъ я за-одно съ моими собратами, агентами Западныхъ Державъ. Среди кровопролитій Сирійскихъ, въ хаосѣ самой безнравственной администраціи, какая можетъ существовать въ цѣломъ мірѣ, бывшіе лѣтъ десять сряду товарищи мои Великобританскій генеральный консулъ полковникъ Розе (теперь главнокомандующій въ Индіи генералъ Сэръ-Гюгъ Розе) и Французскій генеральный консулъ Г. Бур-

ре (теперь Посланникъ при Аѳинскомъ Дворѣ) усердно дѣйствовали за-одно со мною, когда предстояло спасать Христіанъ отъ насилій и угнетенія, несмотря на постоянное соперничество Англіи и Франціи въ этой многоиспытанной сторонѣ Оттоманскаго Востока.

Гораздо прежде чѣмъ предполагалъ я рѣшаюсь издать въ свѣтъ мою книгу. Я выключилъ изъ нея всякій эпизодъ частной дѣятельности. Берегу для себя впечатлѣнія и воспоминанія дорогія сердцу моему, а передаю публикѣ плодъ добросовѣстнаго историческаго и практическаго изученія края, котораго судьба вновь привлекаетъ участіе Христіанскихъ народовъ. Не дѣлаю никакихъ другихъ измѣненій ни дополненій въ моей книгѣ. Съ той поры когда она писалась прошло тринадцать слишкомъ лѣтъ. Отношенія наши къ Турціи и мнѣніе о ней измѣнились. Но старыя сужденія безпристрастнаго наблюдателя о Востокѣ, о его племенахъ, о его правительствѣ, о значеніи политическихъ реформъ въ немъ совершаемыхъ, врядъ ли должны измѣниться. Говорю это чтобы читатели мои не стали подозрѣвать меня въ притязаніи издавать новыя мои впечатлѣнія за старыя и факты за предчувствія. Рукопись моя была читана многими еще въ 1848

году. Читалъ ее и князь П. А. Вяземскій, на свидѣтельство котораго я считаю себя вправѣ сослаться, по литературной его славѣ.

Одесса,
Ноябрь 1861 г.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ Іюнѣ 1839 года въ промежутокъ двухъ недѣль скончался Султанъ Махмудъ, уничтожена его армія въ Незибѣ, на рубежѣ Сиріи, и весь Оттоманскій флотъ перешелъ измѣною въ руки бунтовавшаго вассала. Имперія была на краю погибели. Лѣтъ за двѣнадцать предъ тѣмъ три Великія Державы положили начало вступничества въ дѣла Востока Лондонскимъ трактатомъ 1827 года и Наваринскимъ сраженіемъ. Уже съ той поры Оттоманскій колоссъ обнаруживалъ признаки наступавшаго разрушенія. Въ 1833 году заступничествомъ одной Россіи избавлялась столица Султановъ отъ Египетскаго нашествія. Въ послѣдовавшій за тѣмъ отдыхъ Махмудъ упорно продолжалъ дѣло преобразованія, искореняя съ одной стороны предразсудки своего народа, а съ другой укрѣпляя самодержавіе, и сосредоточивая въ руки правительства власть расхищенную Пашами и феодальными мелочными тиранами. Бунты отдаленныхъ пашей Скодры и Багдада

были усмирены; одинъ Египетскій паша упорствовалъ въ неповиновеніи, и вслухъ Европы и Ислама мечталъ о независимости. Мстительный Махмудъ тайкомъ отъ Европы, и во имя духовныхъ правъ главы Ислама, готовилъ рѣшительный ударъ... Въ одно время не стало Махмуда, не стало войска и флота. Семнадцатилѣтній преемникъ изъ Серальскаго затворничества вступалъ на престолъ обступленный происками вельможъ. Правительственная олигархія воспользовалась неопытностію державнаго юноши чтобы Гюльханейскою пародіею конституціоннаго права освободить себя отъ произвола Султановъ, и совратить государство съ пути, предначертаннаго Махмудомъ для довершенія великаго подвига реформы обращеніемъ Турецкаго правительства въ Христіанство.

Такъ-то въ промежутокъ двѣнадцати лѣтъ проявлялся на Востокѣ третій внутренній кризисъ.

Великія Державы, для отвращенія угрожавшихъ переворотовъ и войны Европейской, вступались опять въ дѣла Востока. Болѣе года длились трудные переговоры, которыхъ главнымъ предметомъ была Сирія. Въ осень 1840 года военныя дѣйствія открывались въ этой области, при участіи четырехъ Великихъ Державъ, вслѣд-

ствіе отказа Франціи отъ участія въ общемъ дѣлѣ.

Ни одинъ изъ политическихъ вопросовъ возникшихъ послѣ Вѣнскаго конгреса не представилъ столько важности. Повидимому дѣло состояло въ томъ, кому владѣть Сиріею, Султану-ли непосредственно или вассалу его. Но вопросъ этотъ велъ къ разрыву между Франціею и Кабинетами подписавшими трактатъ о вступничествѣ въ дѣла Востока. Европа была въ ожиданіи общаго взрыва. Тревожнымъ эхомъ отозвалась пальба отъ береговъ Евфрата и отъ ущелій Ливанскихъ до береговъ Рейна и въ сердцѣ пылкой Германіи. Болѣе милліона войскъ было созвано подъ ружье въ тѣхъ государствахъ, которымъ угрожала опасность войны. Вооружились флоты, израсходовались билліоны; столица Франціи опоясалась колоссальными укрѣпленіями... и вотъ какою цѣною было предоставлено Турецкому правительству право посылать своихъ пашей и чиновниковъ Стамбульскихъ канцелярій въ Сирію, и, безъ всякой выгоды для государственныхъ интересовъ Турціи, разрушать въ этой злополучной области всѣ добрыя начинанія Египетскаго правленія, не исключая и практической его вѣротерпимости.

Все таки современники обязаны признатель-

ностью Государственнымъ людямъ этой эпохи, которые успѣли предохранить семью Христіанскихъ народовъ отъ войны — войны можно сказать междоусобной, судя по ея предмету — по вопросу не о томъ чтобы освободить колыбель ихъ вѣры отъ ига невѣрныхъ, но о томъ кому владѣть Сиріею — Абдулъ-Меджиду-ли или Мехметъ-Алію.

Послѣдствія покажутъ — поняла-ли Европа какъ дорого обходится ея спокойствію и гражданственному ея развитію нынѣшнее состояніе восточнаго ея полуострова и лучшихъ береговъ Средиземнаго моря? Никто изъ самыхъ упрямыхъ оптимистовъ не станетъ увѣрять насъ, что послѣ трехъ Восточныхъ кризисовъ современныхъ вашему поколѣнію, нескоро наступитъ и четвертый.

Пребывая въ Сиріи съ 1839 года, и слѣдя собственнымъ глазомъ всѣ происшествія съ Незибскаго сраженія, и прилежно изучая край и его племена, я, признаюсь, не прежде могъ постигнуть происходившее предъ моими глазами, какъ по обзорѣ предшествовавшихъ событій и историческихъ фактовъ. Хотя преданія старины не имѣютъ повидимому прямой связи съ тѣмъ что совершается или совершилось на Востокѣ при нынѣшнемъ политическомъ направленіи Отто-

манской имперіи, однако служатъ они поясненіемъ многихъ загадочныхъ явленій, и въ нихъ таится, можетъ быть, рѣшеніе той великой задачи Восточныхъ дѣлъ, надъ которою недоумѣваетъ и самый глубокомысленный политикъ.

Замѣтимъ, что эта страна столь любопытная и по древнимъ своимъ воспоминаніямъ и по своимъ судьбамъ въ новѣйшія времена, эта завѣтная колыбель Іудейства, Христіанства и Магометанства, страна, въ которой буря среднихъ вѣковъ Европы разрѣшилась рыцарскими подвигами, и въ которую опять устремлены взоры Запада то съ политическими и коммерческими видами, то съ религіозными чувствами, а всего чаще съ утопіями — Сирія была мало извѣстна Европѣ до 1840 года. Да и теперь еще, послѣ всего что написано и наговорено объ этомъ краѣ, трудно имѣть о немъ правильное понятіе.

Поверхностныя свѣдѣнія и ложныя данныя ведутъ къ ложнымъ заключеніямъ; а ложныя заключенія въ задачахъ политическихъ производятъ омутъ въ общественномъ мнѣніи, и ведутъ правительства къ роковой тратѣ крови и золота народныхъ. Въ сужденіяхъ по такимъ дѣламъ первая обязанность добросовѣстнаго наблюдателя — освободить себя не только отъ предразсудковъ своей эпохи и своего воспитанія, но

племена играютъ незавидную роль потребителей, и группируются по итогамъ производительности Манчестерскихъ фабрикантовъ.

Въ археологическомъ отношеніи замѣчательно путешествіе Роббинсона и Смита; впрочемъ эти господа методисты могли кажется сдѣлать лучшее употребленіе изъ своей учености, чѣмъ опровергать историческими софизмами преданія о мѣстностяхъ.

Что касается путешествій живописныхъ и иныхъ, оттѣненныхъ поэтическою кистію туристовъ пробѣжавшихъ страну въ промежутокъ двухъ пароходовъ, врядъ ли нужно о нихъ упоминать.

Изъ старинныхъ путешествій замѣчательна книга ученаго Датчанина Нибура. Среди физіологическихъ наблюденій, составлявшихъ главный предметъ его многотруднаго путешествія, встрѣчаются любопытныя и основательныя свѣдѣнія о племенахъ принадлежащихъ Арабскому міру.

Изо всего что издано въ Европѣ о семъ краѣ болѣе замѣчательна книга Вольнея Voyage en Egypte et en Syrie, писанная въ восьмидесятыхъ годахъ прошедшаго столѣтія. Вѣрный и проницательный наблюдатель Вольней, одинъ среди всѣхъ своихъ предшественниковъ и послѣдователей, вникъ въ политическій бытъ Сирійскихъ

племенъ и въ послѣдствія Турецкаго правленія на ихъ частный и общественный бытъ. Хотя къ сожалѣнію книга эта охлаждена отсутствіемъ всякаго религіознаго чувства, и слишкомъ отзывается скептицизмомъ своей эпохи, однако служитъ она вѣрною картиною Сиріи того времени. Историческіе ея эпизоды о походахъ Али-Бека, о приключеніяхъ и замыслахъ Дагеръ-Эль-Омара, можно почесть какъ-бы предчувствіемъ событій намъ современныхъ.

Въ самую пору прибытія моего въ Сирію политическія обстоятельства придавали новый интересъ разсказу Вольнея. Въ походъ 1840 года, и среди военныхъ дѣйствій Англійскаго флота, на которомъ находился я при взятіи Бейрута, затѣмъ въ междоусобную войну Ливанскихъ племенъ въ 1841 году и въ бунтъ Друзовъ 1842 года, и въ новыя междоусобія 1845 года, я занялся изученіемъ старыхъ Арабскихъ лѣтописей, и прилежно собиралъ мѣстныя преданія о походахъ Египетскихъ Мамлуковъ въ Сирію, о дѣйствіяхъ Чесменскаго флота у этихъ береговъ, о взятіи Бейрута Русскими, о чудовищномъ Джеззарѣ, о казняхъ, измѣнахъ и братоубійствахъ, на которыхъ княжескій родъ Шагабовъ основалъ свое величіе на Ливанѣ, рушившееся при мнѣ въ 1841 году.

Приступая къ повѣствованію произшествій, которыхъ я былъ свидѣтелемъ, я счелъ необходимымъ изложить предварительно тѣ событія, которыя показались мнѣ наиболѣе занимательны въ историческомъ отношеніи, и поучительны для изслѣдованія нынѣшняго состоянія края и его племенъ. Для полноты моего разсказа я включилъ во второй главѣ очеркъ событій уже описанныхъ Вольнеемъ. Главнѣйшимъ пособіемъ служила мнѣ, послѣ мѣстныхъ преданій, Арабская хроника Бустроса, переведенная для меня внукомъ автора, служащимъ при нашемъ Генеральномъ консульствѣ.

Если книга моя будетъ включена въ разрядъ матеріаловъ, которыхъ изученіе полезно при изслѣдованіи вопроса о судьбахъ Востока, то трудъ мой не потерянъ.

Чтобы не прерывать нити историческаго моего разсказа и не утомлять читателя отступленіями и объясненіями о племенахъ сего края, о внутреннемъ гражданскомъ и духовномъ ихъ устройствѣ, я внесъ отдѣльно въ прибавленія рядъ этнографическихъ выписокъ изъ другаго моего труда, собственно статистическаго, который не назначенъ къ печати.

Ограничиваясь бытомъ племенъ Сирійскихъ и обзоромъ правительства, которому племена

эти подчинены, я тщательно избѣгалъ картинныхъ описаній края, въ которомъ полуденная природа проявляется въ торжественнѣйшемъ своемъ блескѣ, гдѣ очеркъ горъ, береговъ, горизонта обставленнаго то феодальнымъ замкомъ, то монастыремъ, то развалиною, то рядомъ верблюдовъ или кочевьемъ Бедуиновъ, очаровываетъ живописца, и переноситъ мысль путешественника къ давнопрошедшимъ вѣкамъ. Воспоминанія древности, слѣдившія меня во всѣхъ моихъ путешествіяхъ по Востоку, даже благоговѣйное чувство наполняющее душу при посѣщеніи Палестинскихъ святынь — все это тщательно устранено отъ моей книги. Въ тридцатыхъ годахъ издавалъ я юношескія впечатлѣнія бытности моей въ Греціи и въ Константинополѣ. Какъ ни благосклонно были приняты мои книги, однако опытъ жизни, службы, ученія и путешествія, убѣдили меня, что въ литературномъ мірѣ не всякій писатель вправѣ предлагать свѣту оттиски собственныхъ впечатлѣній. При нынѣшнихъ удобствахъ путешествія по Востоку предоставимъ каждому слѣдить собственнымъ глазомъ и постигать собственнымъ чувствомъ красоты природы; а память о быломъ сама воскреснетъ среди страны, съ которою знакомы мы по первымъ впечатлѣніемъ духовнаго воспитанія нашего, о которой не

перестаетъ вѣщать голосъ церкви. Святыни Палестинскія привлелки уже многихъ соотечественниковъ нашихъ всѣхъ званій, отъ вельможи столичнаго до Кяхтинскаго обывателя, до отшельника Соловецкаго. Съ Евангеліемъ въ рукахъ, и при изустныхъ поясненіяхъ путеводителя монаха Іерусалимскаго, благочестивый путникъ не нуждается въ другомъ указателѣ, ни въ другомъ источникѣ вдохновенія кромѣ собственнаго чувства.

Обитель Пророка Иліи
на горѣ Ливанѣ.
Августъ 1847 года.

Содержаніе первой части

СИРІЯ и ПАЛЕСТИНА

ПОДЪ ТУРЕЦКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

ГЛАВА I.

ЭЛЕМЕНТЫ АРАБСКАГО ПОЛИТИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ СИРІИ. — ФЕОДАЛЬНАЯ СИСТЕМА НА ВОСТОКѢ. — ЭМИРЫ И ШЕЙХИ. — ВЛАДѢТЕЛЬНЫЯ СЕМЕЙСТВА. — ПАРТІИ ІЕМЕНИ И КЕЙССИ. — ТУРЕЦКОЕ ЗАВОЕВАНІЕ. — ОТКУПНАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНІЯ И ФИНАНСОВЪ. — ПЕРВЫЙ ПОХОДЪ ТУРОКЪ ВЪ ЛИВАНЪ. — СЕМЕЙСТВА МААНОВЪ И ШАГАБОВЪ. — ПРИКЛЮЧЕНІЯ ФАХРЪ-ЭДДИНА. — ЕГО ВЛАДЕНІЯ, ЕГО ВЛІЯНІЕ И ЗАМЫСЛЫ. — РАСПРЕДѢЛЕНІЕ ПАШАЛЫКОВЪ. — ПРЕЕМНИКИ ФАХРЪ-ЭДДИНА. — БОРЬБА АРАБСКАГО ЭЛЕМЕНТА СЪ ТУРЕЦКИМЪ.

Десятивѣковое владычество западныхъ народовъ, Грековъ и Римлянъ, мало оставило по себѣ слѣдовъ въ моральномъ и гражданскомъ быту Сиріи. Во второй половинѣ VII вѣка арабское завоеваніе быстро придало краю то внутренное устройство, тѣ политическіе нравы, которые и понынѣ сохраняются въ немъ, не смотря на послѣдовавшія за тѣмъ нашествія и завое-

ванія. Для успѣшнаго водворенія народнаго своего элемента Арабы, по сказанію христіанскихъ лѣтописей Сиріи, отрѣзывали языки у матерей семействъ, чтобы новое поколѣніе не расло подъ вліяніемъ звуковъ греческаго языка, преобладавшаго дотолѣ въ городахъ. Завоеваніе сопряженное съ духовною проповѣдію всегда и вездѣ безпощадно. Тоже средство употребили въ XV столѣтіи Турки во внутренности Малой Азіи. Здѣсь и тамъ не устоялъ элленическій элементъ, который почитался у завоевателей надежнѣйшею опорою религіи; языкъ греческій совершенно искоренился, но христіанство устояло.

Арабское завоеваніе ввело въ Сирію то феодальное устройство, которое и понынѣ существуетъ. Предводители племенъ вышедшихъ изъ полуострова подъ знаменами Абу-Бекера и Омара на проповѣдь Корана, основали въ Сиріи отдѣльныя княжества, которыя платили дань халифамъ, но пользовались правомъ внутренняго управленія по мѣстному обычаю, подчиненнаго лишь духовному закону халифата. Въ организмѣ азіятскаго государства льгота эта соотвѣтствуетъ муниципальному праву, которое въ древности предоставлялось народамъ подвластнымъ Риму. Въ Сиріи водворялась впрочемъ и нѣкоторая централизація посредствомъ духовнаго закона, обработаннаго у мусульманъ именно въ этотъ первый періодъ развитія ихъ гражданственности, когда покорили они страну образованную, одаренную римскимъ законодательствомъ, и которая въ ту эпоху славилась своими училищами правовѣденія.*) Но эта государственная централизація не имѣла притязаній административныхъ, не нарушала

*) При Юстиніанѣ лучшею школою правовѣденія въ Имперіи почиталась Бейрутская.

мѣстныхъ правъ и обычаевъ, не касалась внутренняго быта племенъ. Гористая мѣстность благопріятствовала даже феодальному раздробленію обществъ. Въ десятивѣковой періодъ владычества Селевкидовъ, Римлянъ и Византійцевъ ни эллиническая цивилизація ни римское законодательство не могли изгладить разнохарактерность племенъ населявшихъ Сирію. Этотъ двоякій внѣшній элементъ превозмогалъ въ городахъ, коихъ народонаселеніе было греческое по происхожденію, или дѣлалось греческимъ по развитію въ немъ гражданственности. Сельскія племена, какъ горцы такъ и жители равнинъ, сохраняли свою народную физіономію, свои языки и обычаи и наслѣдственное свое раздробленіе. Арабское завоеваніе возстановило можно сказать арабскую народность, которая длилась въ сей странѣ отъ вѣковъ вѣтхозавѣтныхъ, и придало ей болѣе единства. Новая религія съ быстротою распространилась; и тотъ языкъ, на которомъ проповѣдывалась она, не замедлилъ вытѣснить изъ употребленія не только греческій языкъ, но и халдейскій и сирійскій и еврейскій, среди небольшихъ обществъ пребывшихъ вѣрными своему закону. Иначе нельзя пояснить видимое и понынѣ разительное сходство общественныхъ и семейныхъ нравовъ края съ библейскими его преданіями.

Коренное патріархальное управленіе кочевья аравійскаго послужило здѣсь основою феодальнаго права введеннаго завоевателями. Отъ развитія патріархальнаго начала въ совокупности съ правомъ феодальнымъ, необходимо примѣненнымъ къ осѣдлости, подъ вліяніемъ быстрыхъ успѣховъ халифата въ гражданственности, образовалось нынѣшнее политическое общество Сиріи; и по сему-то феодальное право, ограниченное взаимностію покровительства и услугъ, упрочилось въ ней. Право это было въ союзѣ съ правительственнымъ дес-

потизмомъ, который постоянно ему благопріятствовалъ до самой эпохи предпринятыхъ Махмудомъ II преобразованій въ оттоманской имперіи.

Въ продолженіе крестовыхъ походовъ западные народы довершали въ Сиріи феодальное свое воспитаніе, и здѣсь впервые западное феодальное право облеклось законодательными уставами. Но въ Сиріи введеное Арабами право, пребывая вѣрнымъ древнему своему началу, обрѣло сочувствіе народовъ и правительствъ, не нарушая ни личной свободы, ни права собственности, тогда какъ на Западѣ массы народныя обращались постепенно въ рабство, а земля дѣлалась собственностію бароновъ. Ни внутреннія боренія халифата, ни нашествія Сельджуковъ, Монголовъ, Крестоносцевъ, Мамлуковъ и Оттомановъ не коснулись политическаго начала введеннаго первыми халифами. Въ особенности замѣчательно, что тѣ самыя арабскія семейства, которыя первоначально были облечены владѣтельнымъ правомъ, сохранили свои удѣлы, и кромѣ крестоносцевъ, которые впрочемъ недолго устояли, ни одинъ изъ завоевателей не попытался замѣнить семейства эти своими единоплеменниками.

Такимъ образомъ арабская народность, хотя и лишилась политической своей самобытности вмѣстѣ съ халифатомъ, сохранила однако до нашихъ дней гражданскій свой элементъ, свое дворянство, и тотъ особенный обликъ, который получила она въ исходѣ VII вѣка.

Дворянство сирійское, шейхи и эмиры,*) отно-

---

*) Шейхъ собственно значитъ старецъ, староста. Есть шейхи, которые совершенно соотвѣтствуютъ нашимъ сельскимъ старостамъ. Есть также аристократическія семейства шейховъ коимъ это почетное титло наслѣдственно присвоено, вмѣстѣ съ политическими преимуществами съ нимъ сопряженными. Въ кочевыхъ арабскихъ племенахъ есть шейхи наслѣдственно управляющіе сотнями тысячь семействъ и выставляющіе въ полѣ цѣлыя арміи всадниковъ. Эмиръ собственно значитъ повелитель. Не должно смѣшивать эмировъ арабскихъ племенъ, у коихъ

сятъ свое происхожденіе къ самой глубокой древности. И нынѣ какъ и во времена библейскія генеалогія благоговѣйно сохраняется въ семъ краю. Есть семейства, которыя ведутъ свои родословныя отъ временъ магометовыхъ.

При взятіи Дамаска Абу-Обейдою полководцемъ Омаровымъ, палъ *мученикомъ священной войны*, по выраженію мусульманъ, Эмиръ-эль-Харесъ отъ племени Бени-Махзумъ изъ Хеджаса, родственникъ Магомета по женѣ, которая принадлежала къ владѣтельному племени Бени-Корейшъ. Сыну мученика пожалована въ удѣлъ, по повелѣнію халифа Омаръ-эль-Хитаба, богатая сирійская область *Гауранъ*. Тамъ управляли его потомки около пяти вѣковъ при Аббассидахъ и въ эпоху крестоносцевъ. Отъ имени главнаго своего города Шихба приняли они фамильное прозваніе *Шагабъ*. Въ 568 году эгиры голодъ свирѣпствовавшій въ Гауранѣ принудилъ Шагабовъ выступить съ своимъ племенемъ и 15-ти тысячнымъ ополченіемъ на завоеваніе сосѣдней области *Вади-эль-тимъ* (Антиливана) гдѣ властвовалъ крестовый воинъ, именуемый въ арабскихъ лѣтописяхъ *Контура* вѣроятно графъ Тирскій Comte de Tyr. Шагабы разбили крестоносцевъ, и, въ награду за представленныя ими султану Нуреддину 500 отрубленныхъ головъ непріятельскихъ, получили въ удѣлъ Антиливанъ. Здѣсь основали они живописную свою столицу *Хасбею* на южномъ скатѣ горъ, и выстроили тотъ великолѣпный замокъ, котораго небольшая часть, сохранившаяся доселѣ, предсталяетъ лучшій во всей Сиріи образецъ арабскаго зодчества.

титло это есть самое почетное и принадлежитъ немногимъ только семействамъ весьма древняго рода, съ тѣми эмирами, потомками пророка, которыя входятъ въ составъ турецкой черни. Званіе шейховъ и эмировъ арабскаго феодализма можно во многихъ отношеніяхъ сравнить съ баронами и герцогами (Duces) среднихъ вѣковъ Европы.

Въ это время племена ливанскія и долина бальбекская (древняя Кили-Сирія) управлялись эмирами семействъ Танухъ, Джемаль-эддинъ, Аламъ-эддинъ и Маанъ, кои вели свои родословныя отъ древнихъ арабскихъ племенъ Іеменя и Хеджаса. Не задолго предъ тѣмъ изгнанные изъ Египта послѣдователи новой религіи, порожденной оргіями египетскаго халифата, укрылись въ ливанскія горы, и вмѣстѣ съ другими раскольниками мухаммеданства бѣжавшими изъ Месопотаміи, составили на Ливанѣ независимое племя Друзовъ. При самомъ началѣ политическаго своего существованія племя это появляется раздѣленнымъ на двѣ партіи *Іемени и Кейсси.* Куда ни распространились арабскія племена въ періодъ преизбытка политической ихъ жизни, отъ атлантическаго океана до Индуса, вездѣ сберегли они, какъ-бы завѣтнымъ преданіемъ древней родины, свою вѣковую семейную вражду между партіями Іемени и Кейсси, отъ стариннаго соперничества между жителями Іеменя и Хеджаса на аравійскомъ полуостровѣ. Семейства Танухъ, Джемаль-эддинъ, Аламъ-эддинъ были Іемени. Эмиры Маанъ почитались главами противной партіи Кейсси. Они были обрадованы прибытіемъ новыхъ союзниковъ въ сосѣдній Антиливанъ; ибо Шагабы, по своему происхожденію изъ Хеджаса, принадлежали къ партіи Кейсси. Мааны изъ своихъ родословныхъ открыли старинныя связи и родство своего дома съ предками Шагабовъ въ Аравіи. Родственныя связи возобновились между двумя семействами, подкрѣпили политическій союзъ, неразрывно существовавшій около шести вѣковъ, среди борьбы двухъ партій народныхъ, а за тѣмъ узаконили переходъ къ Шагабамъ наслѣдія Маановъ, по прекращеніи рода послѣднихъ въ началѣ прошлаго вѣка. Въ XII и XIII вѣкахъ они заодно приняли дѣятельное участіе въ

борьбѣ съ крестоносцами; а по совершенномъ ихъ изгнаніи продолжали составлять конфедераціи съ другими владѣтельными эмирами, вести мелочныя войны и распространять свое вліяніе на другія области Сиріи, признававшей тогда надъ собою власть султановъ египетскихъ. Въ оба нашествія Монголовъ, при свирѣпомъ Голаку, сынѣ Чингисхановомъ, и при Тимурленкѣ, Шагабы, коихъ антиливанское княжество, по сосѣдству Дамаска, было покорено и разорено дикими завоевателями, искали убѣжища на горѣ Ливанѣ, въ неприступномъ округѣ Шуфѣ, гдѣ устояли эмиры Мааны.

При завоеваніи Сиріи Турками (въ 1516 году по Р. Х.) и по разбитіи султаномъ Селимомъ алепскихъ эмировъ и войска египетскаго, эмиры южнаго Ливана и Антиливана, между коими особенно славился Фахръ-эддинъ Маанъ, основатель величія Друзовъ, перешли на сторону побѣдителя, помогли ему своимъ оружіемъ, и были имъ утверждены въ своихъ наслѣдственныхъ удѣлахъ. Владѣтели сѣверныхъ отраслей Ливана, эмиры Танухъ и Джемаль-эддинъ, по всегдашнему соперничеству съ своими сосѣдями, пребывали вѣрными египетскому правленію, а потому были принуждены спасаться бѣгствомъ отъ турецкаго нашествія. За тѣмъ округи Кесруанъ и Метенъ подчинились Фахръ-эддину, а въ Джибейлѣ и въ Бальбекѣ усилились и были признаны новымъ правительствомъ два владѣтельныя семейства — шейхи Бени-Хамади и эмиры Харфушъ, оба Мотуали *) изъ-за-Евфрата.

Сиріею стали управлять турецкіе паши. Но, можно сказать, немногіе только города сирійскіе и окрестности ихъ пребывали подъ непосредственнымъ турецкимъ

*) Мотуаліями называются въ Сиріи мугаммедане Аліевой секты. О нихъ будемъ говорить въ этнографической запискѣ приложенной къ сей книгѣ.

управленіемъ. Остальная страна, и въ особенности гористые округи, оставались во владѣніи наслѣдственныхъ своихъ эмировъ и шейховъ, которые по прежнему заключали конфедераціи между собою, выступали въ походъ съ своими ополченіями, вели другъ съ другомъ войну не спрашиваясь у пашей, или даже по навѣту пашей, по временамъ бунтовались, по временамъ бывали утверждаемы въ своихъ правахъ непосредственно отъ Дивана константинопольскаго, на перекоръ пашамъ и въ предупрежденіе бунта пашей. Финансовая система вполнѣ соотвѣтствовала такому политическому началу. Паша обязывался взносить въ Порту опредѣленную сумму подати, коею былъ обложенъ его пашалыкъ: въ замѣнъ были ему сполна предоставлены доходы области, изъ коихъ онъ содержалъ свой дворъ и свое войско. Каждый изъ подвѣдомственныхъ ему округовъ былъ въ свою очередь обложенъ суммою соотвѣтственною или средствамъ того округа, или степени вліянія паши на его народонаселеніе и на его дворянство. Подать взносимая въ Порту отъ пашалыка оставалась неизмѣнною; но суммы взимаемыя пашами съ областей измѣнялись съ обстоятелствами, со степенью большаго или меньшаго могущества или съ капризами пашей. Непосредственное ихъ дѣйствіе, неограниченное никакимъ закономъ, замѣняло всѣ многосложныя постановленія о податяхъ и сборахъ. Подать ежегодно взималась съ народа въ видѣ военной контрибуціи. Паша заботился лишь о томъ, чтобы лица или семейства, кои на феодальномъ правѣ наслѣдственно управляли округами, имѣли столько мѣстнаго вліянія и матеріальныхъ средствъ, сколько было нужно для исправнаго взноса подати; а вмѣстѣ съ тѣмъ внимательно наблюдалъ чтобы это вліяніе и эти средства не повели бы къ отказу въ уплатѣ подати пашѣ, къ открытой съ

нимъ войнѣ. Система простая — основанная на законахъ равновѣсія и сопротивленія. Точно также паша отягощалъ налогами подвластные ему округи по мѣрѣ того, сколько могли они снести, не выходя изъ повиновенія. Мѣстный владѣлецъ въ свою очередь взималъ съ народа отъ имени паши въ той же самой мѣрѣ. Жалобы на этихъ владѣльцевъ пашамъ, или на пашей въ Порту, были почти безполезны и слишкомъ опасны въ такой странѣ, гдѣ жизнь подданнаго вполнѣ предоставлена произволу мѣстной власти. Единственный судъ, единственное разбирательство между управляемыми и правителями, состоялъ въ оружіи и въ бунтѣ, коими рѣшалась судьба тѣхъ или другихъ.

Порта съ своей стороны соблюдала тоже правило относительно своихъ пашей; однихъ смѣняла за слабость управленія, когда они не были въ состояніи исправно платить положенную сумму; другихъ за то, что успѣвали пріобрѣсти слишкомъ большое вліяніе, особенно въ отдаленныхъ пашалыкахъ, и грозили бунтомъ. Иногда должна была открыто вести съ ними войну, или терпѣть явное неповиновеніе ихъ, которое, по существующему издревле на Востокѣ обычаю, и тогда даже когда доходитъ до бунта, все таки облекается формами рабскаго почитанія. Иногда она тайно вооружала однаго опаснаго вассала противу другаго, обѣщая каждому изъ нихъ наслѣдіе соперника, чтобы обоихъ погубить своевременно.

Замѣчанія эти необходимы для поясненія происшествій, коихъ Сирія служила театромъ до сего времени, и которыя отзываются въ нынѣшнемъ состояніи края.

Въ силу такого политическаго и финансоваго управленія племена отдавались на откупъ, въ буквальномъ значеніи сего слова, пашамъ, эмирамъ и шейхамъ. Права политическія, коими были облечены паши, эми-

ры и шейхи, служили какъ бы въ придачу и въ обезпеченіе права денежныхъ поборовъ. Необходимымъ послѣдствіемъ этой системы было совершенное развращеніе владѣтельныхъ домовъ. Козни и братоубійства въ семействахъ аристократическихъ вошли въ общественные нравы; ими наполнены сирійскія лѣтописи; бываютъ подобные примѣры и въ наше время, и никого не приводятъ въ удивленіе. Эта система управленія цѣлые три вѣка съ половиною служила къ упроченію феодальнаго права и арабской народности, противу коихъ такъ суетливо подвизается теперь турецкое правительство.

Эмиры ливанскіе не замедлили навлечь на себя гнѣвъ Порты. Пашѣ египетскому было поручено казнить мятежныхъ горцевъ. Безъ труда занялъ онъ горы своимъ войскомъ; ибо эмиры Джемаль-эддинъ и потомки прежнихъ владельцевъ Танухъ, вѣрные наслѣдственной враждѣ партіи Іемени къ преемникамъ Фахръ-эддина, которые за одно съ Шагабали придерживались партіи Кейсси, присоединились къ Туркамъ для сверженія соперниковъ. По удаленіи Турокъ, которые взяли съ горцевъ контрибуцію и внушили имъ болѣе повиновенія къ пашамъ, Мааны не замѣдлили возстановить прежнее свое вліяніе, особенно при Фахръ-эддинѣ второмъ, внукѣ того о которомъ выше упомянуто. Наѣзды удалаго эмира на сосѣдственные округи были наказаны Хафизъ-Пашею Дамасскимъ, который по повеленію Порты съ четырнадцатью другими пашами выступилъ въ походъ противъ него, и при содѣйствіи его соперниковъ опустошилъ Ливанъ. Чтобы укрыться отъ гнѣва паши эмиръ отправился путешествовать въ Италію, и ввѣрилъ правленіе младшему своему брату эмиру Юнесу. Этотъ намѣстникъ для смягченія пашей отправилъ къ нимъ собственную мать съ богатыми дарами и полумилліономъ піастровъ

(піастръ тогда равнялся нашему серебренному рублю). Эмиры антиливанскіе, хотя сами постоянно пользовались покровительствомъ Мааповъ и прибѣгали къ нимъ то для защиты отъ крамолы турецкой, то для примиренія съ своими ближними, не приняли однако никакого участія въ этой двукратной бѣдѣ Маановъ, бывъ единственно заняты собственными происками у пашей, братъ противу брата, и стараясь единственно угодить своимъ капризнымъ повелителямъ. Такими происками удалось одному изъ братьевъ Шагабовъ, эмиру Ахмету, вооружить Хафизъ-пашу на другаго брата эмира Алія, который управлялъ Антиливаномъ. Общая опала повела къ союзу между Аліемъ и Юнесомъ. Турки были сперва разбиты союзными эмирами; затѣмъ однако отомстили они разореніемъ Деръ-эль-Камара, столицы Маановъ, и Хасбеи, столицы Шагабовъ, съ множествомъ другихъ городовъ на Ливанѣ и на Антиливанѣ. Опальные эмиры спасались тогда въ *Баньясѣ*,*) у истоковъ Іордана. Едва успѣли Турки покинуть Ливанъ, едва успѣли эмиры возвратиться во свояси, вскипѣло въ горахъ кровавое междоусобіе старыхъ партій Іемени и Кейсси. — Цѣлый годъ дрались съ звѣрскимъ остервененіемъ. Утомленный эмиръ Юнесъ передалъ правленіе своему племяннику, молодому сыну Фахръ-эддина. Вскорѣ за тѣмъ Хафизъ-паша дамасскій, бичь Ливана, былъ смѣненъ; тогда возвратился изъ своего путешествія Фахръ-эддинъ. Около пяти лѣтъ провелъ онъ въ Италіи, гдѣ появленіе владѣтельнаго князя неизвѣстнаго еще племени Друзовъ возбудило любопытство Европы. Флорентійскій дворъ сдѣлалъ ему лестный пріемъ. Распространилось на западѣ сказаніе, будто Друзы — заблудшіе въ горахъ ливанскихъ потомки крестоносцевъ. Самое имя Друзовъ стали производить отъ

*) Древній Панеасъ.

какого-то графа Dreux. Фахръ-эддинъ вѣроятно самъ подтверждалъ эту басню, которая дѣлала его предметомъ всеобщаго участія и благосклоннаго вниманія на Западѣ.

По возвращеніи своемъ изъ Европы эмиръ не замедлилъ устроить вновь свои правительственныя дѣла и придать новый блескъ своему роду и племени. Бѣдствія постигшія Ливанъ въ его отсутствіе, усугубили народное довѣріе къ эмиру. Это самая блистательная эпоха Друзовъ. Вся страна отъ сѣверныхъ отраслей Ливана, отъ высотъ *Джебетъ-Бшари* и *Аккьара*, отъ верьховій Оронта по берегу моря до Кармила, съ плодоносною долиною Бальбека, съ приморскими городами *Батрумомъ* (Вотрисомъ древнихъ Грековъ) *Джибейлемъ* (древнимъ Вивлосомъ) *Бейрутомъ*, *Саидою* и *Суромъ* (Виритомъ, Сидономъ и Тиромъ) *Аккою* *) (Сенъ-жанъ д'Акръ, древняя Птолемаида), а на Востокъ до верховій Іордана, до Саффета и Табаріи (Тиверіады) — вся эта богатая и живописная страна, съ воинственными своими племенами, признавала его власть. Эмиры антиливанскіе искали его покровительства; турецкіе паши его боялись и оставляли его въ покоѣ.

Въ это время Сирія была раздѣлена собственно на три пашалыка: 1-е, *Алепскій* въ коемъ заключались эдесское и антіохійское княжества крестоносцевъ, и берегъ Скандеруна, по близости коего безвѣстно укрылась бѣдная деревушка Суэдія, у устьевъ Оронта, будто надгробный памятникъ знаменитой въ древности

---

*) Мы сохраняемъ этому городу арабское его нынѣшнее наименованіе Акка, вмѣсто общепринятаго на Западѣ названія Акры, или Сенъ-Жанъ д'Акры, по воспоминаніямъ крестовыхъ походовъ. Замѣчательно что нынѣшнее арабское наименованіе Акки принадлежитъ самой глубокой древности, и пережило данное этому городу Греками имя Птолемаиды. См. Страбонъ кн. XVI § 25.

Селевкіи. 2-е, *Триполійскій*, вдоль берега отъ Латтакіи (древней Лаодикеи) до предѣловъ ливанскаго княжества. 3-е, *Дамасскій* коему были подвѣдомы всѣ юговосточныя страны до Ефрата и до суэцскаго перешеека. Палестина, входя въ составъ дамасскаго пашалыка, составила особенный санджакъ подъ управленіемъ двухбунчужнаго паши. Въ послѣдствіи прибережная ея полоса вступила въ составъ сайдскаго пашалыка, учрежденнаго въ слѣдующемъ столѣтіи изъ береговыхъ округовъ отъ Сайды до египетской границы, а городъ Іерусалимъ, какъ одинъ изъ четырехъ священныхъ городовъ Ислама, остался въ вѣденіи дамасскаго паши.

Только въ сѣверной части Сиріи въ пашалыкѣ алепскомъ, успѣло турецкое правительство водворить свои обычаи, свою военную систему, янычаръ и феодальныхъ спахіевъ и тимаріотовъ, коими были замѣнены арабскіе эмиры. Въ остальной Сиріи Туркамъ не удавалось преодолѣть туземнаго элемента. Гора Кельбіе, древній Кассіонъ, была населена бѣднымъ и мирнымъ племенемъ Ансаріевъ, о которыхъ и по нынѣ правительство не имѣетъ другой заботы, какъ развѣ собирать съ нихъ ежегодно подати. Округи прилежащіе къ сѣвернымъ отраслямъ Ливана управлялись наслѣдственно эмирами Сиффа, мусульманами; округи Джибейль и Бальбекъ — шейхами Хамади и эмирами Харфушъ, Мотуаліями. И племена эти и владѣтельныя семейства, по собственному движенію, признавали надъ собою власть Фахръ-эддина и домогались его покровительства отъ козней, поборовъ и насилій турецкихъ пашей. Племя Маронитовъ сосредоточивалось въ гористомъ *Кесруанѣ* подъ патріархальнымъ управленіемъ единовѣрныхъ ему шейховъ изъ домовъ Хазенъ и Хбешъ. Въ живописномъ Метенѣ обитали въ совокупности православные Арабы и Друзы, подъ управленіемъ древнихъ

и могущественныхъ шейховъ *Булема*, родомъ Друзовъ. Оба эти округа были въ непосредственномъ владѣніи эмира ливанскаго, но сохраняли свои феодальныя льготы. За тѣмъ южный Ливанъ, отъ Бейрута до Сайды, извѣстный подъ общимъ именемъ *Шуфъ*, въ разныхъ округахъ коегдѣ были мѣстные шейхи, почитался какъ бы наслѣдственнымъ удѣломъ эмировъ, вмѣстѣ съ городами Бейрутомъ и Сайдою. Племена Мотуаліевъ занимавшія окрестности Сайды и городокъ Суръ, равно и осѣдлыя племена смѣшанныя съ Бедуинами въ верьховьяхъ Іордана, за Іорданомъ, на горѣ *Аджелунъ*, и въ Гауранѣ, не имѣя могущественныхъ шейховъ изъ туземцевъ, охотно подчинялись предпріимчивому эмиру, и находили въ немъ опору отъ притѣсненій, коими тяготѣли надъ Сиріею паши, и расправу въ возникающихъ между ними раздорахъ. Со всѣхъ этихъ племенъ, ему подвластныхъ или состоявшихъ подъ его покровительствомъ, эмиръ собиралъ дань и поднималъ ополченія, предоставляя впрочемъ каждому изъ нихъ управляться наслѣдственными своими шейхами и эмирами. Симъ еще болѣе упрочивалось и развивалось по всѣмъ направленіямъ феодальное устройство края, преимущественно укоренившееся при Фахръ-эддинѣ.

Фахръ-эддинъ украсилъ свою столицу Бейрутъ и выстроилъ башни и замки; онъ укрѣпилъ портъ для защиты торговли отъ Мальтійскихъ галеръ, и самъ содержалъ небольшую флотилію. Развалины Фахръ-эддинова дворца съ садами, банями и звѣринцомъ, по нынѣ свидѣтельствуютъ о великолѣпіи эмира, который промѣнялъ въ Италіи простые патріархальные обычаи своего края на роскошь двора Медичи. Но лучшимъ памятникомъ Фахръ-эддинова управленія остался въ Бейрутѣ живописный еловый лѣсъ, имъ насажденный для охраненія садовъ и плантацій отъ набѣга морскихъ

песковъ. И нынѣ продолжается въ Сиріи эта упорная борьба земледѣлія съ пустынею, аллегорически выраженная у древнихъ Египтянъ и у Грековъ вѣчною войною Озириса съ Тифономъ. Въ трудолюбивомъ Египтѣ Озирисъ, при содѣйствіи божества Нила, сразилъ враждебнаго Тифона, загналъ его въ Эѳіопію, и оплодотворилъ освобожденную отъ губительнихъ его набѣговъ почву. Но въ Сиріи при постоянной убыли народонаселенія, при политическомъ неустройствѣ края и при безпечности правительства, опустошительные набѣги Тифона одолѣваютъ съ каждымъ годомъ, и болѣе и болѣе затѣсняютъ эту благословенную природою полосу, простирающуюся подъ роскошнымъ покрываломъ своихъ жатвъ промежъ двойной пустыни песковъ и моря. Засуха великой пустыни съѣдаетъ по немногу плодоносную почву съ восточной стороны Сиріи, а съ береговой стороны море накопляетъ подвижныя громады песковъ, переносимыхъ вѣроятно вѣтрами изъ ливійской пустыни въ море, и выбрасываемыхъ волнами въ Сирію.*)

---

*) Явленіе это особенно поражаетъ взоры въ Сурѣ и въ Бейрутѣ. Извѣстно, что Суръ, древній Тиръ, былъ нѣкогда островомъ. Александръ плотиною присоединилъ его къ материку чтобы дать приступъ. Плотина эта пресѣкла теченіе водъ вдоль берега, и отъ происшедшаго такимъ образомъ накопленія песковъ, образовался современемъ, на мѣсто узкой плотины, широкій перешеекъ, на которомъ песокъ замѣтно нарастаетъ при продолжительныхъ юго-западныхъ вѣтрахъ, и уже поднялся выше нынѣшней крѣпостной стѣны; порою даже чрезъ нее втекаетъ въ городъ. Жители собираются тогда съ лопатами и съ корзинами чтобы отстоять свой городъ отъ этого страшнаго приступа, завѣщаннаго македонскимъ завоевателемъ опальному городу.

Въ Бейрутѣ самое образованіе берега, выступающаго мысомъ далеко въ море, причиняетъ тоже явленіе. Пески покрыли уже всю южную полосу этого мыса на огромное пространство, и глубоко погребли множество садовъ и плантацій и даже дома въ два этажа, коихъ мѣстоположеніе еще помнятъ старики. Въ восьмилѣтній періодъ моего

На Антиливанѣ Шагабы, по наслѣдственному въ ихъ родѣ обычаю, продолжали семейныя крамолы. При Фахръ-эддинѣ, благодаря вліянію его на всѣ сосѣдственные округи, они стали обращаться съ своими жалобами къ нему, а уже не къ пашѣ дамасскому, который, по основному правилу политики оттомманской, не преминулъ бы погубить одного изъ братьевъ другимъ, и ослабить партіи обоихъ. Фахръ-эддинъ, для примиренія своихъ родственниковъ, раздѣлилъ между ними Антиливанъ на два участка: одному изъ братьевъ онъ далъ Хасбею или нижній Антиливанъ (Вади-эль-тимъ-тахтани), а другому Рашею или верхній Антиливанъ (Вади-эль-тимъ-фокани). Раздѣленіе это и понынѣ еще существуетъ между двумя отраслями Шагабовъ; но семейныя козни и братоубійства и понынѣ еще продолжаются въ каждой изъ сихъ отраслей.

При общемъ мирѣ, при мудромъ правленіи быстро возрастало благоденствіе племенъ подвластныхъ Фахръ-эддину, и вліяніе его усиливалось и распространялось по всей Сиріи. Онъ былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ воинственными племенами Наплуза и іудейскихъ горъ, съ кочевьями пустыни, съ Друзами алепскихъ горъ, съ Ансаріями. *) Какъ представитель туземнаго феодальнаго элемента онъ легко могъ сдѣлаться главою общей конфедераціи воинственныхъ племенъ Сиріи, и

пребыванія въ Бейрутѣ пески эти подвинулись впередъ на десять слишкомъ сажень среди богатѣйшихъ плантацій. Ни что вѣрнѣе не изобразитъ врожденной безпечности Азіятца и Азіятскихъ правительствъ, какъ это совершенное равнодушіе, съ которымъ всякъ взираетъ на неминуемую опасность, не принимая никакихъ мѣръ для охраненія своихъ помѣстій. Паши турецкіе, въ непосредственномъ управленіи коихъ состоитъ нынѣ Бейрутъ, отнятый Портою отъ горцевъ, нисколько не думаютъ пособить бѣдѣ, а единственное средство есть насажденіе еловаго лѣса по примѣру геніальнаго горца Фахръ-эддина.

*) Объ Ансаріяхъ будетъ говорено въ этнографической запискѣ.

ниспровергнуть оттоманское владычество, слишкомъ поспѣшно привитое Селимомъ къ древу арабской народности, еще исполненному въ ту эпоху жизненныхъ силъ, хотя и подавленному геніемъ завоевателя, которому въ оттоманскихъ хроникахъ присвоено названіе Грознаго (Яузъ). Дѣла Сиріи стали внушать основательныя опасенія Портѣ. Обычными происками (въ 1033 году эгиры) Дамаскій паша поднялъ на Фахръ-эддина эмировъ Харфушъ и Сиффа, и самъ выступилъ съ войскомъ. Онъ былъ разбитъ на-голову и попался въ плѣнъ. Эмиръ оказалъ великія почести своему плѣннику, успѣлъ заключить съ нимъ выгодный миръ и даже пріобрѣсти его дружбу. Но чрезъ пять лѣтъ Порта рѣшила низложеніе могущественнаго вассала. При султанѣ Мурадѣ Великій визиръ Халиль-паша съ арміею вступилъ въ Сирію чрезъ Алеппъ, а Капитанъ-паша Джаффаръ съ флотомъ показался у береговъ. Нѣкоторые изъ вассаловъ Фахръ-эддина передались Туркамъ. Сынъ его эмиръ Али одержалъ безполезныя побѣды и погибъ въ сраженіи; другіе искали спасенія въ бѣгствѣ, и самъ эмиръ былъ осажденъ Турками въ своемъ неприступномъ замкѣ на скалахъ Ливанскихъ. Голодъ принудилъ его искать другаго убѣжища. Онъ укрылся съ своимъ семействомъ въ пещерѣ висячей надъ пропастями гористаго Джеззина. Ахметъ-Кючукъ-паша, который травилъ какъ звѣря несчастнаго эмира по ущельямъ Ливанскимъ, открылъ его слѣды, и видя что не было возможности приступить къ отверстію пещеры, прорылъ ее сверху, и такимъ образомъ взялъ эмира въ плѣнъ и отвелъ его къ Великому визирю. Онъ былъ немедлено отправленъ въ Константинополь. Изъ его дѣтей одни достались въ плѣнъ Туркамъ, другіе были умерщвлены. Турки поставили тогда владѣтелемъ Ливана эмира Алія Аламъ-эддина изъ партіи Іемени,

въ надеждѣ тѣмъ совершенно разрушить вліяніе Кейсіевъ, сосредоточенное въ домѣ Маановъ. Но, едва удалилось турецкое войско, эмиръ Мельхемъ Маанъ, племянникъ Фахръ-эддиновъ, спасшійся отъ плѣна турецкаго, при содѣйствіи своихъ приверженцевъ, безъ труда согналъ съ горъ Аламъ-эддина. Это стоило жизни Фахръ-эддину и всѣмъ членамъ его семейства отведеннымъ въ Константинополь. Сперва они тамъ были хорошо приняты и помилованы; но при извѣстіи о новыхъ смутахъ на Ливанѣ, они были казнены, за исключеніемъ малолѣтняго эмира Хуссейна, спасеннаго по ходатайству визиря.

Въ послѣдствіи Порта заблагоразсудила признать эмира Мельхема владѣтелемъ Ливана. Она достигла своей цѣли; нанесла семейству Маанъ роковой ударъ, отъ котораго оно никогда уже не успѣло оправиться, и оставила преемнику ровно столько вліянія сколько нужно было, чтобы управлять краемъ и бороться съ другими вассалами, даже съ пашами, но не имѣть рѣшительнаго перевѣса надъ ними.

При Мельхемѣ и при его дѣтяхъ Ахметѣ и Коркомазѣ, которые вмѣстѣ правили Ливаномъ, никогда непрекращались междоусобія и распри между партіями Кейсси и Іемени, какъ здѣсь такъ и на Антиливанѣ. Паши Дамаскіе попеременно продавали то тѣмъ то другимъ свое покровительство, и надбавляли ежегодную подать. Въ послѣдствіи они даже успѣли совершенно изгнать изъ Ливана и Антиливана оба владѣтельныя семейства Маановъ и Шагабовъ, которые около десяти лѣтъ укрывались въ пещерахъ Кесруана, или скитались въ горахъ Алепскаго пашалыка. Іемени торжествовали. Среди этихъ тревогъ города Сайда, Суръ и Бейрутъ были конфискованы Портою отъ Ливанскаго княжества, и первый изъ нихъ сдѣлался мѣсто-

пребыванiемъ новаго паши, поставленнаго Портою надъ прибережными округами для ближайшаго надзора за Ливаномъ. Рядъ знаменитыхъ визировъ Кюпурли усиливалъ тогда правительственную власть во всей имперiи. Ахметъ-паша Дамаскiй самъ принадлежалъ къ этому семейству, и успѣшно дѣйствовалъ въ Сирiи къ упроченiю турецкаго владычества. Но смуты не прекращались на Ливанѣ. Турки упорно преслѣдовали родъ Фахръ-эддина. Сайдскому пашѣ удалось завлечь въ свои сѣти эмира Коркомаза, и измѣнически его умертвить. Братъ его Ахметъ спасся израненный, и еще года два скрывался въ Кесруанѣ. Его соперники, при всемъ покровительствѣ пашей, не успѣвали ни любви Ливанскихъ племенъ прiобрѣсти, ни утвердить за собою власти. Кейсси возстали массою, и призвали своего эмира. Многочисленныя ополченiя двухъ враждебныхъ партiй встрѣтились въ равнинѣ Бейрутской. Кровопролитная битва, въ которой Iемени были разбиты и лишились своихъ вождей, доставила эмиру Ахмету княжество Ливанское вопреки ковнямъ пашей. Его торжество отозвалось и на Антиливанѣ, куда не замедлили водвориться вновь Шагабы.

При всѣхъ этихъ бѣдствiяхъ разрушавшихъ мало по малу зданiе воздвигнутое Фахръ-эддиномъ, достойна примѣчанiя прочность мѣстныхъ элементовъ, на коихъ оно было основано. Оно находило надежнѣйшую опору въ феодальномъ организмѣ края, и, какъ только стихала буря, едва эмиръ отдыхалъ отъ гоненiй, всѣ окрестныя племена охотно подчинялись его влiянiю. Лѣтописи Ливанскiя упоминаютъ о томъ, что въ 1091 году эгиры владѣльцы Бальбека эмиры Харфушъ являлись въ Деръэль-Камаръ для суда съ Шагабами у эмира Ахмета, и по его рѣшенiю соглашались платить дань Шагабамъ.

Нѣсколько лѣтъ спустя паша Триполiйскiй, желая

наказать Мотуаліевъ въ Джибейлѣ, поручилъ эмиру Ливанскому итти на нихъ войною. Турки, какъ и понынѣ, находили въ народныхъ и въ семейныхъ распряхъ, свойственныхъ феодальному правленію, вѣрнѣйшее средство для обузданія однихъ другими. При помощи Мотуаліевъ они не одинъ разъ казнили Друзовъ; была пора вооружить Друзовъ на Мотуаліевъ. Но мысль о конфедераціи Сирійскихъ племенъ для противудѣйствія кознямъ турецкимъ, по примѣру Фахръ-эддина, заставила эмира Ливанскаго отклонить предложеніе паши, коего войско было разбито Мотуаліями. Въ донесеніяхъ своихъ Портѣ паша приписалъ это интригамъ эмира, и призвалъ опять на Маановъ опалу Дивана. Эмиръ опять бѣжалъ, и опять паши поставили княземъ на Ливанѣ эмира изъ дома Аламъ-эддинова. Едва турецкое войско выступило изъ горъ, Кейсси изгнали враждебную партію и призвали своего эмира, а паша Сайдскій исходатайствовалъ ему прощеніе у Порты.

Такимъ образомъ вліяніе турецкое попеременно колебалось въ Сиріи, среди всѣхъ попытокъ къ возрожденію туземнаго элемента. Единственною опорою Турокъ было феодальное раздробленіе Сирійскихъ племенъ и взаимныя ихъ ненависти. Правительство нуждалось въ туземцахъ способныхъ обуздывать анархическіе навыки Сиріи, и не могло помышлять о томъ чтобы непосредственно управлять краемъ. Искусный намѣстникъ Султана обращалъ подобныхъ людей въ орудіе своей политики, казнилъ ихъ и миловалъ по произволу. Какъ только возникалъ геній способный и обуздать народныя страсти и устоять противъ насилій и козней турецкихъ, Сирія очевидно стремилась къ сверженію турецкаго владычества. Но была-ли способна Сирія управиться сама собою, могла ли она обойтись безъ Турокъ, или вѣрнѣе сказать безъ властелиновъ иноплеменныхъ?

Судьба Фахръ-эддина въ XVII столѣтіи, а въ XVIII судьба Дагеръ-эль-Омара, заставляютъ въ томъ сомнѣваться. Посреди всѣхъ этихъ кризисовъ, въ продолженіе трехвѣковаго владычества, которое можно по справедливости назвать вялою трехвѣковою борьбою дряхлаго элемента арабскаго съ турецкимъ элементомъ, преждевременно истощеннымъ въ разливѣ несоразмѣрномъ жизненнымъ его силамъ, нельзя не замѣтить постепеннаго ослабленія и развращенія арабской народности въ Сиріи, равно и постоянныхъ успѣховъ турецкой системы въ побореніи народностей, системы, которая служитъ единственнымъ залогомъ власти въ этомъ политическомъ хаосѣ именуемомъ турецкою имперіею.

Явленіе это длится до нашихъ дней. Тѣми-же средствами Турки домогаются и теперь политическаго успѣха въ Сиріи и въ областяхъ населенныхъ племенами славянскими, албанскими и греческими. Начиная съ XVII столѣтія сношенія ихъ съ Европою и примѣръ Венеціи и Австріи послужили къ усовершенствованію и утонченію тѣхъ коренныхъ правилъ, которыми искони руководствуется Турція въ отношеніи къ подвластнымъ племенамъ. По мѣрѣ ослабленія имперіи система эта дѣлается болѣе и болѣе необходимымъ, роковымъ условіемъ ея существованія, и принимаетъ каждый разъ внѣшній обликъ по соображенію съ обстоятельствами эпохи. Бытописанія Сиріи служатъ лучшимъ руководствомъ чтобы постигнуть смыслъ современныхъ намъ реформъ оттоманской имперіи.

ГЛАВА II.

ЭПОХА ШАГАБОВЪ НА ЛИВАНѢ. — ЭМИРЫ БЕШИРЪ И ХАЙДАРЪ. — ПАША ЛИВАНСКІЙ. — АЙНДАРСКАЯ БИТВА И ЕЯ ПОСЛѢДСТВІЯ. — НАЧАЛО ПАРТІЙ ІЕЗБЕКІЕВЪ И ДЖЕМБЛАТОВЪ. — ЭМИРЫ МЕЛЬХЕМЪ, МАНСУРЪ И АХМЕТЪ. — СЕМЕЙНЫЯ КОЗНИ. — ЭМИРЪ ЮСЕФЪ. — НАЧАЛО ВЛІЯНІЯ МАРОНИТОВЪ. — ВЕХХАБИТЫ ВЪ АРАВІИ И МАМЛУКИ ВЪ ЕГИПТѢ. — ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ ЭТИХЪ СТРАНЪ. — ДАГЕРЪ-ЭЛЬ-ОМАРЪ, ШЕЙХЪ ГАЛЛИЛЕЙСКІЙ. — ОСНОВАНІЕ АККИ. — КОНФЕДЕРАЦІЯ ПЛЕМЕНЪ. — ПОЛИТИКА ДИВАНА. — ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ. — ПЕРВЫЙ ПОХОДЪ МАМЛУКОВЪ. — ИЗМѢНА БЕКОВЪ. — ПОЯВЛЕНІЕ РУССКАГО ФЛОТА. — ДВУКРАТНОЕ ВЗЯТІЕ БЕЙРУТА РУССКИМИ. — АХМЕТЪ ДЖЕЗЗАРЪ. — СМЕРТЬ АЛИ-БЕКА. — ПЕРЕГОВОРЫ СЪ ПОРТОЮ. — ВТОРОЙ ПОХОДЪ МАМЛУКОВЪ. — СМЕРТЬ ДАГЕРА. — СУДЬБА ЕГО СЕМЕЙСТВА. — ПОМЫСЛЫ ДАГЕРА. — УСПѢХИ ТУРЕЦКАГО МОГУЩЕСТВА ВЪ СИРІИ.

Со смертію эмира Ахмета, въ 1109 году эгиры, домъ Маановъ пресѣкся. Сынъ Ахмета умеръ еще при жизни его, а дочь была въ замужествѣ за сыномъ Хасбейскаго владѣтельнаго эмира изъ дома Шагабовъ. Друзы, шейхи семи округовъ Шуфа, которымъ искони было присвоено право избирать владѣтельнаго эмира, составили сеймъ въ Деръ-эль-Камарѣ, и избрали въ Ливанскіе князья эмиръ-Бешира Рашейскаго, племянника съ материнской стороны послѣдняго Маана. Отъ брака, о коемъ выше упомянуто, былъ еще между Антиливанскими Шагабами внукъ Ахмета Маана, двѣ-

надцатилѣтній эмиръ Хайдаръ, которому, по прямой линіи принадлежало наслѣдство; но въ азіатскихъ племенахъ политическое наслѣдство на всегда принаровлено къ гражданскимъ законамъ о наслѣдіи имуществомъ. Избирается достоинѣйшій и способнѣйшій.*) Шейхи отрядили отъ себя депутацію въ Рашею просить эмиръ-Бешира править Ливаномъ. Такимъ образомъ Шагабы приняли наслѣдство Маановъ, и перенесли съ собою на Ливанъ давнишніе обычаи своего рода — семейныя крамолы, братоубійства, посѣяніе раздора въ подвластныхъ, для усиленія своей власти, козни и искательства у пашей, набавку подати, торги и переторжки для ниспроверженія соперниковъ. Этимъ обезпечены вящіе успѣхи турецкаго могущества въ Сиріи, а Шагабы сами себя обрекли судьбѣ, настигшей ихъ потомство въ наше время.

При извѣстіи о смерти эмиръ-Ахмета Сайдскій паша отрядилъ своихъ людей въ Деръ-эль-Камаръ для описи его имущества, и согласился на выборъ шейховъ, съ тѣмъ чтобы преемникъ, при поручительствѣ ихъ, обязался уплатить долги своего предмѣстника. Порта извѣщенная о прекращеніи строптиваго рода Маановъ, повелѣла быть преемникомъ эмиру Хайдару, внуку по-

---

*) Въ Оттоманской имперіи наслѣдство престола принадлежитъ не сыну царствующаго Султана, но старшему въ потомствѣ Османовомъ; а потому братъ предшествуетъ сыну, или дядя племяннику. Сему-то закону должно приписать братоубійства, коими наполнены сераль-скія хроники. Впрочемъ государственное право Турокъ подчинено коренному правилу Востока касательно личнаго достоинства и способностей преемника. Въ сообщеніи сдѣланномъ отъ Порты Европейскимъ посольствамъ, по смерти Султана Махмуда, о воцареніи сына его Абдулъ-Меджида, объяснено что Султанъ взошелъ на отцовскій престолъ *по праву наслѣдства и достоинства.* Въ духовномъ законѣ, на которомъ основана юриспруденція мусульманъ, необходимы для халифа, кромѣ правъ законнаго наслѣдства, пять условій: онъ долженъ быть мусульманиномъ, свободнымъ, мужчиною, разумнымъ, совершеннолѣтнимъ.

слѣдняго князя, а по-малолѣтству его признавала Бешира въ качествѣ опекуна и правителя. Это распоряженіе приписываютъ ходатайству того эмира Хуссеина сына Фахръ-эддинова, который еще въ дѣтствѣ былъ схваченъ Турками, помилованъ по ходатайству Великаго визиря отъ опалы настигшей весь его родъ, и остался въ службѣ султанской въ Константинополѣ. Доселѣ безвѣстно существуетъ тамъ его потомство.

Мы видѣли постоянныя усилія Маановъ къ устройству конфедераціи горскихъ племенъ Сиріи для обузданія пашей. Едва первый Шагабъ вступилъ въ Ливанъ, онъ сдѣлалъ въ угожденіе пашамъ опустошительный набѣгъ на племена Мотуаліевъ, которыя занимали южныя отлогости Ливана, Суръ и страну Саффетскую, схватилъ шейховъ и представилъ ихъ Русланъ-пашѣ, который въ награду ввѣрилъ ему управленіе Саффетской горы и округовъ прилежащихъ къ его владѣніямъ. Эміръ отрядилъ отъ себя правителемъ въ Саффетъ молодаго племянника Мансура, подъ руководствомъ опытнаго шейха изъ туземцевъ Омара Ибнъ-Абу-Зейдана, отца знаменитаго Дагера, о которомъ будемъ имѣть случай говорить впослѣдствіи. За тѣмъ эмиръ воспользовался раздоромъ Капланъ-паши Триполійскаго съ Мотуаліями Джибейля и Батруна, чтобы принять подъ свое вѣдѣніе и эти округи. Такимъ образомъ первому изъ Шагабовъ посчастливилось искательствомъ у пашей распространить свои владѣнія почти до тѣхъ границъ, коихъ достигъ Фахръ-эддинъ вліяніемъ своимъ на самыя племена. Мы не замедлимъ увидѣть пагубныя послѣдствія политики Шагабовъ, клонившейся только къ вящему вмѣшательству пашей во внутреннія дѣла Ливана.

Уже десять лѣтъ властвовалъ эмиръ-Беширъ, и не думалъ передать правленіе законному наслѣднику.

Однажды на пути въ Саффетъ онъ посѣтилъ родственниковъ своихъ въ Хасбеѣ, и пировалъ съ ними; а по прибытіи на мѣсто скоропостижно скончался отъ яда даннаго ему въ семейномъ пиру племянникомъ Хайдаромъ, который достигъ двадцатидвухлѣтняго возраста, и скучалъ на Антиливанѣ. По отравленіи дяди онъ поспѣшилъ въ Деръ-эль-Камаръ, былъ хорошо принятъ шейхами, и вступилъ въ управленіе.

При этомъ эмирѣ Саффетъ и южные округи отложились отъ Ливанскаго княжества. Дагеръ сынъ Омара былъ назначенъ правителемъ Саффета отъ Сайдскаго паши, и сохраняя дружескія сношенія съ эмиромъ Ливанскимъ, началъ распространять свое вліяніе на окружныя племена. Замѣчательнѣйшимъ происшествіемъ этого времени была послѣдняя борьба двухъ партій Іемени и Кейсси на Ливанѣ. Одинъ изъ вассаловъ эмира, шейхъ Махмудъ Абу-Хармушъ, изъ партіи Іеменіевъ, взбунтовался и убѣдилъ слабоумнаго пашу Сайдскаго ввести непосредственное турецкое управленіе въ Ливанскія горы. Паша представилъ о томъ Портѣ, а Порта, которая рѣдко имѣетъ другія свѣдѣнія объ областяхъ и племенахъ далекихъ пашалыковъ, кромѣ списковъ о налогахъ, повѣрила пашѣ, и назначила шейха Махмуда двухбунчужнымъ пашею на Ливанѣ. Эмиръ спасался въ Кесруанѣ. Новый паша, не довѣряя шейхамъ, вызвалъ изъ Дамаска потомство эмировъ Аламэддиновъ. Маронитскіе шейхи Кесруана, Хазены и Хбейши, враждовали тогда какъ и понынѣ между собою. Эмиръ Хайдаръ укрылся въ Газирѣ у Хбейшей: Хазены сдѣлали о томъ доносъ пашѣ, коего войско разорило этотъ городъ, а эмиръ былъ принужденъ укрыться на цѣлый годъ въ ущельяхъ снѣжнаго Санина, въ неприступной пещерѣ, названной въ народѣ пещерою *Ангела Смерти*.

Паша Ливанскій торжествовалъ, и женившись на дѣвицѣ изъ дома Аламъ-эддинова, сталъ уничижать шейховъ. Когда неудовольствіе созрѣло и сдѣлалось общимъ, шейхи вызвали эмира Хайдара изъ пещеры Ангела Смерти, и встрѣтили его въ Метенѣ съ огромнымъ ополченіемъ Кейссіевъ. Махмудъ-паша созвалъ своихъ Іеменіевъ и спустился въ Метенъ. Паши Сайдскій и Дамаскій поспѣшили расположиться лагеремъ, первый на равнинѣ Бейрутской, второй въ Кобъ-Ильясѣ, на восточномъ скатѣ Ливана, надъ Бальбекскою долиною (Бекаа) для наблюденія за кризисомъ, который угрожалъ Ливану. Впрочемъ прямаго участія въ борьбѣ двухъ партій они не принимали; ихъ дѣло было подстрекать къ междоусобіямъ, поддерживать то одну то другую сторону, никогда не допуская ни искренняго ихъ примиренія ни совершеннаго уничтоженія побѣжденныхъ.

Ливанскій паша занялъ высоты Айндарскія, и ждалъ чтобы другіе паши вступили въ ущелья окрестныхъ горъ, дабы такимъ образомъ ударить на непріятеля со всѣхъ сторонъ и совершенно его истребить. Онъ былъ предупрежденъ эмиромъ Хайдаромъ, который ночью аттаковалъ позицію паши и разбилъ его. Три эмира изъ дома Аламъ-эддинова пали въ этомъ кровопролитномъ сраженіи; остальные четыре и Махмудъ-паша самъ попались въ плѣнъ. Побѣдитель отрубилъ головы плѣннымъ эмирамъ и тѣмъ прекратилъ родъ Аламъ-эддиновъ, послѣднихъ эмировъ Іеменіевъ. Пашѣ отрубилъ онъ языкъ и пальцы; ибо мѣстный обычай не допускаетъ ни въ какомъ случаѣ казнить смертію шейховъ Ливанскихъ, каковъ былъ Махмудъ-паша. Паши турецкіе, бывъ только зрителями войны, не замедлили потомъ признать побѣдителя владѣльцемъ Ливанскимъ. Айндарская битва положила конецъ партіи Іемени на Ливанѣ. Шагабы упрочились; они стали помышлять

о централизаціи власти среди олигархіи шейховъ, и стали укрощать феодальныя права. Впрочемъ торжество партіи, которой они были главами, имѣло также свои неудобства для эмировъ, усердно перенявшихъ правила турецкой политики на Ливанѣ. Они почувствовали необходимость раздвоить своихъ приверженцевъ, чтобы въ свою очередь, подобно пашамъ, усиливать свое вліяніе, карая и милуя поперемѣнно то тѣхъ то другихъ. Въ этомъ скрывается начало существующихъ доселѣ на Ливанѣ между Друзами двухъ партій — *Езбеки* и *Джемблати*, при постоянной борьбѣ которыхъ преемники эмира Хайдара успѣли, не смотря на свои семейныя крамолы и на свое раболѣпство у пашей, ввести мало по малу деспотическое правленіе между горскими племенами.*)

Эмиръ Хайдаръ наградилъ почестями и удѣлами своихъ приверженцевъ. Шейхъ Капланъ-Элькади, укрывавшійся съ нимъ въ пещерѣ Ангела Смерти, получилъ въ удѣлъ богатый округъ Джеззинъ; а такъ какъ съ его смертію родъ его пресѣкся, то всѣ его удѣлы по распоряженію эмира были переданы въ древній родъ Джемблатовъ, которые вели свое происхожденіе отъ Кюрдовъ Аюбіэ, и которые сдѣлались въ послѣдствіи надежнѣйшею опорою Шагабовъ на Ливанѣ. У эмировъ Русланъ была отнята половина наслѣдственнаго ихъ удѣла въ наказаніе за приверженность ихъ къ Махмудъ-пашѣ, и составила особенный удѣлъ для шейховъ Тальхукъ, бывшихъ дотолѣ вассалами у Руслановъ.

---

*) Вольней ошибочно принялъ партіи Езбекіевъ и Джемблатовъ за тѣже древнія партіи Кейсси и Іемени, о коихъ часто упомянуто. Іемени совершенно уничтожились на Ливанѣ послѣ Айндарской битвы. Они существуютъ еще по фамильнымъ преданіямъ на Антиливанѣ, въ Гауранѣ, въ горахъ Алепскихъ и въ Палестинѣ, но въ уничиженіи. Нынѣшнія Ливанскія партіи произошли отъ умышленнаго раздробленія Кейсіевъ.

Шейхи Булема правили округомъ Метенъ съ званіемъ *Мукаддемъ*, воеводъ. Эмиръ Хайдаръ пожаловалъ ихъ потомственно въ эмиры, присовокупилъ къ ихъ владѣніямъ живописный округъ *Эльката*, прилегающій къ Кесруану, и вступилъ съ ними въ родство, чего немогъ онъ сдѣлать пока они не были эмирами. Замѣтимъ здѣсь, что Ливанское дворянство, какъ и всѣ племена арабскія, строго соблюдаетъ правило вступать въ родство только съ равными себѣ. Эмиръ никогда не выдастъ своей дочери за шейха, и нѣтъ примѣра чтобы шейхъ женился на дѣвицѣ изъ нисшаго сословія. Въ случаѣ затрудненія отыскать невѣсту между равными, эти аристократы выписываютъ себѣ невольницу изъ Константинополя или изъ Каира, вступаютъ съ нею въ законный бракъ (горскіе нравы не допускаютъ наложницъ) и тѣмъ предохраняютъ свой родъ отъ свойства унизительнаго. Даже въ простомъ народѣ соблюдается правило брать жену изъ своего поколѣнія и рода, чему мы находимъ слѣды еще въ библейскихъ нравахъ. Кстати можемъ еще сдѣлать одно любопытное сближеніе въ судьбахъ владѣтельныхъ домовъ Ливанскихъ: подобно тому какъ эмиры Маааны для политическихъ своихъ видовъ вступали въ родственный союзъ съ Шагабами въ XI столѣтіи и тѣмъ открыли Шагабамъ путь къ завладѣнію Ливаномъ, такъ и Шагабы, вступивъ въ родство съ Булемами, были въ свою очередь замѣнены нынѣшнимъ каймакамомъ (намѣстникомъ) Ливанскимъ, эмиромъ изъ рода Булемовъ.

Чтобы болѣе обласкать аристократію Ливанскую и утаить властолюбивые свои замыслы, эмиръ ввелъ обычай именовать шейховъ въ своихъ граммотахъ дражайшими братьями, что и понынѣ строго соблюдается. Нѣтъ въ мірѣ народа щекотливѣе Арабовъ въ этикетѣ; шейхъ Ливанскій, который въ своихъ лохмотьяхъ

въ своей дымной избѣ, утѣшается и гордится благородствомъ своего происхожденія, проститъ измѣну и насиліе, но ввѣкъ не проститъ того что онъ называетъ обидою его чести, если въ разговорѣ или въ перепискѣ упустите хоть одинъ изъ титуловъ подобающихъ его званію.

Въ 1142 году эгиры (1731 по Р. Х.) эмиръ Хайдаръ устроивши внутреннее управленіе Ливана, передалъ власть сыну своему Мельхему, а въ слѣдующемъ году скончался. Первою заботою молодаго эмира было наказать сосѣднихъ шейховъ Мотуаліевъ, которые по кончинѣ его отца, въ знакъ веселія, окрасили хвосты своихъ кобылъ въ красную краску. За тѣмъ не одинъ разъ, по слѣдамъ отца, онъ дѣлался орудіемъ турецкой политики противу своихъ сосѣдей. Въ награду за подобныя услуги Саадъ-эддинъ Паша-эль-Адемъ пожаловалъ ему городъ Бейрутъ, который со времени опалы Фахръ-эддина былъ отнятъ пашами у эмировъ. Ни одинъ изъ владѣтельныхъ князей Ливана не пользовался дотолѣ такою благосклонностію пашей. Шагабы, гости на Ливанѣ, и чуждые народныхъ сочувствій, постоянно искали опоры у пашей турецкихъ, и тѣмъ внушали страхъ подвластнымъ племенамъ. Народныя чувства къ Мельхему обнаружились по случаю болѣзни приключившейся ему отъ занозы кактусовымъ шипомъ въ рукѣ. Разнесся слухъ, что жизнь эмира въ крайней опасности, а Ливанцы стали пировать. Испуганный этимъ эмиръ отказался по примѣру своего отца отъ правленія въ пользу своихъ братьевъ Мансура и Ахмета, и самъ переселился съ своимъ семействомъ въ Бейрутъ. Впослѣдствіи онъ раскаялся, и затѣялъ всевозможныя козни, чтобы свергнуть братьевъ. Впрочемъ убѣдившись въ томъ, что ему не было надежды взять вновь узды правленія, онъ призвалъ къ

себѣ однаго изъ своихъ племянниковъ, эмира Касема, вступилъ въ заговоръ съ нимъ и отправилъ его въ Константинополь въ качествѣ претендента съ доносами на братьевъ. Эмиръ Мельхемъ скончался посреди этихъ происковъ, но зароненное имъ въ своей роднѣ зерно раздора принесло свои плоды. Въ страшную чуму опустошавшую Ливанскія горы и всю Сирію нѣсколько лѣтъ сряду, Шагабы то воевали между собою, то преслѣдовали другъ друга пронырствами у пашей въ Сайдѣ и въ Дамаскѣ. Шейхъ Абдулъ-Селамъ-Амадъ, глава Езбекіевъ, успѣлъ наконецъ ихъ примирить. Эмиръ Касемъ женился на дочери эмира Мансура и отъ этого брака родился знаменитый въ наше время эмиръ Беширъ.

Едва избавились владѣтельные князья отъ претендента, они сами стали воевать между собою. Джемблаты приняли сторону Мансура; Езбеки стояли за Ахмета; первые одолѣли; Мансуръ свергнулъ своего брата и остался одинъ правителемъ. Это было въ 1177 году эгиры. Шагабы размножились на Ливанѣ и семейные ихъ споры не давали отдыха несчастнымъ жителямъ этихъ горъ. Двѣнадцатилѣтній эмиръ Юсефъ, сынъ Мельхема, обнаруживалъ рѣдкія способности, которыя еще успѣшнѣе развивались подъ руководствомъ его воспитателя и опекуна Саадъ-эль-Хури, родомъ Маронита. Здѣсь какъ и въ остальной Сиріи христіане становились мало по малу людьми довѣренными при эмирахъ и при пашахъ, входили въ домашнія ихъ дѣла и въ управленіе. До того времени Марониты не имѣли никакого политическаго значенія на Ливанѣ, состоя въ зависимости у Друзовъ. Европѣ были извѣстны они только по своимъ нищимъ шейхамъ, которые отъ времени до времени отправлялись на Западъ, съ громкимъ титуломъ князей Ливанскихъ, для сбора по-

даяній. Воспитатель эмира Юсефа Саадъ-эль-Хури составляетъ эпоху въ бытописаніяхъ Маронитовъ. Онъ придалъ своему племени новое развитіе, послѣдствіемъ коего было современемъ обращеніе Шагабовъ, потомковъ Магомета, въ христіанскую вѣру, и пріобрѣтенный за тѣмъ Маронитами перевѣсъ политическій надъ племенемъ Друзовъ.

Въ междоусобіе двухъ дядей эмиръ Юсефъ принялъ сторону Ахмета. Эмиръ Мансуръ по низложеніи Ахмета конфисковалъ все имѣніе племянника. Опальный юноша при содѣйствіи опекуна, успѣлъ составить свою партію на Ливанѣ и пріобрѣлъ дружбу Джемблатовъ. Но корыстная благосклонность Сайдскаго паши къ Мансуру не дозволяла сопернику вступить открыто въ борьбу съ нимъ. Эмиръ Юсефъ обратился съ просьбами и дарами къ пашѣ Дамаскому Осману Садеку, и по его ходатайству былъ пожалованъ отъ паши Триполійскаго въ правители Джибейльскаго округа, который по прежнему зависѣлъ отъ сего паши, хотя почти всегда состоялъ въ управленіи Ливанскаго князя, платившаго за этотъ округъ откупную подать въ казну Триполійскую. Въ Джибейлѣ масса народонаселенія была изъ христіанъ; шейхи Мотуали Бени-Хмади съ давнихъ временъ притѣсненіями и буйствомъ навлекли на себя ненависть народа. Эмиръ Юсефъ ихъ унялъ; тѣмъ онъ обезпечилъ себѣ хорошій доходъ и пріобрѣлъ общую привязанность христіанъ и въ своемъ округѣ и по всему Ливану. Шейхъ-Али-Джемблатъ, котораго вассалы были большею частію христіане, оказывалъ большое къ нему расположеніе. Эмиръ Мансуръ предчувствуя грозу въ народныхъ сочувствіяхъ къ племяннику и въ сношеніяхъ его съ Джемблатами, поднялъ Езбекіевъ противу Джемблатовъ. Шейхъ Али съ своей стороны, чтобы выдержать напоръ, поднялъ на владѣтельнаго князя младшаго его

брата эмира Юнеса, занялъ съ нимъ Деръ-эль-Камаръ, и около года продолжались смуты, пока наконецъ шейхи примирили эмировъ. Хасбейскіе Шагабы въ это время рѣзались также братъ съ братомъ.

Прервемъ на время однообразный нашъ разсказъ, чтобы заняться происшествіями, коихъ Сирія дѣлалась тогда театромъ при знаменитомъ Дагеръ-эль-Омарѣ шейхѣ Галлилейскомъ, и при Али-бекѣ Египетскомъ, которые замыслили новыя судьбы для этой части Востока во второй половинѣ истекшаго вѣка. Но предварительно мы должны бросить бѣглый взглядъ на Аравію и на Египетъ; съ этого времени судьбы Сиріи связаны съ происшествіями ознаменовавшими эти сосѣдственные края.

Секта Веххабитовъ опустошала тогда Аравійскій полуостровъ. Въ первой половинѣ XVIII вѣка появился тамъ законоучитель Мухаммедъ-ибнь-Абу-Веххабъ, который предпринялъ реформу ислама. Подобно реформаторамъ Запада, онъ отвергъ преданія и догматъ о халифѣ, яко намѣстникѣ пророка, а самаго пророка признавалъ только вдохновеннымъ свыше законоучителемъ. Новое ученіе ограничивалось однимъ чистымъ деизмомъ, отвергая всѣ обряды, кромѣ молитвы, всѣ законы кромѣ тѣхъ, коими воспрещается порокъ и закона Мухаммедова о милостынѣ. Реформаторъ воспламенилъ воображеніе племенъ арабскихъ, всегда готовыхъ, какъ и во времена Мухаммеда, проповѣдывать мечемъ свое ученіе. Но реформаторъ, подобно германскимъ своимъ предшественникамъ, не имѣлъ самъ военныхъ доблестей. Честолюбивый эмиръ Ибнъ-Сухудъ замыслилъ повести новую секту по стопамъ великаго преобразователя Востока. Весь Аравійскій полуостровъ закипѣлъ войною; племена кочевыя равно и эмиры Іемена и имамъ Маската и шерифъ Мекки приняли участіе въ этой борьбѣ, одни

за новое, другіе за старое ученіе, и цѣлый вѣкъ Аравія обагрялась кровію и пламенемъ, какъ Германія въ XVI вѣкѣ. Святилища мусульманъ въ Меккѣ и Мединѣ, гробъ дѣтей Алія въ Кербалаѣ, по близости Багдада, эта завѣтная святыня Персіянъ, все было осквернено и ограблено дикими реформаторами *). Караванамъ мусульманскихъ поклонниковъ былъ закрытъ путь въ Мекку. Паши турецкіе, которые охраняли въ нѣкоторыхъ пунктахъ полуострова тѣнь владычества Стамбульскихъ халифовъ, разбѣжались или были изгнаны. Смуты фа-

*) Вотъ опись того что Веххабиты захватили въ одномъ гробѣ Гуссеина въ Кербалаѣ. Это было въ Апрѣлѣ 1801 года; здѣсь мы не слѣдуемъ хронологическому порядку; извѣстно что смуты Веххабитовъ продолжались почти до нашихъ временъ.

Кругомъ гроба найдено двадцать сабель осыпанныхъ драгоцѣнными камнями.

Одна жемчужина съ голубиное яйцо.

Множество вазъ, лампадъ и всякой посуды изъ серебра и золота.

Листовое золото коимъ были обиты стѣны.

Много дорогихъ персидскихъ ковровъ.

Пятьсотъ мѣдныхъ золотомъ накладенныхъ листовъ, заготовленныхъ для обшивки купола.

Товаровъ персидскихъ и индѣйскихъ въ лавкахъ безъ счета. Это было въ самый день праздника жертвоприношеній, когда въ Кербалаѣ стекается множество народа на ярмарку.

Четыре тысячи шалей кашемирскихъ.

Двѣ тысячи сабель.

Двѣ тысячи пятьсотъ ружей.

Много невольницъ черныхъ и Аббиссинокъ.

Около 6,000 испанскихъ дублоновъ (въ 21 руб. сер.)

750,000 червонцевъ голландскихъ и венеціянскихъ.

160,000 червонцевъ турецкихъ (въ 5 руб. сер.).

60,000 томановъ персидскихъ (въ 3 руб. сер.).

250,000 талеровъ.

4,000 рубіе (въ 2 руб.).

Множество рубиновъ, изумрудовъ, жемчуга, всякихъ драгоцѣнностей.

Грабежъ продолжался только восемь часовъ; увѣряютъ, что Арабы, умертвивши въ суматохѣ сторожа, который завѣдывалъ тайниками во храмѣ, не успѣли дознаться этихъ тайниковъ, гдѣ хранилось еще много сокровищъ.

натическаго полуострова отозвались въ племенахъ, скитавшихся по Сирійской и по Египетской пустынямъ. Бедуины ругались и надъ пашами, и надъ властію султана. Уже въ 1757 году (1170 году эгиры) караванъ 60,000 мусульманскихъ поклонниковъ былъ аттакованъ Бедуинами на пути изъ Дамаска въ Мекку. *Махмиль*, этотъ священный покровъ ежегодно отправляемый халифомъ для Каабы, сдѣлался добычею Бедуиновъ вмѣстѣ съ несмѣтными богатствами. Извѣстно, что караванъ служитъ также торговымъ сообщеніемъ между Сиріею и Аравіею. Поклонники погибли частію отъ копья Бедуиновъ, частію отъ голода и отъ жажды въ пустынѣ. Сама Валиде-Султанша, мать Османа III-го, была съ карованомъ и со страха померла. *) Несчастіе это едва не произвело бунта въ Константинополѣ при самомъ воцареніи Мустафы III. Въ Сирійскихъ и въ Арабскихъ племенахъ оно породило впечатлѣніе весьма невыгодное для турецкаго правительства, и ослабило мысль о всемогуществѣ султановъ, надъ коимъ безнаказанно издѣвались наѣздники пустыни и свирѣпыя племена Хеджаса и Іеменя.

---

*) Несчастіе это было приписано интригамъ Сераля. Кизляръ-Ага, начальникъ евнуховъ, смѣнилъ способнаго Эссадъ-пашу Дамаскаго (изъ роду эль-Адемъ,) чтобы дать его мѣсто одному изъ своихъ любимцевъ. Бедуины не уважили любимца. Еще хранится въ Сиріи преданіе о богатствахъ расхищенныхъ Бедуинами въ этомъ случаѣ. Оно оригинально: Бедуины нашли въ своей добычѣ множество жемчугу, который по невѣдѣнію былъ ими принятъ за рисъ. Стали варить изъ него пилавъ, но не было возможности его жевать; въ недоумѣніи обратились Бедуины къ Дамаскимъ купцамъ посѣщающимъ обыкновенно лагери Бедуиновъ для торговыхъ дѣлъ. Купцы предложили вымѣнять этотъ безполезный рисъ на другой, изъ котораго можно сварить отличную кашу, а по возвращеніи въ Дамаскъ раздѣлили между собою свою находку. Арабская хроника, въ которую внесено это обстоятельство со множествомъ другихъ иперболическихъ сказаній, присовокупляетъ, что съ того времени потомство этихъ купцовъ въ Дамаскѣ именуется Дженауи, жемчужниками.

Въ Египтѣ бушевали Мамлуки. Эта богатѣйшая область халифата, классическая страна Фараоновъ и Птолемеевъ, уже нѣсколко столѣтій представляла міру странное зрѣлище пяти или шести милліоновъ потомства древнихъ Египтянъ (Коптовъ) или Арабовъ завоевателей, подчиненныхъ скопищу невольниковъ, вывозимыхъ ежегодно купцами изъ Кавказа и продаваемыхъ на рынкахъ Константинополя, Дамаска и Каира. Но изъ этихъ невольниковъ вербовалось храбрѣйшее въ мірѣ ополченіе, захватившее въ свои руки Египетъ, какъ добычу, съ правами и съ нравами рыцарства, которому гербомъ и граммотою служила купчая крѣпость невольничьяго рынка. Халифы Фатимиты положили основаніе ополченію Мамлуковъ для стражи своего дворца въ Каирѣ. Внутреннія боренія ислама, раздвоеннаго въ ту эпоху на два халифата по берегамъ Тигра и Нила, заставили владѣльцевъ Египетскихъ искать своихъ тѣлохранителей среди храбрыхъ племенъ Кавказа, откуда искони вывозились невольники къ разнымъ азіятскимъ Дворамъ. Наконецъ слабое потомство Салахъ-эддина и Эюбитовъ было замѣнено на Египетскомъ престолѣ Мамлуками, умертвившими послѣдняго изъ халифовъ Эюбитовъ (Мелекъ-эль-Ашрафъ-Мусса). Черкесская династія Мамлуковъ царствовала въ Египтѣ и въ Сиріи до оттоманскаго завоеванія. Когда Сирійскіе эмиры одинъ за другимъ измѣняли своему султану Канзу-Гаври, при нашествіи Селима, одни Мамлуки оставались вѣрны, и гибли съ нимъ въ Мерджъ-Дабикской долинѣ, по сосѣдству Алеппа (1516), гдѣ рѣшилась судьба этихъ странъ. Между тѣмъ какъ завоеватель довершалъ покореніе Сиріи, Мамлуки въ Каирѣ избирали изъ своей среды въ преемники погибшему султану Туманъ-бека, и готовились защищаться, приписывая успѣхи Оттоманъ, не храбрости ихъ, но дѣйствію ар-

тиллеріи, которую они, подобно послѣднимъ рыцарямъ Запада, презрительно называли оружіемъ слабыхъ. Въ сраженіяхъ у границы Египетской, въ Газѣ и подъ Каиромъ, Мамлуки сдѣлали чудеса храбрости. Но измѣна двухъ бековъ предала Египетъ Туркамъ. 25,000 Мамлуковъ пало подъ Каиромъ; нѣсколько тысячъ другихъ были умерщвлены Селимомъ при взятіи столицы, а когда уже не было никакой надежды спастись отъ оттоманской сабли, остальные долго еще боролись вмѣстѣ съ своимъ несчастнымъ султаномъ, который заключилъ черкесское владычество на берегахъ Нила трогательною элегіею, писанною среди отчаянной борьбы на вѣчномъ камнѣ пирамидъ. *)

---

*) Слѣдующій эпизодъ египетской войны Селима, заимствуемый нами изъ оттоманской исторіи Гаммера, служитъ живѣйшею картиною нравовъ Мамлуковъ и рыцарства восточнаго. Въ Каирскомъ сраженіи султанъ Туманъ-бекъ съ двумя Мамлуками Аламбеемъ и Куртбеемъ поклялись умертвить Селима. Они ворвались къ тому мѣсту гдѣ развѣвалось знамя оттоманское. Великій визирь Синанъ-паша, котораго они приняли за султана, палъ ихъ жертвою. По взятіи Каира и по умерщвленіи свирѣпымъ побѣдителемъ плѣнныхъ Мамлуковъ, Куртбей, получивъ отъ Селима священный залогъ амнистіи, предсталъ къ нему добровольно. Султанъ принялъ его, окруженный всѣмъ своимъ величіемъ. «Знаменитый витязь, сказалъ ему Селимъ, что сталось нынѣ съ твоею доблестію?» «Она со мною», отвѣчалъ Мамлукъ. Султанъ съ гнѣвомъ спросилъ «какъ онъ дерзнулъ посягнуть на его жизнь?» Куртбей сталъ говорить о правотѣ своего дѣла и превозносить храбрость Мамлуковъ. Онъ разсказалъ что нѣкій могребинъ (западный африканецъ) при султанѣ Эшрефѣ въ первый разъ доставилъ въ Египетъ изъ Венеціи огнестрѣльное оружіе, что и султанъ и беки съ презрѣніемъ отвергли это изобрѣтеніе не свойственное храбрымъ послѣдователямъ пророка, завѣщавшаго своему народу лишь лукъ да саблю; что могребинъ предсказалъ тогда погибель Египетскаго царства отъ ядеръ и отъ пуль, и вотъ сбылось пророчество, ибо судьбою такъ было предопредѣлено, ибо всякому началу есть конецъ, и жизнь царства измѣрена. Султанъ, избалованный счастіемъ, оскорбился философіею Мамлука.—«Я не плѣнникомъ предсталъ предъ тебя и не боюсь твоего гнѣва,» сказалъ Куртбей; «вотъ тотъ коранъ что ты прислалъ мнѣ въ залогъ твоего слова.»—Затѣмъ негодованіе его излилось на бывшаго тутъ Хаиръ-бека; онъ

Два бека изъ Мамлуковъ, тѣ самые, коихъ измѣна доставила Селиму Египетъ, были назначены правителями завоеванныхъ областей: Газали-Бекъ въ Сиріи, Хаиръ-Бекъ въ Египтѣ. Въ Сиріи были туземные эмиры съ своими семейными враждами; были горскія воинственныя племена, съ своимъ буйнымъ дворянствомъ, которое такъ охотно становилось орудіемъ турецкой политики въ завоеванномъ краѣ. Для Египта, населеннаго племенемъ хлѣбопашцевъ и не имѣющаго другаго туземнаго дворянства, кромѣ Каирскихъ шейховъ, наслѣдственно занятыхъ толкованіемъ корана и тонкостями мусульманской юриспруденціи, было необходимо набирать извнѣ войско и дворянство для деспотическаго управленія краемъ. При новомъ правительствѣ Мамлуки не замедлили сдѣлаться опять настоящими владѣльцами Египта, ограничивъ власть пашей въ командованіи Каирской цитадели, куда Султаны нарядили для гарнизона семь полковъ янычарскихъ. Вся разница состояла въ томъ, что сабля Мамлуковъ содержала Египетъ уже не подъ властію невольника, выбраннаго изъ ихъ среды, какъ было прежде, но подъ призракомъ намѣстника султанскаго, который другаго вліянія не могъ имѣть въ этомъ далекомъ пашалыкѣ, какъ развѣ ссорить Мамлуковъ между собою и вооружать ихъ другъ на друга.

Мамлуки сохранили подъ турецкимъ правленіемъ

сталъ совѣтовать Султану казнить этаго измѣнника, чтобы не итти съ нимъ во адъ. — «Я хотѣлъ тебя миловать,» вскричалъ Селимъ выведенный изъ терпѣнія, «и возвеличить тебя между моими Беками; но кто предстаетъ предъ Султана безъ страха, тому нѣтъ милосердія».— «Да сохранитъ меня Аллахъ, чтобы я принадлежалъ къ твоимъ», отвѣчалъ безстрашный Куртбей. Султанъ въ изступленіи позвалъ палачей. Подъ ихъ саблей Мамлукъ сказалъ еще Хаиръ-Беку: «измѣнникъ, представь кровавую мою голову женѣ твоей, да будешь награжденъ измѣною въ твоемъ харемѣ.»

древнее свое устройство. Число ихъ простиралось отъ 10 до 25,000. Они состояли подъ начальствомъ двадцати четырехъ бековъ, изъ коихъ каждый управлялъ однимъ округомъ Египта (санджакомъ) на правѣ феодальномъ, и имѣлъ свою милицію. Въ милиціи первое мѣсто занимали Мамлуки чистой Черкесской крови, покупкою пріобрѣтенные бекомъ. По смерти каждаго бека его милиція, или по здѣшнему выраженію его домъ, избирала преемника не изъ дѣтей его, но изъ своей среды, т. е. изъ покупныхъ невольниковъ. Достойно примѣчанія, что ни въ Египтѣ, ни въ Сиріи Мамлуки потомства не оставили. Преизбытокъ жизни племенъ Кавказскихъ проливался на берега Нила нѣсколько вѣковъ сряду романтическими и рыцарскими подвигами; но эта свѣжая вѣтвь сѣверныхъ горъ не могла, по законамъ природы, быть привита къ жгучему климату Африки. Дѣти Мамлуковъ отъ Египтянокъ ли, отъ Абиссинскихъ ли невольницъ, или отъ единоплеменныхъ Черкешенокъ, рожденныя на берегахъ Нила, почти никогда не жили. Это единственное въ мірѣ явленіе пяти по малой мѣрѣ милліоновъ молодыхъ и бодрыхъ воиновъ, которые въ продолженіе восьми вѣковъ гарцуютъ въ той же странѣ, а за тѣмъ проходятъ какъ тѣнь, не оставя по себѣ потомства. *) Сему-то обстоятельству должно безъ сомнѣнія приписать самое политическое устройство Мамлуковъ, и права семейныя, предоставленныя беками своимъ невольникамъ.

При такомъ управленіи Египта смуты никогда не

*) Въ Сиріи одно только семейство бековъ ведетъ свой родъ отъ Мамлуковъ, и то въ гористой Наплузѣ, которой климатъ могъ благопріятствовать дѣтямъ Кавказа. Въ путешествіи моемъ по Египту я видѣлъ двухъ или трехъ престарѣлыхъ Мамлуковъ, спасшихся отъ побіенія всей ихъ милиціи Мехметъ-Али-пашею. Когда я справлялся о томъ что сталось съ дѣтьми Мамлуковъ, туземцы мнѣ объяснили, что дѣти ихъ всегда умирали въ колыбели.

прекращались. Во второй половинѣ прошедшаго столѣтія побѣды Русскихъ на Бугѣ, на Днѣстрѣ и за Дунаемъ, и появленіе Чесменскаго флота въ Архипелагѣ потрясли до основанія Оттоманскую имперію, и едва не подали поводъ къ совершенному отторженію Египта, Сиріи и Аравіи отъ власти Султановъ, и къ возрожденію независимой черкесской династіи на берегахъ Нила.

Али-бекъ, отдѣлавшись силою или измѣною отъ своихъ соперниковъ, которые успѣли заключить пашу въ крѣпость, и содержали его тамъ подъ стражею, былъ тогда главою сильнѣйшаго дома Мамлуковъ, съ званіемъ *эмира* или предводителя войскъ, и старосты Каирскаго, *Шейхъ-эль-белядъ.* — Головы враждебныхъ бековъ отправленныя имъ по согласію съ Гамзи-пашею въ Стамбулъ, при донесеніи объ ихъ измѣнѣ и буйствѣ, доставили ему благосклонность Дивана (1180 г. эгиры). Усилившись въ Египтѣ, умноживъ число собственныхъ своихъ Мамлуковъ, коимъ были ввѣрены всѣ должности по управленію и большая часть санджаковъ, онъ не замедлилъ обнаружить свои обширные замыслы. По поводу ссоры съ шерифомъ Мекки, куда онъ прежде водилъ караванъ египетскихъ поклонниковъ въ качествѣ миэръ-хаджія, онъ отрядилъ своего Мамлука Мухамедъ-бека Абудагаба *) съ войскомъ въ Аравію, свергнулъ шерифа, и поставилъ другаго на его мѣстѣ. За тѣмъ онъ выгналъ пашу, посланнаго Портою въ Египетъ,

---

*) Абудагабъ, отецъ золота; это прозвище было ему дано по тому поводу, что при пожалованіи его санджакомъ, онъ раздалъ Мамлукамъ своего господина не серебрянныя монеты, какъ былъ обычай, но золотыя. Арабы имѣютъ обыкновеніе давать подобныя прозвища по моральнымъ и матеріальнымъ свойствамъ каждаго. Кто отличается носомъ, бородою или горбомъ, того называютъ отцомъ носа, брады, горба. Послѣдній изъ Шагабовъ на Ливанѣ эмиръ Беширъ-эль-Касемъ, былъ прозванъ въ народѣ отцомъ муки, Абу-тхынъ, потому что онъ завелъ мельницы въ своихъ помѣстьяхъ.

поставилъ своихъ офицеровъ въ янычарахъ, которые содержали гарнизонъ въ цитадели, сталъ чеканить монету съ своимъ именемъ, и захватилъ въ свои руки всѣ права верховной власти, кромѣ поминанія своего имени въ мечетяхъ. Со времени экспедиціи въ Аравію его гарнизонъ занималъ Джидду, на Чермномъ морѣ, и вся страна Іеменя признавала его власть. Онъ искалъ только случая вступиться въ дѣла Сиріи, чтобы покорить и эту область, которая во всѣ времена почиталась передовымъ постомъ для владѣтелей Египта. При внутреннемъ неустройствѣ края, случай не замедлилъ представиться.

Шейхъ Дагеръ-эль-Омаръ, изъ благороднаго дома Абу-Зейданъ, усиливался постепенно въ Галлилеѣ. По смерти отца его, поставленнаго шейхомъ въ Саффетѣ отъ Ливанскихъ эмировъ, какъ мы выше упоминали, Дагеръ остался въ первые годы прошедшаго столѣтія, въ томъ возрастѣ, въ которомъ дѣти Арабовъ разбираютъ по складамъ коранъ и учатся верховой ѣздѣ. Ему надлежало отстоять отцовское наслѣдство отъ происковъ дядей и отъ козней пашей. Принявъ такъ рано первые уроки опыта, Дагеръ при перемѣнномъ счастіи боролся съ внутренними и съ внѣшними недругами, выдерживалъ упорныя осады Дамаскаго паши въ своемъ Саффетскомъ замкѣ, *) губилъ одного за другимъ своихъ соперниковъ, пріобрѣталъ довѣріе окружныхъ племенъ, заключалъ съ ними союзы, и впродолженіе сорока или пятидесяти лѣтъ терпѣливо готовилъ элементы того бурнаго политическаго поприща, на которомъ появляется онъ во второй половинѣ прошедшаго столѣтія, уже старъ, но съ наѣздническою бодростію своей юности, и долголѣтнимъ опытомъ изучивши науку правленія.

---

*) Объ этомъ упоминается въ современномъ путешествіи Покока.

Около 1750 года онъ занялъ Акку. Акка, послѣдній оплотъ крестоносцевъ, такъ постыдно окончившихъ за ея стѣнами свое владычество въ Сиріи, разрушенная до основанія въ 1291 году Султаномъ Египетскимъ Халилемъ, была въ это время бѣдною Арабскою деревушкою, безъ укрѣпленій, безъ гавани. Богатая равнина опоясывающая ея обширный заливъ отъ Бѣлаго мыса (Нахора) до Кармила, представляла видъ болотистой пустыни; ибо поселянинъ научился подъ владычествомъ Мамлуковъ и пашей укрываться въ горы, и тамъ съ трудомъ отыскивалъ лохмотья плодородной почвы, среди неприступныхъ скалъ, защищавшихъ его отъ хищныхъ Бедуиновъ и отъ сборщиковъ податей неменѣе хищныхъ. Для шейха эта ничтожная деревушка, уступленная ему за деньги Сайдскимъ пашею, представляла двойную выгоду военнаго пункта на Сирійскомъ берегу, и сообщенія съ моремъ для торговыхъ его видовъ. Личныя связи Дагера съ племенами Бедуиновъ за-іорданскихъ доставили безопасность краю; а такъ какъ онъ, по турецкой системѣ, взялъ на откупъ всѣ казенные доходы занятыхъ имъ округовъ, то ни одинъ наѣздникъ не могъ отъ имени пашей грабить жителей подъ предлогомъ сбора подати. Дагеръ съ успѣхомъ занялся гражданскимъ устройствомъ области. Спокойствіе и правосудіе привлекли земледѣльцевъ. Даже изъ Кипра, гдѣ свирѣпствовалъ Кьоръ-паша, переселились туда Греки, которыми насаждены сады и плантаціи, покрывающіе доселѣ равнину Акки. Земледѣліе процвѣло на этой благословенной почвѣ, а вслѣдъ за нимъ процвѣла и торговля, нашедшая готовый пріютъ въ Аккѣ. Дагеръ отличался вѣротерпимостію; его подозрѣвали въ тайныхъ сношеніяхъ съ мальтійскими галерами, и увѣряли, будто-бы онѣ нарочно заходили въ Акку, чтобы тамъ сбывать свои призы. Достовѣрно то, что Бедуины

ограбившіе караванъ въ 1757 г. свободно продавали въ Аккѣ свою нечестивую добычу, и сама Порта посредствомъ Дагера получила обратно отъ грабителей захваченный ими *Махмиль.* Доходы шейха умножились и долго доставляли ему возможность покупать если не благосклонность, то по крайней мѣрѣ терпимость со стороны Сайдскаго паши, который сквозь пальцы смотрѣлъ на его предпріятія. Дагеръ между тѣмъ укрѣплялъ свой городъ замкомъ, рвомъ и бастіонами какъ съ моря такъ и съ береговой стороны. Такимъ образомъ готовилась тогда твердыня долженствовавшая спасти Сирію отъ нашествія Французовъ.

Возраставшее благоденствіе Дагера и золото, кстати отправленное имъ въ столицу, доставили ему возможность освободиться отъ скучной опеки пашей, и сдѣлаться непосредственнымъ вассаломъ Порты, которая укрѣпила за нимъ округи Акки, Саффета, Табаріи и всю Галлилею. Между тѣмъ буйныя племена Мотуаліевъ, занимавшихъ Суръ и южныя отрасли Ливана, не могли ужиться ни съ пашами ни съ Ливанскими своими сосѣдями. Ими управлялъ тогда могущественный шейхъ Насифъ-Насаръ, который могъ выставить въ поле нѣсколько тысячъ отличной кавалеріи, владѣлъ богатыми землями и множествомъ замковъ. Дагеръ заключилъ тѣсный союзъ съ Мотуаліями, и условился съ пашею платить за нихъ подать. Такимъ образомъ распространялся кругъ его дѣйствій. По стопамъ Фахръ-эддина онъ стремился къ великой цѣли общей конфедераціи Арабскихъ племенъ. Связи его съ племенами пустыни, куда прилегали его владѣнія, всего болѣе могли способствовать къ основанію государства независимаго.

Порта по инстинкту предугадывала эти смѣлые помыслы. Въ подобныхъ случаяхъ опытъ научаетъ ее показывать видъ благосклонности, пока наступитъ уроч-

ная кара, застигающая рано-ли поздно-ли, таинственными путями восточной политики, всѣхъ непокорныхъ вассаловъ. При томъ въ Стамбулѣ времена были трудныя: то бунтовались янычаре, то надо было бороться съ сѣвернымъ сосѣдомъ. Дагеру, какъ и другимъ вассаламъ, Порта давала время развивать благоденствіе страны ими управляемой, облегчать племена отъ угнѣтенія пашей, строить крѣпости и набирать богатства, которыя въ свое время должны были поступить въ казну Султана, какъ идутъ въ море воды Нила, послѣ разлитія оплодотворяющаго почву.

Порта терпѣливо наблюдала, а ея агенты дѣйствовали въ потьмахъ. Сыновья шейха были нрава буйнаго и скучали въ повиновеніи у старика. Они то дрались между собою, то бунтовались противу отца и ждали съ нетерпѣніемъ его смерти, чтобы раздѣлить между собою его власть и богатства. Въ такихъ-то обстоятельствахъ находился Дагеръ, когда пашею Дамаскимъ былъ назначенъ Османъ съ полномочіями во всей южной Сиріи; пашалыки Сайдскій и Триполійскій ввѣрялись его дѣтямъ. Это новое распоряженіе встревожило шейха; и въ самомъ дѣлѣ Османъ-пашѣ было поручено его погубить. Удостовѣрившись въ этомъ отъ лазутчиковъ, которыхъ содержалъ онъ и въ столицѣ и въ штабѣ пашей, старикъ поспѣшно помирился съ своими сыновьями, и тотчасъ отрядилъ старшаго изъ нихъ, знаменитаго своими подвигами Алія, съ которымъ еще наканунѣ перестрѣливалось войско старика. Али съ пятью стами наѣздниками внезапно напалъ на лагерь паши близъ Наплуза. Едва самъ Османъ-паша успѣлъ спастись отъ арабскихъ наѣздниковъ, которые поживились добычею.

Такъ открылись непріятельскія дѣйствія между шейхомъ Галлилейскимъ и Турками. Ливанскія пле-

мена, испытавшія всевозможныя бѣдствія отъ вмѣшательства пашей во внутреннія ихъ дѣла, сочувствовали храброму шейху, и готовы были съ нимъ дѣйствовать за одно. Этого было достаточно, чтобы вся Сирія тогда-же отпала отъ турецкаго владычества; но семейныя распри Шагабовъ дали судьбамъ этихъ племенъ другое направленіе: эмиръ Мансуръ, правитель Ливана, былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ Дагеромъ; эмиръ Юсефъ, который давно готовился свергнуть своего дядю, взялъ открыто сторону пашей, а потому владѣтельный князь, опутанный въ сѣти давно разставленныя молодымъ племянникомъ, видѣлъ себя осужденнымъ на бездѣйствіе. Дагеру оставалось или быть жертвою мщенія пашей, или продолжать войну. Ему нужны были союзники. Въ борьбѣ пашей съ вассалами неутралитетъ племенъ не можетъ существовать въ Сиріи. Дагеру не было страшно войско паши; но онъ зналъ что если горцы не будутъ за одно съ нимъ, то не замедлятъ идти на него. При взаимныхъ отношеніяхъ эмировъ Ливанскихъ нельзя было ждать оттуда пособія. За то вся Палестина, вся южная сторона Дамаскаго пашалыка были утомлены отъ притѣсненій пашей. Сообразивъ это Дагеръ обратился тогда къ Али-беку Египетскому, котораго обширные замыслы были ему извѣстны, и пригласилъ его въ Сирію, съ обѣщаніемъ покорить ему весь этотъ край. Али-бекъ охотно принялъ это предложеніе, и тотчасъ отрядилъ въ распоряженіе Дагера своихъ Мамлуковъ подъ начальствомъ Измаилъ-Бека съ десятью тысячами войска, которое заняло Газу и Рамлу въ Палестинѣ. Паша въ эту пору собиралъ подати въ Палестинѣ: узнавъ о походѣ Египтянъ, онъ отступилъ въ Дамаскъ, гдѣ сталъ готовиться къ обычному походу въ Мекку съ караваномъ поклонниковъ, предавъ свой пашалыкъ

волѣ Божіей. Дагеръ отправилъ своего сына Алія на встрѣчу къ Мамлукамъ, и торжественно повелъ ихъ въ Акку, занявши всѣ прибережные пункты. Оттуда съ 20,000 союзнаго войска выступилъ на встрѣчу къ Османъ-пашѣ и перешелъ за Іорданъ. Мусульманская совѣсть Мамлуковъ не позволяла имъ аттаковать пашу во время отправленія имъ благочестивой должности предводителя каравана, Эмиръ-Хаджія. Они послали къ нему вызовъ, предлагая выступить съ однимъ своимъ войскомъ и испытать счастіе; но Османъ-паша не принялъ вызова; онъ отвѣчалъ, что ведетъ поклонниковъ въ Мекку, а кто дерзнетъ его аттаковать будетъ въ отвѣтѣ предъ Халифомъ и предъ Аллахомъ. Измаилъ-Бекъ отказался тогда отъ всякаго дальнѣйшаго дѣйствія, и не согласился даже на предложеніе Дагера занять Дамаскъ. Настоящею причиною его отказа была его зависть къ шейху и къ его дѣтямъ. Тѣмъ более досадовалъ онъ, находясь подъ начальствомъ у нихъ, что Египетскіе Мамлуки привыкали съ дѣтства презирать Арабовъ и почитать ихъ стадомъ невольниковъ. Дагеръ жаловался Али-беку. Въ началѣ слѣдующаго года Али-бекъ отрядилъ въ Сирію своего вѣрнаго Махмудъ-бека Абудагаба, съ сорокатысячнымъ корпусомъ. Къ нему присоединился двадцатитысячный корпусъ Измаилъ-бека и Дагера, и вся эта армія приступила къ Дамаску. Паша, незадолго предъ тѣмъ возвратившійся изъ Мекки, и сыновья его, которые управляли Сайдскимъ и Триполійскимъ пашалыками, встрѣтили союзное войско подъ самымъ Дамаскомъ. Они были разбиты на голову, и столица Сиріи сдалась побѣдителямъ. Народу была объявлена милость, *аманъ* отъ имени Али-бека. Османъ-паша обвиненъ въ нечестіи за сдѣланныя имъ притѣсненія народу и за его поведеніе въ Меккѣ, а о Султанѣ и о власти султан-

ской не упомянуто ни слова. Эмиръ Мансуръ Ливанскій послалъ дары Мухаммедъ-беку и охотно призналъ надъ собою его власть. Такимъ образомъ Палестина и вся южная Сирія безъ труда покорились и тогда какъ и въ наше время Египтянамъ. Дагеръ-эль-Омаръ дѣйствовалъ открыто своимъ оружіемъ въ пользу завоевателя; точно такъ мы увидимъ впослѣдствіи эмиръ Бешира, дѣйствующимъ измѣною въ пользу Ибрагимъ-паши. Разность въ томъ, что подвигъ Али-бека былъ слишкомъ непроченъ, потому что онъ не имѣлъ подобно Мехметъ-Алію сына, которому бы могъ ввѣрить свои войска. Измаилъ-бекъ успѣлъ внушить Мухаммедъ-беку свою ненависть къ старому шейху, и въ особенности къ его дѣтямъ. Главнымъ поводомъ къ этимъ неудовольствіямъ и враждамъ было то что шейхи, въ патріархальной простотѣ своихъ Арабскихъ нравовъ, не соблюдали рабскаго этикета Египтянъ, садились за просто на диванѣ у бековъ, не поджавши ногъ, закуривали свои кальяны не дожидаясь приказа.

Тогда-то беки стали помышлять о томъ, что «вести «войну противу Халифа — это ересь во Исламѣ, и что «сверхъ того гнѣвъ Султана рано-ли поздно-ли настиг-«нетъ бунтовщиковъ. Правда Султанъ былъ тогда «занятъ войною съ Русскими, но какъ только война «эта окончится, наказаніе Али-бека неминуемо, тѣмъ «болѣе что его обвиняли въ сношеніяхъ съ Россіею.» По поводу кальяновъ и развязности шейховъ, эти мысли болѣе и болѣе тревожили совѣсть Египетскихъ полководцевъ. Въ такомъ расположеніи засталъ ихъ прибывшій тогда изъ Стамбула Сурра-Эмини, султанскій чиновникъ идущій ежегодно съ дарами Халифа въ Мекку. Хитрый эффенди убѣдилъ бековъ отступить немедленно съ своимъ войскомъ въ Египетъ, и обѣщалъ ходатайствовать за нихъ у Дивана. Этимъ достигалась двоякая

цѣль: Сирія избавлялась отъ опасныхъ гостей, а измѣна опутывала Али-бека въ самомъ Египтѣ.

Къ общему удивленію въ одну ночь побѣдоносное войско Мамлуковъ тайкомъ выступило изъ Дамаска и бросилось стремглавъ въ Египетъ. Дагеръ, видя всѣ свои планы разрушенными отъ измѣны бековъ, съ досадою отступилъ въ свои владѣнія. Паша Дамаскій во время занятія его столицы Египтянами удалился въ Хомсъ, и тамъ набиралъ войско. Эмиръ Юсефъ съ милиціею Джибейля былъ готовъ къ нему присоединиться. Такъ какъ дядя принялъ сторону Дагера и Египтянъ, то по правиламъ политики Шагабовъ, племяннику надлежало вооружиться за пашу. Отступленіе бековъ Османъ приписалъ страху наведенному на нихъ молвою о его приготовленіяхъ, и съ торжествомъ побѣдителя возвратился въ свой городъ и обласкалъ молодаго эмира за усердіе.

Тогда эмиръ Мансуръ, положившійся на Дагера и на Египтянъ, увидѣлъ, что ему не было возможности удержать за собою власть при такомъ соперникѣ каковъ былъ его племянникъ. Онъ самъ предложилъ Юсефу свое мѣсто. Юсефъ отказывался сперва, чтобы лучше распознать чувства и расположеніе умовъ на Ливанѣ. Наконецъ чрезъ посредство Хасбейскихъ родственниковъ и при общемъ согласіи шейховъ, предложеніе эмира Мансура было принято, и Юсефъ получилъ отъ покровителя своего — паши Дамаскаго кафтанъ (халатъ) коимъ подтверждался правителемъ Ливана (хакемъ). Мансуръ по своемъ отрѣченіи удалился въ Бейрутъ, и долго еще интриговалъ втайнѣ противу племянника, пока наконецъ шейхи, которые всего болѣе терпѣли отъ козней своихъ эмировъ, успѣли ихъ примирить, женивши эмира Юсефа на дочери Мансура.

Между тѣмъ Али-бекъ, который уже почиталъ Сирію своею добычею, былъ пораженъ возвращеніемъ

своихъ Мамлуковъ. Беки въ оправданіе своего бѣгства стали клеветать на Дагера, будто шейхъ разставилъ имъ сѣти, чтобы погубить ихъ со всѣмъ войскомъ. Дагеръ отправилъ къ Али-беку младшаго сына своего Османа для объясненія дѣла, обвинялъ бековъ въ измѣнѣ и предлагалъ голову сына въ залогъ своей вѣрности. Мухаммедъ-бекъ, видѣлъ что гроза собиралась надъ его головою; щедростію и ласками онъ успѣлъ привязать къ себѣ Мамлуковъ и войско, и тогда, сбросивъ личину, отложился отъ Али-бека и пошелъ въ верхній Египетъ, въ *Саидъ*. Али-бекъ не подозрѣвая что измѣна со всѣхъ сторонъ его опутывала, послалъ противъ него другаго своего полководца Измаилъ-бека съ войскомъ. Оба измѣнника соединились въ верхнемъ Египтѣ и стали спускаться къ Каиру. Али-беку ничего болѣе не оставалось, какъ бѣжать съ вѣрными своими Мамлуками, и искать пристанища у Сирійскаго своего союзника Дагера, который радушно его принялъ, оставаясь вѣрнымъ и въ несчастіи, и готовый еще разъ испытать судьбу. Судьба не переставала благопріятствовать старому шейху и по бѣгствѣ Египтянъ. Онъ партизаномъ налетѣлъ на лагерь Османа, расположенный у озера Хуле, за Антиливаномъ, разсѣялъ и затопталъ въ болота его Кюрдовъ своею кавалеріею, овладѣлъ его пушками и всѣмъ багажемъ. Самъ паша едва спасся вплавь чрезъ озеро на плечахъ двухъ негровъ. Это извѣстіе навело страхъ на Дервишъ-пашу Сайдскаго, сына Османова. Мотуали по сосѣдству готовились аттаковать его въ Сайдѣ. Онъ оставилъ свой городъ и искалъ убѣжища въ горахъ у эмира Юсефа, а эмиръ послалъ отъ себя для содержанія гарнизона въ Сайдѣ шейха Али-Джемблата съ милиціею *Оккаловъ* *).

*) Оккалы составляютъ особенный классъ шейховъ посвященныхъ въ таинства вѣры Друзовъ. Масса народа этого племени вовсе не заботится о религіи, составляющей исключительную принадежность Оккаловъ. Объ этомъ будетъ пояснено въ этнографическихъ замѣткахъ.

Въ тѣ годы нашъ флотъ громилъ Турцію въ Средиземномъ морѣ. Али-бекъ вмѣстѣ съ Дагеромъ пригласили Русскіе корабли къ Сирійскому берегу, донося о происходившемъ здѣсь. Сирійскій берегъ кромѣ военныхъ операцій представлялъ флоту великія удобства для снабженія провіантомъ. Корабли показались сперва у Кайффы, у подошвъ Кармила, на супротивъ Акки, а потомъ стали поддерживать дѣйствія арміи Али-бека и Дагера. У нихъ было выставлено до 10 т. войска, въ томъ числѣ 700 отборныхъ Мамлуковъ и 1,000 человѣкъ Африканской пѣхоты, Могребиновъ Али-бека; остальная ихъ сила состояла въ Саффетскихъ наѣздникахъ Дагера, въ Мотуаліяхъ союзнаго шейха Нассифъ-Нассара. Османъ-паша, по обычной тактикѣ Турокъ, вооружилъ Друзовъ противу Мотуаліевъ. Эмиръ Юсефъ, по его навѣту, съ двадцатью тысячами горцевъ сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на страну Мотуаліевъ, сжегъ деревни, истребилъ плантаціи. Напрасно великодушный шейхъ Али сынъ Дагера убѣждалъ Ливанскаго эмира отстать отъ Турокъ, и предлагалъ ему честь начальства надъ конфедераціею горцевъ, чтобы всѣмъ избавиться отъ козни пашей. Приверженцы дяди его Мансура, желая погубить Юсефа, подстрекали его продолжать военныя дѣйствія, чтобы болѣе и болѣе сдѣлать его ненавистнымъ народу, а вмѣстѣ съ тѣмъ приглашали Мотуаліевъ аттаковать эмира. Въ самомъ дѣлѣ пятьсотъ остервененныхъ Мотуаліевъ налетѣли на ополченіе эмира въ *Набатіи* повыше Сайды. Друзы, которые неохотно дѣлали эту экспедицію въ угоду пашамъ, не устояли нисколько. Они были разсѣяны по направленію своихъ горъ; Мотуаліи долго ихъ преслѣдовали, и сдѣлали большое кровопролитіе. Эмиръ со стыдомъ возвратился въ Деръ-эль-Камаръ. Полторы тысячи вдовъ, *какъ стаи вороновъ*, по выраженію Араб-

ской хроники, наполняли воздухъ воплями и проклятіями на вершинахъ Ливанскихъ. Оккалы занимавшіе Сайду отступили со страха при извѣстіи о пораженіи Эмира, и вслѣдъ за тѣмъ Дагеръ занялъ эту столицу пашалыка и назначилъ Муселимомъ отъ себя одного изъ своихъ офицеровъ, храбраго африканца Денгизли.

Порта не знала куда дѣваться; все царствованіе Мустафы III было ознаменовано несчастіями; Янычаре бунтовались въ столицѣ; Русскій штыкъ проламывалъ сѣверные оплоты Имперіи; флоты погибали; Греція бунтовалась; Египетъ, Аравія и половина Сиріи не признавали власти Дивана.

Османъ-паша Дамаскій скончался, и его мѣсто заступилъ другой Османъ-паша съ титломъ Сераскира всей Аравійской стороны, и съ порученіемъ востановить миръ въ Сиріи во чтобы то ни стало, оружіемъ-ли или переговорами съ Дагеромъ. Но чтобы вести переговоры надо было прежде всего занять Сайду. Сераскиръ поручилъ это эмиру Юсефу, давъ ему свое войско и полевую и осадную артиллерію. Турки и горцы обложили Сайду, но Дагеръ съ союзниками поспѣли туда. Осадное войско построилось въ боевомъ порядкѣ на долинѣ вдоль берега, по сѣверной сторонѣ города. Съ обѣихъ сторонъ дрались съ большимъ упорствомъ и даже съ нѣкоторою тактикою. Турецкая артиллерія привела сперва въ разстройство Мотуаліевъ, но Мамлуки наскакали на нее съ своими кривыми саблями и отбили пушки. Поспѣлъ и Русскій фрегатъ съ канонирскими лодками, и залпами съ моря смялъ войско паши. Друзы первые обратились въ бѣгство безъ оглядки, а потомъ занявъ свои ущелія и горныя тропинки, стали грабить отряды союзной имъ Турецкой пѣхоты и кавалеріи, которые съ трудомъ пробирались въ Дамаскъ.

На другое утро Русскій флотъ показался предъ Бейрутомъ, и чтобы наказать Эмира, бомбардировалъ городъ, бывшій тогда удѣломъ Шагабовъ. Русскіе сдѣлали десантъ и отступили не прежде какъ взявъ контрибуцію съ Эмира, который спустился въ мѣстечко Хадетъ, у подошвы горъ, въ пяти верстахъ отъ Бейрута, и оттуда велъ переговоры съ флотомъ. *)

Всѣ прибрежныя города Сиріи на югъ отъ Сайды были во власти Дагера. Удачное предпріятіе Русскаго флота на Бейрутъ указало Дамаскому пашѣ всю важность этаго пункта, съ потерею котораго сдѣлались-бы весьма затруднительны сообщенія Дамаскаго пашалыка съ моремъ. Эмиръ Юсефъ, чтобы отомстить своему дядѣ Мансуру, который послѣ отрѣченія своего жилъ въ Бейрутѣ, какъ бы въ своемъ удѣлѣ, и хотя примиренный съ племянникомъ не переставалъ однако благопріятствовать въ тайнѣ Дагеру и Мотуаліямъ, предложилъ пашѣ назначить туда гарнизонъ съ надежнымъ комендантомъ для защиты города отъ Русскихъ. Паша нарядилъ въ Бейрутъ Ахметъ-Бея Джеззара съ тремя стами отборныхъ Могребиновъ. *) Скажемъ здѣсь нѣсколько словъ объ этомъ человѣкѣ, который кровавымъ метеоромъ появляется на горизонтѣ Сиріи, и дѣлается извѣстнымъ потомъ Европѣ защитою Акки противъ Наполеона. Нѣкоторыя черты біографіи подобныхъ людей лучше изображаютъ современную имъ эпоху и политическіе нравы Турціи, чѣмъ самыя происшествія, коихъ характерическія подробности ускользаютъ отъ историческаго разсказа. Джеззаръ, какъ въ послѣдствіи

*) Подробности о дѣйствіяхъ Русскаго флота помѣщены въ особомъ прибавленіи.

*) Могребъ по арабски значитъ западъ. Могребинами называются всѣ Африканскія племена на западъ отъ Египта. Паши вербовали изъ нихъ отличную кавалерію.

Али-паша Тепеленскій, какъ въ наше время Мехметъ-Али Египетскій, служатъ олицетвореніями своихъ эпохъ и своего народа, послѣдними образцами того класса людей, которые создали нѣкогда величіе Оттоманскаго племени, и затѣмъ приготовили его упадокъ. Подобные характеры уже не проявляются при нынѣшнемъ направленіи нравовъ въ Турціи. Изсякли-ли жизненные соки мощнаго дерева, на коемъ они такъ грозно нарастали, или тѣ случайности среди коихъ они обнаруживались, уже несбыточны въ наше время?

Ахметъ-Джеззаръ былъ родомъ Боснякъ; въ шестьнадцать лѣтъ отъ роду за насиліе своей невѣстки онъ спасся бѣгствомъ отъ мщенія родныхъ въ Константинополь, и, не зная что дѣлать изъ себя, продалъ самъ себя купцамъ, которые торговали кавказскими невольниками. Такимъ образомъ онъ поступилъ въ Мамлуки къ одному изъ Египетскихъ бековъ. Его господинъ былъ убитъ Бедуинами. Ахметъ набралъ шайку подобныхъ себѣ повѣсъ, и сталъ умерщвлять всѣхъ Бедуиновъ, которые попадались ему въ руки. Однажды хитростію онъ завлекъ въ засаду болѣе семидесяти человѣкъ, и въ томъ числѣ нѣсколько шейховъ, и перерѣзалъ ихъ до послѣдняго. При каждомъ убійствѣ онъ восклицалъ, «еще одна жертва за кровь моего господина Абдала-бея». Эти подвиги были совершенно во вкусѣ Мамлуковъ и доставили молодому Ахмету великую славу въ Египтѣ и прозвище *Джеззара*, т. е. рѣзника или мясника. Онъ представилъ Али-беку, который въ это время захватилъ верховную власть въ Египтѣ, головы четырехъ ненавистныхъ ему шейховъ изъ Бедуиновъ. Али-бекъ принялъ удальца въ свою службу, и его кинжаломъ отдѣлывался отъ своихъ недруговъ и особенно отъ опасныхъ друзей или довѣренныхъ служителей, которыхъ нескромность могла ему повредить. Въ

награду за эти услуги онъ пожаловалъ его въ Беки. Али-бекъ былъ въ союзѣ съ Салихъ-бекомъ, который помогъ ему истребить соперниковъ и сдѣлаться властелиномъ Египта. Но наступила пора отдѣлаться и отъ этого союзника, Али-бекъ поручилъ это щекотливое дѣло Джеззару. Тотъ уклонился отъ предложенія, сказавъ что въ пребываніе свое въ верхнемъ Египтѣ вмѣстѣ съ Салихъ-бекомъ они *побратались* *), и потому не могъ теперь ему вредить. Али-бекъ, боясь измѣны, сталъ похвалять Джеззара за его вѣрность дружбѣ, и увѣрять, что это предложеніе для того только было имъ сдѣлано, чтобы его испытать. Джеззаръ несовсѣмъ ему повѣрилъ, и счелъ нужнымъ предостеречь Салихъ-бека. На другой день Али-бекъ успѣлъ увѣрить Салихъ-бека, будто въ самомъ дѣлѣ этимъ предложеніемъ онъ хотѣлъ только испытать вѣрность своего клеврета, и при этомъ дозналъ онъ что Джеззаръ не скрылъ дѣла отъ Салиха. Судьба обоихъ была рѣшена. Мухаммедъ-бекъ-Абудагабъ, о которомъ мы уже имѣли случай говорить, вызвался отдѣлаться разомъ отъ обоихъ. Онъ пригласилъ ихъ на прогулку по ту сторону Нила въ пустынѣ Пирамидъ. Тамъ затѣялъ онъ ссору съ Салихъ-бекомъ, который, ничего не подозрѣвая, не взялъ съ собою своихъ Мамлуковъ. Салихъ былъ убитъ. Джеззаръ сдалека все видѣлъ; но когда подоспѣлъ было поздно чтобы спасти брата. Абудагабъ не посмѣлъ напасть на Джеззара, пока на немъ было оружіе. Онъ дружески его принялъ; усѣлись на ко-

---

*) У Грековъ, у Албанцевъ, у Сербовъ какъ и Черкесовъ и у другихъ восточныхъ племенъ существуетъ обычай этихъ братаній. Христіане соблюдаютъ при этомъ нѣкоторые церковные обряды. Мусульмане мѣняются рубахами и саблями. Такое произвольное родство стольже свято какъ и родство кровное. Въ народѣ, особенно у Мусульманъ, оно врядъ-ли не святѣе кровнаго родства. Безродные Мамлуки замѣняли имъ свое сиротство.

вры, закурили трубки. Абудагабъ сталъ разсказывать о ссорѣ, которая подала поводъ къ убійству; онъ обнажилъ свою саблю, чтобы обтереть кровь, сталъ хвалиться своимъ булатомъ, и хотѣлъ сличить съ саблею Джеззара, чтобы такимъ образомъ его обезоружить. Джеззаръ хладнокровно отвѣчалъ, что онъ сдѣлалъ обѣтъ не вынимать сабли изъ ноженъ безъ того чтобы не отрубить чьей нибудь головы, а съ тѣмъ всталъ сѣлъ на коня и поскакалъ въ Каиръ. Оттуда переодѣтый Могребиномъ, скрытно отплылъ въ Константинополь, чтобы спастись отъ Али-бека. Въ Константинополѣ Джеззаръ соскучился; не видя возможности пробить себѣ дорогу въ толпѣ искателей столичныхъ, и открыть другое поприще по своему вкусу, онъ отправился въ Дамаскъ. Послѣ Египта Сирія была въ тѣ времена обѣтованнымъ краемъ для людей такого характера. Дамаскій паша охотно принялъ его въ свою службу. Въ сраженіи подъ Сайдою Джеззаръ отличился своимъ остервененіемъ и пріобрѣлъ новую славу. Когда стали разсуждать о защитѣ Бейрута противу Русскаго флота, выборъ палъ на Джеззара, и былъ тѣмъ пріятнѣе для эмира Юсефа, что онъ прежде еще имѣлъ случай съ нимъ сдружиться и дать ему гостепріимство въ Деръ-эль-Камарѣ. Когда Джеззаръ гостилъ у эмира, и даже нѣкоторымъ образомъ былъ въ его службѣ, Мухаммедъ-бекъ-Абудагабъ предлагалъ эмиру 100,000 талеровъ за его голову; но эмиръ не согласился измѣнить долгу гостепріимства. Далѣе увидимъ какъ отблагодарилъ Джеззаръ своему покровителю.

Какъ только онъ занялъ Бейрутъ, сталъ укрѣплять городъ стѣною и обновлять замки поврежденные Русскими. Для этого онъ наложилъ контрибуцію на жителей, и разломалъ дворцы эмировъ, чтобы употребить матеріалы для укрѣпленій. Горцамъ запретилъ показываться

въ городѣ, а Могребины его дѣлали набѣги на всѣ окрестности и безпощадно рѣзали и грабили горцевъ. Со всѣхъ сторонъ злодѣи и бродяги сбѣгались къ Джеззару, и шайка его со дня на день умножалась и становилась опасною для Ливана. Эмиръ понялъ свою ошибку, но поздно. Жалобы его пашѣ оставались безъ вниманія; ибо Джеззаръ предлагалъ съ своей стороны, чтобы Бейрутъ остался въ непосредственномъ вѣдѣніи пашей. Измѣна Джеззара заставила эмира помириться съ Дагеромъ. Уже давно Друзы того желали: семейныя козни эмировъ служили поводомъ къ войнамъ съ сосѣдями и къ вящему вмѣшательству пашей въ дѣла Ливана. Эмиръ сошелся съ шейхомъ у Сура, въ *Разъ-эль-Айнѣ*, у того натуральнаго артезіанскаго колодезя, который, неизвѣстно почему, названъ у всѣхъ путешественниковъ Соломоновымъ источникомъ. Тамъ они заключили оборонительный союзъ противу пашей и особенный договоръ, въ силу коего они обратились къ Русскому Адмиралу съ просьбою освободить Бейрутъ отъ Джеззара. Это было въ 1772 году. Отрядъ Русскаго флота подъ начальствомъ капитана Кожухова, показался опять на Бейрутскомъ рейдѣ, и между тѣмъ какъ соединенныя милиціи Мотуаліевъ и Друзовъ обступали городъ съ сухопутной стороны, фрегаты и мелкія суда громили его съ моря. Осада продолжалась четыре мѣсяца. Джеззаръ отчаянно защищался съ своею шайкою. Береговыя баттареи были разрушены, и замки заняты десантомъ; но брать городъ приступомъ не было средства. Всѣ внутреннія зданія на сводахъ необыкновенно прочныхъ, по самому свойству камня; даже улицы кривыя и узкія покрыты сводами, подъ коими гарнизонъ укрывался въ безопасности отъ ядеръ и отъ бомбъ. Бреши были сдѣланы; но туземная милиція никакъ не соглашалась идти на приступъ, даже вслѣдъ за Русскимъ десант-

нымъ отрядомъ; а однимъ десантомъ нельзя было думать о приступѣ. Наконецъ осажденнымъ пришлось кормиться падиною и собаками. Джеззаръ сдался на капитуляцію; сѣлъ на Русскую галеру, которая перевезла его въ Сайду къ Дагеру. Эмиру Ливанскому онъ не довѣрялъ; но къ Галлилейскому шейху онъ имѣлъ полное довѣріе. — Вскорѣ опять встрѣтимся съ Джеззаромъ. ...

Нашъ отрядъ сдѣлалъ значительные призы у Сирійскихъ береговъ, а такъ какъ по предварительному договору съ Сирійскими своими союзниками онъ отказался отъ добычи Бейрутской, кромѣ военныхъ трофеевъ, то горцы выдали на долю отряда деньгами триста тысячь піастровъ. Эмиръ Юсефъ Ливанскій просился даже со всѣмъ своимъ народомъ въ подданство Россіи, но съ тѣмъ разумѣется, чтобы Россія освободила Ливанъ отъ Турокъ. Какъ бы то ни было во все продолженіе военныхъ дѣйствій русскій офицеръ командовалъ въ Бейрутѣ и оставилъ по себѣ хорошую память. Народное преданіе называетъ офицера этого Степаномъ *).

Дагеръ съ Али-бекомъ поспѣшили въ Палестину, которой племена признавали надъ собою власть шейха. Тамъ они, обезпеченные съ тыла союзомъ съ Друзами, стали готовить экспедицію въ Египетъ. Въ Яффѣ и въ Наплузѣ происки Дамаскаго паши производили волненіе въ народѣ. Яффа бунтовалась. Али-бекъ обложилъ городъ съ своею кавалеріею, безъ пѣхоты, безъ осадной артиллеріи. Мамлуки восемь мѣсяцевъ томились подъ его стѣнами. Въ весну 1773 года Яффа сдалась. Али-бекъ сталъ оттуда вести переговоры съ Египетскими беками и грозить имъ нашествіемъ вмѣстѣ съ своими

---

*) Это вѣроятно Баумгартенъ, который былъ облеченъ полномочіями со стороны адмирала для устройства дѣлъ съ горцами.

Сирійскими союзниками. Мухаммедъ-бекъ, боясь его мщенія и видя что онъ имѣлъ много приверженцевъ между Мамлуками и Беками, согласился съ другими написать къ нему покорныя письма съ предложеніемъ возвратиться и править опять Египтомъ. Али-бекъ вдался въ обманъ; не слушая Дагера, который совѣтовалъ ему повременить, умножить свои силы и ждать обѣщеннаго пособія отъ Русскаго флота, онъ съ небольшимъ только отрядомъ пустился въ обратный путь. Беки съ Абудагабомъ встрѣтили его у границы въ *Эль-Аришъ*, и оказали ему всякія почести. Но на пути чрезъ Суецкую пустыню люди Мухаммедъ-бека затѣяли ссору съ Мамлуками Али-бека, стали рубиться, не слушая приказа своего господина, и всѣхъ перерѣзали. Самъ Али-бекъ, который не подозрѣвая измѣны, наскакалъ чтобы унять своихъ, былъ съ суматохѣ раненъ. Беки или показывали видъ отчаянія, или въ самомъ дѣлѣ скорбѣли; но всѣ за одно любызали руки своего повелителя и гостя. По прибытіи въ Каиръ они окружили его заботами, а между тѣмъ рана его была отравлена. Такъ кончилось бурное поприще Али-бека. Шейхъ Галлилейскій искренно его оплакивалъ; онъ лишался въ немъ союзника, который, по всему судя, видѣлъ въ престарѣломъ Дагерѣ и въ храбрыхъ его сыновьяхъ только орудія для своего вліянія въ Арабскомъ мірѣ и для своихъ грядущихъ помысловъ.

По смерти султана Мустафы III его преемникъ Абдулъ-Хамидъ, истощая всѣ свои усилія для окончанія войны съ Россіею, предписалъ пашамъ своимъ въ Сиріи заключить во что бы то ни стало міръ съ могущественнымъ шейхомъ. Начались переговоры. Порта уступала въ наслѣдственное владѣніе шейху всю Палестину за исключеніемъ города Іерусалима, который по своимъ святынямъ долженствовалъ оставаться въ вѣдѣніи Да-

маскаго паши, равно и весь пашалыкъ Сайды, т. е. древнюю Финикію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будто въ уваженіе договора Разъ-эль-Айнскаго, о коемъ мы упоминали выше, она ставила Дагера подъ надзоръ и вѣдѣніе эмира Ливанскаго. Это послѣднее распоряженіе было отлично придумано въ залогъ будущаго раздора между двумя вассалами и въ обезпеченіе вліянія Порты на обоихъ. Былъ наряженъ *Капиджи* отъ Дивана съ милостивымъ фирманомъ, и съ обѣщаніемъ всякой льготы, лишь бы шейхъ оставался покойнымъ и платилъ весьма умѣренную дань. Дагеру было подъ 90 лѣтъ; тѣломъ онъ былъ еще бодръ и лихо наѣздничалъ; но духомъ онъ слабѣлъ. Ему польстили предложенія Порты. Но сыновья его, которые сами уже были стары, видѣли въ нихъ одну только приманку, и совѣтовали отцу продолжать войну. Недовѣрчивость, сопутница старости, вкралась въ характеръ Дагера. Онъ слушалъ только своего казначея, христіанина Ибрагима Сабага, который управлялъ всѣми его дѣлами, копилъ милліоны для себя и для своего господина, монополіями забиралъ въ свои руки всю торговлю, и пользуясь властію шейха угнеталъ народъ непомѣрными налогами. Переговоры съ Портою длились; между тѣмъ, по поводу грабежей сдѣланныхъ въ Бальбекской долинѣ братомъ эмира Юсефа, паша Дамаскій выступилъ съ войскомъ, чтобы наказать горцевъ, и былъ готовъ ворваться въ Ливанскія ущелья. Его настигъ Али сынъ Дагера у Кобъ-Ильяси на восточной покатости Ливана, и разбилъ его на-голову. На Ливанѣ междоусобія не прекращались. Братья эмира привлекли въ свою сторону недовольныхъ шейховъ Езбекіевъ и съ ними бунтовались. На Антиливанѣ Шагабы не переставали также то убивать братъ брата, то судиться между собою у эмира Юсефа и у шейха Дагера. Эти междоусобія горцевъ и ссоры Да-

гера съ сыновьями обнадежили Порту дать другой оборотъ Сирійскому дѣлу.

Въ 1775 году Мухаммедъ-бекъ Египетскій съ шестидесятитысячнымъ войскомъ вступилъ въ Сирію, объявляя измѣнникомъ Дагера отъ имени Султана и готовя ему казнь. Шейхъ всегда опасался со стороны Египетской границы послѣ смерти Али-бека. Онъ укрѣпилъ по возможности Яффу, какъ передовой оплотъ съ этой стороны. По двумѣсячной осадѣ Яффа была взята и ограблена Мамлуками. Шейхъ отступилъ изъ Акки въ Сайду, въ надеждѣ пособія отъ Друзовъ и Мотуаліевъ. Но эмиръ Ливанскій думалъ только о своемъ спасеніи и отказался даже отъ свиданія съ Дагеромъ. Въ Галлилеѣ и въ Наплузѣ народонаселенія утомленныя въ послѣдніе годы поборами Ибрагима Сабагга и самоуправствомъ дѣтей Дагера, которыя предъ тѣмъ только вели войну съ отцемъ и обирали поселянъ, не показывали никакого расположенія чтобы отстоять своего шейха. Дагеръ оставленный всѣми, укрылся со своими сокровищами въ Саффетскія горы, и оттуда, по приблеженіи Египтянъ, перешелъ въ Гауранъ къ союзнымъ Бедуинамъ. Мухаммедъ-беку все покорилось по занятіи Акки. Шейхи Мотуаліевъ явились къ нему съ дарами и покорностію. Эмиръ Юсефъ послалъ бить ему челомъ и просить его милости (амана). Между тѣмъ завоеватель предавался всѣмъ жестокостямъ. Народонаселеніе Яффы своею кровію отплатило за оказанное ему сопротивленіе. Къ счастію недолго продолжались его свирѣпства. Внезапная болѣзнь освободила край отъ изступленнаго злодѣя. Сказываютъ что онъ предъ смертію былъ терзаемъ страшнымъ видѣніемъ. Народъ, какъ Христіане такъ и Магометане, приписываютъ его мученія мстительнымъ призракамъ умерщвленныхъ монаховъ при разрушеніи монастыря на горѣ Кармилѣ

По своей ли волѣ Египетскій бекъ предпринялъ этотъ походъ, или былъ онъ уполномоченъ отъ Порты для наказанія Дагера, это не извѣстно. Но извѣстно то что бекъ замышлялъ покорить еще Дамаскъ, Алепъ и отложиться отъ Порты, которая такъ удачно умѣетъ всегда отдѣлываться отъ одного врага другимъ. Какъ бы то ни было чиновникъ Порты, о которомъ мы упоминали, былъ еще при Дагерѣ, и продолжалъ съ нимъ переговоры въ самую эпоху появленія Мухаммедъ-бека подъ Аккою.

По смерти своего бека Мамлуки взяли съ собою его тѣло и стремглавъ бросились въ Египетъ, покинувъ на пути свою богатую добычу. Сирійскія племена отдохнули, а Дагеръ возвратился въ Акку.

Въ слѣдующемъ году Порта отправила Капитанъ-пашу Гассана, чтобы окончательно устроить дѣла съ Дагеромъ. Капитанъ-паша требовалъ недоимокъ податей за шесть лѣтъ. Дагеръ сталъ совѣщаться съ сыновьями и съ старшинами: платить-ли дань и покориться, или открыть войну. «И кто поручится, стали «говорить въ совѣтѣ, что насъ оставятъ въ покоѣ «когда мы все уплатимъ? Порта очевидно хочетъ нашей «гибели; она дѣйствуетъ безъ чести и безъ совѣсти. «Капиджи былъ еще здѣсь съ нами, и толковалъ намъ «фирманы писанные потурецки, когда наѣхали Мам«луки, очевидно по приказу Турокъ. Нѣтъ, да сохра«нитъ Аллахъ дѣтей Аравіи отъ всѣхъ этихъ турец«кихъ обѣщаній и ласкъ и отъ фирмановъ и отъ ама«новъ. Ужъ если здѣсь намъ не устоять предъ флотомъ, «такъ лучше возвратиться въ наши Саффетскія горы, и «пускай пожалуютъ туда паши. — «Какъ я ни старъ, «замѣтилъ съ своей стороны Дагеръ, но люблю думать «и о будущемъ. Сей день нашъ, а завтрашній день «чей, того ни кто не вѣдаетъ. Лучше намъ заплатить

«то чего отъ насъ требуютъ, и поберечь наши головы, «пока судьба позволитъ.» Могребинъ Денгезли, который командовалъ гарнизономъ, поддержалъ это мнѣніе. — «Недолго устоять намъ, сказалъ онъ; народа не подни-«мемъ; ибо кто возстанетъ на Падишаха будетъ каз-«ненъ и на этомъ свѣтѣ и на томъ. Сабля Султана «длинна и настигнетъ насъ и въ горахъ. Я берусь «сотнею тысячь талеровъ уладить дѣло съ Капитанъ-«пашею». Но Ибрагимъ Сабаггъ, министръ финансовъ, поскупился открыть свои сундуки. «Нѣтъ денегъ у насъ «сказалъ онъ; объяви пашѣ, что у шейха лишь огонь «да сабля острая». Съ этимъ разошлись. Денгизли измѣнилъ шейху; онъ приказалъ своимъ артиллеристамъ Могребинамъ заклепать пушки въ береговыхъ бастіонахъ, и далъ знать о томъ Капитанъ-пашѣ. Флотъ открылъ огонь по городу. Дагеръ, видя измѣну Могребиновъ, готовился выступить изъ города; онъ мѣшкалъ еще чтобы спасти свою любимую жену. Тогда одинъ изъ Могребиновъ съ батареи посадилъ ему пулю въ грудь. Такъ кончилось поприще девяностолѣтняго шейха, которому не достало только достойныхъ сотрудниковъ, чтобы основать въ прошедшемъ столѣтіи новое Арабское царство на Востокѣ. — Голову его представили пашѣ, который отправилъ кровавый трофей въ Стамбулъ. Увѣряютъ что до сорока милліоновъ піастровъ (около 40 милліоновъ рублей серебромъ по тогдашнему курсу) было найдено въ сундукахъ шейха, кромѣ драгоцѣнностей всякаго рода. Одинъ кинжалъ подаренный ему Алибекомъ, былъ оцѣненъ въ 200,000 піастровъ. Хранитель всѣхъ этихъ сокровищъ бѣжалъ изъ Акки; его выдали пашѣ, который долго его пыталъ, чтобы дознаться, не было-ли еще другихъ скрытыхъ сокровищъ, и наконецъ повѣсилъ на реѣ, чтобы утаить отъ Порты точный счетъ описаннаго въ казну богат-

ства. Предатель Денгизли былъ ласково принятъ; вскорѣ за тѣмъ и онъ былъ учтиво отравленъ чашкою кофею, для тѣхъ же соображеній. Сыновья Дагера спаслись у Мотуаліевъ. Гассанъ-паша объявилъ имъ прощеніе и зазвалъ къ себѣ съ обѣщаніемъ поставить ихъ на мѣсто отца. Они явились за исключеніемъ храбраго Алія, который не довѣрялъ Туркамъ. Но когда паша съ суровымъ видомъ сталъ укорять ихъ въ возмутительствѣ, младшій изъ нихъ Саидъ не утерпѣлъ, чтобы не высказать своихъ жалобъ на вѣроломство пашей. Онъ тотчасъ былъ преданъ казни; другіе отправлены въ Константинополь, и назначены впослѣдствіи пашами, одинъ въ Джиддѣ, другой въ Мореѣ. Изъ всѣхъ дѣтей Дагера въ Сиріи остался одинъ Алій, и еще нѣсколько лѣтъ не терялъ надежды возвратить своему дому и племени прежній блескъ. Его воинственный видъ, рыцарскій благородный нравъ, испытанная храбрость и отмѣнное краснорѣчіе, которое такъ высоко цѣнится во всѣхъ арабскихъ племенахъ, доставили ему много союзниковъ въ Палестинѣ и въ странѣ за-Іорданской. Между тѣмъ угнетенія Джеззаровы, о коихъ будемъ далѣе говорить, заставляли поселянъ вздыхать о старомъ шейхѣ, и оказывать сочувствіе къ судьбамъ Алія, который дѣятельно продолжалъ войну, хотя и потѣрялъ въ ней двухъ сыновей своихъ. Али предлагалъ Ливанскому эмиру возобновить старые договоры, соединиться и изгнать Джеззара. Но эмиръ Юсефъ былъ занятъ въ это время междоусобною войною съ братьями. Тоже происходило и между Шагабами Антиливанскими. Шейхъ Алій оставшись одинъ, безъ союзниковъ, взбунтовалъ горцевъ Наплузскихъ. Паша Акки согласился съ Дамаскимъ, чтобы его погубить измѣною. Одинъ изъ офицеровъ паши затѣялъ ссору съ своими товарищами, нашумѣлъ, отстрѣливался цѣлый

день, и принужденный спасаться бѣгствомъ отъ гнѣва своего господина, искалъ покровительства въ горахъ у сына Дагера вмѣстѣ съ своею свитою. Все это была комедія; шейхъ не подозрѣвая ничего, принялъ у себя гостей, которые улучивъ время, напали по условенному знаку на довѣрчиваго шейха, умертвили его и успѣли спастись бѣгствомъ.

Со смертію Алія сходитъ съ политическаго поприща въ Сиріи родъ Абу-Зейдановъ, которые послѣ Маановъ были представителями и поборниками Арабской народности. Съ этаго времени народность Арабская укрылась за Іорданъ, въ пустыню, между Бедуинами, которые до нашихъ дней, храня преданія о свободѣ завѣщанной племени Измаила, сына рабы, чуждаются турецкаго владычества. Съ этого времени, не смотря на всеобщее разслабленіе Оттоманской имперіи, турецкое владычество болѣе упрочилось въ Сиріи. Ежечасныя борьбы и кровопролитія, коими еще наполнены Сирійскія хроники, можно почесть болѣе личнымъ дѣломъ пашей съ племенами и естественнымъ послѣдствіемъ феодальнаго образованія горскихъ племенъ, чѣмъ вспышками Арабскаго элемента противу насилія оттоманскаго. Внимательное изученіе происшествій, ознаменовавшихъ Сирію съ этой эпохи и до нашихъ дней, послужитъ отвѣтомъ на всѣ суетныя теоріи о небываломъ и несбыточномъ возрожденіи Арабскаго племени Мехметъ Аліемъ Египетскимъ, или его родомъ, и о возможности основать Арабское государство изъ Сиріи и Египта. Правда, масса народа въ этихъ двухъ областяхъ сохраняетъ свои преданія и нравы и языкъ и почти всѣ свои народныя стихіи; а это тѣмъ болѣе вводитъ въ заблужденіе путешественника, что Турки въ самомъ дѣлѣ живутъ гостями здѣсь, и сами чуждаются связей съ туземцами. Но не менѣе того мы должны замѣтить, что въ Араб-

скихъ племенахъ, какъ и во всѣхъ племенахъ Азіи, масса народа чужда политической жизни, коей сила сосредоточена исключительно въ дворянствѣ. Въ этомъ отношеніи мы видимъ, что въ Египтѣ давно уже не существуетъ и тѣни Арабскаго дворянства; ибо нельзя назвать дворянствомъ шейховъ коптѣющихъ надъ толкованіемъ Корана въ мечетяхъ Каира. Мехметъ-Али успѣлъ замѣнить иноземныхъ безпотомственныхъ Мамлуковъ своимъ родомъ и своими любимцами; а Арабамъ строжайше закрыто всякое гражданское и военное поприще. Сирія сохранила своихъ шейховъ и эмировъ; но ихъ безнравственность, неспособность и несчастія сдѣлали это феодальное дворянство только язвою для народа, или орудіемъ въ рукахъ самыхъ безчеловѣчныхъ пашей. Геніальныя усилія Фахръ-эддина и смѣлые помыслы Дагера — эти два метеора въ судьбахъ Сиріи, повели только къ какой-то политической реакціи. Послѣ каждаго изъ этихъ двухъ представителей Арабской народности вліяніе турецкое болѣе и болѣе усиливалось, и при всемъ неистовствѣ, при безуміи можно сказать пашей, Порта упрочивала свое вліяніе морально и матеріально, такъ что въ наше время, вслѣдъ за Египетскимъ владычествомъ, послужившимъ для воспитанія Сирійскихъ племенъ и для пріуготовленія ихъ къ новымъ формамъ турецкаго правленія, Порта удобнѣе могла ввести въ Сирію систему централизаціи чѣмъ въ другія области, гдѣ преобладаетъ элементъ оттоманскій.

ГЛАВА III.

ДЖЕЗЗАРЪ ПАША. ЕГО КОЗНИ, ЕГО ВОЙСКА. — МЕЖДОУСОБІЯ ЭМИРА ЮСЕФА СЪ БРАТЬЯМИ. — БРАТОУБІЙСТВА. — ПОХОДЪ ДЖЕЗЗАРА НА МОТУАЛІЕВЪ. — СУДЬБЫ СЕГО ПЛЕМЕНИ. — ЛЮБОВНЫЯ ИНТРИГИ ВЪ ХАРЕМѢ ДЖЕЗЗАРА И БУНТЫ МАМЛУКОВЪ. — ОТРѢЧЕНІЕ ЭМИРА ЛИВАНСКАГО. — ИЗБРАНІЕ ЭМИРЪ-БЕШИРА. — ПОДАТЬ СЪ ЛИВАНА. — ВОЗСТАНІЕ ГОРЦЕВЪ. — КАЗНЬ ЭМИРА ЮСЕФА. — БѢГСТВО БЕШИРА. — МЕСТЬ ДЖЕЗЗАРА. — АБУНАКЕТЫ. — УТВЕРЖДЕНІЕ ВЛАСТИ ЭМИРА. — ПОХОДЪ ФРАНЦУЗОВЪ. — МАНИФЕСТЪ СУЛТАНСКІЙ. — ЧУВСТВА НАРОДНЫЯ — ВЗЯТІЕ ЯФФЫ ФРАНЦУЗАМИ. — ОСАДА АККИ. — МОТУАЛИ ВЪ ЛАГЕРѢ БОНАПАРТА. — РАСПОЛОЖЕНІЕ УМОВЪ НА ЛИВАНѢ. — ПРИНУЖДЕННОЕ БЕЗДѢЙСТВІЕ ГОРЦЕВЪ. — ѲАВОРСКАЯ БИТВА — ВПЕЧАТЛѢНІЕ ПРОИЗВЕДЕННОЕ ПОХОДОМЪ ФРАНЦУЗОВЪ. — НЕСБЫТОЧНЫЕ ЗАМЫСЛЫ ПРИПИСАННЫЕ БОНАПАРТУ. — КОНТРАСТЪ ЕГИПТА СЪ СИРІЕЮ.

Возвратимся къ нашему разсказу, котораго героемъ становится на долго — знакомый уже читателю Джеззаръ. По взятіи Бейрута Русскими онъ сдался Дагеру, и оставался въ Аккѣ на правѣ гостепріимства. Мучимый жаждою власти и приключеній, онъ вскорѣ затѣмъ бѣжалъ въ Константинополь. Тамъ, неизвѣстно какими путями, достигъ званія паши въ Кара-Гиссарѣ. Оттуда, при извѣстіи объ успѣхѣ экспедиціи Капитанъ-паши противу Дагера, Порта поспѣшила назначить Джеззара

пашею Сайды, и ввѣрить его управленію Ливанъ, Мотуаліевъ и всю страну бывшую во власти шейха.

Появленіе Джеззара навело страхъ на эмира Ливанскаго. Правда, Джеззаръ былъ ему обязанъ жизнію, былъ имъ облагодѣтельствованъ; но въ Туркахъ долгъ признательности служитъ только къ усиленію итога тайной мести. Эмиръ Юсефъ предсталъ съ дарами къ Капитанъ-пашѣ, похвалился своею долгою борьбою съ наказаннымъ бунтовщикомъ Дагеромъ, умолчалъ о своемъ союзѣ съ нимъ, успѣлъ войти въ милость къ пашѣ и даже получить обѣщаніе покровительства его противу чаемыхъ гоненій отъ Джеззара. Капитанъ-паша по приглашенію эмира былъ у него въ горахъ въ Деръ-эль-Камарѣ. Эмиры Ливанскіе всегда любятъ щеголятъ предъ столичными гостями тѣми горными тропинками, по коимъ путешественникъ со страхомъ пробирается въ ихъ селенія, будто въ орлинныя гнѣзда. Во всякомъ другомъ народѣ такія дороги послужили-бы вѣрнѣйшимъ оплотомъ противу внѣшняго врага. Но Турки давно уже постигли, что Ливанскія скалы и ущелья всегда доступны ихъ войску, благодаря семейнымъ враждамъ эмировъ. Морякъ Гасанъ-паша возъимѣлъ впрочемъ весьма выгодное мнѣніе о могуществѣ эмира, оказалъ ему много почестей, и въ награду усердія его къ Портѣ пожаловалъ на нѣсколько лѣтъ льготу отъ податей. По отплытіи флота Джеззаръ-паша, который не даромъ гостилъ у эмира, и хорошо провѣдалъ всѣ козни ливанскія, послалъ требовать податей и сверхъ того приличнаго подарка себѣ. Въ тоже время онъ изгналъ Шагабовъ изъ Бейрута, и конфисковалъ ихъ дома и все ихъ имущество въ этой древней столицѣ Фахръ-эддиновъ, которая съ того времени состоитъ и понынѣ въ непосредственномъ управленіи пашей. Ни льготы дарованныя Капитанъ-пашею

ни повторительныя его предписанія Джеззару въ пользу эмира не спасли горцевъ отъ непомѣрныхъ налоговъ. Эмиръ принужденный отплачиваться Джеззару, чтобы пріобрѣсть его благосклонность, насильственно взималъ съ народа огромныя суммы. Народъ роптал̆ъ на своего эмира, а соперники были готовы воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы его свергнуть. Такимъ образомъ Джеззаръ достигъ двоякой цѣли: обиралъ горцевъ и порождалъ между ними вражду и козни, которыя служили вѣрнѣйшею порукою и усиленія власти паши на Ливанѣ и умноженія налоговъ.

Джеззаръ, не полагаясь на Арабовъ, занялъ свой пашалыкъ съ ополченіемъ изъ бродягъ и головорѣзовъ, какихъ только могъ набрать со всѣхъ концевъ Турціи. Босняки, Албанцы, Могребины и вольныя привилегированныя ватаги Деліевъ притекли отовсюду подъ его знамена и вели жизнь разгульную. Къ этимъ ватагамъ, которыя такъ живо напоминаютъ доселѣ на Востокѣ пестрыя войска Валленштейнова лагеря, присоединились впослѣдствіи остатки Левендіевъ, этой буйной флотской милиціи, которой уничтоженіе Султаномъ Абдулъ-Хамидомъ было въ прошедшемъ вѣкѣ предисловіемъ великаго преобразованія, совершеннаго въ наши дни сыномъ его Махмудомъ. Городу Сайдѣ, который искони былъ столицею пашалыка, Джеззаръ предпочелъ Акку, потому что мѣстоположеніе Акки на мысѣ, между моря и пространныхъ гладкихъ полей, представляло большія удобства для укрѣпленій. Такимъ образомъ крѣпость, заложенная послѣднимъ поборникомъ Арабской народности въ Сиріи, обратилась въ гнѣздо, изъ коего самый свирѣпый изъ турецкихъ пашей держалъ эту страну въ своихъ когтяхъ, и слишкомъ тридцать лѣтъ безпощадно терзалъ свою добычу.

Во второй годъ своего управленія Джеззаръ подъ

предлогомъ сбора 100,000 піастровъ пени съ эмира за то что горцы имѣли близь Сайды схватку съ его войскомъ, отрядилъ въ Деръ-эль-Камаръ 400 человѣкъ своихъ сорванцевъ. Оттолѣ они нѣсколько мѣсяцевъ сряду грабили и сквернили безнаказанно весь *Шуффъ*, *Метенъ* и *Кесруанъ*—самые неприступные округи Ливана. Атаманъ этой милиціи, Кюрдъ Мустафа-Ага, видя какъ легко управляться съ Арабами, и имѣя предъ глазами примѣръ своего паши, замыслилъ свергнуть самаго Джеззара и заступить его мѣсто. Въ такихъ-то рукахъ была въ ту пору судьба племенъ подвластныхъ Портѣ. Этотъ Мустафа легко могъ бы сдѣлаться властелиномъ Сиріи, а Порта не замедлила бы его признать своимъ намѣстникомъ, лишь бы вносилъ онъ сумму коею былъ обложенъ пашалыкъ. Но Джеззаръ, своевременно извѣщенный объ измѣнѣ, успѣлъ переманить къ себѣ войско Кюрдъ-Мустафы, а тотъ бѣжалъ къ своимъ Кюрдамъ. Эмиръ безъ сомнѣнія еще прежде могъ бы освободить край отъ такого гостя; но въ это время его два родные брата эмиръ Саадъ-эддинъ и эмиръ-Эффенди, поднимали недовольныхъ шейховъ и готовились его самаго свергнуть. Хитрый эмиръ, чтобы вѣрнѣе погубить своихъ братьевъ и сдѣлать ихъ ненавистными народу, самъ добровольно отказался отъ власти въ пользу претендентовъ. Имъ предстояло еще получить согласіе Джеззара, а для этаго было неизбѣжно набавить подати. Юсефъ удалился въ Кесруанъ къ Маронитамъ. Едва братья его приняли правленіе, вскипѣлъ бунтъ по навѣту Юсефа, который такимъ образомъ вторично получилъ княжество; впрочемъ не безъ того, чтобы при этихъ перемѣнахъ не была набавлена подать въ пользу Джеззара. Для насыщенія паши изобрѣтательный умъ Саадъ-эль-Хурія, министра Юсефова, сталъ вымышлять новую финансовую систему для Ли-

вана. Здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ Азіатскихъ странахъ, знали встарину только прямой налогъ, платимый съ плантацій шелковичныхъ и масличныхъ, единственныхъ продуктовъ Ливана; даже подушнаго оклада (хараджъ) не было на христіанахъ Ливанскихъ, ибо они не были завоеваны мечемъ султановъ, а покорились съ сохраненіемъ своихъ правъ. Эмиръ наложилъ сперва подать на семя червей шелковичныхъ: потомъ окладъ подушный, потомъ сборъ съ рогатаго скота, съ мельницъ и т. п. Не прошло трехъ лѣтъ, народный ропотъ на эти нововведенія внушилъ братьямъ эмира мысль о его сверженіи. Заговоръ открылся; эмиръ успѣлъ схватить одного изъ своихъ братьевъ, и собственною рукою въ своемъ дворцѣ, въ присутствіи шейховъ и народа отрубилъ ему голову, *чтобы не сквернить рукою палача благородной крови Шагабовъ.* Незадолго до того такія же братоубійства происходили на Антиливанѣ въ тамошнемъ поколѣніи Шагабовъ; владѣтельный князь эмиръ Мухаммедъ отрубилъ голову одному изъ своихъ братьевъ и выкололъ глаза другому чтобы отдѣлаться отъ соперниковъ.

Смуты продолжались на Ливанѣ. Эмиръ едва успѣвалъ покупать огромными суммами покровительство паши и происками поддерживать борьбу двухъ партій, Езбекіевъ и Джемблатовъ, для ослабленія тѣхъ и другихъ предъ собою. Джеззаръ съ своей стороны успѣшно ронялъ новое сѣмя раздора между эмирами Ливана и Антиливана за обладаніе округомъ Мерджъ-Аюнъ. Джеззаръ пожаловалъ этотъ округъ въ удѣлъ эмиру Антиливанскому, и недолго спустя поручалъ эмиру Юсефу выгнать оттуда своихъ родственниковъ и взять въ свое владѣніе ихъ удѣлъ. Этими смутами воспользовался братъ эмира чтобы заключить союзъ съ своимъ Хасбейскимъ дядею Измаиломъ, и пріобрѣсть покро-

вительство Джеззара. Юсефъ спасся бѣгствомъ. Мѣсто его заступилъ его братъ въ товариществѣ съ дядею; но когда Джеззаръ увидѣлъ что они не были въ состояніи уплатить обѣщанной суммы, опять приласкалъ бѣглаго эмира (хотя его братъ предлагалъ 500,000 піастровъ за его голову) и вмѣстѣ съ своимъ войскомъ отправилъ его въ горы. Юсефъ обязался уплатить милліонъ піастровъ Джеззару. Онъ сталъ обирать всѣхъ приверженцевъ своего брата, которому, предосторожности ради, въ семъ случаѣ выкололъ глаза, а дядю Измаила заключилъ въ тюрьму и вскорѣ потомъ отравилъ ядомъ во избѣжаніе соблазна. Могребинамъ Джеззара поручено было терзать шейховъ, принявшихъ участіе въ козняхъ противу Юсефа. Современная арабская хроника упоминаетъ, что эти Африканцы забавлялись тѣмъ чтобы морить голодомъ несчастныхъ, потомъ рѣзать куски ихъ тѣла, жарить и предлагать имъ въ пищу.

Горскія племена Мотуаліевъ между Сайдою и Аккою берегли себя дотолѣ отъ Джеззара и управлялись весьма спокойно своими шейхами, которые вносили за нихъ подати. Джеззаръ питалъ къ нимъ старую месть за ихъ союзъ съ Дагеромъ. Въ 1785 году умноживши свое войско до 15,000 изъ новыхъ бродягъ, которыхъ его слава отовсюду привлекала въ Сирію, онъ сдѣлалъ нашествіе на страну Мотуаліевъ. Племена эти храбро защищались подъ предводительствомъ своего шейха Нассифъ-Нассара, сподвижника Дагерова. Старый воинъ палъ въ сраженіи, а ватаги Джеззаровы ворвались въ горы, завладѣли замками, и около двухъ лѣтъ терзали несчастныхъ жителей. Шейхи Мотуаліевъ, которые въ разныя эпохи оказывали у себя гостепріимство опальнымъ Шагабамъ, пришли искать покровительства у эмира Юсефа. Онъ былъ тогда въ разрывѣ съ Джезза-

ромъ; впослѣдствіи при заключеніи мира съ пашею, по его требованію, они были измѣннически выданы. Это попраніе святыхъ правъ гостепріимства произвело въ умахъ народныхъ еще болѣе впечатлѣнія чѣмъ братоубійство, коимъ были обагрены руки эмира.

Другое племя Мотуаліевъ занимало Бальбекскую долину. Оно было управляемо эмирами Харфушъ. По примѣру Шагабовъ Харфуши не переставали преслѣдовать братъ брата и судиться то у пашей Дамаскихъ, то у Шагабовъ, зазывая то тѣхъ то другихъ въ свою страну. Наконецъ въ 1786 году Дервишъ-паша Дамаскій изгналъ оттуда эмировъ и назначилъ отъ себя Муселима. Мы упоминали уже о томъ, что эмиръ Юсефъ бывъ правителемъ Джибейля, ослабилъ Мотуаліевъ *Хмади*, которые владѣли тѣмъ округомъ. Такимъ образомъ все племя Мотуаліевъ въ Сиріи пришло въ упадокъ съ тѣхъ поръ, и хотя потомки эмировъ Харфушъ появляются и понынѣ отъ времени до времени правителями Бальбека, но это только отъ имени пашей, а феодальныхъ правъ и сопряженнаго съ ними вліянія они давно лишились. Такъ одно за другимъ сходятъ съ политической сцены Сиріи племена и семейства, уступая мѣсто непосредственному дѣйствію правительственной власти, принимающей наслѣдство самыхъ безнравственныхъ преданій.

Въ залогъ уплаты милліона піастровъ Джеззару эмиръ Юсефъ оставилъ въ Аккѣ своего воспитателя Саадъ-эль-Хурія, который былъ до сего времени душею всей его политики. По смерти этого заложника эмиръ оставался должнымъ еще 300 т. Джеззару. Сынъ Саадъ-эль-Хурія, который наслѣдовалъ вліянію отца при эмирѣ, сталъ доказывать, что тѣми тремя стами тысячами гораздо выгоднѣе вести три года войну съ Джеззаромъ. Въ самомъ дѣлѣ паша находился тогда

въ затруднительныхъ обстоятельствахъ. Политическія заботы слишкомъ отвлекали его вниманіе отъ домашнихъ дѣлъ; его Мамлуки воспользовались этимъ, чтобы завести любовныя интриги въ его харемѣ. Джеззаръ провѣдалъ о томъ; въ изступленіи, съ саблею въ рукахъ, онъ бросился въ харемъ и сталъ рубить евнуховъ и невольницъ и даже своихъ женъ, которыя были беремены; затѣмъ онъ готовился излить свое мщеніе на Мамлуковъ; Мамлуки бѣжали. Другіе два Мамлука Джеззаровы Солиманъ и Селимъ, пожалованные султаномъ въ паши по ходатайству Джеззара, служили его намѣстниками въ областяхъ. Мамлуки прибѣгли къ нимъ, провозглашая ихъ своими начальниками, взбунтовались и осадили пашу въ Аккѣ. При немъ оставалось 500 или 600 человѣкъ гарнизона. Онъ придумалъ хитрость: поденьщики и обыватели были наряжены въ одну ночь солдатами, и съ множествомъ деревянныхъ болвановъ по промежуткамъ, были разставлены на бастіонахъ. На утро осаждающіе были объяты ужасомъ, подумавъ что паша колдовствомъ зазвалъ къ себѣ отряды дьявольскіе; они разбѣжались. Этимъ временемъ бунтовался эмиръ; но когда все утихло, эмиръ потерялъ всякую надежду на милосердіе паши, тѣмъ болѣе что враждебная ему партія Джемблатовъ стала одолѣвать на Ливанѣ, и что самъ онъ былъ окруженъ измѣною. Рѣшившись отказаться отъ правленія, онъ пригласилъ шейховъ къ выбору преемника. Выборъ палъ на молодаго Эмиръ-Бешира, племянника Юсефова, отличавшагося смѣлымъ предпріимчивымъ нравомъ и ранними способностями. Джеззаръ подтвердилъ выборъ обычнымъ пожалованіемъ кафтана, и призвавши къ себѣ молодаго Бешира, далъ ему отрядъ своихъ Албанцевъ и Могребиновъ съ повелѣніемъ совершенно согнать съ горъ Юсефа, или схватить и представить въ Акку.

Беширъ при самомъ своемъ избраніи обѣщалъ опальному дядѣ всякое покровительство; но вскорѣ онъ удостовѣрился, что собственная власть его не могла упрочиться пока эмиръ Юсефъ оставался въ горахъ. Въ самомъ дѣлѣ не въ первый разъ онъ отказывался отъ правленія, и среди непрестанныхъ волненій Ливана онъ могъ улучить время, чтобы поступить съ племянникомъ, какъ прежде съ братьями. Не замедлила вспыхнуть злая война между дядею и племянникомъ. Побѣжденный Юсефъ бѣжалъ въ Гауранъ. Питая мщеніе, и зная характеръ Джеззара, онъ, несмотря на опалу, представился вдругъ въ Акку къ пашѣ, съ узломъ кругомъ шеи, въ знакъ готовности быть повѣшеннымъ. Безъ всякихъ предисловій предложилъ онъ Джеззару шесть сотъ тысячъ піастровъ ежегодной подати съ Ливана, если опять будетъ назначенъ правителемъ. Лѣтъ за двадцать до того подать, коею было обложено Ливанское княжество, не превышала суммы 150,000 піастровъ. Мы видѣли какимъ образомъ Шагабы, преслѣдуя братъ брата, набавляли подать, сверхъ чрезвычайныхъ взносовъ. Джеззару предложеніе Юсефа показалось пріятнымъ. При. томъ ему было выгодно, въ залогъ повиновенія новаго правителя, имѣть подъ рукою готоваго кандидата. Эмиръ Беширъ провѣдалъ о происходившихъ въ Аккѣ торгахъ; онъ самъ поспѣшилъ туда на переторжки, и предложилъ пашѣ на первый годъ вдвое противу Юсефа; но уже съ тѣмъ чтобы на сей разъ повѣсить и дядю и его совѣтника Гандура. Джеззаръ согласился. Эмиръ Юсефъ и Гандуръ были повѣшены. Такъ кончилось поприще братоубійцы Юсефа, который болѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ ввелъ пашей во внутреннія дѣла Ливана и болѣе всѣхъ содѣйствовалъ къ политическому развращенію своего народа. Междоусобія никогда не прекращались подъ его правленіемъ,

и вѣрнѣйшею пружиною его вліянія были раздоры, хитро посѣянные имъ и его министрами Саадомъ и Гандуромъ, и понынѣ еще существующіе между Ливанскими шейхами. Эмиръ Беширъ прошелъ подъ трупомъ повѣшеннаго дяди, чтобы по стопамъ его и тѣми же средствами и тѣми же злодѣйствами поддержать свою власть до нашихъ дней, и завѣщать Ливану, по своемъ изгнаніи, еще долгій періодъ бореній и кровопролитій.

Жестокости молодаго эмира произвели общій бунтъ на Ливанѣ во второй же годъ его правленія (1790 г.) Никто при немъ не оставался кромѣ тѣлохранителей Джеззаровыхъ, наряженныхъ къ эмиру въ пособіе для сбора обѣщанной суммы. Когда же Джеззаръ готовился идти въ Мекку съ караваномъ, (онъ въ это время былъ облеченъ пашалыкомъ Дамаскимъ и званіемъ эмиръ-Хаджія) его тѣлохранители были имъ отозваны, а эмиръ бѣжалъ съ горъ въ Сайду къ Туркамъ. Шейхи избрали на его мѣсто двухъ эмировъ изъ его родственниковъ, Хайдара и Каадана. Паша по возвращеніи изъ Мекки пособилъ своими войсками эмиръ-Беширу. Около двухъ лѣтъ длилась война; но горцы стояли за-одно, и Ливанъ былъ недоступенъ и эмиру и войскамъ Джеззаровымъ. За тѣмъ однако паша безпощадно отомстилъ горцамъ. Въ 1793 году былъ неурожай во всей Сиріи; съ моря поспѣли корабли съ хлѣбомъ въ Бейрутъ; но паша запретилъ вывозъ хлѣба въ горы, а тамъ цѣлыя деревни помирали съ голоду. Тогда-то Джеззаръ расчитался съ горцами за всѣ недоимки. Для возстановленія своей власти онъ хотѣлъ назначить опять правителемъ своего любимца; однакожъ сжалился надъ воплемъ горцевъ, напуганныхъ хладнокровнымъ жестокосердіемъ эмиръ-Бешира въ недолгій періодъ его правленія. Паша, для успокоенія злополучнаго народа испытаннаго голодомъ и распродавшаго

все свое добро для уплаты податей и контрибуціи, повелѣлъ Беширу удалиться изъ горъ. Эмиръ пошелъ къ племенамъ Ансаріевъ на сѣверъ отъ Ливана. Но и оттуда онъ успѣлъ привлечь на свою сторону шейховъ Джемблатовъ, и возжечь новую междоусобную войну на Ливанѣ, пока наконецъ Джеззаръ, наскучивъ тѣмъ что доходы съ Ливана не слишкомъ исправно поступали въ его казну, назначилъ опять господаремъ Бешира (въ 1795 году), предоставя ему самому отдѣлаться отъ соперниковъ. Въ этой борьбѣ эмиръ одолѣлъ при содѣйствіи Джеззара, между тѣмъ какъ паши Дамаскій и Триполійскій покровительствовали противной партіи. Казнями и убійствами эмиръ утвердилъ наконецъ свое владычество въ горахъ, а конфискаціями и пенями ослабилъ шейховъ и насытилъ ненасытнаго Джеззара. Въ эту эпоху могущественное семейство Друзовъ Абу-Накетъ подверглось опалѣ. Всѣ его члены были умерщвлены, за исключеніемъ двухъ малолѣтнихъ дѣтей укрытыхъ матерью въ Дамаскѣ. Искони семейство это славилось своими злодѣяніями, а когда впослѣдствіи увидимъ новый рядъ ужасовъ, ознаменовавшихъ въ наше время возвращеніе шейховъ Абу-Накетовъ, спасшихся въ дѣтскихъ лѣтахъ отъ ножа эмира, то поневолѣ станемъ вѣрить, подобно жителямъ этихъ горъ, что природныя наклонности къ добру или къ злу переходятъ съ кровію изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Заботы другаго рода отвлекли отъ Ливанскихъ дѣлъ вниманіе Джеззара. Бонапартъ по быстромъ завоеваніи Египта предпринялъ свой чудный походъ въ Сирію (1799 годъ). Султанскимъ Хатишерифомъ *) всѣ пра-

*) Хатъ-шерифъ собственно значитъ священная грамота; такъ называются тѣ изъ султанскихъ повелѣній (фирмановъ) на коихъ приложена собственноручная надпись Султана, каковы манифесты по дѣламъ политическимъ и рѣшенія по дѣламъ особенной важности.

вовѣрные призывались къ защитѣ древней колыбели Ислама отъ нашествія гяуровъ. Въ этомъ манифестѣ объявлялось народу, что Французы, отрекшись отъ всякой вѣры, поправъ все что было священно въ религіи и въ государственныхъ постановленіяхъ ихъ отечества, шли войною на Исламъ, съ тѣмъ чтобы истребить всѣхъ правовѣрныхъ, за исключеніемъ женъ и дѣтей, а женъ и дѣтей осквернить безбожествомъ. Объявлялось также о союзѣ Порты съ Англіею противу общаго врага. Можно было ожидать что воинственныя племена Сиріи встрепенутся на сей торжественный призывъ къ чувству народному и религіозному, и ополчатся массами какъ и во времена крестовыхъ походовъ, о коихъ хранится здѣсь живое воспоминаніе. Но вспомнимъ, что народъ въ Египтѣ былъ утомленъ чудовищнымъ игомъ Мамлуковъ; вся Аравія и вся великая пустыня кипѣли войною Веххабитовъ, а въ Сиріи паши турецкіе около вѣка уже безчинствовали, грабили произвольно жителей равнины и изнуряли междоусобіями горцевъ. Все это дѣлало народъ равнодушнымъ къ призыву Падишаха. Бонапартъ между тѣмъ отвѣчалъ на проклятія, коими громилъ его націю Халифъ Востока, умною вѣротерпимостію въ Египтѣ. Чтобы омыться отъ всякаго пятна крестовыхъ воспоминаній и убѣдить мусульманъ въ томъ, что онъ не имѣлъ враждебныхъ видовъ на ихъ религію, самъ принималъ въ Каирѣ наружный видъ магометанина и исполнялъ обряды исламизма. Порта обманулась въ своихъ ожиданіяхъ; война съ Французами не была войною народною; все ея бремя должна была нести сама Порта и ея паши. А каково готовились къ оборонѣ эти намѣстники Султана? Джеззаръ происками и золотомъ своимъ въ столицѣ уже дважды бывалъ облеченъ Дамаскимъ пашалыкомъ; незадолго до нашествія Французовъ бывъ изгнанъ изъ Дамаска возста-

ніемъ народнымъ, онъ теперь, въ самую критическую эпоху, не переставалъ ссориться и даже вести войну съ Дамаскимъ пашею, то призывалъ къ бунту подвластныя ему племена, то грабилъ Дамаскіе и Триполійскіе округи, то занималъ горы Наплузскіе подвѣдомыя Дамаскому пашѣ, и не позволялъ ему сбирать оттуда подати. Между тѣмъ онъ хвалился у Порты, что онъ одинъ въ состояніи выгнать Французовъ изъ Египта, и уже впередъ просилъ себѣ въ награду Дамаскій пашалыкъ. Всѣ же приготовленія его къ войнѣ состояли въ томъ чтобы укрѣпить Яффу, насильственно вооружить ея жителей, и вмѣстѣ съ гарнизономъ насчитать тамъ тысячъ десять плохаго войска; окончить и кое-какъ исправить начатыя Дагеромъ укрѣпленія Акки, созвать въ этотъ городъ своихъ отчаянныхъ Босняковъ, Албанцевъ, Кюрдовъ, Могребиновъ, которыхъ ватаги періодически опустошали пашалыкъ, и отложить до времени гоненія на эмиръ Бешира, котораго мѣсто было уже сторговано сыновьями повѣшаннаго имъ эмира Юсефа.

Яффа, предъ которою останавливались по нѣскольку недѣль или мѣсяцевъ обычныя нашествія съ Египта, была взята штурмомъ въ третій день по появленіи Французскаго войска у ея стѣнъ. Племена Палестинскихъ горъ и воинственнаго Наплуза, которыя могли бы, если не сражаться въ полѣ съ Французами, то по крайней мѣрѣ безпокоить ихъ фланги, остались равнодушными зрителями ихъ шествія вдоль берега до Акки. Бонапартъ не занялъ Іерусалима потому что въ Сиріи онъ искалъ только военныхъ позицій. Въ этомъ отношеніи Іерусалимъ представлялъ ту невыгоду, что въ случаѣ возстанія горцевъ, легко могла быть отрѣзана обратная дорога въ Египетъ.

Акка была обложена. Англійскій Коммодоръ Сидней Смитъ пособлялъ Джеззару съ моря, и наряжалъ въ

крѣпость своихъ артиллеристовъ въ подмогу къ плохимъ артиллеристамъ Джеззара, который за своими стѣнами упорно отстрѣливался отъ осадныхъ работъ Французовъ, и слышать не хотѣлъ о переговорахъ. Окрестныя племена съ безстрастнымъ любопытствомъ глядѣли на войну, или даже благопріятствовали Французамъ, если не по сочувствію къ нимъ, то по ненависти къ Джеззару. Мотуали Саффетскіе, которые всѣхъ болѣе испытали неистовства тирана, явились даже въ лагерь Французовъ подъ начальствомъ шейха Салиха, одного изъ внуковъ Дагера, извѣстнаго болѣе по своему поэтическому таланту, чѣмъ по воинственнымъ доблестямъ. Другихъ шейховъ болѣе способныхъ не спаслось отъ преслѣдованій Джеззара. Безъ шейховъ племена Сирійскія, по своему внутреннему устройству, не могутъ двигаться, а потому племя Мотуаліевъ, при всей своей готовности присоединиться къ кому бы-то ни было, чтобы избавиться отъ своего тирана, было какъ-бы разбито параличемъ, и не могло оказать значительнаго пособія Французамъ. Джеззаръ звалъ къ себѣ горцевъ Ливанскихъ съ эмиръ-Беширомъ; но эмиръ медлилъ явиться, а отвѣчалъ, что въ горахъ у него совершенное безначаліе, — это отчасти было справедливо — что интриги сыновей эмира Юсефа не давали ему отдыха; что народъ не платилъ податей, а о походѣ и слышать не хотѣлъ. Бонапартъ съ своей стороны писалъ краснорѣчивыя граммоты къ горцамъ и къ эмиру, зазывая ихъ къ себѣ, съ обѣщаніемъ освободить Сирію отъ ея тирана. Молодой полковникъ Себастіани *) подносилъ эмиру ружье въ подарокъ отъ Генерала и велъ безуспѣшно съ нимъ переговоры. Эмиръ не рѣшался дѣйствовать. Онъ ждалъ чѣмъ кончится осада Акки, чтобы потомъ предложить побѣдителю свои услуги. Въ одномъ

*) Впослѣдствіи маршалъ.

изъ своихъ писемъ Бонапартъ упрекалъ эмира въ томъ, что онъ медлилъ отвѣтомъ. Письмо это было перехвачено Джеззаромъ и заставило его хвалить эмира за вѣрность; но горцы не рѣшались итти на помощь къ осажденному. Между тѣмъ бѣглые изъ Египта Мамлуки съ толпою наскоро набранною Дамаскимъ пашею, спускались по Антиливанской долинѣ, чтобы аттаковать осаждавшихъ. Это былъ тотъ двадцатитысячный корпусъ, если только можно назвать корпусомъ подобный сбродъ, который былъ разбитъ Французами въ равнинѣ Эсдралонской, въ виду Ѳавора, именемъ коего названа эта битва въ поэтической реляціи Бонапарта. Эмиръ Ливанскій снабжалъ провизіею Турокъ, а въ тоже время доставлялъ Французамъ въ лагерь Ливанское вино. Впрочемъ нельзя поставить въ вину эмиръ-Беширу его двуличія и нерѣшимости. Правда, его вліяніе упрочилось съ того времени какъ онъ, истребивши домъ Абу-Накетовъ, заключилъ тѣсный союзъ съ Джемблатами въ лицѣ даровитаго шейха Бешира, главы Джемблатова дома. Но духъ партій, духъ раздора, вражды семейной, измѣны и корысти, успѣли уже въ одинъ вѣкъ управленія Шагабовъ бросить столь глубокіе корни въ утробу племенъ Ливанскихъ, что всякое политическое вліяніе на судьбы Сиріи было ими утрачено. Ихъ жизнь истощалась въ козняхъ и междоусобіяхъ. Политика пашей благопріятствовавшихъ этому направленію Ливанскихъ племенъ, оправдывалась опытомъ, осуждая на бездѣйствіе горскія племена въ такую минуту, когда отъ нихъ зависила судьба Сиріи. Въ самомъ дѣлѣ еслибы племена Ливанскія подобно Мотуаліямъ могли единодушно дѣйствовать въ эпоху осады Акки въ пользу Французовъ, Бонапартъ въ нѣсколько недѣль завладѣлъ бы всѣмъ краемъ до Алепа, и упорная защита Акки не имѣла бы рѣшительнаго результата.

Религіозное чувство было совершенно непричастно тогдашнимъ дѣламъ Сиріи. Марониты, усердные католики, искони сочубстовали Французамъ; но въ эту эпоху духовенство маронитское и духовенство римское поселенное на Ливанѣ, успѣли заблаговременно изобразить Бонапартово войско самыми отвратительными красками, и учили дѣтей арабской грамотѣ по переводу составленныхъ римскими мисіонерами описаній французской революціи. При томъ же Марониты, хотя представляли несравненное большинство горскаго народонаселенія, однако, при феодальномъ образованіи Ливана, никакого политическаго значенія еще не имѣли, состоя подъ управленіемъ шейховъ и эмировъ, Друзовъ или мусульманъ. Друзы ненавидѣли Французовъ и готовились въ случаѣ взятія ими Акки отступить въ гористый Гауранъ и въ лабиринтъ Леджи, *) къ своимъ единовѣрцамъ. Эмиръ-Беширъ, хотя и вѣрилъ еще въ это время въ Мухаммеда, однако онъ былъ готовъ заключить союзъ даже съ поклонниками огня и съ Іезидами, поклонниками діавола, чтобы только избавиться отъ Джеззара; но онъ хорошо постигъ, что если бы только онъ объявилъ себя за Французовъ, то сыновья эмира Юсефа тотчасъ подняли бы на него народъ, и открылась бы на Ливанѣ новая междоусобная война, которой первымъ результатомъ, при вліяніи сосѣдственныхъ пашей Дамаска и Триполи, было бы сверженіе и казнь эмира.

По семидесятидневной безполезной осадѣ Акки Бонапартъ отступилъ въ Египетъ сопутствуемый чумою, и завѣщавши Сиріи только поэтическое воспоминаніе о своемъ чудесномъ появленіи, объ этихъ стройныхъ рядахъ солдатъ, которые подъ звукомъ барабана шли

*) О Леджѣ будетъ подробнѣе говорено въ VIII главѣ этой книги.

чинно на бой, будто подвижныя стѣны, защетинившіяся штыками; объ этихъ живописныхъ эволюціяхъ военной тактики, еще невиданной въ Азіи или забытой со временъ Македонской фаланги и римскихъ когортъ; объ этихъ живыхъ замкахъ именуемыхъ карре, неподвижно ожидавшихъ бѣшенной аттаки азіятскихъ наѣздниковъ въ чистомъ полѣ подъ Аккою и въ Галлилеѣ; о дисциплинѣ солдатъ, непостижимой для Азіятца, привыкшаго видѣть въ своихъ войскахъ толпу патентованныхъ грабителей; а всего болѣе о томъ, что съѣстные припасы, доставлаемые жителями въ лагерь, покупались на наличныя деньги — дѣло неслыханное въ Азіи.

И въ самомъ дѣлѣ единственнымъ плодомъ Сирійскаго похода было впечатлѣніе произведенное въ этой сторонѣ Востока преимуществами Европейскихъ войскъ предъ Азіятскими. Россія успѣла уже за Кавказомъ и за Дунаемъ убѣдить въ этой истинѣ своихъ сосѣдей. Англичане подвизались въ томъ же смыслѣ на берегахъ Индуса, а Французы избрали своимъ поприщемъ Египетъ и Сирію — но не надолго. Акка по своей защитѣ прославилась въ Европѣ крѣпостію неприступною, хотя въ эту эпоху едвали можно было назвать ее крѣпостію. Да и теперь, послѣ колоссальныхъ работъ Абдаллахъ-паши и Ибрагима, она не выдержитъ правильной осады. Бонапартъ не могъ ею овладѣть, во первыхъ по неимѣнію осадной артиллеріи, а главное потому что Англійскій флотъ защищалъ ее съ моря.

Въ Европѣ привыкли думать, что неудача Бонапарта предъ Аккою спасла Турцію и всю Азію отъ западныхъ завоевателей. Стали приписывать Бонапарту колоссальные проекты о преобразованіи Востока, о какомъ-то походѣ въ Индію по слѣдамъ Македонскаго героя, о проповѣданіи новой религіи между Бедуинами. Мы не повѣримъ, чтобы положительный умъ Наполеона

могъ забавляться подобными мечтами. Давно прошли для Азіи тѣ времена, когда Европейскій геній тридцатью тысячами войска и тремя сраженіями рѣшалъ судьбу этаго пространнаго материка. Народы Азійскіе таятъ сами въ себѣ зародышъ и геній своихъ грядущихъ судебъ. Лучь науки, истекшій нѣкогда съ Востока на Западъ и нынѣ отражаемый Западомъ на Востокъ, силенъ направить гражданское развитіе обновляющагося Востока; но попытки меркантильныхъ завоеваній, попытки внезапныхъ политическихъ переворотовъ, при всемъ наружномъ блескѣ, врядъ ли благопріятны успѣху науки и гражданственности, успѣху медлительному но прочному подъ знаменіями мудрой Минервы, не буйнаго Марса.

Что касается до религіознаго преобразованія Арабскаго міра и до превращенія милліона Бедуиновъ въ милліонъ завоевателей, по слову новаго пророка и по слѣдамъ Магометовымъ — если это и сбыточно при нынѣшнемъ состояніи Арабскихъ кочевыхъ племенъ и Кюрдовъ Турціи и Персіи, но не иноземному генію суждено совершить подобный переворотъ. Ни въ одномъ кочевьѣ Бедуинскомъ пришлецъ иноземный не возбудитъ къ себѣ сочувствія; въ нихъ языкъ и краснорѣчіе играютъ роль несравненно болѣе важную чѣмъ въ палатахъ и въ журналахъ западной Европы, и ни одному генію вскормленному Западомъ не будутъ доступны эти два великіе дѣятеля судебъ народныхъ на Востокѣ. Правда, Наполеонъ вмѣсто того, чтобы опровергнуть приписываемые ему замыслы, старался даже придать имъ болѣе вѣса; но это не трудно пояснить желаніемъ его содержать въ тревогѣ Англичанъ за Индейское ихъ царство, и въ тоже время окружать себя чѣмъ то чудеснымъ въ глазахъ своего народа, и воспламенять воображенія на Западѣ искрою искусно почерпнутою имъ на Востокѣ,

въ классической странѣ вымысла. Самый походъ въ Сирію вѣрнѣе можно приписать этимъ соображеніямъ и эффекту, котораго можно было ожидать на Западѣ отъ поэтическихъ бюллетеней Ѳаворской горы, чѣмъ надеждѣ Бонапарта завоевать Сирію. Примѣръ легкаго покоренія Египта не могъ ввести его въ заблужденіе касательно Сиріи. Въ Египтѣ стоило разбить и разсѣять ненавистныхъ народу гостей Мамлуковъ, а потомъ владѣльцу Каира и судоходнаго Нила, *Нила-моря* по выраженію Арабовъ, безпрекословно принадлежала эта богатая страна, опоясанная пустынею съ двухъ сторонъ и примыкающая на югъ къ царствамъ, откуда давно уже не идутъ завоеватели, а только тянутся караваны съ слоновою костію, съ золотымъ пескомъ, съ гумміемъ и амброю и невольниками. Съ моря защита ограничивается Дамьятомъ, Рашитомъ (Розетою), Абукиромъ и Александріею; остальной же берегъ недоступенъ. Но Сирія, коей судьбы искони сопряжены съ судьбами Египта, представляетъ разительный контрастъ съ своею сосѣдкою. Здѣсь, можно сказать, сама природа и образованіе почвы во всегдашнемъ союзѣ съ природными наклонностями и съ политическимъ образованіемъ племенъ противу каждаго прочнаго владычества. Сирія всегда отдавалась безстрастною добычею первому завоевателю, который бы шелъ на нее съ сѣвера-ли или съ юга, изъза Евфрата-ли или съ моря. Мы видѣли, что одни Мамлуки попытались остановить торжественный походъ Селима, которому равнодушно покорялись туземныя племена. Мы видѣли съ какимъ успѣхомъ войска Али-бека и потомъ Мухаммедъ-бекъ совершали свои походы, не находя нигдѣ сопротивленія со стороны воинственныхъ Сирійскихъ племенъ. Таковъ былъ и походъ Французовъ. Не племена Сирійскія, а стѣны Акки и Паша турецкій остановили дальнѣйшіе ихъ успѣхи. Впрочемъ

если Акка спасла Сирію, то можетъ быть ей же обязанъ своею судьбою на Западѣ и самъ Бонапартъ, тѣмъ что онъ, испытавши здѣсь неудачу, успѣлъ своевременно отступить въ Египетъ. Куда повелъ бы завоевателя дальнѣйшій походъ? Для завоеванія Сиріи не было достаточно выиграть два три сраженія. Звѣзда молодаго героя могла провести за нимъ лучезарную бразду побѣдъ по этой странѣ изрытой стопами завоевателей всѣхъ вѣковъ; но во всѣ вѣки чѣмъ легче доставалась завоевателю эта невѣрная добыча, тѣмъ труднѣе было ее сохранить; а извлечь изъ нея элементы новыхъ силъ для дальнѣйшихъ предпріятій — этаго никому не посчастливилось. Египетскіе Мамлуки и Турецкіе султаны тѣмъ только сохранили подъ своею властію Сирію, что ни тѣ ни другіе не требовали отъ нея повиновенія, довольствовались умѣренною податью, мало заботились объ утвержденіи своей власти въ этой области, терпѣливо смотрѣли на ея бунты, потворствовали междоусобіямъ ея племенъ, и привыкали даже къ возстаніямъ собственныхъ своихъ намѣстниковъ, заражаемыхъ духомъ Сирійскихъ племенъ.

ГЛАВА IV.

ГНѢВЪ ДЖЕЗЗАРА. — СНОШЕНІЯ ЭМИРЪ-БЕШИРА СЪ АНГЛИЧАНАМИ. — ПОХОДЪ ВЕЛИКАГО ВИЗИРА. — НОВЫЯ МЕЖДОУСОБІЯ НА ЛИВАНѢ. — БѢГСТВО ЭМИРА. — ПОЛИТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНІЕ СИРІИ. — ПРОЕКТЪ ПОРТЫ. — ВОЗВРАЩЕНІЕ ЭМИРА. — ПРИМИРЕНІЕ ГОРЦЕВЪ И ВОЙНА СЪ ДЖЕЗЗАРОМЪ. — ЕГО СМЕРТЬ И ПАМЯТЬ О НЕМЪ. — МѢРЫ ПРИНЯТЫЯ ПОРТОЮ ДЛЯ ЗАВЛАДѢНІЯ АККОЮ. — ВОЙНА МЕЖДУ ПАШАМИ. — ССОРЫ КОММИСАРОВЪ ПОРТЫ ЗА СОКРОВИЩА ДЖЕЗЗАРОВЫ. — БАНКИРЪ ЕВРЕЙ СДАЕТЪ АККУ СОЛИМАНЪ ПАШѢ. — УСИЛЕНІЕ ЭМИРА ЛИВАНСКАГО. — КАЗНИ. — ДѢЛА ДАМАСКАГО ПАШАЛЫКА. — ДЕРЗОСТИ БЕДУИНОВЪ. — ГЕНДЖЪ-ЮСЕФЪ. — ПОХОДЪ ЭМИРА НА ДАМАСКЪ. — АБУНАБУТЪ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ. — НАЧАЛО ВЕЛИЧІЯ ЭМИРЪ-БЕШИРА. — ОБРАЩЕНІЕ ШАГАБОВЪ ВЪ ХРИСТІАНСТВО. — ПОЛИТИЧЕСКІЯ И РЕЛИГІОЗНЫЯ СООБРАЖЕНІЯ. — МНѢНІЕ ЕВРОПЫ ОБЪ ЭМИРЪ-БЕШИРѢ.

Джеззаръ торжествовалъ. Жестокая опала настигла Мотуаліевъ, которые довѣрились Французамъ; ихъ шейхи пришли искать убѣжища на Ливанѣ; но эмиръ объявилъ, что надъ нимъ самимъ висѣла также мстительная сабля Джеззара. Въ самомъ дѣлѣ паша назначалъ правителями Ливана двухъ сыновей эмира Юсефа, и поручалъ имъ отплатить эмиру за поносную смерть ихъ отца. Этимъ Джеззаръ домогался двоякой цѣли: отомстить эмиру за его бездѣйствіе въ осаду Акки, и усугубить въ будущемъ вліяніе свое на Ливанѣ при

умноженіи поборовъ и налоговъ; ибо всегда онъ могъ вооружить одного изъ братьевъ на другаго и продолжать съ ними туже жестокую игру, которая при ихъ отцѣ наполняла его казну добычею горцевъ. Между тѣмъ Коммодоръ Сидней Смитъ, спаситель Акки, имѣлъ случай узнать объ эмирѣ Ливанскомъ, о его способностяхъ, о причинахъ его бездѣйствія въ осаду Акки, и понялъ, что лучшимъ оплотомъ Сиріи противу вторичнаго нашествія Французовъ могли бы послужить племена Ливанскія. Онъ навѣстилъ эмира въ горахъ въ Айнъ-Анубѣ (въ 4 часахъ отъ Бейрута) обмѣнялся съ нимъ подарками, по восточному обычаю, и поручилъ ему раненнаго своего племянника для поправленія его здоровья въ горахъ. Узнавъ объ опасеніяхъ его со стороны Джеззара, Коммодоръ поспѣшилъ въ Акку, чтобы ходатайствовать за него у паши. Но Джеззаръ съ гордостію отвергъ всякое ходатайство, посмѣялся надъ доводами Коммодора, и объявилъ эмира измѣнникомъ. Обиженный Коммодоръ жаловался своему посольству на неблагодарнаго пашу. Между тѣмъ Великій визиръ, Хаджи-Юсуфъ-Діа-паша, со стотысячною арміею спускался въ Сирію. Ему были переданы Портою депеши Англійскаго Коммодора, а эмиръ съ своей стороны приносилъ жалобу на Джеззара, свидѣтельствуя о своей вѣрности и доставляя въ знакъ усердія значительное количество провіанта для арміи. Отложивъ разбирательство дѣла до изгнанія Французовъ изъ Египта, Визиръ наградилъ эмира Ливанскаго великолѣпнымъ кафтаномъ, и въ силу полномочія, коимъ онъ былъ облеченъ отъ Султана для устройства Сиріи, пожаловалъ эмира наслѣдственнымъ владѣтельнымъ княземъ горы Ливанской (Джебель-Друзъ) и Антиливанской (Вади-эль-тимъ), Бальбека и долины Бекаа (Кили-Сиріи), округа Джибейля и страны Мотуаліевъ

(Беледъ-Бшари); при томъ онъ утверждалъ за нимъ всѣ древнія права Маановъ, и ставилъ его въ прямую зависимость Порты, съ тѣмъ чтобы паши взимали только опредѣленную поземельную подать за округи ему ввѣренные и вовсе не входили въ его дѣла. Эти великія милости остались мертвою буквою въ повелѣніяхъ Великаго визира. Визиръ былъ гостемъ въ Сиріи, а Джеззаръ — хозяиномъ въ Аккѣ. Не расчитавъ этого обстоятельства эмиръ-Беширъ доставилъ Діа-пашѣ годичную подать съ Ливана, много породистыхъ коней въ подарокъ и около 10,000 четвертей хлѣба для арміи. Джеззаръ хладнокровно на все смотрѣлъ изъ за Аккскихъ стѣнъ; Визиру ни подарковъ, ни провіанта, ни податей не доставилъ, а ждалъ только, чтобы столичный гость съ своею арміею вышелъ изъ Сиріи. Визиръ былъ еще въ Газѣ и готовился къ походу въ Египетъ, а Джеззаръ посылалъ въ горы съ своимъ войскомъ сыновей эмира-Юсефа, удержавъ у себя заложникомъ младшаго ихъ брата. *)

Ливанскія племена съ радостію приняли новыхъ Князей въ надеждѣ избавиться отъ поборовъ, которыми обременялъ ихъ эмиръ-Беширъ, чтобы заслужить милость Великаго визира. Паши Дамаскій и Триполійскій по наказу Діа-паши поспѣшили отправить войско въ помощь къ эмиру, и обнародовали строгія предписанія горцамъ чтобы не выходить изъ повиновенія. Но все это, равно какъ и сдѣланный эмиромъ къ горцамъ призывъ для изгнанія Джеззаровыхъ полчищъ остались безъ дѣйствія. Заблаговременно посѣянные Джеззаромъ раздоры между Антиливанскими Князьями открывали

*) Этотъ младшій сынъ Юсефа, эмиръ-Селимъ, ослѣпленный впослѣдствіи своимъ двоюроднымъ братомъ эмиръ-Беширомъ при опалѣ настигшей все потомство Юсефа, скончался на Ливанѣ въ 1845 году. Отъ него-то сообщены мнѣ многія обстоятельства сего разсказа.

ему со всѣхъ сторонъ легкій доступъ въ Ливанъ. Наслѣдственная безнравственность эмировъ Антиливанскихъ не переставала обуревать округи Хасбею и Рашею въ угодность Джеззару. Тамъ братоубійства между Шагабами были столь обычнымъ дѣломъ, что матерм эмировъ клятвенно обязывали своихъ дѣтей не пребывать никогда всѣмъ въ одномъ мѣстѣ, во первыхъ для того, чтобы не предаваться искушенію братоубійства; во вторыхъ, чтобы, въ случаѣ нападенія родственниковъ, не всѣмъ погибнуть вмѣстѣ, а оставить мстителя по себѣ. Эмиръ-Беширъ съ пятью стами Друзами шейха Бешира Джемблата бѣжалъ въ Джибейль. Двоюродные его братья за нимъ погнались. Они налагали контрибуціи на народъ, вторично взимали подати, а войска данныя имъ пашею жгли и грабили деревни. Горцы покаялись въ измѣнѣ своему эмиру, но поздно. Эмиръ скитался по сѣвернымъ округамъ, переходя съ мѣста на мѣсто потаенными тропинками, пока наконецъ получилъ приглашеніе отъ Коммодора Сиднея Смита съ нарочно отправленнымъ къ нему кораблемъ въ Триполи, идти моремъ въ Газу къ Великому визиру. Эмиръ-Беширъ ввѣривши свое семейство преданнымъ ему шейхамъ Мусульманамъ Бени-Радъ, которые владѣли округами *Данныэ*, *Хоснъ и Саффита*, и поручивши своихъ немногихъ приверженцевъ покровительству Дамаскаго паши, сѣлъ на англійскій корабль въ Декабрѣ, былъ занесенъ бурею до Барбарійскихъ береговъ, и послѣ трехнедѣльнаго плаванія достигъ эль-Ариша, границы Египетской. Визиръ принялъ его ласково и предложилъ ему десять тысячь своего войска, чтобы вопреки Джеззару занять Ливанъ. Эмиръ отклонилъ это предложеніе, зная что ему было невозможно удержаться въ горахъ при помощи десяти тысячь грабителей, а довольствовался обѣщаніемъ Визира, по окончаніи дѣлъ

въ Египтѣ — освободить Ливанъ и всю Сирію отъ чудовищнаго Джеззара. Джеззаръ этимъ временемъ бралъ контрибуціи съ городовъ и селеній, взималъ подати съ Наплузскихъ горъ подлежащихъ Дамаскому пашѣ, осаждалъ крѣпость Саннуръ, куда укрылись Наплузскіе шейхи, бунтовалъ Антиливанскихъ эмировъ противъ Дамаскаго паши, съ которымъ былъ въ разладѣ, подстрекалъ Триполійскихъ мусульманъ къ возмущеніямъ, готовя такимъ образомъ пути въ этомъ пашалыкѣ другому бродягѣ Мустафа-Берберу, который по слѣдамъ Джеззара, и тѣми же средствами, успѣлъ впослѣдствіи завоевать Триполійскій пашалыкъ и заставить Порту терпѣливо сносить его дерзости. Странное зрѣлище: вся Сирія была въ долгой хаотической тревогѣ, и съ каждымъ годомъ возникали новые бродяги, которые захватывали власть, и подъ наружнымъ видомъ повиновенія пашамъ и Портѣ, были въ существѣ независимы. Одни только племена Ливанскія, среди своихъ неприступныхъ скалъ, при феодальномъ своемъ устройствѣ, съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе дѣлались игралищемъ пашей — благодаря семейнымъ враждамъ своихъ эмировъ.

Экспедиція Юсуфъ-Діа-паши въ Египетъ открылась неудачами. Джеззаръ, чтобы ослабить еще болѣе вліяніе Порты на Сирію, и самому остаться полномощнымъ властелиномъ, успѣлъ подкупить и Капитанъ-пашу и многихъ вельможъ столичныхъ, для тайнаго противудѣйствія всякому успѣху Великаго визира; а между тѣмъ, повсюду гдѣ замѣчалъ готовыя горючія вещества въ этомъ просторномъ Сирійскомъ кострѣ мятежей, кидалъ искру и усердно раздувалъ пламя. По окончаніи Египетской кампаніи визиръ, не смѣя аттаковать Джеззара, готоваго выдержать вторую осаду, довольствовался тѣмъ, что отнялъ у него южную сторону его пашалыка, санджакъ Газы, назначивъ туда пашею изъ

туземцевъ Мухаммеда *Абу-Марака.* Порта съ своей стороны видя, что ея вліяніе слабѣло въ Сиріи, и не смѣя приступить къ Джеззару, главному виновнику зла, думала поддержать свою власть размноженіемъ пашей. Въ Хамѣ и въ Хомсѣ, по межѣ великой пустыни, были назначены паши. Туземный шейхъ *Деншъ* изгналъ ихъ оттуда. Юсуфъ-паша, изъ знаменитаго рода *Эль-Адемъ*, не могъ также завладѣть пожалованнымъ ему пашалыкомъ Триполійскимъ. Караванъ мусульманскихъ поклонниковъ каждый годъ терпѣлъ обиды отъ Бедуиновъ, которые пользовались религіозными смутами Аравійскаго полуострова, чтобы въ свою очередь бушевать въ Сирійской пустынѣ. Съ одной стороны Порта не щадила усилій, ухищреній и пожертвованій всякаго рода, чтобы обезпечить для правовѣрныхъ исполненіе священныхъ поклоническихъ обѣтовъ, а съ другой Джеззаръ преслѣдовалъ своими кознями Дамаскаго пашу, которому было ввѣренно это важное дѣло, и при каждой его неудачѣ, при возрастающемъ ропотѣ правовѣрныхъ во всей имперіи, возобновлялъ онъ свои вѣрноподданническія и благочестивыя предложенія, подкрѣпляемыя подарками министрамъ, и ручался открыть правовѣрнымъ путь въ Мекку, лишь бы только Дамаскій пашалыкъ былъ присоединенъ къ его владѣніямъ.

Въ Диванѣ стали разсуждать о принятіи рѣшительныхъ мѣръ для правительственнаго устройства Сиріи, для обузданія пашей и туземныхъ вассаловъ, для облегченія участи народовъ и внушенія имъ довѣренности къ правительству. Было положено назначить Великаго визира Юсуфъ-Діа-пашу полномочнымъ начальникомъ всей страны отъ Тавра до Персидскаго залива и до Чермнаго моря, и сосредоточить въ его рукахъ все управленіе двѣнадцати пашалыковъ, оставя при немъ

значительную часть арміи. Такимъ образомъ Порта, по двухвѣковомъ опытѣ, сознавалась въ необходимости вторичнаго завоеванія областей, почти безспорно покоренныхъ Селимомъ. Дѣла Европы и открывшаяся за тѣмъ война съ Россіею воспрепятствовали исполненію этой великой государственной мѣры. Но какимъ залогомъ Порта могла обезпечить, если не успѣхъ гражданскаго подвига Великаго визира, то покрайней мѣрѣ вѣрность своего намѣстника послѣ успѣха? Съ самаго основанія турецкой имперіи кто изъ пашей не бунтовался, когда его средства позволяли сдѣлать это безнаказанно?

Эмиръ-Беширъ долго странствовалъ на англійскомъ флотѣ. Убѣдившись наконецъ въ томъ, что ни обѣщанія Великаго визира, ни ходатайство Англичанъ, ни фирманы султанскіе не возвратятъ ему утраченнаго княжества, онъ рѣшился испытать еще разъ свою судьбу, при помощи людскихъ страстей и общаго неудовольствія горцевъ противу его соперниковъ. Онъ высадился въ Триполи, поселился въ сѣверныхъ отрасляхъ Ливана, подвѣдомыхъ Дамаскому пашѣ, сталъ наблюдать за ходомъ дѣлъ въ горахъ и приводить въ дѣйствіе знакомыя ему пружины. Сыновья Юсефовы, эмиръ-Саадъ-Эддинъ и эмиръ-Хусеинъ, подъ руководствомъ своего министра Беза, родомъ Маронита, были заняты систематическимъ грабежемъ горцевъ для уплаты суммъ обѣщанныхъ Джеззару. Стали взимать помѣсячно подати, и при каждомъ сборѣ наряжались разорительныя экспедиціи войсками данными отъ паши въ пособіе эмирамъ. При всемъ томъ было еще много недоимокъ, а паша гнѣвался. Эмиръ-Беширъ улучилъ время, чтобы съ одной стороны напомнить о себѣ горцамъ, а съ другой ходатайствовать у паши. Паша предвидя, что поставленные имъ эмиры недолго усто-

ятъ противу происковъ соперника, сталъ требовать съ угрозами немедленной уплаты недоимокъ. Новыя притѣсненія, къ которымъ эмиры были принуждены прибѣгнуть, вывели изъ терпѣнія горцевъ. Стали открыто требовать прежняго правителя. Депутація отъ народа была отправлена къ Беширу съ просьбою принять вновь управленіе, и съ клятвеннымъ обѣщаніемъ, что горцы не признаютъ надъ собою другаго господина, и готовы отстоять эмира отъ всѣхъ преслѣдованій Джеззара.

Эмиръ былъ принятъ съ восторгомъ горцами усталыми отъ междоусобій и поборовъ. Народныя сочувствія придали видъ тріумфальнаго шествія походу его въ Шуфъ. Тамъ соперники его успѣли занять Деръ-эль-Камаръ двумя тысячами Джеззаровыхъ Албанцевъ. Шейхи одинъ за другимъ приставали къ эмиръ-Беширу. Джурджосъ-Безъ, который управлялъ подъ именемъ Юсефовыхъ сыновей, боясь, чтобы его не блокировали въ горахъ, сдалъ Деръ-эль-Камаръ эмиру, спустился съ своими Албанцами въ Бейрутскую равнину, и оттолѣ усиливши свое войско до шести тысячь всякимъ сбродомъ, продолжалъ еще два года войну съ эмиромъ, жегъ деревни у подошвъ Ливана, и нѣсколько разъ доводилъ до послѣдней крайности эмира, который, не находя обѣщанной подпоры у горцевъ, сражался часто одинъ съ своими слугами, чтобы не дать доступа въ горы ватагамъ Джеззара. Джурджосъ-Безъ, потерявши надежду возвратить своимъ питомцамъ отцовское наслѣдіе, вступилъ опять въ переговоры съ Беширомъ на томъ основаніи, чтобы округъ Джибейль былъ отданъ въ удѣлъ сыновьямъ Юсефа. Обѣ договаривающіяся стороны хорошо вѣдали, что Джеззаръ не проститъ имъ, если онѣ примирятся. Чтобы усыпить Джеззара, Безъ доложилъ ему, будто эмиръ-Беширъ разбитъ имъ наголову, будто горцы просятъ пощады, будто онъ съ

небольшимъ отрядомъ вступилъ въ горы, а опальный эмиръ будетъ отосланъ въ Акку въ цѣпяхъ. Съ этимъ извѣстіемъ онъ отпустилъ Албанскую милицію, и тотчасъ заключилъ оборонительный союзъ съ эмиръ-Беширомъ. Такъ кончились долгія междоусобія эмира съ двоюродными братьями; но горцамъ не было еще суждено отдохнуть. Джеззаръ гнѣвался, зная что Ливанъ ему недоступенъ, пока его племена въ мирѣ между собою. Еще года три онъ не переставалъ сѣять раздоры на Ливанѣ, оказывая свое покровительство эмирамъ Солиману и Абасу, родственникамъ и соперникамъ Бешира. Масса народонаселенія въ этотъ разъ отстояла своего князя, пока паша видя, что при этихъ продѣлкахъ не поступало въ его казну ни одного піастра подати съ Ливана, согласился наконецъ, по ходатайству своего банкира изъ евреевъ Хаима, признать эмиръ-Бешира княземъ Ливанскимъ, подъ условіемъ взноса четырехъ сотъ тысячь піастровъ за недоимки прошлыхъ лѣтъ и полумилліона ежегодной подати (1803 г.)

За годъ до своей смерти Джеззаръ успѣлъ опять исходатайствовать у Порты Дамаскій пашалыкъ, поручась въ безопасности каравана. Караванъ онъ ввѣрилъ Солиманъ-пашѣ, тому самому, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ подвергался опалѣ по случаю любовнаго заговора невольницъ Джеззаровыхъ съ Мамлуками, а потомъ, поскитавшись нѣсколько лѣтъ въ кочевьяхъ Бедуиновъ, успѣлъ опять войти въ милость къ Джеззару и получить начальство надъ его войсками въ разныхъ экспедиціяхъ. Жителямъ Дамаска, которые въ первый и во второй разъ его управленія жаловались на него въ Порту, или закрывали ему ворота своего города, онъ отомстилъ огромными пенями, и собралъ контрибуцію со всей области весьма простымъ сред-

ствомъ: съ каждаго муселима, начальника округа или участка, онъ требовалъ извѣстной суммы въ положенный срокъ, предоставя ему или платить изъ своего кармана, или взыскать по своему усмотрѣнію съ жителей. Съ Бедуиновъ, которые пасли свои стада въ пашалыкѣ, было трудно добить денегъ. Джеззаръ забралъ у нихъ разомъ сто тысячь головъ лошадей, верблюдовъ, рогатаго скота, и насильно заставилъ городскихъ жителей раскупать этотъ скотъ, а хозяевамъ предложилъ выкупить свою собственность по взаимному согласію съ пріобрѣтателями. Акскій пашалыкъ давно уже ознакомился съ финансовою системою своего паши. Вся торговля была въ его рукахъ. Встарину торговля пользовалась полною свободою въ Турціи; но въ прошедшемъ столѣтіи и правительство Оттоманское и паши въ областяхъ стали вводить монополію на нѣкоторые продукты. Шейхъ Дагеръ-эль-Омаръ почерпалъ въ монополіяхъ средства для своихъ великихъ замысловъ. Джеззаръ при помощи своего банкира Хаима, которому шутя однажды отрубилъ носъ и ухо, распространилъ систему своего предшественника не только на всѣ продукты, но даже на всѣ дѣла по управленію. Такъ напримѣръ: онъ отдалъ на откупъ Градскія Думы (Диванъ-машвара) предоставя откупщику назначать тамъ членовъ и секретарей, которые раскупали должности по условленнымъ цѣнамъ. Даже чудовищное право взиманія контрибуціи съ городовъ однажды или дважды въ годъ, отдавалось на откупъ. Откупщикъ выбиралъ по своему усмотрѣнію горожанъ и купцовъ или ихъ дѣтей, и терзалъ ихъ доколѣ не уплачивалась требуемая съ каждаго сумма. Въ Бейрутѣ помнятъ еще какъ цѣлыя семейства бросались въ море, чтобы избавиться отъ своихъ мучителей.... При такихъ подробностяхъ, которыя покажутся преувеличенными тому только кто

незнакомъ съ Турками, не въ столицѣ но въ областяхъ оттоманскихъ, излишнимъ кажется входить въ разсужденія. Онѣ всего лучше пояснятъ нынѣшнее моральное и матеріальное состояніе Сиріи.

Никто здѣсь не проклинаетъ памяти Ахмета Джеззара. Въ народѣ сохранилась слава о его могуществѣ, о его богатствахъ, о смѣломъ и упорномъ его нравѣ. Самыя его причуды, его кровавыя потѣхи, кары, которымъ подвергались цѣлыя области, все это сильно поразило воображеніе Азіятцевъ. Удивленіе и страхъ посѣянный Джеззаромъ предостерегли память тирана отъ укоризны народной. Азіятецъ искони покоряется могуществу, въ чьихъ бы оно ни было рукахъ. Въ жестокостяхъ своего властелина онъ видитъ неминуемые приговоры судьбы, на которые онъ роптать не привыкъ. Красивая мечеть построенная Джеззаромъ въ Аккѣ, съ гостиннымъ дворомъ, съ великолѣпнымъ фонтаномъ, призываетъ на близлежащую могилу *раба Божія Ахмета* благословенія правовѣрныхъ.

Онъ скончался въ Апрѣлѣ 1804 года. Мы видѣли какимъ образомъ Боснійскій бѣглецъ, бродяга Ахметъ, успѣлъ собственнымъ геніемъ сдѣлаться знаменитымъ пашею Джеззаромъ, или по переводу *пашею-рѣзникомъ*. Если Джеззаръ служитъ выраженіемъ тогдашняго политическаго образованія края, то и обстоятельства послѣдовавшія за его кончиною послужатъ къ тому, чтобы вѣрнѣе оцѣнить отношенія самой Порты къ этой области и степень ея вліянія на судьбы Сиріи.

За двѣнадцать лѣтъ предъ тѣмъ Порта удостовѣрившись, что открытою силою нельзя было отдѣлаться отъ этаго вассала, поручала Халиль-пашѣ, отставленному подъ видомъ немилости отъ Триполійскаго пашалыка, погубить его измѣною. Но Джеззаръ не даромъ содержалъ своихъ шпіоновъ въ столицѣ, и сыпалъ зо-

лото самимъ членамъ верховнаго совѣта. Увѣдомленный вовремя, онъ отравилъ ядомъ Халиль-пашу, и захватилъ все его имущество. Съ того времени Порта была принуждена довольствоваться увѣреніями его въ преданности и въ вѣрности престолу, при явномъ небреженіи всѣхъ ея фирмановъ, и тѣмъ количествомъ подати сколько причудливому пашѣ угодно было платить въ султанскую казну. Какъ только дошла въ столицу вѣсть о болѣзни Джеззара, было повелѣно Ибраимъ-пашѣ Алепскому тайно готовиться завладѣть Аккскимъ пашалыкомъ тотчасъ по смерти Джеззара, и описать въ казну всѣ его сокровища. Ибрагимъ былъ снабженъ надлежащими фирманами; но онъ опоздалъ. Какъ только Джеззаръ испустилъ духъ, его начальникъ штаба (кеая) боясь мщенія войскъ ненавидѣвшихъ его, скрылъ смерть своего господина дня два или три, и вызвавъ изъ тюрьмы какого-то Измаилъ-пашу, бывшаго въ службѣ Джеззара и подпадавшаго опалѣ, превозгласилъ его пашею, будто по завѣщанію Джеззара. Заговоръ удался. Новый властелинъ едва освобожденный отъ оковъ, былъ признанъ войскомъ и Мамлуками, которые въ каждомъ пашалыкѣ играли въ ту пору роль Янычаръ Стамбульскихъ и евнуховъ серальскихъ. Измаилъ выдалъ имъ выслуженнаго жалованья около 700 мѣшковъ (до трехъ милліоновъ рублей серебромъ) и не заботясь о томъ, что скажутъ въ столицѣ, издалъ обычныя повелѣнія отъ своего имени во всѣ округи подвластные его предшественнику. Хитрый эмиръ-Беширъ отвѣчалъ новому пашѣ, что онъ готовъ признать его власть, какъ только будетъ предъявленъ султанскій фирманъ; а между тѣмъ увѣдомленный о томъ что паша Алепскій уже вступалъ въ Дамаскъ по повелѣнію Порты, и готовился аттаковать похитителя, посылалъ подарки и тому и другому, и торговался и съ тѣмъ и

съ другимъ, въ ожиданіи чѣмъ все это окончится. Солиманъ-паша начальникъ Джеззарова войска, возвратившись изъ Мекки, присоединился къ Ибрагиму. Измаилъ заперся въ Аккѣ и готовился къ оборонѣ. Поспѣлъ и флотъ изъ столицы подъ начальствомъ Капитанъ-паши, поспѣлъ и коммисаръ нарочно наряженный для описи казны Джеззаровой. Акка была осаждена. Капитанъ-паша долженъ былъ съ моря поддерживать осаду. Впрочемъ каждый изъ представителей Порты дѣйствовалъ по своему усмотрѣнію, имѣя въ виду прежде всего свои выгоды. Капитанъ-паша, вмѣсто того чтобы аттаковать бунтовщика съ моря, вошелъ въ переговоры и нагрузивши на флотъ часть сокровищъ Джеззаровыхъ для Султана и для себя самого, обѣщался исходатайствовать Измаилу прощеніе и подтвержденіе въ пашалыкѣ. Ибрагимъ и Солиманъ, видя это, сняли безполезную осаду, а коммисаръ Порты Рагибъ-эффенди, озлобленный на Капитанъ-пашу, который воспользовался взятками принадлежавшими коммисару, и поссорившись съ Ибрагимомъ, заключилъ свои условія съ Солиманомъ, чтобы доставить ему наслѣдіе Джеззара. Онъ поспѣшно отправился въ столицу, и возвратился оттуда съ фирманомъ въ рукахъ на имя своего кандидата. Между тѣмъ похититель, ободренный обѣщаніями Капитанъ-паши, вышелъ съ войскомъ въ походъ, чтобы покорить свой пашалыкъ и собрать подати. Солиманъ ожидалъ его въ Назаретѣ; онъ успѣлъ склонить на свою сторону племена Мотуаліевъ и горцевъ Наплузскихъ. Эмиръ Ливанскій получилъ предписаніе отъ Порты содѣйствовать Солиману. Похититель Измаилъ, съ своею ватагою дрался храбро; но былъ разбитъ, выданъ побѣдителю измѣною своихъ тѣлохранителей, отправленъ въ Константинополь, и голова его выставлена у воротъ серальскихъ. Однакожъ Со-

лиману еще не былъ открытъ доступъ въ Акку. Разбитыя войска Измаила заперлись въ крѣпость и требовали уплаты жалованья выслуженнаго подъ знаменами бунтовщика. Еврей Хаимъ, банкиръ Джеззара, устроилъ дѣло своимъ посредничествомъ, и принялъ въ крѣпость пашу, поручившись за него въ уплатѣ требуемыхъ суммъ. Такъ-то чрезъ руки безносаго еврея переходили отъ однаго паши къ другому судьбы пространныхъ областей подъ шаткимъ скипетромъ Султановъ.

Несмѣтныя сокровища всякаго рода остались послѣ Джеззара. Не говоря уже о томъ сколько было расхищено во всѣ эти обуреванія, сколько было роздано войскамъ, и сколько досталось его преемнику Солиманъ-пашѣ и коммисару Рагибу, прибывшему изъ столицы на вождѣленный пиръ, болѣе десяти милліоновъ руб. серебромъ было отправлено въ столицу. Въ существѣ Порта не могла жаловаться на бунты своихъ пашей. Послѣ каждаго бунтовщика плоды его грабительствъ періодически поступали въ султанскую казну, насытивши сперва вельможъ и чрезвычайныхъ коммисаровъ Дивана. Чѣмъ продолжительнѣе, чѣмъ ненаказаннѣе былъ бунтъ, тѣмъ богаче наступала жатва. Чтоже касается вопля народнаго, онъ не могъ доходить до Султана, особенно съ далекихъ областей; а еслибы и дошелъ, то по основнымъ понятіямъ турецкаго правосудія казнь грабителя служитъ достаточнымъ удовлетвореніемъ ограбленному, а имущество его принадлежитъ казнѣ.

Когда Солиманъ-паша, Рагибъ-эффенди и банкиръ Хаимъ, бывшій при Джеззарѣ первымъ министромъ, на томъ основаніи, что при управленіи, котораго первымъ и главнымъ атрибутомъ служатъ поборы, первую и главную роль долженъ играть банкиръ, — когда они втроемъ стали разбирать счеты Джеззара, то ими найдены облигаціи и расписки разныхъ правителей Ли-

ванскихъ или претендентовъ, на неимовѣрную сумму сорока тысячъ мѣшковъ, что по измѣнившемуся курсу піастра составитъ отъ 15 до 18 милліоновъ руб. сер. Эту сумму стали они требовать отъ эмиръ-Бешира. Эмиръ отвѣчалъ что Джеззаръ, выручая деньги по обилигаціямъ, никогда не возвращалъ самихъ облигацій, и что почти всѣ эти суммы были давно уплачены. Наконецъ послѣ долгихъ переговоровъ онъ взнесъ 150,000 руб. сер. сверхъ обыкновеннаго налога, и былъ подтвержденъ въ своемъ княжествѣ вопреки ковнямъ родственниковъ.

Подъ управленіемъ Солиманъ-паши народъ отдохнулъ нѣсколько отъ страшныхъ испытаній эпохи Джеззара. Новый паша оказалъ постоянное благорасположеніе къ эмиру Ливанскому, который удачно воспользовался тѣмъ для утвержденія владычества своего постепеннымъ укрощеніемъ вассаловъ, привыкшихъ къ своеволію подъ его предшественниками. Двоюродные братья эмира, сыновья Юсефовы, уже не внушали ему никакого опасенія; они спокойно управляли Джибейлемъ подъ вѣдѣніемъ Триполійскаго паши, а наставникъ ихъ Джурджосъ Безъ, вѣрный договору которымъ заключилась послѣдняя междоусобная война, сдѣлался усерднымъ союзникомъ Бешира, и нѣсколко лѣтъ сряду, особенно въ междуцарствіе пашей, оказывалъ ему великія услуги своимъ умомъ и саблею. Младшій его братъ заступилъ его мѣсто при эмирахъ Джибейльскихъ. Вліяніе двухъ Безовъ и привязанность къ нимъ единовѣрныхъ Маронитовъ безпокоили эмира, который мыслилъ только о самовластіи. Чтобы вѣрнѣе погубить своего союзника и перваго министра, онъ предоставилъ ему полную власть въ исполненіи разныхъ мѣръ клонившихся къ устройству лучшаго порядка, но долженствовавшихъ возбудить неудовольствіе шейховъ; а самъ

въ своемъ кругу искусно распускалъ слухи, будто всѣ эти мѣры были придуманы Безомъ и братомъ его. Когда неудовольствіе шейховъ созрѣло, эмиръ поручилъ своему брату Гассану составить заговоръ съ врагами Безовъ, и въ то время когда Гассанъ съ заговорщиками занимали Джибейль, низлагали сыновей Юсефа, умерщвляли младшаго Беза, эмиръ душилъ въ тюрьмѣ старшаго брата, и за тѣмъ по обычаю Шагабовъ, ослѣплялъ своихъ двоюродныхъ братьевъ раскаленнымъ желѣзомъ, и рѣзалъ у нихъ языки. Тогда-то вліяніе эмира усилилось и *славою его наполнился міръ*, по выраженію Арабовъ. Округъ Джибейль вошелъ опять въ составъ Ливанскаго княжества. Эмиръ-Касемъ, сынъ Бешира былъ назначенъ туда правителемъ, съ утвержденія Мустафы Бербера, который въ это время завладѣлъ Триполійскимъ пашалыкомъ.

Въ Дамаскѣ Порта смѣняла однаго пашу другимъ за ихъ неспособность повести караванъ въ Мекку. Каждый годъ новыя несчастія приключались каравану. Веххабиты, которыхъ войско простиралось въ это время до 300,000 всадниковъ подъ начальствомъ предпріимчиваго Сухуда и его сыновей, заняли Мекку, смѣнили Шерифа потомка Мухаммедова, который по инвеститурѣ отъ Халифа управлялъ священными городами Аравіи, не признавали власти Султана, и проповѣдывали свою суровую секту, простирая наѣзды до восточныхъ округовъ Сиріи. Паши Дамаскіе за огромныя суммы покупали у этихъ раскольниковъ позволеніе посѣтить Мекку, подвергаясь при этомъ самимъ унизительнымъ условіямъ. Такъ напримѣръ Веххабиты требовали, и не безъ причины, чтобы въ караванѣ не было ни мальчиковъ, ни вообще безбородыхъ; а между тѣмъ караваны часто гибли въ пустынѣ по невозможности сберечь провизіи отъ хищныхъ наѣздниковъ. Уже вмѣсто тѣхъ карава-

новъ, которые въ первой половинѣ прошлаго столѣтія простирались до 70 и до 100 тысячь человѣкъ, и оживляли Сирію и Аравію мѣновою торговлею, едва полтораста или двѣсти человѣкъ, исполненныхъ фанатической вѣры въ предопредѣленіе, пускались теперь въ путь исполненный опасностей. Ропотъ возрасталъ во всей имперіи. Порта, не зная какъ пособить бѣдѣ, назначила пашею Дамаскимъ простаго *Делибаши*, начальника сотни наѣздниковъ Генджъ-Юсефа, который отличился въ службѣ у пашей Дамаскихъ своими подвигами противу Веххабитовъ. Генджъ-Юсефъ Веххабитовъ не укротилъ; но оказалъ великую услугу истребленіемъ буйной партіи янычаръ Дамаскихъ и покореніемъ племенъ Ансаріевъ и Измаилитовъ, *) которыхъ успѣлъ обложить податью, унявъ ихъ дикую независимость и разрушивши ихъ замки. Бунты и междоусобія пашей были во все это время нормальнымъ зломъ Сиріи. Уже Мустафа Берберъ, случайно назначенный комендантомъ цитадели Триполійской, овладѣлъ всею областію, бралъ съ народа подати по произволу, и не признавалъ надъ собою ничьей власти. Паша Дамаскій пошелъ на него съ огромнымъ войскомъ, осадилъ крѣпость, и заставилъ Мустафу бѣжать къ Аккскому пашѣ. Порта въ свою очередь досадовала на слишкомъ большое усиленіе Дамаскаго паши, въ пріемахъ котораго проглядывалъ характеръ Джеззара. Чтобы испытать его расположеніе, ему было повелѣно идти съ своимъ войскомъ и казною на войну съ Россіею. Паша отвѣчалъ что ему надлежало прежде всего защищать свои области противу Веххабитовъ. Тогда было поручено Солиману, на вѣрность и на тихій нравъ котораго Порта вполнѣ полагалась, погубить своего сосѣда и занять его паша-

*) Напоминаемъ читателю что о племенахъ и о религіяхъ ихъ будетъ особенно изложено въ этнографіи.

лыкъ. Солиманъ вызвалъ эмиръ-Бешира. Эмиръ съ 15,000 горцевъ обложилъ Дамаскъ и требовалъ отъ жителей выдачи опальнаго паши, подъ угрозою спустить съ Ливана 50,000 горцевъ и отдать имъ городъ на разграбленіе. Генджъ Юсефъ не долго устоялъ: опасаясь собственныхъ войскъ, которыя въ предчувствіи его паденія стали грабить его имущество, онъ забралъ свою казну и бѣжалъ въ Антакію, (Антіохію) откуда поплылъ въ Египетъ. Онъ былъ дружески принятъ Мехметъ-Аліемъ и скоропостижно умеръ, чтобы оставить Египетскому пашѣ свои богатства. (1815 г.)

Солиманъ паша, занялъ Дамаскій пашалыкъ и назначилъ опять Бербера въ Триполи. Прибережная часть Палестины уже за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ была занята буйнымъ Мехметъ-беемъ Абунабутомъ*), однимъ изъ мелкихъ тирановъ, которыми изобиловала Турція. Онъ укрѣпилъ Яффу, имѣющую отличное военное мѣстоположеніе, построилъ набережную съ батареями по уровню водъ, и оставилъ въ этомъ городѣ много страшныхъ воспоминаній и два красивые фонтана. Солиманъ паша незадолго до своей кончины, съ разрѣшенія Порты выслалъ на него войско и заставилъ его спасаться бѣгствомъ въ Египетъ (1819 г.) Мехметъ-Али, исходатайствовалъ ему помилованіе Султана и Пашалыкъ Салоникскій. Съ того времени вся прибережная Палестина вошла въ составъ Аккскаго пашалыка.

Солиманъ постоянно жаловалъ эмиръ-Бешира, оказывалъ ему много почестей, и присоединилъ къ его княжеству плодородную долину Кили-Сирійскую, именуемую теперь Бекаа, откуда снабжается хлѣбомъ Ливанъ. Это пріобрѣтеніе всего болѣе по-

*) Отцомъ булавы или палицы; такъ былъ онъ прозванъ по той булавѣ, которую всегда держалъ въ рукахъ ко страху всѣхъ и которою самъ терзалъ и убивалъ виновныхъ.

служило къ возвеличенію эмира и его семейства, сдѣлавшись источникомъ его обогащенія.

Въ то время когда двѣнадцатилѣтній сирота Беширъ ходилъ искать службы у своего дяди, владѣтельнаго эмира Юсефа, все его добро состояло въ одномъ ворономъ жеребцѣ, котораго порода доселѣ тщательно сохраняется въ заводѣ у эмира, въ одной саблѣ и въ одномъ вьюкѣ домашнихъ пожитковъ. Онъ поселился въ скромномъ домикѣ въ деревушкѣ Бетеддинѣ*) по близости Деръ-эль-Камара. Теперь сдѣлавшись властелиномъ горъ, поправши своихъ соперниковъ и усиливши свое вліяніе болѣе всѣхъ предшественниковъ, онъ обратилъ скромный пріютъ своей юности въ великолѣпный дворецъ, съ мраморными фонтанами, съ легкими колоннадами, со всѣми прелестями и со всѣми причудами арабскаго зодчества. Съ двадцати верстъ разстоянія онъ провелъ туда горные потоки. Вода, которая въ здѣшнихъ климатахъ проливаетъ жизнь и прозябеніе и въ песокъ и въ скалу, покрыла садами и плантаціями окрестные пригорки. Сотня арабскихъ кобылицъ благороднѣйшихъ породъ Сирійской пустыни и Хеджаса, наполняли его конюшни, и болѣе тысячи отборныхъ всадниковъ, тѣлохранителей эмира, составляли гарнизонъ дворца, и были готовы по первому слову скакать по всѣмъ направленіямъ для исполненія приказовъ центральной власти, которая замѣняла мало по малу при этомъ даровитомъ князѣ феодальныя самоуправства вассаловъ, и облегчала участь поселянъ. Она основывалась не на буйномъ содѣйствіи шейховъ, но на признательности народной. Возрастающее благо-

*) Бетеддинъ или Птеддинъ по мнѣнію однихъ значитъ «между двумя пригорками,» и это согласно съ живописнымъ мѣстоположеніемъ нынѣшняго дворца; по другому словопроизводству значитъ «домъ Вѣры.»

денствіе на Ливанѣ и правосудіе Солиманъ-паши, который замѣнилъ умѣреннымъ, постояннымъ налогомъ грабительства Джеззаровы, позволяли эмиру, не притѣсняя народа, собирать значительныя суммы, которыми поддерживался блескъ его дворца и водворялась кругомъ его роскошь, эта могучая пружина политическаго вліянія во всемъ Азіятскомъ мірѣ. Съ другой стороны эмиръ отнималъ удѣлы у провинившихся вассаловъ и жаловалъ ими своихъ сыновей.

Къ этой цвѣтущей эпохѣ должно отнести обращеніе владѣтельнаго дома Шагабовъ въ христіанство. Было-ли это обращеніе слѣдствіемъ убѣжденія или расчетомъ политическимъ — на это трудно отвѣчать утвердительно. Въ самомъ дѣлѣ мусульманскій княжескій домъ, заброшенный среди Христіанъ и Друзовъ Ливанскихъ, принужденный часто бороться противу пашей, и не обрѣтающій опоры, среди вѣковой анархіи, кромѣ мѣстныхъ элементовъ, не могъ долго пребывать вѣрнымъ своей отцовской вѣрѣ. Фамильныя преданія о родствѣ съ Аравійскимъ пророкомъ не были достаточнымъ залогомъ преданности далекаго потомства Магометанскому закону. Ливанъ былъ населенъ одними Друзами и Христіанами; одно изъ этихъ племенъ долженствовало рано-ли поздно-ли принять въ свои нѣдра владѣтельный домъ, отчужденный отъ мечети и отъ мусульманскихъ законоучителей. Друзы приходятъ постепенно въ упадокъ со временъ Фахръ-эддиновыхъ; сама ихъ религія, причудливая смѣсь разноязычныхъ догматовъ, порожденная безуміемъ Египетскаго халифа, религія безъ основной мысли, безъ чувства, равно чуждая и свѣтлыхъ эмблемъ язычества и благоговѣйныхъ преданій и упованій іудейства и чистыхъ восторговъ христіанскихъ и могучихъ порывовъ ислама, осуждена только влачить безсильную борьбу противъ успѣховъ разума, а недо-

ступная тайна, которою она себя окружила, не защититъ ее отъ неминуемаго закона, подъ коимъ склонилась и мудрая Изида. Между Ливанскими христіанами Марониты были и древнѣе и многочисленнѣе. Имѣя феодальное дворянство своего исповѣданія въ Кесруанѣ, они представляли значительные элементы политическаго развитія. Притомъ дѣятельное и способное духовенство Рима давно уже поселилось между ними, обучало юношество, и руководило умами народными, вкореняя въ этой сторонѣ развившееся на Западѣ вліяніе духовной власти. Внутреннее устройство племени этаго искони было основано на совокупномъ элементѣ теократіи и феодализма. Мы уже видѣли, что при эмирѣ Юсефѣ все управленіе находилось въ рукахъ Маронитовъ Саадъ-эль-Хурія и сына его Гандура; тоже вліяніе возимѣли впослѣдствіи братья Безы, Марониты. Впрочемъ обращеніе князей Ливанскихъ въ христіанство не могло быть ни торжественнымъ ни повсемѣстнымъ. Будучи основано на вѣротерпимости, коренной привилегіи горскаго племени, и на охлажденіи Шагабовъ къ отцовской вѣрѣ, оно не менѣе того было обязано окружать себя тайною въ государствѣ, гдѣ отступленіе отъ господствующей вѣрѣ наказывается смертію. *)

---

*) Законъ этотъ простирался и на Муртадовъ т. е. на христіанъ обращенныхъ въ магометанство а впослѣдствіи желающихъ возвратиться въ церковь. Въ 1844 году по ходатайству представителей Великихъ Державъ въ Константинополѣ, онъ былъ смягченъ; Порта обѣщалась не казнить смертію Муртадовъ, не обязываясь впрочемъ дозволить безпрекословно это возвращеніе къ христіанству. Свобода совѣсти, въ прямомъ значеніи этаго слова, не въ томъ значеніи какъ ее понимаютъ по несчастію западные миссіонеры въ Турціи, — первое условіе искренней привязанности къ своей вѣрѣ. Однакожъ въ Турціи врядъ ли это смягченіе закона обратится современемъ въ пользу христіанства. Въ этой странѣ, гдѣ вѣроотступничество сопряжено съ великими преимуществами, примѣры безнаказныхъ возвращеній могутъ послужить къ ослабленію въ массахъ чувства религіознаго.

Сказываютъ что одинъ изъ Шагабовъ, эмиръ Али, при эмирѣ Юсефѣ, первый принялъ тайно христіанство. Маронитское духовенство объясняетъ это подобно сказанію нашихъ лѣтописей объ обращеніи Св. Владиміра послѣ богословскихъ толкованій съ Евреями, Мусульманами и Христіанами. Но сами внуки эмиръ-Алія сказывали мнѣ, что обращеніе ихъ дѣда было дѣломъ жены его изъ племени Друзовъ, которая, любя страстно своего мужа, и ревнуя и боясь, чтобы онъ по праву Мусульманина, наскучивши ею, не взялъ еще другихъ женъ, сама по чувству обратилась въ вѣру обезпечивающую святыя права супружескія, и при помощи даровитаго патріарха Маронитскаго успѣла впослѣдствіи обратить и мужа своего. Это сказаніе тѣмъ правдоподобнѣе, что ни одинъ изъ Шагабовъ не заглядывалъ во всемірную исторію, чтобы изъ нея почерпнуть мысль, основанную на великихъ законахъ коими управляются человѣческія общества, и въ силу коихъ, во всѣхъ странахъ и во всѣ вѣки, святой подвигъ обращенія государей и народовъ въ христіанство и искупленіе древняго грѣхопаденія женщины, было провидѣніемъ предоставлено женскому полу, обрѣтающему въ сей религіи тѣ высокія преимущества, безъ которыхъ и въ просвѣщенной Греціи и въ благоустроенномъ Римѣ и въ идеальной республикѣ Платона права половины человѣческаго рода мало отличались отъ грубаго уничиженія, въ коемъ понынѣ попираются они на Востокѣ.

Эмиръ-Беширъ первый изъ владѣтельныхъ князей Ливана принялъ внутренно христіанскую вѣру. Его примѣру послѣдовали почти всѣ его родственники на Ливанѣ. Впрочемъ до самаго своего паденія онъ скрывалъ свою религію, и даже въ эпоху Египетскаго правленія, отличавшагося умною вѣротерпимостію въ Сиріи, онъ тщательно соблюдалъ наружные обряды Ислама,

творилъ *намазы* въ мечетяхъ, когда ему случалось гостить у пашей, клялся Мухаммедомъ предъ Мусульманами, и даже во дворцѣ своемъ въ Бетеддинѣ, окруженный христіанами, строго содержалъ постъ рамазана, отказывался и отъ стакана воды въ лѣтній жаръ и отъ трубки, которая въ остальное время почти постоянно дымилась въ его устахъ. Въ его дворцѣ была красивая часовня, гдѣ ежедневно католическій священникъ служилъ обѣдню; но это было подъ благовиднымъ предлогомъ — жена его была Черкешенка обращенная въ христіанство. Г. Ламартинъ посѣтившій эмира въ 1832 году называетъ религію его загадкою, и увѣряетъ что онъ не имѣлъ никакого внутренняго убѣжденія, будучи Друзомъ съ Друзами, христіаниномъ съ христіанами, мусульманиномъ съ мусульманами. Въ этомъ какъ и во многомъ ошибся Г. Ламартинъ, не вникнувъ въ положеніе эмира, и упустивъ изъ виду тѣ политическія обстоятельства, которыя предписывали эмиру скрывать свою религію. Христіаниномъ онъ былъ по убѣжденію, и доказалъ это тѣмъ что въ продолженіе 15-ти лѣтней болѣзни первой своей жены онъ воздержался и отъ втораго брака и отъ невольницъ, которыхъ у себя воспитывалъ въ христіанскомъ законѣ, готовя ихъ въ невѣсты своимъ сыновьямъ и внукамъ. По смерти же жены своей онъ самъ обвѣнчался съ одною изъ этихъ неволницъ. Внѣшніе обряды ислама онъ соблюдалъ по необходимости; но никогда ни онъ ни предшественники его не выдавали себя за Друзовъ, какъ полагаетъ Г. Ламартинъ. Чтоже касается до казней, измѣнъ и жестокостей, которыми онъ утвердилъ свою власть и которыя не совсѣмъ соглашаются съ духомъ христіанства, то извѣстно до какой степени католичекое духовенство снисходительно въ этомъ отношеніи, особенно когда дѣло идетъ о мѣрахъ политическихъ, и какъ

легко покупать отпущеніе всякихъ грѣховъ и выписывать индульгенціи изъ Рима. Такимъ образомъ, и согласно съ здѣшними понятіями о вѣрѣ, эмиръ могъ быть искреннимъ и усерднымъ католикомъ, и въ тоже время пребывать вѣрнымъ кровавой стезѣ, по которой съ остервененіемъ шелъ родъ его искони.*) Впрочемъ если крещеніе дѣтей Шагабова дома могло быть покрыто тайною, то обряды погребенія представляли большія неудобства. Обыкновенно призывали сперва въ домъ католическое духовенство для совершенія всѣхъ христіанскихъ обрядовъ надъ умершими, а потомъ являлись Имамы для магометанскихъ омовеній, и они-то выносили тѣло на кладбище. Съ другой стороны во избѣжаніе толковъ въ народѣ относительно вѣроисповѣданія членовъ его семейства, было всѣмъ имъ строжайше запрещено отъ эмира показываться въ городахъ подвѣдомыхъ пашамъ. Этими мѣрами предусмотрительный эмиръ отклонялъ грозу, которая висѣла надъ головою потомка Мухаммедова измѣнившаго исламу. Увидимъ впослѣдствіи какъ гроза эта разразилась надъ его преемникомъ за открытое сознаніе въ христіанствѣ.

Вслѣдъ за Шагабами эмиры Друзы *Булема*, бывшіе въ родственныхъ связяхъ съ ними, владѣтели

Въ двухъ номерахъ Парижскаго журнала Revue d'Orient Ноябрь и Декабрь 1845 г. заключается біографія эмиръ-Бешира, начертанная перомъ сентиментально-фанатическимъ. Смѣшны усилія автора чтобы омыть своего героя отъ упрека въ религіозномъ двуличіи. Когда всѣ помнятъ въ Сиріи жизнь и дѣла знаменитаго эмира, авторъ увѣряетъ, будто случайно какъ-то однажды эмиръ нашелся принужденнымъ послѣдовать за Солиманъ-пашею въ мечеть, а тамъ охранялъ себя отъ искуса заклинаніями и христіанскими молитвами. Чтоже касается до дѣяній не христіанскихъ, каковы убійство дяди и благодѣтеля, ослѣпленіе братьевъ и т. п. то все это или умолчено или приписывается Друзамъ, будто здѣшніе христіане уже неспособны къ такимъ злодѣйствамъ, будто эмиръ Беширъ, основатель самовластія на Ливанѣ, могъ быть игрушкою окружавшихъ его шейховъ.

богатаго округа Метена, прилегающаго къ Маронитскому Кесруану, и населеннаго по большой части христіанами, приняли также христіанскую вѣру по Маронитскому исповѣданію. Впрочемъ всѣ эти эмиры Шагабы и Булема рожденные въ христіанствѣ, или принявшіе крещеніе за 20 или за 40 лѣтъ, сохраняютъ и доселѣ многое отъ своихъ прежнихъ религій. При крещеніи дается имъ христіанское имя Юсефъ (Іосифъ), Сулейманъ (Соломонъ) и проч., но этихъ именъ они не употребляютъ, а носятъ имена вовсе не христіанскія, каковы Мухаммедъ, Ахметъ, Мурадъ, Али, Хайдаръ и т. п. При томъ они, не испрашивая разрѣшенія Папы, какъ въ томъ обязаны другіе католики, женятся по своему произволу, какъ и въ прежнихъ религіяхъ, на ближайшихъ своихъ родственницахъ, кромѣ двухъ первыхъ степеней; а это потому, что по понятіямъ своимъ о дворянствѣ они не могутъ искать невѣсты внѣ своего рода, развѣ между покупныхъ невольницъ*). Римская церковь, торжествуя драгоцѣннымъ пріобрѣтеніемъ, и ласкаясь выгодами въ будущемъ ради политическихъ и прозелитическихъ своихъ видовъ на эту сторону Востока, расчетливо допускаетъ всѣ эти вольности, и довольствуется тѣмъ, что ново-

---

*) Мы уже имѣли случай замѣтить, какъ строго сохраняетъ Ливанское дворянство свою породу (по выраженію и по понятіямъ Арабовъ) чуждаясь родства съ людьми низшаго званія. Даже имена раздѣлены между дворянствомъ и низшимъ классомъ. Никогда эмиръ или шейхъ не дасть своему сыну именъ Георгія, Ивана Хабиба (Любима) Бутроса (Петра) и т. п. употребляемыхъ въ народѣ. Дворянству присвоенны имена Халиль, Мансуръ, Беширъ, Юсефъ, Юнесъ (Іона), Кейсъ, Хайдаръ, Мельхемъ и проч., которыя впрочемъ стрѣчаются и въ народѣ. Кстати объ именахъ, замѣтимъ здѣсь что въ Сиріи христіане всѣхъ исповѣданій носятъ имена, которыя мы привыкли почитать магометанскими и которыхъ нѣтъ въ календаряхъ, каковы Абдаллахъ (рабъ Божій) Селимъ (по гречески Харитонъ) Эссадъ (Левъ) Эминъ (вѣрный) и проч.

обращенные эмиры отказались отъ многоженства и отъ свободы развода. Сказываютъ, что нѣкоторые изъ эмировъ изъявили желаніе принять христіанство православное; но строгость правилъ Греческой церкви и неизмѣнное соблюденіе соборныхъ установленій о бракахъ, были единственною тому препоною.

Обращеніе эмировъ въ христіанство имѣло для Сиріи важныя политическія послѣдствія, которыхъ предѣлы трудно еще опредѣлить. Племя Маронитовъ, бывшее дотолѣ въ совершенномъ уничиженіи, не только получило при новой своей аристократіи политическій перевѣсъ надъ всѣми другими племенами Сиріи, кромѣ Мусульманъ, но еще привлекло къ себѣ безпокойное участіе Запада, и сочувствіями своими сблизилось съ Европою. Общественное мнѣніе Запада уже прочитъ Маронитамъ какую-то самостоятельность, слишкомъ загадочную для всякаго безпристрастнаго наблюдателя племенъ восточныхъ. Какъ бы то ни было обращеніе эмировъ открыло новую эру политической жизни для Маронитовъ. По мѣрѣ того какъ обращались эмиры въ христіанство, кругъ дѣйствія католическаго духовенства на Ливанѣ значительно распространялся, и средства его дѣятельности умножались и усиливались. Но при этомъ политическомъ переворотѣ стали проглядывать признаки той борьбы, которая въ наши дни двоекратно облила Ливанъ пламенемъ и кровію, уже не подъ знаменами двухъ враждебныхъ партій аристократическихъ, но борьбы собственно народной между племенами разныхъ вѣроисповѣданій.

Въ религіозномъ отношеніи обращеніе эмировъ еще не прочно, несмотря на усердіе новоосвященныхъ и въ особенности ихъ женъ и дѣтей, на ихъ ханжество, можно сказать. По низложеніи эмиръ-Бешира и по удаленіи его семейства въ Константинополь и въ Малую

Азію почти всѣ его дѣти и внуки, даже тѣ которые родились въ христіанствѣ, сдѣлались опять магометанами въ 1845 и 1846 годахъ.

Антиливанскіе Шагабы, не смотря на отпаденіе отъ мусульманства Ливанской отрасли ихъ дома, продолжали прежнія свои сношенія съ нею, признавали надъ собою вліяніе и можно сказать даже покровительство Ливанскаго князя, и, вѣрные своимъ семейнымъ преданіямъ, не переставали среди домашнихъ козней обагрять руки то братскою то отцовскою кровію. На самомъ Ливанѣ одинъ изъ новокрещенныхъ Шагабовъ, эмиръ Гассанъ, умертвилъ своего отца и дядю, и самъ эмиръ-Беширъ выкололъ глаза еще кое-какимъ родственникамъ.

Въ продолженіе пятнадцати лѣтъ правленія Солиманъ-паши эмиръ упрочилъ свою власть на Ливанѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ доставилъ миръ и благоустройство горскимъ племенамъ. Народъ, приписывающій обыкновенно и бѣды свои и благоденствіе ближайшимъ ихъ виновникамъ, привыкъ видѣть въ эмирѣ своего избавителя отъ долгихъ страданій прежней эпохи, а вліяніе эмира, и почести, коими окружалъ его паша, и богатства, накопленныя имъ въ столь необыкновенно продолжительный періодъ мира, тѣ страшныя опалы которымъ подвергались по его слову цѣлыя семейства могущественныхъ его вассаловъ, его строгій безстрастный видъ и быстрая его проницательность — все это внушило народу самое высокое понятіе о геніѣ эмиръ-Бешира. Живое воспоминаніе этихъ впечатлѣній породило въ наше время убѣжденіе въ томъ, что безъ стараго эмиръ-Бешира невозможно упрочить правленіе на Ливанѣ. Убѣжденіе это нашло сильныхъ поборниковъ въ самой Европѣ. Панегиристы эмира упустили изъ виду одно обстоятельство: не оспаривая правительственныхъ его

способностей, замѣтимъ что два періода мирнаго его правленія — съ 1804 по 1819 и съ 1832 по 1840 годы, соотвѣтствуютъ эпохѣ Солиманъ-паши Аккскаго и владычеству Египетскому. Мы видѣли уже какими волненіями ознаменовано на Ливанѣ правленіе эмиръ-Бешира подъ Джеззаромъ; тоже повторится подъ преемникомъ Солиманъ-паши. Слѣдственно мы вправѣ почитать пашей болѣе чѣмъ эмира виновниками добра и зла, которыя чрезъ руки Ливанскаго князя навѣстили горы въ разные періоды пятидесятилѣтняго его правленія.

ГЛАВА V.

БАНКИРЪ ЕВРЕЙ ДОСТАВЛЯЕТЪ АБДАЛЛАХУ АККСКІЙ ПАШАЛЫКЪ. — ХАРАКТЕРЪ МОЛОДАГО ПАШИ. — КАЗНЬ БАНКИРА. — ВОЛНЕНІЕ НА ЛИВАНѢ. — ПОКУШЕНІЕ АБДАЛЛАХА НА ДАМАСКІЙ ПАШАЛЫКЪ И НА ІЕРУСАЛИМЪ. — ПОБОРЫ СЪ СВЯТОГРОБСКАГО МОНАСТЫРЯ. — КАФФАРЫ СЪ ПОКЛОННИКОВЪ. — ДВѢ ЭКСПЕДИЦІИ ПРОТИВУ АККИ. — БѢГСТВО ЭМИРА ЛИВАНСКАГО. — ПОСРЕДНИЧЕСТВО МЕХМЕТЪ АЛІЯ. — ОПАЛА ДЖЕМБЛАТОВЪ И РУСЛАНОВЪ НА ЛИВАНѢ. — ПОХОДЪ АБДАЛЛАХА ВЪ НАПЛУЗУ. — ШАМПАНСКОЕ И РАЗВОДЫ. — ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНІЕ ИМПЕРІИ ПОСЛѢ ВОЙНЫ СЪ РОССІЕЮ, И ГРАЖДАНСКІЙ ПОДВИГЪ МАХМУДА; ЕГО СУДЬБА, ЕГО ЧУВСТВА КЪ ЕГИПЕТСКОМУ ПАШѢ. — ВИДЫ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ НА СИРІЮ. — ССОРА ЕГО СЪ АБДАЛЛАХОМЪ. — ПОХОДЪ ИБРАГИМА. — РАСЧЕТЫ ОТТОМАНСКОЙ ПОРТЫ. — ОСАДА АККИ. — УСПѢХИ ЕГИПТЯНЪ ВЪ СИРІИ. — ВѢРОТЕРПИМОСТЬ. — ДѢЛА МОНАСТЫРЯ СВЯТОГРОБСКАГО. — ПЕРВАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ ТУРОКЪ ПРОТИВУ ЕГИПТЯНЪ. — МАНИФЕСТЪ СУЛТАНСКІЙ. — ВЗЯТІЕ АККИ ИБРАГИМОМЪ. — ОТЛИЧИТЕЛЬНАЯ ЧЕРТА ВОСТОЧНАГО БУНТА.

Солиманъ-паша становился старъ. Пашалыкъ достался ему будто по наслѣдству отъ его предшественника и господина Джеззаръ-паши. Примѣръ этотъ внушалъ честолюбивыя надежды его приближеннымъ. По обычаю всѣхъ великихъ вассаловъ Порты Солиманъ былъ окруженъ своими Мамлуками, изъ которыхъ избиралъ любимцевъ и сановниковъ своихъ. Подобно Джеззару онъ

исходатайствовалъ у Порты званіе двухбунчужнаго паши своему любимому Мамлуку Алію, который служилъ при немъ начальникомъ штаба (кеая). Этотъ Али скончался, оставя въ наслѣдство сыну своему Абдаллахъ-Бею благорасположеніе Солимана. Когда Солиманъ приближался ко гробу, молодой Абдаллахъ составилъ партію между Мамлуками, чтобы завладѣть пашалыкомъ; а для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли заключилъ союзъ съ банкиромъ Хаимомъ, который достался въ наслѣдство Солиманъ-пашѣ отъ Джеззара съ однимъ глазомъ, съ отрубленнымъ ухомъ и безъ носа, и въ этомъ видѣ продолжалъ править финансами съ рѣдкимъ талантомъ, безъ угнетеній, безъ насильственныхъ поборовъ, принаравливаясь къ наклонностямъ новаго своего господина, и довольствуясь монополіями продуктовъ обогащавшими и казну паши и карманъ расчетливаго еврея. Въ случаѣ назначенія коммисаровъ для описи казны Солимановой, пришлось бы ему отплачиваться столичнымъ гостямъ не только остальными ухомъ и глазомъ, но что еще хуже, и своими сокровищами. По этому онъ сталъ усердно содѣйствовать молодому претенденту, не предвидя судьбы, которую готовилъ ему этотъ претендентъ. Еврей привелъ въ дѣйствіе знакомыя ему пружины въ столицѣ, и нѣсколько мѣсяцевъ спустя по смерти Солимана поспѣло изъ Константинополя назначеніе Абдаллахъ-Бея трехбунчужнымъ пашею Акки. Въ эту эпоху половина пашалыковъ доставалась удалымъ похитителямъ, а другая половина раскупалась въ столицѣ банкирами изъ Армянъ и Евреевъ въ пользу искателей, которые въ свою очередь обязывались отплачиваться этимъ банкирамъ пóтомъ и кровію народонаселеній. Теперь, благодаря преобразованіямъ правительственной и финансовой системы, а можетъ быть и истомленію племени турецкаго, вы-

велся изъ Турціи тотъ смѣлый классъ бродягъ, которые умѣли встарину брать области саблею; но другое средство, финансовое, хотя измѣненное въ формѣ, все таки сохраняетъ свое всемогущество.

Молодой Абдаллахъ въ ожиданіи обѣщаннаго Хаимомъ султанскаго фирмана, проводилъ дни и ночи въ молитвѣ и въ духовныхъ упражненіяхъ съ дервишами, чтобы пріемами святоши искупить въ глазахъ правовѣрнаго народа недостатокъ лѣтъ, бороды и подобающей его стяжаніямъ степенности. Когда-же онъ достигъ своей цѣли, нравъ этого баловня судьбы не замѣдлилъ обрнаружиться. Одаренный пылкимъ воображеніемъ и нервами раздражительными, этотъ худощавый и блѣдный юноша, съ своимъ орлиннымъ взглядомъ, съ хрипливымъ голосомъ, съ лицемъ смуглымъ и запятненнымъ оспою, съ страстнымъ характеромъ, въ которомъ отражалось двоякое его происхожденіе отъ отца невольника Черкеса и отъ матери Аравитянки, избралъ образцомъ своимъ въ управленіи не благодѣтеля своего Солимана, но чудовищнаго Джеззара. Онъ былъ обязанъ пашалыкомь и сокровищами Солимана банкиру Хаиму, который при всей своей тонкости и опытности не разсчиталъ, что услуги такаго рода сопряжены въ Турціи съ великою опасностію. Абдаллахъ-паша еще два три года руководствовался талантами своего банкира для накопленія доходовъ, не только монополіями, но даже насильственною продажею своихъ продуктовъ по опредѣленнымъ цѣнамъ; потомъ разгнѣванный на него, за то что его родственники служили при ненавистномъ ему пашѣ Дамаскомъ, повелѣлъ удушить стараго Еврея и забрать въ свою казну его милліоны.

Съ эмиромъ Ливанскимъ Абдаллахъ-паша былъ въ дружеской связи при Солиманѣ, и мѣнялся съ нимъ подарками по арабскому обычаю. Когда эмиръ про-

силъ своего подтвержденія отъ новаго паши, ему было повелѣно представить значительную сумму въ подарокъ сверхъ обыкновеннаго налога. Эмиръ выступилъ въ походъ чтобы собрать съ горцевъ контрибуцію для дѣлежа съ пашею. Сѣверные христіанскіе округи Кесруанъ, Джибейль и Джебетъ-Бшарри, взбунтовались. Эмиръ былъ аттакованъ тысячами вооруженныхъ поселянъ въ своемъ лагерѣ близъ Джибейля; его милиція была разбита; при немъ оставалось не болѣе 300 человѣкъ служителей, и многіе изъ нихъ пали жертвами народнаго негодованія. Самъ эмиръ отчаянно защищался, и былъ обреченъ погибели, еслибы не подоспѣлъ шейхъ Беширъ Джемблатъ, давнишній и вѣрный его союзникъ, съ тремя тысячами своихъ Друзовъ. Поселяне были разбиты на-голову. Эмиръ вмѣстѣ съ шейхомъ быстро понеслись до сѣверныхъ высотъ Ливана, коихъ повиновеніе было всегда сомнительно; потоками крови усмирили бунтъ, казнили всѣхъ тѣхъ чье вліяніе или богатства внушали подозрѣніе; не пощадили и духовенства, и съ торжествомъ и добычею возратились въ Деръ-эль-Камаръ. Экспедиція эта ознаменовавшая первые дни Абдаллаха на Ливанѣ, внушила горцамъ трепетъ и упрочила власть эмира.

Абдаллахъ не могъ оставаться покойнымъ. Его пашалыкъ занималъ лучшую и богатѣйшую часть Сиріи. Хотя Дамаскъ ненадолго былъ оставленъ Портою Солиманъ-пашѣ въ награду за сверженіе бунтовщика Генджъ-Юсефа, однако Триполійскій пашалыкъ, простиравшійся на сѣверъ до Скандерунскаго залива, и Палестина до Египетской границы, словомъ весь берегъ, въ коемъ сосредоточивается земледѣліе и торговля Сиріи, вмѣстѣ съ Наплузкою горою и съ Галлилеею, были съ того времени присоединены къ владѣніямъ Аккскаго паши. Абдаллахъ домогался Дамаска и Іерусалима,

оставленная въ вѣдѣніи Дамаскаго паши по уваженію мусульманской святыни Омаровой мечети. Не мечеть Омарова льстила Абдаллаху, а святыни христіанскія — этотъ золотой рудникъ для турецкихъ пашей. Съ одного греческаго монастыря Дамаскій паша взималъ тысячу мѣшковъ (около 120,000 руб. сер.) въ годъ за право владѣнія Святыми Мѣстами. Въ 1808 году древній храмъ гроба Господня сгорѣлъ, и былъ затѣмъ возобновленъ духовенствомъ изъ народныхъ пожертвованій. Съ того времени число поклонниковъ возрастало, а паши сверхъ поборовъ съ монастыря взимали съ поклонниковъ такъ называемые *каффары*. Эти каффары, или пошлины съ лицъ и съ имуществъ, при переходѣ извѣстныхъ мѣстностей, существовали первоначально въ Турціи подъ предлогомъ покровительства путешественниковъ и купцовъ въ опасныхъ переходахъ. Въ видѣ каффара взималась также съ поклонниковъ небольшая плата, по постановленію завоевателя Саллахъ-эддина, при входѣ ихъ во храмъ. Съ каждымъ годомъ каффары размножались; требовались положенныя платы при высадкѣ поклонниковъ съ корабля въ Яффѣ, при переѣздѣ ихъ чрезъ Рамлу, чрезъ ущелье Іудейскихъ горъ, каждый разъ когда они ходили молиться въ храмъ, при отправленіи въ Іорданъ и пр. Въ эту эпоху, по поводу Греческой народной войны, расчетливый Абдаллахъ могъ предвидѣть что ни собственноручная граммота Халифа Омара-эль-Хитаба, на которой основаны всѣ коренныя привиллегіи монастырей, ни льготы султанскія, ни хатишерифы, не спасутъ отъ алчности пашей сокровищъ Іерусалимской святыни. Кромѣ владѣнія Іерусалимомъ Дамаскому пашѣ было присвоено право вести ежегодно караванъ поклонниковъ въ Мекку. При Веххабитахъ это было слишкомъ опасно; но уже за нѣсколько лѣтъ предъ

тѣмъ могучая рука Мехметъ-Алія Египетскаго, истребила Веххабитовъ, и очистила правовѣрнымъ дорогу въ Мекку.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ Абдаллахъ искалъ только предлога къ ссорѣ съ своимъ Дамаскимъ сосѣдомъ, чтобы завладѣть его областію. Назначенный въ то время отъ Порты въ Дамаскъ Дервишь-паша, бывши прежде Великимъ визиромъ при Махмудѣ, успѣлъ вникнуть въ систему Султана, который для успѣха замышленныхъ преобразованій, хотѣлъ прежде всего унять фанатизмъ своего народа. Дервишь-паша, уроженецъ Морейскій, зналъ по опыту, что угнетенія терпимыя подвластными племенами служили источникомъ величайшихъ золъ для имперіи, питая духъ буйства во владѣтельномъ племени. Онъ любилъ христіанъ, оказывалъ имъ всякое покровительство, окружалъ почестями и ласками престарѣлаго патріарха Антіохійскаго Серафима. Когда дошло въ Дамаскъ извѣстіе о возстаніи Грековъ, фанатическая чернь этого города была готова предаться всѣмъ неистовствамъ противу трепетнаго христіанскаго народонаселенія, а кади, муфти и другіе члены Совѣта предложили пашѣ улучить обстоятельства чтобы, по примѣру столичному, повѣсить патріарха и взять контрибуцію съ христіанъ. Дервишь-паша отвергнулъ это предложеніе и обуздалъ чернь благоразумною строгостію. И чернь и почетныя лица вознегодовали. Абдаллахъ-паша съ своей стороны являлся фанатикомъ до неистовства; гналъ христіанъ, сажалъ въ тюрму архіереевъ и приматовъ во всѣхъ городахъ своего пашалыка, требовалъ непомѣрныхъ контрибуцій, для уплаты коихъ христіане были доведены до того что даже церковное серебро обращали въ слитки. Близь Акки на Кармилѣ были два древнѣйшіе монастыря, греческій и латинскій. Абдаллахъ ограбилъ и

разрушилъ обѣ эти обители, подъ предлогомъ что христіане намѣревались обратить ихъ въ крѣпости. Подобными мѣрами казна Абдаллаха обогащалась и молва о немъ привлекала къ нему чернь Дамаскую. Тогда обнародовалъ онъ поддѣльный фирманъ, о пожалованіи ему Дамаскаго пашалыка, и повелѣлъ эмиру Ливанскому приступить къ Дамаску, въ надеждѣ взбунтовать жителей противъ паши. Эмиръ съ десятитысячною милиціею Христіанъ и Друзовъ спустился съ горъ, и бодро аттаковалъ завѣтный городъ Мусульманъ, въ надеждѣ легкаго успѣха. Тамъ войска не было; Дервишь-паша, подозрѣвая что Абдаллахъ самъ пойдетъ на него изъ Акки, занялъ границу своимъ войскомъ. Аттака эмира застала его въ расплохъ, а жители были расположены принять Абдаллаха. Дервишь-паша съ своимъ гаремомъ и съ немногими Албанцами заперся въ плохой цитадели Дамаской, расположенной среди базаровъ и безестеновъ, и грозилъ пушками своими истребить этотъ богатый кварталъ, если жители не отстоятъ своего города. Столь рѣшительная угроза понудила жителей къ оборонѣ противу горцевъ. Между тѣмъ подоспѣло и войско. Эмиръ бѣжалъ, оставя даже свой багажъ и готовые котлы съ пилавомъ, въ который бросилъ сперва ядъ.

Извѣстіе о продѣлкахъ Абдаллаха возбудило негодованіе Султана, который наказывалъ въ это время бунтъ Али-паши Янинскаго, и былъ встревоженъ возстаніемъ Грековъ на Дунаѣ и въ Мореѣ. Султанъ Махмудъ любилъ Абдаллаха за его поэтическій талантъ, за изящныя арабскія оды, которыми молодой вассалъ льстилъ страсти повелителя правовѣрныхъ къ поэзіи, и за другой талантъ столь же высоко цѣнимый на Востокѣ, за красивый почеркъ, образцомъ коего Абдаллахъ представилъ Султану, лучшему калиграфу своей имперіи,

своеручную копію корана. Султанъ съ трудомъ повѣрилъ бунту паши-поэта и калиграфа, воспитанника и любимца степеннаго Солимана. Было поручено Дервишь-пашѣ Дамаскому, вмѣстѣ съ пашами Алепскимъ и Аданскимъ, наказать дерзкаго юношу. Абдаллахъ за своими стѣнами, недоступными милиціямъ пашей и плохой ихъ артиллеріи, нѣсколько мѣсяцевъ сряду издѣвался надъ ними, а съ моря былъ снабжаемъ всѣмъ нужнымъ. Но онъ боялся появленія флота султанскаго, и потому вступилъ въ переговоры съ Портою, спросилъ прощенія, и обѣщался уплатить всѣ расходы экспедиціи наряженной противу него. Порта не могла быть слишкомъ взыскательна въ дѣлѣ столь обычномъ, каково было возстаніе далекаго вассала. Осадное войско отступило; опала была снята съ преступнаго паши; но, не прошло и года, Абдаллахъ видя, что война съ Греками поглощала всѣ усилія Дивана, сталъ опять выходить изъ повиновенія. Онъ отправилъ въ столицу годичную подать съ пашалыка, и подослалъ разбойниковъ бывшихъ въ его службѣ, которые напали на его же людей отряженныхъ съ казною, умертвили ихъ, и возвратили пашѣ его мѣшки съ золотомъ. Абдаллахъ, будто ни въ чемъ не участвовалъ, сталъ жаловаться на Дамаскаго пашу, увѣряя что разбойники ограбившіе казну были изъ его областей; но обманъ обнаружился, и Порта нарядила вторичную экспедицію противу Акки. Дервишь-паша Дамаскій съ шестью другими пашами и 50,000 войска вторично обложилъ неприступное гнѣздо Абдаллаха. Бунтовщикъ сносился въ это время съ греческими корсарами, посылалъ полмилліона піастровъ въ Грецію, чтобы ему доставили оттуда солдатъ и военные снаряды, и уже не боялся появленія султанскаго флота, напуганнаго греческими брандерами. Осада безполезно длилась. Порта всего болѣе опасалась,

чтобы вѣроломный паша не сдалъ своей крѣпости Грекамъ. Въ столь критическихъ обстоятельствахъ Мехметъ-Али Египетскій предложилъ свое посредничество. Утвердивши свое владычество въ Египтѣ, извлекши изъ нѣдръ этой богатой страны невѣдомые дотолѣ элененты могущества и колоссальныхъ предпріятій, Мехметъ-Али по слѣдамъ предшественника своего Али-бека, устремлялъ уже въ это время жадный взоръ на Сирію, и ждалъ только случая, чтобы наложить руку на эту легкую добычу, истомленную междоусобіями пашей. Онъ испрашивалъ сперва у Порты Дамаскаго пашалыка, ручаясь въ усмиреніи Аккскаго паши и всѣхъ буйныхъ похитителей, которые попеременно проявлялись въ Сиріи. Но Порта, которая нехотя признала Мехметъ-Алія пашею Египетскимъ, предпочитала имѣть дѣло съ мелочными похитителями чѣмъ съ вассаломъ, котораго звѣзда уже грознымъ метеоромъ сіяла надъ Ниломъ. Когда домогательства его были отвергнуты, Мехметъ-Али ограничился ходатайствомъ въ пользу опальнаго сосѣда. Ему хорошо былъ извѣстенъ непостоянный нравъ Абдаллаха. Для своихъ дальнѣйшихъ помысловъ онъ не могъ желать въ Сиріи лучшаго властелина. Въ это время эмиръ Ливанскій, подпавшій опалѣ вмѣстѣ съ Абдаллахомъ, бѣжалъ въ Египетъ. Онъ былъ ласково принятъ Мехметъ-Аліемъ, который умѣлъ цѣнить его способности, его вліяніе на горахъ, и предвидѣлъ, что со временемъ эмиръ могъ своимъ умомъ, какъ Абдаллахъ своимъ безуміемъ, содѣйствовать къ исполненію видовъ его на Сирію. И паша Аккскій и эмиръ Ливанскій были помилованы Портою по ходатайству Мехметъ-Алія, и тѣмъ кончилась вторичная безполезная экспедиція противу Акки. Мехметъ-Али, прикрывая свои замыслы личиною усердія къ Портѣ и благорасположенія къ сосѣду, предложилъ даже свою казну Аккскому пашѣ

для уплаты суммъ истребованныхъ Портою. Заносчивый и безпечный нравъ Абдаллаха ручался въ томъ что онъ не возвратитъ этаго займа, а паша Египетскій того только и желалъ, чтобы заблаговременно улучить себѣ законный предлогъ вмѣшательства въ дѣла Сиріи. Эмиръ возвратился изъ Египта съ чувствами преданности къ Мехметъ-Алію, съ удивленіемъ его генію, и съ высокимъ понятіемъ о его могуществѣ. Можетъ статься тогда уже былъ заключенъ между ними заговоръ, который еще десятъ лѣтъ созрѣвалъ, благопріятствуемый обстоятельствами. Въ политическую систему эмира входило правило, послѣ каждаго кризиса наносить новый ударъ своимъ врагамъ, чтобы сосредоточивать постепенно власть въ своихъ рукахъ; а по законамъ деспотической его централизаціи — врагами его были всѣ тѣ, кто имѣлъ вліяніе на горахъ. Мы видѣли какъ онъ измѣною погубилъ при помощи Джемблатовъ оказавшаго ему большія услуги Джурджосъ-Беза. Теперь наступала очередь шейха Бешира Джемблата, которому, можно сказать, эмиръ былъ всѣмъ обязанъ. Уже давно предшественники эмира успѣли раздвоить Друзовъ на партіи Езбекіевъ и Джемблатовъ, чтобы при взаимной ихъ борьбѣ удобнѣе обуздывать и тѣхъ и другихъ. Въ союзѣ съ шейхомъ Беширомъ, главою Джемблатовъ, эмиръ погубилъ Абунакетовъ и Амадовъ изъ партіи Езбекіевъ; за тѣмъ подалъ онъ руку его врагамъ, для безпощадной кары могучаго шейха. Предлогомъ разрыва послужило то, что по бѣгствѣ эмира въ Египетъ шейхъ Беширъ, желая по патріотическому своему чувству охранить горы отъ непосредственнаго вмѣшательства пашей и ихъ арміи, и предупредить ссоры и междоусобія искателей княжества, поддержалъ всѣмъ своимъ вліяніемъ одного изъ родственниковъ эмиръ-Бешира по имени Аббаса, и исходатайствовалъ

ему инвеституру, отдавши въ заложники Туркамъ собственнаго сына. По возвращеніи эмира всѣ охотно ему покорились. Шейхъ былъ вправѣ ожидать признательности отъ стараго своего союзника, за то что его вліяніемъ миръ не былъ нарушенъ въ горахъ; но это вліяніе, которымъ такъ легко былъ поставленъ новый правитель въ его отсутствіе, не могло быть пріятно эмиръ-Беширу. Онъ наложилъ на шейха огромную пеню (1500 мѣшковъ), а за тѣмъ сталъ оскорблять его самолюбіе, окруживши себя Езбекіями. Шейхъ подозрѣвая черные замыслы озлобленнаго эмира, удалился въ Аккьаръ къ своимъ союзникамъ мусульманамъ. Его партія, обширные его удѣлы, христіанское народонаселеніе искони привязанное къ его дому, подняли знамя бунта и призвали его среди себя для низложенія неблагодарнаго эмира. Эмиръ съ своей стороны вооружилъ Езбекіевъ, зазвалъ въ горы войско Абдаллаха, разбилъ Джемблатовъ и обратилъ въ груду развалинъ древній великолѣпный ихъ замокъ въ Мухтарѣ. Шейхъ Беширъ бѣжалъ въ Гауранъ къ единоплеменнымъ Друзамъ. На пути настигли его люди Дамаскаго паши и обманомъ завлекли его въ Дамаскъ. Оттуда онъ былъ отправленъ въ Акку къ Абдаллаху, который сжалясь надъ нимъ, хотѣлъ примирить его съ эмиромъ. Но по ходатайству эмира, Мехметъ-Алій Египетскій настоятельно требовалъ его казни. Шейха удушили въ тюрьмѣ. Дѣти его были сосланы; обширные удѣлы Джемблатовъ были пожалованы сыновьямъ эмира, и ихъ имущество конфисковано. Семейство эмировъ Русланъ, приверженцевъ Джемблатовыхъ, раздѣлило ихъ участь. Мать эмировъ, которая своимъ умомъ пріобрѣла въ горахъ вліяніе, несовмѣстное съ общественными правами женщины въ Азіи, была изрублена палачами эмиръ-Бешира; ея дѣти бѣжали, и двадцать лѣтъ скитались въ

изгнаніи. Въ наше время всѣ эти изгнанники — Русланы, Джемблаты, Амады, Абунакеты, возвратились на Ливанъ тотчасъ по паденіи эмиръ-Бешира, чтобы отомстить его преемнику и всему роду Шагабовъ за претерпѣнныя ими гоненія, и взволновать весь край войною, которая издалека показалась Европѣ заговоромъ Друзовъ съ Мусульманами противу религіи Христіанъ, или споромъ между Христіанъ и Друзовъ за политическій перевѣсъ на Ливанѣ.

Въ опалу Джемблатовъ и Руслановъ эмиръ успѣлъ также ослѣпить кое-кого изъ своихъ родственниковъ, и отрѣзать имъ языки, по старому семейному обычаю Шагабова дома, когда въ роднѣ являлись люди съ способностями и съ честолюбіемъ. Послѣ этаго кризиса онъ уже безпрекословно царствовалъ на Ливанѣ, пресмыкался предъ капризами пашей, но уже не опасался ни возстанія народнаго ни соперниковъ.

Триполійскій пашалыкъ былъ отнятъ у Абдаллаха послѣ дерзкаго его покушенія на Дамаскъ. Подобно Аккѣ Триполійская крѣпость переходила въ это время изъ рукъ одного похитителя къ другому, а вмѣстѣ съ нею и вся область. Послѣ Мустафы Бербера она досталась Али-Бею Аккьарскому, клеврету Абдаллаха. По представленію Дервишь-паши Дамаскаго этотъ новый похититель былъ осыпанъ ласками и милостями Дивана, пожалованъ въ паши въ Малую Азію, и тогда только уступилъ намѣстнику Порты свои владѣнія. Искони паши Дамаска и Триполи не платили подати Султану, а были только обложены повинностію: первый — проводить караванъ въ Мекку, второй — выставлять провизіи на пути (Джирде) къ возврату поклонниковъ. Акка со времени Дагера была въ постоянномъ бунтѣ, можно сказать. Такимъ образомъ весь этотъ край, отъ самаго его завоеванія Селимомъ въ цвѣтущія времена Имперіи,

и до нашихъ дней, когда завоеваніе это было возобновлено среди разслабленія Турціи и среди самихъ критическихъ обстоятельствъ, вся эта прелестная область, столь щедро одаренная природою, съ своимъ просторнымъ берегомъ, съ своимъ мѣстоположеніемъ столь выгоднымъ для торговли, съ своимъ бодрымъ народонаселеніемъ, съ своею древнею промышленностію, никогда не доставляла Султанамъ ни доходовъ ни войскъ, а была имъ болѣе въ тягость по своимъ безпрерывнымъ волненіямъ, по порочному устройству управленія.

Абдаллахъ скучалъ въ покоѣ. Боясь заводить новыя ссоры съ другими пашами, онъ воспользовался правомъ предоставленнымъ каждому пашѣ вести войну противу ввѣренныхъ ему народонаселеній. Наплузцы владѣли въ своихъ горахъ крѣпкимъ замкомъ Саннуръ, который устоялъ предъ Джеззаромъ, когда онъ казнилъ горцевъ, и былъ тщетно осажденъ Солиманъ-пашею. Абдаллахъ послалъ туда болѣе 20,000 своего войска, обложилъ Саннуръ со всѣхъ сторонъ, и голодомъ принудилъ гарнизонъ сдаться. Этотъ подвигъ онъ воспѣлъ арабскими стихами, и поставилъ себя на ряду съ величайшими полководцами древнихъ и новыхъ вѣковъ.

Въ это время Мехметъ-Али устраивалъ свои регулярныя войска. Абдаллахъ, который почиталъ себя ни чѣмъ не хуже геніальнаго своего сосѣда, задумалъ также образовать регулярное войско. Мода марша подъ барабанъ распространялась тогда на Востокѣ, и привлекала въ классическую страну приключеній офицеровъ отставленныхъ отъ службы въ Западныхъ государствахъ, или бѣжавшихъ за политическіе грѣхи, послѣ революціонной лихорадки пробѣжавшей Пиринейскій и Аппенинскій полуостровы въ двадцатыхъ годахъ. Одинъ изъ нихъ, офицеръ сардинской службы Г. Бозіо, совершив-

шій подъ знаменами Наполеона русскій походъ, былъ въ это время заброшенъ судьбою въ Акку. Паша принялъ его въ свою службу въ качествѣ врача, (въ тѣ времена шляпа на головѣ служила медицинскимъ дипломомъ на Востокѣ) и узнавши о его походахъ и похожденіяхъ, предложилъ ему сформировать изъ его Мамлуковъ регулярный баталіонъ. Въ Египтѣ и въ Константинополѣ реформа военной системы упорно совершалась двумя преобразователями, которымъ было предоставлено придать новый видъ политическому зданію Востока. Въ Аккѣ она была забавою избалованнаго паши, который съ своего дивана слѣдилъ съ улыбкою эволюціи Мамлуковъ, такъ точно какъ въ своемъ харемѣ пляски невольницъ. Впрочемъ такъ какъ Г. Бозіо сверхъ военныхъ своихъ талантовъ былъ и медикомъ паши, то ему посчастливилось шампанскимъ излечить отъ мусульманскаго ханжества и отъ припадковъ фанатизма пашу, который въ первые годы своего владычества отказывался даже отъ трубки, и проводилъ дни и ночи съ дервишами.

Въ то время когда Абдаллахъ упивался шампанскимъ и глазѣлъ на разводы, повелитель правовѣрныхъ истощалъ свои усилія въ войнѣ съ Россіею. Сѣверные орлы съ Европы и съ Азіи грозно налетали на столицу; но ни Сирія ни Египетъ не слушали призыва султанскаго къ защитѣ изнемогавшаго Ислама. Египетскій паша находилъ предлогъ бездѣйствія въ Морейской экспедиціи, предпринятой по повелѣнію Порты, и въ потерѣ своего флота, который былъ сожженъ въ Наваринѣ за̀ упрямство турецкаго Адмирала. Паши Сирійскіе извинялись только необходимостію содержать въ повиновеніи буйныя племена этого края, и Порта должна была довольствоваться суетными увѣреніями ихъ въ преданности. По заключеніи Адріано-

польскаго мира Султанъ-Махмудъ направилъ всю свою дѣятельность къ довершенію преобразованій своихъ постепеннымъ введеніемъ законной власти въ провинціяхъ, обузданіемъ буйныхъ вассаловъ, однаго за другимъ. Уже можно было предвидѣть, что онъ не замедлилъ бы замѣнить полномочныхъ пашей стараго времени, каковы были владѣтели Египта и Акки, пашами облеченными ограниченною властію губернаторовъ. Безпутство нерегулярныхъ войскъ указало прежде всего на необходимость измѣненія пагубной военной системы имперіи; а какъ только успѣхъ упрочилъ власть Султана въ столицѣ и въ правительствѣ, и доставилъ ему собственные, послушные элементы дѣятельности — эти элементы должны были послужить къ завоеванію не новыхъ, не далекихъ странъ, но собственной имперіи расхищенной пашами. Въ этомъ отношеніи Махмудъ вполнѣ заслуживаетъ принятаго имъ громкаго прозвища Гази, *побѣдоносца.* И безъ сомнѣнія одержанныя имъ побѣды надъ фанатизмомъ своего народа и надъ буйствомъ этихъ тирановъ, которые именемъ его терзали народонаселеніе областей, обращая въ пустыню края благословленные природою, и истощая въ своихъ бунтахъ и въ своихъ оргіяхъ жизненныя силы имперіи, были и прочнѣе и благороднѣе завоеваній столь быстро совершенныхъ его предками и не соразмѣрныхъ съ основною силою государства, безпутно раскинутаго ими по тремъ частямъ свѣта. Сама судьба указывала Султану прямое поприще его дѣятельности и высокое его предназначеніе; онъ былъ постоянно несчастенъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами и съ народами подвластными, которымъ внутреннее развитіе открывало новую эру самобытности; но при неудачахъ его усилій противъ Грековъ и Сербовъ, при тяжкомъ мирѣ Бухарестскомъ, когда Россія уже въ борьбѣ съ цѣлою Европою, могла

еще торжественно подписывать миръ съ Султаномъ; подъ громомъ Наваринскимъ, подъ вторженіемъ Русскихъ войскъ въ самое сердце имперіи, Махмудъ не переставалъ торжествовать надъ вассалами и надъ буйствомъ своего народа, постоянно стремясь къ великому подвигу единовластія. Абдаллахъ-паша, причудливо подражая своему Султану въ формированіи регулярнаго войска, нисколько не постигалъ важности вводимыхъ Султаномъ коренныхъ преобразованій правительственной системы, и не предчувствовалъ ожидавшей его и всѣхъ его сверстниковъ судьбы. Но паша Египетскій не могъ спокойнымъ окомъ глядѣть на развивавшуюся постепенно систему Махмуда. Побѣдитель Мамлюковъ, Англичанъ и Веххабитовъ, завоеватель Сеннаара, Кордофана, Нубіи и Дарфура, могъ ли свыкнуться съ мыслію о томъ чтобы сойти съ высокаго званія владѣтельнаго полномощнаго князя — въ разрядъ простаго султанскаго намѣстника, когда наступитъ и его очередь, по уничиженіи однаго за другимъ всѣхъ могучихъ вассаловъ имперіи? Султанъ неизмѣнно слѣдуя великой своей мысли, еще не касался Египетскаго паши. Правда встарину были повелѣны неудачныя попытки противъ него; но въ это время Мехметъ-Али былъ въ великой милости; его ласкали на основаніи кореннаго закона Восточной политики «ласкай врага пока настанетъ время его погубить». Въ награду за Морейскую экспедицію — Мехметъ-Алію была пожалована Кандія. Сынъ его Ибрагимъ со времени истребленія Веххабитовъ былъ пашею Джидды на Чермномъ морѣ и покровителемъ завѣтныхъ городовъ Мекки и Медины. Но Кандія и Аравія были болѣе почетнымъ бременемъ чѣмъ владѣніемъ прибыльнымъ. Мы уже упоминали о видахъ Мехметъ-Алія на Сирію. Наступила пора или привести въ исполненіе

давно замышленные планы, отъ которыхъ зависѣло будущее величіе владѣтеля Египта и упроченіе пріобрѣтенныхъ имъ преимуществъ, или ждать, чтобы уровень наводимый Султаномъ на всю имперію, коснулся Египта съ Сирійской границы.

Обстоятельства были благопріятны. Въ Дамаскѣ господствовала анархія; новый паша Дамаскій Селимъ, при самомъ своемъ вступленіи въ должность, приказалъ сдѣлать опись лавкамъ и фабрикамъ, чтобы обложить городъ легкою податью. Рабочій классъ взбунтовался. Паша имѣлъ при себѣ до двухъ тысячь войска; вмѣсто того чтобы выступить въ поле, созвать войска съ округовъ и привесть чернь въ повиновеніе, онъ заперся въ цитадели, не разсчитавши что тамъ не было жизненныхъ припасовъ. Чернь сожгла дворецъ и осадила пашу. Почетные жители Дамаска, боясь всенародной опалы или анархіи, присоединились къ черни и направили ея дѣйствія. Они писали къ Абдаллаху прося у него совѣтовъ. Акскій паша, всегда готовый раздувать кругомъ себя пламя бунта, лаконически имъ отвѣчалъ, что всего прежде надо было отдѣлаться отъ своего паши. Селимъ хотѣлъ вступить въ переговоры; его не слушали. Послѣ шестинедѣльнаго заключенія въ цитадели онъ сдѣлалъ поздную вылазку. Остервененная чернь растерзала его и всю его свиту и его семейство, и разнесла по всѣмъ кварталамъ части его тѣла.

Въ такомъ-то состояніи былъ тогда Дамаскій пашалыкъ. Наплузскіе горцы не могли простить Абдаллаху разрушеніе ихъ крѣпости Саннура. Эмиръ Ливанскій былъ утомленъ причудами Абдаллаха, а отъ Египетскаго паши ждалъ покровительства. Шейхи Палестинскіе были всегда готовы къ возстанію на чей бы то ни было призывъ. Въ Алепѣ партія янычаръ подавленная Джелаль-эддинъ-пашею, дышала мщеніемъ. Хри-

стіане во всей Сиріи, отъ Іерусалима до Алепа, были истомлены отъ гоненій, отъ поборовъ, отъ обидъ нанесенныхъ всѣмъ исповѣданіямъ по поводу Греческой войны; а вѣротерпимость, повелѣнная Махмудомъ послѣ Адріанопольскаго мира, еще не успѣла проникнуть въ эту далекую анархическую область.

Мехметъ-Али внимательно наблюдалъ постепенное разрушеніе законной власти въ Сиріи; но честолюбивые его замыслы были обширнѣе и основательнѣе дерзновенныхъ предпріятій пашей, которые такъ часто поднимали въ Турціи знамя бунта. Въ борьбѣ, которая казалась ему необходимымъ условіемъ политическаго его существованія, онъ не полагался на одни свои матеріальныя силы, пекся о мнѣніи народномъ и предостерегалъ себя отъ укоризны Ислама въ бунтѣ противу гражданскаго и духовнаго своего повелителя. Ему былъ необходимъ законный предлогъ къ ссорѣ; а съ такимъ сосѣдомъ каковъ былъ Абдаллахъ найти предлогъ было нетрудно. Съ того времени какъ правительственный и военный деспотизмъ Мехметъ-Алія замѣнилъ въ Египтѣ анархическій деспотизмъ Мамлуковъ сисематическимъ понужденіемъ феллаховъ къ земледѣлію и къ военной службѣ, многія семейства поселянъ стали бѣжать въ Сирію отъ работъ и отъ рекрутства. Мехметъ-Али обратился къ Абдаллахъ-пашѣ съ требованіемъ о выдачѣ бѣглецовъ и объ уплатѣ суммы, заимствованной для утишенія гнѣва султанскаго послѣ двоекратнаго его бунта. Абдаллахъ надмѣнно отказалъ законнымъ требованіямъ Мехметъ-Алія, а относительно выдачи переселенцевъ Египетскихъ онъ ссылался на свободу предоставленную Мусульманамъ — переходить изъ одной области въ другую. Онъ предлагалъ Мехметъ-Алію подвергнуть всякое притязаніе суду общаго ихъ государя. Мехметъ-Али зналъ, что Абдаллахъ тогда только повиновался султану, когда

это было согласно съ его видами и прихотями; однакожъ онъ жаловался въ Константинополь. Ему отвѣчали что «Феллахи арабскіе — подданные султана, не рабы пашей, и вольны переселяться съ мѣста на мѣсто.» Правило это неоспоримо: но согласно-ли оно съ основнымъ постановленіемъ, въ силу котораго каждая область обложена такъ сказать гуртомъ, постоянною суммою налога, а не по измѣняющейся пропорціи своихъ производительныхъ силъ?

Среди этихъ переговоровъ Мехметъ-Али съ необыкновенною дѣятельностію готовилъ сухопутную и морскую экспедицію въ Сирію. Въ народѣ носился слухъ, будто это было съ вѣдома и согласія Порты. Въ исходѣ Октября 1831 года 9000 отлично формированной регулярной кавалеріи, двѣ батареи полевой артиллеріи и тысяча Бедуиновъ перешли Суэцкую пустыню. Эта экспедиція была подъ начальствомъ Кючукъ-Ибрагимъ-паши племянника Мехметъ-Алія. Флотъ изъ семи фрегатовъ и тридцати трехъ другихъ военныхъ судовъ и транспортовъ съ 7000 дессантнаго войска и съ осадною артиллеріею поплылъ къ Сирійскому берегу. На немъ былъ Ибрагимъ-паша, главнокомандующій арміею; штабъ составляли офицеры испытанные въ походахъ Аравійскомъ и Морейскомъ.

Палестина приняла Египтянъ какъ избавителей. Газа и Яффа охотно открыли имъ свои ворота; гарнизоны Аккскаго паши разбѣжались, или вступили въ службу Египетскую. Сухопутная экспедиція безъ всякаго сопротивленія прошла все пространство до Кайфы, города лежащаго у подошвы Кармила насупротивъ Акки, отъ которой онъ отдѣленъ только шириною небольшаго залива. Тамъ сухопутная экспедиція сошлась съ флотомъ и приняла дессантное войско. Къ тому-же пункту были направлены транспорты изъ Египта

съ провіантомъ и снарядами для осады; ибо, какъ это хорошо предвидѣлъ Мехметъ-Али, все сопротивленіе Абдаллаха должно было сосредоточиться въ Аккѣ. Ибрагимъ-паша еще въ Яффѣ высадился на берегъ, и принялъ на пути въ Кайфу увѣреніе горскихъ племенъ Іудеи и Наплуза въ ихъ повиновеніи и въ готовности служить подъ его знаменами. Въ половинѣ Ноября осадное войско подступило къ Аккѣ, и чрезъ нѣсколько дней флотъ, при благопріятномъ вѣтрѣ, открылъ огонь по городу.

Абдаллахъ-паша рѣшился на самую упорную защиту. Неудача Французовъ подъ Аккою внушала ему бодрость. Кромѣ того уже болѣе 30 лѣтъ и Джеззаръ и Солиманъ и самъ онъ не переставали укрѣплять Акку новыми бастіонами, огромною артиллеріею (до 400 орудій), казематами, рвомъ и цитаделью, и строить въ ней водоемы, магазины и казармы. Въ рукахъ пашей крѣпость эта служила залогомъ повиновенія областей, вынужденнаго благорасположенія Порты, ненаказанности бунта. Гарнизонъ составляли 3000 отборныхъ Албанцевъ, Деліевъ, Мамлюковъ и Кюрдовъ тѣлохранителей паши. Что касается до регулярнаго войска — оно было забавою только для Абдаллаха, а въ этихъ обстоятельствахъ онъ уже отказывался отъ всякой забавы. Первоначальныя ошибки Египтянъ при самомъ открытіи осадныхъ работъ, неопытность войска въ новомъ для него дѣлѣ осады, зимніе проливные дожди и удалыя вылазки Албанцевъ, длили эту осаду болѣе чѣмъ того ждалъ Ибрагимъ. Онъ звалъ къ себѣ эмира Ливанскаго въ лагерь, и хотѣлъ воспользоваться чувствами обнаруженными въ племенахъ Сирійскихъ, чтобы быстрѣе распространить свое владычество на весь край, и принять мѣры предосторожности прежде чѣмъ поспѣетъ помощь отъ турецкаго правительства къ осажденной крѣпости.

При самомъ появленіи Египтянъ въ Сиріи Абдаллахъ прибѣгнулъ къ Портѣ съ просьбою о пособіи. Эмиръ-Беширъ, который съ высоты своихъ горъ наблюдалъ за происшествіями, чтобы принаровить къ нимъ и свои дѣйствія, зналъ объ отправленіи Абдаллахомъ гонца въ столицу. Когда онъ получилъ приглашеніе Ибрагима, онъ мѣшкалъ отвѣтомъ, въ ожиданіи извѣстій изъ Стамбула. Гонецъ былъ захваченъ подставленными эмиромъ людьми близь Бейрута, на возвратномъ пути въ Акку; депеши прочитаны. Порта ничего не отвѣчала на просьбы Абдаллаха; его повѣренный въ столицѣ писалъ даже, что по неблагорасположенію къ нему Дивана, нельзя было ожидать скорой помощи. Это извѣстіе заставило эмира принять сторону Египтянъ; а уже Ибрагимъ въ грозномъ письмѣ клялся головою своего отца разорить все его княжество, если онъ не явится въ лагерь безъ дальнѣйшихъ замедленій. Поддерживая угрозы дѣйствіемъ, Ибрагимъ отрядилъ войска въ прибережные города Суръ, Сайду, Бейрутъ и Триполи. Все охотно покорялось полководцу, котораго рѣшительныя дѣйствія, бодрое войско, дисциплина, быстрыя движенія, ласковыя и правосудныя рѣчи къ жителямъ наполнили славою о немъ всю Сирію. Подмоги всякаго рода доставлялись въ лагерь изъ Египта. Молодой внукъ Мехметъ-Алія, Абасъ-паша, поспѣлъ съ сильнымъ отрядомъ регулярной конницы и Бедуиновъ, этихъ казачьихъ ополченій Востока. Покореніе горскихъ племенъ Палестины представило Ибрагиму удобный случай для занятія гарнизономъ Іерусалима. Монастыри Іерусалимскіе привыкшіе къ систематическому ежегодному грабительству отъ пашей Дамаскихъ, судей и всѣхъ эффендіевъ Іерусалимскихъ, боялись, что Египтяне предадутъ городъ грабежу и осквернятъ святыни. Какимъ восторгомъ были они объяты, когда при самомъ всту-

пленіи Египетскаго гарнизона въ городъ, былъ обнародованъ слѣдующій приказъ Ибрагима на имя моллы (главнаго судіи), шейха Омаровой мечети, муфтія, наиба и всѣхъ властей.

«Въ Іерусалимѣ есть храмы, монастыри и поклоненія, «къ коимъ приходятъ всѣ Христіанскіе и Еврейскіе «народы разныхъ исповѣданій изъ странъ самихъ да-«лекихъ. Сіи поклонники бывали доселѣ обременяемы «огромными налогами въ исполненіи обѣтовъ и обязан-«ностей ихъ вѣры. Желая искоренить подобное злоупо-«требленіе, повелѣваемъ всѣмъ муселимамъ Сайдскаго «эйалета*) и санджаковъ Іерусалимскаго и Наплузскаго «уничтожить подобные налоги на всѣхъ путяхъ безъ «изъятія. Въ монастыряхъ и церквахъ Іерусалимскихъ «пребываютъ монахи и молельщики для чтенія Еван-«гелія и для духовныхъ обрядовъ своихъ исповѣданій. «Правосудіе требуетъ чтобы они были освобождены «отъ всѣхъ налоговъ, которыми произвольно ихъ обла-«гали мѣстныя власти. А посему повелѣваемъ, чтобы «всѣ налоги взимаемые съ монастырей и храмовъ всѣхъ «христіанскихъ народовъ, пребывающихъ въ Іерусалимѣ, «какъ то: Грековъ, Франковъ, Армянъ, Коптовъ и дру-«гихъ, равно и налоги старые и новые платимые на-«родомъ Еврейскимъ были навсегда уничтожены. Подъ «какимъ бы предлогомъ или названіемъ ни существовали «эти налоги, подарка-ли обычнаго и добровольнаго, или «въ казну пашей или въ пользу кадіевъ, муселимовъ, «Дивана и т. п., всѣ они строго воспрещаются. Ка-

*) Аккскій пашалыкъ въ оффиціальномъ слогѣ носитъ имя прежней столицы Сайды. Нынѣ Бейрутъ служитъ мѣстопребываніемъ паши, но вся область по прежнему именуется Сайда-Эйалетъ. Замѣтимъ что Ибрагимъ до самаго взятія Акки ограничивалъ свои правительственныя распоряженія областію Абдаллаха, тщательно стараясь представить народу свою войну — дѣломъ между имъ и Абдаллахомъ, и отстранить видъ возстанія противу султанской власти.

«фаръ требуемый отъ христіанъ при входѣ ихъ въ «Камаму (храмъ гроба Господня,) или при отправленіи «ихъ въ Шарія (во Іорданъ), равномѣрно уничтожает-«ся. Какъ только будетъ прочитанъ вами сей бую-«рульды (приказъ) вы должны поспѣшить его испол-«неніемъ отъ слова до слова, и немедленно прекратить «всѣ вышепоименованныя взысканія, или другія осно-«ванныя на обычаѣ, и всякое требованіе съ монасты-«рей и храмовъ Іерусалимскихъ, принадлежащихъ раз-«нымъ народамъ *) христіанскимъ и еврейскимъ, равно «и кафары, яко противные закону. По объявленіи сего, «кто востребуетъ съ вышепомянутыхъ храмовъ, мона-«стырей и поклонниковъ малѣйшей дани, будетъ строго «наказанъ; для выполненія чего выданъ нами сей бую-«рульды изъ Дивана (совѣта) нашей главной квартиры.»

Подобныя рѣчи въ устахъ мусульманскаго паши, въ устахъ смѣлаго завоевателя, который едва занялъ Сирію и уже помышлялъ объ искорененіи вѣковыхъ злоупотребленій, составляли новую эру для христіанъ на Востокѣ. И въ самомъ дѣлѣ была пора избавить христіанство отъ постыдныхъ налоговъ и уничиженій, которыми паши, горскіе шейхи, судіи мусульманскіе и даже Іерусалимская правовѣрная чернь, по своему произволу и безъ вѣдома правительства, угнетали духовенство Іерусалимское.

Мы уже упоминали, что обычный ежегодный взносъ Дамаскому пашѣ отъ греческаго монастыря состоялъ въ 1000 мѣшкахъ **); сверхъ того на свиту паши и на подарки и на провизіи, когда паша самъ пріѣзжалъ въ Іерусалимъ, расходовалось еще до 500 мѣшковъ.

*) Въ оффиціальномъ турецкомъ слогѣ подъ именемъ народовъ должно разумѣть обыкновенно вѣроисповѣданія.

**) Съ 1820 по 1830 годъ курсъ турецкой монеты чрезвычайно понизился отъ порчи металла. Въ это время 1,000 мѣшковъ т. е. 500,000 піастровъ соотвѣтствовали около 100 т. руб. сереб.

моллѣ Іерусалимскому въ его пріѣздъ взносили около 200 мѣшковъ, и рѣдкій молла не находилъ случая, въ обыкновенный годичный срокъ своего пребыванія въ Іерусалимѣ, забрать еще столько или вдвое. Столькоже обходились и его кіатибы (секретари) и члены Мехкеме; столькоже и муселимъ Іерусалимскій съ своею свитою. Около 500 мѣшковъ въ годъ было необходимо дарить разнымъ мусульманскимъ семействамъ, для того только, чтобы они не преслѣдовали православнаго монастыря. Къ этимъ постояннымъ почти законнымъ взносамъ, ибо долгое злоупотребленіе имѣло силу закона, можно отнести и сумму кафаровъ, которая круглымъ числомъ доходила до 500 піастровъ съ каждаго поклонника. Оставалась еще важная и самая разорительная статья, *джереме*, или пени, произвольно налагаемыя пашами, моллами, муселимами въ собственную ихъ пользу при всякомъ удобномъ случаѣ: подрались-ли два поклонника и произошла отъ этаго суматоха между двумя исповѣданіями, передвинули-ли черепицу въ монастырскомъ зданіи, чтобы исправить кровлю отъ течи, починили-ли окно разбитое вѣтромъ — требовалось отъ монастыря тысячь 10, 50 или 100,000 піастровъ, на томъ основаніи, что починка храмовъ въ Оттоманской имперіи подлежала вѣдомству и одобренію мѣстныхъ судилищъ. Иногда и безъ всякаго повода, а развѣ подъ предлогомъ будто паша подозрѣвалъ греческое духовенство въ тайномъ сношеніи съ Морейскими Греками, или по случаю извѣстія о сожженіи турецкаго флота Идріотами, или о гоненіяхъ на христіанъ въ столицѣ, паша требовалъ 500 или 1000 мѣшковъ, и давалъ епископамъ Святогробскимъ нѣсколько дней или нѣсколько часовъ сроку, чтобы представить сумму или — быть повѣшенными. Въ такихъ-то обстоятельствахъ не удивительно, что

греческій монастырь обратилъ въ слитки около 2000 пудовъ своего серебра и до 40 пудовъ золота, въ томъ числѣ лампы и сосуды, подаренные еще Греческими императорами, и вошелъ сверхъ того въ долги на 30,000 мѣшковъ. Въ эпоху Египетскаго нашествія бѣдствія его доходили до крайности. Монастырь предлагалъ по 25 и 30 процентовъ въ годъ, но уже никто денегъ не давалъ. Заимодавцы Мусульмане, Армяне и Евреи требовали, чтобы зданія монастырскія и даже св. поклоненія были распроданы на уплату долговъ. Въ эти годины тяжкихъ испытаній, когда Архіереи и все духовенство Іерусалимское терпѣли поруганіе, одѣвались въ лохмотья и питались круглый годъ хлѣбомъ и маслинами, дабы только не погасли ѳиміамъ и лампада въ завѣтныхъ поклоненіяхъ, дабы только святыня ввѣренная ихъ стражѣ не перешла въ руки иноплеменныхъ, нельзя не благоговѣть предъ святою доблестію, которая почерпалась избранными старцами въ неизсякаемомъ источникѣ вдохновеній, у колыбели нашей вѣры, и которую можно сравнить лишь съ подвигами мучениковъ первыхъ вѣковъ Христіанства.

Ибрагимъ-паша сдержалъ свое слово: Буюрульды его былъ не мертвою буквою, какъ бывали для Сирійскихъ племенъ повелѣнія Порты, но торжественнымъ и искреннимъ обѣтомъ вѣротерпимости, которому онъ пребылъ вѣренъ во все время Египетскаго правленія въ Сиріи. Не только судебныя и исполнительныя власти въ Іерусалимѣ покорились безпрекословно твердой его волѣ, но самые шейхи Іудейскихъ горъ, необузданные дотолѣ никакою властію, и для которыхъ поклонники Святой Земли составляли огромную статью дохода, были принуждены оказывать имъ безвозмездное покровительство, отвѣчая своею головою за ихъ безопасность и неприкосновенность. Ибрагимъ-паша объ-

явилъ въ послѣдствіи для обузданія хищныхъ Арабовъ, что будетъ отрублена та рука, которая возьметъ деньги съ поклонниковъ въ горахъ Іудейскихъ. Арабы, придерживаясь буквальнаго смысла приказа, стали понуждать поклонниковъ бросать деньги наземь, и по удаленіи ихъ забирали уже не съ нихъ, а съ земли. Ибрагимъ, извѣщенный объ этомъ, не замедлилъ растолковать Арабамъ свою волю въ прямомъ ея смыслѣ, отрубилъ двѣ три руки, и уже никто не посмѣлъ нарушить его закона.

Ущеліе Іудейскихъ горъ на пути изъ Яффы въ Іерусалимъ искони занято племенемъ шейховъ Абугошей, которые подъ благовиднымъ предлогомъ стеречь эти опасныя мѣстности отъ разбойниковъ, сами грабили поклонниковъ, взыскивая съ нихъ кафары и подарки. Ибрагимъ-паша назначилъ жалованіе шейху взамѣнъ этаго дохода, и съ того времени Абугошь сталъ уже не грозою, но покровителемъ поклонниковъ. Эти благоразумныя мѣры открыли путь поклонникамъ въ Палестину, и уже во второй и въ третій годъ Египетскаго правленія число Грековъ и Армянъ, отправлявшихся со всѣхъ турецкихъ областей въ Іерусалимъ, простиралось до 10,000 человѣкъ. Ими обогащались Яффа и горскіе жители, служившіе погонщиками, и жители Іерусалима, гдѣ поклонники проводили зиму, и монастыри. Со временемъ самое народонаселеніе Палестины убѣдилось въ томъ, что выгоднѣе привлекать великое число благочестивыхъ гостей терпимостію и безопасностію, чѣмъ грабить полсотню несчастныхъ, которые въ прежніе годы рѣшались совершать столь опасный путь.

Во всѣхъ отношеніяхъ вѣротерпимость Ибрагима была основана на вѣрномъ политическомъ расчетѣ: съ одной стороны приказъ, данный имъ изъ лагеря подъ Аккою, былъ какъ бы заблаговременною ласкою

и цѣною привязанности къ нему многочисленнаго христіанскаго народонаселенія Ливанскихъ горъ, въ которомъ онъ надѣялся обрѣсти вѣрную подпору для честолюбивыхъ своихъ видовъ;— съ другой, опытъ научилъ Ибрагима въ Египтѣ и въ Аравіи, что первымъ условіемъ подчиненности Мусульманъ законной власти, и успѣха преобразованій правительственной и военной системы, было укрощеніе религіознаго фанатизма, на которомъ паши турецкіе, каковъ былъ Абдаллахъ, такъ ошибочно пытались основать свое вліяніе. Безпристрастное сравненіе эпохи Египетскаго владычества съ прежними правительствами Сиріи, и даже съ эпохою водворенія султанской власти въ 1840 г. служитъ къ подкрѣпленію этой истины, въ которой и доселѣ еще не убѣдились намѣстники Порты. Въ семъ отношеніи вѣротерпимость Ибрагима была едва-ли не важнѣйшею и прочнѣйшею мѣрою гражданскихъ его преобразованій, и основою его вліянія на мусульманскія племена Сиріи. Религіозное чувство искони служитъ пружиною правительственной власти на Востокѣ. Въ Сиріи, въ этой классической почвѣ откровенія, догмата, ереси и фанатизма, запечатлѣвшихъ въ ней свои неизгладимыя бразды и свои преданія, безъ сомнѣнія болѣе чѣмъ гдѣ либо правительственная власть обязана вникать въ смыслъ религіознаго направленія и имъ руководствоваться. Подъ правительствомъ мусульманскимъ несравненное большинство мусульманскаго народонаселенія служитъ достаточною порукою политическаго его перевѣса, а мечтанія Запада о возстановленіи въ Палестинѣ царства Іудейскаго вопреки грозныхъ пророчествъ, или самостоятельнаго царства Христіанскаго, вопреки элементовъ края и вопреки кроваваго двухвѣковаго опыта крестоносцевъ, обнаруживаютъ только совершенное невѣдѣніе статистики этаго края, о которомъ уже пять-

надцать лѣтъ столько пишутъ и говорятъ. Ибрагимъ-паша, съ здравымъ смысломъ восточнаго человѣка, легко постигъ, что отъ христіянъ Сирійскихъ правительство можетъ только ожидать сочувствія и содѣйствія на обузданіе племенъ мусульманскихъ, которыя въ оргіяхъ своего фанатизма почерпали сугубую дерзость на борьбу съ законною властію. Опытъ вполнѣ оправдалъ расчетъ Ибрагима.

Возвратимся къ осажденной Аккѣ. Наше отступленіе извинительно тѣмъ, что осада безуспѣшно длилась всю зиму. Абдаллахъ отвѣчалъ на всѣ предложенія о сдачѣ, даже и по открытіи пролома, что онъ въ послѣдней крайности былъ намѣренъ взорвать крѣпость, но не сдать ее. Между тѣмъ эмиръ Ливанскій явился въ лагерь и былъ удержанъ въ залогъ содѣйствія горцевъ, которыхъ отрядъ, подъ начальствомъ сына его эмиръ-Халиля, присоединился къ войску Египетскому. Мехметъ-Али отправлялъ въ лагерь гонца за гонцомъ съ повелѣніями сыну взять крѣпость во чтобы то ни стало, ибо съ ключами Акки въ рукахъ онъ могъ предписать свой законъ Дивану Константинопольскому. Диванъ съ своей стороны, вѣрный старинному правилу турецкой политики: «губить однаго врага другимъ» не безъ тайнаго удовольствія глядѣлъ сперва на схватку паши Египетскаго съ Абдаллахомъ. Онъ могъ расчитывать, что по взаимномъ ихъ истощеніи, они оба, или по крайнѣй мѣрѣ одинъ изъ нихъ, склонитъ надмѣнную выю подъ законъ Стамбула. Но этотъ расчетъ былъ обманчивъ. Когда дошло извѣстіе въ столицу объ упорной осадѣ Акки, о сочувствіи обнаруженномъ Сирійскими племенами къ Ибрагиму, о правительственныхъ мѣрахъ, которыми этотъ полководецъ проявлялся уже не залетнымъ гостемъ, но завоевателемъ пекущимся о прочности своего подвига, Порта призадумалась. Не измѣняя флегматиче-

скимъ своимъ пріемамъ, она стала выказывать только удивленіе и неудовольствіе. Былъ наряженъ коммисаромъ къ Мехметъ-Алію Насифъ-эффенди съ увѣщаніями прекратить эти *непристойныя дѣйствія* (обыкновенная фраза канцелярскаго слога Турокъ), а обратиться къ Портѣ съ своими жалобами на сосѣда. Порта обязывалась приказать Абдаллаху, чтобы онъ впередъ не вмѣшивался въ дѣла Египта, а муфти именемъ религіи увѣщевалъ Мехметъ-Алія, — оставить Сирію въ покоѣ для безопаснаго шествія каравана въ Мекку. Мехметъ-Али, чтобы отложить объясненія съ коммисаромъ Порты, продерживалъ его цѣлый мѣсяцъ въ карантинѣ, ожидая съ часу на часъ извѣстія о взятіи Акки, а между тѣмъ подсылалъ въ Сирію по почтѣ на верблюдахъ цѣлые батальоны взамѣнъ ущерба причиняемаго въ войскѣ холерою; усиливалъ свою Сирійскую армію до 40,000, и на депеши Порты и муфтія отвѣчалъ всеподданническою просьбою объ уступкѣ ему Аккскаго и Дамаскаго пашалыковъ, исчисляя оказанныя имъ услуги усмиреніемъ Египта, истребленіемъ Веххабитовъ, устройствомъ дѣлъ мусульманскихъ святынь въ Аравіи, Морейскимъ походомъ и своевременнымъ взносомъ подати, при всѣхъ пожертвованіяхъ своего патріотизма. Тогда только Порта рѣшилась дѣйствовать; обычныя ея замедленія будто умышленно давали время Ибрагиму овладѣть Аккою. Новоназначенный въ Алепъ Мехметъ-паша былъ облеченъ званіемъ сераскира (воеводы) Аравійскаго, съ повелѣніемъ собирать войска, а пашамъ и муселимамъ Кесаріи, Коніи, Мараша, Сиваса и другихъ Малоазійскихъ областей, было приказано поспѣшить подъ его знамена съ своими ополченіями. Регулярнаго войска въ этой экспедиціи вовсе не было; Порта надѣялась обыкновенными скопищами бродягъ старой военной системы разсѣять Ибрагимовы

полки. Въ половину луны Реджеба (въ началѣ Декабря) въ пору отхода Меккскаго каравана изъ Константинополя, правовѣрные поклонники пустились въ путь, въ увѣренности, что дорога будетъ имъ расчищена султанскимъ войскомъ *). Были назначены паши въ Дамаскъ и Триполи для принятія мѣръ присвоенныхъ этимъ должностямъ относительно шествія и возвратнаго пути каравана. Но правовѣрнымъ поклонникамъ не было суждено въ семъ году исполнить свой набожный обѣтъ. Дамаскъ служитъ сходнымъ мѣстомъ, гдѣ устраиваются всѣ приготовленія для перехода каравана чрезъ Сирійскую и Аравійскую пустыни. Преемникъ Селима Али-паша былъ принятъ въ Дамаскѣ съ видомъ пасмурной покорности. Его приняли потому что онъ вступалъ туда безъ войска, съ малочисленною свитою. Порта откладывала кару, которой было осуждено преступное народонаселеніе, а жители съ своей стороны видѣли въ пашѣ заложника для ненаказанности бунта. При такомъ взаимномъ расположеніи намѣстника Порты и фанатическаго города, подъ впечатлѣніемъ военныхъ дѣйствій, которыми кипѣла Сирія, поклонники напрасно прождавъ нѣсколько недѣль, отправились обратно изъ города, поименованнаго *преддверіемъ Мекки*.

Плохія Малоазійскія милиціи стекались къ Алепу и безчинствами своими служили только къ усугубленію неудовольствія въ народонаселеніи, которое ожидало Ибрагима какъ избавителя. Триполи былъ уже занятъ Египетскимъ гарнизономъ подъ управленіемъ того са-

---

*) Замѣтимъ что караванъ долженъ прибыть въ Мекку къ празденству жертвоприношеній Курбанъ Байраму, совершаемую въ 10 день луны Зиль-каде: такъ какъ магометанскій годъ состоитъ изъ 12 лунныхъ мѣсяцевъ или 354 дней, то мѣсяцы мусульманскіе и слѣдовательно — эпоха отправленія каравана не соотвѣтствуютъ нашимъ мѣсяцамъ, какъ годы эгиры не соотвѣтствуютъ нашему лѣтосчисленію. Эпоха описываемыхъ нами событій 1831 года отвѣчаетъ 1247 году эгиры, а въ исходѣ нынѣшняго 1861 года магометане считаютъ 1279 годъ эгиры.

маго Мустафы-Бербера, который за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ, былъ изгнанъ Абдаллахомъ, но возвратился теперь въ Сирію съ Египтянами, и усердно служилъ Мехметъ-Алію. Паша Триполійскій разбилъ Египетскій гарнизонъ, и ужѐ готовился занять городъ, когда изъ подъ Акки съ быстротою налетѣлъ самъ Ибрагимъ, и однимъ страхомъ своего имени заставилъ и отрядъ султанскій и пашу бросить артиллерію и обозы, и бѣжать въ Хаму, куда̀ спускалась армія изъ Алепа.

Порта не теряла надежды склонить къ покорности Египетскаго вассала; переговоры длились; наступала весна; Акка отчаянно защищалась, и когда предлагали Абдаллаху сдаться на капитуляцію, онъ самъ спускался въ брешь, и насмѣшливо объявлялъ парламентерамъ Ибрагимовымъ, что онъ, благодаря Аллаху, здоровъ, что крѣпость также здорова, хоть на ней оборвано наружное платье, что всего только пять мѣсяцевъ длилась осада, а городъ снабженъ провіантомъ, водою и снарядами на пять лѣтъ, и что къ истеченію этого времени онъ готовъ вступить въ переговоры о сдачѣ или о мирѣ. Если вспомнимъ, что Абдаллахъ, кромѣ опасностей осады, долженъ былъ остерегаться измѣны отчаянныхъ сорванцевъ, которые составляли собственный его гарнизонъ; что онъ имѣлъ предъ глазами примѣръ Али-паши Янинскаго, котораго голова была продана тѣлохранителями, ограбившими его казну; что все народонаселеніе было на сторонѣ Ибрагима, и что отъ Порты онъ не ждалъ уже ни пособія ни даже помилованія, то надо сознаться, что храбрость не была чужда причудамъ этого человѣка.

Въ весну 1832 года гнѣвъ Махмуда разбудилъ Порту отъ ея усыпленія. Былъ призванъ въ столицу Гуссеинъ, бывшій Ага-паша, знаменитый истребитель Янычаръ, фанатически преданный своему Султану. —

Онъ уже нѣсколько лѣтъ унывалъ въ немилости по проискамъ своего соперника Хозрефа, любимца Махмудова, который управлялъ военнымъ министерствомъ съ титломъ сераскира. Махмудъ обласкалъ своего стараго и вѣрнаго Ага-пашу,*) украсилъ его новымъ титломъ Сердари-экрема, или Фельдмаршала Азійскаго, облекъ неограниченною властію, и въ краснорѣчивомъ хатъ-шерифѣ исчисливъ вины Мехметъ-Алія и Ибрагима, при юридическомъ мнѣніи всѣхъ высшихъ законоучителей духовной іерархіи, властію Халифа налагалъ на нихъ анаѳему за измѣну законному государю, и жаловалъ ввѣренныя имъ области, Египетъ, Джидду и Кандію, своему фельдмаршалу, съ порученіемъ завоевать эти области, а всего прежде очистить Сирію.

Это воззваніе Султана произвело нѣкоторое дѣйствіе въ тѣхъ только мѣстностяхъ Сиріи, которыя уже нѣсколько времени пребывали подъ Египетскимъ управленіемъ. Въ Триполи и на Ливанѣ открылись заговоры, но были подавлены твердостію Ибрагима, который изъ подъ Акки полетѣлъ въ Деръ-эль-Камаръ и поддержалъ власть эмира ссылкою его противниковъ. Но ни въ Алепѣ ни въ Дамаскѣ слово Султана не нашло отголоска въ чувствѣ народномъ. Здѣсь открывается странное и печальное явленіе, которое столь характеристически должно продлиться до самаго паденія Египетскаго владычества въ Сиріи: чѣмъ долѣе народонаселеніе пребываетъ подъ властію похитителя, тѣмъ усерднѣе и искреннѣе вздыхаетъ оно по законномъ государѣ; между тѣмъ въ областяхъ Малоазійскихъ, подъ намѣстниками Султана, оно прости-

*) Ага-пашею именовался въ старой военной іерархіи Турецкой имперіи главнокомандующій корпусомъ Янычаръ. Объ истребленіи Янычаръ Хуссейномъ, ихъ главнокомандующимъ, подробности изложены въ книгѣ моей «Очерки Константинополя.»

раетъ свои объятія къ Египту и ждетъ оттуда избавителей. Припишимъ-ли это непостоянству человѣка, всегда недовольнаго своею судьбою, или неурядицѣ турецкой въ Анатоліи и строгостямъ Ибрагима въ Сиріи, или, что вѣроятнѣе — тяжкому первоначальному труду, и здѣсь и тамъ, эпохи преобразованій, спасительныхъ по своимъ послѣдствіямъ, неизбѣжныхъ когда преисполнилась мѣра злоупотребленій старой системы, но лишь усилено принаровленныхъ къ мѣстному элементу, и всегда ненавистныхъ Азіятцу?

Пятидесятитысячный корпусъ, въ томъ числѣ 30,000 регулярнаго войска и гвардіи съ 160 орудіями, спускался изъ Константинополя къ Сиріи и достигалъ съ фельдмаршаломъ хребта Таврическаго въ Маѣ. Флотъ выплывалъ изъ Дарданеллъ подъ начальствомъ Халиль-паши, чтобы съ моря поддерживать военныя операціи. Десять тысячь нерегулярнаго войска подъ начальствомъ Османъ-паши Алепскаго сосредоточивались у Хомса, въ четырехъ переходахъ отъ Дамаска. Еще въ Апрѣлѣ Ибрагимъ-паша занялъ отличную военную позицію Бальбека, гдѣ сходятся дороги отъ Триполи и Дамаска въ Хомсъ, наблюдалъ за турецкою арміею, и прикрывалъ флангъ главной квартиры осаднаго войска. По взятіи этихъ предостерегательныхъ мѣръ, онъ 16 Мая сдѣлалъ третію попытку приступа къ осажденной крѣпости. Абдаллахъ еще защищался; но дѣйствіе подкоповъ и осадныхъ батарей въ продолженіе семи мѣсяцевъ обратило уже бастіоны въ груды развалинъ. Ибрагимъ съ саблею въ рукахъ понуждалъ своихъ Египтянъ итти въ проломъ, гдѣ Албанцы засѣли среди камней, и мѣтко отстрѣливались. Египтяне отступили отъ убійственной ружейной стрѣльбы; гарнизонъ, ободренный, сдѣлалъ еще вылазку. Но Ибрагимъ бросился самъ въ огонь, и сталъ безпощадно рубить своихъ

солдатъ опрокинутыхъ за брешь, пока отчаянными усиліями повелъ ихъ самъ внутрь крѣпости. Почетные жители вышли просить пощады у побѣдителя. Абдаллахъ, къ которому Ибрагимъ-паша послалъ бѣлый платокъ въ знакъ безопасности, представился къ нему въ полночь, былъ принятъ ласково, и на вопросъ побѣдителя, за чѣмъ безполезнымъ упорствомъ проливать кровь мусульманскую, отвѣчалъ со вздохомъ: «а развѣ «зналъ я, что мой отецъ Султанъ меня покинулъ, тогда «какъ твой свѣтлѣйшій отецъ не переставалъ подсылать «къ тебѣ войско? — Довольно странный упрекъ противу Султана въ устахъ паши, который дважды бунтовался! На вопросъ Ибрагима о его казнѣ, которая принадлежала побѣдителю, плѣнный паша отвѣчалъ, что всѣ его сокровища были розданы гарнизону. Полагаютъ впрочемъ, что въ Аккѣ, хотя одну только ночь продолжался грабежъ, Египетское войско нашло много добычи *). Осада эта стоила жизни четырехъ тысячь Египтянъ, а по взятіи крѣпости еще болѣе двухъ тысячь погибло въ ней отъ лихорадокъ, послѣдствія осады.

Абдаллахъ-паша былъ отправленъ въ Египетъ моремъ. Мехметъ-Алію едва не причинилась болѣзнь отъ радости при извѣстіи о взятіи Акки. Онъ съ почестями принялъ своего плѣнника, который показался тѣмъ малодушнѣе въ несчастіи чѣмъ дерзновеннѣе былъ прежде за стѣнами крѣпости. Въ послѣдствіи онъ переѣхалъ въ Константинополь, гдѣ и понынѣ въ безвѣстности живетъ пенсіею отъ Султана.

Изъ Акки Ибрагимъ-паша поспѣшилъ въ Дамаскъ. Онъ перешелъ Іорданъ между озеромъ Хуле и Гали-

*) Левантинецъ Катафаго успѣлъ въ эту ночь и въ слѣдующіе два три дня нажить огромную сумму, покупая за ничто дублоны и другія монеты незнакомыя Египетскому солдату, который принималъ ихъ за жетоны или игрушки.

лейскимъ моремъчрезъ Джиссеръ-эль-Якубъ — Якововъ мостъ. *) Здѣсь Іорданъ служитъ границею между пашалыками Акки и Дамаска: первый былъ совершенно покоренъ, второй ждалъ побѣдителя. Али паша Дамаскій потерялъ всякую надежду понудить жителей къ оборонѣ противъ бунтовщика, отлученнаго халифомъ, и вооружить во имя религіи, какъ то ему было повелѣно, 30,000 войска изъ жителей священнаго града Ислама. Оттоманское правительство уже два вѣка такъ часто, такъ неразборчиво прибѣгало къ этимъ воззваніямъ, такъ небережливо питало въ народѣ фанатическіе порывы, что эта пружина, на которой было нѣкогда воздвигнуто величіе Османова племени, хотя и сохраняла еще свою могучую упругость, однако не повиновалась болѣе тому направленію, какое придавала ей рука духовнаго и политическаго главы Ислама. Али-паша приличія только ради выставилъ противъ Египтянъ нѣсколько легкихъ отрядовъ, которые отступили при первомъ ихъ появленіи, и между тѣмъ какъ самъ онъ ретировался въ Хомсъ, Ибрагимъ вступалъ въ городъ, и находилъ радушный пріемъ въ народонаселеніи, надъ коимъ висѣла гроза султанскаго гнѣва. Ибрагимъ дрался съ пашами, бралъ крѣпости, постановлялъ новыя власти, но никому не позволялъ сомнѣваться въ вѣрноподданнической его преданности законному государю. Этотъ особенный видъ бунта искони извѣстенъ и возможенъ только на Востокѣ. Паши бунтуются не противъ Султана, котораго духовныя и политическія права, яко намѣстника пророка, пребываютъ неприкосновенны; но противъ правительства поставленнаго Султаномъ; а

*) Имя это дано мосту на Іорданѣ отъ строителя его Араба Якуба. Иные путешественники, которые вездѣ встрѣчаютъ библейскія преданія, вообразили что въ этомъ мѣстѣ перешелъ чрезъ Іорданъ Іаковъ сынъ Исаака, когда бѣжалъ отъ гнѣва Исава.

такъ какъ противуположности часто бываютъ смежны и сходны, то въ этомъ отношеніи деспотизмъ Восточный встрѣчается съ радикализмомъ Запада. Въ пятницу, въ часъ торжественной молитвы Мусульманъ, которая заключается воззваніемъ Имама въ мечети за здравіе и долголѣтіе Султана, Имамъ подошелъ къ Ибрагиму съ вопросомъ — на чье имя произнести молитву. Ибрагимъ оскорбленный тѣмъ что могли подвергнуть сомнѣнію его вѣрность Султану, и какъ бы принять его за раскольника, приказалъ публично высѣчь Имама по пятамъ. Послѣ столь торжественнаго акта своей вѣрности Султану, Ибрагимъ поспѣшилъ разбить его армію въ Хомсѣ и въ Бейланѣ.

ГЛАВА VI.

УМЫШЛЕННАЯ ЛѢНЬ И РАСЧЕТЫ ПОРТЫ. — ОСНОВНЫЯ ПРИЧИНЫ РАЗСЛАБЛЕНІЯ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ. — ПРИБЫТІЕ СЕРДАРИ-ЭКРЕМА ВЪ СИРІЮ. — СРАЖЕНІЯ ПОДЪ ХОМСОМЪ И ВЪ БЕЙЛАНѢ. — БЕЗДѢЙСТВІЕ ФЛОТОВЪ. — ПОХОДЪ ЕГИПТЯНЪ ВЪ МАЛУЮ АЗІЮ. — ЧУВСТВА НАРОДОНАСЕЛЕНІЙ. — ВСТУПНИЧЕСТВО РОССІИ ВЪ ДѢЛА ВОСТОКА. — РАСПОЛОЖЕНІЯ ДРУГИХЪ ДЕРЖАВЪ. — СРАЖЕНІЕ ПОДЪ КОНІЕЮ. — ПРИБЫТІЕ РУССКАГО ФЛОТА И ВОЙСКА ВЪ БОСФОРЪ. — ПЕРЕГОВОРЫ. — ПРИТЯЗАНІЯ И ПРОМАХИ ФРАНЦУЗСКАГО КАБИНЕТА. — КЮТАХІЙСКІЙ ДОГОВОРЪ. — ЧУВСТВО СУЛТАНА КЪ МАГОМЕТАНАМЪ И ПЕРІОДЪ ВѢРОТЕРПИМОСТИ. — ХУНКЬЯРЪ-СКЕЛЕСІЙСКІЙ ТРАКТАТЪ И ОСНОВНАЯ ЕГО МЫСЛЬ.

Когда съ высотъ Тавра Сердари-экремъ спускался къ Сирійскому берегу, первая вѣсть полученная имъ на пути была о взятіи Акки. — Можно было подумать, что турецкая лѣнь среди событій критическихъ дала Египтянамъ овладѣть крѣпостію, которая почиталась оплотомъ Сиріи послѣ троекратной ея осады Наполеономъ и турецкими пашами при Джеззарѣ и при Абдаллахѣ. Но то была не лѣнь, а расчетъ. Порта желала паденія Акки. Наученная вѣковымъ опытомъ, и вѣрная своимъ преданіямъ, она предпочитала въ борьбѣ съ вассалами извилистые пути мѣрамъ прямымъ и рѣшительнымъ. Она помнила что торжество Джеззара надъ Французами, за стѣнами Акки, послужило лишь

къ продлитію на тридцать слишкомъ лѣтъ постояннаго бунта Аккскихъ пашей. И нѣтъ сомнѣнія въ томъ что Абдаллахъ принялъ-бы Сердари-экрема Хуссеина точно такъ какъ Джеззаръ принималъ Верховнаго визира Юсуфъ-Діа-пашу. Порта видѣла въ Ибрагимѣ орудіе для наказанія Абдаллаха. Она лишь ошиблась въ расчетѣ средствъ этого орудія и въ расчетѣ послѣдствій взятія имъ Акки. Паденіе прославленной крѣпости всего болѣе послужило къ упроченію власти Ибрагима надъ Сирійскими племенами, и въ тоже время вселило бодрость и воинственный духъ въ рекрутовъ, изъ которыхъ была по большой части составлена Египетская армія.

Такъ-то открывалась въ 1832 году новая Восточная драма, которой развязка потревожила всю Европу въ 1840 году. Державы, которыя заблагоразсудили принять дѣятельное участіе въ развязкѣ, вправѣ-ли винить Турокъ за то что они умышленно допустили взятіе Акки? Мы замѣтили что расчеты Дивана были ошибочны; не менѣе того были они логическимъ послѣдствіемъ тѣхъ политическихъ началъ, на которыхъ основана Оттоманская имперія.

Полномочіе, которымъ облекались намѣстники Султана въ областяхъ, вмѣсто того чтобы послужить жизненнымъ цементомъ для связи великолѣпныхъ обломковъ, изъ которыхъ сабля Мугаммеда, Селима и Сулеймана воздвигла этотъ колоссъ, послужило къ упроченію не государственнаго единства, но какой-то хаотической конфедераціи вооруженныхъ деспотовъ. Эти намѣстники безпрекословно сознавали власть своего Владыки, какъ духовнаго главы Имперіи; но тогда только подчинялись его правительству, когда это согласовалось съ ихъ выгодами, или когда не имѣли средствъ вести съ нимъ войну. Послѣ удачнаго преобразованія военной системы Махмудъ съ упорствомъ и съ вѣрою

въ свою звѣзду предпринялъ подвигъ болѣе трудный. Ему предстояло бороться уже не противъ предразсудковъ своего народа, не противъ буйства Янычаръ, но противъ того политическаго начала, которое по необходимости четыре слишкомъ вѣка служило основою Султанской власти, противъ того полномочія которымъ были облечены его намѣстники въ областяхъ.

Судьбы кочеваго племени Каспійскихъ пастуховъ, которое среди тревоги нашествія милліоновъ Монголовъ, появляется въ исторіи Востока избраннымъ народомъ бога войны, поражаютъ умъ наблюдателя. Воинскіе его подвиги, въ ту пору когда это малочисленное племя созидало свое политическое величіе, достойны лучшихъ страницъ исторіи древняго Рима. Но Римъ умѣлъ обласкать покоренные народы, предоставя имъ свое гражданское право или льготы муниципальныя; и въ тоже время перенималь отъ побѣжденныхъ науку и религію и тѣмъ сроднялся съ ними. По потерѣ своей политической самобытности покоренные народы послѣдовательно привыкали видѣть въ Римѣ уже не бичь міра, но центръ политическаго ихъ существованія и источникъ гражданственности. Римъ усыновлялъ покоренныя племена и привязывалъ ихъ къ своимъ судьбамъ узами гражданства. Даже тогда, когда Имперія подпала военному деспотизму, области не отпадали сами собою. Ни безчинства преторіанцевъ ни междоусобія императоровъ не послужили сигналомъ къ бунтамъ. Имперія рушилась не отъ возстанія префектовъ или народовъ, но отъ натиска милліоновъ внѣшнихъ враговъ.

Оттоманскіе завоеватели, установивши непремѣннымъ условіемъ гражданскаго права вѣру въ Мугаммеда, провели непреступную грань между побѣдителями и побѣжденными. По взятіи Константинополя поспѣшно заразились они всѣми пороками политической дряхлости; но по

гордости завоевателей отвергли и гражданскій законъ и науку правленія, чуждую ихъ наслѣдственному инстинкту. Въ первый періодъ своего владычества въ Константинополѣ Султаны величались титломъ Кесарей Римскихъ; но вовсе не слѣдовали стезѣ проведенной Кесарями въ теченіе четырнадцати вѣковъ, и той системѣ, благодаря которой Имперія, ослабѣвшая въ борбѣ съ внѣшними врагами, находила опору въ сочувствіяхъ подвластныхъ народовъ. Султаны и владѣтельное ихъ племя остались гостями среди покоренныхъ племенъ и ихъ бичемъ, а по малочисленности собственнаго племени прибѣгли къ удобному но роковому феодальному устройству своего правительства, не смотря на то что въ ихъ племени и въ политическомъ устройствѣ ихъ гражданскаго общества не было дворянства, перваго элемента феодальной власти. Подъ наружнымъ блескомъ правительственнаго деспотизма господствовала по всему пространству имперіи совершенная анархія, и право, какъ государственное такъ и частное, другой опоры не могло имѣть кромѣ матеріальной силы. Удалой бродяга дѣлался самовластнымъ повелителемъ области, душилъ народъ, но извлекалъ изъ него элементы могущества, которыми отстаивалъ свое право противъ Султановъ, именемъ коихъ узаконялось всякое похищеніе власти и всѣ ея неистовства. Еще въ ту пору когда западная Европа вѣрила въ слѣпое повиновеніе пашей и въ ихъ готовность быть удушенными, какъ только посылался имъ отъ Султана фирманъ и снурокъ, Султаны видѣли себя осужденными, въ самую блистательную эпоху турецкаго могущества, періодически возобновлять завоеваніе наслѣдства завѣщаннаго имъ предками.

Легко постигнуть смыслъ правительственной реформы предпринятой Махмудомъ. Она усилила власть Султановъ. Но спасетъ-ли она государство? Приверженцы Турціи

видятъ въ ней спасительный переломъ внутренняго недуга. Но эти послѣдовательные политическіе кризисы, которыми сопровождается доселѣ она, болѣе и болѣе принимаютъ характеръ смертельнаго недуга, отъ котораго не спасетъ ни усиленіе власти султанской, ни торжество надъ Янычарами и надъ пашами, ни льготы жалуемыя подвластнымъ племенамъ, ни сочувствія внѣшняго міра

Врядъ-ли размышленія эти можно почесть неумѣстными предъ открытіемъ военныхъ дѣйствій — уже не между двумя вассалами, но между торжествующимъ вассаломъ и законнымъ его повелителемъ.

Сердари-экремъ поставилъ свою главную квартиру на лихорадочномъ берегу Скандерунскаго залива, и ждалъ флота и транспортовъ съ провіантомъ. Послѣ шестинедѣльнаго тщетнаго ожиданія злокачественный климатъ этаго берега заставилъ его перейти въ Антакіэ (Антіохію). Отселѣ отрядилъ онъ дивизіоннаго генерала Мехметъ-пашу, который слылъ знатокомъ Европейской тактики, съ 10,000 регулярнаго войска и 10 пушками, въ городъ Хаму, и приказалъ ему принять начальство надъ пашами расположенными передовымъ отрядомъ въ Хомсѣ, и укрѣпиться въ *первомъ* изъ этихъ городовъ. Въ эту эпоху старая турецкая дисциплина, въ силу которой главнокомандующій сѣкъ по пятамъ своихъ генераловъ, уже распалась, а новая дисциплина плохо еще водворялась. Мехметъ-паша, исполненный самонадѣянности, не послушался осторожныхъ предписаній Сердари-экрема, и ничего не провѣдавъ о движеніяхъ непріятеля, не подозрѣвая что Ибрагимъ уже выступалъ изъ Дамаска, спустился въ Хомсъ съ своимъ отрядомъ, и располагался занять эту позицію, чтобы скорѣе пожать лавры побѣды надъ бунтовщикомъ.

Ибрагимъ между тѣмъ подвигался на сѣверъ вдоль Оронта, этой рѣки называемой у Арабовъ *Эль-ааси*, Строптивою, по причинѣ ея теченія съ юга на сѣверъ, въ противность всѣхъ рѣкъ южной Азіи, текущихъ отъ сѣвера на югъ. Самъ Ибрагимъ шелъ на завоеванія съ юга на сѣверъ, въ противность обычному ходу завоевателей отъ сѣвера на югъ. Въ двухъ переходахъ отъ Дамаска, въ Коссеирѣ, присоединилась къ нему дивизія, которая во время осады стояла передовымъ постомъ въ Триполи и Бальбекѣ. 26-го Іюня, за два часа до захожденія солнца, Египетское войско неожиданно въ боевомъ порядкѣ подступало къ Хомсу. Турки отдыхали за городомъ отъ усталости дороги, безъ палатокъ и безъ провіанта, а паши на берегу Оронта закуривали свои кальяны.

Такова была первая встрѣча Египетскихъ войскъ съ султанскими. Съ обѣихъ сторонъ было до десяти тысячъ регулярнаго войска и столько-же иррегулярнаго. Турецкіе полки недолго устояли противу натиска Египетской пѣхоты, и самъ Мехметъ-паша отчаянною храбростію не могъ искупить свою оплошность. Къ ночи дѣло было рѣшено, а на утро Хомсъ занятъ Ибрагимомъ. Турки потеряли половину своей артиллеріи, 2,000 убитыхъ и 3,000 плѣнныхъ.

Эта легкая побѣда довершала впечатлѣніе произведенное на Сирійскія племена взятіемъ Акки, и обезпечивала Ибрагиму покорность края. Остатки турецкой дивизіи въ своемъ побѣгѣ болѣе претерпѣли отъ своихъ нерегулярныхъ сподвижниковъ чѣмъ отъ побѣдителей. Низамы, именуемые въ торжественномъ слогѣ Востока *Мансуріэ* побѣдоносцами, были осмѣяны и ограблены въ этомъ общемъ побѣгѣ нерегулярными наѣздниками Баши-бузуками. Они сбрасывали съ себя мундиры и ранцы, которые навлекали на ихъ поруганія и обиды.

Можно-ли было ожидать болѣе пагубныхъ результатовъ отъ перваго появленія въ Сиріи этаго любимаго созданія Махмуда, плода десятилѣтнихъ упорныхъ усилій, на которомъ основывались надежды грядущихъ судебъ имперіи? Толпа бѣгущихъ заразила паническимъ страхомъ всѣ отряды разставленные на пути для обезпеченія сообщеній съ главною квартирою. Потокъ грозилъ разломать и главную квартиру. Для удержанія его фельдмаршалъ прискакалъ самъ къ мосту *Джиссеръ-эль-хадидъ* *) на Оронтѣ, и тамъ своею рукою сталъ рубить бѣгущихъ. Онъ поспѣшилъ реформировать кое-какъ свою армію, и подвинулся къ Алепу, чтобы закрыть этотъ городъ отъ Ибрагима. Но вскорѣ убѣдился онъ во враждебномъ расположеніи жителей Алепскихъ. Подобно Дамаску Алепъ славился во Исламѣ своимъ буйствомъ. Фанатическое его народонаселеніе раздѣляется на двѣ партіи *Енчаріэ и Эмиріэ*, коихъ взаимная вражда служила единственною опорою правительственнаго вліянія. Среди вѣковой повсемѣстной анархіи Алепъ постепенно принималъ видъ анархической республики. Въ ту пору обѣ партіи — и потомки Мухаммеда именуемые эмирами и потомки Янычаръ, учрежденныхъ въ эпоху завоеванія и никогда не служившихъ правительству, были равно недовольны Стамбульскими преобразованіями и упрекали своего Султана въ ереси. Когда Ибрагимъ занялъ Дамаскъ, явилась къ нему депутація отъ жителей Алепскихъ съ просьбою освободить ихъ городъ отъ пашей. Оттоманскій фельдмаршалъ, провѣдавъ о расположеніи города и опасаясь бунта, отказался отъ защиты Алепа, и поспѣшилъ занять горные проходы Тавра, древнія *Врата Сирійскія*, чтобы прикрыть Малую Азію отъ вторженія

*) *Желѣзный мостъ*, по бывшимъ нѣкогда желѣзнымъ воротамъ съ обѣихъ его сторонъ, гдѣ взимались *кафары*. съ проходящихъ.

Египтянъ. Скандерунскія лихорадки значительно обезсилили его войско. Вслѣдъ за лихорадками показалась и холера. Отъ повальныхъ болѣзней турецкій солдатъ не унываетъ; но пораженіе подъ Хомсомъ лишало его той бодрости, безъ которой турецкое войско, въ чалмѣ-ли оно или въ ранцахъ, осуждено пораженію.

Чтобы сохранить сообщеніе съ моремъ, Хуссеинъ-паша занялъ высоты Бейлана между Антіохійскимъ озеромъ и Скандерунскимъ заливомъ. Между тѣмъ Ибрагимъ, подвигаясь къ Алепу, находилъ вездѣ радушный пріемъ, постановлялъ новыя власти и забиралъ встрѣчаемые на пути обозы турецкой арміи. Три недѣли спустя послѣ Хомскаго дѣла онъ аттаковалъ Бейланское ущеліе. Войска его дрались здѣсь храбро и съ вѣрою въ своего предводителя и въ побѣду. Сочувствія народонаселеній, утомленныхъ безчинствами турецкой арміи послѣ Хомскаго дѣла, внушали новую бодрость Египтянамъ. Маневры Ибрагима были хорошо принаровлены къ мѣстностямъ. Египтяне небольшими отрядами послѣдовательно опрокидывали Турокъ съ занимаемыхъ ими высотъ, а артиллерія очищала предъ ними ущелія. Бейланское дѣло едва-ли не лучшій стратегическій подвигъ Ибрагима. Отселѣ Турки безостановочно перебѣжали остальныя отрасли Тавра, и Сердари-экремъ довершилъ роковыя ошибки Сирійской экспедиціи тѣмъ что, по сдачѣ непріятелю *Вратъ Сирійскихъ* въ Бейланѣ, до того потерялъ голову, что не озаботился о защитѣ *Вратъ Киликійскихъ* въ Колекъ-Богазѣ. Въ этомъ ущеліи, которое на десять слишкомъ верстъ пролегаетъ едва проходимыми тропинками, среди страшныхъ скалъ и пропастей, одинъ баталіонъ и двѣ пушки были достаточны чтобы совершенно замкнуть путь въ Малую Азію. Фельдмаршалъ разставилъ кое-гдѣ плохіе нерегулярные отряды подъ начальствомъ какого-то Садикъ-

паши, а самъ съ остатками разбитой арміи поспѣшно ретировался во внутрь Малой Азіи, по дорогѣ въ Конію (древній Иконіумъ). Кюрды и Тюркмены кочующіе въ Караманіи были бичемъ для побѣжденныхъ, а Ибрагиму служили они проводниками. Слухъ о выступленіи его изъ Аданы, гдѣ Египетскій авангардъ едва не захватилъ самаго Сердари-Экрема, мгновенно очистилъ предъ нимъ ущеліе Колекъ-Богаза, откуда нашествіе Египетское врывалось въ самое сердце Имперіи. Замѣтимъ еще что въ Скандерунѣ Египетское войско нашло огромные запасы, которые при всей медленности Турецкой арміи въ походѣ изъ столицы въ Сирію, едва поспѣли моремъ предъ самымъ ея бѣгствомъ. Фельдмаршалу было тогда предложено бросить въ море всѣ эти запасы, чтобы не достались они Ибрагиму, а безъ запасовъ Ибрагимъ не могъ-бы его преслѣдовать. Но Хуссеинъ въ своемъ полуевропейскомъ костюмѣ пребывалъ вѣрнымъ патріархальному духу Азіи. «Истреблять щедрые «дары, коими Аллахъ утоляетъ голодъ своего созданія — «тяжкій грѣхъ, отвѣчалъ онъ; довольно то что мы ведемъ «войну съ правовѣрными; морить ихъ голодомъ ненужно.»

Оба виновника Сирійскихъ бѣдствій, Хуссеинъ и Мехметъ, были безъ гнѣва приняты Султаномъ, котораго дѣды казнили какъ измѣну несчастія или ошибки своихъ полководцевъ. Когда народонаселенія охотно передавались бунтовщику, вѣрность войска и пашей, которые храбро дрались за своего государя, выкупали всѣ ихъ ошибки. Впрочемъ Махмудъ понялъ, что геній знаменитаго Ага-паши истощился въ потокахъ крови Янычарской, и что одна преданность своему государю, при безпощадной суровости къ мятежникамъ, не замѣняетъ талантовъ въ полководцѣ. Съ того времени Хуссеинъ занимаетъ пашалыкъ Виддинскій, и копитъ милліоны торговлею и монополіями.

Флотъ подъ начальствомъ Халиль-паши не принялъ никакого участія въ военныхъ дѣйствіяхъ. Послѣ Бейланскаго сраженія онъ встрѣтился съ Египетскимъ флотомъ въ Кипрскомъ морѣ. Нѣсколько недѣль сряду оба адмирала крейссировали въ виду другъ другу, какъ-бы условившись избѣгать сраженія. За тѣмъ Халиль-паша спустился въ Мармарисскую бухту, у Карійскаго берега, насупротивъ Родоса. Египетскій флотъ сталъ его тамъ блокировать, пока буря согнала Египтянъ въ Кандію, въ Судскій заливъ на зимовку. Тогда Халиль-паша поплылъ обратно въ столицу *). Оба адмирала

---

*) Въ тѣ годы я служилъ на эскадрѣ адмирала Рикорда въ Средиземномъ морѣ. Сирійскія дѣла привлекали уже вниманіе кабинетовъ. Россія предвидѣла необходимость вступничества своего. Въ концѣ Сентября мы посѣтили съ адмираломъ Суду и Канею, гдѣ я въ первый разъ увидѣлъ Египетскія регулярныя войска. Кандія была ввѣрена пашѣ Египетскому въ награду за опустошенія сдѣланныя имъ въ Пелопонесѣ и за потерю его флота въ Наваринѣ. Страшно было смотрѣть на тогдашнее состояніе Кандіи. Въ проѣздъ нашъ чрезъ живописныя деревни злополучнаго острова, не встрѣчалась ни одна живая душа. Лондонская конференція присудила Султану Кандію, которой христіанское народонаселеніе съ такимъ остервененіемъ дралось противу Турокъ во все продолженіе Греческой войны. Въ продолженіе войны Турки спасались въ Малую Азію или запирались въ трехъ крѣпостяхъ, гдѣ ихъ гарнизонъ выдерживалъ натискъ христіанскаго народонаселенія. По окончаніи войны, когда Греція была осуждена отозвать свое войско изъ Кандіи и сдать островъ Туркамъ, христіанское народонаселеніе спасалось въ Грецію. Въ тѣхъ деревняхъ, которыя не были сожжены, дома оставались въ ту пору, (года два спустя по бѣгствѣ жителей), еще неограбленными, потому что и грабить было некому.

Изъ Кандіи поплыли мы отыскивать турецкій флотъ. У Родоса встрѣтили мы флотъ Египетскій изъ 13 судовъ, въ томъ числѣ трехъ линейныхъ кораблей и пяти фрегатовъ. Фрегаты были выкрашены двухдечными кораблями, а къ 80-ти пушечнымъ кораблямъ была прибавлена третія бѣлая полоса для эффекта. Турецкій флотъ нашли мы въ Мармарійской бухтѣ, которая едва-ли не лучшій портъ Средиземнаго Моря по безопасности, по простору, по удобству защиты обоихъ его проходовъ. Турецкій флотъ состоялъ изъ 32 судовъ, въ томъ числѣ двѣ-

были лишены своего сана и впали въ немилость. Халиля укоряли въ доброжелательствѣ къ Египетскому пашѣ за то что онъ предохранилъ султанскій флотъ отъ истребленія и совѣтовалъ заключить миръ съ Мехметъ-Аліемъ. Ибрагимъ съ своей стороны былъ озлобленъ на Египетскаго адмирала за то что онъ не аттаковалъ турецкаго флота. Оба адмирала были вправѣ послѣ Бейланскаго дѣла ожидать переговоровъ между

надцати линейныхъ кораблей. Флагъ и вимпелъ Великаго адмирала развивались на 132 пушечномъ *Махмудіѣ*. Халиль-паша, командуя флотомъ вчетверо сильнѣе Египетскаго по числу и калибру орудій, закрылъ однакожъ цѣпями оба прохода бухты, боясь аттаки. Онъ съ всегдашнею своею любезностію угощалъ насъ въ великолѣпной платановой рощѣ на берегу залива, и увѣрялъ нашего адмирала, что онъ ждалъ только Султанскаго приказа на истребленіе Египетскаго флота. Но онъ имѣлъ основательныя причины уклоняться отъ сраженія: экипажи были составлены не изъ матросовъ, а со всякаго сброда; офицеры не имѣли никакой опытности въ морскомъ дѣлѣ, (теоріи отъ Турокъ требовать не станемъ), а всѣ милости Султана не могли внушить Капитанъ-пашѣ морскаго генія. Халиль, дитя Кавказа, этаго разсадника пашей, былъ въ дѣтствѣ невольникомъ своего соотечественника Хозрефа, который опредѣлилъ его въ регулярное войско офицеромъ, сохраняя однакожъ надъ нимъ свои права. Въ Морейской экспедиціи Ибрагимъ-паша полюбилъ его за ловкость и тѣлесную силу. Въ кампаніяхъ 1828 и 29 годовъ противъ Россіи личная его храбрость и покровительство Хозрефа возвели его въ званіе паши. По заключеніи мира Султанъ, желая показать Европѣ образчикъ перерожденныхъ Турокъ, назначилъ его посломъ въ Петербургъ, гдѣ въ самомъ дѣлѣ онъ понравился двору и обществу, стараясь перенимать тонъ и манеры Европейскаго человѣка. Когда по шестимѣсячномъ пребываніи въ Россіи возвратился онъ въ Стамбулъ, Султанъ былъ въ восторгѣ отъ него за его развязность, за благородные военные пріемы, за его разсказы о Русской арміи, о величіи Русскаго Двора. Рука султанши дочери Махмуда и званіе Генералъ-адмирала (Капитанъ-паши) возвели Кавказскаго невольника на высочайшую степень почестей и величія при Оттоманскомъ Дворѣ. И послѣ реформы, какъ и въ старину, Султаны ввѣряютъ свой флотъ любимцу, который никогда не служилъ въ морѣ.

Египетскимъ флотомъ командовалъ Османъ-Нуреддинъ-паша, который заблаговременно получилъ воспитаніе въ Европѣ, и имѣлъ при себѣ нѣсколько хорошихъ офицеровъ Французовъ.

Портою и Египтомъ, вмѣсто того чтобы продолжать безполезныя кровопролитія.

Но въ ту пору у Мехметъ-Алія кружилась голова отъ успѣховъ, которые превосходили всѣ его ожиданія. Ибрагимъ въ своихъ донесеніяхъ увѣрялъ старика, что послѣ Хомскаго и Бейланскаго дѣлъ онъ не побоится встрѣчи со стотысячною турецкою арміею. У Махмуда нравъ былъ уже закаленъ въ борьбѣ съ вассалами; онъ приходилъ въ злобу, но не въ уныніе послѣ двукратнаго пораженія, которое по справедливости приписывалось ошибкамъ генераловъ. Мехметъ-Али не ходатайствовалъ о мирѣ, а со стороны законнаго государя открытія о мирѣ былибы сопряжены съ уничиженіемъ.

Бунты Босніи и Албаніи были усмирены. Извѣстно что Мехметъ-Али заблаговременно раздувалъ пламя бунтовъ въ Европейской Турціи, чтобы отвлечь вниманіе Порты отъ Сиріи. Цѣлыхъ два года лучшіе полки Низама подъ начальствомъ Верховнаго визиря Мехметъ-Решида, лучшаго изъ турецкихъ полководцевъ, были заняты войною въ Румеліи противъ буйныхъ ея племенъ. Султанъ отозвалъ оттуда свою армію. Кромѣ двадцати баталіоновъ и двадцати эскадроновъ довершившихъ свое образованіе въ этой трудной школѣ, усмиренныя племена охотно шли подъ знамена Верховнаго визира, умѣвшаго своею храбростію и своимъ умомъ внушить имъ довѣріе къ себѣ. Около 30,000 Албанцевъ и Босняковъ подъ предводительствомъ своихъ удалыхъ Беевъ, перешли въ Азію. На этихъ-то сыновъ Румеліи, вскормленныхъ войною въ анархической ихъ родинѣ, полагался преимущественно Верховный визирь для наказанія феллаховъ Нильскихъ построенныхъ въ регулярные баталіоны, но всегда презираемыхъ Турками.

Остатки разбитой арміи Хуссеина стекались вто-

рично въ Конію, куда равномѣрно шла на встрѣчу Ибрагима Румелійская армія. Самъ Султанъ съ необыкновенною дѣятельностію ускорялъ приготовленія къ походу, одушевлялъ дарами и ласковою рѣчію ревность своихъ офицеровъ, дѣлалъ смотры, лично заботился о солдатѣ. Во ожиданіи Верховнаго визира его начальникъ штаба Эминъ-Реуфъ-паша формировалъ армію въ Коніи. Ему было приказано избѣгать сраженія, и въ случаѣ надобности отступить.

Мехметъ-Али между тѣмъ насильственными мѣрами набиралъ рекрутовъ для своей Сирійской арміи, и снабжалъ Ибрагима съ моря артиллеріею и всѣмъ нужнымъ для продолженія кампаніи среди зимы. Около двухъ мѣсяцевъ оставался Ибрагимъ въ Аданскомъ пашалыкѣ. Онъ успѣлъ привлечь въ свою службу нерегулярную конницу изъ туземцевъ. Мы уже замѣтили что дорога въ Малую Азію была предъ нимъ открыта. Ибрагимъ разослалъ туда своихъ агентовъ съ порученіемъ поддерживать въ грубыхъ племенахъ этого края духъ негодованія на правительственныя реформы Султана и изображать побѣдителя Веххабитовъ орудіемъ Аллаха для спасенія Ислама. Въ Октябрѣ онъ перешелъ съ арміею ущелія Тавра, направляясь къ Коніи. Народонаселеніе на пути охотно покорялось ему. Строгая дисциплина Египетскаго войска и правосудіе Ибрагима къ жителямъ, утомленнымъ отъ безначалія турецкой арміи, распространяли по всей Малой Азіи великую славу о немъ, и обезпечивали ему народное сочувствіе. Буйный духъ и феодальное самоуправство Малоазійскихъ Дере-беевъ незадолго предъ тѣмъ были обузданы Махмудомъ; но первыя попытки преобразованія всегда тягостны для народа. Власть наслѣдственныхъ Дере-беевъ переходила по распоряженію правительства въ руки безнравственныхъ чи-

новниковъ. Правительственная власть усиливалась; но не менѣе того народу приходилось жалѣть о прежнихъ своихъ притѣснителяхъ, и неудовольствіе на реформу болѣе и болѣе распространялось, и всюду ждали Ибрагима какъ избавителя.

Наканунѣ прибытія Ибрагима въ Конію отступилъ оттуда Эминъ-Реуфъ-паша съ главною квартирою въ Акъ-Чаиръ. Верховный визиръ не замедлилъ принять начальство надъ арміею, которая простиралась до 55,000 при 90 орудіяхъ, и была во всѣхъ отношеніяхъ несравненно лучше той, которая такъ напрасно погибла въ Сиріи. Резервъ изъ 20,000 отборнаго войска, въ томъ числѣ гвардіи Султанской, былъ расположенъ лагеремъ на Азіятскомъ берегу неподалеку отъ столицы, или стоялъ гарнизономъ въ самой столицѣ.

И такъ судьба имперіи ввѣрялась арміи Верховнаго визира. Въ случаѣ его пораженія, двадцатитысячный резервъ не спасъ бы Константинополя. Мы видѣли какія чувства проявлялись въ племенахъ Малоазійскихъ. Духъ Янычарства таился еще въ самой столицѣ, и порою выражался пожаромъ, по старому навыку. Всѣ полицейскія строгости Хозрефъ-паши, облеченнаго полномочіемъ Военнаго Генералъ-Губернатора, и любимца этой эпохи, не унимали сплетней кофейныхъ домовъ. Махмудъ хорошо понималъ, что если и въ третій разъ фортуна благопріятствовала Ибрагиму на полѣ сраженія, онъ могъ идти безпрепятственно на Константинополь, а приближеніе его произвело-бы возстаніе въ самой столицѣ.

И такъ борьба счастливаго вассала съ законнымъ его государемъ обращалась уже въ важный политическій вопросъ о существованіи самой имперіи подъ царственною ея династіею. Мехметъ-Али и Ибрагимъ были не изъ числа тѣхъ пашей, которые свергали съ престола султана, чтобы пасть ницъ предъ его роднымъ братомъ и ан-

слѣдникомъ, какъ это дѣйствительно случилось въ 1808 году, когда Мустафа-Байрактаръ воцарилъ самаго Махмуда. Европейскія державы могли тогда спокойно ждать рѣшенія внутренняго кризиса Турціи; но въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ кризисъ Восточный принималъ объемы важнаго политическаго вопроса для самой Европы, потому что предстояла очевидно перемѣна династіи и рядъ такихъ послѣдствій, которыя могли-бы породить европейскую войну.

Географическое положеніе Россіи, желаніе кабинета нашего обезпечить въ сосѣднемъ намъ государствѣ внутренній миръ и законную власть ради промышленнаго развитія всего берега Чернаго моря, которому вѣковой исполинскій трудъ нашихъ Государей создалъ новыя судьбы; наконецъ самыя отношенія наши къ Турціи послѣ Адріанопольскаго мира, и желаніе упрочить этотъ купленный побѣдами миръ на надежнѣйшихъ основахъ сочувствія правительства и народа турецкаго и ихъ довѣрія къ могущественному Сѣверному сосѣду — все это обязывало Россію предупредить бѣдствія, коими угрожала Востоку и самой Европѣ туча скопившаяся съ юга въ центрѣ Малой Азіи. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ послѣ Адріанопольскаго мира Восточная политическая система Россіи принесла свои плоды. Оттоманскій кабинетъ, испытавши силу оружія Россіи, удостовѣрился наконецъ въ откровенности и въ прямотѣ Русскаго слова и въ охранительномъ направленіи Русскаго Двора. Едва возродившаяся Греція, недовольная предписанными ей границами, и христіанскія племена подвластныя Турціи съ глубокимъ прискорбіемъ смотрѣли на охранительное направленіе Россіи относительно Оттоманской имперіи. Но по справедливости могли-ли они ожидать улучшенія своей судьбы отъ паденія царственной династіи? Если-бы даже распалась Оттоманская имперія, были ли хри-

стіанскія племена въ состояніи стяжать существованіе самобытное безъ содѣйствія Европы — а вооруженное вмѣшательство Европы, при тѣхъ расположеніяхъ какія были уже выказаны нѣкоторыми изъ Великихъ Державъ, угрожало лишь усугубленіемъ золъ страдальческому Востоку, который всего более нуждался тогда въ отдыхѣ.

Султанъ Махмудъ, ввѣряя судьбу свою случайностямъ одного сраженія, обратился въ то-же время къ Россіи, прося ея заступничества, на тотъ случай если будетъ проиграна и эта послѣдняя рѣшительная ставка. По взятіи Ибрагимомъ Акки, когда бунтъ Мехметъ-Алія принималъ уже грозный оборотъ, Русскій кабинетъ заблаговременно указывалъ другимъ державамъ необходимость унять побѣдителя. Достаточно было тогда появленія Англійскаго и Французскаго флотовъ у береговъ Сиріи или Египта и одной угрозы для укрощенія его замысловъ. Но Западныя Державы беззаботно смотрѣли тогда на происшествія Востока. За тѣмъ когда гроза висѣла уже надъ столицею, и когда входилъ въ Босфоръ Черноморскій фрегатъ *Штандартъ*, на которомъ былъ отправленъ генералъ Муравьевъ съ великодушнымъ отвѣтомъ Государя Императора на просьбу Султана, и съ предложеніемъ моральнаго и матеріальнаго содѣйствія Россіи, Западныя державы опомнились, и стали съ завистію смотрѣть на безкорыстное вступничество Россіи. Францiя въ особенности, которая еще недавно такъ опрометчиво и такъ неудачно пыталась вооружить Турцію противъ Россіи, по случаю Польской войны, теперь настоятельно требовала, то ласками, то угрозами, чтобы устройство дѣла было ввѣрено исключительному ея посредничеству. Явное ея потворство къ Египетскому пашѣ внушало Султану мало довѣрія къ Державѣ, которая при всякомъ случаѣ хвалилась въ

Константинополѣ древнимъ союзомъ съ Оттоманскою Портою. Незадолго предъ тѣмъ ея министръ Иностранныхъ Дѣлъ въ публичной рѣчи въ палатѣ депутатовъ называлъ Турцію *трупомъ*, за то что она не послушалась внушеній Французскаго Посла, не поднялась войною на Россію въ 1831 году.

Межъ тѣмъ Ибрагимъ ждалъ въ Коніи Верховнаго визира. На сѣверъ отъ города, по большой дорогѣ ведущей въ Константинополь, онъ ежедневными маневрами пріучалъ свои войска къ мѣстностямъ выбраннаго имъ поля сраженія. 9-го Декабря Решидъ-Мехметъ проигрывалъ это роковое сраженіе подъ Коніею. Уже побѣда была въ его рукахъ; онъ удачными маневрами обхватывалъ Египетскую армію отрѣзавши ее отъ города, и положеніе Ибрагима становилось критическимъ, потому особенно, что нерегулярныя его ополченія были готовы передаться Туркамъ. Но въ это время густой туманъ покрылъ поле сраженія; Визиръ наскакалъ среди неузнаннаго имъ Египетскаго отряда, и былъ взятъ въ плѣнъ. — «Кто вы, спросилъ Египетскій генералъ, къ которому его представили. — Офицеръ, отвѣчалъ Решидъ-Мехметъ-паша. — «Не вы ли Верховный визиръ,» спросилъ Египтянинъ? — «За нѣсколько минутъ предъ этимъ я былъ Верховнымъ визиромъ», сказалъ съ уныніемъ плѣнникъ. — Египтяне поспѣшили воздать ему великія почести; вѣсть разнеслась между сражающимися; генеральнаго штаба у Турокъ небыло; всѣ распоряженія, какъ и планъ битвы, были въ рукахъ главнокомандующаго; съ лишеніемъ его все перепуталось; Румелійскія милиціи, въ которыхъ преимущественно состояла сила турецкой арміи, не признавали надъ собою власти другихъ пашей; узнавъ о плѣнѣ того кому они служили лично, можно сказать, ихъ Беки прекратили огонь и стали сходить съ поля. Такимъ

образомъ турецкая армія, упустивъ изъ рукъ несомнѣнную побѣду, обратилась въ бѣгство.

Восточные народы привыкли видѣть въ побѣдителѣ избранника судьбы, избранника Божія. Побѣда одержанная Ибрагимомъ въ сердцѣ имперіи надъ самимъ Главою правительства, доставшимся ему въ плѣнъ, надъ войскомъ въ которомъ и старая и новая военныя системы Турціи были выставлены во цвѣтѣ регулярныхъ и иррегулярныхъ силъ, глубоко поразила воображеніе племенъ Малоазійскихъ. Одно за другимъ приносили они свою покорность побѣдителю. И кризисъ этотъ совершался подъ стѣнами Коніи, завѣтной колыбели величія первыхъ Султановъ, откуда молодое племя Османа, исполненное жизни и силы, вышло нѣкогда вслѣдъ лучезарной звѣзды побѣдъ на свой исполинскій подвигъ!

Султанъ, при первомъ извѣстіи о пораженіи послѣдней своей арміи, обратился къ нашему посланнику А. П. Бутеневу съ требованіемъ обѣщаннаго ему вспомогательнаго войска и флота для прикрытія угрожаемой его столицы. Въ тоже время Халиль-паша, который слылъ приверженцемъ Мехметъ-Алія, былъ отправленъ въ Египетъ для открытія переговоровъ. Согласно желаніямъ Султана, генералъ Муравьевъ поспѣшилъ также въ Египетъ, чтобы твердостію и искренностію русской рѣчи разсѣять туманъ наведенный успѣхомъ оружія на умъ Мехметъ-Алія, и подкрѣпить предложенія Порты, которая уступала ему всю южную Сирію. Полковникъ генеральнаго штаба Дюгамель былъ въ тоже время наряженъ отъ нашей Миссіи въ лагерь Ибрагимъ-паши, съ совѣтомъ остановиться и ждать результата мирныхъ переговоровъ между Портою и отцемъ его.

Французское посольство съ своей стороны, упорствуя въ притязаніи окончить все это дѣло своимъ посредни-

чествомъ, ручалось Портѣ, что Ибрагимъ не подвинется впередъ, и настойчиво и съ угрозами требовало, чтобы вспомогательныя силы Русскія не были призваны въ Константинополь. Порта знала что въ тоже время Французскій генеральный Консулъ въ Александріи г. Мимо не переставалъ ободрять Мехметъ-Алія отъ имени своего правительства.

Среди этого дипломатическаго треволненія и вопреки самонадѣянныхъ увѣреній Французскаго Повѣреннаго въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ, Ибрагимъ выступилъ изъ Коніи. Надѣялся-ли онъ приближеніемъ своимъ къ столицѣ причинить тамъ бунтъ и свергнуть Султана, или хотѣлъ онъ только подкрѣпить притязанія своего отца и вынудить согласіе Порты на все что онъ ни предпишетъ ей — этого мы не знаемъ. Подъ предлогомъ что въ Коніи не находилъ онъ продовольствій для своей арміи, онъ шелъ прямо на Константинополь; но не измѣняя приличіямъ вѣрноподанническихъ своихъ чувствъ къ Султану, онъ простиралъ эту азіятскую комедію до того, что поставилъ самаго себя и всю свою армію подъ нарицательную команду своего плѣнника Верховнаго визира, главы правительства; на его имя писались всѣ донесенія, у него испрашивалъ онъ разрѣшенія идти въ Бруссу, неподалеку отъ Мраморнаго моря. На всѣ совѣты Русскаго коммисара, на настоянія Французскаго посольства, онъ лаконически отвѣчалъ, что долгъ его — повиноваться отцу, который приказывалъ ему изъ Египта идти впередъ.

Мехметъ-Али межъ тѣмъ, какъ только получилъ извѣстіе о побѣдѣ, готовился съ своимъ флотомъ идти прямо въ Константинополь, и явиться туда съ моря въ одно время съ сыномъ, который шелъ впередъ встрѣчая всюду въ Малой Азіи радушный пріемъ.

Генералъ Муравьевъ прибылъ въ Египетъ нѣсколь-

кими днями прежде Халиль-паши, и успѣлъ унять буйнаго старика и расположить его къ переговорамъ, объявивши ему, что въ Константинополѣ найдетъ онъ морскія и сухопутныя силы Россіи. И дѣйствительно 8-го Февраля 1833 года первый отрядъ Черноморскаго флота изъ четырехъ кораблей, четырехъ фрегатовъ и двухъ корветовъ, подъ начальствомъ контръ-адмирала Кумани, входилъ въ Босфоръ. Извѣстіе объ этомъ остановило Ибрагима въ Кютахіи въ 250 верстахъ отъ Босфора.

Новый Французскій Посолъ Адмиралъ Руссенъ прибылъ въ Константинополь. Онъ началъ грозить прерваніемъ сношеній съ Портою, если она не откажется отъ внѣшняго пособія, и обязывался именемъ своего правительства заставить Ибрагима переступить назадъ за ущелія Тавра, а Мехметъ-Алія — принять условія предложенныя Халиль-пашею. Притязаніе это было довольно странно: въ угоду посла надлежало выпроводить обратно Русскій флотъ призванный Султаномъ, и предпочесть дипломатическое ходатайство вооруженному заступничеству, когда дѣло шло о спасеніи имперіи отъ неминуемой погибели, когда бунтъ былъ готовъ вспыхнуть въ столицѣ, еслибы Ибрагиму вздумалось направить по дорогѣ въ Константинополь свой авангардъ. Впрочемъ ни Ибрагимъ ни отецъ его не слушали самоувѣренныхъ предписаній посла. Въ теченіе Марта и Апрѣля еще два отряда Черноморскаго флота вошли въ Босфоръ съ 12,000 десантнаго войска, которое расположилось лагеремъ на Азіятскомъ берегу Босфора въ долинѣ *Хункьяръ Скелеси*, насупротивъ Французскаго посольства. Генералъ Муравьевъ, возвратившійся изъ Египта по открытіи переговоровъ между Мехметъ-Аліемъ и Халиль-пашею, принялъ начальство надъ десантнымъ войскомъ, а вице-адмиралъ Лазаревъ надъ фло-

томъ. Лишь въ Маѣ прибылъ генералъ-адъютантъ графъ Орловъ, съ полномочіями чрезвычайнаго посла и Главнокомандующаго морскими и сухопутными силами.

Въ Турціи каждый разъ когда мусульманское народонаселеніе, которому исключительно присвоена политическая жизнь, по какому-бы то ни было поводу приходитъ въ волненіе, гроза разрѣшается обыкновенно на безоружныхъ и промышленныхъ христіанъ. И въ Румеліи и въ Малой-Азіи правовѣрная чернь была въ ту-пору преисполнена фанатической злобы на христіанъ послѣ Греческой войны. Не менѣе того негодовала она на своего Султана за правительственныя нововведенія, за усилія его унять анархическіе навыки, которыми Янычарство заразило всю имперію. Именемъ Ибрагима раздувалось пламя народныхъ страстей, и во многихъ округахъ ждали съ часу на часъ сигнала къ истребленію христіанъ. Правительственная власть распадалась сама собою; моральное состояніе края была таково, что въ Смирнѣ напримѣръ, въ этомъ второмъ городѣ имперіи, невѣдомо откуда явился какой-то бродяга Мехметъ-Ага, и отъ имени Ибрагима, не имѣя впрочемъ съ собою никакого письменнаго документа, ни одного солдата, успѣлъ въ двое сутокъ составить заговоръ съ нѣкоторыми туземцами мусульманами, а на третій день, безъ одного выстрѣла, смѣнилъ Муселима и принялъ власть въ свои руки. Городъ въ 150,000 народонаселенія охотно ему покорился, одни Европейскіе Консулы протестовали, пока бродяга, ограбивъ что могъ, изчезъ.

Очевидно что въ такихъ обстоятельствахъ — рѣшительныя мѣры принятыя Россіею спасли не только Султана и его династію отъ честолюбивыхъ покушеній Египетскаго паши, но и все христіанское народонаселеніе столицы, Малой Азіи и Румеліи, отъ неистовства правовѣрной черни. Вмѣстѣ съ тѣмъ по-

ложены границы семейной ссорѣ мусульманъ; а безъ быстраго появленія Русскихъ силъ въ Константинополѣ неминуемо принимала она размѣры тѣхъ вопросовъ, которые только всеобщею войною могутъ быть разрѣшены.

Переговоры длились между Портою и Мехметъ-Аліемъ. Принужденный отказаться отъ своихъ видовъ на самый Константинополь, гдѣ онъ мечталъ возвести на Оттоманскій престолъ свою династію, и придать новую жизнь одряхлѣвшему государству, Египетскій паша домогался занять по крайней мѣрѣ какъ можно болѣе областей и округовъ подъ свое управленіе. Порта рѣшилась уже уступить ему всю Сирію. И въ самомъ дѣлѣ собственныя ея пользы требовали этаго пожертвованія. Предстояло довершить и упрочить предпринятыя правительственныя преобразованія въ тѣхъ областяхъ, откуда султаны извлекали элементы своего могущества, войско и казну; а Сирія, какъ мы уже видѣли, была постояннымъ бременемъ для Порты даже въ ту эпоху когда султаны и ихъ правительство вовсе не заботились о внутреннихъ дѣлахъ пашалыковъ. Въ настоящій кризисъ, и послѣ выраженнаго Сирійскими племенами сочувствія къ Ибрагиму, область эта подъ управленіемъ пашей послужила-бы орудіемъ Мехметъ-Алію для обуреванія имперіи по произволу. Сверхъ Сиріи, паша требовалъ Орфы и нѣкоторыхъ другихъ округовъ по Евфрату, на сѣверъ отъ Алепа; всего-же настойчивѣе домогался онъ Аданскаго пашалыка, подъ предлогомъ что строевые лѣса этой области были ему необходимы для флота. А въ самомъ дѣлѣ обладаніе Аданскаго пашалыка казалось ему надежнѣйшимъ обезпеченіемъ Сиріи, служа, по двойнымъ своимъ *Вратамъ*, какъ-бы ключемъ этой области со стороны Малой Азіи. Наконецъ Порта, принужденная уступить Сирію, рѣ-

шилась отдать въ руки своего вассала и ключи этой области, хотя и знала что тѣ же ключи открывали путь изъ Сиріи во внутренность Малой Азіи. Договоръ былъ подписанъ въ Кютахіи въ главной квартирѣ Египтянъ, 13 числа мусульманскаго мѣсяца Зилькаде (27 Марта).

1-го Апрѣля 1833 года въ султанскомъ манифестѣ (Тевджихатъ), коимъ ежегодно подтверждаются или смѣняются намѣстники Султана, показалисъ опять имена Мехметъ-Алія и Ибрагима, выключенныя за годъ предъ тѣмъ. Къ прежнимъ ихъ владѣніямъ, Египту, Кандіи, Джиддѣ, присовокуплялись теперь пашалыки Сайдскій (Акка), Дамаскій, Триполійскій и Алепскій и санджаки Газы и Наплуза. Аданскій пашалыкъ былъ затѣмъ пожалованъ Ибрагиму на правѣ *Мухасилыка*, т. е. права сбирать подати на счетъ правительства.

Тогда лишь Ибрагимъ сталъ отступать съ своимъ войскомъ за Тавръ. Извѣстіе о переходѣ его аріергарда въ границы уступленныхъ ему владѣній было получено въ Константинополѣ въ послѣднихъ числахъ Іюня. Прежде 1-го Іюля нашъ флотъ и наше войско оставили спасенную ими столицу Оттоманской имперіи.

Не одинъ разъ Султанъ Махмудъ лично командовалъ маневрами Хункьяръ-Скелесійскаго лагеря, дѣлалъ смотры, восхищался бодрымъ видомъ, дисциплиною и красотою строя нашихъ полковъ. Впечатлѣніе произведенное въ Султанѣ, въ правительствѣ, въ войскѣ и въ народѣ Оттоманскомъ кратковременнымъ пребываніемъ Русскаго войска и флота въ Константинополѣ, послужило какъ бы торжественнымъ подтвержденіемъ благорасположенія Россійскаго Двора къ сосѣдственной державѣ послѣ Адріанопольскаго мира. Открывалась новая эра для милліоновъ Восточныхъ христіанъ по чувству признательности ихъ государя къ единовѣрной имъ Дер-

жавѣ. И въ самомъ дѣлѣ шестилѣтній періодъ, съ 1833 года до смерти Махмуда, былъ періодомъ практической вѣротерпимости турецкаго правительства.

Въ этомъ періодѣ не издавалось никакихъ писанныхъ уставовъ о вѣротерпимости, о равенствѣ подданныхъ всѣхъ исповѣданій; не превозглашалось никакихъ торжественныхъ обѣтовъ къ подвластнымъ племенамъ; правительство Оттоманское не хвалилось еще новыми филантропическими началами, не бросало пыли въ глаза довѣрчивой Европѣ тѣми пріемами, которые ознаменовали слѣдующее царствованіе, и о которыхъ будемъ имѣть случай говорить. Но личная твердая и искренняя воля самодержавнаго Махмуда вводила въ правительство новыя начала вѣротерпимости, и сурово укрощала фанатизмъ правовѣрнаго народа. Высокій умъ преобразователя постигалъ, что владѣтельное племя уже выполнило подвигъ предназначенный ему судьбою, и что Коранъ, коимъ была во время оно создана Оттоманская имперія, не можетъ придать новую жизнь распадавшемуся царству. Онъ не унывалъ, а полагался на подвластныя ему христіанскія племена.

Среди горькихъ испытаній этой эпохи, когда по первому призыву бунтовщика отторгались отъ законнаго государя одно за другимъ Малоазійскія племена, спасенныя Махмудомъ отъ тиранства Дере-беевъ, когда мусульманское народонаселеніе столицы, спасенное имъ отъ наглаго безчинства Янычаръ, было готово къ измѣнѣ, — въ эту эпоху еще болѣе чѣмъ въ борьбѣ съ Янычарами и Дере-беями Махмудъ разлюбилъ свой пра вовѣрный народъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ что онъ хорошо постигалъ послѣдствія тѣхъ льготъ, которыя по деспотической своей волѣ, не совѣщаясь съ ненавистными ему Улемами, и безъ всякихъ законодательныхъ формъ и фразъ, даровалъ онъ христіа-

намъ. Онъ предвидѣлъ что замышленное имъ равенство между христіанами и мусульманами разломаетъ до основы общественное и политическое зданіе его предмѣстниковъ; что христіанское народонаселеніе Европейской Турціи по численному своему превосходству надъ мусульманами, и еще болѣе по преимуществамъ ума и трудолюбія, возьметъ перевѣсъ по всѣмъ степенямъ правительственной іерархіи, отъ сельской управы до Государственнаго совѣта, какъ только будетъ ему предоставлено политическое равенство; что мусульмане не подчинятся новому порядку вещей, несовмѣстному съ фанатизмомъ и съ наслѣдственною гордостію потомства завоевателей; что они возстанутъ бунтомъ на правительство; что правительство легко ихъ растопчетъ въ Европейской Турціи своими христіанскими ополченіями; что Азіятская Турція, гдѣ преобладаетъ магометанскій элементъ, отпадетъ отъ султанской власти; что Султану предстанетъ необходимость избрать одно изъ двухъ, или самому принять христіанство, возстановить Византійскій престолъ на прочномъ основаніи религіознаго союза съ подданными, и завоевать Малую Азію своимъ христіанскимъ оружіемъ, или перейти въ Азію, и фанатизмомъ ея народа возсоздать мусульманское царство на коренныхъ его началахъ. Сомнѣнія нѣтъ въ томъ что практическій умъ Махмуда все это предвидѣлъ, и не боялся крайнихъ послѣдствій предначертеннаго плана. Въ Коранъ онъ не вѣрилъ, какъ ни одинъ изъ просвѣщенныхъ мусульманъ въ него не вѣритъ, а Турокъ онъ глубоко презиралъ *).

---

*) Чувства Махмуда къ Туркамъ достаточно выказываются по слѣдующимъ двумъ случаямъ этой эпохи: Когда устраивался дворецъ въ Долма-бахче, Султанъ хотѣлъ туда опредѣлить отборныхъ своихъ садовниковъ. Онъ выстроилъ въ одинъ рядъ всѣхъ своихъ садовниковъ (числомъ ихъ было 300) сдѣлалъ смотръ, и сталъ вызывать по одиночкѣ человѣкъ двадцать, чьи физіономіи были благовиднѣе. Когда

Возвратимся къ нашему разсказу. Мехметъ-Али, принужденный довольствоваться жребіемъ вассала и расширеніемъ предѣловъ ввѣренныхъ ему областей, удерживалъ однакожъ за собою хребетъ Тавра, будто въ залогъ и въ угрозу новыхъ покушеній на потрясенную имъ имперію. За то Султанъ съ своей стороны въ обезпеченіе своего спокойствія заключалъ Хункьяръ-Скелесійскій договоръ съ Россіею. Россія обязывалась моральнымъ и матеріальнымъ своимъ содѣйствіемъ защитить Оттоманскую имперію въ случаѣ новыхъ напастей. Договоры должны быть основаны на взаимности; иначе та Держава, которая пріобрѣтаетъ право защиты, становится покровительствующею. Россія не могла ожидать отъ Турціи ни матеріальнаго ни моральнаго содѣйствія. По сему-то особенною секретною статьею пояснялось, что Турція освобождалась отъ подобной обязанности къ Россіи, а въ замѣнъ обѣщанной

Султанъ пожелалъ знать ихъ по имени, оказалось что всѣ они были христіане. «Я такъ и догадывался,» сказалъ Султанъ громогласно. Потомъ обратясь къ своей свитѣ прибавилъ: «Взгляните на остальныхъ; настоящіе уроды; бьюсь объ закладъ что ни одного Грека нѣтъ между ними; это *Туркошаки*». Этимъ именемъ отличаются Турки чисто азіятскаго происхожденія, безъ примѣси греческой, славянской или албанской крови.

Нѣсколько времени спустя Султанъ сидѣлъ въ *Ялдызъ-кьоскѣ*. Поотдаль проѣзжалъ нашъ посланникъ А. П. Бутеневъ съ супругою верхами въ сопровожденіи одного ливрейнаго. Султанъ приказалъ своему адъютанту Изздеъ-бею узнать кто этотъ господинъ. Изздеъ-бей доложилъ. «А знаешь-ли ты что значитъ Русскій посланникъ,» спросилъ Султанъ? — «Нѣтъ государь» — «Я тебѣ поясню: это государственный человѣкъ той державы, которая столько разъ наказала и меня и моихъ предковъ за безчинства Янычаръ и пашей, которые храбро душили безоружныхъ раіевъ, а предъ Русскимъ баталіономъ устоять не могли. Смотрите же, представитель такой державы, человѣкъ облеченный всею довѣренностію своего государя, прогуливается верхомъ съ супругою да съ однимъ слугою (Ялынызъ, Мада́-масы иле, ве биръ усагъ иле́). А послѣдній изъ моихъ слугъ, какой нибудь Шарабъ-эмини (инспекторъ питья) тянетъ за собою по

защиты долженствовала только закрыть Дарданеллы военнымъ судамъ всѣхъ націй.

Договоромъ этимъ облекалось впервые въ дипломатическую форму правило постоянно существовавшее, и которое за тѣмъ вошло въ международное Европейское право по общему согласію Великихъ Державъ въ 1841 году, когда исходилъ срокъ Хункьяръ-Скелесійскаго трактата. И такъ вопросъ о правѣ былъ разрѣшенъ Европою согласно тому началу, которое положено было Россіею. Не менѣе того общественное мнѣніе во Франціи и въ Англіи возопило противу притязанія Россіи закрыть военнымъ флотамъ проливъ, который никогда не былъ имъ открытъ. Обѣ Западныя державы протестовали. И трактатъ и протесты никакихъ практическихъ результатовъ не имѣли. Дѣло по существу своему пребыло отвлеченнымъ.

Общественное мнѣніе Запада упускало изъ виду

улицамъ хвостъ изъ десяти слугъ. Съ вами ничего не сдѣлаешь. Ей Богу жаль (*Чаре́ іокъ, Валла́хъ языкъ*)».

Инымъ читателямъ покажется довольно странною мысль, что Махмудъ могъ-бы довершить реформу обращеніемъ Правительства и Двора въ христіанскую вѣру. Не стану доказывать, что реформа въ томъ смыслѣ какъ направлялъ ее Махмудъ повела-бы необходимо къ обращенію въ христіанство самаго Султана. Независимо отъ всякихъ логическихъ умозаключеній, мое убѣжденіе основано на фактѣ. Отъ лица весьма приближеннаго къ Султану Махмуду были мнѣ сообщены въ 1845 году весьма любопытныя и совершенно достовѣрныя подробности о томъ какъ Султанъ еще въ 1830 году предчувствовалъ, что наступитъ пора принять религію большинства своихъ подданныхъ. Даже дружелюбныя внушенія извнѣ были тогда ему сдѣланы въ этомъ смыслѣ. Разсказывать подробности эти еще не время.

Что касается совершеннаго безвѣрія Махмуда и всѣхъ просвѣщенныхъ магометанъ, я думаю что это не новость для тѣхъ изъ моихъ читателей кто знакомъ съ Востокомъ. Не только нынѣшнее поколѣніе образованныхъ Турокъ ни во что не вѣруетъ, пребывая въ самомъ грубомъ матеріализмѣ, но гораздо прежде того броженія которое сопровождаетъ всякую реформу, религія образованныхъ Магометанъ ограничивалась деизмомъ.

историческіе факты совершенно поясняющіе самое направленіе, которому слѣдовалъ Русскій кабинетъ въ новомъ договорѣ съ Портою. При Греческихъ Императорахъ мореходныя республики Италіи вели дѣятельную торговлю въ Черномъ Морѣ. Турки по завоеваніи Константинополя закрыли море это Европейской торговлѣ. Три слишкомъ вѣка было оно частною собственностію Турціи. Торговое мореплаваніе подъ турецкимъ флагомъ ограничивалось грузами продуктовъ забираемыхъ насиліемъ и безъ платы съ Дунайскихъ княжествъ для прокормленія столицы, да грузами Кавказскихъ невольниковъ и невольницъ. Ни одинъ Европейскій флагъ не могъ показаться тамъ, гдѣ за тысячу слишкомъ лѣтъ до рождества Христова свободно плавали корабли древней Греціи. Когда Россія завоевала сѣверный берегъ Чернаго Моря, она Кучукъ-Кайнарджійскимъ трактатомъ заставила Турцію отречься отъ своей завистливой монополіи и открыла всемірной торговлѣ поприще новой дѣятельности. Заботясь о безопасности своихъ беззащитныхъ береговъ, и охраняя своимъ флотомъ торговлю всѣхъ народовъ въ этомъ внутреннемъ морѣ, она безъ сомнѣнія не могла довольствоваться тѣмъ обезпеченіемъ, что Султаны по праву основанному на обычаѣ не впускали въ Черное Море военныхъ флотовъ; а потому обратила право это въ обязанность Султановъ на основаніи здравой политической теоріи. Но въ существѣ могла ли она полагаться на договоръ подписанный турецкимъ правительствомъ по дѣлу собственной ея безопасности? Могла-ли она полагаться на прочность этаго договора, тогда какъ Западная Европа такъ завистливо смотрѣла на законно-преобладающее ея вліяніе на Востокѣ, вліяніе чисто охранительное? Естественнымъ послѣдствіемъ разслабленія Оттоманской имперіи есть періодическій перевѣсъ

вліяніи то одной то другой изъ Великихъ Державъ. Послѣ Адріанопольскаго мира, и особенно въ описываемую нами эпоху, перевѣсъ по необходимости принадлежалъ Россіи; но безъ сомнѣнія не навсегда, даже не надолго, какова бы нибыла мѣра оказанныхъ благодѣяній, какова-бы ни была умѣренность ея дѣйствій. Вотъ почему Хункьяръ-Скелесійскій трактатъ ограничивался восьмилѣтнимъ срокомъ, и въ тоже время приступала Россія къ усиленію матеріальныхъ средствъ своей защиты въ Черномъ Морѣ.

ГЛАВА VII.

ОБЗОРЪ ПОСЛѢДСТВІЙ КЮТАХІЙСКАГО ДОГОВОРА. — ВЛІЯНІЕ ПРЕОБРАЗОВАНІЙ ВЪ СИРІИ И МАЛОЙ АЗІИ. — ПОХОДЪ ТУРОКЪ ВЪ КЮРДИСТАНЪ. — ЧУВСТВА НАРОДНЫЯ ПО ОБѢИМЪ СТОРОНАМЪ ТАВРА. — РАЗОЧАРОВАНІЕ АРАБОВЪ. — ЛОЖНОЕ МНѢНІЕ О ВОЗРОЖДЕНІИ АРАБСКОЙ НАРОДНОСТИ. — ЗАМЫСЛЫ И ВОЗГЛАСЫ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ. — НОВОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ УСТРОЙСТВО СИРІИ. — ПРЕОБРАЗОВАНІЕ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ. — ПОДУШНЫЙ ОКЛАДЪ. — ПРИХОДЫ И РАСХОДЫ ЕГИПЕТСКАГО ПАШИ ВЪ СИРІИ. — КАРАНТИНЫ, ПОЛИЦІЯ, ПОЧТА.

Насъ отвлекли отъ Сиріи тѣ великія событія, которыхъ послѣдствіемъ было семилѣтнее владычество Египетскаго паши надъ этою страною. Ибрагимъ-паша, выступая своевременно изъ Анатоліи, обезпечилъ за собою ту неоцѣненную выгоду, что народонаселенія этаго края видѣли въ немъ только освободителя отъ притеснѣній мѣстныхъ властей и мстителя правовѣрнаго народа за еретическія нововведенія Султана; но не успѣли довольно ознакомиться съ пріемами Египетскаго правленія, не успѣли даже разглядѣть, что вся сила Ибрагима была основана на системѣ преобразованій еще болѣе рѣзкихъ, болѣе тягостныхъ для народа и противныхъ фанатическимъ предрасудкамъ Ислама, чѣмъ преобразованія Махмуда. Въ самомъ дѣлѣ цѣлію Султана было облегчить участь племенъ, раздираемыхъ

дробнымъ деспотизмомъ вассаловъ, и замѣнить феодальныя безчинства наслѣдственныхъ беевъ или полномочныхъ пашей систематическимъ устройствомъ единой власти по всему пространству имперіи. Паша Египетскій стремился лишь къ тому, чтобы извлечь изъ подвластныхъ ему племенъ какъ можно болѣе средствъ къ совершенію самыхъ честолюбивыхъ замысловъ, основывая свои политическія расчеты не на любви народной, но на развитіи матеріальнаго своего могущества.

Сирія, которая такъ охотно предалась Ибрагиму, была осуждена тяжкимъ опытомъ искупить вину своего отпаденія отъ законнаго государя. Въ этотъ край, совершенно противуположный Египту и по географическому образованію и по преданіямъ и по духу жителей, Мехметъ-Али насиліемъ сталъ вводить Египетскую правительственную и финансовую систему. Онъ укротилъ вѣковыя анархическія наклонности Сирійскихъ племенъ, уравновѣсилъ бремя налоговъ, предоставленныхъ дотолѣ произволу пашей и мѣстныхъ владѣльцевъ. Но въ тоже время, для обезпеченія своей власти, онъ былъ обязанъ замѣнить регулярнымъ войскомъ буйныя ополченія, въ которыхъ состояла дотолѣ вся военная сила края, и подчинить строевой службѣ и рекрутскому набору племена привыкшія къ вольнымъ наѣздамъ старинныхъ ополченій. Эти важныя преобразованія поручилъ Мехметъ-Али сыну своему покорителю Сиріи. Но чѣмъ легче было завоеваніе края тѣмъ тягостнѣе оказалось за тѣмъ и для завоевателя и для страны внутреннее устройство завоеваннаго края. При первыхъ попыткахъ Ибрагима къ преобразованіямъ, Сирійскія племена стали вздыхать о прежнемъ правленіи турецкихъ пашей, о своей разгульной жизни. Такимъ-то образомъ по обѣимъ сторонамъ Тавра яснѣе выразились тѣ народныя чувства, о которыхъ мы имѣли уже

случай упомянуть. Малоазійскія племена, склонивъ выю подъ преобразованіями Султана, устремляли взоры на Сирію и на Ибрагима, полагая что любимыя преданія анархической старины укрылись по ту сторону горъ. Племена Сиріи въ свою очередь проклинали судьбу, бунтовались противу похитителя, и вспоминали священныя права законнаго государя.

Между тѣмъ ни Мехметъ-Али ни Султанъ Махмудъ не могли во глубинѣ души одобрять устройство дѣлъ 1833 года. Первый не довольно стяжалъ по мѣрѣ своего честолюбія, и не терялъ надежды, при первой Европейской войнѣ, улучшить минуту для довершенія своихъ замысловъ. Султанъ съ своей стороны, упитанный тою мыслію, которая наполнила все его царствованіе — мыслію объ уничиженіи своихъ могущественныхъ вассаловъ, не могъ безъ глубокой скорби видѣть, что его подвигъ былъ не совершенъ, что вмѣсто покоренія Египта, онъ нашелся принужденнымъ уступить и Сирію, и какъ-бы раздвоить свою имперію послѣ толикихъ усилій о водвореніи въ ней единодержавія. При такомъ расположеніи умовъ въ Константинополѣ и въ Александріи, и при такомъ направленіи чувствъ и желаній въ массѣ народонаселеній по обѣимъ сторонамъ Тавра, естественнымъ образомъ Сирія дѣлалась какъ-бы передовымъ постомъ Султана противъ Мехметъ-Алія, а Мехметъ-Али обрѣталъ въ привязанности къ нему Малоазійскихъ народонаселеній сильное орудіе противу замысловъ Махмуда.

Усмирителю Румеліи Решидъ-Мехмету, которому судьба такъ жестоко измѣнила подъ Коніею, была впослѣдствіи ввѣрена Анатолія, съ порученіемъ ввести въ этотъ край новое гражданское устройство и новую военную систему. Религіозный фанатизмъ, грубые навыки старины и природная лѣнь жителей представляли

здѣсь подвигу преобразованія столько-же препонъ, сколько представили за нѣсколко лѣтъ предъ тѣмъ генію Махмуда и его Верховнаго визира фанатизмъ народности, живость характера и независимый духъ племенъ Румелійскихъ, во нравѣ какъ и въ физіономіи которыхъ такъ живо отражается двоякій элементъ эллиническаго и славянскаго ихъ происхожденія. Въ весну 1834 года главная квартира Верховнаго визира была учреждена въ Сивасѣ, на сѣверъ отъ Тавра, и предпринято новое правительственное устройство Малоазійскихъ областей. Первымъ условіемъ успѣха было введеніе рекрутскихъ наборовъ, которыми еще болѣе раздражались народонаселенія. Мехметъ-Али пользуясь мнѣніемъ о немъ Малоазійскихъ племенъ, взячески противудѣйствовалъ. Его происками бунтовались многочисленныя кочевья Кюрдовъ во внутренныхъ хребтахъ Малой Азіи и вдоль Персидской границы. Решидъ Мехметъ предпринималъ трудный походъ въ эту дикую страну, походъ довершенный по смерти его Хафизъ-пашею. Если турецкое правительство съ своей стороны не участвовало въ непрестанныхъ возстаніяхъ Сирійскихъ племенъ противъ Египетской власти, несомнѣнно то, что именемъ Султана призываемъ былъ народъ къ оружію противу паши, котораго положеніе относительно Порты съ 1833 по 1840 годъ не переставало въ глазахъ народа быть враждебнымъ, хотя и облекалось формами подчиненности. По всѣмъ этимъ признакамъ можно было предчувствовать, что устройство дѣлъ 1833-го года было временною мѣрою, вынужденною тѣми обстоятельствами, въ которыхъ находилась тогда имперія. Оно не могло быть прочнымъ политическимъ актомъ.

Въ Европѣ между тѣмъ, и преимущественно во Франціи, общее мнѣніе видѣло въ Мехметъ-Алиѣ уже

не пашу турецкаго, но представителя Арабскаго міра, возстановителя политическаго существованія Арабскихъ племенъ. На этой гипотезѣ основывались теоріи весьма привлекательныя. Три обширныя области Турецкой имперіи, населенныя Арабскимъ племенемъ и говорящія Арабскимъ языкомъ, нашлись совокупно подъ управленіемъ человѣка способнаго и предпріимчиваго, послѣ долгихъ обуреваній вытерпѣнныхъ ими въ кровавыхъ спорахъ пашей съ эмирами въ Сиріи, въ изступленіи сектаторовъ Аравійскаго полуострова, въ оргіяхъ Мамлуковъ Египетскихъ. Новый правитель равно воспользовался и деспотическими своими правами, и усталостію племенъ и справедливымъ ихъ негодованіемъ къ тиранамъ подпавшимъ безпощадному его правосудію, и богатствами, которыя невѣдомо дотолѣ лежали въ нѣдрахъ почвы, такъ беззаботно затоптанной Мамлуками. Онъ образовалъ войско, создалъ флотъ, призвалъ къ берегамъ Нила тактику и промышленность Запада, накопилъ милліоны и устроилъ правительственную власть, которая до него была расхищена тысячами мелочныхъ деспотовъ. Между тѣмъ всѣ акты правительственной его системы, все направленіе его способностей, какъ и самая война его противъ Султана, обнаруживали въ немъ пашу Турецкаго, а не поборника Арабской народности. Арабовъ онъ чуждается и питаетъ къ нимъ закоснѣлое презрѣніе стариннаго Турка къ ихъ племени, и всю недовѣрчивость вооруженнаго гостя среди народа враждебнаго. Неслыханными насильствами забралъ онъ въ строевую службу всѣхъ статныхъ *феллаховъ* Египта. По истощеніи Египта онъ нарядилъ за рекрутами экспедицію въ Сеннааръ, гдѣ старшій сынъ его Измаилъ-паша въ 1821 году своими жестокостями привелъ въ отчаяніе несчастныхъ Негровъ и былъ жертвою ихъ бунта. За тѣмъ наѣздами въ Нубію и Абиссинію

Мехметъ-Али захватилъ сколько могъ черныхъ невольниковъ, которыми испещренъ фронтъ Египесткой арміи. Во флотъ наряжалъ онъ земноводное народонаселеніе Нильскаго берега, и безжалостно исторгалъ отъ семействъ дѣтей десятилѣтнихъ для работъ въ арсеналѣ и на заводахъ. Такимъ образомъ онъ составилъ огромную армію и красивый флотъ, далеко несоразмѣрные нормальнымъ средствамъ края безусловно имъ управляемаго.

Въ этомъ оптимисты увидали *благородный призывъ къ военной славѣ* Арабскаго племени, давно отлученнаго отъ наслѣдія побѣдъ. Но панегиристы западные упустили изъ виду именно то обстоятельство, которымъ можно обозначить степень участія допущеннаго Арабскому племени въ стяжаніи военной славы и въ военномъ трудѣ: въ Египетской службѣ только чинъ поручика (Мулазимъ) доступенъ Арабамъ, и потому что онъ имъ доступенъ—обреченъ презрѣнію Турокъ, исключительно пользующихся производствомъ во всѣ высшіе чины и въ арміи и во флотѣ. Мы имѣли случай замѣтить, что Арабы храбро дрались подъ знаменами Ибрагима, бросались въ проломъ Акки, брали на штыки высоты Бейланскія; но замѣтимъ, что позади каждаго отряда во всѣхъ этихъ сраженіяхъ слѣдовали пушки заряженныя картечью, и не одинъ разъ картечь сгоняла въ строй бѣжавшихъ отъ непріятельскаго огня Арабовъ. При томъ же регулярныя Египетскія войска получили первоначальное свое воспитаніе въ Морейской экспедиціи, въ странѣ объятой огнемъ народной и религіозной войны, противу непріятеля который не давалъ пощады ни одному мусульманину. Такимъ образомъ инстинктъ самосохраненія научилъ Египетскаго солдата цѣнить всѣ выгоды строевой службы и дисциплины. Собственныя слова Мехметъ-Алія лучше всего выражаютъ его отношенія къ Арабскому племени: когда

Ибрагимъ ходатайствовалъ о производствѣ въ высшій чинъ нѣсколькихъ поручиковъ природныхъ Арабовъ, отличившихся въ Сирійскомъ походѣ, старый паша отвѣчалъ ему: «Вспомни, мой сынъ, что *нашихъ* (Турокъ) не наберется и десяти тысячъ посреди этихъ милліоновъ Арабовъ.»

И въ самомъ дѣлѣ для Арабскаго племени военный деспотизмъ десяти тысячъ Мамлуковъ былъ замѣненъ десятью тысячами *Османлы*, привлеченныхъ въ Египетъ судьбою Мехметъ-Алія изъ его родины. Замѣчательное явленіе: въ то время когда уже изсякалъ для Египта источникъ Кавказской крови, когда успѣхи Русскаго оружія укрощали этотъ постыдный торгъ невольниками Кавказа, изъ которыхъ вербовалось нѣсколько вѣковъ владѣтельное племя Египта, Мехметъ-Али истреблялъ послѣднихъ Мамлуковъ, и замѣнялъ ихъ храбрую дружину своими Румельотами. Если буйство Мамлуковъ и безначаліе, въ которомъ страдалъ Египетъ подъ своими двадцатью четыремя Беками, были замѣнены правленіемъ благоустроеннымъ и единовластіемъ паши, за то̀ Арабское племя искупило впослѣдствіи это благодѣяніе потоками крови и поту въ военной службѣ и въ полевыхъ работахъ, которымъ оно было безусловно подчинено, ради величія своего владѣльца. Съ этимъ мощнымъ и послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Мехметъ-Али обратилъ Египетъ въ рудникъ богатства и славы для себя, для своего семейства, для своихъ сподвижниковъ.

Для народа — преобразованія ограничились тѣмъ, что вмѣсто безпутныхъ грабежей Мамлуковъ, наступилъ систематическій, строгій грабежъ монополіями и налогами; вмѣсто кровавыхъ междоусобій Мамлуковъ, отъ которыхъ народъ терпѣлъ, хотя въ нихъ не принималъ дѣятельнаго участія, настали далекіе походы и сраженія, гдѣ потоками лилась арабская кровь; вмѣсто при-

хотливыхъ *фантазій* *), которымъ такъ страстно преданъ житель Нильскаго берега, настала пора вынужденнаго, рабскаго труда. Если Мехметъ-Али въ продолженіе сорокапятилѣтняго владычества своего надъ Арабскими племенами пребылъ вѣренъ своему турецкому происхожденію, чуждаясь туземцевъ и ихъ нравовъ и ихъ языка, не допуская ихъ до своей особы, за то и Арабскія племена никогда сочувствіями своими не усыновили своего владѣтельнаго гостя, видя въ немъ то только, чѣмъ онъ былъ всегда для нихъ — пашу турецкаго, а не воскресителя Арабской народности, какъ его превозглашаетъ общественное мнѣніе на Западѣ. Путешественники и писатели, распространяющіе это мнѣніе указываютъ на войско, на флотъ, на арсеналъ, и на фабрики, будто изъ войска, изъ флота, изъ арсенала и изъ фабрикъ можно возсоздать народность порабощеннаго племени. Когда случайностями обычныхъ на Востокѣ переворотовъ Сирія и Аравія подпали власти Египетскаго паши, путешественники и писатели западные усмотрѣли въ этихъ пріобрѣтеніяхъ будто законное, провидѣніемъ присужденное наслѣдіе, и почли Мехметъ-Алія избраннымъ вождемъ великаго подвига, грядущимъ основателемъ новаго Арабскаго царства. Они упустили изъ виду собственную его народность, а въ наслѣдственной ненависти Арабскихъ племенъ къ Туркамъ, видѣли залогъ отпаденія этихъ племенъ отъ турецкой имперіи. Дѣйствительно, Арабы вовсе не сочувствуютъ завоевателямъ, обратившимъ колыбель величія Ислама, древній Халифатъ съ его священными преданіями, въ провинцію своей боевой имперіи. Чтобы вѣрнѣе оцѣнить политическую важность этой Арабской

---

*) Этимъ греческимъ словомъ называютъ Арабы свои празденства, гулянія, музыку и пляски и народныя увеселенія, которыми восхищаются въ особенности лѣнивые жители Каира.

народности, о которой столько наговорили въ эти годы, вспомнимъ что племя арабское, древнѣйшее и одно изъ многочисленнѣйшихъ въ мірѣ, никогда не могло составить одного народа, одного государства. Въ блистательную его эпоху только пламенное слово Корана могло сковать въ одну массу племена искони разрозненныя по самому образованію почвы Аравійскаго полуострова, этаго архипелага оазисовъ по морю песковъ, на которомъ, будто флоты, блуждаютъ караваны пастуховъ и воиновъ. Вмѣстѣ съ охлажденіемъ фанатизма ослабли и узы духовнаго и гражданскаго союза этихъ племенъ, а въ наше время взаимныя ихъ ненависти, едва-ли не сильнѣе общей ихъ нелюбви къ Туркамъ. По крайней мѣрѣ эти мѣстныя наслѣдственныя распри одного племени съ другимъ, жителя Хеджаса съ жителемъ Іеменя, Сирійца съ Египтяниномъ, кочевья заІорданскаго съ поселяниномъ береговой Сиріи, горца Ливанскаго съ горцемъ Наплузскимъ, эти ненависти преимущественно вскормленныя въ Сиріи феодальнымъ управленіемъ эмировъ и различіемъ вѣроисповѣданій, очевидно служатъ залогомъ турецкаго владычества надъ всѣми этими племенами и вліянія пашей турецкихъ, кто-бы они ни были — слуги-ли Порты, или вооруженные бунтующіе вассалы, каковъ паша Египетскій. Въ теченіе семи вѣковъ, отъ Сельджукидовъ понынѣ, единственными попытками къ политическому возрожденію Арабскаго элемента, были, по мнѣнію нашему, подвиги Фахръ-Эддина и Дагеръ-эль-Омара, равно и недавнее духовно-политическое волненіе Арабскихъ племенъ подъ ученіемъ Абдулъ-Веххаба. Но самыя эти попытки послужили только, какъ мы уже видѣли, къ усиленію турецкаго вліянія. Весьма вѣроятно что надолго еще Арабскія племена осуждены опекѣ турецкой.

Мехметъ-Али хорошо постигъ собственное свое положенiе, и видѣлъ какъ непрочны основанiя могущества чуждаго народности, этаго единственнаго надежнаго условiя всякой власти. По самому сознанiю своей слабости, при наружномъ блескѣ армiи, флота, завоеванiй, торговли и промышленности, при всемъ упоенiи честолюбiя, при всѣхъ порывахъ его безмѣрной предпрiимчивости, онъ не покусился на основанiе державы независимой изъ подвластныхъ ему племенъ Арабскихъ. Онъ могъ-бы въ 1833 году, если-бы Оттоманская имперiя была тогда предоставлена своей судьбѣ, взволновать всю Турцiю, свергнуть Султана и возвести новую династiю на Оттоманскiй престолъ; но пока законная власть существовала въ столицѣ имперiи центромъ гражданской жизни Оттоманскаго племени, побѣдоносному вассалу, переступившему обратно за Тавръ въ Арабскiй мiръ, не было дозволено разорвать тѣ слабыя узы подданства, которыми онъ своевольно игралъ предъ внѣшнимъ свѣтомъ, и на которыхъ единственно было основано политическое его влiянiе относительно племенъ Арабскихъ.

Кто поближе слѣдилъ дипломатическiе прiемы Мехметъ-Алiя во всѣхъ его переговорахъ и съ Портою и съ Европейскими державами, могъ убѣдиться, что всѣ его возгласы о независимости, всѣ гиперболическiя исчисленiя его военныхъ силъ, всѣ его угрозы о новой войнѣ съ Султаномъ, угрозы какъ-бы направленныя на Европейскiй мiръ — все это клонилось единственно къ тому, чтобы стяжать наслѣдственныя права въ своемъ семействѣ. Чтоже касается до страннаго предложенiя, сдѣланнаго имъ въ 1834 году Австрiи, Англiи, и Францiи, подъ предлогомъ обезпеченiя независимости и цѣлости Оттоманской имперiи, начать съ того чтобы отдѣлить отъ нея Арабскiя области, а потомъ объявить

войну Россіи, то хитрый паша, обманутый толками западныхъ журналовъ, которымъ еще вѣрилъ въ ту эпоху, думалъ что кабинеты великихъ державъ причастны страстямъ журналистовъ, и готовы возстать хоромъ на Россію для уничтоженія Хункьяръ-Скелесійскаго договора. Въ такомъ случаѣ паша ласкалъ себя надеждою, среди шума войны Европейской, довершить вѣроятныя послѣдствія битвы подъ Коніею, предупрежденныя нашимъ войскомъ и флотомъ, взволновать Оттоманскую имперію и похитить престолъ. Онъ навлекъ на себя строгіе или насмѣшливые отзывы кабинетовъ, даже того который во всякомъ случаѣ потакалъ ему. За тѣмъ онъ уже не возобновлялъ своей попытки.

Разсмотримъ правительственную систему Египетскаго паши въ Сиріи въ семилѣтній періодъ его владычества.

Все гражданское управленіе четырехъ Сирійскихъ пашалыковъ, Алепа, Дамаска, Триполи и Сайды, вмѣстѣ съ пашалыкомъ Аданскимъ, было сосредоточено въ рукахъ Шерифъ-паши, облеченнаго ограниченною властію гражданскаго губернатора, и имѣвшаго пребываніе свое въ Дамаскѣ. Подъ его непосредственнымъ начальствомъ состояли *Муселимы* въ каждомъ изъ городовъ и округовъ: впрочемъ назначеніе и смѣна ихъ зависили отъ Мехметъ-Алія или отъ Ибрагимъ-паши, который въ пребываніе свое въ Сиріи былъ облеченъ отъ своего отца полномочіями военнаго и гражданскаго Генералъ-Губернатора, но только въ крайнихъ случаяхъ принималъ какія либо важныя мѣры не спросясь у отца. Въ Алепѣ и въ Аккѣ, по важности этихъ городовъ, муселимы имѣли званіе *Мудировъ*, и завѣдывали многими окрестными округами. Въ Бейрутѣ, по торговой важности этаго города и по центральному его положенію, былъ муселимомъ флотскій капитанъ, который имѣлъ надзоръ

надъ дѣлами мореплаванія и портовъ по всему берегу Сиріи. Шейхи или старосты деревень были въ непосредственной зависимости отъ муселимовъ. Все это клонилось къ сосредоточенію и единству правительственной власти. Армія оставалась на военномъ положеніи; отношенія военныхъ властей къ гражданскимъ были основаны па правилахъ Европейской военной системы. Градская и Земская полиціи только при нарушеніи общественнаго порядка требовали содѣйствія военной команды. Въ каждомъ городѣ были учреждены *Меджлисы*, Градскія Думы, изъ почетнѣйшихъ гражданъ мусульманъ и христіанъ, подъ предсѣдательствомъ муселима, который былъ обязанъ подвергать ихъ совѣщанію всѣ важныя дѣла по управленію, а въ дѣлахъ хозяйственныхъ не могъ самъ собою дѣлать ни малѣйшаго распоряженія безъ вѣдома и содѣйствія Градской Думы. Этимъ же Думамъ была мало по малу присвоена власть судебная въ дѣлахъ спорныхъ, и преимущественно въ дѣлахъ коммерческихъ. Что касается до судилищъ собственно, *Мехкеме*, основанныхъ на духовномъ законадательствѣ мусульманъ, то они и доселѣ остаются во всей Оттоманской имперіи недоступными никакому преобразованію. Подъ Египетскимъ правленіемъ *Моллы*, главные судіи Дамаска и Іерусалима, назначались ежегодно властію Султана, и отъ нихъ зависѣло назначеніе въ юридическомъ ихъ округѣ *Кадіевъ* и *Наибовъ*, которые взносили при этомъ извѣстную плату молламъ. Дѣла уголовныя рѣшались обыкновенно правительственною властію, по предварительномъ судебномъ разбирательствѣ въ духовномъ-ли судилищѣ или въ градской Думѣ, смотря по направленію какое давала имъ правительственная власть; затѣмъ представлялись на подтвержденіе гражданскаго губернатора, или Ибрагимъ паши, или самаго Мехметъ-

Алія, судя по важности дѣла. Въ разбирательствѣ и въ наказаніи преступленій политическихъ Ибрагимъ паша удержалъ за собою неограниченную власть прежнихъ пашей, и по ихъ примѣру произвольно безъ суда, безъ слѣдствія казнилъ людей обличенныхъ или подозрѣваемыхъ въ возмутительствѣ, или враждебныхъ Египетскому владычеству.

Хозяйственная часть, которая при прежнихъ пашахъ не имѣла никакого устройства, бывъ предоставлена ихъ усмотрѣнію, капризу или степени ихъ вліянія, получила подъ новымъ управленіемъ образованіе прочное и правильное. Вмѣстѣ съ гражданскимъ губернаторомъ былъ назначенъ въ Дамаскъ особый директоръ по финансовому управленію, уніатъ Хана Бахри съ титломъ Бея, родомъ изъ Хомса, давно бывшій въ службѣ Мехметъ-Алія. Онъ вывелъ съ собою изъ Египта бухгалтеровъ Коптовъ, которые наслѣдственно владѣютъ особенною способностію для счетныхъ дѣлъ. При каждой Градской Думѣ былъ опредѣленъ письмоводитель для доходовъ и расходовъ по управленію. Такимъ образомъ были подведены подъ общую систему всѣ налоги и всѣ казенныя статьи доходовъ, принадлежавшія прежде мѣстнымъ властямъ. Съ другой стороны всѣмъ должностямъ, которыя прежде ввѣрялись отъ пашей не только безъ жалованья, но даже за извѣстную плату, съ правомъ пользоваться доходами присвоенными каждой должности, или вѣрнѣе сказать съ правомъ грабить народъ насиліемъ-ли или лихоимствомъ, было назначено жалованье, и воспрещены лихоимство и подарки. Самые налоги были приведены въ ситему и въ ясность. При прежнемъ управленіи доходы состояли 1-е въ *мири* или поземельной подати; 2-е въ поголовной подати съ христіанъ и евреевъ — *харадчь*; 3-е въ откупныхъ статьяхъ (ильтизамъ) къ которымъ можно

причислить много казенныхъ полей равно и таможни по внутренней и по внѣшней торговли и сборы съ ремеселъ; 4-е въ монополіяхъ, налагаемыхъ здѣсь какъ и во всей Турціи на нѣкоторые продукты или на нѣкоторыя отрасли торговли по произволу пашей; 5-е и главное — въ произвольныхъ поборахъ и пеняхъ, какіе, судя по обстоятельствамъ, взималъ Паша съ лицъ или съ сословій или съ городовъ или съ округовъ. Эта послѣдняя категорія, которая преимущественно обогощала пашей, была совершено уничтожена Мехметъ-Аліемъ и замѣнена новою поголовною податью *Фирдé*, которой равно подлежали всѣ исповѣданія, всѣ сословія, кромѣ духовенства и служащихъ. Для столь важнаго нововведенія была сдѣлана по всей Сиріи перепись народонаселенія мужскаго пола отъ 16 до 60 лѣтъ, и по числу его положенъ налогъ по 5 руб. сер. съ души. За тѣмъ предоставлено городскимъ и сельскимъ обществамъ, подъ круговою порукою вносить сполна сумму, сколько по числу жителей причиталось, и дѣлать между собою разскладку, сообразно со средствами каждаго. Самые достаточные платили по 500, а самые бѣдные по 15 піастровъ. Налогъ этотъ глубоко оскорбилъ религіозную гордость мусульманъ, съ которыхъ въ первый разъ взималась поголовная подать наравнѣ съ *раіями*. Правда, они были обезпечены отъ произвольныхъ поборовъ, и тотъ который въ минуту каприза прежнихъ пашей откупалъ свою голову сотнями тысячъ, ни въ какомъ случаѣ не былъ обязанъ подъ новымъ правленіемъ внести болѣе 500 піастровъ (около 30 руб. сер.). Но Азіатецъ искони привыкшій къ деспотическимъ распоряженіямъ правительственной власти, могъ въ своемъ фатализмѣ приписывать судьбѣ разорительные капризы прежнихъ пашей, и безропотно имъ покоряться; онъ почиталъ обиднымъ для себя по-

становленіе систематически объемлющее всѣ классы, по мѣрѣ средствъ каждаго, основанное на вѣчной истинѣ равенства правъ подданныхъ разныхъ исповѣданій предъ закономъ. Съ другой стороны произвольныя взиманія пашей падали обыкновенно на людей богатыхъ, и рѣдко на низшія сословія; новый налогъ обнималъ всѣ сословія, и тѣмъ самымъ вмѣсто страха, коимъ были всегда преслѣдуемы подъ прежнею системою люди богатые, при новомъ налогѣ неудовольствіе проникало въ массы. Какъ-бы то нибыло прекращеніе поборовъ и пеней произвело то благое дѣйствіе, что люди богатые, которые прежде тщательно скрывали свое состояніе, и жили нищенски, чтобы не обратить на себя вниманія пашей, стали пускать въ оборотъ свои капиталы, предались торговымъ спекуляціямъ, и придали новую жизнь промышленности. Сему-то обстоятельству, равно и безопасности сообщеній должно преимущественно приписать торговые успѣхи Сиріи подъ Египетскимъ правленіемъ.

Когда Сирія поступила во власть Мехметъ-Алія промышленность сего края, которая цвѣла нѣсколько вѣковъ сряду и снабжала Европу богатыми шелковыми тканями и даже простымъ холстомъ *), была слишкомъ изнурена отъ политическихъ золъ, и получила еще новый ударъ отъ постепеннаго вторженія въ базары Востока дешевыхъ издѣлій машинъ и паровъ Западной Европы. Съ другой стороны земледѣліе, не находя защиты и безопасности въ плодородныхъ равнинахъ, привыкло искать убѣжища въ горахъ. Производительныя силы края слабѣли, и народонаселеніе замѣтно убывало. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ Мехметъ-Али не только не ввелъ въ Сирію своей Египетской системы

*) Грузы простаго холста вывозились изъ Сиріи во Францію и оттуда посылались въ колоніи на рубашки Неграмъ.

монополіи всѣхъ продуктовъ, но даже предоставилъ полную льготу торговлѣ, и замѣнилъ умѣренными налогами запретительныя распоряженія прежней власти.

Нѣкоторыя изъ откупныхъ статей были равномѣрно уничтожены; таможни поступили въ прямое завѣдываніе казны. Поземельная подать *Мири,* и поголовная подать съ христіанъ *харадчь*, основанныя на коренныхъ законахъ имперіи, остались въ прежнемъ видѣ, съ тою только разницею что онѣ поступали уже въ казну а не къ мѣстнымъ правителямъ.

Ибрагимъ-паша къ воинскимъ своимъ дарованіямъ присоединяетъ большія способности по хозяйству, любитъ посвящать свои досуги занятіямъ этаго рода и свои капиталы спекуляціямъ торговымъ и промышленнымъ. Огромное его состояніе нажито не грабежемъ, не присвоеніемъ чужой собственности. Видъ одичалыхъ полей Антіохійскихъ внушилъ Ибрагиму мысль основать тамъ большую мызу, которая служила бы образцомъ земледѣлія и скотоводства для сирійскихъ племенъ, и привлекала-бы къ полевымъ работамъ полукочевыхъ Тюркменовъ, пригоняющихъ туда свой скотъ съ хребта Таврійскаго. Даже нѣкоторыя кочевья Бедуиновъ, приласканныя льготами, стали поселяться вдоль плодородной земли населенной Сиріи, на рубежѣ своей пустыни. Была дарована дѣвятилѣтняя льгота отъ поземельной подати за обработку новыхъ полей. Горцы стали спускаться съ Ливана, съ каменистыхъ округовъ *Аккьара* и *Даньэ*, и поселяться въ плодородныхъ но одичалыхъ равнинахъ. Около 15 т. федановъ *) земли было воз-

*) Не должно смѣшивать федана Сирійскаго съ Египетскимъ: феданъ, постоянная мѣра земли въ Египтѣ, равняется одной трети съ небольшимъ нашей десятины. Въ Сиріи феданъ измѣняется судя по качеству почвы и по количеству посѣва. Для посѣва одного федана потребно пшеницы около восьми четвертей (десятипудовыхъ). Одинъ работникъ съ парою быковъ обработываетъ феданъ этотъ въ сорокъ

дѣлано вдоль пустыни между Дамаскомъ и Алепомъ. Въ Гауранѣ, гдѣ пшеница родится обыкновенно самъ-сорокъ, а кукуруза самъ-двѣсти, обработывалось дотолѣ неболѣе 2000 федцановъ. Въ два года Египетскаго правленія стали тамъ воздѣлывать около 7000 федцановъ *). Когда саранча опустошала поля между Алепомъ и Хамою, жители, привыкшіе только къ грабительствамъ прежнихъ пашей и къ безчинствамъ войскъ, съ удивленіемъ увидѣли Ибрагима выступающимъ въ походъ съ четырьмя пѣхотными полками противу саранчи. Всю весну провелъ фельдмаршалъ въ этой полезной экспедиціи. Онъ назначилъ и поселянамъ и солдатамъ плату за каждую мѣрку убитой саранчи, и тѣмъ спасъ жатву поселянъ и доходы правительства.

Для ремонта своей кавалеріи онъ прибѣгнулъ къ способу весьма экономическому, основанному на нравахъ и обычаяхъ Арабскихъ племенъ. У Арабовъ почти никогда породистая жеребная кобыла не принадлежитъ одному хозяину сполна; но двумъ, тремъ, десятерымъ, иногда и цѣлому кочевью въ совокупности. На этомъ основаніи можно за небольшую плату купить ту долю съ которою сопряжено такъ называемое право мундштука, и ею пользоваться сполна, дѣлясь только доходомъ отъ приплода съ товарищами во владѣніи, по расчету паевъ. Система эта съ перваго взгляда покажется

два дня. По этому расчету видно что въ одномъ Дамаскомъ пашалыкѣ земледѣліе выиграло около 700,000 рабочихъ дней.

*) Всѣ эти успѣхи земледѣлія рушились съ паденіемъ Египетскаго правленія въ Сиріи. Въ Гауранѣ обработывается теперь не болѣе 2,000 федцановъ. Въ Антіохійской мызѣ Ибрагима считалось болѣе 12 т. рогатаго скота и верблюдовъ; все это расхищено въ 1840 году. Между Алепомъ и Дамаскомъ нѣтъ уже и слѣдовъ поселеній основанныхъ заботами Ибрагима. Въ одномъ Дамаскомъ пашалыкѣ 70 деревень опустѣло, и казна лишилась около полумилліона рублей одной поземельной подати.

самою запутанною; но имѣетъ цѣлый уставъ подробныхъ, точныхъ правилъ, основанныхъ на обычаѣ и имѣющихъ силу закона во всемъ Арабскомъ мірѣ. Она замѣняетъ взаимное застрахованіе имущества въ племенахъ лишенныхъ поземельной собственности, и предохраняетъ Бедуина отъ разоренія, въ случаѣ падежа дорогой кобылы, которая составляетъ главное богатство въ кочевьѣ. Вмѣсто того чтобы содержать конные заводы или покупать ремонтъ дорогою цѣною, Ибрагимъ пріобрѣлъ у поселянъ, или взялъ въ счетъ недоимокъ, половины нѣсколькихъ тысячь кобылъ, которыя оставались у прежнихъ владѣльцевъ, и получалъ ежегодно отъ приплода значительное количество жеребцовъ для своей кавалеріи за самую умѣренную плату.

При этомъ устройствѣ правительственной и хозяйственной системы доходы Сиріи составили около семидесяти милліоновъ піастровъ (4,000,000 р. сер.). Неболѣе четверти этой суммы расходовалось на гражданское управленіе. Но содержаніе огромной арміи, политическія тревоги края, опасность со стороны Султана, строеніе крѣпостей и казармъ — поглощали весь остальной доходъ, и сверхъ того требовалось еще отъ 30 до 40 милліоновъ піастровъ ежегодно изъ Египетской казны Мехметъ-Алія на прикрытіе расходовъ причиненныхъ ему обладаніемъ Сиріи.

Къ важнѣйшимъ гражданскимъ нововведеніямъ Египетскаго правленія въ Сиріи должно отнести учрежденіе карантиновъ и почты.

Египетъ искони почитается отечествомъ чумы и постояннымъ ея гнѣздомъ. Новѣйшія ученыя изысканія по этому предмету не позволяютъ намъ выражать никакого положительнаго о томъ мнѣнія. Мехметъ-Алію принадлежитъ первая мысль карантинной системы на Востокѣ. На Востокѣ всѣ преобразованія были цѣною

упорной борьбы деспотизма съ народными предразсудками политическими или религіозными. Мехметъ-Али, заблаговременно истребивши Мамлуковъ, этихъ Янычаръ Египта, могъ дѣйствовать здѣсь несравненно рѣшительнѣе Султана, котораго самодержавіе, вмѣсто опоры, находило чаще препону въ присвоенныхъ ему правахъ духовнаго главы Ислама предъ духовною іерархіею имперіи. Между тѣмъ какъ Мехметъ-Али въ своемъ далекомъ Пашалыкѣ самоуправно и безотчетно вводилъ самыя смѣлыя новизны, Султанъ былъ обязанъ богословскими тонкостями оправдывать и освящать всякое дѣйствіе, всякую мѣру, отъ которыхъ зависила участь имперіи и царственной династіи среди политическихъ кризисовъ. Въ эпоху первыхъ преобразованій Махмуда, одна попытка къ введенію карантиновъ произвела-бы общій бунтъ въ имперіи, или по крайней мѣрѣ навлекла-бы на Султана упрекъ въ отступленіи отъ основныхъ законовъ Ислама, и набросила-бы пятно ереси на всѣ его гражданскіе подвиги. Правительство должно было заботиться болѣе о впечатлѣніяхъ своего народа чѣмъ о толкахъ внѣшняго міра. Въ Европѣ могли упрекать Султана и его народъ въ закоренѣломъ ослѣпленіи, съ которымъ Востокъ осуждаетъ себя постояннымъ опустошеніямъ чумной заразы. Но тамъ забывали ученые и богословскіе возгласы Парижскаго факультета и Сорбонны противу прививанія натуральной оспы, когда Леди Монтегю совѣтовала Западному міру воспользоваться этимъ великимъ открытіемъ, которое искони было знакомо Восточнымъ народамъ. Это было не далѣе какъ въ первой половинѣ ученаго и предпріимчиваго XVIII вѣка. Когда впослѣдствіи новое открытіе доставило человѣчеству болѣе удобное средство предосторожности отъ оспы, сколько усилій потребовалось со стороны правительствъ чтобы распространить прививаніе коровьей оспы!

Карантинное оцѣпленіе Сиріи послужило преимущественно полицейскою мѣрою для отдѣленія этой области отъ остальной Турціи. Подъ предлогомъ карантинныхъ предосторожностей товары и пассажиры неиначе могли проникнуть въ Сирію какъ подъ надзоромъ мѣстныхъ властей, даже тогда когда остальная Турція была свободна отъ заразы, и когда зараза свирѣпствовала въ самой Сиріи. Европейскіе медики въ службѣ Мехметъ-Алія оправдывали эту мѣру тою произвольною гипотезою, что мѣстная зараза усугубляетъ свою силу примѣсью внѣшней заразы, и увѣряли будто не изъ Египта и Сиріи чума распространялась на сѣверъ, но напротивъ она эндемически таилась въ Константинополѣ и въ Эрзрумѣ, откуда проникала въ югъ. Всякій разъ когда обстоятельства края того требовали, мѣстныя власти, подъ предлогомъ опасности отъ чумы, прекращали сообщенія съ Турціею, откуда гроза султанскаго гнѣва на Мехметъ-Алія обнадеживала племена Сирійскія въ послѣдовательныхъ ихъ возстаніяхъ.

Учрежденіе почты въ Сиріи должно равномѣрно отнести къ системѣ военной защиты края и внутренней централизаціи правительственной власти. Сообщеніямъ частныхъ лицъ и торговлѣ Египетское правленіе доставило безопасность, такъ что купцы и путешественники, которые прежде должны были ожидать надежнаго каравана, или брать съ собою конвой для переѣзда изъ города въ городъ, могли теперь объѣзжать свободно всю Сирію. Купцы, по примѣру правительства, учредили также свои почты отъ Алепа до Іерусалима. Почты правительства служили только для взаимнаго сообщенія гражданскихъ и военныхъ начальствъ, а частныхъ писемъ не принимали. Въ странѣ гдѣ армія постоянно оставалась на военномъ положеніи, то для укрощенія бунтовъ, то для сбора оружія, то для рекрутскихъ

наборовъ, быстрота и вѣрность сообщеній были необходимымъ условіемъ бдительности со стороны правительства. Почты эти были отлично устроены какъ по всѣмъ внутреннимъ направленіямъ такъ и по Суэйцской пустынѣ для сообщеній съ Египтомъ. По Сиріи гонцы скакали отъ станціи до станціи на породистыхъ жеребцахъ, а пустыню переѣзжали на верблюдахъ пріученныхъ къ неимовѣрно быстрой рыси, которыхъ Арабы называютъ хеджинами *).

Съ нѣкоторыхъ лѣтъ Турецкое правительство учредило въ Сиріи, какъ и по всему пространству имперіи, регулярныя почты для сообщеній правительства и частныхъ лицъ, въ замѣнъ прежнихъ *Татаръ* или гонцевъ, которые въ чрезвычайныхъ случаяхъ наряжались съ повелѣніями Порты или съ докладами пашей.

---

*) Никакая лошадь не перегонитъ этихъ верблюдовъ на долгой скачкѣ. Лошадь опередитъ хеджина на 20 первыхъ верстахъ; за тѣмъ неминуемо отстанетъ, особенно если она сперва понеслась въ галопъ. Хеджинъ уже послѣ первыхъ 15 или 20 верстъ несется во всю рысь, и можетъ идти полною рысью болѣе 80 вер. Хорошо выѣзженный хеджинъ цѣнится весьма дорого. Ошибочно полагаютъ въ Европѣ, что хеджины составляютъ особенную породу; они тѣже верблюды, но выбираются обыкновенно малорослые, здоровые и сколько возможно тощіе.

ГЛАВА VIII.

РЕКРУТСТВО ВЪ СИРІИ. — БУНТЫ ІУДЕИ И САМАРІИ. — ОТОБРАНІЕ ОРУЖІЯ. — БУНТЫ ДРУЗОВЪ И ВОЙНА ВЪ ЛЕДЖЪ. — ПОДВИГИ ШИБЛИ-АРІАНА. — ПОКОРЕНІЕ ДРУЗОВЪ. — ВЛІЯНІЕ РЕКРУТСКИХЪ НАБОРОВЪ. — ЛЬГОТЫ ДАРОВАННЫЯ ХРИСТІАНАМЪ. — БЛАГІЯ И ВРЕДНЫЯ ПОСЛѢДСТВІЯ ВѢРОТЕРПИМОСТИ. — СОБЛАЗНИТЕЛЬНОЕ ВОЛЬНОДУМСТВО ИБРАГИМА. — УСИЛЕНІЕ ЕГИПЕТСКОЙ АРМІИ ВЪ СИРІИ. — УКРѢПЛЕНІЕ АККИ И КОЛЕКЪ-БОГАЗА. — ИСТОРИЧЕСКІЙ ПРЕДРАЗСУДОКЪ ОБЪ АККѢ.

Преобразованія, очевидно клонившіяся къ гражданскому устройству края и къ пользамъ его жителей, столько же какъ и къ выгодамъ правительства, не могли совершиться въ этой анархической странѣ безъ мѣръ насильственныхъ. Уже съ перваго года Египетскаго владычества они порождали ропотъ въ народѣ, предпочитающемъ даже злоупотребленіе освященное навыкомъ старины всякому нововведенію. Между тѣмъ правительство, принужденное содержать въ Сиріи огромную армію, предписывало рекрутскіе наборы со всего мухаметанскаго народонаселенія. *) При этомъ ненавист-

*) Подъ именемъ Мухаметанъ разумѣются всѣ племена вѣрующія въ Мухамета. Наименованіе мусульманъ, или правовѣрныхъ, присвоено однимъ послѣдователямъ владычествующаго въ Турціи вѣроисповѣданія суннитовъ. Мотуали (именуемые въ нашихъ магометанскихъ владѣніяхъ Шія), Друзы, Ансаріи и различныя секты Кюрдовъ именуются мухаметанами, но не мусульманами.

номъ для азіятцевъ нововведеніи тѣ самыя племена, которыя такъ обрадовались знаменамъ Ибрагима, при первомъ ихъ появленіи, прибѣгли къ оружію. Іудейскія горы запылали бунтомъ. Два Египетскіе баталіона были побиты камнями въ ущельяхъ. Самаго Ибрагима осадили возмутившіеся феллахи въ Іерусалимѣ. Извѣстіе объ этомъ встревожило Мехметъ-Алія, который съ флотомъ и съ десантнымъ войскомъ поспѣшилъ въ Яффу, чтобы выручить сына. Наконецъ бунтъ былъ укрощенъ силою и коварствомъ, и наступила пора безпощадныхъ казней. Тоже вскорѣ за тѣмъ повторилось и въ Самаріи, въ горахъ Наплузскихъ. Всѣ эти горскія племена были обезоружены, послѣ отчаяннаго сопротивленія, а за тѣмъ по произволу побѣдителя представили нѣсколько тысячь рекрутовъ, которые обыкновенно направлялись въ Египетъ, въ замѣнъ рекрутовъ высылаемыхъ оттуда въ Сирійскую армію. Такимъ образомъ предупреждались побѣги и тамъ и здѣсь; но тѣмъ еще ненавистнѣе становилась эта мѣра для Сирійскихъ жителей, питающихъ любовь къ родинѣ, свойственную всѣмъ горскимъ племенамъ. Упорствуя въ своей системѣ, которая сверхъ отличныхъ рекрутовъ доставляла еще ту неоцѣненную выгоду, что горцы Сирійскіе слабѣли и дѣлались покорнѣе, по мѣрѣ того какъ цвѣтъ народонаселенія былъ отбираемъ въ строевую службу, Египетское правленіе отказалось отъ всякой надежды на сочувстія Сирійскихъ племенъ, и рѣшилось дѣйствовать на нихъ однимъ страхомъ. Въ предупрежденіе новыхъ возмущеній было повелѣно всюду отбирать оружіе у горцевъ, у жителей равнинъ и въ горахъ. Правительство составляло по своимъ соображеніямъ смѣты о количествѣ оружія, которое находилось въ каждомъ племени, въ каждомъ городѣ и округѣ. Количество это требовалось безусловно, безъ

всякаго снисхожденія ни на просьбы ни на поручительства. Предоставлялось жителямъ купить или какими бы то ни было средствами достать требуемое количество оружія, а за неявку подвергались они жесточайшимъ тѣлеснымъ наказаніямъ и каторжной работѣ въ Аккѣ.

Отобраніе оружія и рекрутскіе наборы — это были два постоянныя страшилища въ Сиріи во все время Египетскаго владычества. Племена разрозненныя по своимъ преданіямъ, по взаимнымъ наслѣдственнымъ враждамъ, по самому образованію почвы, и по вліянію дѣйствій правительства, бунтовались одно за другимъ, дрались съ отчаяніемъ, но никогда не могли дѣйствовать за-одно. Вслѣдъ за каждымъ возстаніемъ правительство усугубляло свои строгости и вселяло новый страхъ. Изъ всѣхъ этихъ возстаній самое упорное и самое кровопролитное было возстаніе Друзовъ въ исходѣ 1837 года. Друзы Ливана и Антиливана должны были рекрутскою повинностію искупить честь сомнительнаго своего вѣрованія въ Мухамета. Уже въ 1833 году, въ первую попытку рекрутскаго набора, около двухъ тысячь Друзовъ были захвачены силою или обманомъ, и много оружія было отобрано въ залогъ новаго набора. Друзамъ Гауранскимъ была дарована пятилѣтняя льгота отъ этой повинности, по малочисленности ихъ, по запустѣнію прекрасной ихъ страны, которая могла-бы служить житницею Сиріи и кочевыхъ племенъ пустыни при надлежащемъ воздѣлываніи. Даже оружіе не было у нихъ отобрано; безъ оружія они были-бы предоставлены произволу хищныхъ сосѣдей Бедуиновъ. Съ 1837-мъ годомъ исходилъ льготный срокъ. Правительство требовало отъ Гауранскихъ Друзовъ 72 рекрутовъ. Ихъ престарѣлый шейхъ *Антешъ* былъ призванъ въ Дамаскъ. Вотще ходатайствовалъ онъ

отъ имени народа о продлитіи льготы. Уніатъ Бахри-бей, о вліяніи котораго мы уже упоминали, по видамъ мелочной корысти, убѣдилъ пашу остаться непреклоннымъ, а свита паши нагло оскорбила стараго Антеша. Шейхъ замыслилъ дорого отомстить Египтянамъ обиду нанесенную его бородѣ. Онъ объявилъ свою готовность содѣйствовать правительству для набора рекрутовъ; но требовалъ для этаго какъ можно болѣе военной команды. Четыреста человѣкъ нерегулярной конницы были наряжены съ нимъ въ Гауранъ; ихъ радушно тамъ приняли и угостили, а на первомъ ночлегѣ перерѣзали всѣхъ. Спасся одинъ начальникъ отряда, который услышавши во снѣ стоны умирающихъ, успѣлъ убѣжать въ окно, и дать извѣстіе въ Дамаскъ о происшедшемъ. За тѣмъ Друзы Гауранскіе стали стекаться въ недоступный округъ *Леджа*.

На луговомъ Гауранѣ, въ обширной равнинѣ опоясанной Антиливанскимъ хребтомъ, сѣверными отраслями за-іорданской горы Аджелуна и гористымъ Гаураномъ, есть плоская возвышенность, отвѣсная со всѣхъ сторонъ, и представляющая фигуру неправильнаго полигона, котораго периметръ въ полтораста верстъ протяженія, будто крѣпостная стѣна, сажень въ десять вышиною, вертикально врѣзается въ почву. Мѣстами встрѣчаются узкіе проломы, откуда можно проникнуть во внутрь заколдованнаго округа. Базальтъ, изъ котораго составлена вся эта масса, являетъ свѣжіе слѣды волканическаго своего образованія, будто недавно еще остыло дѣйствіе подземнаго огня, ее породившаго. При охлажденіи своемъ она растреснулась по всѣмъ направленіямъ безчисленными рвами и щелинами, взаимно пересѣкающимися и образующими точно улицы стариннаго германскаго города, промежъ ромбоидовъ и трапецій и каменистыхъ отвѣсныхъ зданій самыхъ фантастическихъ

формъ. Этотъ лабиринтъ утесовъ и ущелій, таинственныхъ подземныхъ ходовъ и недосягаемыхъ пещеръ, эти колоссальные обломки потухшаго волкана, скудно напыленные кое-гдѣ растительною землею и поросшіе побочнымъ прозябеніемъ, очевидно служили искони, въ цвѣтущій вѣкъ Сиріи, завѣтнымъ убѣжищемъ вольнаго-ли племени спасавшагося отъ владычества Селевкидовъ и Римлянъ, или шаекъ разбойничьихъ, какъ и понынѣ обрѣтающихъ здѣсь недоступное гнѣздо отъ всякихъ преслѣдованій. Онъ имѣетъ свою древнюю систему внутренней защиты. На плоскихъ вершинахъ утесовъ, заслоняющихъ отовсюду горизонтъ, построены по направленію продольныхъ щелинъ ряды башень, вышиною въ пять или шесть сажень, имѣющихъ форму усѣченныхъ конусовъ, съ терассы которыхъ можно наблюдать вдоль внутреннихъ проходовъ, и мгновенно сообщать извѣстіе сигналами по всему округу. Мѣстами построены шанцы по протяженію самыхъ рвовъ и щелинъ на нѣсколько верстъ длины. Воды нѣтъ по всему этому пространству, за исключеніемъ одного источника, подъ скалою Агиръ въ южной сторонѣ округа; а вдоль восточной стороны, неподалеку отъ базальтической ограды, течетъ въ дождливые мѣсяцы зимы потокъ *Вади-Ловъ*, откуда въ ту пору наполняются пруды, тщательно изсѣченные въ камнѣ за оградою скалъ.

Округъ этотъ именуется Леджа; въ немъ жителей нѣтъ; нѣтъ даже дикихъ звѣрей въ его пещерахъ; развѣ ящерица ползаетъ по раскаленному базальту, развѣ орелъ совьетъ гнѣздо на недоступномъ утесѣ, чтобы издалека приносить пищу своимъ птенцамъ; ибо базальтическая Леджа такой-же *мертвый округъ,* какъ и Мертвое Море съ его тяжелымъ асфальтическимъ растворомъ — оба отверженцы всякой жизни, порожденные вѣроятно въ одну эпоху, въ тотъ же возрастъ міозданія, и тѣми

же дѣятелями. Только порою заходятъ въ Леджу небольшія кочевья Бедуиновъ, и пасутъ своихъ козъ въ дикомъ прозябеніи, которымъ зимные дожди скудно надѣляютъ подошву скалъ и внутреннія ущелія. Порою укрываются сюда Друзы сосѣдняго Гаурана отъ мщенія-ли врага, или отъ преслѣдованій правительства за разбой, за бунты, за неуплату податей. Имъ однимъ, по особеннымъ примѣтамъ на скалахъ, извѣстны потаенные пути этаго лабиринта.

Сюда-то стали сходиться Друзы по умерщвленіи наѣздниковъ Египетскихъ въ Гауранѣ. Шейхъ Антешъ первый поднялъ знамя бунта; къ нему присоединились два другіе шейхи недовольные Египетскимъ правленіемъ, Бедуинъ *Яйа-Хамданъ*, и молодой Шейхъ *Шибли-Аріанъ* изъ племени Антиливанскихъ Друзовъ. Шерифъ-паша Дамаскій выслалъ сперва два пѣхотные полка для усмиренія бунта. Войско, не встрѣчая нигдѣ непріятеля, проникло въ ущелія. Здѣсь не было никакой возможности соблюдать предостерегательныя мѣры въ движеніи колоннъ. Непріятель могъ слѣдовать параллельно съ ними, въ тридцати саженяхъ разстоянія, на протяженіи многихъ верстъ, и ни по какимъ признакамъ нельзя было о томъ подозрѣвать. Порою одинокій Друзъ показывался на краю отвѣсной скалы, или на вершинѣ башни, озирая глубину ущелія, и вскорѣ исчезалъ. Когда же такимъ образомъ Египтяне были вовлечены далеко во внутрь извилистыхъ ущелій, Друзы невидимками съ окрестныхъ высотъ стали побивать каменьями неосторожныхъ гостей, и открыли убійственный огонь изъ-за шанцевъ. Человѣкъ сорокъ спаслись изъ четырехъ тысячь Египтянъ, и дали вѣсть въ Дамаскъ о совершенной погибели отряда. Ибрагимъ выступилъ самъ въ походъ съ двадцатитысячнымъ корпусомъ. Война эта была самая упорная и самая кровопролитная, какую только видѣлъ этотъ край. Число

Друзовъ засѣвшихъ въ Леджѣ изъ Гаурана, Антиливана и Ливана едва-ли простиралось до 2500 человѣкъ; но всѣ окрестныя племена встрепенулись, и только присутствіе арміи, постепенно усиленной до 35,000, удерживало ихъ въ сомнительномъ повиновеніи. Ибрагимъ дважды проникалъ самъ въ ущелія по разнымъ направленіямъ вдругъ съ сильными колоннами. Одна изъ его колоннъ была совершенно истреблена. Нѣсколько солдатъ оглушенные отъ ранъ были оставленны за-мертво на скалахъ. Отъ нихъ узналъ Ибрагимъ какимъ образомъ Друзы терзали плѣнныхъ и рвали въ куски одного изъ Египетскихъ генераловъ, Измаилъ-пашу, захваченнаго живьемъ среди побіенія отряда. Война длилась. По повелѣнію Мехметъ-Алія Мустафа-паша Губернаторъ Кандіи поспѣлъ въ Сирію, въ подмогу Ибрагиму, съ двумя пѣхотными полками и тремя тысячами Албанцевъ. Одни Албанцы, воспитанные въ партизанской войнѣ въ Румеліи, были способны бороться съ Друзами; но одолѣть ихъ внутри Леджи не могли. Ибрагимъ рѣшился обложить этотъ округъ со всѣхъ сторонъ, и выморить бунтовщиковъ голодомъ. И это не удавалось. Легкіе отряды Друзовъ, одѣтыхъ въ мундиры побитыхъ ими Египтянъ, ходили строемъ, обманывали всю бдительность арміи, и захватывали ея провіантъ. Ибрагимъ прибѣгнулъ тогда къ другому средству: въ одной изъ своихъ экспедицій внутри опаснаго округа, онъ каменьями и пороховыми взрывами затопталъ единственный источникъ живой воды во всемъ округѣ, а за тѣмъ, подвинувшись подъ прикрытіемъ сильной артиллеріи къ берегу водоемовъ, завалилъ ихъ трупами людей и лошадей. Это было въ жаркую лѣтнюю пору (1838 г.) Вода, которою были наполнены водоемы еще отъ зимы, пришла въ гніеніе; но Друзы, отстрѣливаясь съ другаго берега, продолжали утолять свою жажду и не за-

ботились о вкусѣ. Ибрагимъ нашелъ средство отравить воду, бросивши туда нѣсколько кувшиновъ самаго сильнаго меркуріальнаго яду (sublimé corrosif). Друзы были объяты ужасомъ когда увидѣли внезапную смерть тѣхъ, которые еще продолжали пить изъ прудовъ. Жажда заставила Друзовъ выступить изъ Леджи. Храбрый Шибли-Аріанъ съ тысячью Друзами бросился въ свой родной Антиливанъ, и продолжалъ партизанскую войну у подошвъ горы *Джебель-шейхъ*. Онъ былъ разбитъ и принужденъ укрыться опять въ Леджу. Рыцарскіе подвиги этаго шейха во все продолженіе войны, смѣлость и быстрота его движеній, дѣлали его страшилищемъ Египтянъ, которые приписывали ему сверхъестественныя средства. Самъ Ибрагимъ былъ проникнутъ удивленіемъ. Чтобы разсѣять суевѣрные слухи, которые носились о немъ въ оробѣвшемъ войскѣ, и въ тоже время чтобы внушить шейху довѣренность къ Ибрагиму, приказомъ по арміи было запрещено всякое покушеніе на жизнь храбраго врага, а обѣщалась великая награда тому, кто представитъ его живымъ. Этимъ Ибрагимъ достигъ своей цѣли. Друзы изнемогали. Приласканный шейхъ явился однажды въ Египетскій лагерь самъ, неузнанный, никѣмъ не примѣченный, безъ всякихъ условій, и представился Ибрагиму, требуя награды обѣщанной тому кто его представитъ. Ибрагимъ щедро одарилъ его, и принялъ въ свою службу, не въ строевую, которой ужасались Друзы, но начальникомъ партіи нерегулярныхъ всадниковъ.

Этимъ кончились кровопролитія. Друзы покорились; но Ибрагимъ наученный опытомъ какъ опасны жестокія мѣры противу горцевъ, довольствовался небольшимъ числомъ рекрутовъ, будто въ залогъ повиновенія этаго племени. Гауранская война продолжалась восемь мѣсяцевъ; въ ней погибли 15,000 регулярнаго войска,

одинъ паша, четыре бригадныхъ генерала,*) шестьнадцать полковыхъ и баталіонныхъ командировъ. Такими-то жертвованіями искупались нововведенія Египетскаго правленія въ Сиріи.

Городское народонаселеніе не могло ни защититься ни укрыться отъ насильственныхъ рекрутскихъ наборовъ. Правда, религіозныя понятія мусульманъ о неприкосновенности харемовъ обезпечивали вѣрное убѣжище среди женъ всѣмъ тѣмъ, кому угрожала опасность быть захваченнымъ въ рекруты. Ибрагимъ уважилъ харемы, но не уважилъ мечетей. По временамъ онъ позволялъ богатымъ родителямъ вмѣсто дѣтей представить другихъ, которые за значительную сумму отдавали себя въ рекруты. Порою онъ возвращалъ осиротѣлымъ семьямъ одного изъ братьевъ, если два или три брата бывали вмѣстѣ захвачены; но никакія просьбы, никакія денежныя пожертвованія не были уважаемы. За то ничѣмъ Египетское правленіе не внушило болѣе страха въ народѣ и болѣе ненависти ко всѣмъ преобразованіямъ, благодѣтельнымъ для края во многихъ отношеніяхъ, но искупаемымъ слишкомъ тяжкою и безусловною повинностію крови. При томъ же Сирія, узкая полоса населенной земли, между пустынею и моремъ, прорѣзанная по всѣмъ направленіямъ горными хребтами, представляетъ великія удобства для побѣга, особенно туземцамъ знакомымъ съ тайными проходами и тропинками. Нетолько рекруты бѣжали, но тысячи людей заблаговременно спасались отъ рекрутства въ пустыню къ Бедуинамъ, въ Діарбекиръ, въ Анатолію, на островъ Кипръ. Между тѣмъ правительство, чтобы заставить жителей и общества наблюдать однихъ за другими,

---

*) Въ Египетской службѣ титулъ паши присвоенъ Генералъ-Лейтенантамъ; въ Турецкой всѣмъ Генераламъ безъ различія.

ввело въ систему налоговъ круговую поруку, взыскивая подати и недоимки бѣжавшихъ съ общества, къ которому они были приписаны, и раскладывая налоги опустѣвшей деревни на цѣлый округъ. Бѣгство множества Сирійскихъ жителей подъ Египетскимъ правленіемъ тѣмъ болѣе выказываетъ ненависть народа къ этому правленію, что Арабское осѣдлое племя несравненно болѣе Турецкаго привязано къ родной почвѣ. Между тѣмъ какъ житель Румеліи безпокойно спускается съ своихъ горъ, чтобы оружіемъ или промышленностію искать фортуны по всѣмъ концамъ знакомаго ему міра, рѣдко найдете Сирійца внѣ его предѣловъ. Даже въ столицѣ имперіи, куда стекается ежегодно по давнему навыку много народа изъ далекихъ областей, почти не найдете Сирійцевъ, за исключеніемъ небольшаго числа Алепскихъ купцовъ.

Болѣе 100,000 Сирійскихъ жителей бѣжали отъ строгостей Египетскаго правленія. Эта убыль народонаселенія была несравненно чувствительнѣе для земледѣлія и промышленности чѣмъ самое рекрутство. При всѣхъ своихъ строгостяхъ Ибрагимъ въ продолженіе пяти лѣтъ (1833—1838 г.) забралъ въ Сиріи неболѣе 35,000 рекрутовъ. Повинность эта лежала на одномъ магометанскомъ народонаселеніи, которое въ совокупности составляетъ около 900,000 душъ обоего пола. И такъ наборы сдѣланные Ибрагимомъ представляютъ въ общности ежегодную пропорцію $^{7}/_{900}$. Какъ ни тягостна для народа эта пропорція, особенно когда спасалась бѣгствомъ половина тѣхъ людей, которымъ по ихъ возрасту угрожало рекрутство, она становилась еще тягостнѣе по всегдашней тревогѣ, въ которой находились жители отъ неизвѣстности эпохи наборовъ, отъ насилій, и отъ отсутствія всякаго правила или системы при наборахъ. Мѣстныя начальства военныя

и гражданскія получали секретное повелѣніе представить столько-то способныхъ рекрутовъ. Имъ предоставлялось улучить минуту и средства чтобы уловить въ базарахъ, или въ мечетяхъ, или среди полевыхъ работъ, требуемое число людей. По пятницамъ, когда народъ собирался въ мечети, отряды войскъ обступали мечеть, и выпускали оттуда однихъ стариковъ и малолѣтнихъ, забравши всѣхъ людей годныхъ въ строевую службу. Во всякомъ движеніи войскъ жители привыкли видѣть угрозу новаго набора; деревни пустѣли, базары закрывались, все пребывало въ трепетномъ ожиданіи. Магометане завидовали участи Христіанъ и Евреевъ, для которыхъ отчужденіе отъ службы подъ знаменами правовѣрныхъ, вмѣсто уничиженія, становилось дорогимъ преимуществомъ. Несчастные мусульмане жители городовъ были до того унижены въ самомъ религіозномъ ихъ чувствѣ, что люди благороднаго званія записывались въ *кавасы*, въ служители, въ конюхи у европейскихъ консуловъ, даже у ихъ агентовъ и драгомановъ изъ подданныхъ Султана, изъ *презрѣнныхъ раіевъ*, чтобы, въ силу трактатовъ обезпечивающихъ неприкосновенность людей въ службѣ консульскихъ домовъ, избѣгнуть строевой службы.

Въ этомъ отношеніи покрайней мѣрѣ безпощадная строгость Ибрагима была спасительна для христіанъ. Она всего болѣе укротила грубый фанатизмъ мусульманъ, упитанный вѣковою анархіею Сиріи, и переходящій изъ поколѣнія въ поколѣніе со времени кровавыхъ споровъ за Святую землю съ крестоносцами Запада. Ибрагимъ заблаговременно постигъ, что религіозный фанатизмъ Сирійскихъ мусульманъ, замѣняя въ нихъ, какъ и во всѣхъ азіятскихъ племенахъ, чувство народности, развиваетъ анархическія ихъ наклонности. Мы видѣли предписаніе данное Ибрагимомъ изъ подъ

Акки всѣмъ властямъ Палестины въ пользу поклонниковъ и святынь христіанскихъ. Предписаніе это было программою политики Ибрагима относительно Сирійскихъ христіанъ, программою основанною не только на правосудіи но и на общественной пользѣ и на хозяйственномъ разсчетѣ. Льготы дарованныя христіанамъ придали новую жизнь земледѣлію, торговлѣ и промышленности въ періодъ Египетскаго владычества. Дотолѣ христіанское народонаселеніе служило игралищемъ Турецкихъ пашей, ихъ фанатизма и ихъ корысти. На христіанъ они изливали свой гнѣвъ, когда бушевали магометанскія племена. Ихъ облагали пенями, когда нуждались въ деньгахъ. Презрѣніемъ къ нимъ или гоненіями на нихъ старались паши заслужить любовь и довѣріе своихъ мусульманъ. Усердіе къ Исламу всегда выражается ненавистію къ другимъ вѣроисповѣданіямъ. Христіанское народонаселеніе отдохнуло и оправилось нѣсколько отъ вѣковыхъ своихъ испытаній въ кратковременный періодъ Египетскаго владычества.

Дѣло неслыханное въ оттоманской имперіи: христіанамъ была предоставлена свобода вездѣ обновлять свои храмы и монастыри и даже строить новые, не покупая ни свидѣтельства мусульманскаго суда (Иламъ) въ необходимости починокъ и построекъ, ни соизволенія мѣстныхъ властей, ни содѣйствія лицъ управляющихъ умами правовѣрной черни. Въ святыняхъ Палестинскихъ, принадлежащихъ совокупно двумъ или тремъ исповѣданіямъ, это право починокъ и построекъ подвержено законнымъ ограниченіямъ мусульманскаго духовнаго судопроизводства для обезпеченія правъ присвоенныхъ каждому изъ вѣроисповѣданій. Но когда уже эти тяжбы между самими христіанами, проистекающія отъ смежности поклоненій или отъ совокупности или отъ противоположности правъ, слишкомъ нео-

предѣлительныхъ по самому существу своему, когда эти неизбѣжныя тяжбы получали законное рѣшеніе въ *Мехкеме*, каждое изъ вѣроисповѣданій продолжало пользоваться предоставленнымъ ему правомъ, не покупая уже соизволенія пашей на исполненіе духовнаго приговора магометанскаго суда, какъ это водилось прежде.

Уничиженіе христіанъ, основанное на коренныхъ законахъ турецкой имперіи, простирается до того, что ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть принято свидѣтельство Христіянина противу Магометанина, даже Епископа или примата христіанина противу послѣдняго бродяги мусульманина *). Ученые юрисконсульты, которыхъ рѣшенія служатъ авторитетомъ въ магометанскомъ судопроизводствѣ, логическими доводами изъ Корана постановили цѣлый рядъ оскорбленій преслѣдующихъ христіанина въ частной семейной жизни. Ему запрещено ѣздить на конѣ, носить одежду яркаго цвѣта и проч. и проч. Капризъ правовѣрной черни во всякой мѣстности добавилъ еще какое нибудь оскорбленіе, которое обратилось въ обычай и имѣетъ силу закона. Въ Триполи, напримѣръ, не позволяется христіанамъ нести на рукахъ тѣла умершихъ. Они должны вьючить тѣло на осла, и терпѣть на дорогѣ къ кладбищу поруганія правовѣрной черни.

Ибрагимъ не былъ вправѣ коснуться духовнаго закона Имперіи; по крайней мѣрѣ облегчилъ онъ участь христіанъ воспрещеніемъ тѣхъ оскорбленій которыя не постановлены закономъ. Гражданскимъ властямъ было приказано избѣгать по возможности разбирательства въ *Мехкеме* спорныхъ дѣлъ между христіанами и магоме-

---

*) Это постановлено Халифомъ Омаромъ II. Столь чудовищный законъ существуетъ и доселѣ во всей силѣ, не смотря на всѣ преобразованія Махмуда и на увѣренія нынѣшняго правительства Турціи, будто подданные всѣхъ исповѣданій пользуются равными правами.

танами, и соблюдать правосудіе къ подданнымъ безъ различія вѣроисповѣданій. Воспрещеніе яркихъ цвѣтовъ платья и ѣзды на конѣ безъ сомнѣнія не столь обидны для народа какъ законъ о свидѣтельствѣ. Но подобныя воспрещенія служатъ выраженіемъ постоянной обиды, пятномъ отверженія на цѣломъ народѣ, и тѣмъ самимъ питаютъ въ мусульманахъ обычную ихъ спѣсь. Ибрагимъ приказалъ христіанамъ надѣть бѣлыя чалмы и любое платье и разъѣзжать верхомъ въ самомъ Дамаскѣ, въ этомъ святомъ градѣ Ислама, гдѣ ежегодное стеченіе поклонниковъ идущихъ въ Мекку возжигаетъ періодически фанатизмъ въ правовѣрной черни, въ толпѣ нагихъ дервишей и изорванныхъ *сеидовъ*, потомковъ Магометовыхъ, — этаго многочисленнаго и пестраго народонаселенія базаровъ Дамаскихъ. Въ такомъ нововведеніи толпа видѣла оскверненіе завѣтныхъ правъ *Святаго града Дамаска, преддверія Кеабы и сада райскаго* *). Но первый дервишь, который въ изступленіи гнѣва бросилъ грязь и проклятія на голову христіанина одѣтую въ бѣлую чалму, получилъ по повелѣнію Ибрагима сто ударовъ плетію по пятамъ, и чернь утихла. Улемы и законники Дамаскіе, оскорбленные не менѣе черни бѣлою чалмою христіанъ, осмѣлились спросить у Ибрагима, какимъ образомъ отличать теперь правовѣрнаго отъ гяура, чтобы не согрѣшить по невѣденію завѣтнымъ привѣтствіемъ *алейкюмъ селямъ* «миръ съ вами,» которое по закону не подобаетъ гяурамъ? Ибрагимъ, который мало заботился объ этихъ богословскихъ тонкостяхъ, но основательнѣе улемовъ

---

*) Шамъ-эль-Шерифъ, бабъ-эль-кеабе, бостанъ-эль-дженне — обыкновенные эпитеты этаго города, которому только въ исторіи и въ литературѣ восточной дается древнее имя *Дамаскъ*, сохраненное въ священномъ писаніи. Въ обыкновенномъ языкѣ Арабы и Турки именуютъ Дамаскъ *Шамомъ*, или *Шамъ-эль-Шерифъ*, а всей Сиріи дается названіе края Дамаскаго — *Беріэтъ-уль-Шамъ*.

зналъ исторію Ислама, отвѣчалъ на отрѣзъ, что первые халифы, проповѣдники закона, сами надѣвали простую черную чалму, вмѣсто тѣхъ причудливыхъ и разноцвѣтныхъ зданій коими красятся теперь головы толкователей закона, и что мусульманина подобаетъ узнавать только въ мечети, христіанина въ церкви, а внѣ мечети, внѣ церкви въ его глазахъ нѣтъ различія между ними.

И улемы и чернь и всѣ сословія были принуждены покориться непреклонной волѣ Ибрагима, котораго снисходительность къ христіанамъ усугубляла общее негодованіе мусульманъ на рекрутство и на налоги. Съ другой стороны мусульмане съ злобою видѣли, что въ службѣ Египетской почести и власть были доступны христіанамъ. Правда, и при Джеззарѣ и при Абдаллахѣ и при другихъ пашахъ бывали сарафы (банкиры), уполномоченные отъ своихъ повелителей для управленія всѣми ихъ дѣлами; но вліяніе этихъ сарафовъ было только вліяніемъ раба, пресмыкавшагося во прахѣ предъ своимъ властелиномъ, осужденнаго переносить самыя грубыя оскорбленія отъ послѣднихъ его слугъ и дѣйствовать только въ потьмахъ. Теперь же при Шерифъ-пашѣ Дамаскомъ первымъ лицемъ по немъ былъ христіанинъ, возвеличенный титломъ Бея, и независимо отъ паши управлявшій хозяйственною частію по всѣмъ Сирійскимъ пашалыкамъ. Новое устройство хозяйственной части, перемѣна системы налоговъ, строгая отчетливость и взысканіе казенныхъ доходовъ — все это становилось еще болѣе ненавистнымъ, именно оттого что орудіемъ служилъ христіанинъ, презрѣнный *рая*, родомъ Сиріецъ.

Вѣротерпимость, эта лучшая и безкорыстнѣйшая черта Египетскаго правленія въ Сиріи, раздражала массу мусульманскаго народонаселенія. Но замѣтимъ, что самая вѣротерпимость Ибрагима помрачалась отъ-

явленнымъ, циническимъ безвѣріемъ. И самъ онъ и Шерифъ-паша и, по ихъ примѣру, всѣ почти высшіе сановники Египетскіе, питая въ душѣ глубокое презрѣніе ко всему Арабскому племени, и попирая его предразсудки, попирали въ тоже время коренные законы Ислама. Ибрагимъ публично въ Дамаскѣ и во всѣхъ городахъ Сиріи упивался шампанскимъ. И здѣсь какъ и въ Константинополѣ суждено кажется вспрыскивать веселою пѣною шампанскаго всѣ эти начинанія новаго политическаго быта. Къ этой страсти присоединялъ Ибрагимъ другіе пороки Турецкихъ пашей, и его оргіи не укрывались отъ народа.... Рѣдко показывался онъ въ мечети; въ часы молитвы онъ не творилъ законныхъ омовеній; предписаннаго пророкомъ поста (рамазана), онъ не соблюдалъ; его окружающіе дѣтски хвалились своимъ вольнодумствомъ; въ войскѣ не было *имамовъ*; безотчетно перенимая французскую военную систему, Мехметъ-Али упускалъ изъ виду различіе элементовъ и чувства народнаго между Французскими и Арабскими племенами. Вмѣсто того чтобы ограничиться мудрымъ укрощеніемъ фанатизма народнаго, паша безполезно оскорбилъ самое религіозное чувство народа. Многимъ Европейскимъ путешественникамъ было позволено въ Іерусалимѣ посѣтить Омарову мечеть, которая почитается вторымъ святилищемъ во Исламѣ послѣ храма Мекки. Ничто не могло произвести болѣе соблазна въ фанатическомъ народонаселеніи Іерусалима. Старые служители Омаровой мечети рыдали надъ этимъ оскверненіемъ, неслыханнымъ дотолѣ въ мусульманскомъ мірѣ, и каждый разъ при посѣщеніи мечети иностранцами мѣстныя власти должны были окружать себя и посѣтителей военною командою, чтобы предупредить порывы фанатизма въ зрителяхъ.

Если Мехметъ-Али и Ибрагимъ этими мѣрами имѣли

въ виду укрощеніе фанатизма Сирійскихъ мусульманъ, если они надѣялись ослабить въ народѣ религіозное чувство, основу политическаго вліянія Султана, и тѣмъ упрочить свое владычество, то они очевидно ошиблись въ своемъ расчетѣ, и достигли результата совершенно противуположнаго. Они призвали на свою голову народную анаѳему, и еще болѣе воспламенили въ Сирійскихъ племенахъ оскорбленное религіозное чувство и преданность Султану. При огромной арміи, которою постоянно была занята Сирія, при страшныхъ казняхъ, настигшихъ Наплузъ, Іудею и Гауранъ, при неусыпной дѣятельности гражданскихъ и военныхъ властей, эти расположенія проявлялись въ народѣ однимъ ропотомъ и уныніемъ; но тѣмъ болѣе ожесточалась народная ненависть, выжидая только минуты общаго взрыва. Такимъ образомъ Ибрагимъ, который въ походѣ своемъ въ Сирію былъ предшествуемъ славою побѣдителя богохульной секты Веххабитовъ, поборника святыхъ мѣстъ Ислама отъ оскверненій раскольническихъ, кого имя покрывалось благословеніями богомоловъ на открытомъ имъ пути изъ Дамаска въ Мекку, успѣлъ въ немногіе годы пребыванія своего въ Сиріи прослыть въ народѣ *гяуромъ*, еретикомъ и бунтовщикомъ противъ законнаго государя и духовнаго главы Ислама. Обиженное религіозное чувство служило отголоскомъ политическихъ страстей, вскормленныхъ вѣковою анархіею. Въ сочувствіи своего униженія племена Сирійскія не могли ласкать себя утопіями объ Арабской самобытности, которыми еще воспламенялись въ то время Западные мечтатели. Никогда съ такимъ остервененіемъ племена эти не боролись противу прежнихъ своихъ пашей. Изнемогая въ борьбѣ, они устремляли взоры къ своему законному государю; ибо они видѣли себя безпрекословно осужденными опекѣ Турецкой, и

ограничивали свои желанія только тѣмъ, чтобы опека эта была снисходительнѣе и небрежнѣе.

Этимъ достаточно поясняется замѣченное уже нами любопытное явленіе контраста народныхъ мнѣній на сѣверѣ и на югѣ отъ Таврическаго хребта, и страннаго сочувствія Малоазійскихъ племенъ къ Мехметъ-Алію, а племенъ Сирійскихъ къ Султану во весь періодъ Египетскаго владычества въ Сиріи. Это послужитъ равномѣрно къ поясненію другаго явленія еще болѣе удивительнаго — этаго быстраго разрушенія Египетской власти при семидесятитысячной арміи Ибрагима въ 1840 году, послѣ побѣды подъ Незибомъ, среди внутренняго кризиса Оттоманской имперіи, предвѣщавшаго повидимому новыя торжества Египетскому пашѣ.

Съ первыхъ годовъ завоеванія Сиріи Мехметъ-Али могъ удостовѣриться въ томъ, что завоеваніе это только матеріальною силою могло упрочиться за нимъ. Вмѣсто сочувствія народнаго, лучшей поруки въ прочности каждаго завоеванія, онъ навлекъ на себя только ненависть покоренныхъ племенъ. Каждое его усиліе къ развитію военной системы было сопряжено съ новыми притѣсненіями; ему оставалось дѣйствовать страхомъ, обычнымъ средствомъ Восточныхъ владыкъ, и поражать воображенія, когда сердца были недоступны ласкѣ. Сирія была покорена двадцатитысячною арміею; можно даже сказать, что только сопротивленіе Абдаллаха за стѣнами Акки, и ошибки осаждавшихъ, и необходимость разрушить чары, которыми владѣтель Аккской твердыни оковывалъ народные умы въ Сиріи, продлили завоеваніе края, и потребовали столь значительныхъ силъ и времени. Безъ Акки, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Ибрагимъ съ десятитысячнымъ войскомъ торжественно-бы понесся до ущелій Тавра, прежде чѣмъ

Порта успѣла бы выслать на него войско. Между тѣмъ, послѣ легкихъ своихъ побѣдъ, когда Порта не была уже въ состоянiи бороться, когда Султанскимъ манифестомъ было освящено въ глазахъ народа право добытое саблею, Мехметъ-Али вмѣсто того, чтобы отозвать войска свои изъ Сирiи, вмѣсто того чтобы дать своему сыну отдохнуть подъ лаврами, видѣлъ себя осужденнымъ каждый годъ усиливать свою Сирiйскую армiю и держать Ибрагима неусыпнымъ стражею надъ покореннымъ краемъ. Ибрагимъ кровными трудами и лихорадочною дѣятельностiю цѣлые восемь лѣтъ отплачивалъ легкiя торжества первой своей кампанiи, а Мехметъ-Али вмѣсто барышей которыхъ онъ домогался распространенiемъ своихъ владѣнiй, тратилъ ежегодно значительную часть Египетскихъ доходовъ, чтобы только не выпустить изъ рукъ своей разорительной добычи.

Кромѣ армiи постоянно занятой усмиренiемъ мятежей и рекрутскими наборами, Мехметъ-Али былъ принужденъ, въ обезпеченiе отъ вторженiя Турокъ, укрѣпить ущелья Тавра. Ущелiя эти были окопаны бастiонами; двѣсти пятьдесятъ орудiй большаго калибра послужили къ довершенiю чудныхъ работъ, которыми сама природа укрѣпила ущелiя Колекъ-Богаза и Гяуръ-Дага. Все это производилось прочно, поспѣшно и не щадя миллiоновъ, подъ руководствомъ Европейскихъ инженеровъ. Съ другой стороны Акка, по своему мѣстоположенiю и по народнымъ о ней повѣрьямъ, служила залогомъ покорности Сирiйскихъ племенъ. Въ Европѣ почли эту крѣпость ключемъ Сирiи съ моря. Мнѣнiе это основано кажется болѣе на историческомъ предразсудкѣ и на народномъ повѣрiи, чѣмъ на топографическомъ изученiи мѣстностей. Безъ сомнѣнiя Акка представляетъ большiя удобства для укрѣпленiй; городъ лежитъ на возвышенiи у взморья, а кругомъ прости-

раетсн гладкое поле; между тѣмъ какъ почти всѣ другіе города Сирійскаго берега стиснуты сосѣдними возвышеніями, затрудняющими систему фортификаціи. За то Акка по самому своему мѣстоположенію между моремъ и заливомъ, на краю мыса, съ двухъ сторонъ доступна аттакѣ съ моря. Глубина допускаетъ даже стопушечные корабли свободно подходить на ружейный выстрѣлъ, и уже одно это обстоятельство осуждаетъ крѣпость; ибо флотъ располагая произвольнымъ числомъ орудій противъ извѣстнаго пункта, и подвергаясь только ограниченному дѣйствію береговыхъ батарей, какъ-бы онѣ ни были сильны, можетъ ихъ разломать. Къ тому же Сирійскій берегъ по всему своему протяженію доступенъ съ моря, хотя бы и устояла Акка. Палестина представляетъ много удобныхъ пунктовъ и для высадки войска и для сообщеній съ внутренними округами; Суръ и Сайда открываютъ путь въ сердце Сиріи, въ самый Дамаскъ; за тѣмъ Бейрутъ, бухта Джуни, приморскій замокъ римской постройки Джибейль, и городъ Триполи даютъ доступъ въ Ливанъ. На сѣверѣ Латакія, Скандерунъ и Суэдія открываютъ сообщенія съ Алепомъ. По этимъ соображеніямъ мы вправѣ кажется назвать предразсудкомъ военную важность Акки; и примѣчанія достойно, что предразсудокъ этотъ длится отъ среднихъ вѣковъ и понынѣ. Крестоносцы истратили лучшую свою кровь подъ стѣнами этаго города, а по паденіи Іерусалима еще цѣлый вѣкъ оставались въ Аккѣ безсильными зрителями разрушенія одного за другимъ основанныхъ ими царствъ. Въ наше время Акка опять прославилась предпріятіями Дагера и неудачею Французской арміи; а за тѣмъ крѣпость эта переходила отъ одного паши къ другому, будто залогомъ повиновенія Сирійскихъ племенъ. Ибрагимъ, который слишкомъ высоко цѣнилъ семимѣсячную

осаду Акки, обратилъ въ свою пользу народный предразсудокъ, сдѣлавши изъ этой крѣпости главный военный пунктъ Сиріи и оплотъ Египетскаго владычества. Около пятидесяти милліоновъ піастровъ (до 3 мил. руб. сер.) было израсходовано на сооруженіе бастіоновъ и казематовъ, на постройку казармъ, пороховыхъ магазиновъ, цистернъ и проч. Работы не прекращались во все время Египетскаго владычества; Акка была вооружена двумя стами тридцатью пушками. Впрочемъ всѣ эти работы имѣли тотъ основный порокъ, что онѣ были послѣдовательно принаровлены, безъ общаго плана, къ старымъ работамъ Дагера, Джеззара и Абдаллаха. Въ этой крѣпости было равномѣрно главное депо полевой артиллеріи и всѣхъ потребностей для арміи Сирійской. Происшествія 1840 года доказали какъ ошибочны были расчеты Ибрагима и его отца. и какъ напрасны всѣ эти огромные расходы на укрѣпленіе Акки и ущелій Тавра.

ГЛАВА IX.

УКРОЩЕНІЕ ФЕОДАЛЬНЫХЪ ПРАВЪ ВЪ СИРІИ. — ПРЕСЛѢДОВАНІЕ ДВОРЯНСТВА. — СИЛА МѢСТНЫХЪ ЭЛЕМЕНТОВЪ. — ВЕЛИЧІЕ ЭМИРЪ-БЕШИРА И СИСТЕМА ЕГО УПРАВЛЕНІЯ. — НАЧАЛО ЛЬГОТЪ ЛИВАНСКИХЪ. — ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ПАШИ И ЭМИРА.

Если нововведенія Египетскія возбудили вопль народонаселенія, то еще болѣе ненавистнымъ было для Сирійскаго дворянства общее направленіе системы, клонившейся къ ограниченію его преимуществъ, къ укрощенію его старинныхъ безчинствъ. Хотя никакого постановленія объ этомъ предметѣ не было обнародовано, однако по всѣмъ отношеніямъ можно почесть главнѣйшимъ и основнымъ преобразованіемъ внутренняго устройства Сиріи — укрощеніе феодальныхъ правъ, безпрекословно существовавшихъ и укоренявшихся подъ прежними пашами, но уже несовмѣстныхъ съ новымъ правительственнымъ усройствомъ края и съ введеннымъ въ управленіе единствомъ. Приведеніе въ ясность системы податей, непосредственный взносъ ихъ въ казну, присутсвіе арміи, всегда готовой поддерживать гражданскія власти и содержать народъ въ повиновеніи, избавляли правительство отъ пагубнаго содѣйствія этаго класса людей, котораго наслѣдственное вліяніе было необходимымъ орудіемъ въ рукахъ прежнихъ пашей. Шейхи и эмиры наслѣдственно управляв-

шіе округами содержали въ своей службѣ ватаги наѣздниковъ, какъ для угнетенія народа по волѣ пашей, такъ и для сопротивленія пашамъ въ случаѣ попытки съ ихъ стороны къ укрощенію буйства вассаловъ. Тогда во всемъ внутреннемъ устройствѣ власти проявлялось необходимое развитіе основныхъ отношеній пашей къ самой Портѣ, и коренное зло этихъ отношеній между властями болѣе и болѣе проникало въ политическіе нравы края. Паша требовалъ отъ своихъ вассаловъ тѣхъ же условій какихъ требовала отъ него самаго Порта: исправнаго взноса условленной подати и содержанія края въ повиновеніи, не входя въ разбирательство средствъ, какими взималась подать и обезпечивалось повиновеніе народа. Съ другой стороны паша употреблялъ въ отношеніи къ своимъ вассаламъ тѣже средства какія употребляла Порта для содержанія въ повиновеніи пашей и для взиманія государственныхъ доходовъ. Порта наказывала строптиваго пашу другимъ пашею, или назначала ему преемника, съ порученіемъ идти войною на соперника и завладѣтъ пашалыкомъ. Паша въ свою очередь обуздывалъ строптивыхъ вассаловъ одного другимъ, и всего чаще, какъ мы уже видѣли тому много примѣровъ въ дѣлахъ Ливанскихъ и Антиливанскихъ — избиралъ въ томъ же семействѣ другаго претендента, поддерживалъ его своимъ вліяніемъ и своимъ войскомъ, пока удавалось однимъ братомъ погубить другаго, племянникомъ дядю и т. д. Пути и средства тайной мести, кинжалъ и ядъ, ласка и измѣна были тѣ-же между Портою и ея намѣстниками, между пашами и ихъ вассалами. Такимъ образомъ основная система управленія областями проявляется тѣмъ безнравственнѣе, тѣмъ чудовищнѣе, чѣмъ далѣе будемъ вникать въ ея развитіе, распостраняя семейныя вражды, братоубійства, козни, образуя классъ удалыхъ людей,

готовыхъ и способныхъ на самыя дерзкія покушенія — классъ изъ котораго вербовалось, можно сказать, сословіе пашей, и которому предоставлялось по всему пространству имперіи править народомъ. По мѣрѣ изнеможенія султановъ, среди окружающихъ ихъ сплетней, болѣе и болѣе усиливалась власть мѣстныхъ правителей, облеченныхъ всѣмъ деспотическимъ полномочіемъ султановъ.

Взглянемъ еще разъ на состояніе Сиріи въ эпоху вторженія Египтянъ: Прибережная Палестина едва была освобождена отъ Мухаммедъ-Бека Абунабута, который очевидно домогался роли Джеззара и замышлялъ сдѣлать изъ Яффы свое гнѣздо. Семейство шейховъ *Абугошей* занимало Іудейскія ущелія. Шейхи *Амръ* владѣли южными ущеліями Палестинскихъ горъ и крѣпостію Халиль-Рахманомъ (древнимъ Хеврономъ). Шейхи *Самханъ* были главами конфедераціи небольшихъ племенъ занимавшихъ сѣверныя отрасли Іудейскихъ горъ. Наплузъ и вся Самарія пребывали въ открытомъ бунтѣ, какъ только ея шейхи изъ семействъ *Джеррарг*, *Токанъ*, *Беркауи* и *Абдель-Хади* забывали свои внутреннія вражды или отлагали на время разсчетъ семейной мести. Въ низменной Галлилеѣ бродили заіорданскіе Бедуины, сгоняя земледѣліе съ плодородныхъ долинъ въ горы. Абдаллахъ-паша самъ безнаказанно бунтовалъ за стѣнами Акки, велъ войну съ горцами Наплуза, и происками своими подстрекалъ къ бунту жителей Дамаска. Въ Дамаскѣ народонаселеніе умерщвляло своего пашу. Ливанъ былъ еще въ омутѣ отъ междоусобій Эмиръ-Бешира съ Джемблатами. Триполійскій пашалыкъ сомнительно повиновался преемникамъ бунтовщиковъ Мустафы-Бербера и Али-Бея. Отъ Дамаска до Алепа, по всему прибережью пустыни, хлестали волны неугомонныхъ Бедуиновъ. Скандерунъ и Паясъ признавали наслѣдственный деспотизмъ семейства *Кючукъ-*

Али. Какой-то Ага владѣлъ Антіохіею. Племена Ансаріевъ не платили податей. Въ *Джисеръ-Шогръ*, въ *Рихѣ* и въ другихъ мѣстностяхъ Алепскаго пашалыка, въ *Бейланѣ*, въ ущеліяхъ Тавра, вездѣ буйствовали наслѣдственные беки или бродяги, которые удальствомъ захвативши однажды власть въ свои руки, за тѣмъ или торговались съ пашами или воевали съ ними.

Въ нѣсколько мѣсяцевъ Египетское правленіе успѣло укротить одного за другимъ этихъ мелочныхъ владѣльцевъ, представителей феодальной аристократіи, и подчинить ихъ владѣнія общей правительственной системѣ. Очевидно Ибрагимъ-паша стремился къ тому, чтобы разрушить въ Сиріи аристократію шейховъ и эмировъ, какъ его отецъ разрушилъ олигархію Мамлуковъ въ Египтѣ; но не одинъ разъ также онъ бывалъ принужденъ уступать силѣ навыка племенъ или мѣстностямъ, и поддерживать феодальныя права, при законныхъ ограниченіяхъ, облекая властію людей выбранныхъ изъ туземнаго дворянства. Такимъ образомъ могучія семейства Джеррары, Токаны и Беркауи были обречены казнямъ и ссылкѣ, по усмиреніи Наплузскаго бунта, а для управленія горцами Наплуза — Ибрагимъ назначилъ шейховъ Абдель-Хади, въ вѣрности и преданности которыхъ ручалось старое ихъ соперничество съ низложенными шейхами. На этомъ же основаніи нѣсколько новыхъ аристократическихъ семействъ возникли при Египетскомъ правленіи. Они не были облечены всѣми правами прежней аристократіи; но ихъ вліяніе усиливалось, опираясь на центральной власти, тогда когда ихъ предшественники должны были съ нею бороться и остерегаться преслѣдованій и измѣны со стороны пашей. Обстоятельство это подтверждаетъ сдѣланное нами замѣчаніе о томъ, что феодальное образованіе Сирійскихъ племенъ было не случайнымъ

послѣдствіемъ завоеванія или анархіи, но, можно сказать, коренным законом физическаго образованія края и духа его жителей. Въ Египтѣ вмѣстѣ съ Мамлуками совершенно пала и вся ихъ чудовищная система управленія, основанная на правѣ сабли и на слабости султановъ. Въ Сиріи феодальная система не могла быть искоренена; но, при благоустроенномъ и сильномъ правительствѣ, она была принуждена отказаться отъ своихъ безчинствъ и служить опорою и законнымъ орудіемъ власти.

При такомъ направленіи правительственнаго устройства Сиріи, на Ливанѣ происходило весьма любопытное явленіе. Мы обозрѣли уже различные періоды этаго постояннаго обуреванія, которое со временъ Фахръ-эддина сдѣлалось нормальнымъ состояніемъ Ливанскихъ племенъ; мы слѣдили также за семейными спорами, которыми наполнена вся хроника Шагабовъ, среди анархическаго хаоса, истомившаго Сирію подъ Турецкими пашами. Случилось, что въ эпоху Египетскаго правленія, когда такъ усилено разрушалось готическое зданіе старины, когда феодальное дворянство уступало свое вліяніе центральной власти, Ливаномъ правилъ вассалъ даровитый, честолюбивый и въ тоже время любимецъ Египетскаго паши, издавна ему преданный. Вліяніе его на массы народныя упрочилось сорокалѣтнимъ его управленіемъ и троекратнымъ усмиреніемъ мятежей и безначалія; вліяніе его на дворянство было обезпечено всеобщимъ страхомъ, послѣ казней настигшихъ мятежъ, и безпощадною опалою родственниковъ и соперниковъ. Огромныя богатства были имъ нажиты конфискаціею имѣній всѣхъ опальныхъ шейховъ, и много удѣловъ, упраздненныхъ при этихъ опалахъ, были въ распоряженіи эмира, и служили наградами преданности и покорности членовъ его семейства или шейховъ возвели-

ченныхъ, въ замѣнъ тѣхъ которые были казнены или томились въ изгнаніи.

При такихъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ дѣла Ливана принужденно приняли самый благопріятный оборотъ. Новая финансовая система и приведеніе въ извѣстностъ всѣхъ налоговъ и доходныхъ статей, отстранила старинные произвольные поборы, которыми паши обременяли мѣстныхъ владѣльцевъ. Подать съ Ливанскихъ племенъ вмѣстѣ съ новымъ подушнымъ окладомъ *Фирде*, о которомъ мы уже упоминали, была опредѣлена въ 6,500 мѣшковъ (около 190,000 руб. сер.) а всѣ косвенные налоги и доходныя статьи, бывшія въ остальной Сиріи въ прямомъ завѣдываніи казны, или же на откупѣ, были на Ливанѣ вполнѣ предоставлены эмиру. Эмиръ по своему усмотрѣнію собиралъ и прямой налогъ безъ всякаго вмѣшательства или контроля со стороны правительства. Въ извѣстныя эпохи онъ былъ обязанъ вносить въ казну подать Ливанскую, а могъ въ свою очередь взимать съ народа несравненно болѣе, по мѣрѣ своего вліянія. Сумма прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, вмѣстѣ съ доходомъ имѣній пріобрѣтенныхъ эмиромъ покупкою или насиліемъ, простиралась по крайней мѣрѣ до 25,000 мѣшковъ. За уплатою казенной подати оставалась еще въ пользу эмира огромная сумма на содержаніе его Двора и стражи, на постройки въ Бтеддинѣ, и кромѣ того, по обычаю всѣхъ Азіятскихъ владѣльцевъ, эмиръ ежегодно откладывалъ на сбереженіе. Богатая долина Антиливанская была въ эпоху турецкаго завоеванія отдана въ удѣлъ Дамаскимъ *Спахіямъ*, обязаннымъ выступать въ походъ на собственномъ иждивеніи, по требованію правительства. При постоянныхъ смутахъ этаго края, военная повинность *Спахіевъ* сама собою уничтожилась, а доходами пользовались лѣнивые эфенди

Дамаска, никогда не выступавшіе въ походъ противу непріятеля, а занятые развѣ кознями противу своихъ пашей. Ливанскіе эмиры неоднократно занимали плодородную долину Антиливанскую и пользовались доходами съ семидесяти ея деревень. Египетское правленіе не заботилось о *Спахіяхъ*, которые, отрекшись отъ военной повинности, не имѣли никакого права на сопряженные съ нею доходы; оно допустило Ливанскаго эмира укрѣпить за собою эту старинную феодальную льготу, сдѣлать сосѣднюю долину житницею Ливана, и дарить въ ней помѣстьями своихъ родственниковъ и любимцевъ. Округъ *Джибейль*, состоявшій дотолѣ въ зависимости Триполійскаго пашалыка, вошелъ окончательно въ составъ владѣній Ливанскихъ. Пользуясь этими благопріятными обстоятельствами, эмиръ, по примѣру Египетскаго паши, сталъ въ свою очередь обуздывать феодальныя права своихъ вассаловъ и сосредоточивать власть въ своихъ рукахъ. Ливанскія владѣнія стали мало по малу принимать формы удѣльнаго княжества, состоявшаго на особыхъ правахъ, и это происходило подъ вліяніемъ тѣхъ-же обстоятельствъ, которыя подрывали удѣльную систему во всей Сиріи и подчиняли ее законнымъ ограниченіямъ. Почитая эмиръ-Бешира надежнѣйшею опорою своей власти въ Сиріи, Мехметъ-Али поддерживалъ его своимъ вліяніемъ, вмѣсто того чтобы, по примѣру прежнихъ пашей и по основнымъ правиламъ восточной политики, поднимать на него соперниковъ и раздорами горцевъ усиливать собственное вліяніе въ горахъ. Все это мы должны приписать не столько личному благорасположенію Мехметъ-Алія къ эмиру, сколько внѣшнимъ политическимъ обстоятельствамъ, отношеніямъ Египетскаго паши къ Портѣ съ 1832 по 1840 годъ, непрочности Кютахійскаго договора, послѣдовательнымъ бунтамъ Сирійскихъ

племенъ, очевидному стремленію Султана къ изгнанію Египтянъ изъ Сиріи при первомъ удобномъ случаѣ.

Такимъ-то образомъ получили свое развитіе тѣ преимущества, которыя впослѣдствіи, при содѣйствіи пяти Великихъ Державъ, были обезпечены Ливанскимъ племенамъ. Но никакого сомнѣнія нѣтъ въ томъ, что если-бы Мехметъ-Али владѣлъ Сиріею на основаніи болѣе прочномъ, то всего прежде права эмира Ливанскаго были-бы ограничены, и племена горскія подчинились-бы общему гражданскому устройству Сиріи. Всѣ предшественники эмиръ-Бешира со времени низложенія Фахръ-эддина и до завоеванія края Египтянами, правили Ливаномъ въ качествѣ намѣстниковъ пашей турецкихъ, по ихъ произволу бывали свергаемы и казнимы, и торговались съ ними о подати при полученіи инвеституры. Ливанъ былъ управляемъ на томъ же основаніи какъ остальные горные округи во всей Оттоманской имперіи, въ коихъ феодальные навыки племенъ и невѣрность сообщеній заставляли пашей, вмѣсто того чтобы назначать правителей изъ своихъ чиновниковъ, ввѣрять управленіе туземному дворянству, и тѣмъ обезпечивать повиновеніе племенъ и казенные доходы. Никакими особенными льготами не пользовались горцы Ливанскіе ни по основному праву, какъ княжества Дунайскія, ни по султанскимъ граммотамъ, какъ острова Архипелага.

Эмиръ-Беширъ искусно воспользовался благопріятными для него обстоятельствами подъ Египетскимъ правленіемъ, обуздалъ мелочныхъ тирановъ, шейховъ и эмировъ, привязалъ народныя массы къ своему деспотизму, распространилъ по всѣмъ округамъ Ливанскимъ непосредственную свою власть, и нажилъ богатства и славу. Совершенная безопасность водворилась въ горахъ, и періодъ этотъ ознаменованъ рѣдкимъ бла-

годенствіемъ и развитіемъ торговли и промышленности. Послѣ запретительной системы и произвольной монополіи прежнихъ пашей, свобода дарованная торговлѣ Египетскимъ правленіемъ, придала новую жизнь поморскимъ городамъ. Сайда, Бейрутъ и Триполи сдѣлались вольными рынками для горцевъ, которые обмѣнивали здѣсь свой шелкъ и деревяное масло на хлѣбъ и на продукты Европейской промышленности. Производительность усилилась покрайней мѣрѣ одною третью на Ливанѣ, а потребленіе заморскихъ произведеній удвоилось. Вѣротерпимость Египетскихъ властей возвысила Христіанскія племена Ливана и въ собственныхъ ихъ глазахъ и въ мнѣніи сосѣдственныхъ племенъ. Семейства эмировъ *Шагабъ* и *Булема*, о крещеніи которыхъ мы уже имѣли случай говорить, стали открыто исповѣдывать христіанскую вѣру.

Во всѣхъ дѣйствіяхъ правительственной и частной жизни хитрая политика эмира клонилась къ тому, чтобы постепенно укрѣплять свою власть на Ливанѣ, содержать вассаловъ и родственниковъ своихъ въ почтительномъ повиновеніи, поддерживать въ народѣ страхъ періодическими зрѣлищами казней, а главное: придавать такой оборотъ и такой видъ всѣмъ дѣламъ по управленію, чтобы болѣе и болѣе распространять мнѣніе о томъ что одинъ онъ въ состояніи содержать въ повиновеніи племена Ливанскія; но въ тоже время слыть въ глазахъ своего народа его заступникомъ отъ притѣсненій Египетскихъ властей. Всѣ строгія мѣры, всѣ эти умножившіеся въ его время и для его обогащенія прямые и косвенные налоги, приписывалъ онъ волѣ паши; представлялъ себя покорнымъ исполнителемъ, а въ своемъ кругу, въ слухъ своихъ горцевъ, не упускалъ случая роптать отъ имени своего народа. Если съ одной стороны благосклонность паши къ эмиру была

основана единственно на политическомъ расчетѣ, за то и преданность эмира къ Мехметъ-Алію не менѣе того была личиною собственныхъ его видовъ. Эмиръ не могъ не предчувствовать, что съ измѣненіемъ обстоятельствъ властолюбивый паша не преминулъ-бы разрушить это зданіе, которое съ его вѣдома такъ тщательно воздвигалось на горахъ, на перекоръ общей системѣ политическаго устройства Сиріи. Лѣтъ восемь сряду эти два старика, паша и эмиръ, хитрили такимъ образомъ другъ предъ другомъ; первый ждалъ только рѣшенія великой задачи о своихъ правахъ на Сирію, чтобы низвергнуть своего любимца; второй стремился лишь къ тому чтобы внушать своему народу недовѣріе къ пашѣ, его покровителю, и путать дѣла чтобы оставаться лицемъ необходимымъ, и утвердить на болѣе прочномъ основаніи права свои и своего рода на Ливанѣ. Планы обоихъ въ одно время созрѣвали, и оба хорошо понимали другъ друга; но оба продолжали по прежнему обмѣниваться ласковыми рѣчами и увѣреніями въ преданности. Ибрагимъ-паша во всемъ слѣпо покоряясь политикѣ своего отца, не могъ однако, по вспыльчивому своему нраву, терпѣливо сносить продѣлки эмира, который умышленно угнеталъ свой народъ, чтобы направлять общее негодованіе на пашу, а себя самаго выставлять ходатаемъ и покровителемъ угнетенныхъ. Однажды по поводу ропота народнаго на непомѣрные налоги, Ибрагимъ сталъ упрекать эмира въ сребролюбіи, и въ томъ что онъ не сообразовался съ волею стараго паши, и по своему произволу облагалъ подвластныя ему племена. «Свѣтлѣйшій паша, отвѣчалъ ему эмиръ, «я принужденъ такъ дѣйствовать общаго покоя нашего «ради; жители нашихъ горъ имѣютъ тѣже привычки «что и мулы Ливанскіе, и съ ними надо поступать «какъ съ мулами.» — «Какъ это спросилъ Ибрагимъ?»

«— «Не замѣтили-ль Вы, свѣтлѣйшій владыко, (Саа̀детъ-«афенди́на) въ Вашихъ походахъ, что Ливанскіе муллы «тогда только идутъ спокойно отъ ночлега до ночлега, «когда они навьючены ровно 80 батмановъ (13 пуд.) «по мѣстному обычаю? убавьте вьюкъ — они во всю до-«рогу шалятъ и вьюки сбрасываютъ и брыкаютъ и «сами себя вдвое утомляютъ.» — Отвѣтъ былъ кстати и Ибрагимъ расхохотался. Теорія эмира была по несчастію оправдана и принужденнымъ благоденствіемъ горцевъ подъ его правленіемъ и послѣдовавшимъ за тѣмъ кризисомъ.

Приступимъ теперь къ изложенію политическихъ обстоятельствъ породившихъ этотъ переворотъ.

ГЛАВА X.

СОСТОЯНІЕ ДѢЛЪ ВЪ НАЧАЛѢ 1839 Г. — РАСПОЛОЖЕНІЯ МАХМУДА. — ОБРАТНЫЙ ВЗГЛЯДЪ НА ПЕРЕГОВОРЫ СУЛТАНА СЪ ПАШЕЮ. — БЕЗУСПѢШНОЕ ХОДАТАЙСТВО ФРАНЦІИ. — НЕВѢСТКА МЕХМЕТЪ-АЛІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ. — ПЕРЕМѢНА МИНИСТЕРСТВА. — САРИМЪ-ЭФФЕНДИ ВЪ ЕГИПТѢ. — ВОЕННЫЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ СУЛТАНА. — НОВЫЕ ВОЗГЛАСЫ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ О НЕЗАВИСИМОСТИ И ОТВѢТЪ ЕВРОПЕЙСКИХЪ КАБИНЕТОВЪ. — ПОѢЗДКА ПАШИ КЪ ВЕРХОВЬЯМЪ НИЛА. — ЕГО НОТА ГЕНЕРАЛЬНЫМЪ КОНСУЛАМЪ. — ПРИБЛИЖЕНІЕ ОТТОМАНСКОЙ АРМІИ КЪ СИРІЙСКОЙ ГРАНИЦѢ. — БОРЬБА МАХМУДА СЪ МИНИСТЕРСТВОМЪ. — СОВѢТЫ ЛЮБИМЦЕВЪ. — СКРЫТНОСТЬ СУЛТАНА. — ОБШИРНЫЙ ПЛАНЪ ВТОРЖЕНІЯ ВЪ СИРІЮ. — САМОНАДѢЯННОСТЬ СЕРАСКИРА ХАФИЗЪ-ПАШИ.

1839 годъ наступалъ подъ грозными знаменіями для Египетскаго владычества въ Сиріи. Правда, мятежи были утишены; гражданское устройство края усовершенствовано; торговля процвѣтала; внутреннія сообщенія до того обезопасены, что пѣшеходъ одинъ безъ конвоя шелъ отъ Алепа до Газы съ векселями и пачками денегъ для купцевъ; повелѣнія не только Мехметъ-Алія но и Дамаскаго его намѣстника и окружныхъ муселимовъ внушали несравненно болѣе страха чѣмъ Султанскіе фирманы въ послѣдній періодъ владычества турецкаго въ Сиріи; горскія племена склоняли выю подъ ненавистный законъ рекрутства; всѣ сословія были обезо-

ружены, а если у кого и хранилось ружье или ятаганъ, то они вѣрно ржавѣли, будто завѣтные клады гдѣ нибудь подъ скалою, въ сокровенномъ ущеліи горъ, или въ утробѣ земли; ропотъ народный выражался только глухими стонами отъ одного конца Сиріи до другаго, а дерзновенные роптатели, и всякъ кто посмѣлъ-бы хотя въ потьмахъ подстрекать народъ къ сопротивленію, или разсѣевать слухи непріязненные, подвергался безпощадной опалѣ. Въ Дамаскѣ и въ Триполи, въ этихъ двухъ городахъ, гдѣ сходство натуры, благоуханное прозябеніе и обиліе водъ будто поддерживаютъ моральное и физическое сродство въ жителяхъ, Ибрагимъ напугалъ воображенія зрѣлищемъ кровавой казни почетныхъ Мусульманъ за ихъ происки и ропотъ. Около 40,000 регулярнаго войска занимали Сирію. Укрѣпленія Колекъ-Богаза и Акки достраивались грозными сторожами внутренней и внѣшней безопасности не края, но правительства обнявшаго свою изнеможенную добычу въ желѣзныя рукавицы, и тщательно слѣдившаго за всякимъ ея трепетаніемъ.

А между тѣмъ гроза собиралась на сѣверѣ. Сирійскія народонаселенія чуткимъ ухомъ подслушивали далекіе ея отголоски, едва смѣя предаваться утѣшительной надеждѣ освобожденія отъ ига, спасительнаго во всѣхъ отношеніяхъ, но тяжкаго для страны привыкшей къ жизни разгульной и буйной.

Мы говорили уже о расположеніи Султана Махмуда къ Египетскому пашѣ. Обида, нанесенная въ 1833 году Султанскому величеству въ глазахъ всего правовѣрнаго народа и Европы, была тѣмъ чувствительнѣе для честолюбивой его души, что судьба, часто ему измѣнившая въ борьбѣ съ внѣшними врагами, была постоянно благопріятна той великой мысли, которая ознаменовала царствованіе Махмуда —

возстановленію единодержавія въ имперіи истощенной своимъ феодальнымъ устройствомъ, несмотря на осѣняющій ее призракъ Восточнаго деспотизма, и которая видимо клонилась къ раздробленію, по слѣдамъ ея западной сосѣдки имперіи Германской. Всѣ строптивые вассалы принесли одинъ за другимъ свою покорность или свою преступную голову къ вратамъ Сераль-скимъ. Народонаселенія стали болѣе или менѣе вкушать первые плоды преобразованій, и отдыхать подъ скипетромъ законнаго государя отъ военнаго деспотизма бунчуковъ. Самъ Султанъ, освобожденный исполинскимъ трудомъ отъ опеки Янычаръ и отъ дерзкихъ предпріятій намѣстниковъ своихъ въ областяхъ, могъ наконецъ царствовать и самодержавно повелѣвать въ своей имперіи. Онъ былъ вправѣ ждать отъ своихъ преемниковъ славнаго прозванія *возстановителя* Оттоманскаго колосса, не въ смыслѣ завоевателя, но въ смыслѣ болѣе почетномъ преобразователя. Что же — великій подвигъ Махмуда оставался не совершеннымъ: Мехметъ-Али не только продолжалъ съ успѣхомъ свой постоянный бунтъ, держа въ рукахъ три обширныя области, колыбель Ислама, но кромѣ того онъ грознымъ метеоромъ носился надъ всею имперіею, и его примѣръ и его успѣхи служили какъ-бы продлитіемъ ненавистной старины, разрушенію которой Султанъ посвящалъ всю свою дѣятельность.

Послѣ Кютахійскаго договора Махмудъ съ успѣхомъ продолжалъ формированіе своей арміи, и занимался устройствомъ разныхъ отраслей по внутреннему управленію имперіи. Таже непреклонная воля, которою ознаменованы кровавыя начинанія его подвига, проявлялась во всемъ направленіи генія, осужденнаго безпощадно разрушать кругомъ себя, бороться съ предразсудками своего народа и съ накопленнымъ въ два вѣка зломъ, прежде чѣмъ возсоздать изъ обломковъ

стройное зданіе имъ замышленное. Преобразованія правительственныя были удачно совершаемы въ столицѣ, а успѣхи Султанскаго оружія въ Румеліи и въ Анатоліи очищали имъ дорогу въ области. Хафизъ-паша фельдмаршалъ Востока довершалъ покореніе Кюрдовъ и подчинялъ рекрутскому набору горскія племена, не признававшія дотолѣ никакой власти. За тѣмъ онъ оставался въ Анатоліи, и прилежно устраивалъ свою армію при содѣйствіи Прусскихъ офицеровъ генеральнаго штаба, вызванныхъ Портою для руководства уже не полковъ въ строевой службѣ, но генераловъ еще не посвященныхъ въ науку Европейской стратегіи.

Съ осени 1838 года главная квартира Хафизъ-паши была въ Малатіи (древней Милитенѣ,) и только жестокость зимы заставила Сераскира отложить до весны переходъ въ Самсотъ (древній Самосатъ) ниже по Евфрату, спускаясь къ Сирійской границѣ. Діарберкиръ, Орфа, Харпутъ, и Марашъ, вся страна на сѣверъ отъ Алепскаго пашалыка кипѣли приготовленіями къ войнѣ. Было очевидно, что войско Султанское, отрѣзанное отъ сѣверо-западной границы Сиріи гранитнымъ ея стражею Тавромъ и укрѣпленными ущеліями, готовилось проникнуть въ Сирію съ сѣверовосточной стороны вдоль Евфрата. Въ Константинопольскомъ арсеналѣ съ великою дѣятельностію продолжались во всю зиму приготовленія флота. Капитанъ Англійской службы Вокеръ (Walker) былъ назначенъ въ качествѣ Совѣтника (Мустешаръ) при Капитанъ-пашѣ для надежнѣйшаго устройства этой части.

Бросимъ теперь обратный взоръ на дипломатическія сношенія Египта съ Константинополемъ послѣ Кютахійскаго договора. Мы упоминали уже о странномъ предложеніи, которое дерзнулъ сдѣлать Египетскій паша Австріи, Англіи и Франціи въ 1834 году отно-

сительно признанія его независимости и вступленія съ нимъ въ союзъ. Послѣ поучительныхъ отвѣтовъ данныхъ его честолюбію Европейскими кабинетами, Мехметъ-Али, несмотря на раболѣпную лесть окружавшихъ его совѣтниковъ Турокъ и Европейцевъ, понялъ однакожъ что эти планы несбыточны. Покрайней мѣрѣ онъ не терялъ надежды признанія наслѣдственныхъ правъ въ его семействѣ на области бывшія въ его управленіи. Долженствуя бороться съ тяжкими неудобствами обладанія невѣрнаго, основаннаго только на успѣхѣ оружія, видя постоянно направленный взоръ Махмуда на Сирію, Мехметъ-Али старался уловить всякій случай къ новымъ переговорамъ, въ надеждѣ исходатайствовать права наслѣдственныя въ своемъ родѣ, и тѣмъ упрочить собственное свое положеніе въ глазахъ народа волнуемаго мыслію о Султанѣ, и довершить Кютахійское торжество. Съ каждымъ годомъ онъ выдумывалъ новые предлоги чтобы не платить условленной падати, которою были обложены его пашалыки. Вмѣсто подати посылалъ онъ богатые дары своему государю по поводу бракосочетанія его дочерей, будто издѣваясь надъ его безсиліемъ, и чтобы дать ему почувствовать неудобства, проистекающія для него самаго отъ неопредѣлительности и неправильности взаимныхъ ихъ отношеній. Султанъ отвѣчалъ суровымъ словомъ на дерзновенныя учтивости своего вассала, и требовалъ подати вмѣсто подарковъ. Между тѣмъ Французское посольство усердно ходатайствовало у Порты о дарованіи Мехметъ-Алію наслѣдственныхъ правъ. Порта охотно соглашалась уступить Мехметъ-Алію въ потомственное владѣніе Египетъ, на правѣ полномочнаго намѣстника, обложеннаго извѣстною суммою подати, и подчиненнаго общимъ внутреннимъ законамъ имперіи и ея трактатамъ съ другими державами; но она требовала обратно Сирію, Аравію

и Кандію. Ходатайство Франціи распространялось и на Сирію, и основывалось на томъ доводѣ, что область эта въ рукахъ Мехметъ-Алія была-бы прибыльнѣе для Порты чѣмъ въ непосредственномъ ея управленіи. Доводы эти показывались обидными для самолюбія Султана, какъ и самое ходатайство дружественной Державы, на которомъ очевидно основывались упрямыя притязанія Египетскаго паши.

Кромѣ этой внѣшней пружины Мехметъ-Али не упускалъ изъ виду внутреннихъ потаенныхъ пружинъ старинной турецкой политики, чтобы завлечь въ свою сторону лицъ окружавшихъ Султана, и чрезъ нихъ дѣйствовать на его умъ. Въ 1836 году онъ отправилъ въ Константинополь свою невѣстку *Зехра-Ханумъ*, вдову умерщвленнаго въ Сеннарѣ Измаилъ-Паши, къ ея отцу Арифъ-Бею, одному изъ первостатейныхъ улемъ*). Подъ предлогомъ свиданія съ отцомъ онъ поручалъ невѣсткѣ, по харемнымъ стезямъ Стамбула, гдѣ женщины при всемъ своемъ уничиженіи имѣютъ однакожъ то же вліяніе какъ и въ другихъ столицахъ, дѣйствовать на умы въ Диванѣ и Сералѣ въ пользу стараго свекра. Зехра нашла почетный и ласковый пріемъ въ Константинополѣ, и продлила свое тамъ пребываніе. Между тѣмъ въ проѣздъ чрезъ Каиръ моллы назначеннаго въ Мекку, Мехметъ-Али окружилъ его почестями и ласками, со слезами говорилъ съ нимъ о роковой для правовѣрнаго народа ссорѣ съ Султаномъ, и зная его связи съ разными вельможами, убѣдилъ его пригласить въ Египетъ Ахметъ-Февзи-пашу, главнаго командира гвардіи, и любимца этой эпохи, чтобы поговорить о дѣлахъ и сообщить ему нѣчто важное. Письмо моллы было представлено Султану. Махмудъ охотно отпускалъ

---

*) Сословіе законниковъ и ученыхъ.

своего любимца, который въ настоящій фазисъ своего страннаго поприща усердно ходатайствовалъ о дружелюбномъ раздѣлѣ съ Египтомъ и слылъ приверженцемъ Мехметъ-Алія. Но тогдаже случилась одна изъ обычныхъ въ Турціи нежданныхъ перемѣнъ Министерства. Знаменитый Пертевъ-паша въ заговорѣ съ Халиль-пашею и съ Ахметъ-Февзи-пашею свергли стараго Сераскира Хозрефа, который столько лѣтъ уже пользовался всею довѣренностію Султана. Халиль былъ пожалованъ въ Сераскиры; Ахметъ-Февзи въ Капитанъ-паши, а Пертевъ сталъ душою новаго Министерства. Исполненный генія и фанатизма стараго Мусульманина, ревностно преданный престолу и умѣя цѣнить таланты вѣрнѣе чѣмъ Султанъ Махмудъ, Пертевъ смѣло представилъ, что для переговоровъ съ человѣкомъ столь хитрымъ каковъ былъ Мехметъ-Али, нужно было отправить не вельможу, не любимца, котораго полномочія могутъ иногда переступать за грань правительственныхъ инструкцій, но человѣка дѣловаго. Султанъ убѣдился, и на мѣсто Капитанъ-паши былъ отправленъ въ Египетъ съ дарами къ Пашѣ и съ портретомъ Султана *Бейликчи* Саримъ-Эфенди, помощникъ министра Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ началѣ 1837 года открылись конференціи въ Каирѣ; Мехметъ-Али видя готовность Султана къ переговорамъ, не сдѣлалъ отъ себя никакого предложенія, а объявилъ, что онъ доволенъ своею судьбою, но во всякомъ случаѣ готовъ слушать предложенія Порты. Обманутый въ своемъ ожиданіи Саримъ видѣлъ себя принужденнымъ объяснить свои предложенія, вмѣсто того чтобы войти въ разбирательство притязаній паши. Прежде всего онъ посовѣтовалъ Мехметъ-Алію отправиться самому въ Константинополь и войти въ объясненія непосредственно съ Портою и съ Султаномъ, или

покрайней мѣрѣ отправить туда надежную особу съ полномочіемъ отъ себя. Паша ловко отклонилъ и то и другое подъ предлогомъ что его присутствіе необходимо въ Египтѣ, и что никому не могъ онъ ввѣрить окончательное рѣшеніе дѣла, отъ котораго зависила вся судьба его и его потомства. Но въ самомъ дѣлѣ онъ слишкомъ зналъ по опыту расположеніе къ нему Султана и вельможъ, преданія тайныхъ мщеній Стамбульскихъ были еще слишкомъ свѣжи, чтобы ввѣриться султанскому слову. Съ другой стороны ему было несравненно выгоднѣе вести переговоры въ Египтѣ съ полномочнымъ Султана, чѣмъ слѣдить издалека ходъ дѣла и списываться съ Константинополемъ. Принужденный объясниться, Саримъ предложилъ пашѣ въ потомственное владѣніе Египетъ и Аравію. Въ отвѣтъ на это Мехметъ-Али представилъ ему итогъ доходовъ и расходовъ по управленію Аравійскаго полуострова, чтобы доказать сколь великій ущербъ приносила ему эта страна, которой управленіе почиталъ онъ не преимуществомъ для себя, но тягостнымъ бременемъ, усердія ради къ престолу и къ вѣрѣ. Его доводъ былъ повидимому неопровержимъ; Аравія дотолѣ поглощала только казну и войска Египетскія; но не менѣе того паша могъ со временемъ извлечь изъ нея великія выгоды торговыя и политическія. Наконецъ Саримъ высказалъ и послѣднее свое предложеніе, которое состояло въ томъ, чтобы присовокупить къ Египту всю южную Сирію, обширный пашалыкъ Акки (Сайда-Эйалетъ) и Триполійскій пашалыкъ, не выражая впрочемъ условія о потомственномъ-ли или пожизненномъ владѣніи этою частію Сиріи. Мехметъ-Али очевидно хотѣлъ только провѣдать расположеніе Султана и Порты, и въ этомъ отношеніи достигъ своей цѣли. Когда же все высказалъ Саримъ, хитрый паша сталъ доказывать что ему

необходима вся Сирія, и на отрѣзъ отвѣчалъ, что онъ ничего не уступитъ, а развѣ можетъ удовлетворить Порту набавленіемъ подати, и даже предоставлялъ вполнѣ произволу Султана опредѣлить сумму добавочной подати.

Тѣмъ заключились переговоры; Саримъ отплылъ обратно въ Константинополь, а паша, желая дѣйствовать на воображеніе народа въ Египтѣ и въ Сиріи и на общественное мнѣніе Европы, перепуталъ все дѣло, будто изъ недоразуменія, и торжественно объявилъ генеральнымъ Консуламъ Великихъ Державъ, что Султанъ предлагалъ ему Сирію въ потомственное обладаніе.

По возвращеніи Сарима въ Константинополь, Порта оффиціально писала Мехметъ-Алію въ смыслѣ послѣдняго предложенія ея посланца объ уступкѣ Аккскаго и Триполійскаго пашалыковъ въ пожизненное владѣніе, съ правомъ потомственнаго обладанія на Египетъ и Аравію, извѣщая что Султану угодно было подтвердить это распоряженіе. Граммота Великаго визира была исполнена ласковыхъ выраженій. Въ отвѣтъ на это Мехметъ-Али возобновилъ съ новою настойчивостію свои домогательства на наслѣдственное обладаніе всѣхъ пашалыковъ ему ввѣренныхъ, и отклонилъ предложенія Порты, предпочитая продлить еще неизвѣстность своей судьбы.

Махмудъ, обманутый въ своемъ ожиданіи и убѣдившись въ невозможности миролюбнаго раздѣла съ честолюбивымъ вассаломъ, сталъ помышлять только о средствахъ къ его наказанію, и удвоилъ свои усилія для устройства арміи Хафизъ-паши. Мехметъ-Али съ своей стороны пересталъ уплачивать подать, и на представленія объ этомъ консуловъ Великихъ Державъ, онъ хладнокровно отвѣчалъ, что въ виду военныхъ

приготовленій Порты посылать деньги въ Константинополь значило-бы — давать врагу въ руки оружіе, и что все-таки пребывая вѣрнымъ и покорнымъ своему государю, онъ не могъ дѣйствовать вопреки инстинкта самосохраненія.

Въ эту пору Сирія кипѣла Гауранскою войною. По утушеніи всѣхъ мятежей, Мехметъ-Али упоенный своимъ счастіемъ, и не надѣясь уже ничего отъ произвольнаго согласія своего государя, обратился вновь къ Европейскимъ Державамъ съ старинною своею мечтою о независимости, но уже въ новомъ видѣ, по соображенію съ настоящими расположеніями кабинетовъ. Въ 1834 году паша, обманутый журнальными толками, задумалъ бросить факелъ войны между Великими Державами, вооружить Австрію, Англію и Францію противу Россіи, и въ этой общей суматохѣ привести въ исполненіе свои честолюбивые планы. Убѣжденный за тѣмъ въ безуміи своего покушенія, онъ сталъ забавлять своего государя хитрыми переговорами. Теперь онъ видѣлъ твердую волю Великихъ Державъ сохранить миръ и предупредить всякій взрывъ на Востокѣ. Основывая свои расчеты на этомъ, онъ вообразилъ что угрозою нарушенія мира онъ достигнетъ своей цѣли, и вынудитъ у Европейскихъ кабинетовъ устройство дѣлъ на Востокѣ къ его удовлетворенію. Онъ объявилъ Генеральнымъ консуламъ Австріи, Англіи, Франціи и Россіи твердое свое намѣреніе превозгласить свою независимость и поддержать ее оружіемъ. Это было весною 1838 года. Замѣтимъ эпохи, ибо всякая изъ нихъ соотвѣтствуетъ какому либо успѣху оружія паши въ Сиріи. Въ 1834 году честолюбивый вассалъ говорилъ о независимости по усмиреніи Наплузскаго бунта. Теперь, едва окончена кровопролитная война Гауранская, Мехметъ-Али заговорилъ опять о независимости.

Отвѣтъ Европейскихъ кабинетовъ въ этотъ разъ былъ еще строже и выразительнѣе чѣмъ въ 1834 году. Въ случаѣ посягательства паши на нарушеніе мира на Востокѣ, Австрія и Франція грозили своимъ гнѣвомъ; Россія и Англія гораздо рѣшительнѣе объявляли свое намѣреніе содѣйствовать султану для его наказанія. Старый паша не терялъ покрайней мѣрѣ надежды ходатайствомъ о несбыточной независимости, достигнуть главной своей цѣли — правъ наслѣдственнаго обладанія, обезпеченныхъ или по крайней мѣрѣ признанныхъ Европейскими Державами. Въ отвѣтъ на грозное объявленіе кабинетовъ, онъ смиренно но рѣшительно представилъ это притязаніе, опираясь на заслуги оказанныя имъ Портѣ, странамъ имъ управляемымъ, торговлѣ Европейской и человѣчеству. Что же касается до границъ просимаго имъ наслѣдственнаго удѣла, онъ съ особеннымъ искуствомъ избѣгалъ въ объясненіяхъ своихъ предъ державами рѣшительнаго отзыва о томъ, довольствовался ли онъ Египтомъ, или кромѣ этаго пашалыка требовалъ еще Сиріи и Аравіи и острова Кандіи, ввѣреннаго его управленію. Къ осени 1838 года онъ объявилъ намѣреніе свое посѣтить верхній Египетъ и проникнуть оттуда въ Сеннааръ и въ отдаленныя верховья Нила, въ округъ *Фазоглу* подъ 10° широты, на открытіе золотыхъ рудниковъ. Предъ своимъ отъѣздомъ онъ въ знакъ умѣренности и покорности доставилъ въ Константинополь часть недоплаченной подати, и вмѣстѣ съ тѣмъ сообщилъ генеральнымъ консуламъ Россіи, Австріи, Франціи и Англіи слѣдующую ноту, выражающую крайнее его рѣшеніе:

«Я представилъ уже четыремъ Великимъ Державамъ «всѣ доводы обозначающіе положеніе мое и мои желанія. Смѣю надѣяться, что Его Величество N N не лишитъ меня своего благорасположенія, возъимѣетъ

«со временемъ лучшее мнѣніе обо мнѣ, и не воспротивится исполненію моихъ желаній; ибо желанія мои «сообразны и съ Европейскою политикою и съ грядущимъ спокойствіемъ Востока. Мнѣ семьдесять лѣтъ; «да будетъ позволено мнѣ устроить предъ смертію «судьбу моего семейства. Ходатайствую о дарованіи «мнѣ правъ наслѣдственныхъ, и буду вполнѣ удовлетворенъ этимъ, если достигну моей цѣли ходатайствомъ «и переговорами. Войну открывать я не намѣренъ, и «доказательство тому — отправленіе мое въ Сеннааръ; «но не дамъ связать себѣ руки, чтобы сдѣлаться жертвою; прежде погибну чѣмъ оставить на произволъ «судьбы мое семейство и мой народъ. Если же не достигну этой цѣли моимъ ходатайствомъ, если доводы «мои не будутъ приняты во вниманіе Великими Державами, если не будетъ обезпечена грядущая участь «Египта; наконецъ если я буду предоставленъ своей «судьбѣ, то я самъ изберу по своему крайнему разумѣнію средства для устройства моихъ дѣлъ. Въ такомъ «случаѣ, и если буду принужденъ прибѣгнуть къ оружію, «то. кромѣ наслѣдственныхъ правъ я превозглашу свою «независимость. Вѣдаю, мнѣ не устоять противу соединенныхъ усилій четырехъ Державъ; могу погибнуть; «но увеличитъ-ли это славу Великихъ Державъ?... «Если-же жребій войны будетъ мнѣ благопріятенъ, «предоставляю имъ судить о послѣдствіяхъ. Александрія, «5-го Сентября 1838 года.»

О новыхъ переговорахъ съ Султаномъ уже не помышлялъ Мехметъ-Али, и не смотря на извѣстіе о дѣятельныхъ приготовленіяхъ Малоазійской арміи и о вооруженіи флота, беззаботно поплылъ бодрый старецъ вверхъ по Нилу на совершеніе труднаго пути, болѣе четырехъ тысячь верстъ туда и обратно, по странѣ дикой, чрезъ пороги и чрезъ пустыни, то на ладьѣ, то

на верблюдѣ, подъ знойнымъ солнцемъ, подъ проливнымъ дождемъ тропиковъ, въ надеждѣ отыскать золотое руно.... А уже въ это время доходы Египта простирались до 25 милліоновъ рублей серебромъ; Нильская долина была обращена въ мызу; три или четыре милліона ея народонаселенія — въ работниковъ, которыхъ кровь и потъ тратилъ насильственно и невоздержно честолюбивый паша въ жгучей Аравіи и въ буйной Сиріи на сооруженіе зданія несоразмѣрнаго съ моральными и матеріальными его средствами, зданія шаткаго, призрака, которому издалека общественное мнѣніе Запада давало громкое имя царства Арабскаго, судя по внѣшнимъ его формамъ, грознымъ и правильнымъ. Видя невозможность прикрыть доходами Египта непомѣрные расходы по Аравійскому полуострову и по Сиріи, гдѣ его арміи ждали по восьми и по девяти мѣсяцевъ сряду уплаты выслуженнаго жалованія, предчувствуя наступавшій политическій кризисъ и необходимость еще умножить свои военныя силы, Мехметъ-Али пошелъ искать золота въ утробѣ Лунныхъ горъ.

Межъ-тѣмъ какъ престарѣлый паша проводилъ всю зиму на совершеніе своего чуднаго похода въ эту Африканскую Колхиду современной миѳологіи, Ибрагимъ продолжалъ военныя приготовленія въ Сиріи. Вѣдая по опыту Гауранской войны всѣ опасности народныхъ возмущеній въ странѣ, гдѣ бунтъ былъ готовъ со всѣхъ сторонъ возстать стоглавою гидрою, онъ въ этотъ разъ былъ ласковѣе и мягче съ народонаселеніями, довольствовался вмѣсто рекрутовъ нерегулярнымъ отрядомъ Друзовъ подъ начальствомъ удалаго Шибли-Аріана, и прощалъ многимъ городамъ рекрутскія ихъ недоимки. Въ Мартѣ 1839 года Мехметъ-Али возвратился съ пустыми руками изъ своего похода въ Фазоглу, чтобы заняться дѣлами болѣе по-

ложительными. Онъ также сталъ вооружать свой флотъ и поставлять рекрутовъ въ Египетскую армію.

Въ Константинополѣ военныя приготовленія становились дѣятельнѣе съ наступленіемъ весны, и уже внушали опасеніе кабинетамъ Великихъ Державъ, истощившимъ всѣ усилія съ 1833 года для сохраненія мира на тревожномъ Востокѣ. Посольства внимательно слѣдили за воинственными наклонностями Султана и его любимцевъ. Дотолѣ Порта пребывала въ миролюбивомъ расположеніи, и не одинъ разъ ея представленія обуздывали порывы гнѣвнаго Султана, въ коемъ ненависть къ Египетскому вассалу дѣлалась господствующею страстію, и поглощала всю дѣятельность его ума, всѣ способности пылкой его души. По многимъ признакамъ можно было подозрѣвать, несмотря на миролюбивыя завѣренія министерства, что Султанъ сталъ уже лично направлять свои планы мимо своего министерства, и безъ его вѣдома. Онъ самъ непосредственно сносился съ своимъ фельдмаршаломъ. Хафизъ-паша, храброе дитя Кавказа, страстно преданный своему Султану, осыпанный милостями и ласками, горѣлъ нетерпѣніемъ совершить великій подвигъ къ которому стремилась душа Махмуда, наказать строптиваго вассала, омыть стыдъ покрывшій Оттоманское оружіе въ 1832 году и исполнить завѣтъ своего предшественника Решидъ-Мехмета, сошедшаго въ гробъ съ мщеніемъ въ душѣ. Хафизъ былъ увѣренъ въ своемъ торжествѣ; армія его довершила свое военное воспитананіе въ трудныхъ походахъ противъ Кюрдовъ; постоянныя побѣды внушали бодрость солдату, и никогда, можно сказать, со времени учрежденія регулярныхъ войскъ на Востокѣ, Турція не выставила арміи столь хорошо устроенной во сѣхъ отношеніяхъ. Хафизъ секретными донесеніями завѣрялъ Султана въ несомнѣнной побѣдѣ, и ходатай-

ствовалъ только о приказѣ открыть военныя дѣйствія, ручаясь въ одно лѣто изгнать Египтянъ изъ Сиріи. Таковы были чувства и надежды главнокомандующаго арміею. Съ другой стороны Генералъ-адмиралъ и любимецъ Султана Ахметъ-Февзи-паша, слывшій за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ приверженцемъ Мехметъ-Алія и мирнаго съ нимъ раздѣла, сталъ теперь ревностнымъ проповѣдникомъ войны. Льстя самой пламенной страсти своего Государя, этотъ малодушный вельможа, продлившій среди преобразованій Махмудовыхъ преданія и уроки серальской политики, помышлялъ лишь о томъ, чтобы усилить свое вліяніе надъ мыслями Султана и погубить одного за другимъ своихъ соперниковъ. Знаменитый Пертевъ, употребившій его въ 1836 году орудіемъ для низложенія Хозрефа, былъ въ свою очередь сверженъ съ министерства; его казнь измѣннически была выпрошена у Махмуда среди вакхическихъ оргій сераля; а такъ какъ любимцы не могли обойтись безъ дѣловаго и опытнаго человѣка для руководства Совѣтомъ и министерствомъ, то въ этотъ промежутокъ престарѣлый но еще бодрый Хозрефъ, способнѣйшій и надежнѣйшій изъ всѣхъ турецкихъ вельможъ, завладѣлъ опять вліяніемъ, если не на умъ Султана, то по крайней мѣрѣ на Порту. Не смотря на тридцатилѣтнюю свою вражду къ Мехметъ-Алію, онъ проповѣдывалъ въ это время миръ, и не одинъ разъ, съ смѣлостію стараго вѣрнаго слуги, умолялъ своего Государя не довѣрять судебъ имперіи слѣпому случаю войны, не прерывать спасительныхъ для государства гражданскихъ преобразованій, и улучшать постепенно военное устройство. Этимъ было вѣрнѣе, по мнѣнію Хозрефа, достигнуть желаемой цѣли — покоренія Сиріи и Египта и наказанія Мехметъ-Алія, чѣмъ новымъ походомъ, котораго случайности могли быть .роковыми для арміи

стоившей толикихъ трудовъ и усилій. Всего болѣе Хозрефъ отклонялъ войну тѣмъ доводомъ, что въ настоящую эпоху, каковы бы ни были ея послѣдствія, она не полюбилась бы народу отъ одного конца имперіи до другаго, не говоря уже о томъ что Европейскія Державы взирали съ неудовольствіемъ на всѣ эти треволненія Востока. Махмудъ цѣнилъ еще заслуги старѣйшаго изъ своихъ пашей и его великій умъ; но въ этомъ колебаніи, между миролюбивыми совѣтами Хозрефа и нетерпѣливымъ порывомъ къ задуманной мести, Султанъ позволялъ своимъ окружающимъ насмѣхаться надъ зловѣщимъ старикомъ, а потомъ, завѣряя министерство въ твердомъ своемъ намѣреніи сохранить миръ, списывался чрезъ *Мабеинъ* (собственную канцелярію) съ главнокомандующимъ арміею, позволялъ ему спускаться изъ Малатіи къ югу въ Самсотъ, и задумывалъ планы грядущей кампаніи въ тайной бесѣдѣ съ Капитанъ-пашею, завистникомъ и тѣни вліянія Хозрефа. Хозрефъ предсѣдательствовалъ въ Совѣтѣ; тамъ обработывались разныя отрасли гражданскихъ преобразованій имперіи. Совѣтъ раздѣлялъ мнѣнія своего предсѣдателя, и еще болѣе чѣмъ министерство желалъ сохраненія мира. Махмудъ, при всѣхъ своихъ деспотическихъ наклонностяхъ, не хотѣлъ однако дѣйствовать вопреки мнѣнію Совѣта и министерства.

Между тѣмъ въ военное министерство поступали донесенія главнокомандующаго о постепенномъ его приближеніи къ Сирійской границѣ, вдоль Евфрата, по обоимъ берегамъ рѣки. Отвѣтственность этихъ движеній, секретно предписанныхъ Султаномъ, Хафизъ-паша бралъ на себя, оправдываясь то необходимостію искать воздуха болѣе здороваго для войска, слишкомъ претерпѣвшаго отъ суровости прошедшей зимы и отъ повальныхъ болѣзней, то недостаткомъ пажитей для

своей кавалеріи. Хозрефъ не терялъ еще надежды предупредить разрывъ. По его предложенію Порта рѣшила отрядить въ лагерь особеннаго коммисара для осмотра войскъ. Добросовѣстный докладъ коммисара могъ укротить воинственные порывы Махмуда. Но въ угодность Султану выборъ палъ на Таяръ-пашу, которому заблаговременно былъ продиктованъ изъ Мабеина будущій докладъ его о состояніи арміи. Въ то же время Султанъ секретно поручалъ полковнику Омаръ-бею *), Австрійскому ренегату, осмотрѣть резервныя дивизіи въ Анкирѣ и въ Коніи. Уже авангардъ Хафизъ-паши былъ въ Бирѣ (иначе Беледжикъ) на лѣвомъ берегу Евфрата, въ тридцати верстахъ отъ Сирійской границы, въ трехъ переходахъ отъ Алепа. Въ Апрѣлѣ авангардъ перешелъ за Евфратъ, между тѣмъ какъ главный корпусъ сосредоточивался въ Самсотѣ, и приготовилъ на правомъ берегу рѣки укрѣпленный лагерь. Въ началѣ Мая прибылъ туда самъ главнокомандующій и подвинулъ къ этому пункту свой корпусъ. Здѣсь по обоимъ берегамъ Евфрата была еще граница Турецкая; но переходъ рѣки имѣлъ грозное значеніе, и уже рушились и послѣднія надежды приверженцевъ мира. Коммисаръ Порты, отъ кого ожидали въ столицѣ точныхъ свѣдѣній, чтобы рѣшиться на миръ или на войну, ускорилъ можетъ быть по секретнымъ наставленіямъ Султана результаты ввѣреннаго ему порученія.

Египетскія войска сосредоточивались въ Алепѣ. Ибрагимъ-паша, начальникъ штаба Солиманъ-паша,

---

*) Нынѣ Омаръ-паша; онъ сталъ извѣстнымъ Европѣ тѣмъ что въ промежутокъ времени отъ паденія Шагабовъ до введенія нынѣшней системы управленія на Ливанѣ, былъ правителемъ Ливанскимъ и усмирилъ въ 1842 году бунтъ Друзовъ. Въ послѣдствіи отличился въ Румелійской экспедиціи, 1844 года, а въ 1847 году усмирилъ бунтъ Кюрдовъ и Бедеръ-Ханъ-Бея.

военный министръ Мехметъ-Алія Ахметъ-Меникли-паша, одинъ за другимъ туда поспѣшили готовиться къ походу. Вѣсть о приближеніи Султанскихъ войскъ потревожила всю Сирію. Ненависть къ Египетскому правленію стала обнаруживаться въ мусульманской черни фанатическою преданностію къ Султану. Въ Дамаскѣ, въ Триполи, въ Алепѣ, въ Наплузѣ и во всей Палестинѣ ждали только перваго извѣстія о вторженіи Султанской арміи и о пораженіи Ибрагима, чтобы возстать народными массами съ его тылу. Но въ тоже время кровавыя угрозы глухо преслѣдовали повсюду христіанское народонаселеніе, на которое чернь готовилась излить первую свою ярость. Изъ Дамаска, горнила мусульманскаго ханжества, готовилась искра первой вспышки, и христіанское его народонаселеніе обречено было выкупить потоками своей крови восьмилѣтнюю льготу вѣротерпимости подъ Египетскимъ правленіемъ. Ибрагимъ хорошо понималъ эти расположенія Сирійскихъ племенъ. Онъ предписалъ эмиру Ливанскому стать лагеремъ съ своими горцами по сосѣдству Дамаска, чтобы содержать въ страхѣ буйную его чернь.

10 Мая Оттоманская армія подвинулась еще впередъ до Незиба,*) въ двѣнадцати верстахъ отъ Сирійской границы, и стала тамъ укрѣпляться лагеремъ. Война дѣлалась неизбѣжною; но и та и другая сторона силились избѣгать наступательныхъ дѣйствій, ибо и той и другой сторонѣ была повторительно объявлена воля Европейскихъ Державъ о сохраненіи мира, Мехметъ-Алію съ строгими

*) Древняя Нисивія о которой часто упоминается въ войнахъ Греческихъ императоровъ съ халифами. Здѣсь Іоаннъ Цимисхій одержалъ побѣду надъ Персами, и отсюда онъ вывезъ мощи св. Іакова. Замѣтимъ здѣсь, что Цимисхій въ этотъ походъ завоевалъ Сирію въ семь мѣсяцевъ, съ обычною быстротою всѣхъ завоевателей этаго края, но и онъ не долго удержалъ ее за собою.

угрозами, Султану съ подобающимъ приличіемъ. Теперь стали раскрываться планы Махмуда, зрѣло и основательно имъ обдуманные. Ему хорошо было извѣстно моральное состояніе Сиріи. Появленіе Султанскихъ знаменъ у Сирійской границы было призывомъ къ возстанію народонаселеній, утомленныхъ отъ Египетскаго владычества. При первомъ народномъ возстаніи султанская армія имѣла-бы законный предлогъ вступить въ край для возстановленія мира, для разбирательства жалобъ и вопля народнаго на Султанскаго намѣстника, а Египетскому войску стѣсненному со всѣхъ сторонъ бунтомъ народнымъ и арміею Султана, не оставалось другаго спасенія какъ бѣжать стремглавъ въ Египетъ, пока еще общій бунтъ не пресѣкъ-бы обратнаго пути. Съ другой стороны близость Султанскихъ знаменъ могла подѣйствовать на духъ самаго войска Египетскаго, привязаннаго однимъ только страхомъ къ игу дисциплины, видѣвшаго въ Мехметъ-Алiѣ и въ его сынѣ счастливыхъ похитителей, чуждаго всякаго сочувствія къ нимъ, и осужденнаго даже побѣдами своими ковать себѣ цѣпи болѣе и болѣе тяжкія. Моральное состояніе войска Египетскаго также хорошо было извѣстно Султану какъ и расположеніе Сирійскихъ племенъ. Сомнѣнія не было въ томъ, что въ нѣсколько недѣль наблюдательной стоянки Хафизъ-паша привлекъ-бы на свою сторону большую половину этаго войска. Въ такомъ случаѣ Султанъ и зачинщикомъ войны не былъ и избѣгалъ случайностей сраженія. Утвердительно можно сказать, что войско Хафизъ-паши было наблюдательнымъ корпусомъ, и что его присутствіе было достаточно для исполненія мысли Султана. Но могли-ли долго оставаться въ такихъ обстоятелствахъ двѣ арміи одна предъ другою, ограничиваясь взаимнымъ наблюденіемъ? Хафизъ сдѣлалъ свой лагерь неприступнымъ

со стороны Сирійской границы. Ему оставалось ждать несомнѣннаго маральнаго эффекта своей позиціи, и такъ какъ армія Ибрагима по необходимости сосредоточивалась въ Алеппѣ, то первая вспышка народной войны въ Гауранѣ, въ горахъ Наплузскихъ, въ сѣверныхъ отрасляхъ Ливана, гдѣ всего болѣе кипѣло неудовольствіе на Египетское владычество, могла-бы обнять всю Сирію и передать ее безъ боя власти законнаго государя. Уже заблаговременно предусмотрительность Махмуда обезпечила рѣшительный успѣхъ при наступленіи благопріятной минуты: Али-паша Багдадскій, который еще недавно усмирилъ бунтъ своего предшественника Давуда, былъ готовъ съ Бедуинами ворваться въ Сирію чрезъ Евфратскую пустыню; Индже-Мехметъ-паша Мосульскій выступалъ изъ Месопотаміи съ своими милиціями, чтобы поддерживать операціи главной арміи; Кюрдъ-Сулейманъ-паша Марашскій велъ воинственныя ватаги Кюрдовъ, къ которымъ присоединились-бы соплеменныя имъ кочевья Кюрдовъ внутри Сиріи; наконецъ Хаджи-Али-паша и Иззетъ-Мехметъ-паша командовали двумя резервными дивизіями въ Коніи и въ Ангирѣ, первый угрожая ворваться въ ущелія Колекъ-Богаза, второй для поддержанія дѣйствующей арміи. Если присовокупить къ этому обширному плану, такъ тщательно заготовленному Махмудомъ, предположенное появленіе флота у Сирійскихъ береговъ и дессанта въ Триполи, по сосѣдству мятежнаго Аккьара, то армія Ибрагима была-бы задавлена обступавшимъ со всѣхъ сторонъ потокомъ, и успѣхъ былъ несомнителенъ. Нетерпѣливый Хафизъ, едва укрѣпившись лагеремъ въ Незибѣ, сталъ призывать къ бунту ближайшіе Сирійскіе округи, стиснутые между двумя арміями, и при первомъ случаѣ занялъ округъ *Орулъ* и городъ *Айнтабъ* за чертою Сирійской границы. Этимъ преждевременно откры-

лись непріятельскія дѣйствія. Тогда-же встрепенулись горскія племена южныхъ отраслей Тавра, и стали спускаться партіями съ *Кюрдъ-Дага* и *Гяуръ-Дага* на ближайшіе округи Египетскихъ владѣній. Въ Ливанскихъ округахъ *Аккьаръ* и *Данньэ* народъ волновался, и умерщвлялъ Египетскихъ сборщиковъ податей и даже своего муселима. Вся Сирія были готова возстать; но ошибки Султанскаго полководца поставили еще разъ имперію на край погибели. Произошли небольшія стычки между Бедуинами племени *Хàнеди*, бывшими въ службѣ Ибрагима, и нерегулярною конницею Хафиза. Ибрагимъ письменно требовалъ у него объясненій, укоряя въ нарушеніи мира и слагая съ себя отвѣтственность могущихъ воспослѣдовать бѣдствій. Хафизъ въ своемъ отвѣтѣ, испещренномъ цвѣтами восточнаго краснорѣчія, оправдывался случайностями войсковыхъ движеній, обвинялъ въ свою очередь отряды Египетскаго войска въ грабительствѣ поселянъ, и основываясь на письменныхъ увѣреніяхъ Ибрагима въ повиновеніи Султану и въ желаніи сохранить миръ, совѣтовалъ ему дѣйствовать согласно съ своими словами и съ долгомъ вѣрноподданнаго и мусульманина.

Все это было отголоскомъ дипломатическихъ объясненій этой эпохи. И Султанъ и Мехметъ-Али, тщательно укрывая отъ Европы свои замыслы, обвиняли другъ друга въ нарушеніи мира. Кто же въ самомъ дѣлѣ былъ его нарушителемъ, вопреки дружелюбнаго ходатайства или строгаго слова Великихъ Державъ? Европейскіе кабинеты старались всячески сохранить на Востокѣ миръ, во избѣжаніе новыхъ политическихъ волненій, которыя рано-ли поздно-ли могли нарушить самый миръ Европы, а потому могли быть взыскательны противу зачинщика. Но кто былъ зачинщикомъ? Ужели зачинщикомъ войны должно почесть всегда того кто

выпалитъ первую пушку? Султанъ Махмудъ могъ-ли сносить равнодушно уничиженіе вынужденнаго Кютахійскаго договора, и самъ Мехметъ-Али пребывалъ-ли вѣрнымъ своему договору? Не онъ-ли просилъ содѣйствія иностранныхъ Державъ своимъ замысламъ независимости? Одного этого довольно для оправданія задуманной Султаномъ мести; и не говоря уже о неуплатѣ условленной подати, о своевольной смѣнѣ духовныхъ сановниковь въ Меккѣ и Мединѣ, которыхъ назначеніе принадлежитъ къ неотъемлемымъ правамъ духовнаго главы Ислама, все поведеніе Мехметъ-Алія къ государю и къ государству обнаруживало въ немъ преступное посягательство на гражданскія и духовныя права Османова дома. Упрекали Султана и его министровъ въ двуличіи предъ Европейскими кабинетами; но могъ-ли Махмудъ положиться на доброжелательство Европейскихъ кабинетовъ, или покрайней мѣрѣ на ихъ единомысліе, когда Франція, выставляя себя усердною союзницею Султана, не переставала съ 1833 года поддерживать притязанія Мехметъ-Алія и тѣмъ внушать новую дерзость надмѣнному вассалу? Могъ-ли онъ ввѣриться совѣтамъ Державъ, изъ которыхъ каждая имѣла особенное свое воззрѣніе на дѣла Востока, и домогалась въ нихъ или новыхъ для себя выгодъ или гирь для политическаго равновѣсія Европы, по частнымъ своимъ видамъ? Одна Россія великодушно, безвозмездно поспѣла къ нему на помощь въ критическую минуту; но какія чувства обнаружили тогда Западныя ея соперницы? Махмудъ былъ вправѣ желать, чтобы дѣло это, отъ котораго зависила судьба имперіи и престола, дѣло собственно Восточное, было разрѣшено домашнимъ судомъ между государемъ и вассаломъ, безъ всякаго вмѣшательства Европейскихъ Державъ. Когда же самыя снисходительныя его предложенія были отвергнуты

ненасытнымъ пашею, когда вассалъ этотъ съ каждымъ годомъ становился дерзновеннѣе и опаснѣе, было предпочтительнѣе для Султана прибѣгнуть къ оружію и принять въ глазахъ своего народа достойную законныхъ его правъ наступательную позицію, чѣмъ ждать новаго похода Египетской арміи подъ самую столицу.

При всемъ этомъ опытъ прошедшаго предписывалъ строгую осторожность въ исполненіи задуманнаго плана. За полтора года предъ тѣмъ въ эпоху Гауранской войны, когда Египетское владычество было такъ сильно потрясено во всей Сиріи, появленія Султанской арміи было достаточно, чтобы довершить грозный кризисъ. Тѣ же элементы народныхъ неудовольствій не переставали тревожить край; было нужно дать имъ созрѣть, и при новомъ кризисѣ разрушить Египетское владычество въ Сиріи. Вмѣсто того чтобы призывать къ бунту небольшія племена, въ тылу коихъ стояла Египетская армія, Хафизъ-паша долженъ былъ выждать возстанія внутреннихъ округовъ, и въ условное время предстать съ знаменами законнаго государя спасителемъ угнетеннаго народа, судіею непокорныхъ пашей.

ГЛАВА XI.

ПОСТАНОВЛЕНІЕ СОВѢТА О ВОЙНѢ. — ОТПЛЫТІЕ ФЛОТА. — ПОСЛѢДНІЕ ВЫѢЗДЫ СУЛТАНА. — ЕГО БОЛѢЗНЬ. — ПРИЗРАКЪ БРАТА. — СМЕРТЬ МАХМУДА. — ВОЦАРЕНІЕ АБДУЛЪ-МЕДЖИДА — СОСТОЯНІЕ УМОВЪ ВЪ СТОЛИЦѢ — ХОЗРЕФЪ И ХАЛИЛЬ. — ОТКРЫТІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ. — ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЯ ПРИКАЗАНІЯ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ — РАСПОРЯЖЕНІЯ ИБРАГИМА И СОЛИМАНА. — ПРУССКІЕ ОФИЦЕРЫ ВЪ ОТТОМАНСКОМЪ ЛАГЕРѢ И ИМАМЫ ВЪ ВОЕННОМЪ СОВѢТѢ. — ФЛАНГОВОЕ ДВИЖЕНІЕ И НОЧНАЯ АТТАКА. — НЕЗИБСКОЕ СРАЖЕНІЕ. — ПРИЧИНЫ УМѢРЕННОСТИ ИБРАГИМА ПОСЛѢ ПОБѢДЫ. — ИЗМѢНА КАПИТАНЪ-ПАШИ.

Оставимъ обѣ арміи у сѣверной границы Сиріи, и взглянемъ на происходившее въ это время въ Константинополѣ и въ Александріи.

Возвращеніе Таяръ-паши и Омаръ-бея въ столицу положило конецъ колебаніямъ Порты между тайнымъ желаніемъ Султана и опасеніями приверженцевъ мира. По докладу коммисаровъ отличное устройство арміи Хафиза, опытъ пріобрѣтенный въ походѣ Кюрдистанскомъ, общій энтузіазмъ за Султана — все ручалось въ несомнѣнномъ успѣхѣ. Въ исходѣ Мая, въ то время когда Хафизъ занималъ Незибъ, въ Константинополѣ въ общемъ совѣтѣ министровъ и всѣхъ верховныхъ сановниковъ гражданской и духовной іерархіи Ислама, въ присутствіи Падишаха, было

рѣшено извлечь *карательный мечь изъ ножень царскаго долготерпѣнія.* На основаніи коренныхъ законовъ Оттоманской имперіи Шейхъ-улъ-Исламъ издалъ *Фетва*, юридическое мнѣніе о законности этой войны. Впрочемъ, во избѣжаніе докучныхъ объясненій съ Европейскими посольствами, совѣтъ рѣшилъ не обнародовать этаго акта, который могъ почесться не объявленіемъ войны, но домашнею мѣрою, наказаніемъ виновнаго намѣстника Порты. Въ два послѣдующіе дня Турецкій флотъ, стоявшій на якорѣ въ проливѣ предъ дворцомъ Бешикъ-Ташъ, торжественно спускался въ Мраморное Море, взявши шесть тысячъ дессантнаго войска. О назначеніи флота также никакого сообщенія не было сдѣлано Европейскимъ посольствамъ, но уже молва разглашала рѣшеніе Турецкаго кабинета, и столица была въ безпокойномъ ожиданіи. Флоту приказано оставаться на якорѣ въ Дарданеллахъ, и тамъ оканчивать внутреннія починки кораблей, въ ожиданіи дальнѣйшихъ повелѣній.

Султанъ лично осмотрѣлъ свой флотъ, надъ преобразованіемъ котораго по Европейской системѣ онъ трудился нѣсколько лѣтъ сряду, и который былъ ввѣренъ первому любимцу этой эпохи, Февзи-Мехмету. Предъ самое отплытіе второй дивизіи подъ начальствомъ Капитанъ-паши, Султанъ Махмудъ, сопутствуемый первоклассными своими вельможами, навѣстилъ адмиральскій корабль, 140 пушечный *Махмудье*, недавно перестроенный съ необыкновеннымъ великолѣпіемъ и щегольствомъ. Около часу Султанъ объяснялся секретно съ своимъ адмираломъ и давалъ ему послѣднія свои приказанія.

Уже съ нѣкотораго времени проявлялись въ Султанѣ болѣзненные признаки. Въ этотъ день всѣ были поражены его разслабленіемъ, блѣдностію его лица и

тусклостію взора. Онъ едва могъ подняться по трапу на палубу корабля, и нужно было поддерживать его шаткую походку, уже не этикета восточнаго ради. Однако по объясненіи съ любимцемъ, который на палубѣ палъ ницъ предъ своимъ повелителемъ и со слезами прощался, при восклицаніяхъ экипажей разставленныхъ по реямъ, при громѣ пушекъ со всей эскадры, взоръ Махмуда просіялъ, будто надежда скораго мщенія возвращала ему пламя жизни, уже безвозвратно осужденной.

Отправляясь въ эту достопримѣчательную эпоху въ Сирію, я провелъ нѣсколько недѣль въ Константинополѣ, и не одинъ разъ имѣлъ случай видѣть Султана Махмуда. Еще въ началѣ Мая въ воскресный день, въ прогулкѣ на прѣсныхъ водахъ Золотаго Рога, гдѣ Султанъ показался въ черномъ, не въ парадномъ катерѣ, въ сопровожденіи двухъ своихъ сыновей и стараго Хозрефа, лице его было нарумянено, чтобы скрыть отъ народа болѣзненный его видъ. Въ послѣдній разъ въ тотъ день преобразователь Востока насладился въ открытомъ мраморномъ кіоскѣ, въ виду многочисленнаго Европейскаго общества, стариннымъ турецкимъ зрѣлищемъ пляски мальчиковъ... За тѣмъ въ посѣщеніе флота признаки недуга становились явственнѣе, хотя Султанъ продолжалъ румянить лице. Можетъ быть самъ онъ не хотѣлъ вѣрить въ болѣзнь. Одаренный отъ природы крѣпкимъ тѣлосложеніемъ, этимъ наслѣдіемъ Османова племени, онъ почти никогда не бывалъ боленъ, и счастливо переносилъ утомительные труды кабинетные, которымъ посвящалъ около восьми часовъ въ сутки, усталость смотровъ и маневровъ, и ночныя вакхическія оргіи, послѣ которыхъ впадалъ онъ обыкновенно въ летаргическій сонъ. Преобразователь полюбилъ шампанское въ пору первыхъ своихъ попытокъ

къ нововведеніямъ, затѣмъ шампанское стало ему приторно, какъ старинные шербеты; онъ много лѣтъ сряду упивался ромомъ, и наконецъ сталъ пить перегнанный винный спиртъ. Обычная таинственность восточной жизни укрывала отъ народа серальскія оргіи и ихъ послѣдствія. Сказывали въ высшемъ кругу что періодическое опьяненіе оживляло новою дѣятельностію усталый геній Махмуда. И въ самомъ дѣлѣ онъ не переставалъ вникать во всѣ подробности по управленію; самодержавно направлялъ дѣла политическія, общее устройство имперіи, новыя отношенія пашей къ Портѣ, внутреннее образованіе министерствъ, всѣ отрасли военной администраціи, словомъ, всѣ эти новыя любимыя созданія, которыми было ознаменовано его царствованіе. Въ то же время онъ лично надзиралъ за воспитаніемъ своихъ сыновей, и удовлетворялъ неизмѣнной своей страсти къ постройкамъ и перестройкамъ, посвящая еще много времени и денегъ своимъ архитектурнымъ фантазіямъ. Въ послѣдніе годы любимымъ занятіемъ Махмуда было дѣло о Сиріи. Онъ непосредственно завѣдывалъ ходомъ этаго дѣла самъ, мимо министровъ. Всѣ его помышленія были направлены къ тому чтобы смирить кичливаго похитителя и исполнить строгій приговоръ единодержавія надъ послѣднимъ изъ непокорныхъ вассаловъ. Уже приступалъ онъ къ исполненію обширнаго плана, на который такъ пламенно тратилъ Махмудъ послѣднія усилія своего генія — какъ вдругъ ему измѣнилъ истощенный его темпераментъ, еще прежде чѣмъ поспѣла ему измѣнить судьба.

Съ появленіемъ весны стали обнаруживаться первые признаки болѣзненнаго состоянія Султана. Онъ отказался отъ крѣпкихъ напитковъ, но не рѣшался прибѣгнуть къ медицинскимъ пособіямъ. Его мучили безсонница, лишеніе аппетита, упорный кашель, гемо-

роидальныя потери крови, общее раздраженіе организма. Въ этомъ страдальческомъ состояніи онъ провелъ Апрѣль и Май. Съ деспотическою волею укрывалъ онъ отъ приближенныхъ, можетъ быть отъ самаго себя, разрушеніе своего здоровья, удвоивалъ дѣятельность свою въ занятіяхъ, и утомлялъ разслабленное тѣло чрезмѣрными упражненіями. При совершенномъ разстройствѣ нервовъ умъ его сохранялъ всю свою силу подъ вліяніемъ неизмѣнной мысли о приготовленіяхъ къ походу въ Сирію. Когда же всѣ эти распоряженія были приведены къ концу, когда было отдано войску повелѣніе вступить въ походъ, а флотъ отплылъ изъ Константинополя, тогда только будто лопнула пружина, которая поддерживала всю эту лихорадочную дѣятельность умственныхъ и тѣлесныхъ способностей. 2-го Іюня Султанъ слегъ, и въ тотъ же день консиліумъ придворныхъ медиковъ, въ томъ числѣ вызванный изъ Вѣны, за нѣсколько времени передъ тѣмъ, ученый докторъ Нейеръ, объявили состояніе его безнадежнымъ.

По предложенію медиковъ Султанъ согласился переѣхать въ свой загородный кіоскъ, въ *Чамлиджи* на горѣ *Бугурлу*, которая славится своимъ воздухомъ*).

*) Нашъ посланникъ А. П. Бутеневъ жилъ тогда съ своимъ семействомъ въ Кадикьои на Азіятскомъ берегу Босфора, неподалеку отъ Бугурлу. Въ одной изъ нашихъ прогулокъ съ посланникомъ верхами, въ сопровожденіи дамъ, мы проѣхали неподалеку отъ кіоска, и я видѣлъ въ послѣдній разъ блѣдное, исхудавшее лицо Махмуда, который меланхолически сидѣлъ у окна и любовался волшебными видами, раскинутыми кругомъ горы. Узнавши посланника, къ которому онъ всегда питалъ особенную благосклонность, Султанъ выслалъ къ нему съ привѣтствіемъ своихъ камергеровъ, освѣдомляясь съ любезностію Восточнаго этикета о здоровьи его и его семейства. Много любопытныхъ подробностей и рѣзкихъ анекдотовъ, перемѣшанныхъ сплетнями этой эпохи, заключается въ книгѣ Deux années de l'histoire d'Orient par Mess. Cadalvène et Barrault. Включенный мною здѣсь разсказъ о послѣднихъ дняхъ Махмуда послужитъ дополненіемъ къ подробностямъ, изложеннымъ мною въ Очеркахъ Константинополя, о возшествіи его на престолъ и о первыхъ его попыткахъ на поприщѣ преобразованій.

Съ каждымъ днемъ болѣзнь усиливалась. Консиліумы возобновлялись подъ руководствомъ министра медицины, Хекимъ-Баши Абдуллахъ-Эффендія, долго бывшаго любимцемъ Махмудовымъ. Все вліяніе умнаго и ловкаго Абдуллаха на умъ умиравшаго монарха едва могло убѣдить его въ необходимости подчинить упрямую свою волю предписаніямъ факультета. Дворъ и министерство старались скрыть отъ народа состояніе Султана; но молва о его болѣзни произвела глубокое уныніе въ столицѣ, всегда угрожаемой новою вспышкою янычарскихъ мятежей. На всѣхъ лицахъ замѣтно было безпокойство. Въ эту критическую минуту и мусульмане и христіане цѣнили заслуги преобразователя, который доставилъ наконецъ своему народу внутреннюю безопасность и человѣколюбивое управленіе, искупивши тяжкимъ гражданскимъ трудомъ кровавыя опалы настигшія Грековъ въ 1821 году, Турокъ въ 1826 г.

Султанша Эсма, любимая сестра Махмуда, послала къ нему своего доктора Англичанина Милинджена. Новый медикъ удивилъ придворныхъ проницательностію своего взгляда, діагностически опредѣливъ болѣзнь Султана, угадавши самые потаенные ея симптомы; а приписалъ онъ болѣзнь невоздержности отъ крѣпкихъ напитковъ. Въ наукѣ болѣзнь эта носитъ страшное названіе — delirium tremens. Въ самомъ дѣлѣ, порою проявлялись въ больномъ признаки опьяненія; порою умственныя его способности прояснялись, и онъ настоятельно требовалъ чтобы ему были подносимы всѣ доклады Порты, и занимался отправленіемъ дѣлъ съ своими секретарями. Въ пятницу, чувствуя себя лучше, и желая разсѣять уныніе произведенное въ народѣ его болѣзнію, онъ въ коляскѣ поѣхалъ въ мечеть въ Скутари, вопреки просьбъ своихъ приближенныхъ, которые боялись дѣйствія жгучаго полуденнаго солнца на больнаго Султана. Тамъ

творя свои преклоненія, онъ впалъ въ обморокъ. Докторъ Милиндженъ, призванный вновь, не усумнился объявить сановникамъ окружавшимъ Султана и двумъ его зятямъ Халиль-пашѣ и Саидъ-пашѣ, что Падишаху оставалось немного дней жизни, и что всѣ усилія медицины могли лишь продлить нѣсколько урочную минуту и облегчить послѣднія его страданія. Для сего онъ предложилъ опіумъ въ сильныхъ пріемахъ. Европейская наука прибѣгала къ эликсиру Востока, чтобы побороть въ преобразователѣ Ислама роковыя послѣдствія проклятыхъ пророкомъ напитковъ. Въ самомъ дѣлѣ первые пріемы опіума произвели эффектъ чудесный. Султанъ, пробудившись отъ сна, будто ожилъ, и чувствовалъ себя въ полномъ здравіи. Радостная вѣсть пронеслась по городу и три дня сряду продолжались иллюминаціи и фейерверки.

Этимъ Дворъ желалъ только выиграть время и сдѣлать нужныя распоряженія для сохраненія безопасности въ столицѣ при перемѣнѣ царствованія. Въ такія минуты и во Дворѣ и въ правительствѣ и въ народѣ невольно обращались всѣ взоры на стараго Хозрефа, котораго умъ, опытъ и дѣятельность, вліяніе на умы народные, довѣренность къ нему народа, могли отстранить угрожавшія престолу потрясенія. Онъ былъ призванъ въ Чамлиджа отъ имени матери наслѣдника, *) и неотлучно тамъ оставался вмѣстѣ съ зятьями Султана. Пріемы опіума, постепенно усиленные, поддерживали еще нѣсколько дней угасавшую жизнь Махмуда; но его дѣйствіе болѣе и болѣе ослабѣвало въ борьбѣ съ недугомъ. Видѣнія стали тревожить помраченный

---

*) Титло султанши принадлежитъ только матери Султана, его сестрамъ и дочерямъ; до вступленія сына на престолъ мать наслѣдника не пользуется никакими почетными отличіями. Извѣстно что Султанъ законной жены имѣть не можетъ.

умъ царственнаго страдальца. Въ бреду предсмертномъ онъ видѣлъ тѣнь своего брата Мустафы, удушеннаго по его повелѣнію за тридцать одинъ годъ предъ тѣмъ...

Наконецъ въ утро на девятнадцатое Іюня жизнь нечувствительно погасла въ Султанѣ послѣ летаргической агоніи. Заблаговременно были приняты дѣятельнымъ Хозрефомъ всѣ нужныя мѣры для воцаренія 17-ти лѣтняго Абдулъ-Меджида. Молодой Султанъ, среди слезъ пролитыхъ надъ тѣломъ нѣжно любимаго отца, тотчасъ назначилъ Хозрефа Великимъ визиромъ и Халиль-пашу Военнымъ министромъ, ввѣряя этимъ двумъ лицамъ свою судьбу и судьбу имперіи. Вмѣстѣ съ ними отправился онъ въ старый дворецъ Султановъ, въ *Топъ-Капы*, чтобы принять поклоны всѣхъ высшихъ сановниковъ. Усиленныя патрули обходили городъ. Къ вечеру того же дня предавали землѣ тѣло усопшаго среди нелицемѣрныхъ рыданій всего народонаселенія столицы.

Юность Абдулъ-Меджида внушала великія опасенія и вельможамъ и народу. Въ Хозрефѣ, облеченномъ званіемъ Великаго визира, давно упраздненнымъ при Махмудѣ, и полномочіями намѣстника Султана еще незнакомаго съ наукою правленія, всѣ видѣли надежную подпору новаго царствованія, которое не могло избрать лучшаго руководителя. Искусно была распущена въ народѣ молва о предсмертныхъ будто распоряженіяхъ Махмуда, о совѣтахъ данныхъ имъ сыну назначить Хозрефа Визиромъ и ввѣрить войско испытанному и преданному Халилю. Призывали тѣнь умершаго на скрѣпленіе акта, которымъ открывалось царствованіе его сына. Также и нѣсколько недѣль спустя, въ эпоху обряда опаясанія сабли, чѣмъ замѣняется въ потомствѣ завоевателя коронованіе, распускали въ народѣ слухъ о прибытіи въ столицу Виддинскаго паши, грознаго Хусеина, котораго имя, врѣ-

занное кровавыми чертами янычарскихъ казней въ народной памяти, служило пугалищемъ столичной черни. Между тѣмъ одинъ за другимъ изчезали невѣдомо кое-какіе роптатели; тайная полиція безъ шума избирала свои жертвы; по ночамъ бросали въ море удушенныхъ, а молва народная умножала число этихъ жертвъ, къ вящему страху всѣхъ злоумышленниковъ. Изобрѣтательный умъ Хозрефа, эта дѣятельность, которая будто усиливалась съ лѣтами въ хромомъ нарумяненномъ старикѣ, спасли столицу и царство отъ новыхъ бѣдствій.

Еще 16 Іюня за три дня до кончины Махмуда, были поспѣшно отправлены отъ Порты по внушенію Хозрефа гонцы съ повелѣніями Сераскиру Хафизъ-пашѣ прекратить военныя дѣйствія, а Адмиралу стоявшему въ Дарданеллахъ—возвратиться немедленно съ флотомъ въ столицу. Но уже было поздно.

По взятіи Турецкою арміею Айнтаба Ибрагимъ просилъ у своего отца новыхъ инструкцій. Непріятельскія дѣйствія были открыты; но зная, что дѣла Востока принимали иной оборотъ послѣ рѣшительныхъ объявленій сдѣланныхъ Мехметъ-Алію отъ имени Великихъ Державъ, Ибрагимъ не могъ дѣйствовать въ 1839 году подобно тому какъ онъ дѣйствовалъ въ 1832 г. Съ другой стороны ему другаго спасенія не оставалось кромѣ рѣшительной битвы. Кругомъ его, за нимъ, почва Сирійская загоралась бунтомъ; съ каждымъ днемъ положеніе его становилось опаснѣе, и самое его войско могло заразиться духомъ неповиновенія и покинуть его знамена.

Мехметъ-Али, вникнувъ въ положеніе арміи и сына, обрадовался тому, что Хафизъ-паша бралъ на себя отвѣтственность открытія непріятельскихъ дѣйствій. 28 Мая, въ тотъ самый день, когда Капитанъ-паша

выступалъ съ флотомъ изъ Константинополя, Мехметъ-Али, не сообщивши консуламъ Великихъ Державъ своего рѣшенія, подобно тому какъ и Султанъ не сообщалъ посольствамъ постановленій совѣта объ открытіи кампаніи, предписывалъ своему сыну аттаковать Турецкую армію, и по ея разбитіи занять Малатію, Харпутъ, Орфу и Діарбекиръ, *не переходя ущелій Колекъ-Богаза.* Если съ одной стороны крайность заставляла стараго пашу прибѣгнуть къ оружію, чтобы предупредить общее возстаніе Сиріи и погибель сына и арміи, за то угроза Хункьяръ-Скелесійскаго трактата и страхъ вторичнаго появленія Русскихъ силъ въ Константинополѣ, удерживали его отъ вторичнаго похода въ Малую Азію по направленію къ столицѣ. Занятіе округовъ прилежащихъ къ сѣверовосточнымъ границамъ Сиріи не могло имѣть важныхъ политическихъ послѣдствій.

Сообщенія между дѣйствующею арміею и Египтомъ производились въ эту критическую эпоху съ неимовѣрною быстротою. Въ пять дней поспѣло приказаніе Мехметъ-Алія изъ Александріи къ Ибрагиму, стоявшему на бивакахъ у самой границы, обозначенной рѣчкою Саджуромъ, однимъ изъ притоковъ Евфрата. Ибрагимъ тотчасъ съ легкими отрядами подвинулся впередъ, за черту Турецкой границы, и за нимъ послѣдовала вся армія подъ начальствомъ Соламанъ-паши. Въ Мезарѣ, въ десяти верстахъ отъ Незиба, были передовые посты Турецкой арміи; они легко были опрокинуты и укрылись въ укрѣпленный лагерь Хафиза. На другой день Ибрагимъ съ Солиманомъ и генеральнымъ штабомъ, подъ прикрытіемъ Бедуиновъ, улановъ и конной артиллеріи приблизился къ Незибу на рекогносцировку непріятельской позиціи. Сераскиръ выслалъ отряды нерегулярной конницы *Баши-бузуковъ* и артиллерію; про-

изошла небольшая перестрѣлка; Турецкіе наѣздники съ обычными визгами гарцовали въ полѣ, но не помѣшали Египтянамъ подробно снять позицію укрѣпленнаго лагеря. Семь сильныхъ редутовъ прикрывали его фронтъ. Ибрагимъ былъ готовъ повести свои колонны въ аттаку; его отклонилъ отъ столь дерзкаго покушенія начальникъ штаба Солиманъ-паша, родомъ французъ Севъ (Sèves) капитанъ Наполеоновой службы, которому обязанъ Мехметъ-Али формированіемъ своего регулярнаго войска, и который самъ между тѣмъ практически изучалъ стратегію въ своихъ походахъ въ Мореѣ и въ Сиріи. По его совѣту Египтяне отступили на другой день. Турецкое войско приписывало ихъ отступленіе страху; но Прусскіе офицеры прикомандированные къ Хафизъ-пашѣ, легко угадали намѣреніе Ибрагима сдѣлать фланговое движеніе и повести свою аттаку съ тыла. Такимъ образомъ Турецкій лагерь лишался всѣхъ выгодъ выбраннаго имъ и тщательно укрѣпленнаго мѣстоположенія. Они предупредили о томъ Хафиза, предлагая ему немедленно ретироваться въ первый укрѣпленный его лагерь въ Биледжикѣ, на берегу Евфрата, и опереться на рѣку, которая закрывала его тылъ. Но Хафизъ боялся упрека въ бѣгствѣ предъ непріятелемъ. Имамы, которые вдохновенными бреднями внушали бодрость войску, были призваны па совѣщаніе. Они объявили Сераскиру, что по свидѣтельству Оттоманскихъ хроникъ *побѣдоносныя* войска Султановъ (*Львы Ислама*, по точному выраженію Турецкаго историческаго слога) шли всегда впередъ и не уклонялись отъ битвы; что ихъ дѣло правое, что Аллахъ сразитъ бунтующаго отступника и т. п.

Судьба Оттоманской арміи была рѣшена: ея сила состояла въ бездѣйствіи, грозномъ для Ибрагима при тучѣ, которая отовсюду накоплялась на горизонтѣ Си-

ріи. Ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ испытывать матеріальныя силы, когда неминуемыя послѣдствія морального вліянія обезпечиваютъ успѣхъ блистательный.

Если Хафизъ виновенъ въ томъ что видя обходное движеніе Египетской арміи, не перешелъ тотчасъ въ Биледжикскій лагерь, по крайней мѣрѣ это объясняется его опасеніемъ, чтобы не оробѣли его войска, не говоря уже о томъ, что онъ лишился-бы большей части своего обоза. Гораздо непростительнѣе его безпечность въ продолженіе двудневнаго маневра непріятельской арміи кругомъ укрѣпленнаго его лагеря. Прусскіе офицеры умоляли его занять дефилей и мостъ, чрезъ которые Египтяне долженствовали пройти. Тогда отъ него зависѣло-бы выбрать время аттаки и поле сраженія; но вмѣсто того онъ далъ непріятелю спокойно исполнить самый дерзновенный маневръ, растянутыми колоннами въ виду огромной арміи, по мѣстностямъ прорѣзаннымъ глубокими рвами, рѣчками и пригорками, гдѣ легко можно было смять его войско, утомленное трудными переходами. Чтобы предупредить Турокъ и занять мостъ и дефилей, Египтяне въ первый день сдѣлали переходъ въ пятьдесятъ пять верстъ въ виду непріятеля. Часа за два до захожденія солнца Турецкая легкая артиллерія заняла холмъ въ большомъ разстояніи отъ дороги, и оттуда безвредно стрѣляла. Къ ночи, прошедши дефилей, Египтяне расположились на бивакахъ въ долинѣ у рѣчки, верстахъ въ семи отъ Турецкаго лагеря, на мѣстѣ совершенно открытомъ. Тогда только четыре Турецкія батареи прокрались во мракѣ на близкую возвышенность, и оттуда стали громить Египтянъ изъ гаубицъ. Сдѣлалась суматоха въ Египетскомъ войскѣ. Мы имѣли уже случай замѣтить, что по стратегической системѣ Ибрагима позади колоннъ въ сраженіяхъ шли пушки, и картечью сгоняли въ строй

бѣгущихъ. Артиллерія была вѣрна и предана. Въ эту ночь, какъ только Турецкія батареи открыли свой огонь, Египетскіе пушкари бросились къ своимъ орудіямъ, и по собственному движенію, не дожидаясь приказанія, стали тотчасъ отвѣчать, и тѣмъ спасли армію, которой половина ожидала только случая чтобы перебѣжать къ непріятелю. Уже два баталіона со всѣми оберъ-офицерами искали дороги въ Турецкій лагерь; Бедуины ихъ настигли и воротили къ Ибрагиму, который охотно повѣрилъ словамъ бѣглецовъ, будто они въ суматохѣ и въ потьмахъ заблудились. Впрочемъ нѣсколько сотъ солдатъ Ибрагимовыхъ успѣли пробраться къ Туркамъ. Увѣряютъ, что Сераскиръ думалъ сдѣлать общую аттаку въ ту ночь, и все ручалось въ успѣхѣ; но Имамы ему представили, что правовѣрные воины должны идти на битву при дневномъ свѣтѣ, а не во мракѣ ночи, будто тати. Такимъ образомъ Хафизъ выждалъ аттаку, уступивши непріятелю всѣ выгоды своей позиціи, и принужденный самъ обратить на изнанку свой боевой порядокъ, и оставить въ тылу тѣ редуты, коими прикрывался его фронтъ.

На другой день Египтяне продолжали отдыхать подъ солнцемъ и чистили свои ружья. Одни только генералы имѣли палатки въ этой раскаленной стоянкѣ, гдѣ термометръ показывалъ въ тѣни 30 градусовъ Реом. Во все это время войску отпускалось по полупорціи сухаря и ничего болѣе. Наконецъ въ третій день, 12 Іюня была роздана послѣдняя полупорція, и объявлено солдатамъ, что чрезъ нѣсколько часовъ всякаго продовольствія будетъ найдено въ изобиліи въ Турецкомъ лагерѣ. За тѣмъ Египетская армія, продолжая свое фланговое движеніе, спускалась въ самое поле, выбранное ею для аттаки непріятеля съ тылу. Турки успѣли поставить нѣсколько плохихъ редутовъ

предъ новымъ своимъ фронтомъ. Ибрагимъ повелъ сперва свои колонны перпендикулярно къ Турецкой линіи, въ надеждѣ что Турки выступятъ въ чистое поле. Видя намѣреніе ихъ принять сраженіе въ своихъ линіяхъ, онъ сталъ маневрировать параллельно, и вдругъ велѣлъ занять возвышеніе надъ лѣвымъ крыломъ непріятельской арміи, откуда артиллерія могла обстрѣливать все поле. Тогда только Хафизъ-паша понялъ стратегическую важность этаго пункта и поспѣшилъ предупредить Египтянъ. Этимъ открылось сраженіе.

Никогда со времени введенія Европейской тактики на Востокѣ не встрѣчались въ полѣ лучшія арміи. Съ обѣихъ сторонъ силы были равныя; въ Султанскомъ войскѣ считалось пятьдесять семь баталіоновъ (11 гвардейскихъ, 17 линейныхъ и 29 баталіоновъ регулярной милиціи *редифовъ*) пятьдесять эскадроновъ конницы (18 гвардейскихъ, 12 линейныхъ и 20 эскадроновъ нерегулярныхъ *Спахіевъ* и *Баши-бузуковъ*) всего около 33/т. пѣхоты и 5/т. кавалеріи, при 140 орудіяхъ и 3/т. канонировъ. Египетская армія состояла изъ четырнадцати пѣхотныхъ полковъ въ три баталіона, изъ тридцати двухъ эскадроновъ регулярной кавалеріи, около трехъ тысячь Бедуиновъ и Баши-бузуковъ и четырехъ артиллерійскихъ полковъ съ 130 орудіями, всего около 40,000 войска.

Много преимуществъ моральныхъ и матеріальныхъ было на сторонѣ Турокъ. Турецкій солдатъ былъ здоровѣе тѣлосложеніемъ, лучше одѣтъ и кормленъ, несравненно воинственнѣе по природѣ чѣмъ Египетскіе и Сирійскіе рекруты, несравненно бодрѣе и смѣлѣе, и кромѣ того онъ былъ болѣе преданъ своимъ знаменамъ и оживленъ религіознымъ чувствомъ. Турецкая армія нѣсколько недѣль уже отдыхала въ лагерѣ и совершенно оправилась отъ усталостей похода, отъ неду-

говъ, истомившихъ ее въ продолженіе зимы и весны. Счастливые походы противу Кюрдовъ удостовѣрили наконецъ Турецкое войско въ преимуществахъ новой тактики, и возвысили въ его глазахъ собственное достоинство. Въ первый разъ регулярное Турецкое войско было одушевлено тою смѣлою самонадѣянностію, которая въ старину породила чудеса храбрости въ янычарскихъ ополченіяхъ.

Всѣ эти важныя преимущества съ избыткомъ вознаграждались въ Египетскомъ войскѣ дисциплиною солдата и личными достоинствами двухъ полководцевъ, Ибрагима и Солимана. Половина Египетскихъ низамовъ и всѣ безъ исключенія Сирійскіе рекруты были однимъ только страхомъ привязаны къ своимъ знаменамъ. Они могли вспоминать побѣды, которыми ознаменованъ походъ 1832 года; но какую же льготу доставили солдату кровные его труды? Семь лѣтъ безъ устали онъ былъ осужденъ бороться съ своими одноплеменниками въ Сиріи и въ Аравіи и слушать проклятія своихъ единоземцевъ. Ни религіозное чувство, ни искра военнаго энтузіазма не одушевляли этихъ невольническихъ массъ, прикованныхъ цѣпію дисциплины къ судьбѣ честолюбца, окруженнаго страхомъ и славою. Въ физическомъ отношеніи также Египетское войско было слабѣе Турецкаго; но вмѣстѣ съ тѣмъ оно было болѣе знакомо съ трудами и съ лишеніями, и было закалено тропическимъ солнцемъ своего климата; а въ день сраженія подъ Незибомъ термометръ поднимался въ тѣни до 30 градусовъ Реомюра. Самыя преимущества, которыми могла гордиться Турецкая армія, дѣлались ей пагубными: въ ней слишкомъ много заботились о матеріальномъ благѣ солдата. По мѣрѣ развитія своей военной системы Махмудъ не щадилъ никакихъ пожертвованій, чтобы внушить сво-

ему народу сочувствіе къ строевой службѣ *) Въ Турецкомъ войскѣ завелась мало-по-малу такая роскошь, особенно въ пищѣ и лагерной стоянкѣ, какой нѣтъ можетъ быть ни въ одномъ Европейскомъ государствѣ. Стали беречь солдатъ, будто дѣтей, отъ солнца, отъ холода, отъ сырости; ихъ кормили постоянно мясомъ, зеленью и рисомъ, и боялись утомить ихъ маневрами и разводами въ лѣтніе жары. Моральное воспитаніе солдата отзывалось тою-же системою баловства. Чтобы облагородить службу подъ ружьемъ и предупредить злоупотребленія власти, смягчили наказанія безъ всякой соразмѣрности со степенью народнаго образованія и съ понятіями восточныхъ народовъ о правахъ начальниковъ. Внѣ фронта офицеры до маіорскаго чина обходились съ рядовыми какъ съ равными, а предъ своими полковниками и генералами пресмыкались со всѣмъ уничиженіемъ старинныхъ формъ турецкаго этикета. Все это потому, что новыя постановленія и обычаи вводились высшими начальниками, которые охотно соглашались облагородить рядоваго сближеніемъ его съ офицерами, но между тѣмъ старались сберечь самимъ себѣ лестное наслѣдіе старинныхъ преданій **).

Въ Египетскомъ войскѣ дисциплина была значительно усилена во весь тревожный періодъ владычества

---

*) Во время перваго учрежденія регулярнаго войска въ 1826 году, солдатъ обходился въ общности ежегодно 500 піастровъ, что по тогдашнему курсу составитъ около *сорока* руб. сер. Тринадцать лѣтъ спустя солдатъ обходился въ годъ *восемьдесятъ руб. сер.*

**) Въ 1842 году въ моемъ присутствіи у сераскира Мустафы-паши Австрійскій ренегатъ Омаръ-паша, только что произведенный въ генералъ-маіоры, палъ ницъ предъ Мустафою и цѣловалъ его ногу. Не задолго предъ тѣмъ этотъ цѣлователь ногъ обѣдалъ у меня вмѣстѣ съ многими Англійскими офицерами, и по званію своему занималъ первое мѣсто.

Мехметъ-Алія въ Сиріи. Солдатъ привыкъ переносить всѣ труды, былъ трезвъ, не унывалъ отъ лишеній, и слѣпо повиновался своимъ начальникамъ. Ибрагимъ былъ самовластнымъ начальникомъ своего войска. Отъ него зависѣла вся судьба офицеровъ, которыхъ нелицемѣрная преданность усугублялась надеждою производства, особенно тѣмъ, что всѣ чины отъ подполковника и выше получали огромное содержаніе. Наконецъ Ибрагимъ умѣлъ цѣнить стратегическое превосходство своего начальника штаба Солиманъ-паши, вполнѣ довѣрялся его планамъ, точно исполнялъ его указанія во всѣхъ эволюціяхъ и въ самомъ сраженіи, и даже, при всей своей азіатской гордости, терпѣливо сносилъ запальчивый его нравъ. Въ Турецкомъ лагерѣ было много пашей, иные изъ нихъ отличались даже европейскимъ воспитаніемъ; были и Прусскіе офицеры генеральнаго штаба; но Хафизъ Прусскихъ офицеровъ не слушался, а въ пашахъ бывшихъ подъ его начальствомъ онъ не безъ причины видѣлъ завистниковъ, желавшихъ только погубить его.

При такомъ образованіи обѣихъ армій, и послѣ предварительныхъ ошибокъ Турецкаго генерала, нельзя было усумниться въ успѣхѣ Ибрагима. Какъ только была занята артиллеріею возвышенность надъ лѣвымъ крыломъ турецкой арміи, онъ направилъ весь натискъ своего праваго крыла на лѣвое турецкое, уклоняя свой центръ и свое лѣвое крыло. Онъ рѣшился повести быструю кавалерійскую аттаку въ тылъ лѣваго Турецкаго крыла, обхватить его еще разъ внутри его редутовъ, отрѣзать такимъ образомъ отъ лагеря, и однимъ рѣшительнымъ ударомъ окончить дѣло. Солиманъ съ нимъ согласился; но съ тѣмъ чтобы аттака поведена была эскадронами поперемѣнно чрезъ эскадронъ въ большихъ интерваллахъ, дабы не подвергнуть цѣ-

лой массы кавалеріи, которой колонны имѣли по 15 лошадей въ глубину, дѣйствію турецкихъ ядеръ и картечи. Ибрагимъ не послушался, или не понялъ. Съ турецкою самонадѣянностію онъ повелъ въ аттаку всю свою кавалерію массою. Маневръ не удался; она была опрокинута нѣсколькими залпами, и въ то же время въ правомъ крылѣ не стало зарядовъ. Шестнадцать баталіоновъ праваго крыла стали въ безпорядкѣ отступать. Усилія Ибрагима чтобы удержать бѣжавшихъ, и примѣръ офицеровъ, которые одинъ за другимъ гибли въ непріятельскомъ огнѣ, были напрасны. Солиманъ-паша въ этотъ критическій моментъ, громогласно проклиная и ругая Ибрагима прибѣгнулъ къ обычному средству для удержанія солдатъ въ линіяхъ: онъ направилъ на нихъ свою артиллерію, и картечью заставилъ ихъ выдержать непріятельскій огонь. Между тѣмъ поспѣли и вьюки со снарядами. *) Стоило Хафизъ-пашѣ сдѣлать своевременно быструю кавалерійскую аттаку, или двинуть пѣхоту въ штыки; все правое крыло Египтянъ было-бы совершенно опрокинуто. Онъ далъ имъ время оправиться и возобновить артиллерійскую аттаку картечью на разстояніи ста

*) Эпизодъ этотъ умолчанъ во всѣхъ реляціяхъ Незибскаго сраженія. Всѣ реляціи основаны на письмѣ Солиманъ-паши, напечатанномъ во Французскихъ журналахъ, а Солиманъ-паша, по своимъ отношеніямъ къ Ибрагиму, не могъ выставлять свѣту грубую его ошибку и необдуманный маневръ, которымъ едва не проиграно сраженіе. При томъ же подробности общей суматохи причиненной отступленіемъ кавалеріи не служатъ къ чести египетскихъ генераловъ, и слишкомъ выказываютъ расположеніе войска, котораго изнанку надо было для видовъ Мехметъ-Алія укрывать отъ взора Европы во чтобы то ни стало. Когда напримѣръ снаряды были истощены въ пѣхотѣ послѣ одного часу дѣйствія — что впрочемъ довольно странно — отчего бы не бросилась пѣхота въ штыки, какъ развѣ оттого что генералы боялись, что она передастся непріятелю? Рѣшительно можно сказать что Незибское сраженіе выиграно одною артиллеріею.

саженей. Вскорѣ нерегулярная его конница, которая въ минуту суматохи Египтянъ выступила чтобы погнаться за ними, бывъ встрѣчена картечью и ружейнымъ огнемъ, бросилась бѣжать назадъ, и привела въ разстройство ряды. Тогда центръ и лѣвое крыло Египтянъ, не принимавшіе дотолѣ никакого участія въ сраженіи, подвинулись впередъ. Чрезъ полчаса Турецкая армія была совершенно опрокинута. Хафизъ-паша сдѣлалъ чудеса храбрости, чтобы поправить свои ошибки. Не одинъ разъ онъ бросался самъ въ огонь, чтобы повлечь за собою разстроенныя свои линіи, и собственноручно рубилъ бѣгущихъ, сгоняя ихъ въ строй. Но сраженіе было потеряно.

Весь лагерь, всѣ обозы, вся артиллерія, 10,000 плѣнныхъ, 12,000 ружей, часть войсковой казны, даже брильянтовые знаки Сераскира и инструкціи данныя Султаномъ при открытіи кампаніи, достались побѣдителямъ. и Убтыхъ и раненныхъ считалось до 7,000 съ обѣихъ сторонъ почти поровну. Ибрагимъ расположился въ самомъ лагерѣ Турецкомъ, отдохнулъ въ великолѣпной палаткѣ Хафизъ-паши, а на другой день занялъ еще укрѣпленный лагерь въ Биледжикѣ, въ которомъ найдено 40 орудій большаго калибра. Остатки Турецкой арміи разбѣжались по ближнимъ горамъ. Завербованные ею Кюрды пробрались въ свои горы, а низамы Румелійскіе и Малоазійскіе искали спасенія съ своими генералами у резервныхъ дивизій въ Малатіи и въ Анкирѣ. Такова была участь этой арміи, которая по торжественнымъ увѣреніямъ самонадѣяннаго Хафиза, въ двѣ кампаніи долженствовала проникнуть въ Египетъ. Припишемъ-ли стратегическимъ погрѣшностямъ Турецкаго Генерала и случайностямъ войны потерю Незибскаго сраженія? Народы недаромъ назвали сраженія судомъ Божіимъ. Въ пораженіи Турецкой арміи подъ Незибомъ мы невольно

видимъ перстъ Божій, охранившій отъ великихъ бѣдствій все христіанское народонаселеніе Сиріи и Палестины. Судя по расположеніямъ магометанскихъ племенъ этой страны, о чемъ упоминали мы въ предъидущей главѣ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что торжество Турокъ было-бы сигналомъ неслыханныхъ неистовствъ разъяренной черни, и прежде чѣмъ успѣла-бы армія Хафиза прокинуть внутрь Сиріи и обуздать народныя страсти, христіане были-бы истреблены въ Алепѣ, въ Дамаскѣ и въ другихъ городахъ, а Святыя поклоненія Іерусалима были-бы преданы грабежу.

Ибрагимъ наказавши огромною пенею жителей Айнтаба и другихъ мѣстностей передававшихся Туркамъ, расположился въ Марашѣ. Дорога въ Стамбулъ была предъ нимъ открыта; но онъ не подвинулся впередъ, не возобновилъ попытки 1832 года, не призвалъ даже къ бунту Малоазійскихъ племенъ, единственно страха ради Хункьяръ-Скелесійскаго трактата. Онъ занялся утишеніемъ мятежей вспыхнувшихъ въ его тылу въ сѣверныхъ округахъ Сиріи. Мятежи доказывали что сила Султанской арміи состояла въ наблюдательномъ бездѣйствіи. Если-бы Хафизъ умѣлъ уклониться отъ сраженія еще недѣли двѣ или три, Сирія досталась-бы ему безъ боя.

Кстати можно упомянуть здѣсь еще объ одномъ обстоятельствѣ, которое послужило въ послѣдствіи къ самымъ неосновательнымъ толкамъ и притязаніямъ Франціи, будто по ея ходатайству предупрежденъ вторичный походъ Ибрагима въ Малую Азію. Еще въ Маѣ когда Европейскіе кабинеты были встревожены признаками наступавшаго на Востокѣ кризиса, Французскій министръ Иностранныхъ Дѣлъ, предсѣдатель Совѣта маршалъ Сультъ, отрядилъ двухъ своихъ адъютантовъ, Гг. Калье и Фольца, въ Александрію и въ

Константинополь, съ совѣтомъ и Портѣ и Мехметъ-Алію предупредить или прекратить военныя дѣйствія, и во всякомъ случаѣ ввѣриться посредничеству Европы. Капитанъ Калье прибылъ въ Александрію, когда уже Мехметъ-Аліемъ было дано Ибрагиму повелѣніе аттаковать Султанскую армію. Мы упоминали, что въ томъ самомъ повелѣніи было положительно предписано не переходить Тавра. Однакожъ хитрый паша, привыкшій бросать дипломатамъ пыль въ глаза баснословнымъ преувеличеніемъ своихъ силъ, средствъ и вліянія и небывалыми замыслами, въ которые онъ самъ никогда не вѣрилъ, скрылъ въ этотъ разъ отъ Французскаго посланца смыслъ даннаго имъ Ибрагиму предписанія, и сталъ хвалиться, будто его войско займетъ Малую Азію, куда звала его любовь народная, и пойдетъ безостановочно въ Константинополь, во чтобы то ни стало. Французъ убѣдительно ходатайствовалъ объ умѣренности въ побѣдѣ. Всѣ это имѣло эфектъ театральный. Старый актеръ согласился наконецъ, *изъ уваженія ко слову Французскаго правительства*, написать сыну чтобы онъ не открывалъ военныхъ дѣйствій, (а курьеръ съ приказаніемъ немедленной аттаки былъ отправленъ въ лагерь за 18 дней предъ тѣмъ, и старый паша былъ увѣренъ въ томъ что уже дѣло кончено), и чтобы въ случаѣ одержанія побѣды остановиться тамъ гдѣ его застанетъ податель письма, адъютантъ Французскаго министра, и ни въ какомъ случаѣ *не переходить Тавра*. За тѣмъ, подъ предлогомъ неимѣнія парохода для переѣзда въ Сирію Французскаго посланца, онъ продержалъ его еще четыре дня въ Александріи, чтобы дать время Ибрагиму подвинуться достаточно впередъ, согласно съ смысломъ первоначальнаго предписанія, и между тѣмъ въ глазахъ мирнаго ходатая готовилъ свой флотъ къ выступленію въ походъ. Капитанъ Калье засталъ

Ибрагима 17 Іюня на пути изъ Айнтаба въ Марашъ, въ трехъ переходахъ отъ послѣдняго изъ этихъ городовъ. Здѣсь въ лагерѣ повторилась таже комедія, которую сыгралъ Мехметъ-Али въ Александріи: Ибрагимъ, который всегда и во всемъ слѣпо повиновался отцу, объявилъ сперва, будто онъ вопреки его предписаній идетъ прямо въ Конію, а тамъ Богъ вѣсть.... Наконецъ и онъ, *изъ уваженія ко слову Французскаго правительства*, согласился исполнить приказаніе своего отца. Все таки онъ не остановился тамъ, гдѣ его засталъ Французскій посланецъ, а подвинулся еще впередъ до Мараша, согласно съ первоначальнымъ планомъ кампаніи. Однакожъ Французское правительство не усомнилось изъявить свое удовольствіе за столь сомнительный залогъ умѣренности и послушанія, а потомъ приписало своему посредничеству бездѣйствіе Ибрагима, и выставило себя поборникомъ мира на Востокѣ и спасителемъ Оттоманской имперіи отъ дальнѣйшихъ послѣдствій Незибскаго сраженія. *) Въ этомъ дипломатическомъ эпизодѣ замѣчательно еще одно обстоятельство: Французское правительство по собственному движенію совѣтовало тогда Мехметъ-Алію ввѣриться посредничеству Европы; за тѣмъ увидимъ, что и съ другими Державами за-одно Франція торжественно повторила тотъ же совѣтъ и въ Константинополѣ и въ Александріи; за тѣмъ еще увидимъ, что она, отказываясь отъ совокупнаго направленія другихъ Кабинетовъ, когда предстояло сдержать слово

---

*) Нельзя не удивляться тому, что французскіе писатели, подробно излагая всѣ обстоятельства этихъ переговоровъ, и упоминая о первоначальномъ предписаніи Мехметъ - Алія Ибрагиму не переступать за Тавръ, все таки приписываютъ посредничеству своего правительства умѣренность Египтянъ послѣ побѣды. Книга Deux années de l'historie d'Orient (1839, 1840) par Cadalvène et Barrault, особенно отличается притя-

данное Оттоманской имперіи, усильно совѣтовала и Портѣ и Мехметъ-Алію устроить дѣло между собою мимо посредничества Европы. Такъ-то противурѣчія и непостоянство кабинета, волнуемаго вліяніемъ внутреннихъ партій государства и народныхъ предубѣжденій относительно внѣшней политики, произвели кризисъ 1840 года и приготовили горючія вещества, которыя едва не объяли общимъ пламенемъ Европу, по случаю спора между Турецкимъ султаномъ и его пашею.

Займемся приключеніями Оттоманскаго флота. Мы уже упоминали, что еще при жизни Махмуда было дано повелѣніе отъ Порты о возвращеніи флота въ столицу. Эта мѣра основанная на желаніи Хозрефа предупредить новую войну съ Египтомъ, была тѣмъ важнѣе въ тѣхъ обстоятельствахъ, что въ столицѣ не было достаточно войска на случай мятежей при воцареніи сына умиравшаго Султана. По смерти Махмуда Февзи-паша получилъ фирманъ отъ Абдулъ-Меджида о подтвержденіи его въ званіи Капитанъ-паши и повторительное предписаніе Порты немедленно возвратиться

заніями творенія политическаго, и потому самыя сплетни, которыми она изобилуетъ, писаны слогомъ высокопарнымъ. Сличите IV ея главу, въ концѣ которой цѣликомъ включено письмо Мехметъ-Алія къ Ибрагиму отъ 28-го мая, съ главами V и VI. Другой французскій писатель Louis Blanc, котораго книга Histoire de Dix ans надѣлала много шума въ Европѣ, хотя онъ во всемъ и всегда радикально осуждаетъ всѣ послѣдовательныя министерства Франціи съ 1830 по 1840 годъ, однако въ этомъ случаѣ, основываясь на возгласахъ Кадальвена и Барро, увѣряетъ, будто одно появленіе Французскаго офицера въ Египетскомъ лагерѣ пріостановило Ибрагима на пути въ Константинополь, и тѣмъ предупредило Европейскую войну. Съ такимъ-то дѣтскимъ, можно сказать, самохвальствомъ пишется въ нашъ вѣкъ современная исторія, людьми которые называютъ себя очевидцами, и такъ-то поясняются односторонними и пристрастными теоріями дѣла происходящія предъ нашими глазами.

съ флотомъ въ столицу. Дни проходили за днями, но флотъ не являлся. Освѣтившись флагами, превозгласивъ громомъ своихъ орудій воцареніе новаго падишаха, и фирманъ подтверждающій его въ командованіи флотомъ, онъ тщательно скрылъ отъ флота повторительныя предписанія правительства о возвращеніи въ столицу, а 22 Іюня онъ со всѣмъ флотомъ выступалъ изъ Дарданеллъ въ море. Тамъ у Тенедоса крейсировалъ Французскій флотъ подъ начальствомъ контръ-адмирала Лаланда, съ порученіемъ предупредить непріятельскія дѣйствія между флотами Султана и Мехметъ-Алія. Вѣрнѣйшее средство къ достиженію этой цѣли было-бы моральное сопротивленіе Французскаго флота къ выходу въ море Оттоманскихъ силъ. Капитанъ-паша, тая задуманную измѣну въ душѣ, вошелъ въ сношенія съ Французскимъ адмираломъ, имѣлъ съ нимъ продолжительныя секретныя объясненія, и за тѣмъ свободно поплылъ въ Александрію, сдать флотъ бунтующему пашѣ. Вспомнимъ что капитанъ-паша Февзи въ угоду господствовавшей страсти своего государя усердно подстрекалъ къ войнѣ при жизни Махмуда, ради корыстныхъ видовъ играя судьбами царства.

ГЛАВА XII.

ТРЕВОГА ВЪ СТОЛИЦѢ И ТОРЖЕСТВО МЕХМЕТЪ-АЛІЯ. — МИРНЫЯ ПРЕДЛОЖЕНІЯ ВЕРХОВНАГО ВИЗИРА. — ПРИТЯЗАНІЯ ПАШИ. — ЕГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВО НА ПРАВА ВЕРХОВНОЙ ВЛАСТИ. — ЯЗВИТЕЛЬНАЯ ПЕРЕПИСКА. — НОТА $^{15}/_{27}$ ІЮЛЯ. — УНЫНІЕ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ. — ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ ВЕЛИКИМИ ДЕРЖАВАМИ. — РАЗНОГЛАСІЕ КАБИНЕТОВЪ. — ФЛОТЫ ВЪ ДАРДАНЕЛЛАХЪ. — НОВОЕ ПОСОЛЬСТВО НЕВѢСТКИ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ. — ОТСТУПЛЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО КАБИНЕТА ОТЪ ІЮЛЬСКОЙ НОТЫ. — ЗАМЫСЛЫ ТЬЕРА. — НОВЫЯ ПРЕОБРАЗОВАНІЯ ОТТОМАНСКОЙ ИМПЕРІИ И ЗНАЧЕНІЕ ИХЪ. — ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСПОВѢДЬ ГЮЛЬХАНЕЙСКАГО МАНИФЕСТА. — ОБѢТЫ ВѢРОТЕРПИМОСТИ. — УСЛУГА НЕХОТЯ ОКАЗАННАЯ РОССІИ АВСТРІЙСКИМЪ КАБИНЕТОМЪ. — ПОПЫТКА НОВЫХЪ ПЕРЕГОВОРОВЪ. — ВОЕННЫЯ ПРИГОТОВЛЕНІЯ ВЪ ЕГИПТѢ И ЖАЛОБЫ ВЪ КОНСТАНТИНОПОЛѢ.

Въ самый день возшествія своего на престолъ молодой Султанъ, въ которомъ уже можно было угадывать тихій нравъ и миролюбивыя наклонности, изъявилъ желаніе о прекращеніи войны съ Египетскимъ пашею. Порта не замедлила сообщить посольствамъ Великихъ Державъ объ отданныхъ въ томъ смыслѣ повелѣніяхъ Фельдмаршалу и Капитанъ-пашѣ, и о рѣшеніи совѣта послать въ Египетъ Акифъ-Эфендія для переговоровъ съ пашею. Въ пятый день новаго царствованія, когда столица и правительство были еще

подъ впечатлѣніемъ страха, какимъ обыкновенно сопровождается воцареніе Султановъ, Порта получила секретное извѣстіе о разбитіи арміи подъ Незибомъ. Вѣрность Капитанъ-паши, который медлилъ явиться, становилась съ часу на часъ сомнительнѣе. Въ такихъ обстоятельствахъ дѣятельный Хозрефъ поспѣшилъ отправить Акифа съ нарочнымъ пароходомъ, и извѣщая Мехметъ-Алія о своемъ производствѣ въ Верховные визири, объявлялъ ему милость Султанскую съ предложеніемъ наслѣдственнаго обладанія Египтомъ. За тѣмъ, именемъ старой ихъ дружбы и любви къ Исламу, онъ заклиналъ его предать забвенію прошедшее и быть вѣрнымъ государю и государству.

Если Французскій адмиралъ не воспрепятствовалъ флоту выступить изъ Дарданеллъ и передаться Мехметъ-Алію, за то по крайней мѣрѣ онъ не замедлилъ сообщить о томъ въ Константинополь. Правительство было оглушено этими извѣстіями, которыя ударъ за ударомъ его поражали вслѣдъ за смертію Махмуда, будто предвѣщая неминуемое разрушеніе шаткаго престола. Приписывая измѣну Февзи-Ахмета тѣмъ опасеніямъ какія не безъ причины чувствовалъ виновникъ роковой войны съ Египтомъ, предпринятой вопреки совѣтовъ Хозрефа, Порта рѣшилась его успокоить всякими ласками. Былъ въ тотъ-же день отправленъ съ нарочнымъ пароходомъ Совѣтникъ адмиралтейства Мушинъ-Эфенди съ милостивымъ хати-шерифомъ къ Капитанъ-пашѣ, и съ приглашеніемъ возвратиться немедленно въ столицу. Мушинъ застигъ флотъ у Родоса. Тамъ измѣнникъ ожидалъ отвѣта Мехметъ-Алія, къ которому былъ отправленъ корветъ съ предложеніями о сдачѣ флота. Февзи-Ахметъ съ обыкновеннымъ церемоніаломъ принялъ Султанскій фирманъ отъ посланца Порты; арестовалъ тотчасъ посланца, чтобы скрыть отъ флота

смыслъ Стамбульскихъ повелѣній; превозгласилъ громомъ своихъ орудій милостивый манифестъ Султана; объявилъ о заключеніи мира съ Египтомъ, и продолжалъ свое плаваніе къ Африканскому берегу. Весьма небольшое число его приверженцовъ были вовлечены Капитанъ-пашею въ преступный его замыселъ; флотъ ничего не подозрѣвая повиновался измѣннику.

По всѣмъ владѣніямъ Мехметъ-Алія Незибская побѣда была возвѣщена трудневными салютами. Въ Сиріи громъ пушекъ служилъ похороннымъ звономъ тѣхъ надеждъ, которыми встрепенулись племена этого края отъ Алепа до Газы при извѣстіи о приближеніи Султанской арміи къ границѣ. Мехметъ-Али прикидывался печальнымъ среди своего торжества; онъ увѣрялъ, что только необходимость разсѣять въ подвластныхъ племенахъ неблагопріятные слухи о судьбѣ его арміи, заставила его праздновать побѣду, купленную цѣною взаимнаго кровопролитія правовѣрныхъ. За тѣмъ, четыре дня спустя, получено въ Александріи извѣстіе о смерти Махмуда. Одинъ изъ тайныхъ агентовъ Мехметъ-Алія въ столицѣ зафрахтовалъ во время болѣзни Султана легкое Греческое судно, и какъ только провѣдалъ, что Султанъ испустилъ дыханіе, послалъ о томъ извѣстіе къ пашѣ. Парусное судно въ семь дней поспѣло въ Александрію. Казалось самые вѣтры Средиземнаго Моря въ заговорѣ съ судьбою усердно служили Мехметъ-Алію въ ту пору. Старый паша не посовѣстился дать шкиперу четыре тысячи талеровъ *Мюжде*, вознагражденія за добрую вѣсть, по восточному обычаю, и началъ вновь пальбу и салюты, подъ предлогомъ празднованія возшествія на престолъ Абдулъ-Меджида. На другой день опять извѣстіе, которое едва не свело съ ума старика: поспѣлъ корветъ съ предложеніями измѣнника Капитанъ-паши. Мехметъ-Али, видимо встре-

воженный отъ радости, отправилъ тотчасъ пароходъ съ приглашеніемъ Февзи-пашѣ привести флотъ въ Александрію. Онъ не видѣлъ уже предѣловъ своему честолюбію. Его приближенные опасались, чтобы отъ радости и непомѣрныхъ усилій воображенія не приключалась ему болѣзнь. Оттоманская имперія оставалась безъ арміи, безъ флота, при семнадцатилѣтнемъ Султанѣ. Торжествующій старикъ съ огромными силами морскими и сухопутными легко могъ предписать ей свой законъ. Онъ мечталъ садиться на соединенный флотъ Стамбула и Александріи, и поплыть въ столицу, подъ предлогомъ охраненія престола и царства отъ угрожавшихъ бѣдъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если-бы Оттоманская имперія была тогда предоставлена своей судьбѣ, если-бы Мехметъ-Али не страшился Россіи, которая по своему положенію имѣла особенныя причины предостерегать Востокъ отъ новыхъ потрясеній, и въ то же время владѣла надежными и быстрыми средствами для укрощенія честолюбивыхъ посягательствъ стараго паши, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Мехметъ-Али не замедлилъ бы явиться въ беззащитную столицу и ниспровергнуть правительство, оглушенное послѣдовательными бѣдами. Повторительно сдѣланныя ему объявленія отъ имени Великихъ Державъ, и еще недавно слышанное имъ строгое слово Россіи, по случаю приготовленій на борьбу съ Султаномъ, удерживали Мехметъ-Алія въ предѣлахъ подчиненности духовному и гражданскому единодержавію Оттоманской имперіи. По крайней мѣрѣ онъ надѣялся, среди критическихъ обстоятельствъ имперіи, привести въ исполненіе любимый свой помыселъ о потомственномъ обладаніи всей страны занятой его оружіемъ.

Въ такомъ-то расположеніи ума застало Мехметъ-Алія письмо Верховнаго визира съ объявленіемъ Сул-

танской милости. Паша всего прежде велѣлъ въ третій разъ палить изъ пушекъ, чтобы въ слухъ подвластныхъ племенъ превозгласить подтвержденіе за нимъ и за Ибрагимомъ ввѣренныхъ имъ пашалыковъ. Что-же касается до предложенія Порты, которая съ свойственною ей настойчивостію, тая собственныя опасенія подъ личиною спокойствія, объявляла Мехметъ-Алію тѣ же условія, которыя были имъ уже отвергнуты въ 1837 году, то могъ-ли паша добровольно ограничиться теперь потомственнымъ обладаніемъ Египта?

Флотъ едва показывался на горизонтѣ, а уже консулы Великихъ Державъ объявляли Мехметъ-Алію, что онъ долженъ немедленно его возвратить законному владѣльцу, подъ опасеніемъ прослыть участникомъ въ гнусной измѣнѣ Капитанъ-паши, и помрачить тѣмъ свою славу. На это Мехметъ-Али отвѣчалъ, что онъ нисколько не предполагалъ присвоить себѣ флотъ, но удержитъ у себя въ залогъ условій, которыя будутъ имъ представлены Портѣ. Каковы-же были эти условія? Кромѣ потомственнаго обладанія Сиріи, Таврическихъ округовъ, Аравіи, Кандіи и Египта, онъ требовалъ смѣны Верховнаго визира. Безъ сомнѣнія Мехметъ-Али имѣлъ старыя причины ненависти къ Хозрефу; но въ это время онъ хорошо вѣдалъ, что еще при жизни Махмуда, подъ опасеніемъ немилости, Хозрефъ не убоялся ходатайствовать о мирѣ съ Египтомъ, и что первымъ актомъ его, по принятіи въ руки полномочій отъ новаго Султана, было мирное слово Египту. Въ глазахъ Мехметъ-Алія виною Хозрефа были его способности, его вліяніе, вѣрность его престолу — словомъ услуга оказанная имъ правительству, которое стояло на краю погибели по смерти Махмуда, по потерѣ флота и арміи. Разрушеніе правительства Оттоманскаго въ

этомъ кризисѣ призвало-бы вѣроятно къ новымъ блистательнѣйшимъ судьбамъ счастливаго выходца Румеліи, создавшаго свое могущество на берегахъ Нила. Запретительное слово Европы не допускало его опрокинуть шаткое царство Султановъ; но въ случаѣ паденія Султанскаго правительства подъ гнетомъ неумолимой судьбы, ужели рѣшилась бы Европа воспрепятствовать геніальному вассалу, надѣленному 200,000 войска, огромнымъ флотомъ, народными сочувствіями въ Румеліи и Анатоліи, основать новое царство изъ обломковъ Оттоманскаго колосса...? Цѣлію Европейскихъ кабинетовъ было предохранить Востокъ отъ потрясеній и Европу отъ войны. Кто-же могъ представить вѣрнѣйшія поруки къ достиженію этой цѣли, кто владѣлъ готовыми элементами для внутренняго устройства Восточныхъ племенъ, какъ не тотъ кому двѣ анархическія области, Египетъ и Сирія, были обязаны правительственнымъ порядкомъ? И эта блистательная судьба, которою могъ польститься старый паша, разрушалась, будто призракъ, другимъ восьмидесятилѣтнимъ старикомъ, который ворожилъ на берегахъ Босфора и заклиналъ враждебный геній навѣстившій царство со смертію Султана.

Если Мехметъ-Али не дерзалъ явиться самъ въ Босфоръ вооруженнымъ гостемъ, по крайней мѣрѣ не терялъ онъ надежды издалека предписать свой законъ правительству и Султану. Онъ облекалъ свои требованія обычными фразами патріотизма и преданности престолу, и обѣщалъ по смѣнѣ Хозрефа и по утвержденіи за нимъ потомственныхъ правъ, идти въ столицу покорнымъ вассаломъ, и подвергнуть къ стопамъ молодаго Султана свое войско и свою старую опытность для управленія государствомъ. Въ оффиціальномъ отвѣтѣ на письмо Хозрефа онъ ограничивался отстра-

неніемъ предложенія о наслѣдственномъ обладаніи Египтомъ и увѣреніемъ, что Ибрагиму приказано не подвигаться впередъ; но въ частныхъ письмахъ къ самому Хозрефу, къ матери и къ теткѣ Султана, къ Шейхъ-ул-Исламу, къ другимъ вельможамъ, онъ настоятельно требовалъ удаленія Верховнаго визира. Въ то же время отправлялъ онъ своихъ коммиссаровъ въ Румелію и въ Анатолію съ циркуляромъ къ пашамъ, въ которомъ онъ изливалъ свою желчь на Хозрефа, обвинялъ его въ государственной измѣнѣ, приписывалъ ему всѣ несчастія имперіи, и преимущественно ссору Махмуда съ вѣрнѣйшимъ изъ слугъ имперіи, ссору породившую такія бѣдствія. Намѣкая даже на невоздержность омрачившую великія качества умершаго Падишаха, онъ увѣрялъ, будто Хозрефъ умышленно внушалъ всѣ пороки Султану, а теперь замыслилъ погибель Ислама. За тѣмъ онъ оправдывалъ измѣну Капитанъ-паши; увѣрялъ будто флотъ единодушно выразилъ желаніе ввѣриться надежному слугѣ имперіи Мехметъ-Алію, убоявшись чтобы Верховный визиръ не передалъ кораблей невѣрнымъ. Наконецъ именемъ патріотизма и религіи онъ приглашалъ всѣхъ пашей содѣйствовать къ низложенію Верховнаго визира.

Такимъ образомъ Мехметъ-Али, тридцатилѣтнимъ трудомъ стяжавшій славу начинателя основныхъ преобразованій на Востокѣ, теперь на старости лѣтъ, на краю гроба, обращался къ преданіямъ анархической старины. По примѣру Янычаръ, которые встарину требовали смѣны визира и министровъ, и онъ въ этомъ случаѣ не ограничивался уже притязаніями выгодъ своихъ и своего дома, но посягалъ на права верховной власти, требуя низложенія главы правительства. Въ то же время онъ дерзко нарушалъ духовныя права Султана. Назначеніе Приставовъ къ *Кеабѣ* и ко гробу Ма-

гомета, по каноническому праву Магометанъ, принадлежитъ верховной власти Халифа. Никогда свѣтскія власти, даже въ самые анархическіе періоды Аравійскаго полуострова, не посмѣли вступиться въ дѣла этихъ Приставовъ. Подъ предлогомъ будто Османъ-паша, назначенный въ званіе *Шейхъ-эль-Харима* въ Меккѣ, и Шерифъ-бей, приставъ Магометовой гробницы въ Railroadнѣ, были въ тайныхъ сношеніяхъ съ враждебными ему Бедуинами Джуддейды, и дѣйствовали по наущеніямъ паши Багдадскаго, Мехметъ-Али отрѣшилъ ихъ отъ должности, содержалъ ихъ подъ стражею и требовалъ, чтобы Султанъ на мѣсто ихъ назначилъ евнуховъ, какъ это водилось встарину. При этомъ одна изъ дивизій занимавшихъ Аравійскій полуостровъ приближалась къ Персидскому заливу, угрожая Бассорѣ. Ибрагимъ оставался съ своею арміею въ Марашѣ, внѣ Сирійскихъ предѣловъ. Если боясь Россіи не подвигался онъ впередъ, не менѣе того онъ служилъ пугалищемъ беззащитной столицѣ и грозилъ возмутить Малую Азію.

Порта была принуждена довольствоваться суетными увѣреніями Мехметъ-Алія въ умѣренности и сносить всякія обиды. Въ это время она помышляла только объ освобожденіи флота. Хозрефъ-паша пригласилъ секретными письмами четырехъ пашей бывшихъ на флотѣ подъ начальствомъ Февзи-Ахмета, схватить измѣнника и отвести флотъ въ столицу. Вѣрность экипажей и офицеровъ и негодованіе выраженное ими, когда по прибытіи въ Александрію была обнаружена измѣна Капитанъ-паши, ручались въ успѣхѣ. Но письма Хозрефа, отправленныя на французскомъ почтъ-пароходѣ, достались чрезъ Французскаго генеральнаго Консула въ руки старому пашѣ, и послужили только къ вящему его раздраженію. Онъ съ новою настойчивостію

требовалъ отъ самаго Хозрефа, чтобы онъ удалился отъ правленія. Хозрефъ съ своей стороны извинялся, говоря что это отъ него не зависѣло; что онъ на старости лѣтъ думалъ только объ отдыхѣ, но что Аллаху было угодно возвеличить его въ Исламѣ; что ему на роду было написано служить на старости лѣтъ государю и отечеству въ качествѣ Верховнаго визира; что противиться судьбамъ Божіимъ грѣшно и т. п. Эта язвительная переписка между двухъ старѣйшихъ вельможъ Турецкой имперіи, эти брани и насмѣшки, которыми они взаимно оскорбляли свои сѣдыя бороды вслухъ Европы и Ислама, представляли комическую сторону Восточнаго дѣла, жалкій и въ то же время смѣшной эпизодъ той драмы, которая дѣятельно и суетливо разыгривалась на восточныхъ берегахъ Средиземнаго Моря *).

Подъ впечатлѣніемъ произведеннымъ послѣдовательными бѣдствіями Оттоманской имперіи, кабинеты Великихъ Державъ обмѣнялись взаимными увѣреніями въ

*) Въ эту эпоху, среди великихъ треволненій Востока, я посѣтилъ Египетъ, и въ первый разъ видѣлъ Мехметъ - Алія. Выѣхавши изъ Константинополя, когда жизнь царственнаго страдальца поддерживалась одними пріемами опіума, я видѣлъ его флотъ въ Дарданеллахъ. За Дарданеллами встрѣтилъ я французскую дивизію контръ - адмирала Лаланда, который крейсировалъ, чтобы не выпускать въ море Турецкихъ кораблей. Продолжая плаваніе мое въ Египетъ на французскихъ почтъ-пароходахъ, я былъ долженъ выдержать 15-дневный карантинъ въ Сирѣ. Тамъ получилъ я извѣстія сперва о смерти Махмуда, за тѣмъ о Незибскомъ сраженіи. По прибытіи моемъ въ Египетъ первый предметъ поразившій мои взоры на рейдѣ былъ 140 пушечный корабль *Махмудье*, котораго размѣры будто расли на низменномъ горизонтѣ Египетскихъ береговъ, и на которомъ развѣвался флагъ и брейтъ-вымпелъ Капитанъ-паши. Долго не вѣрилъ я своимъ глазамъ, и не зналъ чему приписать появленіе Султанскаго флота предъ Александріею, когда Султана уже не стало, когда не стало и арміи. Было-ли это послѣднее, посмертное торжество Махмуда, былъ-ли разбитъ Египетскій флотъ? — Въ такомъ случаѣ можно было бы ожидать съ часу на часъ что флотъ открылъ-бы огонь по городу; но ка-

твердомъ намѣреніи сохранить общими усиліями неприкосновенность и независимость имперіи подъ царственною ея династіею, и содѣйствовать правосудному рѣшенію Восточнаго дѣла согласно съ общимъ желаніемъ

тера мирно плавали, и вскорѣ разпозналъ я Египетскіе корабли между Оттоманскими. Ни мнѣ ни одному изъ спутниковъ моихъ не представилась мысль объ измѣнѣ Турецкаго адмирала. Загадка была объяснена береговымъ лоцманомъ, который къ намъ явился чтобы провести пароходъ по фарватеру въ Александрійскій заливъ. Въ эту эпоху звѣзда Мехметъ-Алія была на своемъ зенитѣ. Но старый баловень судьбы видимо изнемогалъ отъ напряженія умственныхъ силъ, отъ порывовъ воображенія, которыми такъ невоздержно окрылялись честолюбивые замыслы долго таившіеся въ душѣ Румелійскаго выходца. Было-бы кстати присовокупить сюда біографію Мехметъ-Алія; она послужила-бы вѣрнѣйшимъ характерическимъ очеркомъ современной Турціи. Признаюсь, столько уже наговорено объ этомъ замѣчательномъ человѣкѣ во всѣхъ путешествіяхъ, во всѣхъ политическихъ современныхъ твореніяхъ, издано столько біографій Мехметъ-Алія, что я считаю себя вправѣ отказать старому пашѣ въ этой обычной дани писателей всѣхъ народовъ, посѣтившихъ Египетъ или занявшихся издалека дѣлами Востока въ послѣднее 20 лѣтіе. Ограничиваюсь одною чертою почерпнутою изъ моего разговора съ нимъ, чертою, которая достаточно выражаетъ внутреннее его расположеніе и страсти его волновавшія въ ту пору. Паша, извѣщенный отъ нашего генаральнаго Консула графа А. Медема о моемъ прибытіи, назначилъ мнѣ свиданіе въ одномъ изъ садовъ Александрійскихъ, гдѣ онъ имѣлъ обыкновеніе давать аудіэнціи. Мы застали его въ кругу извѣстныхъ его любимцевъ, Тоситцы, (Греческаго генеральнаго Консула), банкировъ Зизинія и Бригса и многихъ придворныхъ. Паша сидѣлъ на диванѣ, предъ бассейномъ живой воды, подъ роскошными листами банановыхъ кустовъ. Его адмиралъ, старикъ Мутушъ-паша, одинъ изъ сподвижниковъ удалой его юности, почтительно стоя предъ нимъ, широкимъ вѣеромъ изъ страусовыхъ перьевъ освѣжалъ воздухъ и разгонялъ комаровъ и мухъ отъ свѣтлѣйшей его особы. Аретинъ-Бей, впослѣдствіи министръ Иностранныхъ Дѣлъ, служилъ переводчикомъ. Въ это время Мехметъ Али не носилъ уже чалмы, но еще не принялъ новаго Турецкаго костюма. Простой фесъ съ синею кистью, висячею позади, покрывалъ его голову; шея была открыта по старинному; синяя суконная куртка вышитая шелковыми снурками, Турецкаго покроя, и широкіе шалвары того-же цвѣта съ стиблетами, изъ подъ коихъ показывались ноги въ красныхъ башмакахъ, сабля на красной перевязи, янтарныя четки въ рукахъ — довершали его костюмъ, введенный имъ въ армію, во флотъ,

о сохраненіи мира въ Европѣ. Спокойствіе столицы при воцареніи преемника Махмудова, послѣ обычныхъ волненій и кровопролитій, которыми сопровождалось въ другія эпохи возшествіе Султановъ на престолъ, было

во дворецъ и въ гражданское управленіе, съ различіями для чиновъ въ шитьѣ и въ цвѣтѣ мундира и въ золотомъ или алмазномъ знакѣ на груди. Физіономія Мехметъ-Алія выражаетъ болѣе степенности и спокойствія чѣмъ того предпріимчиваго духа, которымъ ознаменовано его поприще. Будь на немъ бѣлая чалма и въ боку трубка вмѣсто сабли, вы бы его приняли за одного изъ тѣхъ торгашей старожиловъ, которыми красятся еще порою Стамбульскіе базары, будто послѣдними представителями Оттоманской народности, среди тревожныхъ преобразованій нашего времени. Къ довершенію сходства замѣчу еще, что Мехметъ-Али не привсталъ для своихъ гостей гяуровъ. Не припишу этого фанатизму стараго турка, и тому грубому чувству народной гордости, которое встарину вмѣняло въ грѣхъ правовѣрному народу подобную учтивость къ Европейцу какого бы то ни было званія; но въ эту пору Мехметъ-Али старался по мѣрѣ силъ и средствъ играть при случаѣ роль царскую, и изучалъ пріемы Константинопольскаго двора. Послѣ обычныхъ привѣтствій паша предложилъ мнѣ осмотрѣть прежде всего арсеналъ, это любимое его созданіе, верьфи, фабрики, дворцы и сады; «что касается классическихъ древностей, Помпеевой «колонны, катакомбъ и проч. присовокупилъ онъ, то до меня, лѣтъ за «30 слишкомъ предъ симъ, кромѣ этихъ древностей, нечего было смо«трѣть въ Александріи». — По этому поводу сталъ онъ разсказывать въ какомъ состояніи засталъ онъ городъ въ 1807 году, въ эпоху десанта Англичанъ, и напоминалъ бывшимъ тутъ старожиламъ, что въ цѣломъ городѣ одинъ только домъ оставался не разрушеннымъ, а въ томъ домѣ были только два жилые покоя, одинъ вверху, гдѣ самъ онъ помѣстился по изгнаніи Англичанъ, другой внизу, гдѣ помѣстилъ онъ своего коня. Паша долго еще хвалился всѣмъ что онъ сдѣлалъ для своего города, и не безъ причины — потому что по всей справедливости можно его назвать основателемъ новой Александріи. Зная сколько любитъ онъ напоминать о своемъ происхожденіи изъ Каваллы, роднаго города Александра Македонскаго, я замѣтилъ пашѣ, что изо всего созданнаго Македонскимъ геніемъ въ покоренномъ имъ мірѣ, одна Александрія осталась достойнымъ его памятникомъ, и что промысломъ предоставлено было, будто по праву наслѣдства, одному изъ земляковъ Македонскаго героя возобновить этотъ великолѣпный памятникъ. Мое замѣчаніе чрезвычайно польстило самолюбію паши; онъ охотно сталъ намъ разсказывать о родномъ своемъ городѣ Каваллѣ, о свѣжихъ его

благонадежнымъ признакомъ. При такомъ выраженіи народныхъ чувствъ въ буйной нѣкогда столицѣ Востока, мудрость Европейскихъ Кабинетовъ могла отстранить бѣдствія, которыми этотъ великій кризисъ грозилъ племенамъ Оттоманской имперіи. По внушенію Австрійскаго Кабинета представители пяти Великихъ Державъ

источникахъ, о его воздухѣ, который питаетъ живость нрава въ удалыхъ его жителяхъ, и о своемъ желаніи навѣстить еще когда либо родной уголокъ. Въ этомъ желаніи, выраженномъ съ искреннимъ чувствомъ, котораго нельзя было ждать отъ честолюбиваго владѣльца Египта, проглядывала народность Румелійскихъ племенъ, непреоборимая въ этихъ предпріимчивыхъ выходцахъ Албаніи и Македоніи ни бѣдственными испытаніями ни даже удачами на чужбинѣ. Паша сталъ за тѣмъ задумчивѣе и молчаливѣе, и вдругъ спросилъ: «рѣшили-ли «Европейскіе мудрецы въ чемъ состоитъ истинное счастіе для человѣка? «Много пишутъ еще болѣе говорятъ какъ управляться народными «массами и какъ доставить имъ найлучшій образъ правленія; но упу-«скаютъ изъ виду индивидуальное благополучіе человѣка внѣ всякихъ «политическихъ условій, а кажется оно имѣетъ значительный вѣсъ въ «общественномъ благоустройствѣ». — Я вовсе не былъ расположенъ входить въ подобныя пренія съ почтеннымъ пашею, который уже полвѣка усердно заботился о своей славѣ, о своемъ могуществѣ, а не входилъ кажется нисколько въ разбирательство о благосостояніи милліоновъ феллаховъ, съ которыхъ вовсе нефилософски высасывались потъ и кровь для удовлетворенія честолюбивыхъ его видовъ. Иные изъ присутствовавшихъ тутъ стали излагать свои платоническія теоріи о совершенномъ блаженствѣ на землѣ. Паша съ улыбкою слушалъ. По поводу мнѣнія, что блаженство для человѣка состоитъ въ совершенномъ исполненіи его желаній, Мехметъ-Али весьма основательно замѣтилъ «положимъ что ты съ вечера уснулъ въ полномъ наслажденіи «по осуществленіи всѣхъ твоихъ желаній, а поутру когда проснешься «и нечего будетъ желать, не о чемъ помышлять, не къ чему стремить-«ся — что за жизнь? нѣтъ, не въ этомъ счастіе, по крайней мѣрѣ «для меня»!

Это замѣчаніе, почерпнутое старымъ пашею не въ книгахъ — ибо до сорока лѣтъ онъ вовсе грамоты не зналъ, а послѣ того ему было не до философскихъ чтеній — но подслушанное въ собственныхъ испытаніяхъ ненасытной его души, когда казалось въ самомъ дѣлѣ исполнялись его дерзновенные помыслы, когда его торжества превосходили всѣ его надежды, достаточно обозначаетъ характеръ этаго замѣчательнаго мужа.

въ Константинополѣ подали $^{15}/_{27}$ Іюля ноту, которою извѣщали Порту о единомысліи Кабинетовъ относительно Восточнаго дѣла, и просили *не принимать никакихъ рѣшительныхъ мѣръ безъ ихъ содѣйствія.*

Порта съ удовольствіемъ приняла это посредничество. На ея сторонѣ было право, и какъ только предстояло рѣшить трудный ея процесъ не судомъ матеріальной силы, но подъ вліяніемъ правосудія Державъ, она съ спокойствіемъ могла ожидать ихъ приговора.

За то Мехметъ-Али, которому было объявлено содержаніе ноты $^{15}/_{27}$ іюля, впалъ въ уныніе; свѣтлые призраки будущности рушились предъ нимъ. Въ тотъ же день перемѣнилъ онъ тонъ своихъ притязаній и самый слогъ переписки съ Верховнымъ визиромъ. Вмѣсто недавнихъ обвиненій и браней, онъ сталъ заклинать Хозрефа, *именемъ старой дружбы*, приступить къ миролюбивой сдѣлкѣ мимо всякаго внѣшняго вмѣшательства.

Европа совокупнымъ заступничествомъ оправдывала въ 1839 году безкорыстный, человѣколюбивый подвигъ Россіи, которая одна въ 1833 году даровала миръ встревоженному Востоку. Но врядъ-ли податели знаменитой ноты, и сама Порта, которая въ своемъ недоумѣніи обрадовалась ей и прицѣпилась къ ней, какъ утопающій къ доскѣ, врядъ-ли постигали они всю важность этаго акта и тяжкихъ обязательствъ, которыя имъ налагались на Кабинеты. Въ 1833 году рѣшительная мѣра Россійскаго Двора и быстрое появленіе въ Константинополѣ нашего флота и войска возстановили миръ на Востокѣ и отстранили опасности угрожавшія Европѣ. Но въ 1839 году достиженіе этой цѣли *пятью* державами было подчинено предварительному согласію ихъ видовъ. Уже проглядывали первые признаки раздора между Кабинетами Англіи и Франціи. Каждый изъ

нихъ имѣлъ особенное свое воззрѣніе на дѣла Востока. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ Англія съ безпокойствомъ смотрѣла на возраставшую силу Мехметъ-Алія, владѣтеля Египта и Сиріи, куда пролегаютъ оба ближайшіе ея пути въ Индію. Она подозрѣвала проекты его на Чермное Море и на острова Персидскаго Залива. Она домогалась уничиженія паши и изгнанія его изъ Сиріи. Съ другой стороны Франція, по всегдашнему соперничеству съ расчетливою сосѣдкою, и по народному сочувствію къ Мехметъ-Алію, окруженному Французами и льстившему ихъ самолюбію, оказывала къ пашѣ чрезмѣрное благоволѣніе, далеко несовмѣстное съ ея отношеніями къ Султану, и безотчетно уважала его притязанія.

Когда Англія предложила чтобы ея флотъ вмѣстѣ съ Французскимъ принудили Мехметъ-Алія сдать Султанскій флотъ, Франція и слышать не хотѣла о насильственныхъ мѣрахъ. И въ самомъ дѣлѣ общественное мнѣніе во Франціи было въ такомъ заблужденіи подъ вліяніемъ журнальныхъ толковъ о Египетскомъ пашѣ, что министерство, опасаясь раздраженія народныхъ умовъ, не могло предписать насильственныхъ мѣръ противъ Египта. Оно предложило Англіи, чтобы соединенные ихъ флоты предъ Александріею объявили волю Кабинетовъ о сдачѣ флота. Англія замѣтила, что одно объявленіе, одна угроза, не поддержанная дѣйствіемъ въ случаѣ отказа, внушили-бы новую дерзость пашѣ, и что голословная угроза не подобала достоинству Великихъ Державъ. Между тѣмъ оба флота стояли предъ Дарданеллами и настоятельно требовали входа въ столицу для ея защиты, по примѣру тому какъ нашъ Черноморскій флотъ входилъ туда въ 1833 году. Но обстоятельства были совершенно иныя: Ибрагимъ не былъ въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Босфора;

Хункьяръ - Скелесійскій трактатъ удерживалъ его въ почтительномъ разстояніи, и никакая опасность не угрожала Оттоманской столицѣ. Первымъ плодомъ торжественнаго обязательства Великихъ Державъ о независимости и неприкосновенности Оттоманской имперіи было-бы теперь нарушеніе основнаго стариннаго правила о закрытіи проливовъ, ведущихъ въ беззащитную ея столицу, и нарушеніе дипломатическихъ обязательствъ Порты къ Россійскому Двору.

Западные Кабинеты въ этомъ домогательствѣ только могли согласоваться между собою, а оно не оправдывалось ничѣмъ, развѣ суетнымъ удовлетвореніемъ народныхъ самолюбій. Россія рѣшительно отказала ихъ притязаніямъ, а Порта требовала удаленія Англо-Французскаго флота отъ Дарданеллъ, весьма кстати замѣтивши, что союзные корабли лучшей услуги не могли ей оказать, какъ развѣ принужденіемъ Мехметъ-Алія выпустить собственный ея флотъ изъ Александріи.

Между тѣмъ Мехметъ-Али, впавшій сперва въ уныніе при сдѣланномъ ему объявленіи о посредничествѣ Европы, радовался теперь несогласію между посредниками. Онъ не дѣлалъ никакихъ уступокъ. Въ осень онъ сталъ опять грозить походомъ въ Малую-Азію, и оскорблялъ Турецкихъ комендантовъ Месопотаміи и Діарбекира, которымъ было строго предписано отъ Порты избѣгать всякой ссоры съ Египетскими войсками, а въ случаѣ ихъ появленія отступать. Мехметъ-Али надѣялся вынудить отъ разногласія Державъ тѣ условія, какихъ не удалось ему исходатайствовать у побѣжденнаго и безоружнаго Султана.

Послѣ безполезныхъ споровъ о средствахъ, какими надлежало возстановить миръ на Востокѣ, Великія Державы вступили между собою въ переговоры объ условіяхъ, какія надлежало предначертать для примиренія

Султана съ его вассаломъ. Францiя, безотчетно основывая свои предложенiя на притязанiяхъ паши, ходатайствовала въ его пользу о потомственномъ обладанiи Египтомъ и Сирiею и о пожизненномъ управленiи Аданою, Кандiею и Аравiйскимъ полуостровомъ. Порта для скорѣйшаго окончанiя спора была расположена присовокупить къ сдѣланному ею первоначально предложенiю о потомственномъ обладанiи Египта пожизненное управленiе частiю Сирiи. Было очевидно, что съ того времени какъ Великiя Державы предложили Султану свое посредничество для окончанiя спора съ Египтомъ, онѣ были морально обязаны обезпечить Султану условiя болѣе выгодныя чѣмъ тѣ, что могъ прежде предписывать торжествующiй паша. Во всякомъ случаѣ постановленiя Кабинетовъ должны были по необходимости основываться на добровольномъ согласiи Порты; во первыхъ потому что принявши за правило независимость и законныя права Султана, нельзя было принужденно ему предписывать такiя уступки, которыя ему казались несовмѣстными съ его законными правами; во вторыхъ — можно было опасаться, что въ случаѣ несогласiя обѣихъ спорящихъ сторонъ на постановленiя посредниковъ, предстала бы необходимость прибѣгнуть къ насильственнымъ средствамъ противу обѣихъ, и возобновить мудренную задачу Бельгiйскаго дѣла...

Мехметъ-Али хорошо постигалъ это, и потому приводилъ въ дѣйствiе всѣ пружины явныя и тайныя, чтобы достигнуть непосредственнаго устройства съ Портою. Патрiотически взывалъ онъ въ письмахъ своихъ къ Хозрефу о посягательствѣ невѣрныхъ на независимость Ислама; убѣждалъ его предать забвенiю всѣ личности, которыя дѣлали обоихъ «посмѣшищемъ всѣхъ журналовъ» и производили большой соблазнъ

въ правовѣрномъ народѣ; предлагалъ даже избрать между Улемами-законоучителями почтенныхъ мужей для разбора спорнаго между ними дѣла; вторично отправлялъ посланницею въ Стамбулъ свою невѣстку Зехра-Ханумъ, чтобы тамъ расположить въ его пользу министерство и поднять за него харемы; обѣщалъ набавить сколько угодно подати, и т. п. лишь-бы отстранить вмѣшательство Европейскихъ Державъ отъ домашняго спора Мусульманъ. Но Порта не отказывалась отъ выгодъ своего положенія. Она чувствовала неудобства внѣшняго посредничества, и помнила, что протоколомъ трехъ изъ пяти Великихъ Державъ, еще недавно была признана независимость Греціи. Но она помнила также надмѣнныя рѣчи Мехметъ - Алія наканунѣ іюльской ноты; была уже связана своимъ словомъ; боялась непосредственными переговорами оскорбить самолюбіе своихъ союзниковъ и пуще перепутать свое положеніе. Предложенія Мехметъ-Алія становились умѣреннѣе или дерзновеннѣе, смотря по примѣтамъ согласія или разногласія между Державами. Онъ былъ увѣренъ, что чѣмъ рѣшительнѣе выкажетъ намѣреніе отразить всякое насиліе, тѣмъ труднѣе будетъ для Кабинетовъ согласиться между собою и дѣйствовать за-одно. Франція гласно отказывалась отъ всякихъ насильственныхъ мѣръ противъ упрямаго паши и осуждала планы другихъ державъ. Когда Министерство Тьера замѣнило Кабинетъ графа Моле, была даже рѣчь занять иные пункты на берегу Сиріи и Малой-Азіи, подобно тому какъ за восемь лѣтъ предъ тѣмъ была занята Анкона. Этимъ посягательствомъ на независимое государство и нарушеніемъ торжественныхъ обязательствъ своихъ предъ другими Державами нисколько не распутывала Франція Восточнаго дѣла. Но министерство Тьера имѣло въ виду *Европейскую сторону* дѣла этаго, или попросту сказать,

опасалось раздраженія умовъ во Франціи, искало удовлетворенія собственнаго самолюбія, и не предвидѣло послѣдствій опрометчивыхъ своихъ дѣйствій.

Потеря войска и флота не были еще самымъ великимъ бѣдствіемъ для Турціи. Заступничество державъ, при всѣхъ своихъ невыгодахъ, служило ей достаточнымъ обезпеченіемъ. Но величайшимъ для нея бѣдствіемъ была потеря того Султана, чей умъ чья твердая воля поддерживали изнемогшее государство, и если по недостатку матеріальныхъ средствъ не могли наказать бунтующаго вассала, по крайней мѣрѣ укрощали злой умыселъ той случайной олигархіи, которой Султаны принуждены ввѣрять правительственную власть. Съ первыхъ дней новаго царствованія сплетни Сераля и борьба министерскихъ вліяній превозмогли добрыя природныя наклонности Абдулъ-Меджида. Обстоятельства придавали особенный вѣсъ министру Иностранныхъ Дѣлъ Решидъ-пашѣ, недавно возвратившемуся изъ Лондона. По его внушенію, и подъ благовиднымъ предлогомъ развитія системы Махмудовой въ новомъ и торжественномъ видѣ, министры успѣли ограничить права верховной власти конституціонною пародіею, извѣстною подъ именемъ *Гюльханейскаго Хати-шерифа*.

Мы имѣли уже случай вникнуть въ смыслъ и въ направленіе предпринятой Махмудомъ реформы *). Съ вѣдома его она очевидно клонилась къ коренному измѣненію государственнаго права Турціи. Махмудъ бодро шелъ по проложенной стезѣ, съ убѣжденіемъ что христіанскій элементъ возъимѣетъ законный перевѣсъ. Онъ сохранялъ деспотическія формы, какъ надежнѣйшее средство къ направленію предстоящимъ кризисомъ. Въ рукахъ государя одареннаго твердою волею права само-

---

*) См. конецъ VI Главы.

державія служили къ укрощенію правительственнаго своеволія, столько же какъ и народнаго фанатизма. Махмудъ послѣдовательными распоряженіями и еще болѣе личнымъ своимъ примѣромъ и дѣйствіемъ укрощалъ самоуправство и готовилъ элементы гражданскаго порядка, основаннаго на равенствѣ подданныхъ предъ закономъ и на отвѣтственности лицъ облеченныхъ властію. Онъ не превозглашалъ никакихъ теорій, не дѣлалъ торжественныхъ обѣтовъ, не связывалъ себя никакими обязательствами, не издавалъ законовъ, которыхъ исполненіе несбыточно въ Турціи. Онъ ограничивался практическою реформою и не любилъ бредней.

Теперь наступили времена другія. Съ измѣненіемъ внѣшнихъ формъ измѣнилось существенное направленіе предпринятаго Махмудомъ государственнаго преобразованія. Обманутый своими министрами молодой преемникъ Махмуда осудилъ самаго себя совершенному безсилію, предоставилъ бездарнымъ, корыстнымъ, невѣрнымъ временщикамъ судьбу государства и династіи, и вмѣсто возсозданія имперіи по слѣдамъ отца, ускорилъ ея разрушеніе.

22 октября 1839 года были созваны въ одинъ изъ дворовъ стараго сераля, у *Гюльхане*, (бесѣдки розъ) всѣ вельможи, всѣ высшіе сановники военные и гражданскіе, улемы, духовные главы подвластныхъ народовъ, представители всѣхъ сословій. Дипломатическій корпусъ также былъ приглашенъ на это торжество, въ свидѣтели обязательствъ добровольно налагаемыхъ Султаномъ на себя самаго. Султанъ возсѣдалъ въ открытомъ кіоскѣ въ виду пестраго собранія. Риза-паша министръ Двора, принялъ изъ рукъ его Хати-шерифъ и передалъ Решидъ-пашѣ, которому поручено было прочесть во всеуслышаніе.

Султанъ обѣщалъ своему народу коренное преобра-

зованіе государственнаго права и искорененіе тѣхъ золъ, которыя отъ давности и отъ насилія вошли въ законную силу. Воспрещалъ продажу должностей и льготъ, равно и лихоимство, которое подъ именемъ *Рюшфета* составляетъ почетное преимущество власти и восходитъ даже до престола. Онъ отрекался отъ права произвольныхъ казней и опалъ, равно и отъ права конфискаціи имуществъ и отъ всякихъ произвольныхъ наборовъ и налоговъ. Всѣмъ подданнымъ безъ изъятія даровалась безопасность жизни, чести, имущества. Воспрещалось употребленіе яда, кинжала и пытокъ. Предписывалось судить виновныхъ публично, и никого безъ суда не казнить. Уничтожались монополіи продуктовъ и отдача казенныхъ налоговъ и доходныхъ статей въ откупное содержаніе (ильтизамъ). Предписывалась правильная раскладка податей и повинностей, по соразмѣрности со средствами каждаго. Указывая на вѣковыя язвы имперіи, и приписывая имъ упадокъ торговли и промышленности, обѣднѣніе народа и ослабленіе государства, указывая въ то же время на преимущества географическаго положенія края, на богатство его почвы, на способности народонаселенія, Султанъ обѣщалъ въ немногіе годы силою своего Хати-шерифа достигнуть вожделѣннаго благосостоянія, а для этой цѣли предписывалъ онъ правительству составить новые законы и издать новыя постановленія, основанныя на новыхъ началахъ указанныхъ въ Хати-шерифѣ, и на коренныхъ началахъ духовнаго закона, которымъ оправдывались даруемыя Султаномъ льготы. Эти льготы, эти права даровались волею Султана всѣмъ подданнымъ *безъ различія исповѣданія*, то есть превозглашалась уже не вѣротерпимость, но — *рѣшительное равенство между христіанами и мусульманами*. «Въ залогъ сихъ обѣтовъ нашихъ, присовокуплялъ Сул-

«танъ въ своемъ манифестѣ, мы присягнемъ именемъ «Аллаха предъ Санджакъ-Шерифомъ, священнымъ знаменемъ Пророка, въ точномъ ихъ соблюденіи, и примемъ въ томъ присягу улемъ и высокихъ сановниковъ «нашихъ».

За тѣмъ была прочитана публичная молитва; всѣ присутствовавшіе произнесли *Аминь*; были принесены многочисленныя жертвы, и самъ Султанъ съ Хатишерифомъ въ рукахъ вошелъ въ тотъ покой, гдѣ хранится Санджакъ-Шерифъ, присягнулъ возложивши руку на эту завѣтную святыню Ислама, и присягнули за нимъ всѣ вельможи, всѣ министры и всѣ представители высшей духовной іерархіи Ислама.

Трудно было придумать формы болѣе торжественныя и болѣе обязательныя для освященія новаго порядка вещей. Если - бы судьба народовъ и царствъ зависѣла отъ фразеологіи и отъ торжественности обрядовъ, Гюльханейскій актъ открылъ - бы новую эру благосостоянія для Турціи, какъ это было обѣщано Султаномъ. Актъ этотъ положилъ начало преобладающей теперь въ Турецкомъ правительствѣ системѣ торжественныхъ обязательствъ. Съ той поры виновники народныхъ бѣдствій набрасываютъ покрывало человѣколюбивыхъ и либеральныхъ теорій и цвѣты краснорѣчія на чудовищную вещественность фактовъ.

Редакторъ манифеста Решидъ - паша недаромъ пребылъ столько лѣтъ зрителемъ конституціоннаго права въ Парижѣ и въ Лондонѣ. Онъ хорошо постигъ какое приложеніе можетъ имѣть оно въ Турціи. Единственнымъ практическимъ послѣдствіемъ этой конституціонной пародіи было усиленіе министерской власти въ ущербъ власти монаршей, которая обращалась въ орудіе того изъ министровъ, чьи способности, чье пронырство могли завладѣть пружиною управленія и влі-

яніями обступающими Султана. Султанъ клятвенно отказался отъ права произвольныхъ казней и опалъ, отъ права конфискаціи имущества. Кто же какъ не министры и вельможи былъ подверженъ Султанской опалѣ? Право конфискаціи служило въ Турціи къ обузданію непомѣрнаго корыстолюбія пашей и вельможъ. По истребленіи наслѣдственныхъ Деребеевъ Султаномъ Махмудомъ нѣтъ въ Турціи другой аристократіи кромѣ служебной; между Турками рѣшительно нѣтъ другихъ богатствъ кромѣ тѣхъ, какія всякъ по мѣрѣ средствъ наживаетъ въ службѣ. По старому государственному праву состояніе нажитое въ казенной службѣ могло быть по произволу Султана описано въ казну, и даже Султанъ почитался законнымъ наслѣдникомъ лицъ служебныхъ. При такомъ порядкѣ вещей служебныя лица старались не навлекать на себя подозрѣнія въ чрезмѣрномъ обогащеніи. Гюльханейская присяга Султана освободила временщиковъ власти отъ постоянно висѣвшей надъ ихъ головою угрозы. Теперь могутъ они спокойно наслаждаться добромъ нажитымъ всякими беззаконіями. Правда, власть министровъ подчинялась теперь законнымъ ограниченіямъ; но на министровъ было возложено составленіе новыхъ законовъ, которыми надлежало осуществить прекрасныя теоріи Султанскаго манифеста, а кромѣ указаннаго нами ограниченія Султанской власти остальное пребыло и пребудетъ теоріею. Измѣнились формы; полицейская власть лишилась права смертной казни, которое было предоставлено прежде ея произволу; пытка воспрещена. Но въ существѣ правосудіе не улучшилось нисколько. Оно лишилось быстроты своихъ дѣйствій, которая составляла въ прежнемъ порядкѣ вещей единственное практическое его преимущество въ Турціи. Самоуправство власти стало проявляться не въ прежнемъ грубомъ видѣ, съ кинжа-

ломъ и съ висѣлицею; но въ коварныхъ преслѣдованіяхъ, которыя съ той поры замѣнили для народа судебную пытку прежней эпохи. Убѣжденіе человѣка въ своей силѣ какъ-то облагораживаетъ его; безсиліе власти взросшей въ навыкѣ самоуправства развращаетъ общество непроникнутое святостію закона. Когда для спасенія государства предстоитъ необходимость кореннаго переворота въ мысляхъ, въ чувствахъ, въ правахъ и въ законахъ, единственное къ тому средство — власть деспотическая, каково-бы ни было ея проявленіе, монархическое-ли или республиканское; а министры Абдулъ-Меджида помышляя только о своихъ личныхъ выгодахъ, о безопасности своихъ особъ и нажитыхъ богатствъ, воспользовались въ эту пору слабостію своего государя, чтобы публичнымъ актомъ ограничить единственную въ имперіи власть, которая могла стремиться къ добру. Гюльханейскій манифестъ походилъ на покрывало сшитое изъ лохмотьевъ, сквозь которое проглядывало сознательное разслабленіе власти въ лицѣ верховнаго ея представителя. Въ то же время централизаціонное направленіе манифеста ограничивало кругъ дѣйствія всѣхъ областныхъ администрацій въ пользу министерства, осужденнаго въ свою очередь борьбѣ потаенныхъ вліяній внутреннихъ и внѣшнихъ и обыкновеннымъ переворотамъ.

Первыя попытки къ осуществленію предписанныхъ положительныхъ реформъ вполнѣ выказали безсиліе правительства. Чудовищная система *Ильтизамовъ*, или откупнаго содержанія сборовъ и податей, о которой мы имѣли уже случай говорить, была торжественно уничтожена Хати-шерифомъ. Откупщики таможень, десятины съ полей и другихъ казенныхъ сборовъ, грабили народъ, но исправно взносили условленныя суммы въ казну. Чиновники, которые ихъ замѣнили, неменѣе

ихъ стали грабить народъ, но въ то же время грабили и казну, не чувствуя прежняго страха безотчетныхъ опалъ и конфискацій, и зная что для наказанія ихъ были необходимы судебныя улики. Казна лишилась вѣрнѣйшихъ своихъ доходовъ именно въ такую пору, когда государственный расходъ значительно усилился внесеніемъ въ бюджетъ огромныхъ жалованій, которыми по смыслу Хати-шерифа были надѣлены министры, губернаторы и вся администрація. Послѣ такой неудачной попытки правительство по необходимости обратилось къ прежней системѣ ильтизамовъ, которая именно съ этой поры распространилась и усилилась, вопреки Хати-шерифу.

Содержаніемъ отъ казны замѣнялись по смыслу Хати-шерифа доходы присвоенные разнымъ должностямъ, а жалованія, особенно высшимъ сановникамъ, назначены такія огромныя, какихъ не производитъ ни одно изъ Европейскихъ государствъ. Министры напримѣръ и первокласные паши, управляющіе областію въ 300/т. или 400/т. народонаселенія, стали получать по 120,000 руб. сер. въ годъ въ замѣнъ доходовъ, которыми пользовались они прежде. Главнѣйшіе изъ этихъ доходовъ всегда были — продажа должностей по управленію, взятки (рюшфетъ) и пени, налагаемыя отъ времени до времени, по усмотрѣнію мѣстныхъ властей, на города и на округи. Эти доходныя статьи уничтожались Хати-шерифомъ; но изъ нихъ только пени были дѣйствительно уничтожены. Продажа должностей и взятки существуютъ во всей своей силѣ по всему пространству имперіи, особенно въ столицѣ; но въ новомъ болѣе утонченномъ видѣ. Взятка и подарокъ (рюшфетъ и пешкешъ) эти вѣковыя преимущества власти, вкоренились въ административные нравы края отъ сельскаго старосты до Верховнаго визира; вкоренились съ самое

понятіе народа о власти. Одною развѣ безпощадною строгостію можно было приступить къ ихъ уничтоженію; а новыя человѣколюбивыя формы предписанныя Хати-шерифомъ воспрещали строгость. Давно замѣчено что въ Турецкомъ народѣ найдете людей съ честными правилами во всѣхъ сословіяхъ, кромѣ сословія людей состоящихъ въ государственной службѣ. Аксіома эта подтверждается и тѣмъ, что какъ только почетный гражданинъ, напримѣръ, или купецъ или ремесленникъ извѣстный хорошею нравственностію, сдѣлается правителемъ округа, или просто членомъ городоваго Совѣта (Меджлисъ), онъ можетъ по прежнему быть благонадежнымъ лицомъ въ частныхъ своихъ дѣлахъ и оборотахъ, но по дѣламъ ввѣренной ему должности онъ безъ зазрѣнія совѣсти грабитъ и народъ и казну. При такомъ направленіи цѣлаго общества откуда могли-бы министры, если бы даже помышляли они объ уничтоженіи обычая прибыльнаго для всѣхъ служебныхъ лицъ, избрать орудія для осуществленія теорій изложенныхъ въ Хати-шерифѣ? Правительственныя должности остались по прежнему исключительнымъ достояніемъ Турокъ.

Что касается дарованнаго Христіанамъ равенства съ Мусульманами предъ закономъ, право это несовмѣстное съ существованіемъ мусульманскаго правительства, среди преобладающаго христіанскаго элемента, послужило только программою новой системы преслѣдованій и гоненій. Оно раздражило и правительственныя и судебныя мѣста противу Христіанъ по всему пространству имперіи. Хати-шерифъ повелѣвалъ чтобы новыя узаконенія проистекали изъ духовнаго закона, на которомъ основано магометанское гражданское общество. Законъ этотъ осуждаетъ христіанъ рабству. При такомъ противурѣчіи практическое прило-

женіе отвлеченной идеи о равенствѣ было несбыточно. Какъ согласить идею равенства съ воспрещеніемъ свидѣтельства христіанина предъ судомъ? а воспрещеніе это сохраняетъ всю свою силу въ Турціи. Правда, оно постановлено не кораномъ и не первыми четырмя Халифами, которыхъ законы имѣютъ обязательную силу наравнѣ съ кораномъ. Законъ возпрещающій свидѣтельство христіанъ изданъ гораздо позже, при Дамаскомъ Халифѣ Омарѣ II, слѣдовательно Абдулъ-Меджидъ, яко Халифъ, могъ-бы въ свою очередь отмѣнить столь чудовищный законъ, не впадая въ ересь. Если же боялся онъ раздражать сословіе законоучителей, включившее чудовищный законъ Омара II въ свое каноническое право, Султанъ могъ-бы приказать, по примѣру Мехметъ-Алія и Ибрагима, чтобы гражданскія и уголовныя дѣла между христіанами и магометанами подлежали вѣдѣнію муниципальныхъ Совѣтовъ, безъ всякаго вмѣшательства въ эти Совѣты Муфтіевъ и Кадіевъ, обязанныхъ основывать свои юридическія мнѣнія на каноническомъ правѣ. Ибрагимъ-паша съ успѣхомъ употребилъ средство это въ Сиріи, гдѣ даже преобладаетъ магометанскій элементъ. Въ Европейской Турціи такое постановленіе не встрѣтило-бы никакаго сопротивленія.

Но министры Абдулъ-Меджида ограничились фразеологіею и отвлеченностями. Правительство составленное изъ привиллегированнаго Турецкаго племени могло-ли помышлять объ улучшеніи участи несравненнаго большинства подданныхъ Султана, когда было очевидно что равенство повело-бы къ перевѣсу христіанскаго элемента и къ сверженію правительственной олигархіи, для упроченія которой былъ придуманъ манифестъ? Султанъ съ умомъ и съ твердою волею, каковъ былъ Махмудъ, могъ смѣло основать грядущее величіе своей

имперіи и своей династіи на торжествѣ христіанскаго элемента, и могъ къ тому стремиться. Сынъ его по внушенію своихъ министровъ упомянулъ въ своемъ манифестѣ о Христіанахъ, чтобы довершить очарованіе конституціонной пародіи предъ кабинетами и предъ общественнымъ мнѣніемъ Европы. Авторъ Хати-шерифа Решидъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ, и съ той поры обезпечилъ онъ себѣ самое дѣятельное сочувствіе Англійскаго Кабинета.

Коммиссары разосланы были по всей имперіи для превозглашенія новыхъ теорій, которыя извѣстны теперь въ Турціи подъ именемъ *Танзиматъ-Хаиріэ*. Кьямиль-паша былъ назначенъ Коммиссаромъ въ Египетъ. Порта приступала къ исполненію гражданской мѣры, или вѣрнѣе сказать придуманнаго обряда, мимо всякой заботы о враждебныхъ своихъ отношеніяхъ къ Египетскому пашѣ. Она обращалась къ нему точно такъ какъ-бы онъ былъ въ должномъ повиновеніи; не было рѣчи ни о Незибскомъ сраженіи ни о флотѣ. Паша съ своей стороны принималъ видъ вѣрнаго, почтительнаго слуги, и въ отвѣтъ на Визиріальное письмо возсылалъ мольбы къ Аллаху о многолѣтіи Султана, и увѣрялъ что въ управляемыхъ имъ областяхъ уже давно соблюдались правила предписанныя въ новомъ манифестѣ.

По мѣрѣ того какъ Порта уклонялась отъ непосредственныхъ съ нимъ переговоровъ онъ внимательнѣе подслушивалъ разногласіе мнѣній между Кабинетами, которыхъ представители подписали въ Константинополѣ, по внушенію князя Меттерниха, достопамятную пятисрочную ноту $^{15}/_{27}$ Іюля о единомысліи ихъ относительно Восточнаго дѣла, при настояніи чтобы Порта ничего не рѣшала безъ ихъ содѣйствія. Разногласіе Кабинетовъ становилось со дня на день явственнѣе, и на немъ-то основывалъ Мехметъ-Али свои надежды.

Дѣло путалось. Нотою $^{15}/_{27}$ Іюля Несторъ Европейскихъ дипломатовъ домогался отстранить посредничество Россіи, основанное на Хункьяръ-Скелесійскомъ трактатѣ, и въ тоже время принудить Францію, не смотря на ея сочувствія къ Мехметъ-Алію, дѣйствовать за одно съ другими Державами. Россіи онъ нехотя оказалъ существенную услугу. Мы имѣли уже случай говорить о значеніи Хункьяръ-Скелесійскаго трактата относительно государственнаго интереса Россіи *). При томъ направленіи какое принимали дѣла Турціи по смерти Махмуда и при очевидной опасности Европейской войны, могла ли желать Россія одиночнаго вмѣшательства своего въ рѣшеніе Восточнаго дѣла въ угоду Турціи, по смыслу трактата, котораго восьмилѣтній срокъ почти исходилъ въ эту пору? Но съ другой стороны положеніе Франціи становилось крайне затруднительнымъ по принятому коллективною нотою обязательству согласія съ другими Державами, тогда какъ общественное мнѣніе со дня на день сильнѣе выражалось противъ охранительнаго направленія другихъ кабинетовъ. Оставалось еще одно средство: предварительное рѣшеніе дѣла между Портою и Египтомъ безъ посредничества Державъ, которыя удерживали за собою право признанія и подтвержденія условій. Для достиженія этой цѣли Кабинеты посовѣтовали Портѣ вступить опять въ переговоры съ пашею. Порта предложила Мехметъ-Алію потомственное обладаніе Египта и Палестины до Акки, не включая этой крѣпости въ его границы; или потомственное обладаніе Египта и пожизненное управленіе всей южной Сиріи вмѣстѣ съ Аккою. На это предложеніе онъ отвѣчалъ упорнымъ требованіемъ всей Сиріи до Алепа въ потомственное

*) См. Гл. VI.

владѣніе, а уступалъ Портѣ Аравію, которая столько лѣтъ разоряла его казну и губила его войско. Въ подкрѣпленіе этихъ притязаній онъ сталъ готовиться къ войнѣ, увѣряя что можетъ отстоять Сирію противу всѣхъ. Онъ отозвалъ войска свои изъ Аравійскаго полуострова, усилилъ Сирійскую армію, вооружилъ работниковъ арсенала и фабрикъ, выписалъ изъ Англіи огромную артиллерію для Акки, завербовалъ нѣсколько тысячъ Албанцевъ въ самихъ областяхъ Султана, и образовалъ народное ополченіе изъ горожанъ Египетскихъ для внутренней защиты края. Во всѣхъ этихъ дѣйствіяхъ онъ старался себя выказать предъ подвластными народами, а особенно предъ войскомъ, за поборника Ислама противу измѣны министровъ и противу злаго умысла Европейскихъ кабинетовъ на независимость Оттоманскаго царства. Порою сбрасывалъ всякую личину покорности; возвращалъ измѣннику Февзи-пашѣ, разжалованному Султанскимъ фирманомъ, командованіе флотомъ; одѣвалъ Турецкіе экипажи въ Египетскій мундиръ. Порою принималъ опять видъ покорнаго и вѣрнаго слуги Султана, и приказомъ по флоту и арміи предписывалъ не иначе говорить о немъ какъ съ подобающимъ благоговѣніемъ.

Проходило время; переговоры принимали тонъ колкій; Порта прицѣплялась къ іюльской нотѣ, и горько жаловалась на медленность обѣщаннаго содѣйствія.

ГЛАВА XIII.

ОТКРЫТІЕ КОНФЕРЕНЦІЙ ВЪ ЛОНДОНѢ. — УМЫСЕЛЪ ЭМИРА ЛИВАНСКАГО И ЧУВСТВА СИРІЙСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ. — БУНТЪ ГОРЦЕВЪ. — ПОТОМОКЪ ГОТФРИДА БУЛЬОНСКАГО И ПАРОДІЯ КРЕСТОВЫХЪ ПОХОДОВЪ. — ПОСЛАНЕЦЪ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ ВЪ СТОЛИЦѢ И ПОХОДЪ ЛИВАНСКІЙ. — ПОЯВЛЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ФЛОТА ВЪ БЕЙРУТѢ. — ПОСЛѢДНЕЕ ТОРЖЕСТВО МЕХМЕТЪ-АЛІЯ И ЭМИРА ЛИВАНСКАГО. — ТРАКТАТЪ $^3/_{15}$ ІЮЛЯ. — ВТОРИЧНОЕ ПОЯВЛЕНІЕ АНГЛІЙСКАГО ФЛОТА. — НЕУДАЧИ КОММОДОРА НАПИРА. — ПЛАНЪ ЗАЩИТЫ СИРІЙСКАГО БЕРЕГА. — ПРИБЫТІЕ АДМИРАЛА СТОПФОРДА И СОЮЗНОЙ ЭКСПЕДИЦІИ.

Весною 1840 года открылись конференціи въ Лондонѣ между уполномоченными Россіи, Австріи, Англіи, Франціи и Пруссіи. Были приглашены представители Порты. Они возобновили жалобы своего правительства на медленность рѣшенія дѣла, излагая сколь тягостно положеніе это и для правительства и для народонаселеній, утомленныхъ неизвѣстностію о своей судьбѣ и бременемъ всегдашней готовности къ войнѣ.

Безъ сомнѣнія было нетрудно предписать Востоку приговоръ Великихъ Державъ; но было трудно постановить приговоръ единогласный въ дѣлѣ международномъ, которое рѣшается не большинствомъ голосовъ. Франція упорствовала въ своемъ пристрастіи къ пашѣ.

Развязка Гордіева узла была ускорена бунтомъ Ливанскихъ горцевъ въ Маѣ 1840 года.

Мы видѣли уже загадочныя отношенія Эмиръ-Беширa къ Мехметъ-Алію, его опасенія относительно феодальныхъ правъ своихъ и своего дома, въ случаѣ окончательнаго укрѣпленія Сиріи за Египетскимъ пашею, его стараніе выставлять себя защитникомъ горцевъ отъ угнетеній и внушать народу недовѣріе къ Египетской власти.

Мехметъ-Али хорошо постигалъ расположенія Эмира; онъ продолжалъ попрежнему оказывать къ нему благоволеніе, но въ то-же время ласкалъ молодаго шейха Наамана Джемблата, который съ Султанскимъ фирманомъ въ рукахъ домогался возвращенія отцовскаго имѣнія, конфискованнаго Эмиромъ по умерщвленіи его отца, знаменитаго шейха Бешира Джемблата *).

Нааманъ предлагалъ пашѣ набавить подать съ Ливана, если ему будетъ позволено, по примѣру отца, созвать шейховъ и приступить къ избранію другаго эмира между членами семейства Шагабовъ, какъ это искони водилось на Ливанѣ.

Старый Эмиръ зналъ объ этомъ; но онъ чувствовалъ себя слишкомъ виновнымъ предъ Портою за принятое имъ участіе въ бунтѣ безумнаго Абдаллаха, и за постоянный союзъ съ Египетскимъ пашею, чтобы желать востановленія Султанской власти въ Сиріи. Съ другой стороны правила, которыми руководствовалось въ этомъ краю Египетское правительство, и его стремленіе къ ниспроверженію всѣхъ феодальныхъ властей, слишкомъ грозили предусмотрительному Эмиру. Въ безспорномъ обладаніи Египтянъ онъ не безъ причины видѣлъ неминуемый приговоръ своего паденія. Смерть Махмуда, сраженіе подъ Незибомъ, измѣна Капитанъ-

*) Въ V Главѣ были подробно изложены обстоятельства смерти шейха Бешира.

паши, — это тройное торжество Египетскаго паши, показалось старому Эмиру непреложнымъ рѣшеніемъ того долгаго спора, подъ тѣнію котораго росла въ мирѣ его власть на Ливанѣ и обогащалась его казна. Онъ призадумался, сталъ пасмурнымъ, и желалъ новыхъ внутреннихъ тревогъ въ Сиріи, чтобы Египтяне не могли обойтись безъ его содѣйствія, и уважили бы его древнія права. Обстоятельства повидимому благопріятствовали ему въ этой азартной игрѣ, которой ставкою была будущность владѣтельнаго дома Шагабовъ. Въ Январѣ Сирія была встревожена извѣстіемъ о военныхъ приготовленіяхъ Мехметъ-Алія, который въ этотъ періодъ Восточной драмы суетливо игралъ роль Донъ-Кихота въ виду Европы. Когда въ Бейрутѣ узнали о составленіи народнаго ополченія въ Египтѣ, городъ былъ объятъ точно такимъ страхомъ, будто непріятель былъ подъ стѣнами. Всѣ прятались отъ угрозы новаго рекрутскаго набора, и въ первый разъ заговорили о проэктѣ паши забрать рекрутовъ изъ христіанъ. Слухъ этотъ взволновалъ горцевъ. Соскучившись продолжительнымъ благоденствіемъ и миромъ, которымъ принужденно наслаждались уже нѣсколько лѣтъ, они безъ всякой основательной причины стали вопіять противъ Египтянъ. Въ шести часахъ отъ Бейрута выкапывалась руда каменнаго угля на счетъ правительства. Уголь этотъ обходился дороже и былъ хуже того который выписывался изъ Англіи. Но Мехметъ-Али сносилъ ущербъ своей казны, лишь-бы деньги оставались въ краю и развилась бы эта новая отрасль промышленности. Повинность выкапыванія угля лежала на ближнихъ округахъ; съ другихъ округовъ правительство требовало каменщиковъ для крѣпостныхъ работъ въ Аккѣ. За все это платила казна; но горцы со злобы стали сталкивать въ пропасти своихъ муловъ, чтобы

не идти на перевозъ угля. Эмиръ изъ своего Птеддинскаго дворца наблюдалъ за этими предзнаменованіями наступавшей грозы, и коварными рѣчами воспламенялъ народныя страсти. Во всю зиму вспышки бунта оказывались попремѣнно то между Ансаріями по близости Антіохіи, то въ сѣверныхъ покатостяхъ Ливана въ округѣ Акьарѣ, то въ племенахъ Мотуаліевъ въ Бальбекѣ и по верховьямъ Касьміэ, между Сайдою и Суромъ, то въ Гауранѣ между остатками Друзовъ побѣжденныхъ въ Леджѣ, то въ Хевронѣ, въ горахъ Іудейскихъ. Ибрагимъ оставался съ главною квартирою въ Марашѣ, чтобы угрожать походомъ въ Малую Азію въ подкрѣпленіе притязаній отца. Въ Сирію наряжалъ онъ отъ времени до времени войско въ подмогу гражданскимъ властямъ для взысканія податей. Изъ Египта также ходили въ Сирію полки для усиленія Ибрагимовой арміи. Огромныя количества запасовъ и военныхъ снарядовъ свозились моремъ въ Акку и въ Латтакію. Этою дѣятельностію, которая сильно дѣйствовала на воображеніе Сирійскихъ племенъ, едва успѣвалъ паша содержать ихъ въ подчиненности. Стоило Эмиру поднять знамя бунта съ Ливанскими племенами, и вся Сирія послѣдовала бы его примѣру, и Египетское владычество рушилось бы еще быстрѣе чѣмъ оно основалось въ этомъ краю. Но по замѣченнымъ уже нами причинамъ недовѣрія Эмира къ Туркамъ, онъ не желалъ такого переворота. Онъ помышлялъ только о продлитіи по возможности тѣхъ сомнѣній, которымъ онъ былъ обязанъ неприкосновенностію своей власти, и — почему знать, — онъ могъ по примѣру Мехметъ - Алія ласкать себя надеждою другихъ грядущихъ переворотовъ, посреди коихъ Ливанское Княжество, съ преобладающимъ въ немъ христіанскимъ элементомъ, достигло бы политической самобытности.

Въ Апрѣлѣ 1840 года, въ пору весеннихъ жаровъ, которые въ этихъ климатахъ приводятъ кровь въ безпокойное волненіе и воспаляютъ южнаго человѣка, признаки неудовольствія горцевъ становились дерзновеннѣе. За два года предъ тѣмъ по повелѣнію Мехметъ-Алія было выдано Эмиру Ливанскому 15,000 ружей для ополченія горцевъ призванныхъ въ подмогу Египетской арміи противу Гауранскихъ Друзовъ. Паша требовалъ теперь обратно этихъ ружей для своего Египетскаго ополченія. Можетъ быть это служило только предлогомъ къ отобранію оружія отъ племенъ, на сочувствіе которыхъ онъ уже не могъ полагаться. Когда повелѣніе о томъ Ибрагима было предъявлено Эмиръ-Беширу, Эмиръ сталъ громогласно роптать, говоря что онъ не смѣетъ приступать къ подобной мѣрѣ, что горцы не стерпятъ этой обиды и проч. Замѣчательно, что изъ помянутаго числа ружей только половина была роздана, а другая хранилась во дворцѣ Эмира. Его отвѣтъ Ибрагиму былъ сухъ, рѣзокъ, исполненъ жалобъ отъ имени народа и опасеній о возстаніи горцевъ. Письмо это, которое по своему содержанію должно было храниться въ тайнѣ, сдѣлалось гласнымъ по всему Ливану. Открылась чума въ Дамаскѣ. Губернаторъ Бейрута Махмудъ-бей оцѣпилъ городъ. Карантинное оцѣпленіе служило въ то же время угрозою горцамъ, которые въ ту пору запасались въ Бейрутѣ хлѣбомъ.

19 Мая вспыхнулъ бунтъ разбитіемъ карантиннаго кордона и разграбленіемъ почтъ. Въ подобныхъ случаяхъ Турецкія власти имѣютъ обыкновеніе входить въ переговоры съ мятежниками, и усмирять ихъ ласкою лживыми обѣщаніями, посѣяніемъ раздора. Египетскія власти привыкли напротивъ того дѣйствовать въ Сиріи съ твердостію свойственною военному управ-

ленію. Въ Бейрутѣ было не болѣе полубаталіона войска. Немедленно стали туда собираться разные отряды, и былъ запрещенъ вывозъ хлѣба въ горы. Военное судно стоявшее на рейдѣ привело въ исполненіе ту же мѣру по ближнимъ поморскимъ пунктамъ. Это послужило къ усиленію и распространенію бунта. Чрезъ нѣсколько дней поспѣлъ изъ Сайды начальникъ Штаба Солиманъ-паша, поспѣли и грозныя повелѣнія Ибрагима къ Эмиръ-Беширу. Но Эмиръ пребывалъ въ созерцательномъ бездѣйствіи, а секретные агенты, даже сыновья его, раздували пламя подъ предлогомъ ходатайства за горцевъ. Пронесся слухъ будто правительство требовало оружія для того только чтобы приступить за тѣмъ къ рекрутскому набору.

Ибрагимъ клялся своею головою и головою своего отца, что они не имѣли намѣренія требовать рекрутовъ; но уже мятежъ кипѣлъ по всему пространству христіанскихъ округовъ Ливана. Друзы, которые имѣли болѣе основательныя причины неудовольствія, ибо съ нихъ дважды были взяты рекруты, оставались однакожъ спокойными. Нѣсколько тысячъ горцевъ, половина съ оружіемъ, половина съ лопатами и дубинами, приступили къ Бейруту и пытались овладѣть городомъ. Замки шумно отстрѣливались, не причиняя впрочемъ никакого вреда горцамъ, которые укрывались среди неровностей почвы. Занявъ всѣ окрестности, они умерщвляли солдатъ встрѣчаемыхъ въ полѣ, грабили все казенное имущество, но не касались частныхъ лицъ, и оказывали особенное уваженіе къ требованіямъ консульствъ, въ надеждѣ на сочувствіе Великихъ Державъ, о нерасположеніи которыхъ къ Мехметъ-Алію они вѣдали по слухамъ. Въ это время въ прокламаціяхъ своихъ они клялись въ вѣрности Султану, излагали свои жалобы на Египтянъ, и библейскими выраженіями изображали

Мехметъ-Алія и Ибрагима достойными преемниками Фараоновъ угнетавшихъ народъ Божій.

Въ Европѣ приписали этотъ Ливанскій бунтъ агентамъ Порты и вліянію Англичанъ, которые были расположены дѣйствовать всѣми средствами для изгнанія Египтянъ изъ Сиріи. Это не основательно. Замѣтимъ даже, что изо всѣхъ здѣшнихъ Европейцевъ, одни Французы, которыхъ правительство такъ усердно стояло за Мехметъ-Алія, оказывали дѣятельное сочувствіе къ мятежникамъ, доставляли имъ порохъ, направляли ихъ дѣйствія изасѣдали въ ихъ совѣщаніяхъ. Врожденное расположеніе ко всякому бунту превозмогало въ этомъ случаѣ обнаруженное Франціею народное сочувствіе къ Мехметъ-Алію. Самое консульство французское, въ противность направленію своего министерства, раздувало мятежъ, въ томъ предположеніи, что паша, не будучи въ состояніи усмирить горцевъ военною силою, принужденъ будетъ прибѣгнуть къ посредничеству Франціи, и тѣмъ Франція пріобрѣтетъ новыя права и сугубое вліяніе на племена Ливанскія, въ которыхъ преобладаетъ католическій элементъ, эта основная пружина Французской политики на Востокѣ. По поводу обиды нанесенной одному Французу Египетскимъ солдатомъ, консулъ прервалъ сношенія съ мѣстными властями, и спустилъ свой флагъ. Горцы почли это объявленіемъ войны.

Путешествовалъ въ Сиріи молодой Французъ графъ Онфруа. Соскучившись бездѣйствіемъ въ отечествѣ, гдѣ по политическимъ его мнѣніямъ всякое поприще было для него закрыто, одаренный болѣе пылкимъ воображеніемъ чѣмъ здравымъ смысломъ, онъ жаждалъ приключеній. Мятежъ горцевъ, дѣло самое обыкновенное въ Турціи, показался ему возстаніемъ христіанъ. При томъ же это было въ Сиріи, въ колыбели нашей вѣры, въ сосѣдствѣ Іерусалима, на передовой сценѣ театра

крестовыхъ подвиговъ молодой Европы; а графъ велъ свой родъ отъ крестоносцевъ, сподвижниковъ и родственниковъ Готфрида Бульонскаго, и при случаѣ могъ похвалиться правомъ на наслѣдіе Іерусалимское. Не зная ни слова поарабски, еще менѣе постигая смыслъ Восточныхъ дѣлъ и современной политики, не вникнувъ въ духъ Сирійскихъ племенъ, графъ Онфруа предсталъ къ мятежникамъ вдохновеннымъ проповѣдникомъ христіанскаго подвига, вождемъ передоваго ополченія, по слѣдамъ котораго потекла-бы Европа на новый рядъ романтическихъ подвиговъ ознаменовавшихъ XI и XII вѣки. Этотъ пламенный потомокъ крестоносцевъ имѣлъ при себѣ нѣсколько тысячъ франковъ на расходы предпринятаго имъ путешествія ко Святымъ мѣстамъ. Съ вѣрою въ свое мечтательное предназначеніе онъ предложилъ горцамъ образовать милицію, и вызвался быть ихъ предводителемъ. Предложеніе было тѣмъ охотнѣе принято, что онъ платилъ по два піастра въ день (10 коп. сер.) изъ своей казны (чтобы не говорить прозаически изъ своего кармана), и такъ какъ изъ туземнаго дворянства ни одинъ порядочный человѣкъ не соглашался открыто сдѣлаться предводителемъ мятежа, то заморскому гостю посчастливилось набрать тысячи двѣ или три человѣкъ, подъ свои знамена. На знаменахъ было изображеніе Іерусалимскихъ крестовъ. Пылкій вождь, имѣя въ виду свою утопію крестовыхъ походовъ, однажды, среди краснорѣчивой рѣчи, въ арабскомъ переводѣ которой слушатели ничего не понимали, разорвалъ въ куски свой плащь, и убѣдилъ горцевъ нашить изъ лохмотьевъ суконные кресты къ своимъ платьямъ. Эта пародія вдохновенныхъ дѣяній Петра Пустынника и Св. Бернарда, дѣяній принадлежащихъ другому вѣку и другой странѣ, была запечатлѣна клятвою умереть съ оружіемъ въ

рукахъ или изгнать Египтянъ изъ Сиріи. Графъ Онфруа принялъ самъ титулъ Главнокомандующаго, и назначилъ при себѣ начальникомъ штаба, дежурными штабъ-офицерами и адъютантами еще кое-кого изъ залетныхъ Европейцевъ. Іезуитскіе миссіонеры, еще недавно поселившіеся на Ливанѣ и расположенные мутить въ свою очередь всякія воды, проповѣдывали и распространяли бунтъ, въ надеждѣ основать независимое католическое княжество на Ливанѣ. По ихъ внушенію появлялись патетическія прокламаціи, въ которыхъ горцы ставили себѣ въ примѣръ Французовъ, сравнивали себя съ Маккавеями, толковали о свободѣ, проповѣдывали народное собраніе, и указывали на Грековъ, *свергнувшихъ при содѣйствіи Божіемъ турецкое правительство.* Сравненіе этихъ порывовъ съ первоначальными возваніями горцевъ во имя законнаго ихъ государя послужитъ мѣриломъ направленія всякаго бунта.

Дѣйствія мятежниковъ ограничивались шумными сборищами въ окрестностяхъ Бейрута и безвредною перестрѣлкою съ гарнизономъ. Они аттаковали карантинъ, гдѣ хранилось много ружей Египетскихъ. Пятьдесятъ Албанцевъ сдѣлали оттуда вылазку. Албанцы безъ труда очистили все поле отъ горцевъ, которые грозили истребить Египетскую армію. Это достаточно обозначало силу бунта. Но по его отголоску уже возмущались другія племена. Храбрый Эмиръ Ханджаръ, изъ древняго рода *Харфушъ*, поднялъ на ногу Мотуаліевъ Бальбекскихъ, а шейхъ *Худръ* съ горцами округа *Данныэ* сталъ бушевать въ окрестностяхъ Триполи. Въ горахъ Гауранскихъ собиралась гроза между Друзами. Съ разныхъ мѣстностей Іудеи и Самаріи стекались недовольные въ Керакъ за Іорданомъ, гдѣ было постоянное гнѣздо мятежа. Всѣ народонаселенія Сиріи устремляли взоры на Ливанъ, чтобы въ урочную

минуту приняться за оружіе. Съ другой стороны около 20,000 Бедуиновъ Месопотамійскихъ, которые предъ Незибскимъ сраженіемъ были набраны Мосульскимъ пашею для вторженія въ Сирію, готовились переправиться чрезъ Эвфратъ, а въ Малатіи стоялъ 15 тысячный Турецкій корпусъ, бывшій резервъ Хафиза. Но въ Сиріи не было между мятежниками ни общаго направленія ни единомыслія. Самозванный Ливанскій Генералиссимусъ Онфруа въ двѣ недѣли истощилъ свою казну, а когда не стало денегъ не стало и войска подъ его фантастическими знаменами.

Мехметъ - Али между тѣмъ принималъ дѣятельныя мѣры къ утушенію мятежа, и въ то же время возобновлялъ попытки къ вступленію въ переговоры съ Портою мимо Великихъ Державъ. Ненавистный ему Хозрефъ былъ уже отрѣшенъ отъ должности Верховнаго визира и впалъ въ немилость. Въ новомъ министерствѣ преобладало вліяніе Решидъ-паши, министра Иностранныхъ Дѣлъ. Почитая эту перемѣну благопріятною для своихъ видовъ, равно угрожаемый бунтомъ Сиріи и враждебными расположеніями Англійскаго Двора, паша отправилъ въ Константинополь съ дарами къ Султану, по случаю рожденія Султанши - дочери, своего адъютанта Сами-бея, человѣка умнаго, ловкаго, вкрадчиваго, и поручилъ ему сдѣлать предложеніе о сдачѣ флота, и о разрѣшеніи чтобы онъ былъ отведенъ въ столицу молодымъ сыномъ Мехметъ-Алія Саидъ-беемъ, капитаномъ Египетскаго флота. По поводу этого вѣрноподданническаго предложенія, Сами-бей былъ уполномоченъ войти въ секретные переговоры о миролюбной сдѣлкѣ на основаніи возвращенія Портѣ Аданы и набавки подати за Сирію, лишь-бы Европейскія державы не вступались въ это домашнее дѣло мусульманъ. Порта съ своей стороны была слишкомъ опытна въ пріемахъ

своего вассала. Она ласково приняла посланца, но съ хладнокровіемъ замѣтила, что возвращеніе флота было дѣломъ второстепеннымъ, пока не рѣшался вопросъ о Сиріи. Она уклонилась отъ всякихъ переговоровъ, подъ предлогомъ, что ей надлежало дѣйствовать по согласію съ своими союзниками. Въ Іюлѣ Сами-бей возвратился безуспѣшно къ Мехметъ-Алію. Ливанскій бунтъ могъ положить конецъ разногласіямъ Державъ, и тѣмъ рушились бы и послѣднія надежды... Паша обѣщалъ горцамъ не отбирать у нихъ оружія, если они добровольно покорятся. Въ тоже время направлялись отовсюду военныя силы, чтобы обступить горы. Городъ Захле у восточной подошвы Ливана, былъ занятъ одною бригадою регулярнаго войска; три тысячи Албанцевъ моремъ прибыли въ Бейрутъ изъ Аданскаго пашалыка, а затѣмъ поспѣли изъ Александріи два линейные корабля, двѣнадцать фрегатовъ и восемь другихъ судовъ. Эскадра эта состояла пополамъ изъ судовъ Турецкихъ и Египетскихъ, и на ней была полубригада дессантнаго войска съ флота Султанскаго. Этимъ Мехметъ-Али хотѣлъ выказать горцамъ, возмущеннымъ во имя Султана, будто онъ съ нимъ въ союзѣ. Рожденіе Султанши торжественно праздновалось въ Бейрутѣ сряду дней семь, посреди приготовленій къ походу. Впрочемъ чувства турецкихъ экипажей достаточно обнаружились въ продолженіе плаванія изъ Александріи въ Бейрутъ: открылись заговоры, которыхъ цѣлію было поплыть къ берегамъ Султанскихъ владѣній. По прибытіи въ Бейрутъ, безъ шума, ночью, были утоплены нѣсколько Турецкихъ офицеровъ.

И для военныхъ дѣйствій и для переговоровъ съ мятежниками полномочія были ввѣрены Солиманъ-пашѣ. Подъ начальствомъ его состоялъ молодой Аббасъ-паша, внукъ Мехметъ-Алія. Ибрагиму, котораго имя наводило

трепетъ на горцевъ, было повелѣно вовсе не принимать участія въ этомъ дѣлѣ. Мехметъ-Али, зная упорный и безпощадный характеръ своего сына, не рѣшался возобновить на Ливанѣ борьбу Гауранскую. Неудача и кровопролитія въ этомъ прибережномъ пунктѣ могли придать переговорамъ Великихъ Державъ о Сиріи весьма неблагопріятный оборотъ.

При извѣстіи о бунтѣ Ливанскомъ поспѣлъ въ Бейрутъ Англійскій фрегатъ. Но уже въ три недѣли войска собиравшіяся кругомъ возмутившихся горъ простирались до 30,000. Присутствіе Англійскаго флага, и пароходныя сообщенія Англичанъ между Константинополемъ, Бейрутомъ и Мальтою, внушали Солиманъ-пашѣ великія опасенія о флотѣ стоявшемъ въ Бейрутѣ въ ожиданіи экспедиціи въ горы. Онъ поспѣшилъ отправить назадъ эскадру по высадкѣ десанта. Въ самомъ дѣлѣ едва отплыла она въ Александрію, въ Бейрутъ появилась Англійская дивизія подъ начальствомъ Коммодора Напира, прославившагося своимъ удальствомъ на Тагѣ, въ войнѣ Донъ-Педра съ Донъ-Мигуэлемъ. Если бы Коммодоръ поспѣлъ нѣсколькими днями ранѣе, онъ могъ бы, не смотря на неравенство силъ, захватить Египетскіе корабли и дать Ливанскому дѣлу иной оборотъ. Это было въ первыхъ числахъ Іюля. Экспедиція готовилась проникнуть въ горы, а Коммодоръ пребылъ безсильнымъ зрителемъ военныхъ операцій, и напрасно пытался внушить бодрость оробѣвшимъ мятежникамъ.

Эмиръ-Беширъ видѣлъ развивавшійся уже планъ Солиманъ-паши и не сомнѣвался въ скоромъ подавленіи мятежа. Онъ поспѣшилъ отправить къ нему своихъ сыновей съ предложеніемъ услугъ. И Солиманъ-паша и внукъ Мехметъ-Алія хорошо постигали коварную политику стараго Эмира; но отлагая мщеніе до обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ, они охотно во-

шли въ сношенія съ нимъ, чтобы однимъ ударомъ безспорно смять возмутившіяся племена. Тогда представилось зрѣлище неимовѣрное; на Ливанѣ народныя страсти были въ полномъ разгарѣ; даже тѣ горцы которые не участвовали въ бунтѣ, готовились защитить свои неприступныя вершины отъ нашествія войскъ, тѣмъ упорнѣе что войска эти предъ выступленіемъ въ походъ, въ пребываніе свое въ Бейрутѣ, ознаменовали свой фанатизмъ всякими безчинствами противу христіанъ. Эмиръ-Беширъ успѣлъ въ трое сутокъ посѣять раздоры между начальниками мятежа, внушить народу подозрѣніе въ измѣнѣ предводителей, и распространить повсюду искуственный паническій страхъ, такъ что въ день выступленія войскъ всѣ горные проходы были очищены сами собою, и мятежники, не сдѣлавши ни одного выстрѣла, бѣжали или являлись съ повинною. Въ тоже время наѣздники эмира показывались небольшими отрядами въ тѣхъ самихъ округахъ гдѣ найболѣе кипѣлъ бунтъ, и требовали оружія и контрибуціи въ наказаніе за бунтъ. Эти объѣзды изъ двухъ или трехъ человѣкъ обезоруживали сотни горцевъ, потомъ немилосердно ихъ наказывали плетью, доколѣ не сдавалось оружіе и не уплачивалась контрибуція. За тѣмъ являлись Албанцы или султанское дессантное войско, которое, питая злобу къ Мехметъ-Алію, изливало ее на несчастныхъ горцевъ. Деревни, церкви и монастыри были ограблены и преданы пламени. Замѣчательно что Египетское войско обходилось съ жителями несравненно человѣколюбивѣе чѣмъ Турки; потому-ли что въ самомъ дѣлѣ дисциплина была строже соблюдаема въ этомъ войскѣ, или потому что паши умышлено потворствовали безчинствамъ турецкаго солдата, чтобы разрушить чары, которыми Сирійскія племена были привязаны къ своему законному государю. Мы замѣтили

уже, что самый походъ Султанскаго войска противу народонаселенія возставшаго во имя Султана, служилъ къ опроверженію непріязненныхъ слуховъ объ отношеніяхъ счастливаго паши къ преемнику Махмудову.

Въ нѣсколько дней горы безпрекословно покорились. Англійскій Коммодоръ съ досадою въ сердцѣ покинулъ Сирійскіе берега, воздавъ дань удивленія старому пашѣ, который въ нѣсколько недѣль подвинулъ столь огромныя силы и потушилъ пожаръ грозившій разлиться по всей Сиріи. Эмиръ-Беширъ, по основнымъ правиламъ своей политики, умѣлъ извлекать новыя выгоды себѣ изъ всякаго политическаго кризиса. Подъ предлогомъ предупрежденія новыхъ мятежей и наказанія виновниковъ бунта, онъ схватилъ всѣхъ тѣхъ чье вліяніе не согласовалось съ его видами, въ томъ числѣ нѣсколько эмировъ своихъ родственниковъ, и отправилъ ихъ въ Египетъ. Оттуда были они сосланы въ Сеннааръ, и тамъ подъ тропическимъ солнцемъ проводили жгучее лѣто 1840 года, вздыхая о своихъ свѣжихъ горахъ, о студенныхъ источникахъ и снѣжныхъ вершинахъ Ливана. Происшествія осени и зимы тогоже года извлекли изъ заточенія этихъ изгнанниковъ.

Вся Сирія ужаснулась при извѣстіи объ усмиреніи Ливанскаго бунта. Никогда Египетское владычество не внушало такого страха какъ въ эту эпоху послѣдняго своего торжества. За то никогда сердца Сирійцевъ не кипѣли такою враждою къ торжествующему пашѣ, никогда народныя страсти не были сильнѣе взволнованы подъ покровомъ принужденнаго успокоенія. При томъ же сочувствіе обнаруженное Бейрутскими консульствами и Англійскими кораблями къ племенамъ Ливанскимъ, хотя и не воспрепятствовало оно успѣхамъ Мехметъ-Алія, однако произвело большой моральный эфектъ, какъ признакъ нерасположенія Ве-

ликихъ Державъ къ бунтовавшему пашѣ. Сирія обманутая въ 1839 году, послѣ Незибскаго сраженія, въ своихъ упованіяхъ, стала съ этаго времени ждать своего освобожденія отъ Европейскихъ Державъ. Пронесся слухъ будто Русскій пятидесятитысячный корпусъ спускался чрезъ Эрзрумъ для изгнанія Египтянъ, при содѣйствіи Англійскаго флота съ моря. Обнаруженіе подобныхъ чувствъ во всей массѣ народонаселенія имѣло особенное значеніе, когда предстояло Великимъ Державамъ окончательно приступить къ рѣшенію задачи Восточныхъ дѣлъ

Въ сихъ-то обстоятельствахъ былъ подписанъ въ Лондонѣ знаменитый трактатъ $^{3}/_{15}$ Іюля между Россіею, Австріею, Англіею, Пруссіею и Оттоманскою Портою. Вопреки сопротивленія Франціи, было рѣшено между другими Державами, унять силою Мехметъ-Алія и положить законные предѣлы его непомѣрному честолюбію. Трактатъ былъ основанъ на обязательствѣ принятомъ Союзными Державами за годъ предъ тѣмъ нотою $^{15}/_{27}$ Іюня. Если несогласія и недоразумѣнія замедлили исполненіе сдѣланныхъ тогда Портѣ предложеній, за то въ силу трактата было положено дѣйствовать безъ всякаго отлагательства. Эта быстрота дѣйствій была лучшею порукою въ успѣхѣ самаго предпріятія и въ предупрежденіи Европейской войны, которою угрожало отчужденіе Франціи отъ общаго дѣла. На основаніи Лондонскаго трактата дѣлалось Мехметъ-Алію предложеніе отъ Порты о потомственномъ обладаніи Египта и пожизненномъ управленіи южною Сиріею (Палестиною) по чертѣ отъ Бѣлаго мыса (Разъ-эль-Нахора) на Средиземномъ Морѣ до Тиверіадскаго озера, съ тѣмъ чтобы предложеніе это, поддержанное Агентами Великихъ Державъ, было принято пашею въ теченіи *десяти дней*, и были-бы въ этотъ десятидневный срокъ

отданы предписанія его войску очистить остальную Сирію, Адану, Кандію и Аравію, при немедленной сдачѣ Султанскаго флота. Въ случаѣ несогласія паши на это предложеніе, Порта ограничивалась уступкою Египта въ потомственное владѣніе, и давала пашѣ еще десятидневный срокъ на принятіе этаго условія, предоставляя себѣ, въ случаѣ вторичнаго отказа паши, дѣйствовать по своему усмотрѣнію, послѣ *предварительнаго совѣщанія съ союзниками.* Такъ какъ во всякомъ случаѣ сѣверная Сирія возвращалась Портѣ, то еще въ продолженіе переговоровъ съ пашею и прежде исхода положенныхъ сроковъ, военныя дѣйствія могли открыться у береговъ Ливанскихъ, и прекращались сообщенія моремъ между Сиріею и Египтомъ. Что же касается до обычной угрозы Мехметъ-Алія походомъ Ибрагима въ Малую Азію, то въ случаѣ исполненія этой угрозы, союзныя Державы постановили между собою условія о занятіи ихъ флотами Босфора и Дарданеллъ для прикрытія Оттоманской столицы, а корпусъ Русскихъ войскъ былъ готовъ изъ Одессы и Севастополя переплыть Черное Море и идти на встрѣчу Ибрагима.

Извѣстіе о Лондонскомъ трактатѣ было доставлено въ Сирію Англійскимъ коммодоромъ Напиромъ, который 1-го Августа неожиданно явился предъ Бейрутомъ съ четырмя линейными кораблями и однимъ фрегатомъ. Коммодоръ надѣялся своимъ появленіемъ, обнародованіемъ воли Великихъ Державъ и призывомъ къ народонаселеніямъ во имя Султана возжечь новое пламя бунта на Ливанѣ, бросить въ робость Египетскія войска и привлечь къ себѣ полубригаду дессантнаго войска Султана, которая участвовала въ Ливанскомъ походѣ, какъ мы уже видѣли, а за свои безчинства въ горахъ была уже отозвана Солиманъ-пашею и рас-

положена лагеремъ близъ Бейрута на берегу моря. Англійскіе корабли стали на шпрингъ по обѣимъ сторонамъ этого лагеря, и объявили, что Султанское войско поступало подъ ихъ покровительство, съ воспрещеніемъ Египетскимъ генераламъ отдалять отъ этаго пункта Турецкихъ солдатъ. Угрозы, внушенія, прокламаціи — все было употреблено въ виду войска и народонаселенія въ предзнаменованіе скораго открытія военныхъ дѣйствій. Но все было всуе. Нельзя въ этомъ случаѣ не упрекрать Напира въ слишкомъ опрометчивомъ и хлопотливомъ усердіи для скорѣйшаго исполненія Лондонскаго трактата. Во первыхъ онъ хотѣлъ дѣйствовать на племена подвластныя Султану и на войско Султана, не имѣя при себѣ ни одного сановника Порты, не предъявляя даже Султанскаго фирмана въ оправданіе и въ узаконеніе своихъ рѣчей и дѣйствій. Во вторыхъ, онъ на удачу призывалъ къ возстанію племена еще недавно наказанныя за свой бунтъ и обезоруженныя, упуская изъ виду, что 30,000 Египетскаго войска занимали горы, или были готовы туда вступить, и не имѣя никакихъ матеріальныхъ средствъ чтобы съ моря оказать горцамъ малѣйшее содѣйствіе, малѣйшую защиту. Что касается до Султанскихъ войскъ, слова и поступки коммодора послужили только къ оправданію роли, которую въ это время игралъ Мехметъ-Али относительно экипажей измѣннически задержаннаго имъ флота — роли защитника Ислама отъ злаго умысла невѣрныхъ. Гассанъ - паша, который командовалъ этимъ войскомъ, съ гордостію отвергъ, за-одно съ своими офицерами, услуги Англичанъ и отказался отъ всякихъ сношеній съ ними. Ни обѣщанія ни угрозы коммодора не могли быть поддержаны. Чрезъ нѣсколько дней Турецкое войско предъ его глазами покинуло прибережный лагерь, и такъ какъ Египетскіе генералы

не могли положиться на вѣрность этаго войска, оно было направлено чрезъ Ливанскія горы въ Бальбекъ. Но всего болѣе повредила успѣху Коммодора простая риторическая ошибка въ употребленіи эпитетовъ свойственныхъ генію арабскаго языка: въ одной изъ прокламацій, которыми призывалъ онъ жителей къ возстанію противу Египтянъ, онъ обѣщался оказаться *милосерднымъ* къ городу Бейруту. Въ арабскомъ неудачномъ переводѣ милосердіе Коммодора было выражено однимъ изъ девяти эпитетовъ исключительно присвоенныхъ Аллаху. Притязаніе это показалось богохульнымъ Мусульманскому народонаселенію, и при всей ненависти къ Египтянямъ, оно съ сугубымъ фанатизмомъ стало чуждаться христіанъ, даже тогда когда они сулили ему освобожденіе. Во весь августъ безуспѣшно длились попытки Коммодора и оскорбительные его вызовы къ Египетскимъ властямъ. Внукъ Мехметъ-Алія былъ уже отозванъ въ Египетъ при первомъ извѣстіи о происходившемъ въ Бейрутѣ. Соліманъ-паша направлялъ всю свою дѣятельность къ обузданію фанатическихъ порывовъ Мусульманской черни, и даже войска Египетскаго, озлобленнаго на христіанъ за возстаніе горцевъ, и нынѣ оскорбленнаго въ религіозномъ своемъ чувствѣ поведеніемъ Англичанъ. Къ Коммодору поспѣли еще два линейные корабля. Согласно со смысломъ трактата сношенія моремъ между Сиріею и Египтомъ были прерваны, и транспорты отправленные Мехметъ-Аліемъ къ Сирійской арміи дѣлались призами. При невозможности военныхъ дѣйствій между флотомъ и арміею, Коммодоръ, досадуя на свое бездѣйствіе, пытался подкупить Солиманъ-пашу, и отъ имени Султана сулилъ ему милліоны и пожизненный любой пашалыкъ. Но старый Наполеоновскій офицеръ отвергъ всѣ эти предложенія. Въ предчувствіи насту-

павшей борьбы въ немъ будто оживала пылкая ненависть къ имени Англичанъ, съ воспоминаніями удалой юности, проведенной во французскихъ походахъ. Поступки Коммодора повредили успѣху предпріятія. Напиръ владѣетъ безъ сомнѣнія великими военными дарованіями; но онъ не вникнулъ ни въ положеніе края, ни въ духъ его жителей, ни въ характеръ лицъ; онъ не постигъ тѣхъ политическихъ соображеній и видовъ человѣколюбія, подъ знаменіемъ которыхъ были приняты рѣшенія Лондонскихъ конференцій, и внѣ которыхъ былъ бы неминуемо помраченъ и самый вожделѣнный успѣхъ. Вмѣсто спокойствія подобающаго предпріятію, основанному на рѣшеніяхъ четырехъ Великихъ Державъ, въ его послѣдовательныхъ неудачныхъ попыткахъ выказывалась внутренняя его досада за то, что не ему, не ему одному было предоставлено рѣшить великій вопросъ Восточнаго дѣла, подобно тому какъ онъ рѣшалъ счастливою дерзостію на Тагѣ судьбы Португаліи, за нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ.

Въ отвѣтъ на угрозы Коммодора Солиманъ - паша сообщилъ Консуламъ Союзныхъ Державъ упорный отказъ стараго паши отъ сдѣланныхъ ему предложеній и его рѣшимость «отстоять саблею то что саблею было «добыто, и отразить всякое покушеніе флота на бере-«говые пункты Сиріи». Исполняя волю своего повелителя, Солиманъ-паша тогда-же предчувствовалъ, что дѣла примутъ пагубный оборотъ.

Предпринятая система защиты была безумна; ибо нѣтъ никакой физической возможности, даже самою многочисленною арміею, закрыть берегъ вездѣ доступный на протяженіи 800 верстъ, дѣйствіямъ непріятельскаго флота, могущаго по своему произволу выбрать время и мѣсто для аттаки. При томъ во всякомъ азіятскомъ войскѣ всего болѣе надо дорожить

первымъ впечатлѣніемъ, и беречь солдата отъ испуга первой неудачи. Мнѣніе Солимана состояло въ томъ, чтобы очистить весь Сирійскій берегъ, за исключеніемъ одной Акки, а занять арміею внутреннюю линію между Алепомъ, Хамою, Хомсомъ, Дамаскомъ, Наплузомъ, Іерусалимомъ, съ передовыми наблюдательными постами въ отличныхъ военныхъ позиціяхъ Бальбека и Антіохіи. Главная ошибка Мехметъ-Алія состояла впрочемъ не въ стратегическихъ соображеніяхъ, а въ томъ что онъ слишкомъ полагался на вліяніе Эмиръ - Бешира между племенами Ливанскими, и вѣрилъ въ заступничество Франціи, вѣрилъ въ журналы, въ рѣчи Тьера, ждалъ съ часу на часъ пособія противъ союзныхъ Державъ, и открытія Европейской войны. Его Сирійская армія простиралась въ это время до 75,000; она была всѣмъ снабжена на одинъ годъ. Вмѣсто того чтобы, согласно съ мнѣніемъ Солиманъ-паши, поберечь свое войско, избавиться отъ тяжкой заботы содержанія въ повиновеніи озлобленныхъ горцевъ, завлечь во внутренность края непріятеля, и тѣмъ лишить его всѣхъ выгодъ содѣйствія съ моря, продлить войну, въ которой всѣ матеріальныя преимущества были на его сторонѣ, дать почувствовать побережному народонаселенію всю тягость театра военныхъ дѣйствій, при необходимости доставленія припасовъ и подводъ Султанскому войску, и тѣмъ охладить расположеніе народа къ Туркамъ, которые не замедлили бы своимъ поведеніемъ возбудить негодованіе Сирійскихъ племенъ и заставить ихъ вздыхать о Египтянахъ, — вмѣсто столь очевидныхъ выгодъ, къ которымъ можно еще присовокупить вѣроятность скорыхъ несогласій между Англійскими и Турецкими офицерами, Мехметъ-Али расположилъ свои войска по береговымъ пунктамъ отъ Тарсуса до Газы. Правое крыло этой непомѣрно-обширной операціонной

черты опиралось на Антіохію, гдѣ сосредоточивались двѣ бригады; лѣвое крыло на кавалерію расположенную въ равнинахъ между Аскалономъ и Яффою. Нерегулярная кавалерія (Баши-бузукъ) стерегла Таврическіе округи отъ вторженія Малоазійскаго войска Султана. Три баталіона, шесть эскадроновъ и артиллерійскій полкъ занимали Акку; а центромъ военныхъ операцій былъ Бейрутъ, гдѣ сосредоточивались 12,000 пѣхоты, 5,000 Албанцевъ и до 4,000 ополченія горцевъ Наплузскихъ и Друзовъ Ливанскаго Князя. Весь Сирійскій берегъ отъ Тарсуса до Ханъ-Юнеса, крайней оконечности Сиріи въ Суэцкой пустынѣ, былъ объявленъ въ осадномъ положеніи. Гражданскія власти поставлены въ зависимость военнаго начальства, и всякое политическое преступленіе подлежало военному суду. Караваны верблюдовъ тянулись изъ Египта чрезъ пустыню съ военными снарядами и съ зимнею одеждою для войска.

Мехметъ-Али въ самомъ дѣлѣ рѣшился защищаться до послѣдней крайности, и ласкалъ еще себя надеждою успѣха, или по крайней мѣрѣ условій выгодныхъ въ случаѣ продлитія войны. Но онъ отказался по крайней мѣрѣ отъ дерзновеннаго покушенія новаго похода въ Малую Азію, чѣмъ онъ во все продолженіе переговоровъ любилъ грозить, будто готовымъ въ его рукахъ факеломъ для возженія Европейской войны. Ибрагимъ уже отступилъ отъ Мараша къ центру военныхъ операцій, гдѣ до его прибытія власть сосредоточилась въ рукахъ начальника штаба Солиманъ-паши.

Въ исходѣ Августа Ибрагимъ устраивалъ свое войско въ Бальбекѣ, куда былъ призванъ на совѣщаніе Эмиръ-Беширъ. Въ то-же время Англійскій адмиралъ Сиръ Робертъ Стопфордъ и Австрійскій контръ-адмиралъ баронъ Бандьера, которымъ было поручено по-

явленіемъ своимъ въ Александріи поддержать предложенія Султана, по истеченіи положенныхъ сроковъ сходились въ Сирійскихъ водахъ съ Турецкою экспедиціею, поспѣшно отправленною моремъ изъ Константинополя. Адмиралу Стопфорду было ввѣрено главное начальство надъ всѣми морскими и сухопутными силами Сирійской экспедиціи.

Силы эти состояли въ одинадцати линейныхъ корабляхъ, шести фрегатахъ, пяти бригахъ, и пяти пароходахъ Англійскихъ *) съ двумя баттареями дессантной артиллеріи; въ двухъ фрегатахъ и трехъ корветахъ Австрійскихъ; въ одномъ кораблѣ, одномъ фрегатѣ и двухъ мелкихъ судахъ Турецкихъ, кое-какъ вооруженныхъ въ Константинопольскомъ арсеналѣ послѣ потери флота и ввѣренныхъ начальству Англійскаго капитана Вокера (Walker) который вступилъ за годъ предъ тѣмъ въ Турецкую службу Совѣтникомъ Адмиралтейства и былъ переименованъ теперь Яверъ-Беемъ съ чиномъ контръ-адмирала. Пять тысячъ дессантнаго Турецкаго войска сопутствовали флоту на купеческихъ транспортахъ.

Силы эти покажутся безъ сомнѣнія слишкомъ несоразмѣрными съ величіемъ предпріятія. Предстояло разбить и вытѣснить изъ Сиріи семидесятитысячную армію, и овладѣть многими укрѣпленіями. Но на сторонѣ союзниковъ была моральная сила воли четырехъ Великихъ Державъ; были сочувствія Сирійскихъ пле-

*) Линейные корабли: Princess Charlotte (подъ флагомъ адмирала Стопфорда) въ 104 пушки; Ganges —48; Powerfull (подъ брейтъ - вымпелемъ Коммодора Напира) — 84 п.; Thunderer — 84 п.; Bellerophon — 80 п; Implacable — 74 п.; Hastings — 72 п; Edinbourgh—72 п.; Belleisle—72 п. Revenge — 72 п.; фрегаты: Dido — 18 п.; Carysfort — 26 п.; Talbot — 26 п.; Tyne — 26 п.; Daphne — 26 п.; Magicienne — 24 п.; Бриги: Hazard — 18 п.; Wasp — 16 п.; Zebra—16 п; Scorpion.—10 п.; Weazle — 10 п.; Пароходы: Gorgon — 6 п.; Cyclops — 6 п.; Rhadamanthus — 4 п.; Hydra — 4 п.; Phœnix — 4 п.

менъ. Уже неоднократно въ предшествующемъ разсказѣ нашемъ имѣли мы случай изложить тѣ внутренніе элементы края, которые искони постоянно благопріятствуютъ здѣсь успѣху завоеванія, и служатъ въ тоже время препоною всякому успѣху и упроченію власти.

Не смотря на всѣ доводы Франціи о недостаткѣ средствъ къ отторженію Сиріи отъ Египетской власти, Кабинеты Великихъ Державъ весьма основательно расчитали нужныя для этого матеріальныя средства. Ибрагимъ - паша, который порою сравнивалъ себя съ Александромъ Македонскимъ, и ставилъ себя превыше Бонапарта за то что въ двѣ компаніи съ 20,000 войска завоевалъ Сирію и проникъ въ сердце Малой Азіи, дозналъ опытомъ непрочность своего подвига, когда съ семидесяти-тысячною арміею не могъ онъ отстоять свою добычу предъ горстію союзныхъ силъ и предъ разлитіемъ потока народной ненависти.

ГЛАВА XIV.

ВЗАИМНЫЯ ОТНОШЕНІЯ ВЕЛИКИХЪ ДЕРЖАВЪ. — ОШИБКИ ФРАНЦУЗСКАГО КАБИНЕТА. — ВОЗГЛАСЫ И БЕЗСИЛІЕ. — ВСПЫШКА НАРОДНЫХЪ СТРАСТЕЙ ВО ФРАНЦІИ. — УГРОЗЫ НА ГЕРМАНІЮ. — ПРИГОТОВЛЕНІЯ КЪ ВОЙНѢ ВЪ ЕВРОПѢ. — ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ПРИНЯТЫЯ СОЮЗНЫМИ ДЕРЖАВАМИ. — ОБЪЯВЛЕНІЕ МЕХМЕТЪ-АЛІЮ ИХЪ РѢШЕНІЙ. — НОТА ГЕНЕРАЛЬНЫХЪ КОНСУЛОВЪ. — ОТКАЗЪ ПАШИ; ЕГО САМОХВАЛЬСТВО; ЕГО ЖАЛОБЫ ВЪ ПОРТУ И УПОВАНІЕ НА ФРАНЦІЮ.

Прежде чѣмъ приступить къ описанію четырехмѣсячной кампаніи, которая въ исходѣ 1840 года рѣшила спорное дѣло между Султаномъ и пашею Египетскимъ, бросимъ обратный взглядъ на состояніе Европы относительно этаго вопроса и на переговоры, предшествовавшіе открытію военныхъ дѣйствій въ Сиріи.

Бельгійское дѣло сперва, затѣмъ четверной союзъ по поводу долгихъ волненій Пиренейскаго полуострова, а всего болѣе, можетъ быть, общая досада на преобладающее въ Турціи съ 1829 года вліяніе Россіи, значительно сблизили въ теченіе одного десятилѣтія Кабинеты Англіи и Франціи. Казалось, вѣковая народная ненависть, истощенная въ буйный періодъ Наполеоновскихъ войнъ, уступала наконецъ мѣсто чувству миролюбивому между двумя народами. Подъ министерствомъ Вигговъ въ Англіи, подъ вліяніемъ Тьера,

который слылъ въ это время страстнымъ англофиломъ во Франціи, при дружественныхъ сношеніяхъ молодой Королевы Викторіи съ опытнымъ старцемъ, управлявшимъ Франціею съ 1830 года — все благопріятствовало постепенному скрѣпленію союза между двумя Западными Державами. Взаимныя чувства народовъ и правительствъ были, можно сказать, запечатлѣны въ залогъ грядущаго мира, торжественными похоронами бренныхъ остатковъ Наполеона, освобожденныхъ въ 1840 году отъ посмертнаго плѣна. Всѣ эти благія начинанія съ шумомъ рушились трактатомъ 3/15 Іюля и отстраненіемъ Франціи отъ Восточнаго Дѣла, по поводу ея разногласія съ общими видами Великихъ Державъ.

Было-ли въ правѣ жаловаться на это отстраненіе правительство, котораго сомнѣнія, нерѣшимости и внутреннія опасенія цѣлый годъ длили неизвѣстность по дѣлу, отъ котораго очевидно зависѣло сохраненіе Европейскаго мира? Въ противность торжественныхъ обязательствъ имъ принятыхъ коллективною пятисрочною нотою въ кризисѣ 1839 года, Французскій Кабинетъ подчинялъ теперь правосудное рѣшеніе дѣла угодности и согласію Египетскаго паши. Кабинетъ Тьера убѣдившись въ невозможности привлечь къ своимъ видамъ другія Державы, и укрѣпить за Мехметъ-Аліемъ Сирію потомственное владѣніе, направлялъ всѣ свои усилія къ тому, чтобы мимо посредничества Европы, въ противность ноты 15/27 Іюля, примирить Порту съ пашею, и подъ вліяніемъ критическихъ обстоятельствъ угнетавшихъ Оттоманскую имперію въ эту эпоху, узаконить притязанія счастливаго вассала. Не говоря уже о томъ, что подобное заключеніе вовсе не подобало достоинству и самолюбію Великихъ Державъ, какія поруки представляло оно въ будущемъ? Послѣ опыта семилѣтней постоянной тревоги, разрѣшившейся кризи-

сомъ 1839 года, было-ль благоразумно предоставить вопросъ о войнѣ и мирѣ Европы ненасытному честолюбію Египетскаго паши и его сына, капризу 17-тилѣтняго Султана, и проискамъ харемовъ и вельможъ, или первой вспышкѣ народныхъ страстей въ Сиріи и въ Анатоліи?... Обязавшись обезпечить цѣлость и неприкосновенность Оттоманской имперіи, Французское министерство произвольно поясняло теперь, что цѣлость и неприкосновенность имперіи не только останутся ненарушимыми, но даже будутъ упрочены отторженіемъ на всегда обширной ея области въ удовлетвореніе прихотей Мехметъ-Алія. Основываясь на подобной гипотезѣ, оно называло Мехметъ-Алія вѣрнѣйшею опорою власти Султановъ, «стражею престола отъ всякихъ внутреннихъ и внѣшнихъ напастей». Уже-ли отказъ Египетскаго паши отъ всякаго участія въ отчаянной борьбѣ Султана противъ Россіи, а за тѣмъ кампанія 1832 года, и возгласы его къ Европѣ о независимости, и постоянныя его угрозы новымъ походомъ въ Малую Азію, и укрѣпленія Колекъ-Богаза, и измѣнническое задержаніе флота въ Александріи, и вѣроломныя окружныя письма къ пашамъ, и янычарское притязаніе о сверженіи Верховнаго Визира — ужели всѣ эти враждебныя посягательства вассала оправдывали произвольную гипотезу, на которой основывалось ходатайство Французскаго Двора въ его пользу?

Съ другой стороны Франція указывала на Дунайскія Княжества, одаренныя особенными политическими правами, и даже на отторженное отъ Турціи Греческое королевство. — Но при этомъ упускалось изъ виду именно то самое, на чемъ были основаны и чѣмъ были оправданы великодушныя заботы Россіи о судьбѣ единовѣрныхъ и единоплеменныхъ народовъ, равно какъ и согласіе Европы на независимость Греціи; а именно —

развитіе внутренняго самобытнаго элемента народнаго, элемента Христіанскаго, сопряженнаго съ политическою жизнію племенъ, и уже несовмѣстнаго съ фанатическимъ владычествомъ поблекшаго полумѣсяца. Что-же касается арабскаго народнаго элемента и политическаго его олицетворенія въ семьѣ Румелійскаго Турка, мы уже имѣли случай замѣтить, что публицисты и путешественники, которыхъ теоріи руководили народнымъ мнѣніемъ во Франціи, вѣрили въ призракъ.

При такомъ расположеніи умовъ, послѣ суетныхъ сопротивленій Тюльерійскаго кабинета видамъ Великихъ Державъ, трактатъ $^{3}/_{15}$ Іюля показался оскорбительнымъ народному самолюбію Французовъ, взволновалъ страсти, и привелъ въ недоумѣніе правительство, осужденное подчинять политическіе свои акты впечатлѣніямъ толпы. Журналы, всегда готовые раздувать пламя народныхъ страстей, хоромъ испустили жалобный вопль на всю Европу, и преимущественно на Россію и на Англію, которыя играли первенствующую роль въ развязкѣ Восточнаго Дѣла, и которыхъ единомысліе дѣлало безсильными всѣ возгласы. Вопль на Россію былъ уже десять лѣтъ сряду обычною нотою всѣхъ журнальныхъ напѣвовъ Парижа; но Англія — эта *десятилѣтняя подруга*, *великодушная наперстница Іюльской революціи*, вновь стала *вѣроломнымъ Альбіономъ* классической эпохи войнъ революціонныхъ и Наполеоновыхъ. Журналы требовали войны; но было очевидно, что ни Англіи ни Россіи Франція не могла угрожать войною. Оглядываясь вокругъ, она могла убѣдиться въ томъ, что она союзниковъ не имѣла. Чтобы принять участіе въ открывшейся на Востокѣ войнѣ, и искать тамъ союзника въ Египетскомъ вассалѣ, надлежало прежде всего владѣть моремъ... а состязаться въ Средизем-

номъ Морѣ съ Англіею, когда Черноморскій флотъ былъ готовъ къ походу, а Балтійскій оставался за плечами — было безумно.

По необходимости воинственные порывы журналовъ обратились на сосѣднюю Германію. Заговорили о вожделѣнной Рейнской границѣ, о Бельгіи, о завоеваніяхъ въ Европѣ, о революціонномъ воззваніи къ народамъ, словомъ — о возобновленіи борьбы ознаменовавшей послѣдніе годы истекшаго столѣтія. Эти возгласы нашли отголосокъ въ политическихъ прѣніяхъ Палатъ. Правительство съ своей стороны, вмѣсто того чтобы благоразумнымъ спокойствіемъ умѣрить порывъ народный, отвѣчало Лондонскому трактату Королевскими приказами отъ 29 Іюля, которыми призывались къ ружью до 140/т. конскриптовъ и открывались кредиты на усиленіе флота десятью тысячами матрозами, пятью кораблями, тринадцатью фрегатами и десятью большими пароходами. Толки журналовъ при воинственныхъ распоряженіяхъ Кабинета возбудили суровое вниманіе Европы. Германія отъ одного конца до другаго встрепенулась, какъ одинъ человѣкъ, и съ негодованіемъ вспомнила бѣдствія испытанныя ею въ Наполеоновскій періодъ, когда она служила поприщемъ Французскаго честолюбія и полемъ Европейскихъ войнъ. На воинственные вызовы Французовъ поэтическая Германія отвѣчала патріотическими пѣснями, отголоскомъ пятьнадцатаго года. Куплеты заключались объявленіемъ Французамъ: «нѣтъ, не пить вамъ нашихъ рейнскихъ винъ, не обнимать вамъ нашихъ бѣлокурыхъ дѣвъ» — а конфедерація поставила на ногу милліонъ войска.

Франція, которая десять лѣтъ сряду вопіяла противъ трактатовъ 1815 г. успокоившихъ народы послѣ двадцатилѣтнихъ треволненій, убѣдилась въ томъ, что ей не было дано безнаказанно нанести руку ни на одно

изъ государствъ, которыхъ существованіе обезпечено трактатами. Съ другой стороны чувства обнаруженныя въ 1840 г. всѣми Германскими племенами, и общій энтузіазмъ при первомъ призывѣ правительствъ къ защитѣ угрожаемой родины, доказали Франціи, что въ случаѣ войны Европейской, сочувствія народовъ не будутъ на ея сторонѣ, и что на революціонный призывъ ея не встанутъ массы отъ Зунда до Мессины, отъ Нѣмена до Савои, какъ были въ томъ увѣрены оракулы журналовъ и Палатъ.

Союзныя державы, споспѣшествуя сохраненію Европейскаго мира, и желая отстранить всякое недоразумѣніе относительно предстоявшаго рѣшенія Восточнаго Дѣла, дали Европѣ новый залогъ своего безкорыстія. Едва были обмѣнены ратификаціи трактата $^3/_{15}$ Іюля, представители Россіи, Австріи, Англіи и Пруссіи подписывали въ Лондонѣ съ Оттоманскимъ посломъ протоколъ $^5/_{17}$ Сентября, которымъ торжественно обязывались не домогаться въ исполненіи трактата никакого исключительнаго вліянія, никакихъ пріобрѣтеній, никакихъ торговыхъ преимуществъ.

Перейдемъ къ Востоку. На основаніи трактата были сдѣланы Мехметъ-Алію въ началѣ Августа предложенія Порты ея коммиссаромъ Рифатъ-Беемъ *). Генеральнымъ Консуламъ Союзныхъ Державъ было поручено подкрѣпить предложенія эти. Въ слѣдующей нотѣ, поданной Мехметъ-Алію отъ Генеральныхъ Консуловъ, ясно и отчетливо изложена сущность дѣла.

»Конвенціею $^3/_{15}$ Іюля положеніе Мехметъ-Алія со«вершенно измѣнилось; доселѣ онъ былъ въ разрывѣ «съ Портою только; нынѣ, если отринетъ предлагаемыя «ему условія, онъ будетъ въ открытой враждѣ съ сво-

*) Впослѣдствіи министромъ Иностранныхъ Дѣлъ съ титломъ паши.

«имъ Государемъ и съ Великими Державами, подпи-«савшими трактатъ. Вся политическая система Европы «основана на вѣрномъ исполненіи трактатовъ. Такъ, «не смотря на предстоявшія великія затрудненія при «рѣшеніи вопросовъ о Греціи, о Бельгіи, объ Испаніи, «заключенные о нихъ трактаты были совершенно «исполнены, хотя не всѣхъ Европейскихъ Государствъ «виды относительно этихъ вопросовъ были одинаковы.

«Нельзя ласкать еще себя суетною надеждою какого «либо измѣненія въ постановленіяхъ трактата. Сроки на-«значенные для принятія положенныхъ условій отстра-«няютъ всякую о томъ мысль. Вникнемъ въ послѣд-«ствія принятія или отказа помянутой конвенціи.

«Принятіемъ положенныхъ условій Свѣтлѣйшій па-«ша докажетъ Европѣ и потомству, что онъ былъ не «только счастливымъ завоевателемъ, подобно многимъ «другимъ предшественникамъ, которые не съумѣли во «время остановиться и упрочить свой подвигъ, но что онъ «въ тоже время Государственный мужъ и глубокомыс-«ленный политикъ. Что можетъ быть завиднѣе славы «основанія новаго владѣтельнаго дома, признаннаго за-«коннымъ Государемъ и всею Европою? На краю «славнаго поприща что можетъ быть утѣшительнѣе «собственнаго убѣжденія въ томъ, что — основанное «мною перейдетъ къ моимъ дѣтямъ и никто у нихъ «его не отторгнетъ?

«Въ нашъ вѣкъ не обширные предѣлы, не матері-«альная сила служатъ залогами благосостоянія госу-«дарствъ; государства обезпечены трактатами, на ко-«торыхъ основана ихъ неприкосновенность, ихъ права «въ политической системѣ Европы. Взглянемъ на карту: «небольшія владѣнія, убогія всякими средствами, об-«ступлены могущественными державами; ни притѣсненія, «ни неправосудія они не страшатся; вся Европа сто-

«рожитъ ихъ честь, ихъ безопасность. Въ виду та-«кихъ порукъ можетъ-ли еще Мехметъ-Али, или его «преемники, жалѣть объ утратѣ областей, которыя «доселѣ никакой пользы не принесли, которыя погло-«тили не только собственные доходы, но сверхъ того «и большую часть доходовъ Египта? Паша хорошо «вѣдаетъ какихъ пожертвованій людьми и деньгами «стоитъ ему занятіе Сиріи и Аравіи».

«Еще не все: вмѣсто несчастныхъ ссоръ между От-«томанскою Портою и Его Свѣтлостію, упрочится ис-«кренняя дружба и единство, основанное на тождествѣ «политическихъ выгодъ и вѣры. Мусульманскій народъ «стяжаетъ вновь свое древнее могущество и благосо-«стояніе. Въ случаѣ внѣшней опасности Турція можетъ «опираться на Египетъ и Египетъ на Турцію, для «защиты общаго отечества.

«Грядущая судьба Мехметъ-Алія и его семейства, «благосостояніе Египта и Турціи, политическія выгоды «Оттоманской имперіи, которой Мехметъ-Али на-«зываетъ себя усерднѣйшимъ поборникомъ, все ему «предписываетъ принять условія несравненно бо-«лѣе почетныя и выгодныя, чѣмъ пріобрѣтеніе «области, многоцѣнное и невѣрное. Ему предстоитъ «еще блистательное поприще: обезпеченный въ «своихъ владѣніяхъ, онъ можетъ посвятить всю «свою дѣятельность упроченію и развитію тѣхъ «прекрасныхъ учрежденій, которыми онъ одарилъ Еги-«петъ. Богатыя области Нубія, Суданъ и Сеннааръ «представляютъ обширное поле успѣхамъ науки и «гражданственности. Мехметъ-Али заслужитъ тѣмъ про-«званіе возстановителя Египта, древней колыбели «наукъ.

«Взглянемъ теперь на послѣдствія отказа Его «Свѣтлости:

«Всего прежде предстоитъ употребленіе воен-«ной силы:

«Паша хорошо вѣдаетъ какими средствами владѣ-«ютъ четыре Великія Державы, и не можетъ ласкать «себя мечтою сопротивленія даже одной какой либо «изъ нихъ.

«Было бы роковымъ заблужденіемъ въ нынѣшнихъ «обстоятельствахъ возложить свои упованія на чье либо «внѣшнее содѣйствіе. Кто можетъ остановить рѣшеніе «четырехъ Великихъ Державъ, кто имъ противустанетъ? «Кто рѣшится пожертвовать собственными выгодами, «своею безопасностію, изъ сочувствія къ Мехметъ-Алію? «Да будетъ ли въ томъ существенная польза? Въ мо-«гущей воспослѣдовать общей борьбѣ Мехметъ-Али бу-«детъ первою жертвою, и неминуемо погибнетъ. Вся-«кое заступничество извнѣ вмѣсто пользы ускоритъ «только его паденіе.

«Четыре Великія Державы подвинутъ достаточныя «силы, чтобы побороть всякое сопротивленіе въ до-«стиженіи постановленной цѣли. Паша навлечетъ на «себя всю отвѣтственность войны; онъ будетъ причи-«ною появленія Европейскихъ войскъ въ Египтѣ и въ «Азіи. Мусульманскіе народы узнаютъ въ немъ винов-«ника золъ войны, имъ предпринятой ради личныхъ «только видовъ. Мехметъ-Али объявилъ что онъ про-«льетъ много крови прежде чѣмъ уступить. Европей-«скія Державы напротивъ того домагаются по возмож-«ности избѣгнуть кровопролитія мусульманъ и хри-«стіанъ, служащихъ подъ знаменами блистательной «Порты. Гдѣ нужно, предстанутъ достаточныя си-«лы, чтобы однимъ ударомъ разсѣять всякое сопро-«тивленіе.

«Можно ли сомнѣваться въ томъ, что Мехметъ-«Али падетъ — но падетъ ли со славою?... Нѣтъ, ибо нѣтъ

«въ томъ никакой славы, чтобы пасть по собственной «ошибкѣ, съ слѣпою дерзостію вступая въ борьбу безнадежную. И собственная слава и мудрость равно «предписываютъ уступить закону необходимости и силѣ «обстоятельствъ. А когда Мехметъ-Али падетъ, его «имя перейдетъ ли въ потомство? Нѣтъ, потому что «его завоеванія не потрясли міра подобно завоеваніямъ «Чингисъ-Хана, Тимура, Александра и Наполеона. Исторія просто скажетъ: *Подъ царствованіемъ Султана «Махмуда правилъ Египтомъ даровитый и предпріимчивый паша. Онъ съ успѣхомъ велъ войну противу своего «государя. Молодой преемникъ Махмуда, при возшествіи «своемъ на престолъ, простеръ къ нему руку съ предложеніемъ мира и первыхъ почестей въ имперіи. Паша «отвергъ эти предложенія; тогда Европа его наказала. «Имя его затерялось среди именъ многихъ другихъ пашей, «которые бунтовались и были побѣждены.*»

«Отвергая предлагаемыя условія Мехметъ-Али во«ображаетъ, можетъ быть, что Державы не рѣшатся «прибѣгнуть къ дѣятельнымъ мѣрамъ для исполненія «конвенціи 3/15 Іюля. Если и допустить это несбыточ«ное предположеніе, надѣется ли паша продлить тѣмъ «нынѣшнее состояніе дѣлъ (statu quo)? Но какое госу«дарство можетъ существовать когда мечъ Великихъ «Державъ постоянно виситъ надъ нимъ, когда его тор«говля уничтожена и сообщенія прерваны?

«Мехметъ-Али можетъ пожертвовать выгодами сво«ими и своего семейства ради честолюбія, ради «видовъ преступныхъ. Онъ можетъ съ огнемъ и ме«чемъ ворваться въ Малую Азію, не щадя народа «Мусульманскаго, угрожая имперіи, и тѣмъ подать по«водъ къ призыву иноземныхъ войскъ; но это поку«шеніе не пребудетъ безнаказаннымъ. Если Ибрагимъ«паша подвинется впередъ, обратный путь будетъ на

«всегда закрытъ. Въ Анатоліи его ожидаетъ неизбѣжное «пораженіе, можетъ быть могила; его погибель повле- «четъ за собою Мехметъ-Алія и все его семейство.

«Европа съ прискорбіемъ прибѣгнетъ къ войнѣ, «когда необходимость того требуетъ. Державы заклю- «чившія Лондонскій трактатъ недоступны чувствамъ «ненависти и мщенія. Трактатъ основанъ на право- «судіи, на приличіяхъ политическихъ, на спокойствіи «въ будущемъ; единственною его цѣлію было упро- «ченіе Оттоманской имперіи. Онъ предписываетъ Мех- «метъ-Алію то самое, чего требуютъ собственныя его «выгоды, его честь; но вмѣстѣ съ тѣмъ, и всего пре- «жде, онъ необходимо принаровленъ къ условіямъ об- «щаго Европейскаго мира. Паша долженъ хорошо «вникнуть въ эту истину.

«И такъ да покорится онъ закону необходимости; «да приметъ съ признательностію отъ рукъ своего мо- «лодаго и великодушнаго Государя и цѣлой Европы «славный даръ — основаніе новаго владѣтельнаго дома, «подъ охранительною ихъ эгидою.

«Тѣмъ онъ передастъ свое твореніе потомству; бу- «детъ благословляемъ своими наслѣдниками, и внесетъ «свое имя въ скрижали исторіи».

Александрія $^{7}/_{19}$ *Августа.*

Таковы были внушенія Великихъ Державъ; но ни логическіе доводы, ни ясныя политическія соображенія, основанныя на опытѣ и на здравомъ смыслѣ, не могли вразумить страстнаго старика. Онъ слѣпо возлагалъ свои упованія на Францію — съ часу на часъ ожидая извѣстія о Европейской войнѣ. Когда Французскій Кабинетъ спросилъ у него, какъ долго могъ онъ устоять въ Сиріи противу союзниковъ, паша отвѣчалъ, что онъ въ состояніи продолжать войну по крайней мѣрѣ

пять лѣтъ. Было ли искреннимъ это дерзновенное убѣжденіе, или паша надѣялся хвастливыми рѣчами вѣрнѣе вынудить содѣйствіе Французскаго правительства? Въ такомъ случаѣ по крайней мѣрѣ онъ не былъ вправѣ обвинять потомъ Францію; онъ самъ виновенъ въ умышленномъ напыщеніи своихъ средствъ предъ Державою, искренно къ нему расположенною. Между тѣмъ въ обезпеченіе преданности Эмира Ливанскаго, паша писалъ къ нему, что Франція въ самомъ непродолжительномъ времени высылаетъ къ нему 100,000 войска, 24 линейные корабля и 700,000 мѣшковъ (20 милліоновъ руб. сереб.) для отраженія союзниковъ.

Докладомъ въ Порту при первомъ извѣстіи о Лондонскомъ трактатѣ, онъ горько жаловался «что сдѣланныя «имъ предложенія чрезъ Сами-Бея были отвергнуты» — вспомнимъ, что эти предложенія были косвенны и условны, были только попыткою къ переговорамъ, и что никакой существенной уступки онъ не дѣлалъ — «что Ев«ропейскія Державы посягали на независимость импе«ріи; что онъ, пребывая вѣрнымъ своему Султану, «денно и нощно молясь о сохраненіи его могущества, «готовъ защищаться противъ враговъ Ислама; что онъ «уповаетъ на Аллаха, благословеніемъ коего двѣнад«цать слишкомъ столѣтій охраняется Мусульманскій «народъ отъ всякихъ напастей, и *иншаллахъ* будетъ и «нынѣ спасенъ отъ злаго умысла невѣрныхъ».

Эти правовѣрные и вѣрноподданническіе возгласы въ слухъ Ислама были направлены единственно къ тому, чтобы воспламенить въ народѣ фанатизмъ, омрачить пятномъ ереси союзъ Порты съ христіанскими Державами и стяжать народное сочувствіе. Въ тоже время Французское посольство въ Константинополѣ истощало мѣру угрозъ, чтобы отклонить Турецкое правительство отъ ратификаціи трактата. Попирая священныя основы

народнаго права и дипломатическія приличія, посольство стремилось къ тому чтобы возбудить негодованіе въ народѣ, и свергнуть министерство которое предпочло выгоды имперіи прихотямъ Франціи.

Въ ожиданіи прибытія союзныхъ силъ къ Сирійскому берегу и открытія военныхъ дѣйствій проходили сроки, трактатомъ предоставленные Мехметъ-Алію. Въ одной изъ своихъ конференцій съ Рифатъ-Беемъ и съ Генеральными Консулами паша суетливо расчитывалъ, что у него 200,000 войска, что нужно вдвое болѣе для поборенія его, что союзныя Державы не могутъ послать на него столько силъ, что онъ бросится впередъ, очертя голову, «какъ старый турокъ исполненный вѣры въ предопредѣленіе», подниметъ Анатолію, Кюрдовъ, Дагестанъ, Черкесскія племена, что войнамъ не будетъ конца и въ Азіи и въ Европѣ, и т. п. Безъ сомнѣнія и подозрѣвать нельзя чтобы Мехметъ-Али самъ вѣрилъ въ эти бредни; но рѣшившись однажды отвергнуть предложенія союзныхъ Державъ, въ ожиданіи Европейской войны, онъ умышлено игралъ роль удальца, чтобы съ одной стороны бросить въ недоумѣніе представителей Великихъ Державъ, а съ другой распространить молву благопріятную своимъ видамъ. Въ содѣйствіи Франціи онъ былъ увѣренъ. Французское министерство не давало ему въ это время положительнаго обѣщанія открыть войну, но Французы окружавшіе Мехметъ-Алія убѣждали его, что Франція будетъ вовлечена въ войну силою обстоятельствъ и настроеніемъ народнаго чувства, раздраженнаго журналами. При всемъ томъ старый паша не выдержалъ до конца своей героической роли: въ конференціи $^{17}/_{29}$ Августа предъ исходомъ втораго срока, онъ былъ встревоженъ извѣствіемъ о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ Коммодора Напира предъ Бейрутомъ, и смиренно объявилъ, что онъ принимаетъ пред-

ложеніе о потомственномъ обладаніи Египта, предоставляя себѣ просить у своего государя какъ особенной милости управленія Сиріею. Ему отвѣчали, что всего прежде надлежало исполнить постановленное въ трактатѣ — сдать флотъ, очистить Сирію, а потомъ уже ходатайствовать о милости. Эта непреклонность бросила стараго пашу въ болѣзненное раздражаніе. «Не мучтье меня, оставьте меня», кричалъ онъ Генеральнымъ Консуламъ, и не хотѣлъ слушать никакихъ совѣтовъ, никакихъ представленій. Въ день исхода послѣдняго срока, нервы его были въ такомъ разстройствѣ, что онъ слегъ, и письменно объявилъ свой отказъ, чтобы избѣгнуть новыхъ объясненій.

Съ тѣмъ Рифатъ-Бей возвратился въ Константинополь; Генеральные Консулы были отозваны, и непріятельскія дѣйствія открылись у Сирійскихъ береговъ.

ГЛАВА XV.

ОТКРЫТІЕ ВОЕННЫХЪ ДѢЙСТВІЙ ПРЕДЪ БЕЙРУТОМЪ. — ВСТУПЛЕНІЕ ИБРАГИМА ВЪ ГОРЫ. — СОЮЗНЫЙ ЛАГЕРЬ ВЪ ДЖУНИ. — КОММОДОРЪ НАПИРЪ. — НАРОДНОЕ ЧУВСТВО НА ЛИВАНѢ. — УСПѢХИ СОЮЗНИКОВЪ. — ЗАНЯТІЕ СИРІЙСКАГО БЕРЕГА. — ДѢЛО БЕКФЕЙСКОЕ. — ОТСТУПЛЕНІЕ ИБРАГИМА. — ВООРУЖЕНІЕ ГОРЦЕВЪ. — ПАДЕНІЕ ЭМИРЪ-БЕШИРА. — ОШИБКИ СОЮЗНИКОВЪ. — ВЗЯТІЕ АККИ. — ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНОЕ ВОЗСТАНІЕ СИРІЙСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ. — БЕЗНАЧАЛІЕ ВЪ ПАЛЕСТИНѢ. — СОСРЕДОТОЧЕНІЕ ЕГИПЕТСКОЙ АРМІИ ВЪ ДАМАСКѢ. — ЕЯ БѢДСТВІЯ. — ВЫСТУПЛЕНІЕ ИБРАГИМА ИЗЪ ДАМАСКА.

Ввечеру 28-го Августа флаги развѣвавшіеся надъ Консульствами Россіи, Австріи, Англіи и Пруссіи въ Бейрутѣ, были спущены. На другое утро до разсвѣта дессантныя войска сѣли на гребныя суда; пароходы прибуксировали ихъ сперва къ мысу по южной сторонѣ города. Какъ только Египетскія войска бросились къ этому пункту, корабли открыли по нимъ свои баттареи, а пароходы съ дессантомъ быстро понеслись на сѣверъ, въ бухту Джуни, у подошвъ Ливана, въ двадцати верстахъ отъ Бейрута, гдѣ была предусмотрѣна Коммодоромъ отличная позиція для высадки. Между тѣмъ часть кораблей вступили подъ паруса и заняли якорныя мѣста вдоль дороги ведущей изъ Бейрута въ Джуни, чтобы препятствовать движенію войскъ къ этому пункту.

Въ одинъ часъ приплылъ туда дессантъ, высадился съ артиллеріею подъ прикрытіемъ пароходовъ и подоспѣвшихъ вскорѣ за тѣмъ кораблей, опрокинулъ стоявшій тутъ пикетъ Албанцевъ, подъ начальствомъ Эмира-Масуда, сына Ливанскаго Князя, и сталъ укрѣпляться на мысѣ обгибающемъ бухту, прежде чѣмъ Солиманъ-паша, который наблюдалъ изъ Бейрута за ходомъ дессанта, могъ распознать движенія непріятеля. Во всякомъ случаѣ не прежде какъ на другой день, когда уже шанцы и баттареи были уготовлены въ союзномъ лагерѣ, Египетскія войска могли-бы идти къ этому пункту; не по взморью, подъ огнемъ кораблей, а по труднымъ внутреннимъ ущеліямъ Ливана. Но Солиманъ-пашѣ было повелѣно отъ Ибрагима отстоять до послѣдней крайности Бейрутъ. Взятіе этаго города произвело-бы въ горахъ впечатлѣніе слишкомъ предосудительное для Египтянъ. Ибрагимъ, принявшій уже главное начальство, устраивалъ еще запасные магазины въ Бальбекѣ; за тѣмъ перешелъ онъ съ одною дивизіею въ городъ Захле, у восточной подошвы Ливана, и оттуда медленно вступалъ самъ въ ущелья. Командуя семидесятипятитысячною арміею въ Сиріи, но принужденный раздроблять свои силы, занимать всѣ пункты, гдѣ съ часу на часъ могъ вспыхнуть бунтъ, онъ шелъ будто ощупью въ этотъ трудный походъ, и не успѣлъ своевременно явиться въ Джуни, аттаковать и опрокинуть въ море горсть союзнаго войска, прежде чѣмъ укрѣпилось-бы оно, прежде чѣмъ духъ мятежа обуялъ бы горы. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что если бы онъ въ теченіе первой недѣли повелъ лично быструю и сильную аттаку, союзное войско было бы опрокинуто въ море, и успѣхъ Ибрагима продлилъ-бы борьбу, которая, по указаннымъ уже нами обстоятельствамъ, всего болѣе зависѣла отъ впечатлѣній народ-

ныхъ. Вмѣсто того Ибрагимъ медлилъ, далъ время союзникамъ укрѣпить свой лагерь, далъ время Туркамъ оправиться отъ морской болѣзни и стать твердою ногою на Сирійской почвѣ, которая семь лѣтъ сряду казалась имъ заколдованною подъ вліяніемъ страшнаго Ибрагима. Межъ тѣмъ обезоруженные горцы ближнихъ деревень, которые въ первые дни, страха Египетскаго ради, не смѣли обращать взоровъ на союзный лагерь, стали освѣдомляться, что тамъ было 20,000 ружей для раздачи Сирійскимъ жителямъ, подъ знаменами законнаго ихъ Государя. Непростительная, непостижимая можно сказать медленность Ибрагима пособила успѣху союзниковъ превыше всякаго чаянія. Горсть союзнаго войска, ввѣрясь сочувствію народному, смѣло вступала въ ущелія. Къ ночи послѣ дессанта двѣ роты бросились въ мѣстечко *Зукъ*, у подошвы той самой горы, гдѣ стоялъ Египетскій батальонъ съ 600 Албанцами; а на другой день аванъ-посты подъ начальствомъ храбраго Омаръ-бея углубились до *Антуры*, на разстояніе пяти верстъ отъ лагеря, заняли крѣпкое зданіе католическаго монастыря, и поставили баттарею на возвышеніе, куда примыкали три ущелія, по которымъ Египтяне могли аттаковать прибережье. При первомъ движеніи Египтянъ противъ дессантнаго войска двѣ ихъ роты положили оружіе или передались Туркамъ. Но и самое Турецкое войско такъ мало еще довѣряло самому себѣ въ ту пору, что, посреди аттаки, капралъ съ 12 рядовыми покусились передаться непріятелю. Съ обѣихъ сторонъ кампанія открывалась выраженіемъ тѣхъ-же чувствъ, которыя отъ Конійскаго дѣла и до Незиба не переставали волновать племена Сиріи и Малой Азіи. Близость флота и сочувствія края внушали въ этотъ разъ болѣе рѣшимости Турецкимъ офицерамъ, тогда какъ Египтяне, не имѣя другой опоры кромѣ

собственнаго войска, тщательно избѣгали всего что могло-бы раздражить солдата. Посреди самаго дѣла Турецкіе переметчики были разстрѣлены по приказанію Омаръ-бея, и вскорѣ затѣмъ успѣхъ первой встрѣчи съ непріятелемъ пріободрилъ войско и внушилъ солдату привязанность и довѣріе къ своимъ знаменамъ. Между тѣмъ горцы спасавшіеся на островъ Кипръ отъ гнѣва Эмира, послѣ весенняго бунта, и возвратившіеся теперь съ Турецкимъ дессантомъ, бросились въ сѣверныя ущелія, въ Кесруанъ, возмутили селенія, и приступили къ позиціи *Бзумаръ*, занятой Египтянами. Когда за ними былъ посланъ на рекогносцировку Турецкій офицеръ съ пикетомъ Низамовъ, его приближеніе внушило такую смѣлость горцамъ, что, не дождавшись приказа, они аттаковали Египтянъ, вытѣснили ихъ, и привели въ лагерь 600 плѣнныхъ.

Сухопутныя силы союзниковъ состояли въ Турецкой бригадѣ (5,400 челов.) въ двухъ тысячахъ Англичанъ съ флота и въ одной Австрійской ротѣ. Турецкимъ войскомъ командовалъ бригадный генералъ Селимъ - паша. Вкорѣ прибылъ изъ Константинополя новоназначенный отъ Порты паша Аккскій и Сайдскій Иззетъ-Мехметъ, съ титломъ сераскира Сирійскаго. Адмиралу Стопфорду была предоставлена власть главнокомандующаго всѣми сухопутными и морскими силами Сирійской экспедиціи. По случаю болѣзни командира дессантнаго отряда Сэръ-Чарлъ-Смита, въ этотъ періодъ кампаніи мѣсто его заступилъ Коммодоръ Напиръ, который направлялъ всѣми дѣйствіями союзниковъ въ лагерѣ. Живость характера, расторопность, неукротимый и веселый нравъ этаго хромаго, тучнаго, малорослаго моряка, который до разсвѣта, съ тростію въ рукахъ, съ пистолетомъ торчавшимъ изъ кармана, взбирался по скаламъ на разстояніе четырехъ и пяти верстъ

отъ лагеря для осмотра передовыхъ пикетовъ, представляли разительный контрастъ съ обычною величавою лѣнью Турецкихъ военачальниковъ. Шутливогрубое его обхожденіе съ Турками было принаровлено къ тому чтобы внушить бодрость войску, не привыкшему къ тяжелымъ работамъ поспѣшнаго лагернаго укрѣпленія, на раскаленной Сирійской почвѣ, въ пору тропическихъ жаровъ. За исключеніемъ селеній занятыхъ союзнымъ войскомъ, горы нѣсколько дней сряду безмолвствовали и ждали. Изрѣдка, тайкомъ пробирался поселянинъ въ союзный лагерь, и на вопросъ отчего народонаселеніе толпою не спускалось туда, съ трепетомъ говорилъ о присутствіи Ибрагима въ горахъ, о произнесенной имъ угрозѣ, сжечь тѣ селенія, которыхъ жители заглянутъ въ Джуни. Въ ненависти горцевъ къ Египетскому правленію, въ ихъ готовности возстать массою — нельзя было усумниться; но ихъ нерѣшимость и робость были достаточно оправдываемы слишкомъ неудачными попытками Коммодора предъ Бейрутомъ, до прибытія Адмирала. Вмѣсто того чтобы самимъ придти въ лагерь и составить народное ополченіе подъ знаменами Султана, горцы звали къ себѣ союзное войско для изгнанія Египтянъ, расположенныхъ въ сосѣднемъ округѣ Эль-Ката. Изъ лагеря стали подсылать оружіе въ ближайшія селенія. Ибрагимъ сдержалъ грозное свое слово; обширное селеніе *Бейтъ-Шебабъ* было предано грабежу и пламени. Для внушенія бодрости горцамъ было необходимо или распространить кругъ дѣйствія союзныхъ силъ или разбить Ибрагима. Но Ибрагимъ пребывалъ въ наблюдательномъ положеніи; пробраться въ горы имъ занятыя, прежде чѣмъ возстали бы горцы, было безумно, а средства были слишкомъ ограничены, чтобы распространяться въ виду Египетской арміи.

За то море и пароходы доставляли союзникамъ не-

оцѣненныя преимущества. Адмиралъ Стопфордъ приноровилъ къ мѣстностямъ отличную систему послѣдовательныхъ аттакъ, быстрыхъ, неожиданныхъ, и совершенно оправдалъ тѣмъ предчувствія Солиманъ-паши, который былъ убѣжденъ въ невозможности защиты просторнаго берега отъ аттаки съ моря, на основаніи стратегическаго закона о невозможности, даже при превосходствѣ силъ, препятствовать непріятелю переправиться чрезъ рѣку, когда онъ можетъ по своему произволу выбрать мѣсто и улучить минуту для наступательнаго дѣйствія.

Старинные замки и плохія баттареи Бейрута были разрушены, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла въ отвѣтъ кораблямъ; но гарнизонъ оставался во внутренней части города подъ прочными сводами, а улицы были прорѣзаны баррикадами и подкопами. Безъ большой потери войска нельзя было овладѣть городомъ. Корабли продолжали медленно его громить, а между тѣмъ наряжались экспедиціи къ другимъ береговымъ пунктамъ Сиріи.

Замокъ Римской постройки *Джибейль*, древній *Вивлосъ*, у подошвъ Ливана въ 50 верстахъ на сѣверъ отъ Бейрута, не устоялъ противъ двухпудовыхъ ядеръ парохода *Циклопъ*. Англичане съ потерею 20 человѣкъ убитыхъ и раненыхъ опрокинули Албанскій гарнизонъ, который отстрѣливался изъ-за обрушенныхъ стѣнъ, и сдали замокъ окрестнымъ Мотуаліямъ, искавшимъ только случая чтобы отложиться отъ Египтянъ. Другой прибережный городокъ *Батрунъ*, древній *Вотрисъ*, былъ взятъ возставшими горцами при пособіи кораблей. Въ Триполи Египетскій гарнизонъ устоялъ потому только, что разстояніе крѣпости отъ берега затрудняло аттаку съ моря. Но громъ пушекъ ободрялъ сѣверные округи Ливана, которые все лѣто продолжали волноваться. Въ

Сайду повелъ экспедицію самъ Коммодоръ. По открытіи бреши съ моря онъ взялъ городъ и цитадель приступомъ (14 Сентября) не смотря на упорную защиту гарнизона. Молодой Эрцъ-герцогъ Фридрихъ, служившій на Австрійскомъ флотѣ, самъ повелъ колонну въ брешь, припоминая своимъ товарищамъ, что его предки подъ знаменемъ креста сражались съ невѣрными на берегахъ Сирійскихъ. Суръ, древній Тиръ, *царь морей*, знаменитый упорствомъ своей защиты противу Македонскаго героя, не устоялъ ни одного часа предъ кораблями, и былъ занятъ Англійскимъ поручикомъ..... У подошвы Кармила на южномъ изгибѣ Аккскаго залива въ виду Акки, союзники водрузили Султанское знамя въ Кайфѣ. Такимъ образомъ Сирійскій берегъ, за исключеніемъ немногихъ пунктовъ, призналъ власть Султана, а внутреннія племена стали спускаться къ берегу, входили въ сообщеніе съ кораблями и охотно принимали отъ нихъ оружіе для распространенія бунта.

Уже неоднократно были даны повелѣнія Ливанскому Князю именемъ Султана отложиться отъ Египтянъ и содѣйствовать къ изгнанію ихъ. Ласкою, убѣжденіями и обѣщаніемъ признанія всѣхъ его правъ и дарованія горцамъ всяческихъ льготъ, приглашали его въ лагерь; но еще вѣрилъ онъ въ звѣзду Ибрагима и въ обѣщанія Французовъ, которыхъ агенты объѣзжали горы, утверждая, будто Франція уже объявила войну, и съ часу на часъ поспѣютъ ея флотъ, войско, милліоны на помощь Ибрагиму. Въ эту эпоху вліяніе Эмира въ горахъ было всесильно; оно опиралось на свѣжей памяти народныхъ опалъ послѣ весенняго бунта. Шейхи Друзы, при всей своей ненависти къ Египтянамъ, смиренно повиновались Князю, а феодальное устройство ихъ племени ручалось въ покорности народной массы. Они вмѣстѣ съ сыновьями и внуками

Эмира повели свои ополченія къ знаменамъ Ибрагима. Но христіанскія племена, озлобленныя на Египтянъ, не смотря на то что они были обязаны своимъ благоденствіемъ Египетскому правленію, а можетъ быть именно потому что этотъ періодъ благоденствія споспѣшествовалъ преждевременному развитію въ нихъ недозрѣлой политической жизни, были объяты по всему пространству горъ стремленіемъ къ бунту. Въ этомъ тревожномъ расположеніи горцевъ союзники видѣли признаки народной любви къ Султану. Направленіе весенняго Ливанскаго бунта, равно и послѣдовавшія за водвореніемъ Султанской власти междоусобія и смуты въ горахъ, достаточно обнаруживаютъ въ самой готовности христіанъ Ливанскихъ вооружиться за Султана, не преданность ихъ Султану, но преизбытокъ анархическихъ началъ, и разслабленіе кореннаго феодально-ѳеократическаго устройства горъ подъ вѣковымъ вліяніемъ Шагабовъ и пашей.

Французское правительство нарядило въ ту пору къ берегамъ Сиріи Генерала ордена Лазаристовъ, чтобы вліяніемъ духовенства дѣйствовать на массы. Послѣ неудачи дипломатической своей кампаніи за Египетскаго пашу, Франція наряжала на Востокъ не войско, не флоты, не казну — какъ того ждали обманутые ея возгласами паша и эмиръ, но духовнаго генерала, обращая дарованное ей трактатами право покровительства католической церкви въ орудіе своей политики противу Султана. Но эта духовно-политическая миссія другаго результата не имѣла, какъ развѣ то, что она укрѣпила стараго Эмира въ вѣрности Египетскому пашѣ. Чтоже касается народныхъ массъ, то католическое духовенство было принуждено сознаться въ своемъ безсиліи противу народнаго чувства.

Самые родственники Эмира являлись одинъ за дру-

гимъ въ союзный лагерь. Двоюродному его брату эмиръ-Беширъ-Касему былъ данъ Султанскій фирманъ на княжество вмѣсто разжалованнаго за измѣну эмиръ-Бешира.

Элементы разрушенія отовсюду накоплялись надъ Египетскою арміею. Съ распространеніемъ бунта умножились и побѣги; ежедневно являлись въ союзный лагерь сотни бѣглыхъ Сирійскихъ рекрутовъ, привязанныхъ однимъ страхомъ къ знаменамъ Ибрагима, и сотни Турецкихъ низамовъ дессантной флотской бригады, задержанной Мехметъ-Аліемъ. Измѣна обнаружилась даже между высшими Египетскими офицерами.

По сожженіи и разграбленіи Бейтъ-Шебаба, Ибрагимъ-паша оставался въ наблюдательномъ положеніи на высотахъ Бекфеи, въ десяти верстахъ отъ союзнаго лагеря, чтобы страхомъ своего присутствія содержать въ повиновеніи горы. Приближалась осенняя пора; онъ не думалъ уже о наступательныхъ дѣйствіяхъ, а только желалъ продлить борьбу нѣсколько недѣль, и ждалъ первой бури, которая разогнала бы флотъ отъ этихъ опасныхъ береговъ. Тогда онъ могъ бы въ свою очередь утомить союзное войско, беззащитное со стороны моря, и наказать бунтъ племенъ Сирійскихъ. И въ самомъ дѣлѣ Французское правительство требовало чтобы онъ только шесть мѣсяцевъ отстоялъ Сирію, а за послѣдствія ручалось. Чтобы предупредить побѣги, внушить своему войску любовь и довѣренность къ себѣ и разсѣять уныніе Египетскаго солдата, привыкшаго почитать своего полководца непобѣдимымъ, Ибрагимъ вслухъ издѣвался надъ Стамбульскими войсками, и заставлялъ старыхъ своихъ сподвижниковъ разсказывать эпизоды кампаніи 1832 года, когда три арміи были послѣдовательно имъ уничтожены. Самъ онъ велъ бивачную жизнь, спалъ на войлокѣ, обѣдалъ съ арте-

лію, и чтобы поддерживать въ самомъ себѣ это напряженное состояніе притворнаго веселія, пилъ безмѣрно...

Но уже союзники ободренные успѣхомъ и чувствами народонаселенія, вступали въ горы, и 28 Сентября аттаковали позицію Ибрагима. Ихъ поддерживали многочисленные отряды вооруженныхъ въ лагерѣ горцевъ, которые, хотя и не приняли дѣятельнаго участія въ сраженіи, однако пособили союзникамъ тѣмъ, что они затрудняли движенія Египетской арміи. Коммодоръ Напиръ съ Селимъ-пашею лично повели аттаку. Они расположили свое войско на высотахъ, противу самой позиціи занятой Ибрагимомъ, укрѣпились шанцами и поставили баттарею горной артиллеріи. Между тѣмъ другой отрядъ, подъ начальствомъ полковника Омаръ-бея, и милиція горцевъ Эмиръ-Беширъ-Касема по другому направленію вступали въ ущелія, обгибали позицію Ибрагима и готовились занять возвышенія съ его тылу. Незнаніе мѣстностей не позволило Турецкимъ офицерамъ лучше сообразить свои движенія въ совокупности съ горцами; иначе они могли здѣсь взять въ плѣнъ самаго Ибрагима. Онъ не долго устоялъ; бывшая при немъ милиція Друзовъ разбѣжалась; его Албанцы безполезно занимали глубину ущелія прорѣзавшаго позиціи обоихъ войскъ, а самъ онъ съ регулярнымъ войскомъ былъ подверженъ всему огню Турецкой артиллеріи, тогда какъ самыя мѣстности не позволяли ему дѣйствовать артиллеріею. Уныніе овладѣло войскомъ, обступленнымъ отовсюду бунтомъ и ущеліями непроходимыми, гдѣ съ часу на часъ изъ-за кустарниковъ, изъ-за скалъ могли возникнуть невидимые враги. Обходное движеніе Турецкой колонны, которая уже начинала показываться на высотахъ съ его тылу, заставило Ибрагима поспѣшно отступить, пока еще не были заняты кругомъ ущелія. Къ закату солнца пасмурно

сѣлъ онъ на коня, имъ самимъ вскормленнаго, послушнаго его голосу, свободно слѣдовавшаго за нимъ повсюду, въ его походахъ, будто собака. Одинъ съ своимъ конюхомъ негромъ спустился Ибрагимъ по тропинкамъ едва проходимымъ въ округъ *Метенъ*, куда еще не успѣлъ проникнуть бунтъ. Проѣзжая чрезъ одно селеніе, онъ остановился у источника утолить свою жажду. «Что новаго у васъ? спросилъ онъ у поселянъ. — Слышно, что Ибрагимъ-паша разбитъ и бѣжитъ», отвѣчалъ ему съ злою улыбкою горецъ, вѣроятно его узнавшій. Ибрагимъ, который столько лѣтъ привыкъ дѣйствовать на воображеніе Арабовъ однимъ страхомъ, не измѣнилъ своему характеру; онъ приказалъ конюху отрубить голову дерзкаго горца, и между тѣмъ хладнокровно пилъ изъ кувшина поданнаго ему жертвою его гнѣва.

Покинутое имъ войско вполовину разсѣялось, вполовину положило оружіе. Въ то-же время Солиманъ-паша выступалъ изъ Бейрута, не сдержавши своего слова взорвать городъ. Дессантъ съ Англійскихъ кораблей успѣлъ отрѣзать фитили съ уготовленныхъ подкоповъ. Турецкое войско спустилось туда вслѣдъ за Бекфейскимъ дѣломъ. Занятіе Бейрута, куда была переведена главная квартира союзниковъ изъ Джуни, положило конецъ нерѣшимостямъ горцевъ и страху Египетскаго имени. Уже около 20,000 ружей было роздано изъ союзнаго лагеря. Новый Эмиръ Ливанскій формировалъ народное ополченіе, чтобы защитить горы отъ обратнаго вторженія Египтянъ и содѣйствовать союзному войску въ наступательныхъ его дѣйствіяхъ. Ибрагимъ занималъ еще всю внутреннюю Сирію, и несмотря на бѣдствія его настигшія, повелѣвалъ еще огромною арміею. Но было необходимо воспользоваться впечатлѣніемъ перваго успѣха, и дѣйствовать быстро

и наступательно. Приближалась осень, а въ эту пору содѣйствіе флота становилось сомнительнымъ, въ случаѣ принятія Ибрагимомъ наступательныхъ дѣйствій противу береговыхъ пунктовъ, по которымъ раздроблялись уже силы союзниковъ. Состояніе Европы и волненіе умовъ во Франціи, гдѣ правительство едва могло удерживать порывъ народный, предписывали союзникамъ ускорить во что-бы-то ни стало рѣшеніе Восточнаго Дѣла.

Вооруженіе народа входило въ планъ Сирійской экспедиціи, предпринятой столь слабыми средствами именно на томъ основательномъ расчетѣ, что племена Сиріи ждали только призыва къ возстанію. Мѣра эта входила равномѣрно въ планы Султана Махмуда въ несчастную кампанію 1839 года. Но въ такой странѣ какова Сирія, и въ такую эпоху когда такъ буйно возставалъ анархическій элементъ по мѣрѣ паденія обуздавшей его власти, когда племена одно за другимъ, подъ благовиднымъ предлогомъ вѣрноподданническаго энтузіазма за своего Султана, готовились праздновать неистовыя сатурналіи своего освобожденія отъ власти имъ ненавистной — была очевидна опасность призыва къ бунту. Феодальное устройство края доставляло союзникамъ вѣрное средство для сбора народнаго ополченія на законномъ основаніи, согласно съ духомъ и преданіями Сирійскихъ племенъ. Тѣмъ только были-бы предупреждены послѣдовавшія за изгнаніемъ Египтянъ кровопролитія на Ливанѣ и въ Наплузѣ, и общая неурядица при возстановленіи Турецкихъ властей по всей Сиріи. Вмѣсто того чтобы ввѣрить каждому Шейху, подъ его отвѣтственностію, число оружія соразмѣрное съ числомъ людей, сколько онъ могъ выставить въ походъ, раздавались ружья изъ лагеря безъ разбора, даже безъ описи, всякому кто ни являлся. Въ

тоже время корабли, которые крейсировали для сообщенія съ жителями, наряжали на берегъ во всѣхъ благопріятныхъ пунктахъ молодыхъ офицеровъ для сдачи ящиковъ съ ружьями встрѣчнымъ поселянамъ. Если бы можно было приписать эту роковую ошибку однимъ Турецкимъ пашамъ, мы бы не удивлялись; паши, особенно въ первые годы занятія Сиріи, кромѣ глупостей ничего не дѣлали; но удивительно то, что сами Англичане, которые должны были предвидѣть естественныя послѣдствія столь необдуманнаго вооруженія массъ, всего болѣе тому способствовали. Когда Ибрагиму донесли объ этомъ, онъ не скрылъ своей радости. «Я оказалъ Султану великую услугу, замѣтилъ онъ, отобраніемъ оружія у Сирійскихъ племенъ; теперь его же именемъ обрекаютъ безсилію властъ его въ этой странѣ».

Проѣхавши горы, одинъ съ своимъ конюхомъ, среди двойной опасности скользкихъ тропинокъ, висячихъ надъ пропастію, и народнаго возмущенія, которое при его бѣгствѣ шло по его пятамъ и могло его опередить, Ибрагимъ спустился въ Захле, по ту сторону Ливана. Тутъ повелѣно было сосредоточиваться всѣмъ отрядамъ Египетскимъ, выступавшимъ изъ горъ и изъ береговой линіи, и вскорѣ составился въ этомъ военномъ пунктѣ, грозномъ для Ливана, пятнадцатитысячный лагерь съ тридцатью орудіями. Сильный гарнизонъ, занимавшій дотолѣ Триполи, получилъ приказаніе очистить городъ и цитадель и ретироваться по ту сторону горъ въ Бальбекъ (6 Октября). Изъ Латтакіи и Скандеруна гарнизоны были также отозваны или опрокинуты аттакою съ моря. Такимъ образомъ предчувствія Солиманъ-паши оправдывались; по берегу нигдѣ не могли устоять Египтяне при самомъ открытіи

кампаніи, за исключеніемъ одной Акки, которая готовилась на самую упорную защиту.

Уже въ продолженіе этихъ первыхъ четырехъ недѣль въ союзномъ лагерѣ считалось до 10,000 плѣнныхъ и дезертировъ Египетскихъ; флотская полубригада, о которой мы уже упоминали, почти въ комплектѣ поступила вновь подъ знамена своего государя. Сирійскіе рекруты, бывшіе въ Египетской арміи, бѣжали, какъ только представлялся тому случай. По распоряженію Порты имъ было обѣщано изъ Султанской казны недоплаченное жалованье, а должно замѣтить что въ этихъ критическихъ обстоятельствахъ Мехметъ-Али, предпринявшихъ дѣло несоразмѣрное съ своими средствами, оставлялъ и армію свою и гражданское управленіе по десяти и по двѣнадцати мѣсяцевъ сряду безъ жалованья. Ибрагимъ видѣлъ себя осужденнымъ среди самой войны оцѣплять свои регулярные полки Албанцами и Бедуинами въ предупрежденіе побѣговъ. Въ это время силы его въ Сиріи были расположены слѣдующимъ образомъ: пятьнадцатитысячный корпусъ стоялъ въ Орфѣ, готовый исполнить угрозу Мехметъ-Алія на Малую Азію; 7,000 занимали Таврическіе округи и защищали ущелья Колекъ-Богаза противъ Султанской арміи, бывшаго резерва фельдмаршала Хафиза. Въ Антакіи, куда отступили береговые гарнизоны, считалось до 7,000. Гарнизоны Алепа, Хамы и Хомса простирались до 6,000. Около 3,000 занимали Дамаскъ; въ Аккѣ было 4,000 гарнизона и до 4,000 были расположены въ Яффѣ, въ Аскалонѣ, въ Газѣ и въ Іерусалимѣ. Мы упоминали уже о лагеряхъ въ Захлѣ и въ Бальбекѣ, о военно-плѣнныхъ и о дезертирахъ. Принужденный раздробить свою огромную армію въ предупрежденіе бунтовъ, Ибрагимъ не отказывался еще отъ суетной угрозы похода въ Малую Азію, и не отзывалъ

обратно передоваго корпуса расположеннаго въ Орфѣ. Это была важная стратегическая ошибка, ибо о походѣ въ Малую Азію было безумно думать; съ его тыла вся Сирія горѣла бунтомъ и войною, а впереди онъ неминуемо наткнулся бы на русскій штыкъ.

Послѣ Бекфейскаго дѣла эмиръ-Beширъ понялъ, что все было потеряно для Египтянъ. Съ семействомъ своимъ и съ казною спустился онъ въ Сайду, чтобы ходатайствовать о своемъ помилованіи. Но уже было поздно; по распоряженію Англійскаго адмирала онъ былъ отвезенъ въ Мальту, чтобы обезпечить новое управленіе Ливана отъ его происковъ и его вліянія. Никто не усумнится въ правосудіи этой мѣры; эмиръ Ливанскій давно былъ измѣнникомъ законному государю по союзу съ бунтовавшимъ пашею; его возгласы, будто онъ былъ съ своимъ семействомъ въ рукахъ Ибрагима, не заслуживали никакого вниманія. Вѣрнѣе то, что Ибрагимъ съ своимъ войскомъ въ горахъ былъ во власти эмира. Но его низложеніе и изгнаніе были-ли основаны на безпристрастномъ политическомъ расчетѣ, на вѣрномъ знаніи лицъ, характеровъ, событій и вліяній? Мы уже имѣли случай замѣтить взаимныя отношенія эмира и Мехметъ-Алія. Между такими характерами — сочувствія, предданность и благосклонность — все подчинено личной выгодѣ. Стоило изучить обстоятельства послѣдняго возстанія горцевъ, чтобы оцѣнить преданность эмира къ пашѣ. Если онъ усердно содѣйствовалъ Ибрагиму противу Турокъ, то потому только, что онъ почиталъ Ибрагима непобѣдимымъ, особенно когда увидѣлъ какими слабыми средствами союзники готовились оспаривать у него Сирію. Ктому же онъ вѣрилъ въ возгласы Французовъ его обступавшихъ; бывъ свидѣтелемъ Бонапартовой кампаніи въ Сиріи, онъ ждалъ новой Французской

экспедиціи. Но съ той минуты какъ онъ убѣдился въ ошибкѣ своихъ расчетовъ и покинулъ знамена Ибрагима, можно было положиться на его усердіе къ новой власти, и обратить его полувѣковое вліяніе и опытность въ пользу введенія Султанскаго правительства въ Сирію. Тѣмъ необходимѣе было оказать всякое снисхожденіе къ эмиру, что уже проявлялись признаки безначалія, и что Англичане были въ это время убѣждены въ совершенной неспособности новыхъ турецкихъ властей, въ ихъ неопытности, въ ихъ жалостной безнравственности. Правда, власть эмира въ горахъ, проистекавшая отъ стариннаго устройства имперіи, была уже несовмѣстна съ новыми правилами, коими руководствовалась Порта. Но за чѣмъ несвоевременно и насильственно разрушать зданіе, которое само собою клонилось къ паденію? Судя по обнаружившемуся на Ливанѣ народному духу при упадкѣ Египетскаго владычества, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что не прошло бы года и всѣ эти племена, которыя впослѣдствіи такъ горько жаловались на изгнаніе ихъ стараго эмира, и такъ упорно требовали его возвращенія, сами низложили бы его.

Такимъ образомъ въ самый блистательный періодъ Сирійскаго похода, среди послѣдовательныхъ успѣховъ оружія союзниковъ, были положены исполнителями Лондонскаго трактата роковыя начала всѣхъ тѣхъ золъ, которыя разразились въ послѣдствіи надъ Сиріею, подали поводъ къ новымъ нареканіямъ Франціи противу цѣли и средствъ трактата, оправдали ея доводъ о неспособности Турокъ управлять Сиріею, и принудили союзныя Державы вступиться вновь въ дѣла этаго края.

Между тѣмъ изъ внутреннихъ округовъ спѣшили въ союзный лагерь шейхи съ депутаціями отъ народа для изъявленія своей покорности Султану и своей го-

товности принять его знамена. Оставалось довершить подвигъ флота взятіемъ Акки, для разрушенія послѣдняго моральнаго оплота Египетской власти въ Сиріи.

21 Октября послѣ полудня весь союзный флотъ подъ начальствомъ адмирала Стопфорда явился предъ эту крѣпость. На немъ было три тысячи Турецкаго дессантнаго войска Селимъ-паши. Между тѣмъ двухтысячный отрядъ подъ начальствомъ Омаръ-бея, спустившись изъ Сайды и Сура, занималъ горные проходы Бѣлаго Мыса на сѣверъ отъ Акки, вмѣстѣ съ милиціею окрестныхъ Мотуаліевъ. Англо-Австрійскій флотъ расположился на якорѣ при благопріятномъ вѣтрѣ согнутою линіею вдоль береговыхъ батарей. За недѣлю предъ тѣмъ Англійскій пароходъ успѣлъ измѣрить глубину водъ, такъ что корабли могли подойти на разстояніе восмидесяти сажень отъ крѣпости. Отрядъ Турецкихъ судовъ контръ-адмирала Вокера сталъ въ интервалахъ, еще ближе къ крѣпости, на ружейный выстрѣлъ, имѣя подъ килемъ не болѣе фута воды. Египтяне не ждали столь смѣлой аттаки. Всѣ ихъ пушки были наведены на несравненно дальнѣйшее разстояніе. Въ суматохѣ, когда корабли открыли огонь, они не успѣли поправить свою ошибку.

Акка была вооружена 229 орудіями; изъ сего числа только 100 или 105 со стороны моря. Противу этихъ ста пушекъ, дурно наведенныхъ, союзный флотъ сильный въ 1000 орудій, дѣйствовалъ однимъ изъ своихъ бортовъ, т. е. 500 пушками; въ томъ числѣ иными 96 фунтоваго калибра. Пальба производилась съ неимовѣрною быстротою и безостановочно, будто на ученіи; такъ что подъ конецъ не успѣвали обливать водою пушки, раскаленныя отъ дѣйствія. Въ продолженіе трехъ часовъ было брошено въ городъ 50,000 ядеръ и бомбъ, между тѣмъ какъ девять десятыхъ выстрѣловъ

съ крѣпости пролетали высоко надъ палубами кораблей, почти не причиняя имъ вреда. Пальба слышалась въ Бейрутѣ на разстояніи 130 верстъ по прямой линіи. Посреди дѣйствія пороховой магазинъ, слишкомъ неосторожно прикрытый отъ бомбъ, былъ взорванъ. Зрѣлище было ужасное; минутъ десять городъ и берегъ и флотъ были покрыты мракомъ, и пушки замолкли. Около 1000 человѣкъ гарнизона погибло отъ взрыва. За тѣмъ флотъ снова открылъ огонь. Большая часть береговыхъ батарей были уже разломаны и канониры приведены въ робость. Съ захожденіемъ солнца крѣпость совершенно замолкла; корабли прекратили также свой огонь. Въ полночь причалила къ нимъ шлюбка съ извѣстіемъ, что комендантъ Махмудъ-бей съ 500 человѣкъ гарнизона и съ казною выступили изъ города по направленію къ Яффѣ. На утро союзники заняли Акку, гдѣ найдено огромное количество запасовъ всякаго рода, снарядовъ, оружія и весь паркъ Султанской артиллеріи взятой Ибрагимомъ въ Незибѣ. Крѣпость, которая со времени основанія своего Дагеромъ, шейхомъ Галлилейскимъ, прославилась рядомъ осадъ, въ этотъ разъ устояла только три часа противу правильной аттаки, какъ то должно было предвидѣть. Потеря гарнизона простиралась до 1700 человѣкъ. На флотѣ убитыхъ и раненныхъ было менѣе 100, а корабли никакого значительнаго повревденія не претерпѣли. Но на другой день по занятіи города, гдѣ еще подъ грудами развалинъ и труповъ тлѣлъ незамѣтно пожаръ взорваннаго пороховаго магазина, огонь былъ сообщенъ другому подземному магазину, и послѣдовалъ новый взрывъ, отъ котораго погибли болѣе 150 человѣкъ союзнаго войска.

При этомъ несчастіи получилъ легкую рану генералъ Чарлъ-Смидтъ, который по взятіи Бейрута командовалъ

сухопутною экспедиціею, и во всю кампанію не дѣлалъ ничего кромѣ пустыхъ проектовъ. Турецкій сераскиръ Иззетъ-Мехметъ былъ также раненъ еще при вступленіи Султанскихъ войскъ въ Бейрутъ. Въ сраженіи онъ не участвовалъ; въ знакъ торжества онъ сдѣлалъ изъ пистолета выстрѣлъ по воздуху; пистолетъ повидимому осѣкся; но когда онъ положилъ его обратно въ чушки, пуля переломала ему кость. Съ того времени Иззетъ-Мехметъ слегъ. Природная его злоба, обузданная дотолѣ изъ учтивости къ союзникамъ, переселила всѣ приличія подъ вліяніемъ физическихъ страданій и внутренней досады за то, что во всю экспедицію онъ носилъ званіе сераскира, а власти никакой не имѣлъ. Выборъ обоихъ генераловъ Англійскаго и Турецкаго, былъ самый неудачный во всѣхъ отношеніяхъ. Это наиболѣе обнаружилось когда сухопутная экспедиція удалилась отъ флота, и адмиралъ Стопфордъ не могъ непосредственно направлять ея дѣйствія. Она блуждала въ нѣкоемъ хаосѣ, безъ общаго плана, даже безъ воли и безъ мысли единной; а при всемъ томъ сила обстоятельствъ была такъ велика, накопившаяся въ продолженіе семи лѣтъ въ Сиріи гроза разразилась съ такимъ остервененіемъ надъ Египетскою арміею, что оружіе Султана было увѣнчано полнымъ хотя и незаслуженнымъ успѣхомъ.

И въ самомъ дѣлѣ, едва была взята Акка, тотчасъ, безъ всякой даже попытки со стороны союзниковъ, воинственныя племена Наплузскихъ горцевъ, вся Галлилея до Іордана, вся страна Мотуаліевъ и Антиливанъ низвергли Египетскія власти и поспѣшили принесть свою покорность Турецкимъ пашамъ. Вездѣ возстали шейхи, которыхъ унизило или изгнало Египетское правленіе, и нашли массы народныя готовыми на ихъ призывъ. Кромѣ оружія розданнаго союзниками, до-

сталось народу много ружей отъ бѣжавшихъ или разбитыхъ Египетскихъ отрядовъ, и всякъ у кого было укрыто оружіе въ пору Египетскихъ преслѣдованій, выгребалъ теперь свой кладъ. Шейхъ *Саидъ-Абдельаль* занялъ именемъ Султана Назаретъ, Табарію, Сафетъ, и съ милиціею туземцевъ расположился на Іорданѣ у моста Іаковова, (Джисеръ-Якубъ) на самомъ пути сообщеній Ибрагима съ Египтомъ. Шейхи *Токанъ*, бѣжавшіе отъ Египтянъ, которые благопріятствовали ихъ соперникамъ *Абдель-Хади*, легко подняли Наплузу, и вскорѣ за тѣмъ сами Абдель-Хади измѣнили Ибрагиму, чтобы не лишиться мѣстнаго своего вліянія и средствъ продолжать наслѣдственную борьбу съ Токанами. Шейхъ *Абдулъ-Рахманъ-Амръ*, давно обреченный смерти Ибрагимомъ, взбунтовалъ горцевъ Іудеи и занялъ съ ними Хевронъ (Халиль-Рахманъ).

Таково было непосредственное вліяніе паденія Аккской твердыни. Ибрагимъ убѣдился въ невозможности долѣе оспаривать Сирію, и сталъ уже думать о спасеніи своей арміи. Немедленно были даны повелѣнія всѣмъ отрядамъ и гарнизонамъ Египетскимъ, расположеннымъ въ сѣверной Сиріи, сосредоточиваться въ Дамаскѣ для обратнаго похода въ Египетъ. Всѣ эти отряды стремглавъ туда бросились, объятые паническимъ страхомъ, будто непріятель гнался за ними по пятамъ. Поспѣшно были истребляемы военныя депо; были заклепаны или опрокинуты въ пропасть крѣпостныя орудія Колекъ-Богаза, и въ быстрыхъ переходахъ, чтобы предупредить побѣги, офицеры своеручно рубили рядовыхъ, кто отъ болѣзни или усталости отставалъ отъ колоннъ. Бедуины, Тюркмены и Кюрды, кочующіе въ этой сторонѣ, обживились добычею Египетскою, точно такъ, какъ за полтора года предъ тѣмъ Турецкою добычею послѣ Незибскаго сраженія. Въ это время шейхи сѣверныхъ

отраслей Ливана просили у Сераскира одного батальона регулярной пѣхоты и шести орудій, чтобы съ своею милиціею проникнуть по долинѣ простирающейся отъ моря до Хомса между Ливаномъ и горами Ансарійскими, отрѣзать дорогу въ Дамаскъ отрядамъ спускавшимся къ Ибрагиму, и заставить ихъ положить оружіе. Правда, отряды эти представляли въ совокупности около 25,000 человѣкъ; но судя по страху ими овладѣвшему, предложеніе шейховъ было небезосновательно. Оно не состоялось только по причинѣ несогласій между генераломъ Смидтомъ и Иззетъ-Мехметъ-пашею.

Между тѣмъ гарнизоны Яффы и Іерусалима, обступленные бунтомъ поселянъ и опасаясь возстанія самихъ городовъ, спасались въ Газу, куда успѣлъ уже укрыться комендантъ Акки Махмудъ-бей. Бригадные генералы Ибрагимъ-бей и Измаилъ-бей приняли начальство надъ этими остатками девятитысячнаго корпуса, который при открытіи войны занималъ Палестину, и котораго теперь едва оставалась одна треть въ Газѣ. Болѣе 10,000 вооруженныхъ поселянъ обступили этотъ городъ въ надеждѣ мщенія и добычи. Къ счастію осажденныхъ съ ними былъ отличный кавалерійскій полкъ, такъ что они могли добывать запасы наѣздами на сосѣднія деревни.

Яффа и Іерусалимъ едва не сдѣлались добычею взволнованныхъ поселянъ; вся Палестина была въ совершенной анархіи. Богатство монастырей Іерусалимскихъ во всякомъ политическомъ кризисѣ возбуждаетъ алчность жителей окрестныхъ горъ. Въ Турціи когда исполнительная власть пашей и муселимовъ рушится, власть судебная, проистекающая отъ духовной власти Султана, неоспоримо заступаетъ ея мѣсто. Молла, главный судья Іерусалимскій, умными распоряженіями спасъ святый градъ отъ неминуемой опасности. Яффа,

на которую хлынулъ потокъ поселянъ тотчасъ по отступленіи гарнизона, была спасена вліяніемъ нашего вице-консула, къ которому единодушно обратились жители, Мусульмане и Христіане, въ ожиданіи Султанскихъ властей и войска. Турецкая армія усиленная въ это время до 12,000, отрядами послѣдовательно прибывшими моремъ изъ Константинополя, едва успѣвала занимать важные военные пункты, которые сами собою сдавались ей. Между тѣмъ по всей Палестинѣ цѣлый мѣсяцъ безчинствовали феллахи, и ограбивши все что было найдено по отступленіи Египетскихъ войскъ, стали грабить и рѣзать другъ друга и расчитываться старыми долгами мести и крови, отложенными въ эпоху Египетскаго правленія. По мѣрѣ того какъ Египетскіе отряды ретировались изъ сѣверныхъ округовъ въ Дамаскъ, Турецкая пятнадцати-тысячная армія изъ Малой Азіи, чрезъ очищенныя ущелія Тавра, вступала въ Сирію, подъ предводительствомъ Ахметъ-Зекерія-паши, назначеннаго на смѣну Иззетъ-Мехмету. Генералъ Смидтъ былъ также смѣненъ за неспособность, а мѣсто его заступилъ генералъ Митчель. Главное направленіе военныхъ операцій во всю кампанію было предоставлено Англичанамъ, хотя по взятіи обратно на флотъ дессантнаго ихъ войска, не болѣе 400 Англійскихъ солдатъ участвовали въ сухопутныхъ экспедиціяхъ. Опытъ прошедшаго убѣдилъ Порту въ томъ, что гораздо легче изъ старыхъ милицій образовать баталъоны, чѣмъ изъ пашей генераловъ; а было очевидно, что въ такой кампаніи, которой цѣлію было очистить отъ сильной непріятельской арміи страну прорѣзанную по всѣмъ направленіямъ горами, и обтянутую съ двухъ сторонъ пустынею и моремъ, успѣхъ болѣе зависѣлъ отъ удачныхъ маневровъ чѣмъ отъ массы войска. Начальникомъ штаба Турецкой арміи былъ назначенъ ге-

нералъ Іохмусъ, Гамбургскій уроженецъ, служившій прежде въ легіонѣ волонтеровъ въ Испаніи, и принятый въ Турецкую службу съ чиномъ паши по ходатайству Англичанъ.

Въ половинѣ Ноября Ибрагимъ-паша отступилъ изъ Антиливанской долины въ Дамаскъ, и поспѣшилъ занять передовую позицію въ Мезарибѣ на пути въ Мекку. Онъ разбилъ скопище Друзовъ и Бедуиновъ Гауранскихъ, которые безпокоили его фланги, забралъ съ нихъ провіантъ и верблюдовъ для похода, и велъ переговоры съ Бедуинами великой пустыни для снабженія провіантомъ извѣстныхъ пунктовъ. Около мѣсяца трудился онъ надъ реформированіемъ своей арміи, которая при всѣхъ претерпѣнныхъ ею бѣдствіяхъ простиралась еще до 60,000 солдатъ *). Между тѣмъ какъ Турецкіе отряды, вступившіе въ Сирію вслѣдъ за новымъ сераскиромъ, и въ особенности Албанцы и Баши-бузуки, безчинствовали на пути и грабили поселянъ, которые съ восторгомъ встрѣчали Султанскія знамена, Ибрагимъ готовясь покинуть Сирію, усиливалъ дисциплину въ своей арміи и ласкалъ народъ. Вмѣсто того чтобы излить свой гнѣвъ на жителей Дамаскихъ, которыхъ враждебныя расположенія были ему хорошо извѣстны, онъ отечески предостерегъ ихъ отъ всякой обиды со стороны солдатъ. Палатокъ не было; войска, которыя не могли помѣститься въ казармахъ и въ мечетяхъ, поочередно стояли на бива-

*) Много было толковъ о дѣйствительныхъ потеряхъ Ибрагимовой арміи предъ отступленіемъ ея изъ Сиріи, равно какъ и въ продолженіе этой губительной ретирады. Положительно то, что по коммисаріату въ Дамаскѣ состояло въ это время 65,000 порцій. Изъ этого числа надо вычесть около 6 или 7,000 на солдатскихъ женъ и дѣтей, которыя слѣдовали за арміею и получали порціи и полупорціи. Затѣмъ 3,000 человѣкъ были въ Газѣ.

кахъ по окрестностямъ города, укрываясь кое-какъ подъ деревьями отъ проливныхъ осеннихъ дождей. Въ Декабрѣ наступилъ холодъ необычайный; палъ снѣгъ; мерзло по ночамъ; солдаты легко одѣтые, въ плохой обуви, въ изодранныхъ плащахъ, изнемогали на бивакахъ; но Ибрагимъ не рѣшался помѣстить ихъ по частнымъ домамъ; военный постой слишкомъ несовмѣстенъ съ восточными нравами; онъ велѣлъ имъ проводить ночи на крытыхъ улицахъ Дамаскихъ базаровъ. Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присовокупилась измѣна; уже много офицеровъ облагодѣтельствованныхъ имъ и его отцомъ передались Туркамъ. Въ Дамаскѣ онъ наказалъ измѣну. Въ пору вечернихъ его оргій нѣсколько головъ покатилось по его повелѣнію на мраморномъ дворѣ занятаго имъ дома. Самъ Шерифъ-паша, бывшій губернаторомъ Сиріи, возвеличенный и обогащенный Мехметъ-Аліемъ, былъ обличенъ въ тайномъ сношеніи съ Турками. Ибрагимъ ограничился его арестованіемъ.

Послѣ дневныхъ заботъ Ибрагимъ проводилъ ночи въ развратѣ и въ буйствѣ, опьяненный виномъ и злобою. По распоряженіямъ Солиманъ-паши зрѣлища эти тщательно укрывались отъ войска. Не одинъ разъ, когда подъ вліяніемъ винныхъ паровъ вспыхивала въ сердцѣ Ибрагима месть къ Сирійцамъ за ихъ измѣну, онъ приказывалъ предать городъ грабежу; но Солиманъ-паша укладывалъ его въ постель и стерегъ по ночамъ, изъ опасенія, чтобы не повторились въ его отсутствіе тѣ-же приказанія.

Армія была раздѣлена на три колонны; первая выступила въ началѣ Декабря подъ начальствомъ Солиманъ-паши. Этотъ отрядъ служилъ собственно конвоемъ для солдатскихъ женъ и дѣтей и для тяжелой артиллеріи; войска считалось въ немъ неболѣе пяти

тысячъ человѣкъ. Онъ направился прямо на югъ, по пути въ Мекку, до паралели Суэйца; тамъ поворотилъ на западъ и достигъ благополучно Египта, потерявши на пути только половину вьючнаго скота, часть артиллеріи, нѣсколько сотъ женъ, дѣтей и солдатъ павшихъ отъ усталости. За тѣмъ 17-го Декабря выступили другія двѣ колонны подъ предводительствомъ дивизіоннаго генерала Ахметъ-Менекли-паши и самаго Ибрагима. На площади простился Ибрагимъ съ жителями Дамаска, заказавъ имъ оставаться въ покоѣ, ждать новыхъ властей, не бушевать, и не обижать Христіанъ. «Не то, прибавилъ онъ, садясь на коня, и грозя имъ пальцемъ, ворочусь съ половины дороги и расчитаюсь съ ослушниками».

ГЛАВА XVI.

ЗАМЫСЕЛЪ ПОРТЫ ОБЪ УНИЧТОЖЕНІИ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ. — ОПРОМЕТЧИВОСТЬ ЕЯ ДѢЙСТВІЙ. — ПЕРЕМѢНА ПОЛИТИЧЕСКАГО НАПРАВЛЕНІЯ ФРАНЦІИ; ЕЯ ДЕКЛАРАЦІЯ. — ИГРА ТЬЕРА И ДОНЕСЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО АДМИРАЛА. — МИНИСТЕРСТВО ГИЗО. — УКРѢПЛЕНІЯ ПАРИЖА. — ИСПУГЪ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ. — КОНВЕНЦІЯ КОММОДОРА НАПИРА. — ЕЯ НЕСООБРАЗНОСТИ. — СМИРЕНІЕ МЕХМЕТЪ-АЛІЯ. — УПРЯМСТВО ПОРТЫ И ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЙ РАЗГОВОРЪ ВЕРХОВНАГО ВИЗИРА. — МИЛОСТИВЫЙ ФИРМАНЪ. — УЛОВКИ ТУРОКЪ И ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ РѢШЕНІЕ ЕГИПЕТСКАГО ДѢЛА. — КОНВЕНЦІЯ О ПРОЛИВАХЪ. — ВАЖНОСТЬ СЕГО АКТА ОТНОСИТЕЛЬНО РОССІИ. — ДИПЛОМАТИЧЕСКІЙ ПРОМАХЪ ТУРОКЪ И ОТВѢТЪ КНЯЗЯ МЕТТЕРНИХА.

Цѣлію Лондонскаго трактата было освобожденіе Сиріи отъ Мехметъ-Алія и водвореніе мира на Востокѣ. Мехметъ-Али, кромѣ военныхъ своихъ подвиговъ, ознаменованныхъ отвагою и удачами, имѣлъ за собою великія гражданскія заслуги, и отличался среди преобразовательной суматохи Востока основнымъ и прочнымъ направленіемъ своихъ предпріятій. Если Великія Державы сочли нужнымъ въ 1840 году положить правосудные предѣлы честолюбивымъ замысламъ Египетскаго паши, однако онѣ вовсе не имѣли въ виду *уничтожить* Мехметъ-Алія. Не такъ разумѣлъ дѣло Диванъ. Упорствуя въ централизаціонной системѣ Махмуда, но не сообра-

жаясь нисколько со средствами своими и со степенью способностей своихъ для водворенія централизаціи и единства по всему пространству имперіи, Диванъ усмотрѣлъ въ трактатѣ 15-го Іюля благопріятный случай для конечнаго разрушенія зданія воздвигнутаго Румелійскимъ выходцемъ въ далекомъ Египтѣ, внѣ политической сферы Стамбула. Въ эту сферу включалась теперь Сирія по приговору Великихъ Державъ. — Прежде чѣмъ открыть новый процессъ о Египтѣ, предстояло Портѣ оправдать произнесенный въ ея пользу приговоръ; а оправдать приговоръ этотъ она могла введеніемъ хорошаго управленія въ Сирію. Россійскій Кабинетъ сомнѣвался въ томъ еще въ 1839 году, когда представители Великихъ Державъ въ Константинополѣ вели переговоры съ Портою объ условіяхъ миролюбнаго раздѣла съ Мехметъ-Аліемъ. Донынѣ, восемь лѣтъ спустя, успѣла-ли Порта разсѣять тѣ сомнѣнія, которыя показались тогда обидными ея самолюбію?.....

На второй отказъ Мехметъ-Алія, по истеченіи двадцатидневнаго срока, она отвѣчала фирманомъ о низложеніи его съ Египетскаго Пашалыка, и приступая къ завоеванію Сиріи, она тогда же присовокупила къ другимъ титламъ сераскира Иззетъ-Мехмета, званіе полномочнаго Султанскаго намѣстника въ Египтѣ. Въ седьмомъ параграфѣ отдѣльнаго акта включеннаго въ трактатъ $^{3}/_{15}$ Іюля было сказано, что, если по истеченіи двадцатидневнаго срока Мехметъ-Али не согласится на предложеніе о наслѣдственномъ обладаніи Египтомъ, Султанъ можетъ принять какія заблагоразсудитъ мѣры, «по соображенію съ собственными пользами и съ совѣтами своихъ союзниковъ». Но мѣра принятая Портою не была основана ни на истинныхъ пользахъ имперіи, ни на мнѣніи союзниковъ. Быть можетъ ея прихотямъ потакали мелочныя страсти дипломата, ко-

торый въ ту пору руководилъ по своему Стамбульскую политику. Всѣ Кабинеты единодушно осудили эту мѣру, а Францiя дѣятельно готовясь къ войнѣ, объявила, что приведенiе въ исполненiе угрозы Порты противъ Мехметъ-Алiя будетъ для нея casus belli.

Какъ ни груба была ошибка-Порты, она способствовала къ постепенной развязкѣ дѣла; ибо Францiя отказавшись уже отъ своихъ притязанiй въ пользу Мехметъ - Алiя относительно Сирiи, ограничивалась Египтомъ, а это вполнѣ согласовалось съ видами другихъ Державъ. Рѣшительною, громкою рѣчiю, будто въ удовлетворенiе народнаго самолюбiя, обиженнаго трактатомъ Лондонскимъ, Французское правительство покрывало благоразумную умѣренность политическаго своего направленiя *). Еще болѣе значенiя имѣла въ томъ же смыслѣ смѣна министерства возникшаго въ Маѣ 1840 года, среди весенняго волненiя народныхъ страстей, буйнаго министерства Тьера, прошумѣвшаго все лѣто и павшаго въ Октябрѣ при отголоскѣ пальбы Сирiйскихъ береговъ. Основывая свои расчеты на призракѣ матерiальной силы Мехметъ - Алiя, упуская изъ виду непрочность насильственнаго его владычества въ Сирiи, павшее министерство было убѣждено въ томъ, что борьба на Востокѣ продлится, что рѣшенiя союзныхъ Державъ встрѣтятъ здѣсь препоны, и хотѣло улучить эпоху, чтобы вступиться въ дѣло войною-ли или переговорами. При самомъ открытiи военныхъ дѣйствiй, оно поспѣшило отозвать въ Тулонъ флотъ, который уже полтора года парадировалъ въ Оттоман-

---

*) По поводу кабинетнаго объявленiя объ обезпеченiи Францiею политическаго существованiя Мехметъ-Алiя, въ палатахъ 1841 года, кричали кабинету Тьера: «Вы храбро проломались господа въ открытыя настежь ворота» — ссылаясь на то, что союзныя Державы съ своей стороны вовсе не имѣли въ виду изгнать Мехметъ-Алiя изъ Египта.

скихъ водахъ. Адмиралъ Лаландъ желалъ морской войны, и надѣялся омыть стыдъ полувѣковыхъ уничиженій Французскаго флага предъ Англійскимъ. Въ докладѣ писанномъ подъ впечатлѣніемъ пальбы у Сирійскаго берега, онъ просился туда чтобы *истребить Англійскій флотъ*, и ручался въ успѣхѣ. «Если же присовокуплялъ онъ, Правительство упорствуетъ въ сохраненіи мира, то надлежитъ немедленно отозвать флотъ, и тщательно избѣгать встрѣчи Французскихъ кораблей съ Англійскими, подъ опасеніемъ, что съ обѣихъ сторонъ заряженныя пушки *сами собою станутъ палить*». Опасенія Французскаго адмирала были болѣе основательны чѣмъ его увѣренность въ побѣдѣ. Въ самомъ дѣлѣ народныя ненависти этой эпохи угрожали возжечь войну вопреки воли правительствъ. Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что и Король и министерство видѣли необходимость мира, подъ опасеніемъ навлечь на Францію рядъ новыхъ бѣдствій внутреннихъ и внѣшнихъ, и подписать за тѣмъ мирные трактаты унизительнѣе трактатовъ 1815 года, противу которыхъ такъ суетно вопіяли въ это время слѣпыя страсти толпы. Но основныя начала конституціоннаго правленія не позволяли руководствоваться однимъ здравымъ смысломъ и государственнымъ интересомъ. Тьеръ успѣлъ сыграть предъ своимъ паденіемъ самую преступную конституціонную игру: чтобы приласкаться къ страстямъ народнымъ, онъ выставлялъ себя партизаномъ войны — въ твердомъ убѣжденіи, что мудрый Король никогда не согласится на открытіе войны. Тѣмъ онъ хотѣлъ обезпечить себѣ сочувствія толпы, сложить на Короля и на своего преемника отвѣтственность сохраненія мира, стяжать журнальную славу патріота, сковать себѣ оружіе оппозиціонное въ са-

момъ разгарѣ народныхъ страстей, и такимъ образомъ заготовить себѣ обратный путь къ власти.

Степенный Гизо замѣнилъ пылкаго Тьера, и предпринялъ тяжкій трудъ распутыванія всего что было перепутано его предшественникомъ. Между тѣмъ успѣшное рѣшеніе Восточнаго дѣла внѣ участія Франціи, и вопреки ей , твердость Кабинетовъ и чувства обнаруженныя народами по поводу угрозъ на Европейскій миръ, разрушили мечты 1830 года, и убѣдили Францію въ томъ что она уже не владѣла пещерою Эола , не располагала ураганами по своему произволу , и что опытъ прошедшаго научилъ Европу остерегаться ея революціонныхъ призывовъ. Вмѣсто того чтобы угрожать войною Европѣ, она стала помышлять о собственной защитѣ. Шестьсотъ милліоновъ франковъ были назначены палатами на сооруженіе укрѣпленій кругомъ столицы, дважды взятой союзными войсками въ 14 и 15 годахъ. Эта оборонительная мѣра, подкрѣпленная въ преніяхъ Палатъ краснорѣчіемъ самаго Тьера, поборника войны, много послужила къ тому чтобы успокоить броженіе умовъ и разсѣять призраки, ослѣплявшіе народное мнѣніе.

По открытіи военныхъ дѣйствій у Сирійскаго берега Мехметъ-Али ласкалъ себя надеждою, что Ибрагимъ и Акка успѣютъ продлить борьбу въ Сиріи, доколѣ перепутаются дѣла въ Европѣ и вспыхнетъ общая война. Съ одной стороны легкіе успѣхи союзныхъ силъ и чувства обнаруженныя Сирійскими племенами, а съ другой паденіе Тьера образумили упрямаго старика , и убѣдили его въ томъ , что на немъ одномъ лежало все бремя войны. О походѣ въ Малую Азію нельзя было уже думать, когда ему самому предстояло защищаться въ Египтѣ и выручать сына изъ Сиріи. Дѣятельно приступилъ онъ къ укрѣпленію Александріи

съ моря, равно и другихъ береговыхъ пунктовъ Египта. Онъ употребилъ на эти работы соединенные экипажи своего и Султанскаго флотовъ, поставилъ на военную ногу кое-какъ сформированныя имъ народныя ополченія Каира и Александріи, и готовилъ новую экспедицію въ Сирію. Посреди этихъ приготовленій адресовалъ онъ благодарственное письмо Французскому Королю за сдѣланную имъ декларацію о политическомъ существованіи Мехметъ-Алія, хвастливо ручался, что онъ силенъ отстоять всю Сирію, и ходатайствовалъ, чтобы посредничествомъ Франціи были ему оставлены по крайней мѣрѣ Аккскій Пашалыкъ и островъ Кандія. Все это письмо дышало преданностію Франціи, готовностью послѣдовать ея совѣтамъ. Немного дней спустя получено извѣстіе о паденіи Акки. Въ присутствіи своего Двора и многихъ иностранцевъ излилъ онъ свой гнѣвъ на Французскаго генеральнаго консула, горько обвиняя Францію во всѣхъ своихъ бѣдствіяхъ и въ своихъ ошибкахъ. Четыре гонца были имъ отправлены въ Сирію по разнымъ дорогамъ, съ предписаніемъ Ибрагиму выступать оттуда не теряя ни одной минуты, пока еще обратный путь не былъ отрѣзанъ.

Уже съ нѣкотораго времени Англійскіе корабли содержали въ блокадѣ Александрію, ограничиваясь впрочемъ воспрещеніемъ привоза военныхъ снарядовъ, и допуская торговлѣ вывозить продукты Египта. Послѣ взятія Акки коммодоръ Напиръ, котораго дѣятельность не находила уже пищи у Сирійскаго берега, былъ отряженъ въ Египетъ на усиленіе блокады. Едва показался онъ предъ Александріею, тотчасъ по собственному внушенію вступилъ въ переговоры съ Египетскимъ правительствомъ, подъ предлогомъ ходатайства объ освобожденіи Ливанскихъ шейховъ, сосланныхъ въ Сеннаръ послѣ весенняго востанія горцевъ. Чрезъ нѣсколько

дней коммодоръ заключилъ, безъ всякаго на то уполномочія ни со стороны правительства своего, ни даже отъ адмирала, конвенцію подписанную $^{15}/_{27}$ Ноября имъ самимъ и Богосъ-беемъ, министромъ Иностранныхъ Дѣлъ при Мехметъ-Алiѣ. Въ силу этой конвенціи, основанной на совѣтѣ данномъ Великими Державами Портѣ о дарованіи Мехметъ-Алію потомственныхъ правъ на Египетъ и объ отмѣненіи неправильнаго фирмана о его низложеніи, паша обязывался во-первыхъ, вызвать немедленно свои войска изъ Сиріи, во вторыхъ — сдать Султанскій флотъ, какъ только Порта признаетъ его наслѣдственнымъ правителемъ Египта; но съ тѣмъ чтобы права его и его семейства были обезпечены Великими Державами. Коммодоръ обѣщалъ съ своей стороны именемъ адмирала прекратить военныя дѣйствія и дозволить переправу моремъ изъ Сиріи въ Египетъ Ибрагимовой арміи.

Конвенція эта, неправильная по своимъ основаніямъ и по своей формѣ, была отвергнута Англійскимъ правительствомъ, а Оттоманская Порта на нее протестовала. И въ самомъ дѣлѣ коммодоръ Напиръ далъ въ этомъ случаѣ новое доказательство своей опрометчивости въ дѣлѣ внѣ сферы воинственныхъ его дарованій. Трактатъ Лондонскій основывался на торжественномъ обязательствѣ Державъ о сохраненіи цѣлости и независимости державныхъ правъ Султана, а обезпеченіе правъ Египетскаго вассала Европейскими государствами, мимо Султана, въ силу подписанной Напиромъ конвенціи, явно нарушало державныя права Султана. Сверхъ того подобное нововведеніе въ народное право могло повлечь за собою важныя неудобства, даже для Европейскихъ державъ, налагая на нихъ въ будущемъ обязанность неусыпнаго бдѣнія надъ внутренними дѣлами Оттоманской имперіи.

Мехметъ - Алію оставалось безусловно покориться своему законному государю, и ждать отъ его милосердія и отъ дружелюбнаго ходатайства Великихъ Державъ будущаго устройства судьбы его и его семейства. Адмиралу Стопфорду было поручено отъ союзныхъ Кабинетовъ дать совѣтъ этотъ Мехметъ-Алію. Въ исходѣ Ноября паша принесъ наконецъ свою покорность письмомъ Верховному визирю. Не предлагая никакихъ условій, не требуя ничьего поручительства, ссылаясь только на сдѣланное ему Напиромъ объявленіе о ходатайствѣ въ его пользу Великихъ Державъ, Мехметъ-Али смиренно объявилъ, что уже сынъ его выступалъ изъ Сиріи, что флотъ Султанскій былъ готовъ къ сдачѣ кому повелѣно будетъ для отведенія въ столицу, и просилъ помилованія у своего Государя. Замѣчательно впрочемъ, что это письмо, выражавшее дѣйствительную его покорность, не заключало и половины тѣхъ обычныхъ фразъ вѣрноподданнической преданности, которыми, будто риторическими цвѣтками, испещрялись прежнія письма Мехметъ-Алія, для прикрытія приличіями восточнаго слога надмѣнныхъ его притязаній.

Если успѣхи оружія союзниковъ принудили Египетскаго вассала къ покорности, за то съ другой стороны были нужны всѣ ихъ дипломатическія усилія, чтобы склонить Порту къ принятію его покорности, въ смыслѣ Лондонскаго трактата. Принужденная отказаться отъ любимой своей мечты о совершенномъ уничтоженіи Египетскаго вассала, она еще нѣсколько мѣсяцевъ сряду ухищрялась, чтобы ограничить невольныя свои уступки условіями самыми строгими, и заготовить себѣ въ будущемъ благовидные предлоги къ достиженію своей цѣли. Когда Англійскій капитанъ Фаншафъ представилъ въ Порту вышепомянутое письмо Мехметъ-Алія,

Верховный визирь Реуфъ-паша отвѣчалъ ему обычнымъ, хладнокровнымъ *бакалумъ*, этимъ великимъ рычагомъ дипломатическихъ маневровъ Стамбула, и замѣтилъ, что принятіе письма изъ рукъ капитана еще не значило, чтобы Порта принимала просьбу Мехметъ-Алія. Капитанъ объявилъ затѣмъ, что паша обязывался честнымъ словомъ сдать флотъ кому прикажетъ Порта для отведенія въ столицу. Визирь отвѣчалъ ему: «флотъ нашъ, Александрія наша сторона; флотъ воротится сюда когда мы захочемъ; объ этомъ не стоитъ говорить». Капитанъ, который хорошо зналъ, что въ Сиріи война еще продолжалась, замѣтилъ наконецъ, что не худо ускорить заключеніе мира. — Визирь обидѣлся этимъ выраженіемъ, и догматически присовокупилъ, что «миръ заключается между двумя правительствами, а не между Государемъ и возмутившимся подданнымъ».

Таковы Турки; можетъ быть справедливѣе сказать, таковъ человѣкъ. Давно-ли Европейскіе Кабинеты силились ободрять правительство трепетавшее при всякомъ ложномъ слухѣ о движеніяхъ Ибрагимовой арміи, готовое пресмыкаться въ прахѣ предъ торжествовавшимъ вассаломъ?.... Едва улыбнулась ему судьба по мановенію Великихъ Державъ, едва берегъ Сиріи былъ освобожденъ, и хотя вся внутренняя сторона была еще во власти Ибрагима, хотя шестидесяти-тысячная армія занимала еще Дамаскъ (это было въ первыхъ числахъ Декабря) и легко могла опрокинуть, среди случайностей войны, двадцати-тысячную армію Султана, — а уже Турецкое правительство замечталось, будто во времена своего всемогущества, и слышать не хотѣло о мирѣ.

По настоянію представителей Великихъ Державъ Порта согласилась принять покорность Мехметъ-Алія, и отправила въ Египетъ Мазлумъ-бея съ милостивымъ фирманомъ, а Яверъ-пашу (капитана Вокера) для при-

нятія флота. Впрочемъ, упорствуя въ своей системѣ, Порта пыталась еще продлить споръ и умалчивала право потомственнаго обладанія. Когда впослѣдствіи строгое слово Великихъ Державъ заставило ее выразиться, она долго еще торговалась объ ограниченіи дарованныхъ правъ. Уже флотъ былъ отведенъ въ Константинополь *), Кандія сдана, Сирія и Аравійскій полуостровъ очищены отъ войскъ Египетскихъ и поступили подъ Султанскую власть, а переговорамъ конца не было. Порта упуская изъ виду, что самыя существенныя государственныя пользы предписывали ей окончить этотъ домашній споръ Мусульманъ, и тѣмъ хоть отчасти отстранить неудобства вмѣшательства Европейскихъ Державъ въ ея внутренніе политическіе вопросы, продлила надъ собою своими неправильными притязаніями судъ Европейскихъ Державъ, и возбудила правосудныя ихъ сочувствія въ пользу Мехметъ-Алія. И въ самомъ дѣлѣ могъ-ли онъ согласиться на требованія Порты, чтобы каждый разъ по ея усмотрѣнію и выбору былъ назначаемъ Египетскій преемникъ между членами его семейства, и чтобы въ Султанскую казну поступала не опредѣленная подать, но четвертая часть со всѣхъ доходовъ Египта, которыхъ сборъ и итоги Порта хотѣла провѣрять на мѣстѣ своими чиновниками? Мехметъ-Али рѣшительно отказывался отъ принятія условій, подъ вліяніемъ которыхъ Египетъ становился театромъ грядущихъ интригъ Дивана, а

*) Измѣнникъ Февзи-паша оставленъ по повелѣнію Порты въ Египтѣ. Чрезъ три года онъ былъ отравленъ ядомъ въ противность клятвенныхъ обѣщаній Гюль-Ханея объ уничтоженіи секретныхъ казней. Измѣнникъ давно уже по суровому обращенію съ нимъ Мехметъ-Алія, искренно примиреннаго съ Портою, понялъ, что судьба его была рѣшена, и увѣряютъ, что когда слуга подалъ ему ядъ въ шербетѣ, онъ отвѣдалъ, узналъ по вкусу и спросилъ, доволенъ-ли пріемъ, чтобы не долго мучиться?

его семейство ихъ жертвою. Онъ сталъ вновь формировать свою армію и укрѣпляться въ Александріи, готовясь на сей разъ къ отчаянной оборонѣ.

Подробности переговоровъ въ которыхъ важную роль играли личныя страсти иныхъ Оттоманскихъ министровъ и Европейскихъ дипломатовъ, чужды предмета нашего. Упомянемъ вкратцѣ окончательныя рѣшенія Порты, одобренныя въ Маѣ 1841 года представителями Великихъ Державъ.

Мехметъ - Алію уступалось право потомственнаго управленія Египтомъ, Нубіею, Дарфуромъ, Кордофаномъ и Сеннааромъ, въ качествѣ полномочнаго Намѣстника Султана, съ воспрещеніемъ продолжать наѣзды въ эти послѣднія области для вывоза невольниковъ, и съ воспрещеніемъ обращать этихъ невольниковъ въ евнуховъ.

Право наслѣдованія опредѣлялось по первородству въ прямой мужской линіи, старшему въ родѣ, съ совершеннымъ отстраненіемъ женской линіи, въ случаѣ прекращенія первой.

Паша Египетскій уравнивался по іерархіи съ другими визирами имперіи, и ему присвоивались тѣ-же почетные титлы и тотъ-же Нишанъ (алмазный знакъ).

Правила Гюльханейскаго Хати-шерифа распространялись на Египетъ; что же касается до другихъ узаконеній, то предостявлялось пашѣ, принаровить ихъ къ своимъ областямъ по мѣрѣ возможности.

Всѣ трактаты Оттоманской имперіи съ другими государствами имѣли обязательную силу въ Египтѣ. Замѣтимъ здѣсь, что условіе это относилось преимущественно къ новой торговой конвенціи, которою уничтожались по всей имперіи монополіи и откупы. Конвенція эта, внушенная Англіею въ 1838 году, была преимущественно направлена противъ Еги-

петскаго паши, по тому обстоятельству, что его доходы основывались на системѣ безчисленныхъ монополій.

Подать въ казну Султанскую опредѣлялась въ 80,000 мѣшковъ (около 2,150,000 рубл. сер.) Пашѣ предоставлялось право чеканить монету на имя Султана.

18,000 регулярнаго войска составляли въ мирное время сухопутную силу Египта, а при постройкѣ военныхъ судовъ надлежало испрашивать позволенія у Султана. Силы эти почитались въ службѣ Султана, и не позволялось никакого различія во флагахъ и въ отличительныхъ знакахъ чиновъ. Производство до чина полковника предоставлялось пашѣ.

Такъ заключился на Востокѣ между Султаномъ и его вассаломъ, подъ вліяніемъ союзныхъ Державъ, долгій споръ, взволновавшій всѣ умы въ 1840 году. Попытки посредничества Франціи были устранены союзными Державами, и постановленія трактата 3/15 Іюля 1840 года исполнены. Франція принужденная утишать свои возгласы, по мѣрѣ успѣха Сирійской экспедиціи и успѣха переговоровъ между Султаномъ и пашею, благоразумно признала Восточные факты, совершенные безъ ея участія , и впервые приняла великій политическій урокъ за переворотомъ 1830 года. Вслѣдствіе дипломатическихъ своихъ прегрѣшеній и суетливаго краснорѣчія говоруновъ въ палатахъ и въ журналахъ, увидѣвши себя безъ союзниковъ, безъ народныхъ сочувствій на всемъ политическомъ горизонтѣ, оскорбивши самую Испанію объявленіемъ павшаго министерства о намѣреніи его занять Балеарскіе острова , осужденная при первомъ открытіи войны лишиться Африканскихъ своихъ владѣній, не довѣряя сама себѣ при разорительномъ упадкѣ государственнаго кредита — Франція искала благовиднаго предлога , чтобы прекратить безполезный споръ по дѣлу Мехметъ-Алія, уже покорившагося своей

судьбѣ *). По предложенію Россійскаго Кабинета, союзныя Державы пригласили Францію принять участіе въ заключеніи конвенціи о закрытіи обоихъ проливовъ Мраморнаго моря. Актъ этотъ былъ подписанъ въ Лондонѣ $\frac{\text{28-го Іюня}}{\text{10-го Іюля}}$ 1841 года между Россіею, Австріею, Англіею, Пруссіею, Франціею и Оттоманскою Портою. Онъ составляетъ самый положительный результатъ всѣхъ политическихъ событій Востока и послѣдовавшихъ по ихъ поводу переговоровъ между Европейскими Державами. — Самыя выраженія трактата служили къ успокоенію умовъ послѣ угрозъ 1840 года. Въ немъ сказано: Великія Державы, *убѣжденныя, что ихъ согласіе служитъ Европѣ вѣрнѣйшимъ залогомъ мира — сей вожделѣнной цѣли ихъ постоянныхъ усилій, и во знаменіе взаимнаго согласія,* признавали старинное право Оттоманской имперіи о томъ, что Дарданеллы съ одной стороны и Босфоръ съ другой недоступны военнымъ флотамъ; онѣ обязывались сообразоваться съ симъ правиломъ, вошедшимъ въ народное Европейское право.

Конвенціею 1841 года вся Европа признала Черное Море моремъ внутреннимъ между Россіею и Турціею. По поводу первой Сирійской войны Россія въ 1833 году положила въ Хункьяръ-Скелесійскомъ договорѣ благое основаніе сего права, обязавши Турцію закрыть Дарданеллы военнымъ флотамъ всѣхъ націй**). —

---

*) При опасеніяхъ войны пятипроцентныя государственныя облигаціи, коихъ курсъ достигалъ 120 и 121, въ нѣсколько дней упали на 100, точно какъ въ эпоху великихъ народныхъ бѣдствій. Проектъ занять Балеарскія острова, на которыхъ Испанія позволила Французамъ основать военный госпиталь для Африканской арміи, никогда не состоялся. Увѣряютъ, что одинъ изъ министровъ товарищей Тьера придумалъ предлогъ этотъ въ своей импровизаціи въ палатѣ депутатовъ 1841 г., чтобы оправдать обратный вызовъ флота изъ Леванта.

**) Замѣтимъ, что Англичане, послѣ неудачной попытки адмирала Дукворта (1808 г.) были принуждены Турками признать проливы закрытыми для военныхъ судовъ, и подписали въ этомъ смыслѣ трактатъ Константинопольскій 5 Января 1809 года.

Срокъ этого трактата былъ назначенъ восьмилѣтній; едва исходилъ онъ, вторая Сирійская война и политическія обстоятельства Востока и Европы повлекли сами собою другія Великія Державы къ признанію и введенію въ народное право Европы положеннаго Россіею начала, равно согласнаго и съ здравою политикою и съ вѣчными законами природы. — Сама природа указываетъ каждому государству, каждому народу границы и пути его дѣятельности, то теченіемъ рѣкъ, то хребтами горъ, то расположеніемъ береговъ и морей. Завистливые вопли Запада противъ Хункьяръ-Скелесійскаго акта еще не умолкли, а стяжаніе Россіи, мирное и безкорыстное, послужило равномѣрно къ тому, чтобы положить конецъ тревогамъ объявшимъ Западъ, и едва не ввергнувшимъ всю Европу въ пропасть неизмѣримыхъ бѣдствій.

Замѣтимъ еще одно обстоятельство, которое весьма основательно можно отнести къ благимъ послѣдствіямъ политическаго кризиса 1840 года, и заключившаго кризисъ этотъ Европейскаго акта. Всѣ помнятъ внутреннее состояніе Франціи съ 1830 по 1840 годъ, ея десятилѣтнее треволненіе, борьбу партій, рядъ заговоровъ, бунтовъ и покушеній на жизнь семидесятилѣтняго Короля, рядъ безсильныхъ министерствъ, смѣнявшихся одно другимъ съ быстротою театральныхъ декорацій, и изнемогавшихъ одно за другимъ въ омутѣ народныхъ страстей. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что еслибы Франція въ этотъ десятилѣтній періодъ не имѣла за собою Африканскихъ полей, для пролитія преизбытка своей воспаленной крови, ни мудрость Короля, ни патріотизмъ просвѣщеннаго и благонамѣреннаго класса не спасли-бы ея отъ походовъ на Рейнъ и въ Италію, и отъ неизбѣжнаго затѣмъ приговора народной Немезиды. Суровыя поученія 1840 года были спасительны не только

для правительства Французскаго но еще болѣе для инстинкта народнаго; они упрочили министерство Гизо и охранительныя его начала, и даровали, послѣ эпохи Наполеона и Бурбоновъ, третій промежутокъ благоденствія и мира поколѣнію осужденному искупать тягчайшими испытаніями періодъ безбожества и ужасовъ, осквернившихъ его колыбель и поприще его отцевъ въ исходѣ прошедшаго столѣтія.

Таковы были непосредственные результаты великой драмы, которая съ 1832 года разыгривалась въ виду внимательной Европы на восточныхъ берегахъ Средиземнаго Моря. Первый ея актъ заключился Хункьяръ-Скелесійскимъ трактатомъ; второй — взаимными обязательствами Европейскихъ Державъ, выраженными нотою 15/27 Іюля, а третій — исполненіемъ трактата о Сиріи. Эпилогомъ этой политической драмы можно назвать трактатъ о проливахъ. Если въ иныхъ ея явленіяхъ мы видѣли на первомъ планѣ нашей сцены Англійскій и Австрійскій флоты, за то не укроется отъ взоровъ всякаго внимательнаго наблюдателя великая мысль оцѣпившая этотъ рядъ событій отъ завязки до развязки, мысль выразившаяся въ эпилогѣ.

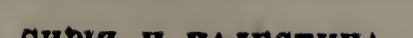
Россія ограничила матеріальное свое дѣйствіе однимъ появленіемъ своего Черноморскаго флота и дессантной дивизіи на Босфорѣ въ 1833 году. Но за тѣмъ, по необходимости, всѣ Восточныя событія подчинились трактату Хункьяръ-Скелесійскому; военныя дѣйствія 1839 и 1840 годовъ, подъ угрозою того трактата, ограничились горизонтомъ Сиріи; не пролито ни одной капли Русской крови; не сдѣлано никакихъ расходовъ; и когда въ 1840 году весь Западъ кипѣлъ военными приготовленіями, тратились не милліоны но билліоны, заключались займы и вездѣ упадалъ государственный кредитъ, Россія съ своихъ безмятежныхъ высотъ на-

блюдала за ходомъ событій, за неподвижностію вѣсовъ, на которыхъ лежалъ тяжелый ея мечь, а въ урочный часъ укрѣпила Европейскимъ актомъ свои законныя права на Черное Море. Стяжаніе это будетъ вполнѣ оцѣнено тогда, когда усмиреніе Кавказа и развитіе гражданственности въ областяхъ Закавказскихъ обратять тѣ благословенные берега въ сходный рынокъ Европейской и Азіятской торговли, которая по неизмѣннымъ законамъ своего періодическаго движенія вновь изберетъ свой древній путь чрезъ Черное и Каспійское моря для сообщеній Сѣвера и Запада съ внутреннею Азіею.

Заключимъ наблюденія наши любопытнымъ эпизодомъ о дипломатическомъ промахѣ Оттоманскаго министерства, въ добавокъ ко всѣмъ тѣмъ погрѣшностямъ, которыми ознаменованъ этотъ періодъ вступленія Турціи въ сферу Европейской политической системы. Въ жару нотъ, протоколовъ и конвенцій, которыми министры восемьнадцатилѣтняго Султана обмѣнивались тогда съ Европою, была ими сдѣлана попытка предложенія, чтобы Оттоманская имперія была обезпечена взаимнымъ поручительствомъ Великихъ Европейскихъ Державъ. Вотъ что писалъ имъ въ отвѣтъ князь Меттернихъ 20 Апрѣля 1841 г.

«Мысль Дивана, основанная на ложномъ началѣ, «равно несбыточна и въ моральномъ и въ матеріаль-«номъ отношеніяхъ. Она ложна, потому что никогда «государство не должно принимать, и тѣмъ менѣе дол-«жно оно требовать отъ другихъ государствъ такой «услуги, которой оно не можетъ въ свою очередь взаимно «имъ оказать. Государство, которое въ противность «этого правила пріиметъ услугу такаго рода, теряетъ «въ существѣ лучшій цвѣтъ своей независимости. Госу-«дарство поставленное подъ поручительствомъ другаго, «подчиняется волѣ того, кто принимаетъ на себя обя-

«занность покровителя. Ибо порука, чтобы быть дѣй-
«ствительною — сопряжена съ правомъ покровительства;
«а если одинъ покровитель тягостенъ, то многіе въ
«совокупности составятъ бремя невыносимое. Есть
«одна только извѣстная форма для достиженія цѣли
«поручительства съ уклоненіемъ его неудобствъ; это
«оборонительный союзъ. Того-ли хочетъ Диванъ? Пусть
«сдѣлаетъ свои предложенія; но врядъ-ли можно
«надѣяться чтобы предложенія такого рода были
«приняты...



ГЛАВА XVII.

ВЫСТУПЛЕНІЕ ЕГИПЕТСКОЙ АРМІИ ИЗЪ СИРІИ, И СТРАННЫЯ ДѢЙСТВІЯ ТУРЕЦКИХЪ ГЕНЕРАЛОВЪ. — УПРЯМСТВО ИБРАГИМА И СТРАШНЫЯ ИСПЫТАНІЯ ЕГО АРМІИ. — ПОКУШЕНІЕ ЕГО НА ІЕРУСАЛИМЪ. — ЕГО ПРЕДСКАЗАНІЯ ТУРКАМЪ. — ЕГО БОЛѢЗНЬ И ПЕРЕПРАВА ВЪ ЕГИПЕТЪ.

Дѣла политическія и послѣдствія Сирійскихъ событій опередили въ нашемъ разсказѣ послѣдній періодъ кампаніи 1840 года и отступленіе Египетской арміи изъ Сиріи. Впрочемъ всѣ стратегическія операціи этого періода, особенно наступательныя дѣйствія Султанскаго войска, блуждаютъ въ такомъ хаосѣ, что едва возможно за ними внимательно слѣдовать. Мы должны сократить этотъ разсказъ, избѣгая всякаго критическаго обзора происшествій. Замѣтимъ только, что при нынѣшнемъ направленіи войны и переговоровъ, всѣ усилія Турецкихъ генераловъ должны были клониться къ тому, чтобы защитить свои прибережныя позиціи отъ сильной арміи, которая, будто разбитая параличемъ, кое-какъ тянулась вдоль пустынной внутренней полосы, отступая изъ Дамаска въ Египетъ. По здравому смыслу и по святымъ законамъ человѣчества, вмѣсто сопротивленія походу Египтянъ, надлежало очищать предъ ними путь, чтобы скорѣе и безъ лишнихъ кровопролитій достигнуть желаемаго мира, и сократить по возможно-

сти волненіе Сирійскихъ племенъ, которыхъ анархическія наклонности такъ буйно проявлялись уже въ Палестинѣ.

Но въ главной квартирѣ отзывались тѣ же страсти и тѣ же надежды какими былъ ослѣпленъ Константинопольскій Диванъ, возмечтавшій въ это время, какъ мы видѣли въ предъидущей главѣ, совершенное уничтоженіе Египетскаго паши. Воля союзныхъ Державъ, подъ знаменемъ которыхъ была предпринята Сирійская кампанія, и ихъ образъ воззрѣнія на взаимныя отношенія Порты и Мехметъ-Алія, были всѣмъ извѣстны; а между тѣмъ наступательныя дѣйствія Турецкой арміи становились дѣятельнѣе и злѣе по мѣрѣ успѣха мирныхъ переговоровъ.

Фирманомъ первыхъ чиселъ Рамазана, (въ концѣ Октября 1840 г.) начальство надъ дѣйствующею арміею ввѣрялось генералу Іохмусу, бывшему дотолѣ начальникомъ Штаба. Удачи Сирійской кампаніи подъ руководствомъ Европейскихъ офицеровъ внушали Портѣ новую бодрость къ борьбѣ съ религіозными предразсудками своего народа и съ самою народностію. Въ первый разъ *побѣдоносныя войска* Ислама, *Мансуріэ*, шли подъ предводительствомъ Христіанина на *священную войну* — ибо подъ знаменами Халифа война всегда почитается священною, служа какъ бы обрядомъ вѣры, на основаніи завѣта воинственнаго законодателя Ислама. Къ большему ужасу старовѣровъ это посягательство противу древнихъ уставовъ духовныхъ и противу народности, совершалось въ святыя ночи Рамазана.... Мы видѣли какимъ образомъ бѣдствія имперіи внушили Султану и вельможамъ рѣшимость запятнать ересью союза съ Христіанами свою борьбу съ правовѣрнымъ пашею, обвиненнымъ въ ереси бунта противу намѣстника пророка. Когда успѣхъ оправдалъ

союзъ этотъ въ глазахъ народа, молодой преемникъ Султана-преобразователя, сталъ смѣлѣе стряхивать тѣ основные предразсудки, которыхъ отецъ его не посмѣлъ коснуться. Съ другой стороны войско, приписывая свои побѣды присутствію Европейскихъ офицеровъ, которые руководили его движеніями, тѣмъ охотнѣе подчинилось нововведенію, что Сирійскій сераскиръ Ахметъ-Зекерія-паша въ стратегіи ничего не смыслилъ.

Генералъ Іохмусъ предъ отступленіемъ Ибрагима изъ Дамаска занялъ въ Декабрѣ съ своимъ штабомъ Хасбею, чтобы съ Антиливанскихъ высотъ наблюдать за движеніями непріятельской арміи. Онъ основывалъ свои планы на томъ предположеніи, что Ибрагимъ-паша продолжалъ занимать Сирію съ цѣлію поддержать притязанія своего отца въ переговорахъ съ Портою, и обезпечить болѣе выгодныя условія относительно Египта. На этомъ предположеніи, которое впрочемъ не оправдывалось никакими фактами, Турецкій генералъ сталъ грозить отсѣченіемъ обратнаго пути Египетской арміи. Легкіе отряды Кюрдовъ и Бедуиновъ поспѣвшихъ охотно подъ знамена Султана, чтобы поживиться Египетскою добычею, сдѣлали наѣздъ на Мезарибъ, гдѣ стояло депо провіанта и фуража Ибрагимовой арміи, ограбили и истребили часть его, пока ихъ разогнала Египетская колонна. Это было за два дня до выступленія Ибрагима изъ Дамаска. — Враждебныя ему Гауранскія племена встрепенулись между тѣмъ, и съ часу на часъ отступленіе становилось труднѣе. Ибрагимъ предложилъ военному совѣту вопросъ: какимъ путемъ предпочитательнѣе отступить, чрезъ Сирію-ли промежъ непріятельскихъ отрядовъ и враждебнаго народонаселенія до Газы, или чрезъ пустыню. Всѣ его офицеры, которымъ были хорошо извѣстны чувства войска, упавшаго духомъ и готоваго

разбѣжаться или передаться Туркамъ при первой встрѣчѣ, совѣтовали предпочесть трудный но болѣе безопасный путь чрезъ пустыню. Ибрагимъ мучимый болѣзнію и досадою, хотѣлъ однакожъ во чтобы-то ни стало встрѣтиться въ полѣ съ Турками. Онъ рѣшился прорваться чрезъ Сирію, укорилъ своихъ офицеровъ въ робости, и погрозилъ отсѣчь голову роптателямъ. Рѣшимость его сильно поколебалась на переходѣ изъ Дамаска въ Мезарибъ. При первомъ движеніи арміи, и несмотря на всю строгость надзора, болѣе двухъ тысячь дезертировъ успѣли покинуть его знамена. Все таки попытался онъ изъ Мезариба своротить на право, чтобы чрезъ Галлилейское поле проникнуть въ прибережную Палестину. Іохмусъ между тѣмъ перешелъ изъ Хазбеи чрезъ верховья Іордана на высоты Сафетскія, а Турецкая армія, оставивши достаточный гарнизонъ въ Аккѣ, на случай движенія Египетской арміи къ этому пункту, медленно спускалась вдоль Кармила, по паралелли съ непріятелемъ, готовая встрѣтить его въ ущельяхъ Дженина, у подошвъ Самарійскихъ горъ, въ случаѣ перехода его чрезъ Іорданъ. Когда авангардъ Ибрагима достигъ береговъ Іордана, мостъ *Меджаанъ*, чрезъ который надлежало переправиться, былъ уже вполовину разрушенъ по распоряженію Турецкаго генерала, а насупротивъ въ долинѣ Эздралонской стояла милиція горцевъ въ числѣ семи тысячь человѣкъ, подъ предводительствомъ Ливанскаго Эмира. — Ибрагимъ перемѣнилъ планъ своего отступленія. Тогда-то вторая колонна, составленная изо всей почти кавалеріи подъ начальствомъ Ахмедъ-Менекли-паши, направилась чрезъ пустыню, съ тѣмъ чтобы обогнуть Мертвое Море и достигнуть Газы. Самъ Ибрагимъ, пождавъ еще нѣсколько дней въ Мезарибѣ

съ своимъ аріергардомъ, послѣдовалъ по тому же направленію медленными переходами.

Между тѣмъ какъ онъ совершалъ этотъ многотрудный походъ, Турецкая армія, въ которой считалось въ этотъ періодъ 15,000 регулярной пѣхоты, три эскадрона кавалеріи, 30 орудій, 7,000 нерегулярной милиціи и 2,000 Сирійскихъ наѣздниковъ, занимала Палестину между Яффою, Газою и Іерусалимомъ, имѣя свою главную квартиру въ Рамлѣ. Открылись переговоры съ Египетскими генералами, которые занимали Газу, и едва не разсѣяли всего Турецкаго войска внезапною кавалерійскою аттакою. Тогда лишь Турки, при поручительствѣ Англійскихъ офицеровъ бывшихъ въ лагерѣ, обязались прекратить непріятельскія дѣйствія. Газа была назначена Мехметъ-Аліемъ, по согласію съ Англійскимъ адмираломъ и съ коммиссарами Порты, сборнымъ мѣстомъ для Египетской арміи, чтобы оттолѣ могла она сухопутно и моремъ перейти въ Египетъ. Изъ Египта былъ даже доставленъ туда провіантъ. Миръ уже былъ заключенъ между Султаномъ и пашею; но Турецкіе генералы въ Сиріи не переставали съ роковымъ ослѣпленіемъ призывать къ оружію народонаселеніе, чтобы утомлять Ибрагима въ обратномъ его походѣ къ Египту. По отступленіи его отъ моста Меджаана, Іохмусъ-паша потерявши его слѣды, переходилъ изъ Дженина въ Іерусалимъ, и наряжалъ племена Іудейскихъ горъ, по юго-западной сторонѣ Мертваго Моря, и кочевья Бедуиновъ, для истребленія запасовъ провіанта заготовленныхъ въ Маанѣ среди пустыни.

Прошло недѣли двѣ, а никакого слуха не было объ Ибрагимѣ. Вдругъ тревога распространилась въ союзномъ лагерѣ неожиданнымъ извѣстіемъ о переходѣ Ибрагима, 4-го Января, чрезъ Іорданъ въ бродъ на супротивъ Іерихона, и о движеніи его къ Іерусалиму.

Одинъ только баталіонъ занималъ этотъ городъ, который неминуемо былъ бы взятъ Египтянами, прежде чѣмъ могли поспѣть Турецкія войска на усиленіе гарнизона. Но Ибрагимъ былъ напуганъ обнаруженнымъ повсюду враждебнымъ чувствомъ народонаселеній. Даже бѣдная деревушка *Рихха*, древній Іерихонъ, встрѣтила его какъ врага; а хитрые поселяне Іудейскихъ горъ, когда попадались въ руки Египетскихъ отрядовъ, искавшихъ языка, утверждали, будто условившись предварительно между собою, что въ Іерусалимѣ 15,000 регулярнаго войска, а кругомъ несмѣтное число вооруженнаго народа. Столь неблагопріятные признаки заставили Ибрагима отказаться вторично отъ попытки прорваться въ Рамлу и въ Газу сквозь Турецкую армію. Онъ сжегъ Рихху и переправился обратно чрезъ Іорданъ. Отъ проливныхъ дождей переправа сдѣлалась трудною; около 500 человѣкъ, нѣсколько орудій, часть багажа и казны погибли въ рѣкѣ. Углубляясь въ пустыню, онъ наказалъ еще жителей Керака, отказавшихъ ему въ провіантѣ.

Уже вторая колонна подъ предводительствомъ Ахметъ-Менекли-паши успѣла обогнуть южную оконечность Мертваго Моря; не нашедши запасовъ въ Маанѣ, она была среди пустыни въ самомъ критическомъ положеніи, когда со всѣхъ сторонъ ее обступили ватаги вооруженныхъ поселянъ. Съ трудомъ очищала она себѣ дорогу впередъ, и питалась лошадиннымъ и верблюжьимъ мясомъ. Но въ эту пору поспѣли въ Турецкій лагерь, по настоятельному требованію представителей союзныхъ Державъ, строгія предписанія о прекращеніи всякаго военнаго дѣйствія. Турецкій офицеръ съ бѣлымъ платкомъ въ рукахъ, въ знакъ мира, былъ посланъ на встрѣчу къ Египетскому генералу, и съ трудомъ довелъ его въ Газу среди безчинствовавшихъ по-

селянъ. Были равномѣрно посланы по разнымъ направленіямъ Турецкіе и Англійскіе офицеры отыскивать Ибрагима, который еще блуждалъ въ пустынѣ: проводниками служили ему насильственно Бедуины; многіе изъ нихъ были послѣдовательно казнены за измѣну или за незнаніе дорогъ, въ страхъ другимъ заступавшимъ ихъ мѣсто. Большую часть своей артиллеріи, за падежемъ вьючнаго скота, онъ былъ принужденъ бросить. — Путь былъ усѣянъ трупами солдатъ умиравшихъ отъ изнуренія, или изрубленныхъ при попыткѣ къ побѣгу. — Египетскіе Бедуины племени *Ханеди*, по враждѣ къ Сирійскимъ Бедуинамъ *Аннези*, были вѣрными Ибрагиму, и оцѣпляли кордономъ его армію на переходахъ и на ночлегахъ. Биваки часто представляли видъ поля сраженія, подъ трупами людей, лошадей и верблюдовъ. Бѣдствія претерпѣнныя этою арміею на пути чрезъ пустыню превосходятъ всякое описаніе. Строгость военной дисциплины, доведенной Ибрагимомъ до крайнихъ ея предѣловъ, и терпѣливый нравъ Египетскаго солдата, спасли ее отъ совершенной погибели. Самъ Ибрагимъ страдалъ тяжкимъ недугомъ, и едва при помощи своихъ слугъ могъ держаться на сѣдлѣ. При всемъ томъ онъ не унывалъ, и лично всѣмъ распоряжался, продолжая искать въ винѣ поддѣльныхъ силъ къ перенесенію неслыханныхъ трудовъ и страданій, какими отплачивалъ онъ и вся его армія безумное упорство стараго Мехметъ-Алія предъ волею Великихъ Державъ.

Въ такомъ-то состояніи засталъ Ибрагимъ-пашу въ пустынѣ Англійскій полковникъ Розе, посланный съ предложеніемъ провести его въ Газу. — Послѣ 34-хъ дневнаго пути вступилъ онъ въ Газу, и слегъ въ постель. Когда къ нему представился Омаръ-паша, въ качествѣ коммиссара отъ Турецкаго правительства,

чтобы присутствовать при отправленіи въ Египетъ многоиспытаннаго войска, Ибрагимъ флегматически его поздравилъ съ завоеваніемъ Сиріи и пророчески присовокупилъ: увидимъ теперь какъ Вы управитесь краемъ послѣ такой суматохи? Затѣмъ онъ сталъ шутя разсказывать сколько труда ему стоило унять буйство Сирійскихъ племенъ, и ввести то внутреннее устройство, которое поспѣшили теперь разрушить до основанія представители Порты.

Армія Египетская, уменьшенная вполовину отъ бѣгства всѣхъ Сирійскихъ рекрутовъ и отъ своихъ страданій въ пустынѣ, вступила въ Египетъ въ числѣ 36,000 человѣкъ. Замѣтимъ, что во всю кампанію и при потерѣ Акки и другихъ поморскихъ городовъ, число убитыхъ едва-ли простиралось до 3,500 человѣкъ. Что-же касается до страннаго явленія семидесятипяти-тысячной арміи, отлично устроенной, подъ предводительствомъ даровитыхъ и храбрыхъ генераловъ, которая въ четыре-мѣсячную кампанію рушится, будто подъ вліяніемъ чаръ, и осуждена обозначить своими костями путь свой чрезъ пустыню, чтобы бѣгствомъ спасаться изъ Сиріи предъ горстію непріятеля — то разрѣшенія этой задачи мы должны искать не въ стратегическомъ искуствѣ и не въ военныхъ подвигахъ союзной арміи, но единственно во враждѣ народной.

Уже въ Мартѣ 1841 года Ибрагимъ, едва оправившись отъ своего недуга при пособіи Англійскихъ медиковъ, отплылъ самъ на пароходѣ въ Египетъ, и какъ командиръ разбитаго корабля, послѣдній покинулъ свою роковую добычу — Сирію, столь безполезно упитанную Египетскою кровію.

ГЛАВА XVIII.

ВЗГЛЯДЪ НА ТУРЕЦКІЯ ЗАВОЕВАНІЯ. — ИХЪ ПРОЧНОСТЬ СОРАЗМѢРНА ИХЪ ТРУДУ. — ИСТОРИЧЕСКАЯ ЗАДАЧА О СИРІИ. — ДРЕВНІЯ ЕЯ СУДЬБЫ ПОЛИТИЧЕСКІЯ И ДУХОВНЫЯ. — ІУДЕЙСТВО, ХРИСТІАНСТВО И МАГОМЕТАНСТВО. — УПАДОКЪ СИРІИ. — ПОПЫТКА АНГЛИЧАНИНА ЧЕСНЕЯ КЪ ВОЗСТАНОВЛЕНІЮ ДРЕВНИХЪ ТОРГОВЫХЪ ПУТЕЙ.

Рѣшенія Великихъ Державъ исполнились; тревога объявшая Востокъ и Европу при трехъ послѣдовательныхъ бѣдствіяхъ настигшихъ Оттоманскую имперію въ промежутокъ двухъ недѣль, въ Іюнѣ 1839 года — смерти Султана, потерѣ войска, измѣнѣ флота — тревога эта благополучно миновалась, и потомокъ Селима Грознаго (Яузъ-Султанъ-Селимъ) вступилъ въ законныя свои права.

Внутренніе элементы края, тщательному изслѣдованію которыхъ мы преимущественно посвятили этотъ историческій трудъ, достаточно поясняютъ быстрый и легкій успѣхъ всякаго завоеванія въ Сиріи. Таковъ искони политическій характеръ этаго края. Упорная борьба Тиро-Сидонянъ противъ Александра, и борьба Евреевъ противу Рима — это частные эпизоды, равно какъ и борьба гостей Сельджуковъ противу Крестоносцевъ. Но нѣтъ въ исторіи примѣра чтобы Сирія помыслила о своей независимости, даже въ эпоху своего могущества, когда ея народонаселеніе было вдесятеро многочисленнѣе ны-

нѣшняго, когда гражданственность въ ней процвѣтала. Послѣ побѣды одержанной Птоломеемъ надъ Антіохомъ у южныхъ предѣловъ Сиріи предъ городомъ Рафіею, племена Сирійскія одно за другимъ спѣшили покориться Египетскому царю. «Таковъ людской обычай, говоритъ «Полибій; но ни одна страна по природнымъ своимъ «наклонностямъ и по быстротѣ своихъ впечатлѣній, не «отдается побѣдителю съ такою охотою какъ Сирія» *).

Тоже явленіе повторилось при нашествіи Оттоманъ въ 1518 году, при нашествіи Египтянъ въ 1832 году и въ описываемую нами эпоху. Обвинить-ли въ томъ племена Сирійскія или правительства, которымъ послѣдовательно обречены племена эти? Два коренныя элемента — анархическій навыкъ и феодальное раздробленіе, подъ безнравственнымъ трехвѣковымъ владычествомъ Султановъ, безъ сомнѣнія упрочились; но они проявляются съ первыхъ годовъ завоеванія Турецкаго. Еще при Селимѣ I могли бунтоваться назначенные имъ въ Сирію паши; и съ той поры уже Сирія служила постояннымъ бременемъ для Оттоманской имперіи.

Подобно всѣмъ своимъ предшественникамъ и послѣдователямъ въ великомъ подвигѣ основанія имперіи, объемлющей лучшую часть всемірнаго наслѣдія Римлянъ, Селимъ заботился лишь о матеріальномъ блескѣ завоеваній, о непомѣрномъ размахѣ Османовой сабли, и мало помышлялъ о гражданскомъ подвигѣ, которымъ должно упрочиться дѣло сабли.

Если станемъ внимательно слѣдить всѣ эти кровію и огнемъ исписанныя скрижали Оттоманскія отъ родоначальника Османа до Абдулъ-Меджида, то убѣдимся въ томъ, что всякое изъ завоеваній, которыми ознаменованы блистательные дни Оттоманской исторіи, упрочи-

---

*) Книга V § 86.

лось впослѣдствіи соразмѣрно съ трудомъ первоначальнаго пріобрѣтенія. Внутреннія Малоазійскія области и Румелія, гдѣ каждый шагъ былъ купленъ побѣдою, служатъ и понынѣ горниломъ Оттоманскихъ силъ. Если въ два первые года Греческой войны горсть Эллиновъ изгнала Оттоманъ изъ Пелепонеса и сѣверной Греціи, и овладѣла неприступными твердынями этаго края, вспомнимъ, что Турки также въ свою очередь, за вѣкъ слишкомъ предъ тѣмъ, въ двѣ кампаніи сметали оттуда Венеціанъ. Между тѣмъ какъ острова Архипелага, эти цвѣты собранные нѣкогда Оттоманскимъ флотомъ въ его прогулкахъ по морю, безспорно отпадали одинъ за другимъ отъ Махмудова вѣнца, Кандія, упитанная Янычарскою кровію, устояла противу геройскихъ усилій Христіанскаго ея народонаселенія и упорныхъ экспедицій Эллиновъ. Замѣчаніе наше еще болѣе подтвердится, если вникнемъ въ степень вліянія Султанской власти въ каждой изъ областей, отъ Аравіи и Бахрейна до Дунайскихъ Княжествъ. Не жребій войны, не случайности правительственныхъ попытокъ рѣшаютъ судьбы народовъ и царствъ, но политическіе законы, дѣйствующіе на міръ съ неизмѣннымъ, непреоборимымъ вліяніемъ законовъ физическихъ. Если Турція еще въ XVI вѣкѣ, въ блистательный періодъ своего могущества и гражданственности, когда племя Османа порождало рядъ геніальныхъ султановъ и государственныхъ людей, не успѣла упрочить за собою Сирію и извлечь изъ нея какую либо пользу, ужели съумѣетъ она теперь искупить гражданскимъ трудомъ трехвѣковую неурядицу своего Сирійскаго управленія, когда и Турція одряхлѣла, и область присужденная ей волею Великихъ Державъ, одичала и обѣднѣла?

Предъ судомъ исторіи не станемъ слагать на Турокъ всю отвѣтственность постояннаго обѣднѣнія края,

упадка его торговли и промышленности въ теченіе трехъ послѣднихъ вѣковъ. Но нѣтъ сомнѣнія что Турецкая правительственная система всего болѣе содѣйствовала къ политическому развращенію края, пріучила Сирію къ постояннымъ внутреннимъ обуреваніямъ, и разрушила тѣ элементы, которые таились въ ней два тысячилѣтія, отъ Финикіянъ до Турокъ, и каждый разъ послѣ тягчайшихъ испытаній проявлялись быстрымъ возстановленіемъ внутренняго ея благоденствія въ промежутки покоя и мира.

При Селевкидахъ достигла Сирія высочайшей степени своего развитія. Она едва ли не самый блистательный изъ обломковъ эфемерной имперіи Александра. Боренія съ сосѣднимъ Египтомъ и съ сѣверными племенами Армянами и Пареами, не переставали тревожить царство потрясаемое въ то же время внутренними враждами потомства Селевка Никатора. Затѣмъ едва отдохнула она подъ римскими орлами, не прошло и полувѣка, Сирія является лучшею, богатѣйшею, роскошнѣйшею провинціею Римской имперіи, и оспариваетъ у самой Греціи пальму элленическаго образованія, такъ счастливо привитаго въ ея почву сподвижниками Александра. При преемникахъ Константина Антіохія дѣлается второю столицею Востока и школою христіанской философіи. Новыя бѣдствія настигаютъ ее при нашествіяхъ Персовъ, и вскорѣ затѣмъ дѣлается она добычею полудикихъ Арабовъ. Покрытая пепломъ своихъ городовъ, въ полвѣка оправляется она, надѣляетъ Арабовъ сокровищами Греческаго образованія, и удивляетъ міръ преизбыткомъ своего благосостоянія, блескомъ Халифата и возрожденною наукою. Даже въ эпоху Крестоносцевъ, послѣ внутреннихъ бореній раздвоеннаго духовнаго и гражданскаго наслѣдія Гаруна-Эль-Рашида, и послѣ на-

шествій дикихъ Сельджуковъ, Сирія уже лишенная свѣтильника науки, столько разъ въ ней просіявшаго отъ вѣковъ незапамятныхъ, еще цвѣтетъ торговлею и пышною своею промышленностію въ краткіе промежутки мира. — При всѣхъ обуреваніяхъ послѣдовавшаго затѣмъ мрачнаго трехвѣковаго періода, торговля и промышленность не перестали процвѣтать въ семъ краю, такъ щедро одаренномъ природою; доказательствомъ тому служатъ богатства почерпнутыя въ немъ мореходными республиками Италіи. Затѣмъ Оттоманское завоеваніе включаетъ Сирію въ составъ имперіи, подъ эгидою которой эта страдальческая страна освобождалась отъ внѣшнихъ напастей и внутреннихъ бореній. Оттоманское завоеваніе подобно Римскому долженствовало даровать Сиріи новую эру благосостоянія и содѣйствовать развитію жизненныхъ ея силъ, при мощномъ правительственномъ деспотизмѣ, способномъ укротить мелочной деспотизмъ Эмировъ и феодальныя ихъ распри. Но съ того времени Сирія болѣе и болѣе увядаетъ и бѣднѣетъ, ея промышленность и торговля приходятъ въ совершенное изнеможеніе, и народонаселеніе постоянно истощается. Какъ ни пагубно Турецкое управленіе и по своимъ началамъ и по своимъ послѣдствіямъ, уже усмотрѣннымъ нами въ политическихъ судьбахъ Сиріи, однако мы должны съ безпристрастіемъ сознаться, что оно предпочтительно всѣмъ тѣмъ правленіямъ, которыя ему здѣсь предшествовали со времени цвѣтущей эпохи Халифата. Вмѣсто обычныхъ нареканій на завоевателей, можетъ быть Сирія обязана имъ признательностію, можетъ быть судьбы ея племенъ были-бы еще плачевнѣе безъ Турокъ. Въ составъ Оттоманской имперіи вступила она именно въ ту самую эпоху, когда геній западныхъ мореходцевъ открывалъ

торговлѣ новые пути, и отнималъ у восточнаго берега Средиземнаго Моря неоцѣненную монополію сношеній между Западомъ и внутренними странами Востока, Индіею и Персіею. Не сабля Селима но компасъ Васко-де-Гамы положилъ конецъ древнему благосостоянію Сиріи. Предоставленная сама себѣ, лишенная тѣхъ богатствъ которыя извнѣ втекали въ ея жилы, она три вѣка чахнетъ и дичаетъ. Въ наши дни, нанесенъ послѣдній ударъ ея промышленности соперничествомъ Запада, вооруженнаго паровыми машинами противу *рукодѣлія* Востока, противу ткачьихъ станковъ, завѣщанныхъ Тиромъ и Сидономъ далекому потомству — простыхъ станковъ классической старины, къ которымъ привязано оно, ибо цѣлыхъ три тысячилѣтія ими сбирало оно дань съ Востока и съ Запада.

Но если промышленность края осуждена скорой смерти, если его богатая почва изсохла подъ дуновеніемъ политическихъ ура, гановъ, которые уже столько вѣковъ сряду сгоняютъ народонаселеніе то въ горы то въ пустыню, всѣ эти бѣдствія могли бы вознаградиться съ избыткомъ преимуществами географическаго положенія Сиріи; лишь-бы торговля и мореплаваніе возвратились вновь къ древнему своему пути, чему и въ наше время были попытки.

Еще въ вѣкъ Соломона и Гомера безземельная республика Тиро-Сидонская дѣлалась центромъ всемірной торговли, покрывала моря своими флотами, насаждала берега Средиземнаго Моря цвѣтущими колоніами, куда изливала она преизбытокъ собственной жизни. Тиръ и Сидонъ превзошли Египетъ дѣятельностію своего генія, и предшествовали Греціи въ успѣхахъ гражданственности. Не другому чему мы должны приписать это замѣчательное явленіе, а географическому положенію Сиріи. Занимая восточный берегъ Средизем-

наго Моря, этой жизненной утробы древняго міра — она была предназначена провидѣніемъ на великій подвигъ моральнаго и матеріальнаго вліянія Востока, сего первенца человѣческаго рода, надъ младшими племенами, заблудившимися въ первобытномъ состояніи на далекій Западъ, и предопредѣленными къ наслѣдію тройнаго луча религіи, науки и гражданственности, взлелѣянныхъ первоначально Востокомъ. Между тѣмъ какъ центральная Азія чрезъ Кавказъ и сѣверныя степи выбрасывала въ Европу дикія колоніи Пелазговъ, Этрусковъ и Скиѳовъ, гражданственность и религія проникали въ нее южнымъ путемъ чрезъ Сирію и Египетъ. Египетъ заблаговременно достигалъ развитія самобытнаго при религіозномъ и политическомъ единствѣ. Долина Нильская дѣлалась ложемъ уединеннаго, таинственнаго развитія племенъ земледѣльческихъ; всѣ жизненныя силы этихъ племенъ цѣлыя тысячилѣтія расточались на внутреннее ихъ бытіе; ихъ эмблемы изрыты въ Карнакѣ и въ Эмбсамбулѣ, внутри земной утробы. Сирія напротивъ того по самому образованію своей почвы, своевольно прорѣзанной горами, и обтянутой съ трехъ сторонъ моремъ и пустынею, была кажется предоставлена всегдашнему движенію племенъ, вольной ихъ жизни, постоянному раздробленію ихъ, а не слитію ни въ гражданское ни въ религіозное единство. Здѣсь было искони какъ бы перепутье всѣхъ религій. Индійская ѳеогонія разоблачалась въ Сиріи своего мистическаго покрывала; символы Востока, ученіе Халдеевъ и Маговъ и темныя преданія перваго возраста человѣческаго оживлялись дуновеніемъ западныхъ Зефировъ, переплывали въ Грецію, увлекаясь геніемъ сей страны, и проявлялись въ новой ихъ родинѣ то веселыми миѳами, то поэтическими аллегоріями, будто самородныя творенія племенъ эллиническихъ.

Между тѣмъ какъ восточные миѳы Вакха Индійскаго, Геркулеса Финикійскаго, Аполлона Халдейскаго и Венеры Ливанской сроднялись на Греческомъ Олимпѣ съ Греко-Египетскими миѳами, племя Израиля, сохранившее въ своемъ кочеваніи отъ верховій Евфрата до береговъ Нильскихъ преданія о единомъ истинномъ Богѣ, спѣшило сбросить иго Фараоновъ, и вырваться отъ осѣдлой жизни Египта. Подъ своимъ боговдохновеннымъ вождемъ, котораго Греки называли жрецемъ Египетскимъ *), оно возвращалось въ это время къ кочевымъ своимъ нравамъ, скиталось сорокъ лѣтъ въ Аравійской пустынѣ, и новое его поколѣніе, очищенное отъ оскверненій языческаго Египта и внявшее слову древняго откровенія, вступало торжественно съ Скиніею Завѣта въ Сирію, въ свое обѣтованное наслѣдіе. Десять вѣковъ продолжало оно здѣсь упорную религіозную борьбу съ окружавшими его племенами, и рядъ пророковъ предостерегалъ избранное племя Іеговы отъ заразы языческой, среди тройственнаго вліянія ученій Египетскихъ, Индійскихъ и Месопотамійскихъ, которыя обступали Сирію, и преображенныя ею проникали въ Западный міръ съ торговыми ея колоніями. Прозелитизмъ былъ чуждъ преданіямъ Израильскаго народа. Пребывая вѣрнымъ коренному закону соплеменныхъ ему Арабовъ о чистотѣ родословной, онъ чуждался всякаго сообщества съ побѣжденными, и тщательно закрывалъ отъ нихъ врата своего святилища. По этому обстоятельству если съ одной стороны Моисеевъ законъ не распространился въ Сиріи, даже въ эпоху могущества Еврейскаго народа, подобно другимъ религіямъ, за то онъ сохранилъ свою чистоту, оставаясь недоступнымъ всякому внѣшнему вліянію. Но

---

*) Страбонъ кн. XVI § 39.

слово Моисеево было искони заронено въ Египетъ; сквозь туманы Нильскіе проникло оно въ Грецію, озарило школы Пиѳагора и Платона, и вдохнуло новую жизнь въ философію, которую отцы церкви назвали въ послѣдствіи предчувствіемъ Христіанства. Когда же времена преисполнились, и сама Греція стала отражать на Востокъ свои философскія ученія, первоначально зажженныя у таинственныхъ свѣтильниковъ Востока, когда Платоновы теоріи стали отзываться въ самой Синагогѣ, обуреваемой сектами Фарисеевъ и Садукеевъ, и когда наступилъ предсказанный пророчествами часъ, то въ Сиріи среди горъ Іудейскихъ, на скалѣ Голгоѳѣ, свершилось преобразованіе древняго міра.

Въ продолженіе трехъ вѣковъ до самаго воцаренія Христіанства въ новой столицѣ всемірной имперіи, Сирія является духовною столицею обновлявшагося міра, освящается кровію св. мучениковъ и оглашаетъ таинственный Востокъ исполненіемъ Ветхозавѣтныхъ пророчествъ. Она населяетъ святыми пустынниками Египетскую Ѳиваиду, и краснорѣчиво проповѣдуетъ Божественное слово въ Греціи, гдѣ сосредоточивались въ эту эпоху умственныя силы Западнаго и Сѣвернаго міра. Вмѣсто упорной религіозной борьбы Израилева народа противу небольшихъ племенъ Сиріи, весь древній міръ благоговѣйно внемлетъ проповѣди, текущей животворною струею по всѣмъ направленіямъ отъ береговъ Сирійскихъ. Преданія ветхозавѣтныя и безпощадныя казни цѣлыхъ племенъ замѣнены страдальческимъ терпѣніемъ провозвѣстниковъ Новаго завѣта, которые не мечемъ проповѣдывали слово спасенія, но смиренно предавали себя, по примѣру самаго Спасителя, мечу своихъ гонителей.

Западъ и Сѣверъ обливались уже лучами стѣва

Іерусалимскаго, и готовились духовнымъ подвигомъ преобразованія къ своимъ грядущимъ великимъ судьбамъ, а Востокъ обуреваемый мрачнымъ предчувствіемъ духовнаго своего упадка, наводнялъ Сирію послѣднимъ потокомъ язычества. Хозрой похищалъ завѣтный символъ Святыни Іерусалимской, и Сирія дѣлалась театромъ первой *крестовой войны*, и торжествъ царя Ираклія надъ невѣрными. Но уже въ это время на горизонтѣ Сиріи, среди жгучихъ песковъ Аравіи, являлся грозный метеоръ. Ученіе скованное геніальнымъ проповѣдникомъ Мекки изъ противуположныхъ элементовъ древняго завѣта и ученія Зороастрова, морали Евангельской и чувственныхъ наклонностей южнаго человѣка, бурно полилось въ завѣтное перепутіе всѣхъ религій. Оно избрало Сирію поприщемъ первыхъ своихъ подвиговъ, а саблю — символомъ и орудіемъ своей проповѣди, предоставя побѣжденнымъ народамъ неизбѣжный выборъ между обращеніемъ, смертію и рабствомъ политическимъ, въ которомъ жизнь иновѣрца выкупается ежегодною данью. Сирія, далекая область обвѣтшалой имперіи, досталась беззащитною добычею Арабскимъ завоевателямъ, и вскорѣ сдѣлалась горниломъ новой религіозной жизни Востока и лагеремъ фанатическихъ ополченій, которыя потекли отселѣ до Индіи, до центральной Азіи и до Пиринеевъ. Едва утихла въ Сиріи буря седьмаго вѣка, и уже элементы гражданственности, завѣщанныя сей странѣ геніемъ Греціи, стали превозмогать дикіе инстинкты ея завоевателей. Сирія являетъ міру единственное зрѣлище столь быстраго умственнаго развитія. Въ восьмомъ и въ девятомъ вѣкахъ Халифатъ, едва воздвигнутый кочевыми племенами Аравіи, становится центромъ умственнаго труда человѣческаго рода, и великими открытіями въ наукахъ и въ искуствахъ готовитъ элементы

грядущаго воспитанія Запада, испытуемаго въ ту эпоху всѣми недугами политическаго младенчества. Тремя вѣками Сирійскаго Халифата заключается духовный и гражданственный подвигъ Сиріи. Сѣверныя племена Азіи, съ обращеніемъ своимъ въ воинственный законъ магометовъ, обратились въ завоевателей. Сѣверъ Азіи встрепенулся въ IV вѣкѣ эгиры, подобно тому какъ встрепенулся сѣверъ Европы въ IV вѣкѣ воплощенія, и дикія орды Сельджуковъ нахлынули на Сирію. Въ эту эпоху общаго треволненія Европейскіе народы совершали свои крестовые походы, милліонами погибали въ Азіи, напояли поля Сирійскія преизбыткомъ юной своей крови, а внутреннія степи Востока высылали сюда милліоны своихъ Монголовъ. Опустошенная Сирія оставалась затѣмъ жертвою обреченною всѣмъ завоевателямъ до покоренія ея Селимомъ.

Съ того времени Сирія, покрытая древнею своею славою и смертельными ранами, сходитъ съ политическаго поприща, влачитъ страдальческое существованіе, перемеженное кое-гдѣ бурными эпизодами внутренней жизни, —этими политическими недоносками или предчувствіями, каковы Фахръ-Эддинъ и Дагеръ-эль-Омаръ. Въ наше время, подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, становится она театромъ новыхъ состязаній Востока и Запада. Среди блестящихъ утопій порожденныхъ по поводу Сирійскихъ событій, что-же сулитъ этому краю будущее? На пространствѣ, гдѣ нѣкогда тѣснились до пятьнадцати милліоновъ жителей, вяло прозябаетъ одинъ съ половиною милліонъ народа, раздробленнаго преданіями, мѣстностію и религіею на множество мелкихъ племенъ и обществъ, исполненныхъ взаимной ненависти, и всегда готовыхъ служить орудіями взаимнаго угнетенія въ рукахъ намѣстниковъ Порты. Промышленность лѣниво доживаетъ предсмертный свой

періодъ; торговля ограничивается сбытомъ произведеній Европейской промышленности въ замѣнъ немногихъ грубыхъ продуктовъ богатѣйшей въ мірѣ почвы, и дѣдовскаго серебра и золота, нажитаго въ эпоху мануфактурной дѣятельности. Отъ мореплаванія давно отвыкли потомки Тирянъ и Сидонянъ, а внутреннія сообщенія сопряжены съ такою тратою времени и денегъ, съ такими опасностями, что врядъ-ли можетъ Сирія домогаться тѣхъ великихъ преимуществъ, какія вновь сулитъ ей теперь географическое ея положеніе. Въ самомъ дѣлѣ Европейская торговля, утомленная плаваніемъ кругомъ мыса Доброй Надежды, обращается теперь къ своему древнему классическому пути чрезъ восточный берегъ Средиземнаго Моря. Слѣдъ этаго пути пролегаетъ понынѣ чрезъ чудныя развалины Бальбека, Пальмиры, Босры, Джераша и Петры, — нѣкогда цвѣтущихъ и великолѣпныхъ городовъ, которыхъ основаніе приписываютъ Арабы царю Соломону и геніямъ бывшимъ въ его власти. Мы можемъ приписать ихъ основаніе генію торговли, древнему Гермесу, котораго крылатый жезлъ населялъ городами пустыню, будто постоялыми дворами, для каравановъ тянувшихся подъ его знаменіемъ отъ береговъ Средиземнаго Моря до Евфрата и до Персидскаго залива.

Въ двадцатыхъ годахъ нашего вѣка лейтенантъ Англійской службы Чесней приступилъ къ рѣшенію задачи о судоходствѣ Евфрата. Онъ построилъ на этой рѣкѣ въ Бирѣ паромъ, поддерживаемый на водѣ вздутыми козьими мѣхами *); поставилъ по срединѣ палатку а кругомъ тюки товаровъ, и съ небольшимъ экипажемъ изъ наемныхъ Арабовъ пустился внизъ по

*) Этотъ способъ рѣчнаго плаванія, о которомъ упоминаетъ еще Ксенофонтъ, сохраняется и понынѣ на Тигрѣ, и даже у насъ въ границахъ Персіи, на Араксѣ.

теченію до Багдада. Во все это плаваніе ему предстояло бороться съ препятствіями всякаго рода; то садилось на отмели неуклюжее судно, то Бедуины рыскающіе па берегахъ рѣки стрѣляли по немъ. Но Чесней достигъ своей цѣли, и представилъ Англійскому правительству о тѣхъ неоцѣненныхъ выгодахъ, какихъ можно было надѣяться отъ судоходства на Евфратѣ для сообщеній съ Индіею. Въ самомъ дѣлѣ не болѣе 170 верстъ разстоянія по прямой линіи отдѣляютъ рѣку отъ Скадерунскаго залива, сѣвернѣе Алепа, гдѣ мѣстности легко позволяютъ устроить шоссе или даже желѣзную дорогу. За тѣмъ, по мнѣнію Чеснея, плоскодонные пароходы могли свободно плавать до Багдада и до Бассоры, откуда большіе пароходы или парусныя суда доставляли бы товары въ нѣсколько дней въ Бомбай и въ Калькутту. Проектъ этотъ казался предпочтительнѣе сообщенію съ Индіею чрезъ Египетъ, по той причинѣ, что плаваніе въ Чермномъ Морѣ всегда сопряжено съ опасностями, а половину года едва сильнѣйшіе пароходы могутъ бороться въ немъ съ порывами періодическихъ вѣтровъ. Но Чесней, упоенный успѣхомъ смѣлаго своего предпріятія, упустилъ изъ виду важнѣйшія изъ препятствій какія надлежало побѣдить на Евфратѣ. Во первыхъ, фарватеръ рѣки непостояненъ, и ложе ея измѣняется наноснымъ грунтомъ, такъ что въ каждый рейсъ надо идти впередъ ощупью, съ опасностію повсюду садиться на мель. Во вторыхъ — рѣка, даже въ полноводіе, представляетъ весьма часто по фарватеру не болѣе пяти футовъ глубины, что слишкомъ недостаточно для пароходовъ назначенныхъ къ перевозу товаровъ, а въ осенніе мѣсяцы становится вовсе несудоходною. Въ третьихъ — ея протяженіе удваиваится по причинѣ извивистаго ея теченія, а по всему этому пространству оба берега предоставлены кочевымъ племенамъ, и нѣтъ

пристанищъ, гдѣ бы основать складочныя мѣста для угля. Препятствія эти были постигнуты Индійскою компаніею послѣ сдѣланнаго ею въ 1841 году опыта двумя небольшими пароходами (въ 5 или въ 10 силъ), которые поплыли вверхъ по рѣкѣ отъ Бассоры до Бира, помогая другъ другу, ибо имъ предстояло попеременно сниматься съ мелей. Одинъ изъ нихъ даже погибъ на возвратномъ плаваніи. Послѣ этого неудачнаго опыта компанія отказалась отъ торговаго пути въ Индію чрезъ Сирію, и дѣятельно приступила къ устройству правильныхъ сообщеній чрезъ Египетъ. Такимъ образомъ Сирія лишена и послѣдней надежды новой промышленной эры. Можетъ быть даже не физическія препятствія заставили компанію предпочесть Египетъ; можетъ быть политическія бури, всегда висящія надъ горизонтомъ Сиріи, показались опаснѣе для торговли чѣмъ бури Чермнаго Моря. Уже Англичане купили важный пунктъ на Аравійскомъ полуостровѣ — мысъ *Аденъ*, замыкающій Чермное Море насупротивъ Африканскаго материка, и служащій складочнымъ мѣстомъ для угля, и окномъ къ жителямъ полуострова для сбыта мануфактуръ.

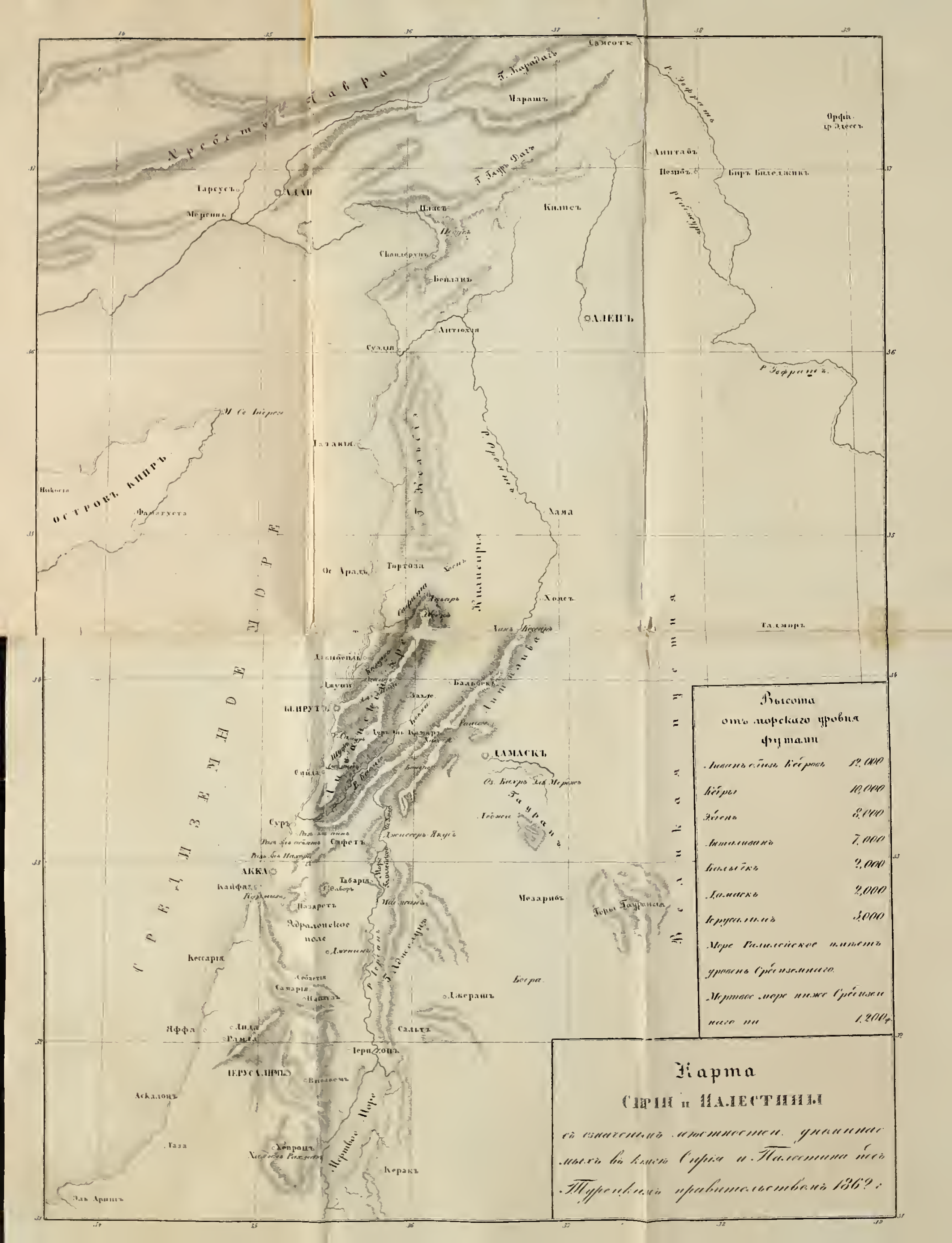
Возникшія въ Сиріи подъ Султанскимъ правительствомъ смятенія лишили этотъ край лучшаго дара Египтянъ — безопасности внутреннихъ сообщеній. Благодаря усиліямъ Ибрагима караваны могли чрезъ пустыню отправляться изъ Багдада въ Дамаскъ съ Индійскими и Персидскими товарами, и возвращаться съ вьюками Англійскихъ мануфактуръ, сбываемыхъ въ Месопотаміи, въ Бахрейнѣ и въ южной Персіи. Въ 1845 году Бедуины напали на огромный караванъ изъ трехъ тысячь верблюдовъ, слѣдовавшій изъ Дамаска въ Багдадъ, награбили товаровъ на нѣсколько милліоновъ, разорили Дамаскую торговлю и заставили куп-

цовъ ограничиться сообщеніями съ Багдадомъ чрезъ Алепъ и Моссулъ, путемъ втрое длиннѣйшимъ, но менѣе опаснымъ чѣмъ прямой путь изъ Дамаска чрезъ пустыню.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

цовъ ограничиться сообщеніями съ Багдадомъ чрезъ Алепъ и Моссулъ, путемъ втрое длиннѣйшимъ, но менѣе опаснымъ чѣмъ прямой путь изъ Дамаска чрезъ пустыню.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



Хребетъ Тавра
Г. Карадагъ
Марашъ
Самсотъ
Р. Эвфратъ
Орфа
Антабъ
Низибъ
Биръ Биледжикъ
Кплисъ
Тарсусъ
Адана
Мерсина
Г. Гяуръ Дагъ
Пласъ
Скандерунъ
Бейланъ
Алепъ
Антіохія
Суэдія
Р. Эвфратъ
Латакія
Островъ Кипръ
Никосія
Фамагуста
Средиземное море
Хама
Тортоза
Ос. Арадъ
Хомсъ
Тадморъ
Баальбекъ
Бейрутъ
Дамаскъ
Сайда
Суръ
Сафетъ
Акка
Кайфа
Табарія
Назаретъ
Ездрелонское поле
Кессарія
Мезарибъ
Горы Гауранскія
Босра
Джерашъ
Яффа
Лидда
Рамла
Іерихонъ
Сальтъ
Іерусалимъ
Виѳлеемъ
Аскалонъ
Газа
Хевронъ
Мертвое море
Керакъ
Эль Аришъ
Высота
отъ морскаго уровня
футами
Ливанъ близъ Кедровъ 12,000
Кедры 10,000
Эденъ 8,000
Антиливанъ 7,000
Баальбекъ 3,000
Дамаскъ 2,000
Іерусалимъ 3,000
Море Галилейское имѣетъ
уровень Средиземнаго.
Мертвое море ниже Средизем
наго на 1,200 ф.
Карта
Сиріи и Палестины
съ означеніемъ мѣстностей упоминае
мыхъ въ книгѣ Сирія и Палестина подъ
Турецкимъ правительствомъ 1862 г.

СИРІЯ и ПАЛЕСТИНА

под

ТУРЕЦКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

въ историческомъ и политическомъ отношеніяхъ.

сочиненіе

К. БАЗИЛИ.

ЧАСТЬ II.

ИЗДАНІЕ ВТОРОЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Типо-Литографія А. Е. Ландау, Демидовъ пер., № 5.

1875

СИРІЯ и ПАЛЕСТИНА

ПОДЪ ТУРЕЦКИМЪ ПРАВИТЕЛЬСТВОМЪ

ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ И ПОЛИТИЧЕСКОМЪ ОТНОШЕНІЯХЪ.

ГЛАВА XIX.

ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ СУЛТАНСКИХЪ ВЛАСТЕЙ ВЪ СИРІИ. — ГОНЕНІЕ НА ХРИСТІАНЪ. — РАЗДѢЛЕНІЕ СИРІИ НА ПАШАЛЫКИ. — ПОСЛѢДОВАТЕЛЬНЫЯ ОШИБКИ ТУРОКЪ. — ДОХОДЫ И РАСХОДЫ. — ВВЕДЕНІЕ ТОРГОВОЙ КОНВЕНЦІИ 1838 ГОДА. — ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ТОРГОВОЙ СИСТЕМЫ ТУРЦІИ, И ПРИЛОЖЕНІЕ ТЕОРІИ О СВОБОДНОЙ ТОРГОВЛѢ. — УНИЧТОЖЕНІЕ МОНОПОЛІЙ. — НОВАЯ СИСТЕМА АДМИНИСТРАЦІИ И ЕЯ НАПРАВЛЕНІЕ. — ВЛІЯНІЕ РЕФОРМЫ И ЗАВОЕВАНІЯ НА МОРАЛЬНОЕ РАЗВИТІЕ СИРІЙСКИХЪ ПЛЕМЕНЪ.

Мы указали на тѣ важныя ошибки, которыми ознаменованы первыя дѣйствія союзниковъ на Сирійскомъ берегу. Вмѣстѣ съ призывомъ къ бунту и съ раздачею оружія народу, турецкіе паши и англійскіе офицеры стали на обумъ сулить Сирійскимъ племенамъ всякія несбыточныя льготы. Такъ-то при самомъ возстановленіи Султанскихъ властей въ Сиріи разыгрались анар-

хическія страсти, которыя въ продолженіе семи лѣтъ Египетскаго правленія съ трудомъ были обузданы.

Всего прежде выразились онѣ преслѣдованіемъ на христіанъ во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ преобладаетъ мусульманская стихія. Мы уже имѣли случай замѣтить, что вѣротерпимость Египтянъ послужила къ раздраженію фанатизма въ массѣ Мусульманскаго народонаселенія. Мы видѣли какія бѣдствія грозили христіанамъ по всей Сиріи въ эпоху Незибскаго сраженія. Даже теперь, по мѣрѣ того какъ появлялись Султанскія знамена, и несмотря на то, что знамена эти укрывались еще подъ тѣнію Христіанскихъ флаговъ, Мусульмане привѣтствовали ихъ гоненіемъ на Христіанъ и на всѣхъ иновѣрцевъ. Была пора сходбища Магометанскихъ поклонниковъ въ Дамаскѣ, для слѣдованія въ Мекку. Дамаская чернь, въ восторгѣ избавленія своего отъ грознаго Ибрагима, до того разъярилась правовѣрною злобою, что даже Персидскіе поклонники, прибывшіе сюда въ числѣ двухъ тысячь, не могли показаться въ національномъ платьѣ, подъ опасеніемъ публичныхъ поруганій и кровавыхъ обидъ за свой магометанскій расколъ. Празднуя возвратъ стариннаго приволья, Сирія выражала свою преданность Султану анаѳемою на Ибрагима, на введенное имъ гражданское устройство и на предписанную имъ вѣротерпимость. Христіане отовсюду прибѣгали къ Консульствамъ, преимущественно къ Русскимъ. Нерадѣніе и неспособность новыхъ правителей, отчасти даже ихъ желаніе привлечь къ себѣ сочувствія своихъ единовѣрцевъ участіемъ въ страстяхъ, которыя волновали народъ, вполнѣ оправдывали вмѣшательство агентовъ союзной Державы въ дѣла по внутреннему управленію, когда предстояла необходимость отвратить грозившія Христіанамъ бѣдствія. Смѣлыя и рѣшительныя мѣры

принятыя во многихъ случаяхъ Консульствами нарушали права законной власти, но вполнѣ оправдывались преступнымъ поведеніемъ представителей этой власти. Въ Январѣ 1841 года, по настоянію Русской Миссіи въ Константинополѣ, были изданы фирманы о защитѣ и покровительствѣ христіанъ Сирійскихъ, съ подтвержденіемъ тѣхъ льготъ, какими пользовалась церковь подъ Египетскимъ управленіемъ, особенно въ Іерусалимѣ. Воспрещалось всякое взысканіе съ монастырей и съ поклонниковъ. Въ краснорѣчивомъ, напыщенномъ, но неясномъ слогѣ фирмановъ паши поняли, что Порта лишь въ угоду своимъ союзникамъ лишала ихъ лучшей доходной статьи завоеваннаго края. Они были увѣрены, и небезосновательно, что порывы правовѣрнаго фанатизма нравились правительству Халифа, служа порукою ненависти Сирійскихъ мусульманъ къ Египтянамъ. Ни Порта ни представители ея въ Сиріи не могли понять дознанной Ибрагимъ-пашею истины, что фанатизмъ черни, хотя направленный повидимому на иновѣрцевъ, питаетъ въ ней анархическіе навыки старины и служитъ препоною упроченію всякой власти. Консулы съ своей стороны, придерживаясь прямаго смысла фирмановъ, стали рѣшительнѣе бороться противъ Султанскихъ властей, и съ той поры не прекращается въ Сиріи вмѣшательство Великихъ Державъ въ дѣла по управленію, какъ оно ни предосудительно вліянію Султанскому.

Разрушая Египетскую систему управленія, которая была отлично принаровлена къ мѣстностямъ и къ политическому состоянію края, Порта по старому раздѣлила Сирію на нѣсколько пашалыковъ или Эйалетовъ. Алепскому были даны прежнія его границы; Таврическіе округи составили Аданскій Пашалыкъ; Триполійскій вошелъ въ составъ Сайдскаго Эйалета, котораго столицею сдѣлался Бейрутъ. Іерусалимъ и вся Палестина составили

особенный Санджакъ, управляемый Мирмирамомъ (генералъ-лейтенантомъ или стариннымъ двубунчужнымъ пашею) подъ надзоромъ Сайдскаго *Мюшира* (требунчужнаго паши).

Личныя качества Эсадъ-паши Алепскаго, стараго истребителя Адріанопольскихъ Янычаръ, спасли эту часть Сиріи отъ потрясенія. Въ Дамаскъ былъ назначенъ сперва Хаджи-Али-паша, и вскорѣ затѣмъ переведенъ въ Джидду для управленія Меккою и Мединою, а на его мѣсто поступилъ Неджибъ-паша, одинъ изъ самыхъ образованныхъ и любезныхъ Эффендіевъ стараго покроя, любитель литературы и поэтъ, служившій дотолѣ въ министерствахъ, гдѣ онъ не могъ пріобрѣсти никакихъ практическихъ дарованій въ наукѣ управленія. Къ тому же онъ былъ напуганъ воспоминаніемъ о послѣднемъ Дамаскомъ пашѣ Селимѣ, растерзанномъ чернію незадолго до вторженія Египтянъ; онъ слышалъ со всѣхъ сторонъ проклятія правовѣрнаго народа на Ибрагима за его вольнодумство, которому приписывались всѣ его строгости къ Мусульманамъ. Неджибъ слылъ въ столицѣ вольнодумцемъ; въ Дамаскѣ прикинулся онъ ханжею, въ надеждѣ тѣмъ привлечь къ себѣ сердца и усилить свое вліяніе. Но онъ успѣлъ только внушить Дамаской черни дерзость и самонадѣянность. Когда же въ осень 1841 года, при отзывѣ Ливанскихъ междоусобій, чернь предалась неистовствамъ, паша постигъ свою ошибку, и убѣдился въ истинѣ дознанной Ибрагимомъ, что вѣротерпимость и укрощеніе фанатизма служатъ въ Сиріи лучшими поруками вліянія законной власти на умы народа *).

---

*) Въ ту пору находясь въ Дамаскѣ объяснялся я съ Неджибомъ въ этомъ смыслѣ, требуя укрощенія правовѣрной черни, которая грозила сжечь церкви въ самомъ Дамаскѣ. Теорія Ибрагима о вѣротерпимости произвела на его умъ большое впечатлѣніе. Посреди нашего

Побережная полоса Сиріи отъ Латтакіи до Газы, съ Ливаномъ, съ Галлилейскими и Іудейскими горами, искони таитъ въ себѣ зародышъ политическихъ волненій, съ преданіями о наслѣдственныхъ распряхъ между племенами населяющими этотъ край. Здѣсь всего болѣе разыгрались народныя страсти въ послѣднюю войну подъ вліяніемъ внутреннихъ и внѣшнихъ дѣятелей. Здѣсь преимущественно отозвались ошибки новыхъ властей, которыя такъ неосторожно пробивали себѣ дорогу раздувая вихрь безначалія, и мало заботясь о послѣдствіяхъ. Къ тому-же выборъ пашей, которымъ Порта ввѣряла Сайдскій Эйалетъ и Палестину, былъ самый неудачный. Впродолженіе семи лѣтъ восемь пашей смѣнились послѣдовательно въ Бейрутѣ и столько же въ Іерусалимѣ.

Турки ни свѣдѣній, ни опытности, ни способности достаточной не имѣли, чтобы по собственнымъ внушеніямъ или по преданіямъ жалостной старины образо-

---

разговора привели къ пашѣ Христіанина, котораго побили до полусмерти Мусульмане, за то что онъ показался на базарѣ въ бѣлой чалмѣ, тогда какъ они хотѣли возобновить старинное воспрещеніе яркихъ цвѣтовъ Христіанамъ. Несчастная жертва фанатизма успѣла снять преступную чалму и окутать израненную голову чернымъ платкомъ. Когда паша освѣдомился о причинѣ его несчастія, то въ присутствіи всего своего двора, онъ велѣлъ ему тотчасъ снять черный платокъ и надѣть бѣлую чалму, а виновныхъ наказалъ. Одинъ изъ нихъ въ фанатическомъ изступленіи сталъ тутъ кричать, что онъ не узнаетъ своего паши, намѣстника Султанскаго, въ покровителѣ гяуровъ. Неджибъ приказалъ отвести его въ домъ сумашедшихъ, содержать тамъ въ цѣпяхъ, а по излеченіи отъ восторговъ дать ему 300 плетей по пятамъ. За тѣмъ паша по моему требованію посадилъ въ кандалы старостъ двухъ селеній, гдѣ мусульманская чернь сожгла церкви, и содержалъ ихъ въ тюрьмѣ, пока виновники не возобновили церквей своимъ трудомъ и на своемъ иждивеніи. Эти примѣры произвели самое спасительное дѣйствіе въ Дамаскѣ, избавили Христіанъ отъ обидъ, усилили правительственную власть и даже способствовали къ успѣшному сбору податей. Неджибъ не имѣлъ опытности, но имѣлъ тонкій умъ.

вать новое управленіе Сиріи. Они могли извлечь много выгоды себѣ отъ опыта пріобрѣтеннаго Египтянами, если бы они поберегли тѣ гражданскія постановленія, которыя согласовались съ правилами и видами Султанской власти. Напротивъ того они поспѣшили все разрушить, все уничтожить именемъ *Тензиматъ - Хаиріэ*, т. е. правъ дарованныхъ Султаномъ въ Гюльханейскомъ манифестѣ, хотя права эти существовали только въ теоріи, или вѣрнѣе сказать были только обѣщаны. Прежде чѣмъ составить себѣ какое либо понятіе о финансовыхъ средствахъ новопріобрѣтеннаго края, они уничтожили Египетскую хозяйственную систему. Не станемъ уже говорить о злоупотребленіяхъ турецкихъ чиновниковъ при самомъ занятіи Сиріи. Семидесятитысячная Египетская армія была всѣмъ снабжена на одинъ годъ; ея магазины достались побѣдителямъ, а пятнадцатитысячная Турецкая армія не нашла въ нихъ провіанта на полгода. Великолѣпная Антіохійская мыза была расхищена. Изо всѣхъ хозяйственныхъ обзаведеній Египтянъ остались одни нагія зданія. Новонаселенныя Ибрагимомъ земли опустѣли...

При ниспроверженіи всѣхъ гражданскихъ постановленій Египтянъ, народъ былъ убѣжденъ въ томъ, что уже никакихъ податей платить не будетъ, кромѣ поземельной подати *Мири*, которою искони обложенъ каждый округъ, и которая при упадкѣ монеты едва ли соотвѣтствуетъ теперь двѣнадцатой долѣ первоначальной своей цѣнности. Этими опрометчивыми мѣрами Порта хотѣла приласкать народъ и упрочить завоеваніе Сиріи сочувствіемъ ея племенъ къ Султанскому правленію. Было вѣрнѣе достигнуть этой цѣли прощеніемъ недоимокъ или дарованіемъ податей за полъ-года или за годъ, не отрекаясь отъ законныхъ правъ власти.

Когда не стало денегъ Турки въ противность сво-

ихъ обѣщаній начали обращаться мало по малу къ Египетской системѣ налоговъ, и по старинному отдавать на откупъ много податныхъ статей. Поголовная подать *фирде*, о которой мы уже говорили (гл. VII) была возстановлена подъ именемъ *Вергы*, съ уступкою отъ казны одной трети противу списковъ Египетскаго сбора. Народъ роптал, а правительство при усиленіи налоговъ не могло однакожъ уравновѣсить итогъ приходовъ и расходовъ по Сирійскому управленію и по содержанію 15 или 20-тысячнаго корпуса въ завоеванномъ краѣ. Въ семь лѣтъ Сирія поглотила болѣе 300,000 мѣшковъ (около девяти милліоновъ руб. сер.) изъ государственной казны. Къ тому же, при слабости управленія, сумма недоимокъ съ каждымъ годомъ усугубляется, а въ нынѣшнемъ (1847) году достигаетъ уже 140,000 мѣшковъ. Однѣ таможни представили при новомъ финансовомъ устройствѣ значительные барыши въ сравненіи съ періодомъ Египетскимъ; но этого не должно приписать усиленію торговли и промышленности края — напротивъ и торговля и промышленность значительно ослабѣли — но единственно введенію новаго тарифа, на основаніи торговой конвенціи 1838 года, которая уничтожила всѣ монополіи по отпускной торговлѣ и всѣ внутреннія пошлины съ привозныхъ товаровъ.

Конвенція эта составляетъ новую эру для торговли Оттоманской имперіи съ Европейскими Державами, и вмѣстѣ съ тѣмъ одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ преобразованій; а потому мы должны объяснить здѣсь ея основанія.

Въ эпоху первоначальныхъ своихъ торговыхъ трактатовъ съ Европейскими государствами Турція обложила внѣшнюю торговлю общею трехпроцентною пошлиною какъ по привознымъ такъ и по отпускнымъ товарамъ, безъ всякихъ ограниченій. Такимъ образомъ

на Востокѣ были заблаговременно осуществлены самыя смѣлыя новѣйшія теоріи о свободѣ торговли, развившіяся теперь въ Английскомъ обществѣ подъ именемъ free trade. Всеобщее обѣднѣніе государства столь пышно одареннаго всѣми богатствами почвы и климата, изнеможеніе и разрушеніе древней его промышленности, которая отъ временъ незапамятныхъ дѣлала Европу данницею Турціи, краснорѣчиво отвѣчаютъ на всѣ эти теоріи — ложныя какъ всѣ теоріи безусловныя, которыхъ поборники и проповѣдники упускаютъ изъ виду обстоятельства края и эпохи и степень и направленіе промышленнаго развитія общества, страстно оглашаемаго ученіемъ привлекательнымъ. Мы не станемъ приписывать системѣ свободной торговли упадка земледѣлія въ Турціи, убыли народонаселенія и продуктовъ, и всѣхъ неизбѣжныхъ послѣдствій Турецкой правительственной системы. Но чему другому припишемъ мы совершенный упадокъ мануфактурной промышленности, которой всегда правительство было благопріятно, которая укрывшись въ городахъ менѣе терпитъ и почти не терпитъ отъ политическихъ тревогъ края? Сирійскіе города въ совокупности имѣли лѣтъ за сорокъ предъ симъ до 50,000 станковъ для шелковыхъ, полушелковыхъ и парчевыхъ тканей. Теперь едва ихъ наберется 2,500. Прочныя и красивыя произведенія народной промышленности замѣнены по всей Турціи самыми плохими ситцами Манчестера, принаровленными по рисунку къ мѣстному вкусу. Если положить по малой мѣрѣ семьдесять копѣекъ серебромъ чистой прибыли въ рабочій день съ каждаго станка, то Сирія съ потерею этой промышленности лишается болѣе 33,000 р. сереб. чистаго дохода въ день; а эта сумма удвоится если возьмемъ въ расчетъ торговой оборотъ мѣстнаго товара, заготовленіе грубыхъ матеріаловъ, красокъ и

проч. Въ Іудейскихъ горахъ, въ Наплузѣ и на Ливанѣ заготовлялось много бумажной пряжи, и въ исходѣ прошедшаго столѣтія вывозились изъ Яффы и Акки ежегодно три или четыре груза бумажнаго холста, который потреблялся въ колоніяхъ на рубахи для Негровъ. Теперь Феллахи продаютъ свою хлопчатую бумагу, которой весь урожай можетъ простираться до полмилліона рублей, а въ Сирію привозится ежегодно на три милліона бумажной пряжи, холста и ситцевъ Англійскихъ. Эти простыя цыфры кажутся намъ краснорѣчивѣе и отчетливѣе всякихъ теорическихъ толкованій о непремѣнномъ равенствѣ итоговъ между производительностію и потребленіемъ каждой страны и о временныхъ кризисахъ въ каждой промышленности. Они становятся еще выразительнѣе при видѣ возрастающаго съ каждымъ годомъ убожества семействъ прежнихъ фабрикантовъ въ Алепѣ и въ Дамаскѣ. Проповѣдники безотчетно-вольной торговли совѣтуютъ разореннымъ фабрикантамъ сломать отцовскій станокъ и обратиться къ плугу; но сбыточно-ли это на опытѣ? Укажутъ ли намъ хоть одинъ примѣръ, чтобы народонаселеніе, взросшее въ мануфактурной промышленности, преобразилось въ земледѣльцевъ, развѣ поколѣнія два или три предварительно обнищаютъ?

На неизмѣнномъ основаніи общей трехпроцентной пошлины Турція заключала съ каждою державою срочные тарифы, которые измѣнялись вмѣстѣ съ цѣною товаровъ и достоинствомъ монеты. Между тѣмъ по мѣрѣ истощенія государственныхъ доходовъ въ странѣ обреченной прогрессивному обѣднѣнію, и по мѣрѣ возрастающихъ бѣдъ внутреннихъ и внѣшнихъ, правительство нуждалось въ деньгахъ. Сперва размножились таможни по внутренней торговлѣ, и въ противность смыслу трактатовъ взимались пошлины съ Европей-

скихъ товаровъ даже при перевозѣ изъ одного порта въ другой. Посольства жаловались; но Порта упорствовала въ своихъ притязаніяхъ, и по своему толковала трактаты. Съ другой стороны она стала вводить монополіи по нѣкоторымъ продуктамъ, и мало по малу система эта до того распространилась, что въ послѣдніе годы царствованія Махмуда почти всѣ предметы отпускной торговли закупались правительствомъ у производителей, по назначаемымъ отъ правительства цѣнамъ, въ ущербъ производительности. Иногда дозволялось торговлѣ покупать эти продукты у самихъ производителей, но не иначе какъ въ силу особенныхъ фирмановъ съ платою пошлинъ превосходящихъ цѣну товара, сверхъ положенной по тарифу таможенной пошлины. На этомъ основаніи каждый паша облагалъ по своему усмотрѣнію отпускную торговлю своей области. Государство бѣднѣло; земледѣлецъ принужденный уступать свои произведенія откупщику или пашѣ за безцѣнокъ, и большею частію не обрѣтая мзды за свой трудъ, оставлялъ поля свои необработанными, и довольствовался насущнымъ хлѣбомъ. Подобно тому какъ безотчетная свобода привозной торговли подрывала мануфактурную промышленность, запретительныя мѣры, откупы и монополіи на простые продукты, убивали самую производительность.

Ни въ одной изъ Оттоманскихъ областей система монополій не получила столь общаго и строгаго примѣненія какъ въ Египтѣ. Паша могъ заставлять силою феллаховъ воздѣлывать плодоносную долину Нильскую. Онъ удесятерилъ ея производительность и заблаговременно умножилъ свои доходы до неимовѣрной суммы 800,000 мѣшковъ Египетскихъ (около 27 милліоновъ руб. сереб.) *).

*) Смотри въ прибавленіяхъ о доходахъ Египта.

Уже давно вопіяла Европейская торговля противу монополій и внутреннихъ таможень. Правительство начало постигать коренной порокъ системы убійственной для народной промышленности, обращающей плодородныя поля въ степи, хотя и служила она источникомъ временныхъ прибылей для казны. Впрочемъ убѣдительнѣйшимъ доводомъ противу монополій послужилъ тотъ расчетъ, что съ ихъ уничтоженіемъ изсякалъ главный источникъ богатствъ и силы Мехметъ-Алія. Это было въ 1838 году, въ ту пору когда всѣ помышленія Махмуда были устремлены на Сирію. Заключена конвенція первоначально съ Англіею (5/17 Августа) по поводу періодическаго возобновленія ея тарифа, потомъ съ другими Державами. Этою конвенціею отмѣнялись всѣ монополіи и всѣ внутреннія таможни имперіи, а въ замѣнъ того набавлялись таможенныя пошлины по 9% съ отпускныхъ товаровъ и по 2% съ привозныхъ; но съ тѣмъ что товаръ однажды очищенный этою добавочною пошлиною могъ свободно переходить съ одного рынка на другой, или вывозиться заграницу. Такимъ образомъ вмѣсто основной трехпроцентной пошлины привозные товары подвергались пяти, а отпускные двѣнадцатипроцентной. Странною покажется безъ сомнѣнія эта пропорція; всякое государство силится по возможности благопріятствовать сбыту собственныхъ произведеній и преимущественно обременяетъ пошлинами привозные товары. Еще страннѣе покажется она, когда вспомнимъ, что Турція снабжаетъ теперь другія государства только грубыми продуктами, а получаетъ въ замѣнъ мануфактурныя издѣлія. Но Турки имѣютъ иныя экономическія понятія, и въ конвенціи 1838 года всего болѣе проглядываетъ мысль политическая, враждебная Мехметъ-Алію, и преобладаетъ внѣшнее вліяніе, которому всего болѣе старались угодить Турки, чтобы

внушить сочувствіе къ себѣ и усугубить гнѣвъ Европы на Египетскаго вассала. Замѣтимъ, что въ ту эпоху подъ опасеніемъ банкрутства Мехметъ-Али не могъ покориться фирману объ уничтоженіи монополій.

Мы уже упоминали, что въ Сирію Мехметъ-Али не вводилъ монополій; онъ даже даровалъ торговлѣ Сирійской болѣе свободы отмѣненіемъ прежнихъ запретительныхъ мѣръ. Принаровить сюда законъ принужденнаго труда поселянъ, подобно Египту, для усиленія производительности, было невозможно по причинамъ политическимъ и по самому свойству Сирійской почвы. Оставалось только льготами привлечь народъ къ земледѣлію. По этой самой причинѣ введеніе новой торговой системы здѣсь не встрѣтило большихъ препятствій. Оно доставило Туркамъ вчетверо болѣе таможеннаго дохода чѣмъ подъ Египетскимъ управленіемъ (около 20,000 мѣшковъ).

Относительно устройства гражданской власти мы уже поясняли въ первой главѣ этой книги откупную систему самаго управленія областей и округовъ. Основная практическая реформа нынѣшняго царствованія состоитъ въ томъ, что паши и муселимы не завѣдываютъ теперь ни хозяйственною частью ни военною силою. Они получаютъ жалованье, вмѣсто того чтобы пользоваться казенными доходами за уплатою условленной суммы въ казну. Въ каждомъ Пашалыкѣ назначается особенный чиновникъ, *Дерфтердарь*, отъ министерства финансовъ для завѣдыванія доходами и расходами. Въ каждомъ округѣ пребываетъ *Мухасиль* для счетныхъ дѣлъ. Но есть еще много округовъ, гдѣ по необходимости продолжается старинная откупная система *Ильтизамовъ.* Попытки Порты къ уничтоженію Ильтизамовъ тѣмъ менѣе удачны, что ея сановники, отъ министровъ до окружныхъ начальниковъ, продолжаютъ

извлекать изъ нихъ значительныя прибыли въ свою пользу, входя въ сдѣлки съ откупщиками и раздѣляя съ ними барыши. Порою паши закупаютъ сами Ильтизамъ, подъ чужимъ именемъ. Легко представить себѣ какія страшныя притѣсненія терпитъ народъ, когда самъ правитель области участвуетъ въ откупѣ десятины напримѣръ съ полевыхъ продуктовъ, которая по существу своему и способу ея взиманія въ Турціи, всего болѣе даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ.

Военная сила составляетъ въ Сиріи отдѣльный Аравійскій корпусъ (*Арабистанъ-Ордусы*) одинъ изъ пяти корпусовъ имперіи, и состоитъ подъ управленіемъ своего Сераскира и въ прямой зависимости Военнаго министерства. Гражданскія власти обращаются къ военнымъ, когда имъ нужно содѣйствіе военной силы, а для градской и земской полиціи имъ предоставлено содержать нерегулярное войско или вооруженныхъ служителей пѣшихъ и конныхъ. Изо всѣхъ Оттоманскихъ областей одна только Сирія свободна до сего времени отъ рекрутскихъ наборовъ, какъ будто правительство даетъ ей оправиться отъ непомѣрно-тяжкихъ Египетскихъ наборовъ, какъ будто старается этою снисходительностію искупить вины своихъ представителей въ Сиріи.*)

При всемъ своемъ стремленіи къ централизаціи Порта не отмѣнила доселѣ стариннаго правила, въ силу коего всѣ чины по гражданскому управленію въ областяхъ предоставлены непосредственному выбору и вѣдѣнію паши. Каждый разъ при смѣнѣ паши его преемникъ назначаетъ новыхъ лицъ изъ своего штаба или изъ туземцевъ по всѣмъ подвѣдомымъ ему округамъ.

Отъ тридцати до сорока округовъ входятъ въ составъ Сайдскаго Эйалета. Изъ нихъ большая часть, особенно страны гористыя, предоставлены туземнымъ

---

*) Рекрутскіе наборы начались въ Сиріи въ 1851 г.

семействамъ, которыя домогаются прежнихъ своихъ правъ и прежняго вліянія, подавленнаго Египетскимъ правленіемъ. Какъ ни предосудительны ихъ притязанія для правительственнаго благоустройства и для Султанской власти, стремящейся къ обузданію феодальнаго деспотизма, однако неспособность и безнравственность турецкихъ чиновниковъ, избираемыхъ изъ челяди пашей, во многихъ отношеніяхъ оправдываетъ дворянство Сиріи и содѣйствуетъ къ торжеству его въ борьбѣ то явной то скрытной, но всегда упорной и дѣятельной, противу нововведеній ему ненавистныхъ. Въ городахъ назначаются Муселимы Турки изъ свиты пашей. Можно себѣ представить постоянную суматоху всего управленія при періодической, почти ежегодной смѣнѣ всѣхъ этихъ кочующихъ изъ области въ область правителей съ каждымъ новымъ пашею. Подъ знаменіемъ политической реформы лихоимство замѣнило старинные откупы по управленію, а козни мѣстнаго дворянства, вражды семейныя, борьба партій, проявляются почти тѣ же, какими неоднократно мы имѣли случай ихъ видѣть въ прежнюю эпоху Сиріи.

Какъ бы то ни было опытъ и преданія Египетскаго періода и еще болѣе направленіе центральной правительственной власти и ограниченіе правъ Султанскихъ намѣстниковъ въ областяхъ, имѣютъ спасительное вліяніе въ этой анархической странѣ, не смотря на всѣ неудачи, на всѣ промахи, которыми ознаменованы доселѣ попытки Турокъ въ Сиріи. Правительственная власть уже не проявляется въ своемъ прежнемъ свирѣпомъ видѣ. Нѣтъ ни народныхъ опалъ, ни произвольныхъ казней, ни безотчетныхъ поборовъ и пеней. Если феодальное самоуправство въ союзѣ съ народными навыками еще упорствуетъ въ своихъ безчинствахъ, за то теорія по крайней мѣрѣ о правахъ под-

данныхъ съ каждымъ годомъ распространяется, и чувство о нихъ проникаетъ мало по малу во всѣ сословія.

Можетъ быть человѣколюбивыя начала, какими теперь руководствуется Порта въ управленіи Сиріею, далеко несоразмѣрны съ нравственнымъ бытомъ края; можетъ быть они столько же повредили въ народномъ мнѣніи мысли о ея могуществѣ и мудрости какъ и ошибки ея представителей; но во всякомъ случаѣ нельзя не видѣть въ нихъ радостнаго для человѣчества успѣха. Въ этомъ отношеніи новое Турецкое правленіе въ Сиріи предпочтительно суровому управленію Египтянъ. Вспомнимъ и то, что геній преобразованій, когда даже достигнетъ естественныхъ своихъ предѣловъ, всегда по самому направленію своему переступаетъ за нихъ въ порывѣ первоначальной удачи, или изъ опасенія, что всякая остановка осудитъ его роковой реакціи.

Съ 1839 года Порта направила всѣ свои усилія къ тому чтобы болѣе и болѣе обуздать власть своихъ намѣстниковъ. Приписывая самоуправству пашей ослабленіе имперіи и опустошеніе самихъ цвѣтущихъ областей, она сама отказалась отъ произвола, въ силу эластической теоріи Гюльханейскаго акта, а въ замѣнъ того подчинила Султанскихъ намѣстниковъ въ областяхъ и вообще исполнительную власть, такимъ ограниченіямъ, которыя осуждаютъ власть эту совершенному безсилію, особенно тогда когда Порта не благоволитъ къ намѣстникамъ. Система эта въ свою очередь повела къ новому злу, къ ослабленію того начала, на которомъ преимущественно держится власть въ государствѣ. Отъ самаго основанія боевой имперіи Оттоманской до нашихъ дней главнымъ элементомъ внутренней ея силы, ея правительственнымъ промысломъ, можно сказать, былъ страхъ. Не законъ, не до-

вѣренность и не любовь народная, но одинъ только страхъ Султанскаго имени связываетъ воедино эти разнородные обломки, изъ которыхъ она насильственно скована. На томъ же основаніи въ каждой области намѣстникъ Султана содержалъ до нашихъ дней въ повиновеніи народъ однимъ только страхомъ, и чаще для зрѣлища толпы чѣмъ по врожденному неистовству пашей лилась кровь и слышались вопли народные. Этому грозному элементу нанесъ смертельные удары Русскій штыкъ со временъ Екатерины. Внутреннія бѣдствія, которыми ознаменовано царствованіе Махмуда, еще болѣе его ослабили. Было необходимо молодому Султану искать новаго элемента внутренней силы для царства угрожаемаго разрушеніемъ, и призвать къ себѣ сердца, чтобы отеческимъ управленіемъ искупить вѣковыя жестокости, которыя именемъ его предковъ тяготѣли надъ народомъ. Преобразованіе это безъ сомнѣнія раціональнѣе и труднѣе чѣмъ все то, что совершилъ его отецъ.

Въ такомъ смыслѣ поняла Европа хати-шерифъ Гюльханейскій. Мы объяснили уже значеніе этой прославленной реформы и основную мысль, которою руководствовались ея дѣятели въ ущербъ Султанской власти. Послѣдствія реформы по всему пространству имперіи, и политическіе кризисы Сиріи, о которыхъ остается намъ еще говорить, совершенно оправдываютъ воззрѣніе наше. Мы не боимся упрека въ пессимизмѣ, по крайней мѣрѣ со стороны тѣхъ наблюдателей, которые умѣютъ цѣнить правительственныя реформы не по фразамъ, не по теоріямъ и обѣщаніямъ превозглашаемымъ во всеуслышаніе подданныхъ и внѣшняго міра, но по существующимъ средствамъ, по сокровеннымъ пружинамъ правительственной дѣятельности, по преобладающимъ интересамъ, по настроенію общества, по

мѣстнымъ элементамъ и обстоятельствамъ, по практической сторонѣ дѣла, не по театральной его обстановкѣ.

Замѣчанія эти нисколько не клонятся къ тому чтобы безусловно осудить направленіе принятое реформою 1839 года. Направленіе это крайне предосудительно для династическихъ интересовъ Оттоманскаго царства. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что оно благопріятствуетъ успѣхамъ сокрушительнаго начала, давно уже обнаруженнаго. Оно осудило безсилію самодержавную власть Султановъ, которая могла бы возродить царство, слѣдуя тому пути, какой былъ избранъ высокимъ умомъ и желѣзною волею Махмуда. Но въ отношеніи племенъ Ваточныхъ, какъ ни горестна предстоящая имъ перспектива новыхъ испытаній, быть можетъ то направленіе, которому слѣдуетъ теперь реформа, поведетъ ихъ къ лучшей будущности.

Когда дѣло идетъ о Турціи и о правительственныхъ мѣрахъ этаго государства, безпристрастіе налагаетъ на насъ обязанность строго отличать государственный интересъ отъ интересовъ общественныхъ. Въ Турціи нѣтъ народа въ томъ смыслѣ какъ мы понимаемъ слово *народъ* въ отношеніи къ Государству. Въ Турціи существуютъ племена соприкованныя въ государство одною матеріальною силою. Посреди ихъ племя самое грубое, отсталое и лѣнивое облечено правомъ владѣтельнымъ. Четыре вѣка систематическаго безотчетнаго насилія и кровавыхъ оргій противу вѣры и народности побѣжденныхъ племенъ не успѣли придать владѣтельному племени другаго преимущества, кромѣ навыка внушать страхъ, и освященія въ глазахъ внѣшняго міра того права, которое было добыто саблею. Правительство пребыло исключительно Турецкимъ, или вѣрнѣе сказать Мусульманскимъ; а покоренныя племена,

сохранившія вѣру своихъ отцовъ, пребыли въ состояніи рабства. Наступилъ девятнадцатый вѣкъ. Народный элементъ пробужденный въ семьѣ Христіанскихъ государствъ народными войнами и отголоскомъ идей восторжествовавшихъ во Франціи, сталъ всюду обнаруживать новыя силы и новыя требованія, а порою возставалъ изъ гроба. При усиленіи торговыхъ и политическихъ связей Запада съ Востокомъ, и послѣ вѣковой борьбы Россіи съ Турціею, понятіе о правахъ человѣческихъ и народныхъ стало проникать среди страдальческихъ племенъ Оттоманскаго Востока. Племена эти встрепенулись. Правительство, не постигая смысла наступившей эпохи и проявившагося новаго элемента, продолжало въ первую четверть нашего вѣка по прежнему свирѣпствовать въ борьбѣ съ непреоборимою силою народностей. Но вслѣдъ за истребленіемъ Янычаръ, Махмудъ, уже испытанный въ борьбѣ съ собственнымъ племенемъ, съ Греками и съ Сербами, сталъ лучше понимать значеніе эпохи и приданное внутренними и внѣшними обстоятельствами новое направленіе судьбамъ Оттоманской имперіи. Онъ деспотически сталъ готовить коренную реформу, о которой мы уже говорили, единственную реформу способную спасти царство и династію обновленіемъ политическаго зданія Востока на Христіанскомъ началѣ.

Со смертію Махмуда разрушились задуманные имъ планы. Гюльханейскій заговоръ министровъ опуталъ въ свои сѣти слабаго его преемника, и съ превозглашеніемъ вѣротерпимости открылась новая эра преслѣдованія противу Христіанъ и противу народностей — преслѣдованія Іезуитскаго. Съ той поры болѣе чѣмъ когда либо разлучился въ Турціи правительственный интересъ отъ общественнаго, и сдѣлавшись исключительною принадлежностію владѣтельнаго племени и

касты, обусловился антагонизмомъ, который по необходимости существуетъ между господиномъ и рабомъ. Подвластнымъ племенамъ осталась надежда внутренняго развитія, вопреки враждебныхъ умысловъ власти. При такой обстановкѣ противудѣйствующихъ элементовъ, кто вправѣ порицать подвластныя племена, Грековъ и Албанцевъ, Сербовъ и Болгаръ, Валаховъ и Молдованъ, Армянъ и Халдеевъ, Кюрдовъ и Бедуиновъ, Друзовъ и Ансаріевъ, когда хоромъ радуются они всякому бѣдствію Оттоманскаго царства и владѣтельнаго племени? Въ Европейской Турціи давно уже подвластныя племена, подъ вліяніемъ внѣшнихъ дѣятелей, и благодаря собственной энергіи и опыту въ бунтѣ, ознакомились съ понятіемъ о правахъ человѣческихъ, такъ безотчетно попранныхъ на Востокѣ. Они сохранили воспоминаніе о прежней своей самостоятельности и надежду на будущее. Но въ Сиріи, какъ и въ Малой Азіи и въ Египтѣ, подвластныя племена, въ особенности Христіанскія, въ періодъ двѣнадцативѣковаго рабства свыклись съ мыслію, что жизнь и честь и имущество раба предоставлены произволу властелина; что правосудіе не входитъ въ обязанность лица облеченнаго властію; что Оттоманское племя по преимуществамъ породы владѣетъ краемъ и племенами края; что Паша, Муселимъ или Деребей и вся правительственная или феодальная челядь созданы собственно для того, чтобы грабить и губить, точно такъ какъ саранча порождается изъ земли чтобы опустошать жатвы.

Въ такомъ-то настроеніи засталъ Сирійскія племена Ибрагимъ въ 1832 г. Подъ его управленіемъ всякое правосудное распоряженіе съ подвластными возбуждало въ народѣ еще болѣе удивленія чѣмъ радости. Новая идея о правахъ человѣческихъ стала проникать въ народныя понятія. Турки были изгнаны изъ Сиріи въ

чалмахъ и въ туфляхъ. Чрезъ восемь лѣтъ возвратились они въ фескахъ, въ узкихъ курткахъ, въ лакированныхъ сапогахъ и въ сопровожденіи союзниковъ гяуровъ. Всетаки Сирійскія племена узнавали въ нихъ коренные навыки своихъ властелиновъ. Мы видѣли уже какъ отличалась турецкая дессантная бригада, умышленно наряженная Мехметъ-Аліемъ въ походъ противъ бунтовавшихъ Горцевъ. Но теперь, по водвореніи Султанскихъ властей, туземцы стали подслушивать смѣлое вмѣшательство Агентовъ Великихъ Державъ въ дѣла правительственныя и административныя; они поняли, что паши, вопреки собственному чувству и вслѣдствіе навязчиваго надзора Консуловъ, проповѣдывали вѣротерпимость и силились выказать себя правосудными къ подвластнымъ. За тѣмъ были обнародованы фирманы, которыми Султанъ, по настоянію посольствъ, краснорѣчиво пояснялъ своимъ пашамъ, что жизнь, честь и имущество подданнаго, безъ различія вѣроисповѣданія, обезпечены закономъ. Все это произвело въ массахъ глубокое впечатлѣніе. Съ одной стороны зародышь понятія о человѣческихъ правахъ сталъ развиваться; съ другой — мысль о всемогуществѣ Порты и ея агентовъ и вообще челяди Турецкой, стала ослабѣвать. Когда турецкій чиновникъ или конюхъ, или *чубухчи*, изъ свиты пашей, обижалъ встрѣчнаго христіанина, обиженный могъ жаловаться самому пашѣ, или прибѣгать подъ защиту консула и искать удовлетворенія. Встарину подобная смѣлость отплачивалась жизнію. Вотъ почему, говоримъ мы, что новыя распоряженія Порты, при пособіи мѣстныхъ обстоятельствъ, имѣли спасительное вліяніе на судьбы племенъ, благопріятствуя развитію понятія о правахъ человѣческихъ, сему краеугольному камню всякаго гражданскаго успѣха.

Мы говоримъ о правахъ человѣческихъ, не о пра-

вахъ гражданскихъ, слишкомъ недоступныхъ до сей поры очерствѣлымъ въ рабствѣ и въ уничиженіи племенамъ Востока.

Замѣтимъ при этомъ, что обхожденіе Англійскихъ офицеровъ съ Турками, какъ во всю кампанію такъ въ особенности по прекращеніи военныхъ дѣйствій, много содѣйствовало къ убѣжденію Сирійскихъ племенъ въ упадкѣ могущества Турецкаго. Въ союзномъ лагерѣ въ Джуни палатка Коммодора Напира занимала центральную позицію на возвышенности, и надъ нею развивался Англійскій флагъ. Гораздо ниже виднѣлись по обѣимъ сторонамъ флаги Турецкій и Австрійскій. Туземцы вспоминали, что лѣтъ за десять предъ тѣмъ, когда Англія учредила свое Консульство въ Бейрутѣ, городская чернь подъ предлогомъ, что тѣнь флага, на которомъ изображенъ крестъ, падала на ближнюю мечеть и сгоняла Ангеловъ почивающихъ на куполѣ, заставила Консула спустить свой флагъ и искать квартиры вдалекѣ отъ мусульманскаго квартала и отъ мечети. Оттоманскій Сераскиръ состоялъ теперь подъ начальствомъ Коммодора и сносилъ всякія обиды. Капитаны и поручики Англійскаго отряда давали приказанія пашамъ, не щадя нисколько турецкой спѣси, одной изъ дѣятельнѣйшихъ пружинъ могущества турецкаго.

Французскіе агенты съ своей стороны, озлобленные на Турокъ за ихъ союзъ съ Англичанами, стали обходиться съ ними презрительно, и искать предлоговъ къ ссорамъ, а Порта строго приказывала пашамъ избѣгать всего, что могло-бы подать поводъ къ жалобамъ со стороны Франціи.

Отношенія Русскаго консульства къ мѣстнымъ властямъ были болѣе дружелюбны. Но Христіане подданные Султана прибѣгали подъ покровительство Русскаго флага толпами, и паши сносили контроль вынужденный

ихъ нерадѣніемъ, и крайне предосудительный для ввѣренной имъ власти. Изданныя отъ Сераскира предписанія по всѣмъ округамъ, съ угрозою строгаго взысканія за обиды наносимыя Христіанамъ и ихъ церквамъ, были разосланы къ мѣстнымъ начальствамъ чрезъ Русское консульство, и въ нихъ упоминалось во всеуслышаніе о жалобахъ консульства. Тупоумный паша съ тою цѣлію дѣлалъ это, чтобы предъ своими единовѣрцами оправдать самаго себя въ противудѣйствіи ихъ изувѣрству. Онъ упускалъ изъ виду, что тѣмъ самимъ узаконялось вступничество агента Христіанской державы, на которую подданные Султана привыкали уповать. Предписанія паши были испещрены цитатами изъ Корана въ пользу вѣротерпимости. Извѣстно, что въ Коранѣ заключается рѣшительно все, альфа и омега политики и юриспруденціи. Изъ поэтическихъ его бредней можно почерпать и самые человѣколюбивые и самые безпощадные законы. Стоитъ только съ доброю волею приняться за толкованіе бредней, какъ это дѣлаютъ Стамбульскіе книжники и фарисеи, когда правительство искренно и строго прикажетъ. Такъ бывало при Махмудѣ. Министерство не смѣло тогда юридическими кознями противудѣйствовать волѣ Султана при помощи улемъ, и хитрить предъ посольствами, ссылаясь на коренные законы Ислама. Но при Абдулъ-Меджидѣ министры и улемы доказываютъ невозможность отмѣнить смертный приговоръ надъ *Муртадомъ*, христіаницомъ уличеннымъ ложными свидѣтельствами, будто онъ обратился въ Магометанство, и отрекающимся отъ Магомета, равно и невозможность принять свидѣтельство христіанина въ дѣлѣ свидѣтельствуемомъ мусульманиномъ. Однако въ Коранѣ нѣтъ и намека на то или на другое изъ этихъ чудовищныхъ постановленій. Угроза войны со стороны Христіанскихъ Дер-

жавъ заставила Порту смягчить законъ о Муртадахъ; но другой законъ, котораго вліяніе несравненно пагубнѣе для Христіанъ и для государственнаго благоустройства, пребываетъ доселѣ во всей силѣ.

Такъ-то при самомъ вступленіи Турецкихъ властей въ завоеванный край ихъ оплошность и неспособность съ одной стороны, а съ другой неизбѣжныя последствія союза съ Европейскими Державами, вліяніе Гюльханейскаго манифеста и изувѣрство Мусульманскаго народонаселенія Сиріи, послужили по волѣ провидѣнія къ добру, благопріятствуя развитію новыхъ идей, новыхъ чувствъ въ народныхъ массахъ. Направленіе это повело къ кровавымъ кризисамъ, о которыхъ намъ остается говорить, и подвергло Христіанъ Сирійскихъ горькимъ испытаніямъ. Возобновленіе подобныхъ кризисовъ въ непродолжительномъ времени не подлежитъ сомнѣнію. Тѣмъ не менѣе племенамъ Сирійскимъ открывается теперь новая перспектива, а владычество Турецкое, служащее препоною гражданственности, начинаетъ уже колебаться и въ этой страдальческой сторонѣ, подобно тому какъ колеблется оно въ Европейскихъ областяхъ имперіи.

ГЛАВА XX.

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЭПИЗОДЪ О ПОДВИГАХЪ КЮЧЮКЪ-АЛИ-ОГЛУ ВЪ ПАЯСѢ, И О СЫНОВЬЯХЪ ЕГО ДАДА-БЕКѢ И МИСТИКЪ-БЕКѢ.

Изучая политическія судьбы Сирійскихъ племенъ, мы преимущественно обращали вниманіе на событія Ливанскія. Въ сихъ-то событіяхъ и въ предпріятіяхъ Дагеръ-эль-Омара мы слѣдили народный элементъ въ различныхъ его проявленіяхъ и періодахъ. Ливанскіе горцы во всѣхъ отношеніяхъ имѣютъ право занимать первый планъ этой исторической картины; за ними виднѣются разнохарактерныя племена другихъ Сирійскихъ горъ и равнинъ, съ безцвѣтными преданіями, съ блѣдною будущностію; а во глубинѣ картины, въ песчанной ея перспективѣ, кочуютъ Бедуины и въ наши дни какъ и въ вѣка вѣтхозавѣтные.

Мы присовокупимъ сюда историческій эпизодъ, который послужитъ живѣйшимъ выраженіемъ степени правительственнаго вліянія и быта народнаго въ сѣверозападномъ углу Сиріи, тамъ гдѣ преобладаетъ уже не Арабскій элементъ, но Тюркменскій, по сосѣдству Тавра.

Между множествомъ свѣжихъ преданій, которыми преизобилуютъ всѣ мѣстности Сиріи, мы выберемъ разсказъ о подвигахъ Кючюкъ-Али-Оглу въ Сирійскихъ

Ѳермопилахъ, въ древнемъ Иссусѣ, ознаменованномъ одною изъ тѣхъ трехъ побѣдъ, которыми Македонскій герой рѣшилъ судьбы Востока въ тріумфальномъ своемъ походѣ отъ Ѳракіи до Индуса и до крайнихъ предѣловъ извѣстнаго міра. Это классическое мѣсто именуется теперь *Паясъ* *). Тавръ, выступая изъ Малой Азіи, вперяется отвѣсно въ самое море, обнимая цѣпію суровыхъ, снѣгомъ увѣнчанныхъ скалъ, тотъ просторный заливъ, которому дано имя отъ городка Скандеруна, древней Александріи, основанной Великимъ Скендеромъ (Александромъ) въ Сиріи въ замѣнъ разрушеннаго имъ Тира. Подъ вліяніемъ злокачественныхъ эндемическихъ лихорадокъ, спутницъ всякаго разрушенія, давно уже одичали эти берега; народонаселеніе постоянно въ нихъ убываетъ. Путь стиснутъ между скалами и моремъ, такъ что мѣстами легко можетъ быть онъ прорѣзанъ валомъ. Десять удалыхъ стрѣлковъ могутъ остановить здѣсь цѣлую армію. Между тѣмъ путь этотъ представляетъ вѣрнѣйшее и кратчайшее сообщеніе между Анатоліею и Сиріею, а въ случаѣ его пресѣченія путнику предстоитъ огибать Тавръ чрезъ восточныя его отрасли, и совершать болѣе десяти переходовъ по самимъ труднымъ горнымъ тропинкамъ. Городокъ Паясъ расположенъ во внутренней сторонѣ Скандерунскаго залива, тамъ гдѣ проходъ представляетъ наиболѣе удобствъ къ защитѣ.

Халиль-бей, пожалованный въ паши Селимомъ II и извѣстный подъ именемъ Кючюкъ-Али-Оглу, провелъ молодость въ среднихъ годахъ прошедшаго вѣка при своемъ отцѣ Алѣ въ качествѣ простаго разбой-

---

*) Вѣроятно испорченное Турецкое слово *Беязъ* бѣлый, отъ близъ возвышающихся снѣжныхъ вершинъ Тавра, котораго послѣднія отрасли замыкаютъ Сирію съ этой стороны.

ника Тюркмена, въ горахъ надъ Паясомъ. Въ ту пору городъ этотъ производилъ еще нѣкоторую торговлю съ Египтомъ, и доставлялъ туда около 200 вьюковъ шелку своего урожая. Молодой Халиль безпокоилъ городъ смѣлыми наѣздами, промышлялъ разбоемъ въ окрестностяхъ и разорялъ сады и плантаціи. Хозяева стали окупаться подарками; обычай вошелъ въ законъ; разбойникъ облагалъ городъ и обывателей извѣстною повинностію, которая взносилась отъ однихъ натурою, отъ другихъ деньгами. Успѣхъ усилилъ средства удальца. Когда шайка его умножилась до пятидесяти человѣкъ, онъ замыслилъ овладѣть самымъ городомъ. Измѣною погубилъ онъ одного за другимъ всѣхъ тѣхъ изъ горожанъ, кто отличался умомъ, богатствомъ или вліяніемъ. Оставался одинъ только изъ приматовъ мусульманъ, оберегаемый вѣрными слугами, котораго не удавалось умертвить обыкновенными средствами. Халиль заключилъ съ нимъ союзъ; далъ ему въ замужство свою дочь; внушилъ ему довѣріе, и чрезъ два мѣсяца зазвалъ его на пиръ въ свои горы и собственноручно закололъ. Вдова осталась беременна. Когда она родила, Халиль посовѣтовалъ своимъ сыновьямъ удушить ребенка въ пеленахъ. «Мнѣ, говорилъ онъ, не стало духа задавить въ утробѣ моей дочери крокодиленка, въ которомъ можетъ современемъ возстать мститель.»

Такъ-то Кючюкъ-Али-Оглу сдѣлался владѣльцемъ Паяса и той горы, въ которой дотолѣ рыскалъ для разбоя. Владѣльцемъ значило въ тогдашнемъ управленіи Турецкой имперіи полномочнымъ, безотчетнымъ господиномъ земли и народа, чести, жизни и имущества всякаго кто былъ подъ его рукою. Владѣльцы эти составляли могущественный классъ Деребеевъ, которыхъ права, первоначально дарованныя Султанами для со-

храненія горныхъ проходовъ, обратились современемъ, при послѣдовательномъ расслабленіи правительственной центральной власти, въ самое необузданное тиранство, основанное на саблѣ, на удальствѣ и на недоступной мѣстности, гдѣ обыкновенно Дере-бей ставилъ свое гнѣздо. Насиліямъ ихъ надъ подвластнымъ народомъ другой мѣры не было какъ развѣ терпѣнія промышленнаго класса, чтобы онъ не разбѣжался тайкомъ; въ такомъ случаѣ изсякалъ источникъ дохода. Впрочемъ такъ какъ вся имперія томилась тѣмъ же недугомъ, и Паши были не лучше Деребеевъ, если даже и сами они не достигали своего званія изъ разряда Дере-беевъ, то народъ терпѣлъ и чахъ тѣмъ безнадежнѣе, что съ перемѣною мѣстности и тирана улучшеніе его участи было еще слишкомъ сомнительно.

Около полувѣка Кючюкъ-Али-Оглу неистовствовалъ здѣсь, вселяя трепетъ въ народонаселеніе и въ караваны, которымъ предстоялъ путь изъ Анатоліи въ Сирію, и которые составляли главнѣйшую статью его доходовъ. Порта то гнѣвалась на него, и требовала его головы у сосѣднихъ пашей, будто голова Дере-бея была въ ихъ рукахъ, то объявляла ему свою милость, и жаловала бунчуками, узаконяя именемъ Султана тѣ безчинства, которыхъ унять не могла. И въ самомъ дѣлѣ обоюдныя выгоды какъ Порты такъ и Дере-бея требовали добраго между ними согласія. Не имѣя средства его наказать, Порта не иначе могла ему вредить, какъ воспрещеніемъ всѣмъ караванамъ слѣдовать по взморью въ Сирію чрезъ Паясъ. Этимъ она разоряла Дере-бея, лишая его главной доходной статьи — сбора съ каравановъ. Но за то, когда наступала пора шествія богомольцевъ въ Мекку, и когда чиновникамъ Порты и хаджіямъ (поклонникамъ) со всей имперіи приходилось обгибать Тавръ, ропотъ распространялся по-

всюду. На этомъ основанiи и Дере-бей просилъ помилованiя, и Порта охотно признавала его своимъ усерднымъ вассаломъ.

Войско его никогда не превышало числа 200 бродягъ и головорѣзовъ; но онъ умѣлъ ими щеголять и распростанять въ народѣ молву о несмѣтныхъ ополченiяхъ, состоящихъ въ его службѣ. Для этого онъ приучилъ своихъ сорванцевъ парадировать вдоль дорогъ и промежъ ущелий и кустарниковъ взадъ и впередъ, точно какъ это дѣлается съ войсками на сценѣ промежъ декорацiй, въ виду проѣзжавшихъ каравановъ, которые, не понимая обмана, насчитывали сотни небольшихъ отрядовъ. На вершинахъ скалъ прилежащихъ къ Паясу построилъ онъ изъ глины и соломы фантастическiя стѣны и рядъ фальшивыхъ башень и бойницъ. Все это будучи опрятно выбѣлено, на подобiе Турецкихъ укрѣпленiй, пугало проѣзжихъ издалека, будто рядъ неприступныхъ крѣпостей. Порою все смывалось проливнымъ дождемъ; но и самая непрочность декорацiй входила въ расчеты Дере-бея. По основнымъ понятiямъ всякой дисциплины праздность ведетъ къ бунту; слѣдственно предстояла необходимость не давать отдыха ни тѣлохранителямъ ни обывателямъ, а заставлять и тѣхъ и другихъ работать то въ перестройкахъ фантастическихъ крѣпостей, то въ починкахъ послѣ дождей и бурь.

Къ возвеличенiю страха и славы имени своего Кючюкъ-Али-Оглу соблюдалъ еще другое правило: каждый разъ при проѣздѣ большихъ каравановъ, особенно Хаджiевъ слѣдовавшихъ въ Мекку подъ предводительствомъ *Сурра-Эмини*, надлежало выставить вдоль дороги нѣсколько человѣкъ повѣшенныхъ или посаженныхъ на колъ. Стамбульскаго вельможу Дере-бей увѣрялъ въ томъ, что единственно изъ усердiя въ исполненiи

своихъ обязанностей блюстителя безопастности дорогъ, онъ наказывалъ разбойниковъ. Толпа правовѣрныхъ поклонниковъ, привыкшая искони, какъ всѣ народы Восточные, видѣть въ неистовствѣ аттрибутъ могущества и власти, смиренно покорялась взысканіямъ по произвольной таксѣ страшнаго Дере-бея съ человѣка, со скота и съ вьюка, за проѣздъ чрезъ ущелія такъ исправно имъ оберегаемыя; а съ другой стороны, въ случаѣ подготовленнаго имъ самимъ разбоя и насильственнаго побора сверхъ положенной платы, — новыя жертвы на висѣлицахъ служили окончательнымъ удовлетвореніемъ всѣмъ жалобамъ. Случилось, увѣряютъ, однажды что въ тюрьмѣ Дере-бея не стало готовыхъ жертвъ на обычное зрѣлище казни къ проѣзду каравана. Въ такую пору всякъ изъ обывателей, кому неудовольствіе Дере-бея грозило выборомъ его, тщательно укрывался. Уже наступалъ самый день прибытія поклонниковъ, а Дере-бей унывалъ въ недоумѣніи, боясь омрачить славу заслуженную многолѣтними казнями и уронить эффектъ Паясской дороги на воображеніе поклонниковъ, по недостатку классической ея декораціи. «Придется, говорилъ онъ своимъ приближеннымъ, повѣсить одного или двухъ изъ моихъ баши-бузуковъ (наѣздниковъ) примѣромъ сказать, хоть тѣхъ что ограбили безъ спросу проѣзжихъ купцовъ на прошлой недѣлѣ.» — Виноваты-то они вдвойнѣ, отвѣчали ему совѣтники, что и безъ спросу ограбили, и въ казну-то Вашей Свѣтлости внесли самую бездѣлицу; да бѣда въ томъ что они подѣлились съ товарищами, а потому казнь ихъ породитъ ропотъ въ молодцахъ. — Кючюкъ-Али-Оглу призадумался. — «Дѣлать нечего, сказалъ онъ наконецъ со вздохомъ, какъ ни больно сердцу моему огорчать стараго мѣнялу, Христіанина Якуба, да ужъ видно *кысметъ* ему, на роду

написано поплатиться за другихъ. Правда бѣднякъ ужъ столько лѣтъ вѣрно мнѣ служитъ, да и я за то много его миловалъ, а развѣ въ самую крайность пришлось мнѣ шарить въ его сундуки; а вотъ ужъ мѣсяца два лежитъ онъ въ лихорадкѣ, да такъ исхудалъ, что ему уже жизнь не жизнь а мученіе; умереть же все равно на подушкѣ ли или на свѣжемъ воздухѣ.» Въ тотъ же день больной мѣняло былъ повѣшенъ ко страху проѣзжихъ.

Самъ Сурра-Эмини, первостепенный вельможа, которому ввѣряются Султанскіе дары въ *Кеабу*, долженъ былъ каждый разъ огромными подарками покупать свободный проѣздъ; а въ случаѣ подарки не были по вкусу Дере-бея, они возвращались съ почтительною просьбою одарить чѣмъ либо побогаче въ награду за усердіе и за барановъ, представляемыхъ отъ имени хозяина округа почетному гостю.

Когда Кючюкъ-Али-Оглу былъ пожалованъ въ паши, пріемы его остались тѣже, и даже въ домашнемъ быту онъ не измѣнилъ простотѣ отцовскихъ нравовъ Тюркменскаго пастуха. Костюма Турецкаго паши онъ не принялъ по той причинѣ, что во всѣхъ базарахъ Стамбульскихъ не отыскался *кавукъ* *) по мѣрѣ огромной его головы. Харема онъ не заводилъ, довольствуясь двумя законными женами, которыя вмѣсто того чтобы оставаться за рѣшеткою взаперти подъ стражею евнуховъ, отправляли всю домашнюю службу, по обычаю Тюркменскаго племени. Пилъ онъ безъ мѣры по ночамъ; но поутру всегда вставалъ съ солнцемъ, чтобы строить и перестраивать свои декораціи, или надзирать за сельскими работами. Любилъ онъ хвалиться умѣренностію и аккуратностію, и ставилъ себя въ обра-

*) Шапка обвязанная чалмою, которую носили встарину Турецкіе паши.

зецъ всѣмъ Деребеямъ. И въ самомъ дѣлѣ онъ не позволялъ своей сволочи разбойничать внѣ предѣловъ округа и ссориться съ сосѣдями; а приказывалъ довольствоваться тѣмъ что милосердный Аллахъ посылалъ имъ въ Паясъ. За то внутри округа все допускалось.

Въ 1789 году Англійское судно, сдавши грузъ въ Скандерунскомъ рейдѣ, поплыло оттуда къ мѣсту именуемому *столбами пророка Іоны* подъ Паясомъ, чтобы налиться водою. Тотчасъ, по повелѣнію Халиль-паши Кючюкъ-Али-Оглу, капитанъ Фоульсъ имъ командовавшій и весь экипажъ были схвачены и посажены въ башню. Дере-бей требовалъ выкупа подъ предлогомъ законныхъ взысканій за право коснуться его владѣній; и тѣмъ настойчивѣе требовалъ выкупа что ни товаровъ ни денегъ не было найдено на суднѣ. Несчастный капитанъ, который не могъ въ мирное время, на берегахъ дружественной державы, подъ поручительствомъ трактатовъ, ожидать такого пріема, будто на заблудшемъ островкѣ Индійскихъ архипелаговъ, былъ такъ напуганъ видомъ, рѣчами и пріемами Халиль-паши, что подозрѣвая вѣроятно его въ людоѣдствѣ, бросился съ высоты башни. Изъ людей его экипажа одни послѣдовали его примѣру, другіе померли въ заточеніи. Спасся одинъ малолѣтній мальчикъ; надъ нимъ сжалился извергъ, и послалъ его въ подарокъ Голландскому консулу въ Алепѣ Массею, съ которымъ онъ съ давнихъ лѣтъ велъ дружбу..

Спустя два года французское судно съ богатымъ грузомъ изъ Марсели въ Алепъ, по ошибкѣ шкипера, который искалъ Скандерунскаго рейда, пристало въ самый Паясъ. Шкиперъ съѣхалъ на берегъ съ своими бумагами, чтобы явиться въ консульство. Его повели прямо къ Дере-бею, который смѣкнулъ дѣломъ,

радушно принялъ гостей, а межъ тѣмъ какъ онъ ихъ угощалъ кофеемъ и шербетами, люди его свозили грузъ во дворецъ. За тѣмъ судно было затоплено, но шкиперу зла не сдѣлали на основаніи законовъ Восточнаго гостепріимства; ибо самъ онъ съ довѣренностію явился къ Пашѣ. Ему позволилъ Дере-бей со всѣмъ экипажемъ слѣдовать въ Алепъ къ Французскому консулу, и даже далъ имъ провизію на дорогу. Грузъ состоялъ изъ тюковъ сукна и бархату, изъ часовъ и галантерейныхъ издѣлій сбываемыхъ на Востокѣ. Онъ цѣнился въ нѣсколько милліоновъ. Всѣ Алепскіе Европейцы терпѣли значительные убытки. Голландскій консулъ Массей, о которомъ мы уже упоминали, употребилъ свое ходатайство у Дере-бея, въ надеждѣ выручить, по уваженію старой дружбы, хоть часть захваченныхъ товаровъ. Онъ получилъ отъ Халиль-паши отвѣтное письмо слѣдующаго содержанія: «Благороднѣйшій другъ нашъ достопочтеннѣйшій въ Христіанскомъ народѣ! Мы получили драгоцѣнный цвѣтъ красноречія Вашего, и содержаніе онаго преисполнило душу нашу сладчайшею радостію при извѣстіи о вожделѣнномъ здравіи Вашемъ. Чтоже касается до просьбы Вашей о возвращеніи какихъ-то тюковъ съ корабля занесеннаго моремъ къ нашему берегу, то Вы хорошо вѣдаете, что по искренности взаимныхъ между нами чувствъ всѣ блага міра сего, и самая даже жизнь — дѣло второстепенное. Клянусь тебѣ Аллахомъ что для тебя готовъ я пожертвовать даже достойнымъ моимъ сыномъ Дада-бекомъ; но убѣдительнѣйше тебя прошу — не требуй отъ меня невозможнаго. Самъ посуди: я въ разладѣ съ моимъ Султаномъ (да сохранитъ Аллахъ его жизнь до окончанія вѣка); меня видно оклеветали въ Стамбулѣ; отовсюду угрожаютъ великія напасти, а въ такихъ трудныхъ обстоятельствахъ очевидно милосердіе Божіе, которое

нарочно присылаетъ мнѣ корабль съ грузомъ; а вѣдь отроду не слыхано чтобы къ моему берегу заходили суда съ грузомъ. Не грѣшно-ли человѣку отвергать дары Божественнаго промысла? Я знаю что Франки станутъ требовать удовлетворенія и возмездія у Блистательной Порты. Того-то я и желаю; авось посчастливится мнѣ при этой оказіи исходатайствовать себѣ прощеніе. А впрочемъ располагай мною безъ всякихъ ограниченій, и да сохранитъ тебя милосердный Аллахъ.»

Послѣ подобнаго отзыва купцы потеряли всякую надежду выручить добромъ свою собственность; они обратились съ жалобами въ Константинополь. Порта снарядила экспедицію изъ нѣсколькихъ военныхъ судовъ, чтобы въ этотъ разъ наказать Дере-бея за всѣ его проказы. Когда флотилія показалась предъ Паясомъ, Халиль удалился въ свои горы, а Турки стали стрѣлять по пустымъ домамъ и грабить жителей. Прошло недѣли двѣ, три; не стало провизіи; бунтовщикъ усердно вызвался снабдить суда всѣмъ нужнымъ, богато одарилъ Турецкихъ командировъ часами и всякими вещицами съ Французскаго груза, поручилъ имъ доставить отъ него подарки и нѣсколько мѣшковъ съ золотомъ Капитанъ-пашѣ, и взялъ съ нихъ слово что самъ Капитанъ-паша исходатайствуетъ его милость у Султана. И дѣйствительно, онъ былъ при этомъ случаѣ пожалованъ третьимъ бунчукомъ и милостивымъ фирманомъ, въ которомъ безполезно повторялось приказаніе возвратить захваченные товары. Подобныя экспедиціи неоднократно наряжались и прежде и послѣ сего, и моремъ и сухимъ путемъ, чтобы унять Халиля, а результаты всегда были тѣже.

Въ 1800 году Голландскій Консулъ Массей возвращался изъ Константинополя въ Алепъ, снабженный Сул-

танскимъ фирманомъ. Въ ту пору Дере-бей былъ опять въ разладѣ съ Портою; но Массей, по старой дружбѣ, не убоялся заглянуть въ его вертепъ въ Паясъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ представиться своему пріятелю, съ которымъ не одинъ разъ онъ обмѣнивался подарками по восточному обычаю, его схватили и посадили въ башню. Плѣнникъ думалъ сперва что его не узнали, что все это ошибка, недоразумѣніе; но вскорѣ предсталъ къ нему сынъ Дере-бея Дада-бекъ, и обливаясь слезами отъ имени своего отца объявилъ, что рокъ его испытуетъ, что именно въ такую пору, когда казна была истощена, вводитъ въ его владѣнія лучшаго его друга, и поневолѣ заставляетъ продержать его въ заключеніи до взноса выкупа соразмѣрнаго высокому званію ихъ обоихъ. По всѣмъ этимъ уваженіямъ выкупъ не могъ быть опредѣленъ менѣе двадцати-пяти тысячь піастровъ, что составитъ по тогдашней цѣнѣ Турецкихъ монетъ болѣе 20,000 руб. сер. Впрочемъ онъ ему совѣтовалъ не унывать, возложить упованіе свое на Бога, и съ твердостію переносить испытанія неразлучныя съ политическимъ поприщемъ. «Я самъ, говорилъ Дере-бей своему плѣннику чрезъ сына, (онъ избѣгалъ личнаго свиданія съ нимъ) я самъ просидѣлъ однажды девять мѣсяцевъ въ тюрьмѣ у Абдель-Рахманъ-паши Бейланскаго; но Богъ помиловалъ за тѣмъ и возвеличилъ меня.» Какъ ни упрашивалъ Массей, чтобы по крайней мѣрѣ сбавили цѣну выкупа, его душевный пріятель Дере-бей на всѣ его просьбы отвѣчалъ, что это будетъ несовмѣстно съ его Консульскимъ чиномъ, что онъ по долгу дружбы обязанъ остерегать его честь, и по этому не могъ сбавить ни одного піастра. Плѣнникъ продалъ свое имущество въ Алеппѣ и взнесъ треть выкупа. Между тѣмъ каждый разъ когда подъ окнами башни терзали

или вѣшали кого нибудь, Паша посылалъ ему сказать, что это были такіе же какъ и онъ плѣнники, оказавшіеся несостоятельными для взноса положеннаго выкупа. Наконецъ сжалившись надъ нимъ, онъ сдалъ его проѣзжавшему каравану, съ котораго были насильно взысканы остальныя двѣ трети выкупа, съ тѣмъ чтобы купцы разсчитались съ нимъ въ Алеппѣ. Нѣсколько лѣтъ спустя (1808 г.) разбойникъ этотъ умеръ въ великой славѣ и въ званіи Визира, *) завѣщавши хищный свой нравъ и свое могущество сыну Дада-беку. Голландскій консулъ вспомнивши, что молодой Бекъ оказывалъ къ нему большое сочувствіе въ эпоху его плѣна, обратился къ нему съ просьбою о возвращеніи денегъ 25 т. піастровъ, такъ безпощадно съ него взысканныхъ. Дада-бекъ отвѣчалъ, что это невозможно по двумъ причинамъ: во первыхъ, возвращать взятое его отцемъ значило-бы признать несправедливость его поступка; Аллахъ ему судія, но сыну не подобаетъ осуждать умершаго родителя. Во вторыхъ, если всѣ тѣ кои могутъ имѣть притязанія на покойника, станутъ требовать вознагражденія, то всей Паясской горы, будь она изъ золота, не достанетъ на удовлетвореніе всѣхъ.

Дада-бекъ наслѣдовалъ хищному нраву и удальству своего отца, но не наслѣдовалъ искуству его вести дѣла съ Портою, съ сосѣдними племенами и съ другими ему подобными вассалами. Халилъ около полувѣка разбойничалъ, грабилъ народъ и оскорблялъ правительство въ качествѣ Дере-бея и паши, а умеръ окруженный всякими почестями. Поприще сына его Дада-бека длилось неболѣе восьми лѣтъ, и заключилось позорною смертію.

---

*) Титло это присвоено всѣмъ трехбунчужнымъ пашамъ, которые теперь именуются Мюширами.

Не довольствуясь грабежами на большой дорогѣ, онъ пускался и въ морскіе разбои, завелъ у себя вооруженныя галеры и предпринималъ экспедиціи въ Скандерунскій рейдъ, откуда захватывалъ суда, и даже въ *Мерсинъ*, пристань торговаго города Тарсуса. Всего болѣе повредилъ онъ себѣ тѣмъ, что не послѣдовалъ мудрому правилу отца: довольствоваться чѣмъ Богъ послалъ въ свой округъ и не касаться сосѣдей. Въ 1811 году племена Таврическихъ округовъ подъ начальствомъ Юзкатскаго паши *Эмина-Чапаноглу*, по повелѣнію Порты, въ числѣ 12 или 15,000 сдѣлали на него нападеніе, но были отражены. За тѣмъ пять лѣтъ спустя Мустафа-паша Аданскій, сынъ Бейланскаго Дере-бея Абдель-Рахмана, по наслѣдственной враждѣ къ Дада-беку, вызвался у Порты его наказать. Онъ успѣлъ въ своемъ предпріятіи, потому что всѣ окрестныя племена охотно къ нему присоединились, негодуя на Дере-бея. Бунтовщикъ былъ разбитъ и предсталъ плѣнникомъ въ Адану. Мустафа послѣ оскорбленій и ругательствъ всякаго рода, отправилъ голову его въ Стамбулъ, а тѣло сжегъ.

Скажемъ нѣсколько словъ объ этомъ Мустафа-пашѣ, который совершилъ одно изъ самыхъ блистательныхъ поприщъ въ Оттоманской имперіи, и игралъ нѣкоторую роль въ войнѣ съ Россіею (1828 — 29 г.). По происхожденію своему и по роду жизни его отца Абдель-Рахмана, Мустафа былъ достойнымъ сверстникомъ Дада-Бека; его семейство славилось такими же безчинствами въ Бейланѣ, какъ и семейство Кючюкъ-Али-Оглу въ Паясѣ. По смерти отца Мустафа убилъ старшаго своего брата Мулла-бека, чтобы завладѣть округомъ; но третій братъ привлекъ народонаселеніе къ себѣ, а братоубійца бѣжалъ въ Константинополь съ казною. Тамъ онъ сторговалъ Аданскій Пашалыкъ,

чтобы по сосѣдству пугать младшаго брата, въ чемъ и успѣлъ. Въ награду за покореніе Бейлана и Паяса и за наказаніе Дере-беевъ, былъ ему пожалованъ Эрзрумскій пашалыкъ. За тѣмъ онъ переведенъ въ Алепъ и принялъ участіе въ описанномъ въ V главѣ этой книги походѣ противу Абдаллаха паши Аккскаго, по повелѣнію Махмуда. За тѣмъ онъ постоянно переходилъ изъ одного пашалыка въ другой, то въ Анатоліи, то въ Румеліи, пока наконецъ подвергся гнѣву Махмуда по жалобѣ нашего посольства за его проказы въ эпоху Адріанопольскаго міра, и былъ сосланъ въ заточеніе въ Бруссу.

По смерти Дада-бека въ 1817 году оставался десятилѣтній его братъ Мистикъ-бекъ, который спасся отъ мщенія Мустафы бѣгствомъ къ его недругу и сосѣду Марашскому пашѣ *Календеру*. За тѣмъ по удаленіи Мустафы изъ Аданы, онъ возвратился въ Паясъ и завладѣлъ округомъ, будто законнымъ наслѣдіемъ по отцѣ и братѣ. Нѣсколько лѣтъ безпорно владѣлъ онъ подъ руководствомъ своего дяди *Зейтунъ-Оглу*, а въ 1827 году былъ аттакованъ какимъ-то бродягою Хаджи-Али-бекомъ, который захватилъ Адану и ущелія Колекъ-Богаза безо всякихъ фирмановъ, и не пропускалъ въ Сирію пашей наряжаемыхъ туда изъ Константинополя. Какъ только завелась ссора между Хаджи-Али-бекомъ и Мистикъ-бекомъ, вышелъ на туже сцену еще другой бродяга, Тюркменъ, по имени *Калъ-ага*, завладѣлъ Тарсусомъ, и пользуясь отсутствіемъ Аданскаго владѣльца, занятаго войною въ Паясѣ, подступилъ къ Аданѣ. При извѣстіи о томъ Хаджи-Али-бекъ поспѣшно заключилъ міръ съ Мистикъ-бекомъ и возвратился въ свои владѣнія. Онъ напалъ на Калъ-агу въ расплохъ, ночью подъ Аданою, когда онъ и вся его шайка лежали за-мертво послѣ

вечернихъ попоекъ, и тутъ же отрубилъ его голову, которую отправилъ въ Константинополь при *иламѣ*, свидѣтельствѣ духовнаго суда, что онъ-то бунтовался противъ Султанской власти, а самъ Хаджи-Али былъ усерднымъ слугою Султана. Въ ту пору Ибрагимъ осаждалъ Акку. Порта помышляла лишь о томъ, чтобы очистить дорогу своему войску въ Сирію; а такъ какъ Хаджи-Али держалъ въ своихъ рукахъ Колекъ-Богазъ, то Порта охотно согласилась съ нимъ въ томъ, что онъ дѣйствительно былъ усерднымъ и вѣрнымъ вассаломъ. Вскорѣ за тѣмъ Сердари-Экремъ Хуссеинъ-паша выступилъ въ походъ съ пятидесятитысячнымъ корпусомъ противу Ибрагима, занятаго осадою Акки. Хаджи-Али-бекъ, полагаясь на ласковыя рѣчи Порты, впустилъ Султанскую армію въ свои ущелія и доставилъ ей вьючный скотъ для похода въ Сирію. Хуссеинъ-паша обласкалъ Таврическаго Дере-бея, одарилъ его шубами и сбруями, а когда ущелья были пройдены, призвалъ его къ себѣ и послѣ прощальныхъ привѣтствій показалъ ему фирманъ, которымъ предписывалось отправить его подъ стражею въ Стамбулъ. Тамъ принятъ онъ былъ ласково. Порта не хотѣла среди самаго кризиса Сирійскихъ дѣлъ внушать недовѣріе другимъ подобнымъ ему удальцамъ и ихъ шайкамъ. Вскорѣ за тѣмъ онъ скоропостижно померъ, выпивши чашку кофею у Военнаго Министра.

Мистикъ-бекъ укрылся отъ Хуссеина; когда же, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, остатки *непобѣдимой* арміи, разбитой въ Бейланѣ, кое-какъ пробирались чрезъ Паясъ, Мистикъ присоединился къ Египтянамъ, и наживился Турецкою добычею. Ибрагимъ потвердилъ его сперва въ Паясскомъ владѣніи, и на общемъ основаніи правительственнаго устройства всей Сиріи, назначилъ ему жалованіе въ замѣнъ произвольныхъ по-

боровъ съ народа и съ проѣзжихъ. Молодому Беку эти Египетскія преобразованія были не по вкусу; онъ напроказилъ постарому, и бѣжалъ вторично въ Марашъ, превозглашая свою преданность Султану. Ибрагимъ, нуждаясь въ его вліяніи для обузданія тридцати другихъ бековъ, которые буйствовали по окрестнымъ горамъ, ласково пригласилъ опять къ себѣ, отпустилъ старые грѣхи, и уже сквозь пальцы смотрѣлъ на новые. Когда же Египетскіе отряды въ 1840 году очистили Таврическіе округи, отступая къ главной квартирѣ, Мистикъ-бекъ не упустилъ случая поживиться Египетскою добычею, вошелъ въ милость къ Туркамъ, и украшенъ орденомъ *Нишанъ-Ифтихара.* Съ того времени Мистикъ-бекъ то въ большой милости у Аданскихъ пашей, которымъ подлежитъ его округъ, то въ разладѣ съ ними. Въ 1843 году была даже наряжена на него экспедиція изъ бродягъ, кое-какъ набранныхъ въ самомъ пашалыкѣ. Онъ покинулъ Паясъ и вступилъ въ службу Алепскаго паши. Округъ его, равно какъ и другія окрестныя мѣстности, томятся по сіе время въ хаотической борьбѣ стариннаго своего феодальнаго устройства съ попытками централизаціи. Борьба эта должна продлиться, пока переведутся мало по малу люди и семейства подобныя тѣмъ, которые здѣсь нами обозначены. И въ самомъ дѣлѣ переводятся они, если не по вліянію реформы, то въ силу какого-то физическаго закона о возрастахъ каждаго племени. Очевидно по крайней мѣрѣ что племя Турецкое, породившее въ цвѣтущій періодъ своего бытія столько геніальныхъ людей, и въ послѣдовавшій періодъ столько геніальныхъ извергобъ, теперь истощается. Въ нынѣшнемъ поколѣніи личности измельчали, характеры выровнялись, физіономіи стерлись, чиновники замѣнили Дере-беевъ. Правда, народъ терпитъ отъ чиновниковъ порою столь-

ко же, хотя въ иномъ видѣ, сколько встарину терпѣлъ отъ Дере-беевъ, и вздыхаетъ о Дере-беяхъ. Однакожъ народъ не правъ, по близорукости свойственной массамъ въ дѣлахъ касающихся внутренняго ихъ развитія.

ГЛАВА XXI.

СОСТОЯНІЕ КРАЯ ПРИ НОВОМЪ УСТРОЙСТВѢ ВЛАСТИ. — ЛИВАНСКІЙ КНЯЗЬ ЭМИРЪ-БЕШИРЪ-КАСЕМЪ. — КОЗНИ ЛИВАНСКАГО ДВОРЯНСТВА И СТРЕМЛЕНІЯ НАРОДНЫЯ. — ЗАМЫСЛЫ КАТОЛИЧЕСКАГО ДУХОВЕНСТВА, ПРОИСКИ ПРОТЕСТАНТСКИХЪ МИССІОНЕРОВЪ И КОВАРСТВО ПАШЕЙ. — СЕЙМЪ НА ЛИВАНѢ. — ДЕРЗНОВЕННАЯ ПРОСЬБА. — МИЛОСТЫНИ ИЗЪ ЕВРОПЫ. — БРЕДНИ ГОРЦЕВЪ. — ПРОТЕСТАНТСКОЕ ЕПИСКОПСТВО ВЪ ІЕРУСАЛИМѢ. — ПОЯВЛЕНІЕ ФРАНЦУЗСКАГО АДМИРАЛА. — ПРИЧИНЫ ЛИВАНСКИХЪ МЕЖДОУСОБІЙ.

Кровопролитія послѣдовавшія за введеніемъ Султанскаго управленія въ Сиріи продлили, усилили и оправдали вмѣшательство Европейскихъ Кабинетовъ во внутреннія дѣла Оттоманской имперіи. Преобладающія въ Европѣ ложныя и пристрастныя мнѣнія объ этихъ событіяхъ, объ ихъ направленіи и послѣдствіяхъ, вмѣняютъ намъ въ обязанность изложить самые факты.

Новый Ливанскій князь представлялъ собою разительный контрастъ съ своимъ предшественникомъ. Среди всѣхъ членовъ Шагабова семейства Эмиръ-Беширъ-Касемъ отличался мирными наклонностями, патріархальнымъ нравомъ и добрымъ сердцемъ. Онъ пользовался народною любовію и всеобщимъ уваженіемъ въ эпоху своего избранія въ правители Ливанскіе. Но въ томъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что если бы въ

союзномъ лагерѣ въ Джуни знали поосновательнѣе внутреннія дѣла Ливана и степень вліянія лицъ и семействъ, то повременили бы низложеніемъ стараго князя, или покрайней мѣрѣ выборъ въ преемники ему — палъ бы на его сына Эмиръ-Эмина.

Новый Ливанскій князь былъ человѣкъ почтенный и добродѣтельный, даже храбрый, несмотря на преклонныя свои лѣта; но не былъ одаренъ ни однимъ изъ качествъ подобающихъ народоправителю, — ни проницательностію ума, ни гибкостію нрава, ни опытомъ въ управленіи, ни навыкомъ козней сопряженныхъ съ нимъ во всѣхъ Азіятскихъ странахъ, ни сладкою рѣчію, ни щедрою рукою, ни наружнымъ величіемъ. Онъ не былъ одаренъ ни однимъ изъ этихъ преимуществъ, которыя болѣе чѣмъ гдѣ либо цѣнятся между Арабскими племенами, и на которыхъ всего болѣе основывалось вліяніе его предшественника. Онъ былъ усерднымъ христіаниномъ; предшественникъ его исповѣдывалъ также христіанство; но мы имѣли уже случай замѣтить, что тотъ умѣлъ до конца скрывать отъ Магометанъ свое обращеніе, соблюдалъ постъ размазана и клялся своимъ предкомъ Магометомъ. Новый князь презрительно отвергъ эту уловку, и сталъ открыто исповѣдывать свою вѣру. Тѣмъ навлекъ онъ на себя тайное негодованіе правительства, которому отступничество Шагабовъ, именитыхъ потомковъ Пророка и въ тоже время наслѣдственныхъ правителей сильнѣйшихъ горскихъ племенъ Сиріи, казалось и религіознымъ оскверненіемъ и политическимъ урономъ. Съ другой стороны все племя Друзовъ давно уже негодовало на возраставшія притязанія Маронитовъ со времени обращенія въ ихъ религію владѣтельнаго магометанскаго семейства и Эмировъ *Булема*, занимавшихъ первое мѣсто въ

аристократіи племени Друзовъ. Вліяніе стараго Эмиръ-Бешира, грозное имя Ибрагима, а всего болѣе отсутствіе предводителей — ибо князь Ливанскій успѣлъ заблаговременно отдѣлаться казнію и ссылкою отъ своихъ могучихъ вассаловъ — содержали ихъ дотолѣ въ страхѣ и въ повиновеніи. Новый князь не умѣлъ ихъ приласкать. Въ Палестинской экспедиціи замѣтивши первые признаки строптиваго духа въ Друзахъ, бывшихъ въ горскомъ ополченіи, онъ оскорбилъ шейховъ бранными рѣчами, и присовокупилъ угрозу: *иншаллахъ*, съ помощію Божіею, когда нибудь отрублю ваши буйныя головы!

Между тѣмъ шейхи Друзы скитавшіеся дотолѣ въ изгнаніи, или принужденные служить подъ знаменами Ибрагима, стали одинъ за другимъ возвращаться въ свои горы. Братья Джемблаты, сыновья знаменитаго шейха Бешира, снабженные Султанскимъ фирманомъ о возвращеніи имъ отцовскихъ имѣній и удѣловъ, конфискованныхъ эмиромъ по убіеніи ихъ отца, братья Русланы, спасшіеся бѣгствомъ по убіеніи ихъ матери, братья Абунакеты и Амады — всѣ эти представители феодальныхъ преданій Ливана, жертвы безпощадныхъ и корыстныхъ преслѣдованій Эмиръ-Бешира въ разныя эпохи пятидесятилѣтняго его управленія, жертвы постоянной его мысли объ уничиженіи Ливанской аристократіи, всѣ они возвратились теперь и домогались своихъ наслѣдственныхъ правъ и удѣловъ. Съ восторгомъ были они приняты вассалами своего племени, которые во весь періодъ Египетскаго владычества, подъ бичемъ рекрутства и налоговъ, вздыхали о своихъ предводителяхъ, и приписывали отсутствію ихъ бѣдствія и уничиженіе своего племени. Христіанское народонаселеніе этихъ самыхъ округовъ, составлявшихъ наслѣдственные удѣлы Друзовъ, было въ большинствѣ,

но искони состояло у нихъ въ подчиненности. Послѣдній періодъ правленія эмиръ-Бешира, его благосклонность къ христіанамъ и уничиженіе аристократіи и всего племени Друзовъ, а всего болѣе участіе единовѣрныхъ имъ Христіанъ въ кампаніи 1840 г. подъ знаменами Султана и Христіанскихъ государей — все это внушало новую бодрость христіанскому народонаселенію. Оно съ негодованіемъ отвергало феодальныя притязанія своихъ прежнихъ властелиновъ.

Таково было состояніе южныхъ отраслей Ливана. Въ сѣверныхъ округахъ, гдѣ преобладаетъ католическій элементъ и вліяніе духовенства, умы были также въ броженіи. Когда остылъ первый восторгъ освобожденія отъ Египтянъ, когда Турецкіе отряды ознаменовали свое вступленіе въ Сирію и свой переходъ изъ Триполи въ Бейрутъ, вдоль Ливанскаго берега, всякими безчинствами, когда горцы, участвовавшіе въ экспедиціи противу Ибрагима, сблизи усмотрѣли Турецкихъ пашей, то вмѣсто вѣрноподданническихъ чувствъ и признательности къ Султану, освободившему Сирію отъ ненавистныхъ Египтянъ, стало обнаруживаться въ народѣ одно лишь чувство неудовольствія. Земледѣльческое племя Маронитовъ, чуждое всякихъ воинственныхъ дарованій, стало приписывать своей храбрости пораженіе Ибрагима, домагалось льготъ и возмездій за свои заслуги, и суетливо наряжалось въ оружіе, розданное союзниками, или захваченное у бѣглыхъ Египтянъ. Многочисленные приверженцы сверженнаго эмира, стали повсюду и всѣми средствами раздувать народныя страсти. Духовенство католическое, напуганное вліяніемъ пріобрѣтеннымъ Англичанами на Ливанѣ, и приписывая имъ замыслы прозелитическіе, присовокупило свое безпокойство, свой ропотъ ко всѣмъ элементамъ грозы, которая на-

коплялась на политическомъ горизонтѣ Ливана. О существованіи Маронитскаго народа и духовенства Порта въ первый разъ узнала по поводу экспедиціи 1840 г. Это покажется страннымъ тому только, кто незнакомъ съ обычною системою Турокъ относительно подвластныхъ народовъ. Въ знакъ вниманія къ Маронитскому племени Султанъ пожаловалъ Патріарху алмазный знакъ, наровнѣ съ духовными главами другихъ подвластныхъ народовъ, и предоставилъ ему право имѣть своего повѣреннаго (капы-кеая) у Порты для ходатайства по его дѣламъ. Такими ласками правительство не только не привязало къ себѣ Маронитскаго духовенства, но даже внушило ему болѣе смѣлости къ проискамъ и притязаніе на сугубое участіе въ дѣлахъ по управленію горцевъ. Въ Синодѣ Маронитскомъ стали разсуждать о томъ: не грѣшно ли католическому народу принимать оружіе изъ рукъ еретиковъ, и не подобало ли испросить на это индульгенціи изъ Рима?

Эти благочестивыя опасенія были преимущественно внушены католикамъ происками Американскихъ миссіонеровъ, которые уже лѣтъ за пятнадцать предъ тѣмъ водворились въ Бейрутѣ, и вмѣсто того чтобы проповѣдывать Христіанство невѣрнымъ, какъ то подобаетъ миссіонерамъ, сѣяли только раздоры въ Христіанскихъ церквахъ, чтобы ослабить ихъ вліяніе, и между тѣмъ завлекали въ свои училища христіанское юношество. На Востокѣ, гдѣ народность обозначается преимущественно религіею, Американцевъ всегда смѣшиваютъ съ Англичанами. Миссіонеры воспользовались этимъ, чтобы стяжать себѣ новый вѣсъ въ глазахъ народа, по поводу принятаго Англіею участія въ дѣлахъ Сиріи. По отплытіи Англійскаго флота одна рота десантнаго войска оставалась въ Бейрутѣ, и при ней около тридцати офицеровъ, которые объѣзжали Сирію

по всѣмъ направленіямъ для подробнѣйшаго изученія края. Многіе изъ нихъ вмѣсто того чтобы ограничиться съемкою картъ и плановъ, стали вмѣшиваться во всѣ дѣла по управленію, и тѣмъ докучать Туркамъ. Другіе изъ ревности къ своей религіи, и въ надеждѣ подорвать политическое вліяніе Франціи, основанное на преданности единовѣрныхъ ей Маронитовъ, стали вмѣстѣ съ Американскими миссіонерами объѣзжать горы и поддерживать прозелитическія усилія этихъ господъ.

Французскіе агенты въ свою очередь, внимательно слѣдя за этими продѣлками, раздували фанатизмъ въ народѣ и духовенствѣ католическомъ. Патріархъ маронитскій повелѣлъ нѣсколько публичныхъ auto da-fe, сожженіемъ если не самыхъ еритиковъ, то по́ крайней мѣрѣ книгъ духовнаго содержанія, изданныхъ на арабскомъ языкѣ миссіонерами въ Бейрутѣ. Благочестивое его негодованіе усилилось тѣмъ болѣе, что подвѣдомые ему монахи, обокравшіе церковную казну или другимъ чѣмъ провинившіеся, находили пристанище и покровительство у миссіонеровъ.

Въ началѣ 1841 года не стало хлѣба на Ливанѣ. Жители селеній, казненныхъ Ибрагимомъ во время военныхъ дѣйствій, умирали отъ голода и отъ суровости зимы. Обильныя пособія были розданы Французскимъ консульствомъ чрезъ духовенство, и доставлены безденежно грузы хлѣба. По мѣрѣ того какъ Франція привлекала къ себѣ вновь народное сочувствіе, утраченное ея пристрастіемъ къ Мехметъ-Алію, маронитское народонаселеніе издавало вопль на Турокъ и на Англичанъ. Ждали съ часу на часъ появленія Французскаго флота для освобожденія Ливанскихъ племенъ, хотя надъ этими племенами другое иго не тяготѣло кромѣ ига собственныхъ его страстей, подъ вліяніемъ которыхъ каждая партія домогалась своихъ вы-

годъ: шейхи — возстановленія феодальныхъ правъ, столь ненавистныхъ христіанамъ южныхъ округовъ; приверженцы эмиръ-Бешира — его возвращенія, а маронитское духовенство — основанія въ горахъ Ливанскихъ правленія ѳеократическаго на развалинахъ всѣхъ свѣтскихъ властей. Среди такого треволненія внутреннихъ и внѣшнихъ вліяній могъ ли устоять и укрѣпиться новый князь, при ограниченности своихъ способностей и средствъ, при явномъ недоброжелательствѣ къ нему Султанскихъ властей?... Намѣстникомъ Порты былъ въ это время Селимъ-паша, награжденный титломъ сераскира Сирійскаго за успѣхъ экспедиціи, въ которой онъ командовалъ Султанскою бригадою. Возвеличенный, осыпанный милостями своего правительства и даже удостоенный благосклоннаго вниманія союзныхъ государей, Селимъ-паша повѣрилъ самъ въ свои дарованія, приписалъ себѣ побѣду надъ Ибрагимомъ на высотахъ Бекфеи, гдѣ онъ состоялъ подъ опекою Англичанъ и генерала Іохмуса, и обвинялъ въ измѣнѣ Ливанскаго князя за то что его милиція не поспѣла тогда занять ущелія съ тылу Ибрагима, и тѣмъ удвоить торжество побѣдителя плѣномъ Египетскаго полководца. Бездарный и безграмотный, злой и тупоумный паша направилъ тайное гоненіе и всѣ обычные происки Турецкой политики противъ несчастнаго Ливанскаго князя, и ускорилъ тѣмъ роковый кризисъ 1841 года.

Весною воспослѣдовало повелѣніе Порты, чтобы подать съ Ливанскихъ племенъ была постановлена не на общемъ основаніи финансовой системы, обнародованной незадолго предъ тѣмъ во всей имперіи, но постоянною суммою, на основаніи древняго обычая, какъ того желали горцы. Въ сравненіи съ тѣмъ, что платили эти племена при Египетскомъ правленіи, притязанія Порты были весьма умѣрены; она требо-

вала съ Ливана 4,000 мѣшковъ (около 110,000 руб. сереб.) ежегодной подати. Она предоставляла князю двѣ трети этой суммы на расходы по управленію, и довольствовалась остальною третью въ казенный доходъ. Для совѣщанія по этому дѣлу были созваны депутаты со всѣхъ округовъ въ селеніе *Айнанубъ*, въ 15 верстахъ отъ Бейрута. Анархическіе элементы, которые мутили горы современи изгнанія Египтянъ, сошлись и сняли личину въ этомъ сеймѣ. Епископъ Маронитскій Тобія, уполномоченный отъ своего Патріарха и подкрѣпляемый сочувствіемъ Французскихъ агентовъ, предлагалъ не только отказать въ уплатѣ податей, но сверхъ того требовать отъ правительства наградъ и возмездій за услуги оказанныя горцами въ войнѣ съ Ибрагимомъ и за всѣ понесенные убытки. Наконецъ требовалъ онъ уничтоженія всѣхъ таможенныхъ пошлинъ новаго тарифа, и предлагалъ, въ случаѣ несогласія Порты на все это, просить посредничества католическихъ Державъ, Франціи и Австріи.

Эти рѣчи дѣйствительно выражали въ ту эпоху чувство массы католическаго народонаселенія Ливана. Православные горцы и Друзы тогда-же отдѣлились отъ Маронитовъ. Первые подъ вліяніемъ умнаго греческаго духовенства легко постигли тайныя пружины и цѣль этихъ опасныхъ продѣлокъ. Вторые поджигали своихъ легковѣрныхъ соперниковъ, сулили имъ тайное свое содѣйствіе, усердно раздували бурю, среди которой надѣялись они сами достигнуть цѣли своей — возстановленія феодальныхъ правъ; однако не хотѣли навлечь на себя негодованіе правительства.

Марониты представили съ своей стороны всеподданническую просьбу, въ которой, излагая свои притязанія, присовокупляли, что подати взносятся отъ народа въ казну ради покровительства оказываемаго народу

отъ властей; они же не только не нуждались ни въ какомъ покровительствѣ, но даже были сами въ состояніи защищать и охранять другихъ...

Подобные доводы внушены горцамъ тѣми самими *доброжелателями* изъ Европейцевъ, которые потомъ наполняли журналы проклятіями на Турокъ, за то что они допустили бѣдствія и кровопролитія, которыми племя Маронитовъ искупило вскорѣ за тѣмъ свои шалости. Вина горцевъ не оправдываетъ ни въ какомъ случаѣ преступнаго равнодушія Султанскихъ властей къ ихъ бѣдствіямъ. Она лишь поясняетъ внутреннее расположеніе представителей Порты.

Князь Ливанскій, который по праву предсѣдательствовалъ въ этомъ анархическомъ сеймѣ, вмѣсто того чтобы обуздать его направленіе, успѣлъ только выставить на зрѣлище народу и правительству свое ничтожество. Шейхи Друзы предлагали ему свое вѣроломное содѣйствіе, но съ тѣмъ, чтобы онъ подчинился опекѣ одного изъ Джемблатовъ, подобно тому какъ предшественникъ его состоялъ нѣкогда подъ опекою шейха Бешира Джемблата. Маронитская аристократія его не уважала, и не повиновалась ему, стремясь къ возстановленію своего стариннаго анархическаго вліянія, унятаго Эмиръ-Беширомъ. Близкіе его родственники, вѣрные классическимъ преданіямъ Шагабовъ, были злѣйшими его врагами. Владѣтельный князь, отовсюду опутанный кознями явными или потаенными, пытался привлечь къ себѣ массы народныя. Основываясь на предписаніяхъ Порты о равенствѣ всѣхъ подданныхъ предъ закономъ и о раскладкѣ податей, сообразно со средствами каждаго, онъ сулилъ народу всякія льготы, былъ ласковымъ, снисходительнымъ, откровенно стремился къ избавленію племенъ Ливанскихъ отъ феодальнаго ига шейховъ и эмировъ. Но духовенство и

вліяніе Франціи двигали народными страстями. Эмиръ, любимый и уважаемый всѣми въ эпоху своего избранія, вскорѣ сдѣлался посмѣшищемъ своего народа, который приписывалъ его ласки и обѣщанія одному лишь безсилію.

По поводу экспедиціи 1840 года, въ которой участвовалъ Австрійскій Эрцъ-Герцогъ, и по поводу преувеличенныхъ разсказовъ о бѣдствіяхъ претерпѣнныхъ Ливанскими племенами, Австрія открыла подписки въ пользу своихъ Ливанскихъ единовѣрцевъ. Съ другой стороны Франція, для возстановленія политическаго своего вліянія, потрясеннаго въ Сиріи событіями 1840 года, посылала также обильныя пособія. Духовенство Маронитское дѣлало изъ этихъ суммъ употребленіе сообразное съ своими видами, а народъ болѣе и болѣе баловался, объясняя по своему участіе Европейскихъ Державъ въ его судьбѣ. Онъ читалъ въ арабскомъ переводѣ самыя нелѣпыя статьи, которыми шумѣли въ это время Французскіе оппозиціонные журналы, и ждалъ новаго крестоваго похода католической Европы. Поселяне Ливанскіе толковали въ своихъ сходбищахъ о какой-то сторонѣ во Франкистанѣ именуемой Швейцаріею, сторонѣ гористой подобно Ливану, не платящей никому податей. Слабоумный патріархъ Маронитскій, дѣлаясь игралищемъ обступавшихъ его вліяній, допускалъ распространеніе слуха о сношеніяхъ его съ католическими Державами, и о томъ, что по его просьбѣ не замедлитъ показаться Французскій флотъ для подкрѣпленія притязаній его племени. Случилось, что къ исходу лѣта Французская эскадра, которая крейсировала въ Средиземномъ Морѣ подъ флагомъ контръ-адмирала Ласюса, показалась на Бейрутскомъ рейдѣ. Здѣсь встрѣтилась она съ Англійскими кораблями, которые не переставали посѣщать Сирійскіе берега. Ма-

рониты, наблюдая съ своихъ высотъ, ждали съ часу на часъ, что Французы сгонятъ Англичанъ, противу которыхъ, послѣ восторговъ прошедшаго года, болѣе и болѣе росла народная ненависть подъ вліяніемъ фанатической проповѣди Римскаго духовенства.

Созрѣвали между тѣмъ и замыслы Друзовъ. Оружіе и снаряды, розданные союзниками или доставшіеся отъ Египетскихъ отрядовъ, продавались за безцѣнокъ. Друзы съ избыткомъ ими запаслись. По примѣру своихъ соперниковъ стали и они домогаться внѣшней подпоры. Въ это время Англія и Пруссія основывали въ Іерусалимѣ протестантскій храмъ, и учреждалось тамъ новое Епископство Англиканское, котораго главною цѣлію было обращеніе Евреевъ въ Христіанство. Въ глазахъ Ливанскихъ племенъ этимъ подтверждались прозелитическіе замыслы Англіи. Смѣтливые Друзы, домогаясь сочувствія Англійскихъ агентовъ, стали обнаруживать особенное расположеніе къ протестантскимъ миссіонерамъ, и приглашать ихъ къ проповѣдыванію своей вѣры въ горахъ, а въ то же время младшій братъ Джемблатовъ торжественно садился на Англійскій фрегатъ; почетныя лица принадлежащія библейскимъ обществамъ приглашали его на воспитаніе въ Лондонъ. Такимъ образомъ, ко всѣмъ внутреннимъ элементамъ раздоровъ между двумя первенствующими племенами на Ливанѣ, присоединялся и внѣшній элементъ, основанный на постоянномъ соперничествѣ двухъ Западныхъ Державъ.

Присутствіе флотовъ служило только къ тому чтобы болѣе и болѣе воспламенять страсти въ горцахъ. Среди безначалія, при безнаказанности всѣхъ преступленій, много крови было пролито въ частныхъ мщеніяхъ и въ семейныхъ спорахъ. Въ Августѣ случилась схватка между обывателями Друзомъ и Маронитомъ по

сосѣдству Деръ-эль-Камара за куропатку застрѣленную въ чужомъ огородѣ. Осталось на мѣстѣ убитыхъ и раненыхъ болѣе шестидесяти человѣкъ съ обѣихъ сторонъ. Правительство на все смотрѣло сквозь пальцы, и всѣ поминутно ждали общаго взрыва. Французскій адмиралъ, который одинъ между всѣми своими соотечественниками въ Сиріи не принялъ участія въ сплетняхъ Ливанскихъ, съ грустію отплылъ, сознаваясь въ томъ, что появленіе его флага послужило лишь къ вящшему раздраженію страстей.

Таковы были обстоятельства подавшія поводъ къ междоусобной войнѣ 1841 года. Она показалась Европѣ войною религіозною. Религіозная вражда между двумя племенами была не поводомъ къ войнѣ, но ея послѣдствіемъ. На Востокѣ, и преимущественно въ Сиріи, въ этой завѣтной сторонѣ всѣхъ вѣрованій, всѣхъ сектъ, религія составляетъ первенствующій элементъ гражданскаго быта, и по этому самому ея вліяніе отзывается и въ частной и въ общественной жизни, и въ политическихъ судьбахъ и въ чувствахъ каждаго племени. Но на Ливанѣ, при вѣковыхъ обуреваніяхъ его племенъ, то подъ знаменами Іеменіевъ и Кейссіевъ, то подъ вліяніемъ партій Езбекіевъ и Джемблатовъ, то въ бореніи владѣтельныхъ Князей противу феодальныхъ притязаній вассаловъ, земледѣльческія племена, населявшія эти горы и искавшія въ нихъ вольнаго пріюта отъ фанатизма Мусульманъ, никогда не обнаруживали чувствъ взаимныхъ ненавистей религіозныхъ. Нигдѣ на всемъ Востокѣ разныя Христіанскія исповѣданія и Магометанскія секты не наслаждались такою терпимостію и внутреннимъ миромъ. Въ этомъ отношеніи обращеніе владѣтельнаго семейства Шагабовъ въ христіанство, честолюбивые замыслы католическаго духовенства и происки протестантскихъ миссіонеровъ—составляютъ

роковую эпоху на Ливанѣ. Съ этого времени борьба древнихъ партій недолговѣчныхъ, и борьба политическихъ направленій, легко обуздываемыхъ первымъ даровитымъ правителемъ, замѣнились здѣсь злобною борьбою религіознаго чувства , порождающаго политическія страсти, и обрѣтающаго въ нихъ новую пищу своему фанатизму.

ГЛАВА XXII.

СМУТЫ ВЪ НАПЛУЗѢ И ВЪ ІУДЕѢ. — ПЕРВАЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА МАРОНИТОВЪ СЪ ДРУЗАМИ. — ТОРЖЕСТВО ДРУЗОВЪ. — СВЕРЖЕНІЕ КНЯЗЯ ЛИВАНСКАГО. — ПРИБЫТІЕ ВОЕННАГО МИНИСТРА, И ЕГО ОШИБКИ. — ОМАРЪ ПАША ЛИВАНСКІЙ. — КОЗНИ ШАГАБОВЪ. — ВНУТРЕННІЕ И ВНѢШНІЕ РЕЛИГІОЗНЫЕ ПРОИСКИ. — УЧАСТІЕ ЕВРОПЕЙСКИХЪ КАБИНЕТОВЪ ВЪ ДѢЛАХЪ ЛИВАНА. — АРЕСТЪ ШЕЙХОВЪ. — НОВЫЙ КОММИССАРЪ ПОРТЫ И НОВЫЯ ОШИБКИ. — ВОЛНЕНІЕ НА ЛИВАНѢ. — БУНТЪ ДРУЗОВЪ. — ТОРЖЕСТВО ОМАРЪ-ПАШИ.

Между тѣмъ какъ на Ливанѣ накоплялись горючія вещества, въ Наплузскихъ горахъ уже свирѣпствовала междоусобная война. Шейхъ Махмудъ Абдель-Хади, усилившійся подъ Египетскимъ правленіемъ и имъ возвеличенный, былъ подтвержденъ Турками въ правители Наплуза въ награду за измѣну противъ Ибрагима. Но уже появились въ этой сторонѣ шейхи, которые за пять лѣтъ предъ тѣмъ успѣли бѣгствомъ спастись отъ Ибрагима въ пору Наплузскихъ казней. Народъ былъ снабженъ оружіемъ розданнымъ изъ союзнаго лагеря, добытымъ отъ Египтянъ въ суматоху ихъ бѣгства, или купленнымъ на Ливанѣ. Наплузскіе горцы воинственнѣе и свирѣпѣе всѣхъ Сирійскихъ племенъ. Старыя семейныя вражды возобновились съ возвращеніемъ изгнанниковъ. По классическому обычаю Востока, пре-

возглашая свою вѣрноподданническую покорность Портѣ, и именуя себя рабами ея намѣстниковъ, шейхи составили конфедерацію противъ семейства Абдель-Хади, и пять лѣтъ сряду дрались. Паши въ это время назначали правителями, то изъ одной партіи то изъ другой, того кто былъ способнѣе представить казенныя подати и лучшіе подарки. Они не рѣшались вступиться во внутреннія дѣла края, хотя Турецкій гарнизонъ постоянно занималъ городъ.

Іудейскія горы также томились безначаліемъ. Между тамошними племенами наслѣдіе двѣнадцати-вѣковой вражды Іеменіевъ и Кейссіевъ благоговѣйно сберегается вмѣстѣ съ феодальными нравами и преданіями Арабскаго міра. Шейхи воспользовались политическимъ переворотомъ этой эпохи, чтобы посчитаться между собою старою местію послѣ принужденнаго мира, въ которомъ скучала Палестина подъ Египетскимъ правленіемъ. Кочевья Бедуиновъ съ своей стороны хлестали изъ пустыни опустошительными волнами вдоль всей восточной полосы населенной Сиріи, и безнаказанно грабили караваны и села. Повсюду и по всѣмъ отраслямъ управленія Султанскія власти, подъ суетными притязаніями умѣренности и правосудія, подъ наружнымъ блескомъ великолѣпія и торжественныхъ пріемовъ, успѣли только выказать племенамъ Сирійскимъ свою неспособность и безнравственность, и свойственные имъ гнусные пороки.

Все это благопріятствовало тайнымъ помысламъ шейховъ Ливанскихъ, которымъ слабый преемникъ Эмиръ-Бешира былъ тѣмъ ненавистнѣе, что и онъ по примѣру своего предшественника, хотя иными средствами, стремился къ попранію феодальныхъ правъ.

Послѣ неудачной попытки народнаго сейма паша не принялъ представленнаго Маронитами прошенія; но

копія съ этой смѣлой исповѣди народныхъ чувствъ была секретно представлена въ Порту. Встарину Порта повелѣла-бы сжечь нѣсколько деревень, пока народъ образумится. Пріученная тяжкими испытаніями къ терпѣливости и уступчивости, она приказала пашѣ, во что-бы-то ни стало, устроить дѣло ласкою. Были созваны въ Бейрутъ лица извѣстныя между горцами по миролюбивымъ своимъ наклонностямъ и по преданности правительству. Имъ розданы деньги, подарки и почетные кафтаны, подъ предлогомъ наградъ за услуги въ послѣднюю войну. При этомъ постановлена подать съ Ливана въ 3,500 мѣшковъ (100,000 р. с.) съ тѣмъ чтобы 1,200 мѣшковъ поступали въ казну, а остальная сумма Князю на расходы по управленію. За тѣмъ, хотя горцы вовсе не были расположены платить, повелѣно Князю приступить ко сбору податей — этому главному аттрибуту власти на Востокѣ. Предвидя грозу, Эмиръ просилъ у паши одного или двухъ батальоновъ регулярнаго войска; но ему было отказано, съ упрекомъ въ неспособности и неусердіи. Эмиръ рѣшился требовать податей сперва отъ Друзовъ, чтобы, въ случаѣ сопротивленія, призвать на ихъ голову гнѣвъ правительства. Къ тому же онъ надѣялся найти опору въ Христіанскомъ народонаселеніи южныхъ округовъ, враждебномъ Друзамъ.

Когда онъ прибылъ въ Деръ-эль-Камаръ, Друзы съ своей стороны уже готовились его свергнуть, по внушенію и подъ вліяніемъ братьевъ Абунакетовъ, бывшихъ лѣтъ за тридцать предъ тѣмъ владѣльцами округа. Вооруженные обыватели сходились въ городъ, и по нѣскольку ночей укрывались въ домахъ своихъ единовѣрцевъ. Когда все было готово, драка на площади между Маронитомъ и Друзомъ послужила сигналомъ. Друзы бросились убивать Христіанъ, грабить и сожигать ихъ домы. Обнявши сѣтію общаго заговора всѣ южные

округи, которыхъ христіанское народонаселеніе отказывало въ повиновеніи Шейхамъ, повсюду въ тотъ же день начались преслѣдованія на Христіанъ, убійства, пожары, грабежи, и тщательно отбиралось отъ нихъ оружіе.

При извѣстіи объ этомъ встрепенулись Марониты сѣверныхъ округовъ. Ихъ ополченіе въ числѣ 5,000 человѣкъ спустилось въ Бейрутскую равнину; но вмѣсто того чтобы поспѣшить на помощь къ Эмиру, который былъ осажденъ въ своемъ дворцѣ въ Деръ-эль-Камарѣ и отчаянно защищался, они предпочли аттаковать въ свою очередь городъ *Шуафетъ*, населенный Друзами и Православными, которые при самомъ открытіи войны условились не принимать въ ней никакого участія. Марониты въ своемъ фанатическомъ порывѣ поклялись предать грабежу храмъ Шуафетской Божьей Матери, чтимой на всемъ Ливанѣ не только Христіанами но и самими Друзами. Замѣчено, что когда Марониты торжествуютъ нѣтъ мѣры ихъ спѣси къ другимъ христіанскимъ племенамъ; въ пору народныхъ бѣдствій они ихъ называютъ братіями. Православные, которые почитаются самыми храбрыми между христіанскими племенами этихъ горъ, въ особенности терпятъ отъ католическаго ихъ изувѣрства. Эти взаимныя несогласія еще болѣе ослабляютъ Христіанъ, при ихъ природныхъ наклонностяхъ болѣе земледѣльческихъ чѣмъ воинскихъ, при внутреннемъ образованіи болѣе патріархальномъ чѣмъ феодальномъ, при нравѣ безпокойномъ, легкомысленномъ и говорливомъ, при предразсудкахъ секты, племени и рода, которыхъ роковое вліяніе посреди политическихъ кризисовъ подрываетъ всякое народное стремленіе. Все это служитъ отпечаткомъ народнаго ихъ воспитанія; они взросли въ уни-

чиженіи, а власть и военная сила искони были исключительнымъ достояніемъ Друзовъ.

Племя Друзовъ отличается между всѣми Азіятскими народами твердостію характера. Видя въ религіи одну лишь народность и залогъ политическаго единства, они нисколько не заботятся о таинственныхъ ея обрядахъ; но подобно Евреямъ ждутъ всемірнаго владычества въ законное наслѣдіе себѣ, и ненавидятъ всѣ другіе народы. Вѣрованіе въ переселеніе душъ и въ безсмертіе вещества внушаетъ имъ суровую бодрость въ бояхъ. Льготы, которыми пользовались Христіане Ливанскіе, особенно подъ Египетскимъ правленіемъ, внушали зависть другимъ Сирійскимъ племенамъ. Друзамъ оказываютъ большое сочувствіе не только единовѣрныя имъ племена Антиливана и Гаурана, но и самая масса Мусульманскаго народонаселенія, обиженнаго благосклонностію Египетскаго правленія къ Христіанамъ, и вытерпѣвшаго вмѣстѣ съ Друзами безпощадный законъ Египетскихъ рекрутскихъ наборовъ. Наконецъ Христіане Ливанскіе воздаютъ своей аристократіи одно лишь наружное рабское почитаніе; но имъ чуждо могучее чувство довѣрія и преданности дворянству. Друзы видятъ въ потомкахъ владѣтельныхъ семействъ геніевъ хранителей своего племени. Вся масса народонаселенія проникнута понятіями феодальнаго права. Когда Абунакеты проливали потоки крови Христіанской въ Деръ-эль-Камарѣ, даже женщины Друзки, бывшія въ Бейрутѣ, удивлялись жалобамъ Консуловъ Великихъ Державъ на равнодушіе Турецкихъ властей, утверждая, что шейхи не были ни предъ кѣмъ въ отвѣтѣ за свои поступки въ границахъ наслѣдственнаго своего удѣла. Преимущества эти съ избыткомъ вознаграждали Друзовъ за малочисленность ихъ племени въ сравненіи съ Христіанами.

Знакомый читателю Шибли-Аріанъ *), вступившій въ службу Ибрагима послѣ кровавыхъ своихъ подвиговъ въ Леджѣ, и покинувшій его знамена предъ отступленіемъ Египетскихъ войскъ изъ Дамаска, состоялъ въ это время въ Султанской службѣ, и командовалъ отрядомъ нерегулярной конницы въ Дамаскомъ Пашалыкѣ. Какъ только открылась междоусобная война на Ливанѣ, къ нему присоединилась ватага Антиливанскихъ Друзовъ. Онъ приступилъ къ христіанскому городу Захле, обозначая свои переходы по долинѣ Бекаа обезглавленными трупами Христіанъ. Захле замыкаетъ восточныя ущелія Ливана. Отселѣ Друзы могли проникнуть въ самое сердце христіанскихъ округовъ. Русскій консулъ былъ въ ту пору въ Дамаскѣ для переговоровъ съ пашею о защитѣ Христіанъ. Жители Захле обратились къ нему съ жалобнымъ воплемъ. Въ сопровожденіи легкаго кавалерійскаго отряда проскакалъ Консулъ ущелія Антиливана, и внезапно явился въ лагерь Друзовъ, обступившихъ уже городъ со стороны долины Килисирійской. Угроза Русскаго имени заставила Шибли-Аріана заключить перемиріе и отступить. Между тѣмъ для защиты города, по настоянію Консула, былъ наряженъ храбрый эмиръ Ханджаръ-Харфушъ изъ Бальбека съ дружиною Мотуаліевъ.

Шесть недѣль междоусобная война кипѣла по всему пространству южныхъ округовъ Ливана. Здѣсь Христіане были обезоружены и покорены Шейхами. Между тѣмъ многочисленный Маронитскій отрядъ безчинствовалъ предъ Шуафетомъ, не смѣя вступить въ ущелія на помощь своимъ единовѣрцамъ, а владѣтельный князь, оставленный даже своими ближними, одинъ съ немногими Албанцами тѣлохранителями, истощалъ по-

---

*) См. Главу VIII.

слѣдніе свои снаряды въ Деръ-эль-Камарѣ. Онъ былъ выручент изъ рукъ Друзовъ посредничествомъ Европейскихъ агентовъ. Друзы ограбили его домъ и захватили даже пару богатыхъ пистолетовъ, пожалованныхъ Эмиру отъ Королевы Викторіи.

Въ то самое время какъ Эмиръ Ливанскій спасался со стыдомъ въ Бейрутъ, 700 человѣкъ Друзовъ и Грековъ Шуафетскихъ разбивали пятитысячное Маронитское ополченіе въ Бейрутской равнинѣ. Сѣверные округи были объяты страхомъ. Если бы въ это время Эмиръ - Ханджаръ - Харфушъ не отстоялъ ущелій въ Захле, Друзы опустошили бы весь Ливанъ. Патріархъ Маронитскій, котораго слабоуміе и честолюбивыя затѣи ввергли горскія племена въ эти бѣдствія, спустился въ прибережныя селенія, готовый спасаться на французскій корветъ въ случаѣ нашествія Друзовъ.

Намѣстникъ Султанскій смотрѣлъ изъ Бейрута въ подзорную трубу на пожары, которыми обозначались на скатѣ горъ военныя дѣйствія. Дымъ пожаровъ Ливанскихъ заносило вѣтромъ среди ароматическаго дыма трубокъ и кальяновъ, которыми Турецкіе паши и военные офицеры занимали свои досуги по святымъ ночамъ Рамазана. При самомъ открытіи междоусобій Консулы Россіи, Англіи и Франціи представляли пашѣ о необходимости показаться самому съ двумя батальонами въ горахъ. Борьба горскихъ племенъ служила лучшею порукою ихъ повиновенія Туркамъ. Но паша тогда только рѣшился дѣйствовать, когда Христіане были повсюду поражены, разсѣяны, обезоружены, когда Друзы насытились грабежемъ и подчинили своей власти всѣ южные округи. Турецкіе отряды заняли Захле и Деръ-эль-Камаръ, и были приняты Христіанскимъ народонаселеніемъ какъ избавители. Вспомнимъ, что мѣсяца за два предъ тѣмъ появленіе Турецкаго войска въ горахъ было бы сигналомъ къ бунту.

Князь Ливанскій, сверженный бунтомъ прежде чѣмъ Порта произнесла свой приговоръ, оставался въ Бейрутѣ, а для защиты Христіанскаго народонаселенія южныхъ округовъ, искупившаго потоками крови свои незрѣлыя попытки, былъ наряженъ въ Деръ-эль-Камаръ Мусульманскій сановникъ. Друзы въ упоеніи успѣха вопіяли противу обращенія Шагабовъ въ Христіанство, и клялись не признавать болѣе ихъ власти.

Такъ праздновалась на горахъ осенью 1841 года первая годовщина паденія Египетскаго владычества. Безнаказанность Наплузскихъ междоусобій, которыя вспыхнули еще прежде, внушила племенамъ Ливанскимъ мысль рѣшить судомъ оружія народный процессъ, которымъ заключалось владычество Шагабовъ. Взаимная ненависть племенъ этихъ была плодомъ пятидесятилѣтняго управленія Эмиръ-Бешира. Старинное соперничество Іеменіевъ и Кейсіевъ было замѣнено въ прошедшемъ столѣтіи борьбою двухъ партій — Езбекіевъ и Джемблатовъ. Мы видѣли какимъ образомъ борьба этихъ партій послужила къ быстрому усиленію вліянія Шагабовъ. По умерщвленіи и ссылкѣ сперва Езбекіевъ, а потомъ Джемблатовъ, Эмиръ-Беширъ, уже обращенный въ Христіанство, не измѣнилъ основному правилу своихъ предшественниковъ — сѣять раздоры между горскими племенами. Самую религію употребилъ онъ въ орудіе раздора. Такимъ образомъ обращеніе въ Христіанство владѣтельнаго князя, потомка Магометова, сдѣлалось зародышемъ религіозныхъ ненавистей, которыя постоянно ростутъ между горскими племенами. Порта въ свою очередь пользуется готовымъ элементомъ раздора для усиленія своего вліянія. Она уловила эпоху и обстоятельства для введенія своей любимой системы правительственнаго единства, и для ниспроверженія мѣстныхъ элементовъ власти, основанныхъ на древнемъ феодаль-

номъ правѣ. Между тѣмъ какъ Селимъ-паша созывалъ въ Бейрутъ Друзовъ и Маронитовъ для заключенія мира, прибылъ на пароходахъ (12-го Декабря) Военный министръ Порты, сераскиръ Мустафа́-Нури-паша, съ войскомъ и съ полномочіями отъ Дивана для возстановленія порядка въ горахъ и для правительственнаго устройства. Онъ принялъ Эмира Ливанскаго ласково и съ почестями. Мустафа-Нури, нѣкогда любимецъ и статсъ-секретарь (Сиръ - Кіатибъ) Махмуда, былъ вѣренъ преданіямъ Оттоманской политики. Эти ласки были не къ добру. Онъ совѣтовалъ Эмиру отказаться добровольно отъ правленія, которое становилось уже невозможнымъ для него послѣ происшествій Ливанскихъ, и предлагалъ въ замѣнъ наслѣдственно въ его родѣ Христіанскій округъ Джибейль. Эмиръ не соглашался и требовалъ суда. 2-го Января 1842 года онъ былъ арестованъ и отправленъ въ Константинополь. Такъ заключилось владычество Шагабовъ на Ливанѣ, основанное за 147 лѣтъ предъ тѣмъ, и послужившее въ этотъ полуторавѣковой періодъ козней и смутъ къ постепенному усиленію Турецкаго вліянія въ горахъ.

Временнымъ правителемъ Ливана былъ назначенъ Омаръ-паша, ренегатъ изъ офицеровъ Австрійской службы. Друзы торжествовали. Среди этихъ переворотовъ они всего болѣе боялись возвращенія стараго Эмиръ-Бешира, который за нѣсколько мѣсяцевъ предъ тѣмъ переѣхалъ съ своимъ семействомъ и казною изъ Мальты въ Константинополь. Между тѣмъ какъ онъ тамъ предлагалъ Турецкимъ Министрамъ милліоны, а въ казну двойныя подати съ Ливана, его приверженцы волновали горы подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ бѣдствій католическаго народонаселенія Ливана, бѣдствій приписанныхъ паденію стараго правителя. Они старались привлечь къ нему сердца, воспрепятствовать успѣху всякой другой власти на Ливанѣ, утомить правитель-

ство, и рано ли поздно ли возстановить сверженнаго Эмира или одного изъ его сыновей. Католическое духовенство служило усерднымъ орудіемъ этихъ происковъ, которые нѣсколько лѣтъ сряду тревожили Ливанскія племена, пролили новые потоки крови, и развратили общественные нравы въ горахъ. Французское правительство, обиженное всѣмъ что свершилось на Востокѣ въ 1840 году вопреки его воли, видѣло въ бѣдствіяхъ Ливанскихъ племенъ исполненіе своихъ предреканій, и искало случая къ возстановленію своего вліянія. Его агенты дѣятельно поддерживали усилія партіи, которая становилась со дня на день сильнѣе, по мѣрѣ ошибокъ и неудачъ Турецкаго управленія; а въ Константинополѣ Посольство усердно ходатайствовало у Порты въ пользу притязаній стараго Эмира. На Ливанѣ сочинялись слезныя просьбы къ Султану отъ имени всѣхъ Христіанъ «о возстановленіи правителя христіанина изъ рода Шагабовъ». Чтобы успѣшнѣе покрыть эти просьбы тысячами подписей и печатей, просители домогались возмездія отъ Друзовъ за грабежи и пожары междоусобной войны, на сумму 60,000,000 піастровъ (3,500,000 р. сер.) Друзы напротивъ того излагали въ своихъ просьбахъ, что если будетъ вновь назначенъ на Ливанѣ князь христіанинъ, имъ оставалось покинуть свои горы, и искать убѣжища въ пустынномъ Гауранѣ. Впрочемъ подражая приверженцамъ Эмиръ-Бешира, которыхъ дѣйствія опирались на религіозномъ чувствѣ народа, Друзы взывали съ своей стороны къ правительству, обѣщаясь принять исламизмъ, и прося у Сераскира Имамовъ для Мусульманскаго оглашенія ихъ племени. Протестантскіе миссіонеры были при этомъ случаѣ выгнаны, и сношенія Шейховъ съ Англичанами прекратились на все время, пока разыгривалось это явленіе духовно-политической

драмы Ливана. Замѣтимъ здѣсь, что Мустафа-Нури, любимецъ Махмуда и герой старыхъ оргій Сераля, славился въ эту эпоху усердіемъ къ Исламу, старался ханжествомъ искупить вольнодумство своей молодости, шампанское и ромъ перваго періода преобразованій Стамбульскихъ. Онъ легко вдался въ обманъ; онъ не понялъ, что самый законъ Друзовъ, возлагая духовныя обязанности за весь народъ на одинъ только классъ *Оккаловъ*, или посвященныхъ, разрѣшаетъ массамъ народнымъ принимать временно внѣшнія формы какой бы то ни было религіи, сообразно съ обстоятельствами. Причетъ Имамовъ былъ наряженъ въ горы. Подъ ихъ руководствомъ народъ сталъ изучать пріемы *Намаза* въ глазахъ Турецкихъ офицеровъ. Впрочемъ Оккалы, видя усердіе Турокъ къ проповѣди Корана, стали опасаться, чтобы племя, отчужденное всякаго чувства и всякаго обряда духовнаго, не было въ самомъ дѣлѣ оглашено Мусульманствомъ, тогда какъ его Шейхи и духовенство думали только обмануть Сераскира. Чтобы предупредить всякое недоразумѣніе въ народѣ, Оккалы сошлись съ Шейхами въ Мухтарѣ, въ замкѣ Джемблатовъ, и тамъ въ мистическомъ пиру, по древнимъ своимъ обрядамъ, посвятили въ высшія степени своей іерархіи старшаго въ родѣ Джемблатовъ шейха Наамана. Достопримѣчательно, что этотъ молодой человѣкъ слылъ до того самымъ хитрымъ и предпріимчивымъ шейхомъ своего племени. Съ посвященіемъ своимъ въ религію отказался онъ отъ всякаго участія въ общественныхъ дѣлахъ, даже отъ управленія отцовскимъ имуществомъ и удѣлами, предался созерцательной лѣни, оглупѣлъ и по нынѣ, а развѣ по навѣту интригантовъ выходитъ порою изъ обычнаго своего безстрастія, чтобы затѣять ссору съ братомъ, къ которому онъ былъ нѣжно привязанъ прежде. Если перемѣну эту должно приписать

влiянiю религiи, то врядъ ли, при всѣхъ нашихъ изысканiяхъ о ней, открыли мы тайну ея страннаго закона.

Случилось, что именно въ ту пору, когда Мустафа-паша наряжалъ Имамовъ въ горы къ Друзамъ, прибылъ въ Бейрутъ новоназначенный въ Iерусалимъ Епископъ Англиканскiй Александръ, окрещенный раввинъ. Этимъ еще болѣе подтвердилось въ народѣ мнѣнiе о прозелитическихъ видахъ Англiи на племя Друзовъ, и усугубилось мнимое торжество Сераскира.

Все поведенiе Мустафы, его помышленiя, прiемы и рѣчи, клонились къ тому, чтобы возбудить въ Сирiйскихъ Мусульманахъ религiозный фанатизмъ, замѣняющiй въ Восточныхъ племенахъ чувство народности, преданность государю и любовь къ отечеству. Негодуя на Христiанскiя племена Сирiи, вперявшiя свои взоры съ любовью и упованiемъ на единовѣрныя имъ Европейскiя Державы, Сераскиръ хотѣлъ противуставить этому чувству изувѣрство преобладающаго въ Сирiи Магометанскаго народонаселенiя, и безъ того уже озлобленнаго на Христiанъ. Негодуя на довѣрiе внушаемое Христiанамъ единовѣрными Державами въ ущербъ Турецкаго влiянiя, Сераскиръ думалъ торжественностiю прiемовъ, великолѣпiемъ, безчисленною свитою и пышными рѣчами возстановить въ глазахъ народа утраченное мнѣнiе о Блистательной Портѣ и о Пашахъ. Въ прибытiе свое въ Дамаскъ онъ между прочимъ произнесъ рѣчь собравшимся съ поклономъ Мусульманскимъ приматамъ, чтобы доказать имъ, что Египтяне были изгнаны вовсе не по рѣшенiю Христiанскихъ Державъ и ихъ оружiемъ, какъ носился о томъ слухъ, но единственно влiянiемъ *побѣдоносной кометы Султановъ.* Между тѣмъ и рѣчами и личнымъ примѣромъ проповѣдывалъ онъ усердiе къ

Исламу, укорялъ Ибрагима въ пристрастіи къ Гяурамъ, и хотя не принималъ самъ никакихъ мѣръ противу Христіанъ, однако обращался съ ними презрительно, а Генеральнымъ Консуламъ, за вмѣшательство ихъ въ дѣла по управленію, мстилъ тѣмъ что по примѣру прежнихъ пашей не привставалъ имъ, не возвращалъ визитовъ, и оставлялъ безъ вниманія ихъ жалобы. Мустафа не подозрѣвалъ, что поведеніе его въ Сиріи наводило тяжкія заботы на его правительство. Въ самомъ дѣлѣ, до его прибытія Друзы страшились отвѣтственности за свои злодѣйства. Потомъ, ободренные поведеніемъ Мустафы, они возобновили гоненіе на Христіанъ, феодальныя ихъ притязанія возрасли, и они хотѣли уже предписывать свой законъ Омаръ-пашѣ, прикрывая свои безчинства и неповиновеніе затвержденными фразами о преданности Портѣ и пашамъ. Вопли Христіанскаго народонаселенія, обманутаго въ своихъ ожиданіяхъ, нашли отголосокъ по всей Европѣ. Союзные Кабинеты напомнили Портѣ данное ею обѣщаніе Сирійскимъ племенамъ не касаться мѣстныхъ льготъ и правъ освященныхъ временемъ. Ей совѣтовали отказаться отъ неудачной попытки введенія непосредственнаго Турецкаго управленія въ Ливанскія горы. Въ самомъ дѣлѣ первымъ результатомъ этой попытки было возстановленіе власти Шейховъ надъ ограбленнымъ и обгорѣлымъ народомъ. Порта настаивала на своемъ притязаніи. Чтобы выиграть время наряжала она въ Бейрутъ коммиссаромъ Селимъ-Бея, внука знаменитаго Али-паши Янинскаго, съ порученіемъ изслѣдовать нужды и желанія Ливанскихъ племенъ; а во удовлетвореніе Посольствъ предписывалось Сераскиру и Омаръ-пашѣ оказывать всякое покровительство Христіанскимъ племенамъ, и внушать имъ довѣріе. Обстоятельства были благопріятны проискамъ

приверженцовъ Эмиръ-Бешира. Франція въ это время усердно ходатайствовала за стараго Эмира. Однакожъ Порта, не смотря на приманку умноженія дохода, слишкомъ боялась направленія семейства Шагабовъ, не говоря уже о томъ, что и по религіозному чувству она не могла простить обращенія ихъ въ Христіанство. Съ другой стороны союзные Кабинеты, подъ вліяніемъ которыхъ совершился переворотъ 1840 года, могли ли согласиться на возстановленіе падшаго Эмира, тогда какъ сверженіе его было первымъ публичнымъ актомъ экспедиціи на берегу Сирійскомъ? Могли ли требовать они возстановленія его преемника Эмира Касема, котораго неспособность подала поводъ къ междоусобію 1841 года? Но за одно съ Франціею и другія Державы, внимая воплю Христіанъ, настаивали на удаленіе паши и на возстановленіе мѣстныхъ элементовъ внутренняго управленія. Задача состояла въ пріисканіи формы возстановленія, которая удовлетворяла бы противоположные интересы племенъ Ливанскихъ, Порты и обступающихъ ее вліяній.

Послѣдствія указанныхъ нами ошибокъ Сераскира пособили развитію мудренной задачи. Дерзость Друзовъ не вѣдала уже границъ. Остатки Христіанскаго народонаселенія Деръ-эль-Камара укрылись въ Бейрутъ и въ Сайду, покинувши городъ, гдѣ шейхъ Нассифъ-Абунакетъ продолжалъ свои свирѣпства въ глазахъ паши и гарнизона, занимавшаго Бтеддинскій замокъ Эмиръ-Бешира, въ двухъ верстахъ оттуда. Порта предписывала унять Друзовъ, если не изъ участія къ судьбѣ Христіанъ, то изъ уваженія къ предстательству Великихъ Державъ.

Въ концѣ Марта (1842 г.) по условленному знаку были арестованы въ Бтеддинѣ созванные туда Омаръ-пашею на совѣщаніе восемь Шейховъ: братья Джем-

блаты, Хатаръ-Амадъ, Эмиръ-Ахметъ-Русланъ, Хуссейнъ-Тальхукъ, Нассифъ-Абунакетъ, Хуссейнъ-Эддинъ и Мухаммедъ-эль-Кади. Изъ числа Шейховъ, которые по своимъ богатствамъ, по роду или по личнымъ качествамъ, имѣли влiянiе въ горахъ, только трое избѣгли плѣна: эмиръ Эминъ-Русланъ, шейхъ Хамудъ-Абунакетъ, коихъ братья были задержаны, и шейхъ Юсефъ-Абдель-Мелекъ. При извѣстiи о задержанiи Шейховъ все племя Друзовъ встрепенулось; но безъ своихъ предводителей оно видѣло себя осужденнымъ безсилiю. Омаръ-паша принялъ мѣры предосторожности; изо всѣхъ окрестностей отряды войскъ были сосредоточены въ замкѣ; гарнизонъ усилился до 4,000, а сообщенiя съ берегомъ обезпечены занятiемъ ущелiй по дорогѣ въ Сайду. Плѣнники были туда отправлены подъ сильнымъ конвоемъ, и на пароходѣ перевезены въ Бейрутъ.

И въ этотъ разъ какъ и всегда внутреннiя распри горцевъ служили порукою силы пашей въ горахъ и средствомъ обузданiя партiй однѣхъ другими. Христiане Ливанскiе были готовы подняться массою и отомстить Друзамъ. Такимъ образомъ религiозныя ненависти, на которыхъ основывалъ свое грядущее влiянiе родъ Шагабовъ, служили къ достиженiю предположенной Портою цѣли — къ подрыву мѣстныхъ элементовъ, и къ усиленiю Турецкаго влiянiя, не смотря на всѣ ошибки Порты и пашей.

Теперь обласканные Портою Христiане стали оправляться. Жители Деръ-эль-Камара возвратились въ свой городъ, и подъ покровительствомъ паши вступили во владѣнiе домами и садами, которые были захвачены Друзами. Тоже происходило по всему южному Ливану. Милицiя изъ христiанъ вступила въ службу Омаръ-паши.

Коммиссаръ Порты Селимъ - Бей объѣхалъ лѣтомъ горы, предлагая жителямъ безбоязненно выразить свои чувства. Приверженцы Шагабовъ усугубили происки и усилія своей партіи. Вторичное появленіе Французскаго флота подъ флагомъ контръ - адмирала Ласюса, придавало имъ новую дѣятельность. Маронитская аристократія дала флоту зрѣлище своихъ семейныхъ преданій новыми братоубійствами между Шагабами въ городѣ *Газиръ*. Друзы и много христіанскихъ общинъ, между которыми впечатлѣніе долголѣтнихъ угнетеній Эмиръ-Бешира было сильнѣе чѣмъ свѣжія раны междоусобій, просили непосредственнаго Турецкаго управленія; но большинство католиковъ возобновляло просьбу о правителѣ христіанинѣ изъ рода Шагабовъ. Съ обѣихъ сторонъ было представлено по нѣскольку тысячь подписей и печатей, въ томъ числѣ множество именъ вымышленныхъ и печатей поддѣльныхъ. Такъ-то Арабскія племена, надъ которыми тяготѣетъ двойное иго феодальныхъ Шейховъ и Турецкаго деспотизма, посвящались на объумъ въ представительныя формы.

Просьбы поданныя Горцами Селимъ-Бею, или представленныя ими непосредственно въ Порту, должны были послужить юридическими документами процесса объ устройствѣ правительственной власти въ горахъ; а въ этомъ процессѣ, по принятому имъ обороту, Европейскіе Кабинеты имѣли голосъ совѣщательный. Обстоятельства узаконяли постоянное вступничество Европейскихъ кабинетовъ во внутреннія дѣла Державы, которой независимость и неприкосновенность дѣлалась съ 1839 года необходимымъ текстомъ протоколовъ и трактатовъ.

Между тѣмъ какъ въ Константинополѣ велись переговоры между Оттоманскимъ Кабинетомъ и Посольствами, Друзы готовились свергнуть Омаръ - пашу, котораго

вліяніе возрастало со дня арестованія Шейховъ. Они стали взывать къ чувству обнаруженному Маронитами на сеймѣ въ Айнанубѣ; соглашались подчиниться Христіанскому князю, вознаградить за всѣ убытки междоусобной войны; льстили въ одно время чувству народности и чувству корысти, этимъ двумъ могущественнѣйшимъ пружинамъ Восточнаго міра, чтобы только привлечь въ свою сторону Христіанскія племена. Опытъ прошедшаго предостерегъ Маронитовъ; они хорошо помнили, что хитрые ихъ соперники за годъ предъ тѣмъ точно также ободряли ихъ къ отказу подати, чтобы только навлечь на нихъ гнѣвъ правительства, а потомъ такъ безжалостно ихъ казнили. Въ предчувствіи возстанія Друзовъ правительство съ своей стороны ласкало Христіанъ, обнадеживало ихъ возмездіемъ за убытки 1841 года, не требовало податей, оставляло безнаказанными всѣ ихъ проступки, и всячески старалось содержать ихъ въ покоѣ, пока удалось бы раздѣлаться съ Друзами. Округъ *Эхденъ*, въ сѣверной оконечности Ливана, населенный одними Маронитами, почитается мѣстомъ святымъ. Здѣсь высятся знаменитые кедры Ливанскіе, откуда Соломонъ бралъ лѣсъ для храма Іерусалимскаго. По физіололическимъ изслѣдованіямъ имъ приписывается возрастъ въ нѣсколько тысячелѣтій. Въ ихъ тѣни, на снѣжной вершинѣ, укрываются часовни благочестивыхъ отшельниковъ. Здѣсь, по народному повѣрію, былъ земной рай. Самое имя *Эхденъ*, или по произношенію западныхъ народовъ *Эдемъ*, наводитъ благоговѣйныя воспоминанія. Эмиръ - Абдаллахъ Шагабъ, близкій родственникъ Эмиръ-Бешира, во время появленія Французскаго флота, призывалъ къ бунту Маронитовъ; за тѣмъ онъ бѣжалъ въ Эхденъ. Была послана за нимъ погоня. Онъ успѣлъ увѣрить жителей, что Турецкое войско входитъ въ ущелія, чтобы отобрать у нихъ

оружіе и взыскать подати и контрибуціи. 1-го Октября горцы заняли ущеліе, куда неосторожно вступалъ ночью отрядъ регулярной пѣхоты, убили изъ своей засады человѣкъ пятнадцать, и принудили остальныхъ отступить въ Триполи. Трупы Низамовъ были сожжены озлобленными Горцами. Слухъ о возстаніи сѣверныхъ округовъ Ливана заставилъ Друзовъ поспѣшить открытіемъ военныхъ дѣйствій. Сперва пытались они отрѣзать водопроводъ Птеддинскаго замка; но Омаръ-паша выступилъ съ артиллеріею и разогналъ ихъ. Ватаги бунтовщиковъ стали рыскать по большой дорогѣ ведущей чрезъ горы изъ Бейрута въ Дамаскъ, и не касаясь торговыхъ каравановъ и частныхъ лицъ, захватывали всѣ конвои правительства. Въ такихъ обстоятельствахъ нельзя было помышлять о наказаніи Эхдена. Сераскиръ предалъ военному суду офицера командовавшаго отрядомъ, обвиняя его въ томъ, что безчинства его солдатъ привели въ отчаяніе горцевъ, вѣрныхъ и преданныхъ правительству. Въ то же время приступала съ одной стороны къ провинившемуся округу Албанская милиція, а съ другой спускался туда изъ внутреннихъ хребтовъ Ливана сильный регулярный отрядъ. Но Мехметъ-пашѣ, начальствовавшему этою экспедиціею, было повелѣно ограничиться угрозою, и довольствоваться всякимъ оправданіемъ горцевъ, тщательно избѣгая непріятельскихъ дѣйствій. Преступные Христіане явились съ повинною, приняли въ свои горы и угостили пашу *безъ войска*, засвидѣтельствовали тѣмъ свою покорность, а Сераскиръ охотно всему повѣрилъ. Этою обычною тактикою правительственной науки Турокъ была унята буря въ сѣверной сторонѣ Ливана, когда бунтъ загорался по всѣмъ южнымъ округамъ.

Въ такомъ-то состояніи дѣлъ покинулъ Сирію Му-

стафа-Нури, и вскорѣ за тѣмъ былъ удаленъ отъ министерства. Эссадъ-паша Алепскій, переведенный въ Сайдскій Эйалетъ, принялъ наслѣдіе заботъ, завѣщанныхъ ему темною политикою Сераскира. Въ самомъ дѣлѣ Военный министръ, наряженный въ Сирію съ порученіемъ устроить дѣла Ливана, болѣе прежняго все перепуталъ, вдался въ обманъ, замыслилъ прозелитизмъ въ горахъ, возбудилъ изувѣрство Мусульманъ, хитрилъ съ партіями, льстилъ страстямъ, уронилъ достоинство своего правительства, тогда какъ ему надлежало явиться безпристрастнымъ судіею народной распри, и возстановить законный порядокъ.

Въ исходѣ Октября по призыву Ливанскихъ Друзовъ Шейхъ-Шибли-Аріанъ, съ тремя тысячами своихъ единовѣрцевъ изъ Антиливана и Гаурана, вступилъ въ Ливанскія горы, и занялъ Мухтарскій замокъ Джемблатовъ, въ 12 верстахъ отъ Птеддина. Именемъ всего племени Друзовъ онъ сталъ требовать у Пашей освобожденія Шейховъ, которые уже столько мѣсяцевъ томились въ заточеніи въ Бейрутѣ. Эссадъ-паша истощилъ всѣ усилія, чтобы добромъ и лаской утишить бурю, и обѣщалъ немедленно смѣнить Омаръ-пашу, на котораго преимущественно вопіяли Друзы. Изъ арестованныхъ въ Бейрутѣ Шейховъ трое были отправлены пашею въ горы, чтобы уговорить единовѣрцевъ; но и они присоединились къ бунтовщикамъ. Оставалось рѣшить дѣло оружіемъ. Положеніе Омаръ-паши и турецкаго гарнизона въ Птеддинѣ становилось критическимъ. Друзы успѣли отрѣзать сообщенія съ берегомъ, а продовольствія не было. Омаръ-паша между тѣмъ училъ свое войско маневрамъ среди скалъ и ущелій обступающихъ замокъ. Въ 1833 году онъ видѣлъ въ Русскомъ лагерѣ на Босфорѣ эволюціи нашихъ егерей и застрѣльщиковъ по нотнымъ сигналамъ въ трубу. Эту

тактику рѣшился онъ принаровить къ мѣстностямъ, гдѣ всякая эволюція регулярнаго войска была сопряжена съ великими затрудненіями. Друзы думали сперва, что онъ со скуки забавляетъ Низамовъ. Они приходили любоваться на солдатъ, которые по звуку трубъ, передававшихъ одинокую ноту съ горы на гору, то бѣжали въ разсыпную, то ложились наземь, то изчезали между скалъ, то вдругъ невидимо откуда строились опять въ ряды и маршировали мѣрнымъ шагомъ. Бунтовщики съ высокихъ скалъ глазѣли на маневры, и порою наскакивая по камнямъ, по тропинкамъ ныряющимъ въ пропасти, на своихъ чудныхъ горскихъ кобылицахъ, издѣвались надъ Пашею и надъ Низамомъ. Наконецъ ватаги обступили замокъ и стали вызывать на бой гарнизонъ. Омаръ-паша принялъ ихъ вызовъ, и въ то же время, по условленному съ Эссадъ-пашею плану, два батальона подъ начальствомъ Решидъ-паши, перевезенные изъ Бейрута въ Сайду на пароходахъ, неожиданно вступали въ ущелія, разгоняя картечью засады горцевъ по дорогѣ въ Деръ-эль-Камаръ. Омаръ-паша едва заслышалъ пальбу, ударилъ на мятежниковъ, которые тогда только поняли смыслъ егерскаго ученія и трубнаго звука. Они храбро дрались, но не могли устоять. Отступая и отстрѣливаясь подъ прикрытіемъ мѣстностей, они вдругъ увидѣли за собою колонну Решидъ-паши, которая съ запасами, съ артиллеріею и съ легкимъ отрядомъ Албанцевъ уже прошла ущелія. Пораженіе мятежниковъ было повсемѣстнымъ. Болѣе тѣсячи ихъ легло. До поздней ночи ихъ преслѣдовалъ Омаръ-паша по разнымъ направленіямъ, и на другой день сожигалъ замокъ Мухтарскій, въ наказаніе за измѣну Сайда Джемблата, одного изъ Шейховъ отпущенныхъ Эссадъ-пашею въ горы для переговоровъ съ мятежниками.

Такъ окончилось однимъ рѣшительнымъ ударомъ возстаніе Друзовъ въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ за годъ ровно предъ тѣмъ они ругались надъ Христіанами. Этимъ успѣхомъ Турецкаго оружія заключился второй годъ возстановленія Султанской власти въ Сиріи. Въ этомъ краю, присужденномъ Портѣ волею Великихъ Державъ, эпохи обозначаются не по развитію гражданскаго благоустройства и закона, но по междоусобіямъ племенъ въ угоду пашей, по ихъ бунтамъ противу пашей, по послѣдовательнымъ кровопролитіямъ. Турки все это приписываютъ навыку племенъ и внѣшнимъ вліяніямъ. Безъ сомнѣнія, въ нынѣшнемъ состояніи края ежечасно отзываются тѣ событія, изслѣдованію которыхъ въ лѣтописяхъ и въ народныхъ преданіяхъ посвятили мы первыя главы нашей книги. Самыя обстоятельства внутреннія и внѣшнія, которыми ознаменовано возстановленіе Султанской власти въ 1840 году, завѣщали Портѣ долгій и кровный трудъ въ семъ краѣ, и тяжкія пожертвованія вмѣсто выгодъ, которыхъ она надѣялась отъ своего пріобрѣтенія. Но всего прежде должны Турки обвинять самихъ себя и своихъ Пашей, свое колебаніе между преданіями старины и театральнымъ либерализмомъ теорій, не соотвѣтствующихъ ни народнымъ ни правительственнымъ элементамъ края. Присовокупимъ къ этому, что сама Порта никакихъ свѣдѣній не имѣетъ о внутреннемъ состояніи далекихъ областей и разнохарактерныхъ племенъ ей подвластныхъ. Безпечность эта была простительнѣе въ ту эпоху, когда полномочія ввѣряемыя намѣстникамъ Султана избавляли центральную власть отъ всякихъ заботъ по управленію областей. Но совмѣстна ли она съ нынѣшними притязаніями Порты, которая забрала въ свои руки всѣ власти, и безъ всякихъ статистическихъ свѣдѣній о краѣ и о племенахъ, диктуетъ

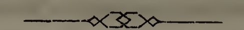
на обумъ своимъ Пашамъ наказы или *кануны*, по выраженію Турецкой канцеляріи, которыхъ исполненіе несбыточно? Какъ бы то ни было наказаніе бунтовщиковъ внушило народу выгодное мнѣніе о регулярномъ войскѣ Султана. Среди горъ, гдѣ Друзы надѣялись продлить безнаказанно свой бунтъ, какъ въ Леджѣ, одною блистательною побѣдою Турки разсѣяли многочисленныя полчища Горцевъ, и разбили самаго Шибли-Аріана, героя Гауранской войны, Ахилла Сирійской эпопеи, прозваннаго въ народѣ «Мечемъ вѣры», *Сейфъэддинъ*, своего племени.

Не постигая новой правительственной системы, надѣясь что попрежнему мятежникъ одного пашалыка найдетъ вѣрное убѣжище у сосѣдняго Паши, Шибли-Аріанъ послѣ Ливанскихъ своихъ приключеній явился въ Дамаскъ. Ахметъ паша Дамаскій продлилъ еще на нѣсколько дней эту мечту, и въ надеждѣ заманить къ себѣ всѣхъ его сообщниковъ, принялъ бунтовщика ласково, одарилъ его шалью и кафтаномъ. За тѣмъ Шибли-Аріанъ былъ отправленъ въ Константинополь, и посаженъ въ Адмиралтейскій острогъ *). Его сообщники шейхъ Юсефъ-Абдельмелекъ и Эмиръ-Эминъ-Русланъ, укрылись въ домѣ Англійскаго консула въ Дамаскѣ, и впослѣдствіи прощены. Измѣна молодаго

---

*) Въ объясненіи моемъ съ Шибли-Аріаномъ подъ Захлею въ его лагерѣ въ 1841 году, я въ присутствіи всѣхъ его совѣтниковъ и главныхъ сподвижниковъ, предсказывалъ ему эту участь. Мой драгоманъ боялся перевести мои слова по-арабски, чтобы буйный шейхъ не пришелъ въ изступленіе. Я сталъ запросто ему объяснять мое предсказаніе по-турецки (онъ понималъ языкъ этотъ) и просилъ его самаго передать по-арабски присутствовавшимъ. Съ улыбкою, съ гнѣвомъ и со вздохомъ Шибли исполнилъ мое требованіе. Картина эта глубоко запечатлѣлась въ моей памяти. Каждая изъ 60 или 70 физіономій шейховъ, меня окружавшихъ, казалась типомъ уловленнымъ изъ полотенъ Рембранта и Сальватора Розы.

Сайда-Джемблата, который по неспособности старшаго брата, вступившаго въ сословіе Окаловъ, былъ въ это время главою могущественнаго дома Джемблатовъ, представилась Эссадъ Пашѣ дѣтскою шалостію. Онъ былъ также прощенъ, и принялъ вновь управленіе своихъ обширныхъ удѣловъ.



ГЛАВА XXIII.

НОВАЯ СИСТЕМА УПРАВЛЕНІЯ НА ЛИВАНѢ. — ПАДЕНІЕ ШАГАБОВЪ.— ДВА КАЙМАКАМА. — ИХЪ ОБОЮДНЫЯ ПРИТЯЗАНІЯ. — ВОПРОСЪ О СМѢШАННЫХЪ ОКРУГАХЪ. — РЕЛИГІОЗНОЕ НАПРАВЛЕНІЕ ПОЛИТИЧЕСКАГО ПРОЦЕСА ЛИВАНА. — ПРИБЫТІЕ КАПИТАНЪ - ПАШИ СЪ ФЛОТОМЪ. — ЗАБЛУЖДЕНІЕ ОБЩЕСТВЕННАГО МНѢНІЯ, И ЕГО ВЛІЯНІЕ НА ДѢЛА ЛИВАНА. — НАРОДНЫЙ ЗАГОВОРЪ. — РАЗБОИ И УБІЙСТВА. — ПОѢЗДЪ ЭССАДЪ-ПАШИ ВЪ ГОРЫ. — ЕГО СМѢНА. — ОТПЛЫТІЕ КАПИТАНЪ-ПАШИ, И ВТОРАЯ МЕЖДОУСОБНАЯ ВОЙНА НА ЛИВАНѢ.—РАСПОЛОЖЕНІЯ ТУРЕЦКИХЪ ВЛАСТЕЙ И ВОЙСКА. — БѢДСТВІЯ АНТИЛИВАНСКИХЪ ХРИСТІАНЪ. — ПОСЛѢДСТВІЯ ПРОЗЕЛИТИЧЕСКИХЪ ПРОИСКОВЪ ВЪ ХАСБЕѢ. — ПРИТЯЗАНІЯ КАТОЛИЧЕСКИХЪ ДЕРЖАВЪ. — ССЫЛКА СТАРАГО ЭМИРА, И ОТСТУПНИЧЕСТВО ЕГО ДѢТЕЙ И ВНУКОВЪ — НОВЫЯ СМУТЫ ВЪ МАРОНИТАХЪ ПО ПОВОДУ ИЗБРАНІЯ ПАТРІАРХА. — АЛИ - ПАША ДАМАСКІЙ, И ЕГО ИНДѢЙКИ. — ЗЛОДѢЙСТВА АБУГОША ВЪ ІУДЕѢ. — ДѢЛА БЕДУИНОВЪ.

Едва усмирился бунтъ Ливанскій, поспѣли изъ Константинополя новыя распоряженія Порты о внутреннемъ управленіи этихъ горъ. Настоянія Великихъ Державъ и неудачи послѣдней попытки заставили Порту отказаться отъ любимой ея мысли — паши Ливанскаго. Она ввѣряла управленіе горъ мѣстнымъ элементамъ. Приписывая въ то же время всѣ неустройства и мятежи

взаимнымъ враждамъ Друзовъ и Маронитовъ, Порта постановила, чтобы управленіе горскихъ племенъ было ввѣрено двумъ *каймакамамъ* изъ туземцевъ, намѣстникамъ Сайдскаго паши, Друзу надъ Друзами, Христіанину надъ Маронитами. Семейство Шагабовъ было навсегда исключено отъ управленія. Европейскіе кабинеты единодушно одобрили устройство это, равно и приговоръ произнесенный Портою надъ отпадшимъ владѣтельнымъ домомъ. Нота Французскаго Посольства торжественно сознавала тогда «les droits inprescriptibles de là Porte» въ отношеніи этой мѣры. Увидимъ въ послѣдствіи были ли согласны дѣйствія Французскаго Посольства съ принятымъ такимъ образомъ обязательствомъ. Эссадъ-пашѣ повелѣвалось приступить тотчасъ къ избранію каймакамовъ. Каймакамомъ надъ Христіанами былъ назначенъ Эмиръ-Хайдаръ, глава семейства Булема, родственнаго Шагабамъ, обращеннаго въ Христіанство вмѣстѣ съ Шагабами, и занимавшаго послѣ нихъ первое мѣсто въ христіанской олигархіи Ливана. Избраніе каймакама надъ Друзами представляло болѣе затрудненій. Всѣ Шейхи были въ опалѣ; одни содержались подъ арестомъ, другіе участвовали въ недавнемъ бунтѣ. Изъ этихъ двухъ категорій паша предпочелъ заключенниковъ бунтовщикамъ. Его выборъ, по совѣщаніи съ кандидатами, палъ на Эмира Ахмета Руслана, котораго родной братъ Эминъ еще недавно воевалъ противъ Омаръ-паши.

Можно было надѣяться, что Друзы съ восторгомъ примутъ рѣшеніе лестное для ихъ народности, надъ которою тяготѣло доселѣ ненавистное иго Шагабовъ и гроза турецкая. Напротивъ того, они по феодальному устройству ихъ общества, по взаимному соперничеству лицъ и семействъ, по раздѣленію массы народа на двѣ партіи, Езбекіевъ и Джемблатовъ, предпочитали влады-

чество внѣшнее, при которомъ каждая партія сохраняла свои права и свое вліяніе, власти лица избраннаго изъ ихъ среды, и которое могло присовокупить къ внѣшней подпорѣ, со стороны Оттоманскихъ властей, собственное вліяніе, и тѣмъ самимъ могло по примѣру Шагабовъ стремиться къ попранію аристократіи своего племени. Вспомнимъ, что и по пресѣченіи древняго владѣтельнаго дома Маановъ, въ концѣ XVII вѣка, Шейхи предпочли призвать къ себѣ князя изъ сосѣдняго Антиливана, чѣмъ дѣлать выборъ изъ своей среды. Но теперь свѣжее впечатлѣніе народнаго бѣдствія, тюрьма, въ которой уже восемь мѣсяцевъ они томились, опала висѣвшая надъ бѣжавшими родственниками — все это заставило ихъ покориться безпрекословно волѣ правительства, и принужденно принять даруемую льготу. За то, въ обезпеченіе своихъ феодальныхъ притязаній, они еще въ стѣнахъ тюрьмы заключали съ новымъ каймакамомъ тайныя условія, въ силу которыхъ онъ обязывался узаконять только личиною своей власти предъ глазами правительства все внутреннее самоуправство Шейховъ, и предоставлялъ имъ не только присвоенныя ему законныя права, но сверхъ того и часть своего жалованья. Замѣтимъ, что древнія права владѣтельныхъ Князей Ливанскихъ уничтожены при этомъ, а Каймакамамъ, поставленнымъ въ категорію правительственныхъ властей, опредѣлено жалованье.

Маронитскому Каймакаму предстояло также бороться съ происками партіи Шагабовъ, которая несмотря на произнесенный Портою приговоръ и на признаніе этого приговора самою Франціею, на которую возлагала она всѣ свои надежды, еще долго не переставала тревожить край, раздувать народныя страсти, противуставлять свойственныя Азіатцамъ лукавства всякому успѣху правительственной власти въ горахъ, чтобы только длить анархію,

возбуждать вопль народа, утомлять и Порту и католическія Державы жалобами, и убѣдить всѣхъ въ томъ, что безъ Шагабовъ гражданское устройство Ливана несбыточно.

Подъ такими-то знаменіями открылась система 1842 года, основанная на теоріи о томъ, что для прекращенія кровавыхъ споровъ между Друзами и Маронитами надлежало прежде всего раздвоить внутреннее ихъ управленіе. Но при этомъ было упущено изъ виду одно важное обстоятельство: по всѣмъ южнымъ округамъ Ливана, подчиненнымъ Шейхамъ Друзамъ, народонаселеніе состоитъ по поламъ изъ Друзовъ и Христіанъ; послѣдніе даже въ большинствѣ. Въ этихъ самихъ округахъ свирѣпствовала преимущественно народная вражда между двухъ племенъ; здѣсь былъ театръ недавнихъ междоусобій; и самое междоусобіе 1841 года было послѣдствіемъ попытки христіанскаго народонаселенія къ сверженію ига Шейховъ. Въ силу новой системы Маронитскій Каймакамъ простиралъ свои притязанія на всѣ округи Ливанскіе; ибо повсюду были Христіане; а Каймакаму Друзу предоставлялъ онъ управленіе одного племени Друзовъ. Христіанское народонаселеніе южныхъ округовъ, которымъ со времени проявленія этого вопроса присвоено названіе *смѣшанныхъ* (districts mixtes), показывая свои раны, вопіяло противу Шейховъ, и умоляло объ уничтоженіи всѣхъ феодальныхъ правъ. Послѣ введенныхъ Портою во всей имперіи ограниченій, права эти состояли теперь въ исполнительной и полицейской власти. Шейхи основывали свои притязанія на данномъ Портою въ 1840 году обѣщаніи, что древнія ихъ права будутъ уважены, равно какъ и мѣстныя льготы. Что же касается притязанія Маронитскаго каймакама, Друзъ возражалъ весьма основательно, что два управленія въ одномъ

округѣ, въ одномъ селеніи, совершенно несбыточны; а потому, предоставляя Маронитскому Каймакаму Друзовъ поселенныхъ въ *Метенѣ*, наслѣдственномъ удѣлѣ Эмировъ Булема, требовалъ безпрекословнаго управленія южныхъ округовъ. Всѣ эти противуположныя притязанія и нерѣшенные вопросы составили новый и самый запутанный народный процесъ, въ которомъ, къ большому прискорбію Порты, Кабинеты Великихъ Державъ продолжали принимать участіе болѣе или менѣе дѣятельное, болѣе или менѣе основанное на частномъ воззрѣніи каждаго изъ нихъ, болѣе или менѣе обидное для Турецкаго самолюбія. Это благопріятствовало неутомимымъ проискамъ Шагабовъ и на Ливанѣ и въ Константинополѣ и въ Европѣ. Ихъ агенты именемъ католическаго народонаселенія Ливана попеременно искали сочувствія и подпоры въ Римѣ, въ Вѣнѣ, въ Парижѣ; наполняли ультракатолическіе журналы трогательными вымыслами о терпимыхъ ими будто бы за вѣру гоненіяхъ; прикрывали маскою религіи свои политическія затѣи, и всѣми силами старались придать Ливанскимъ спорамъ самый теплый религіозный колоритъ.

1843 и 1844 годы проведены въ безплодныхъ попыткахъ къ устройству Ливанскаго управленія. Неудобства двойственной системы возникали на каждомъ шагу, а географическое разграниченіе округовъ между двумя Каймакамами было осуждено самою основною мыслію системы. Были впрочемъ предписаны Портою, съ одобренія Посольствъ, иныя частныя мѣры для отстраненія главнѣйшихъ препятствій. Христіанамъ смѣшанныхъ округовъ предоставлено право имѣть своихъ предстателей (Векиль) избранныхъ изъ своей среды, независимыхъ отъ иновѣрныхъ Шейховъ округа (Мукатаджи) и облеченныхъ блюстительною властію. Въ случаѣ притѣсненія народа отъ Шейха, Векили могли об-

ращаться къ Христіанскому Каймакаму, и искать его заступничества или ходатайства у паши. Городъ Деръ-эль-Камаръ, бывшій дотолѣ въ удѣлѣ Шейховъ Абунакетовъ, и служившій театромъ ихъ неистовствъ въ 1841 году, былъ выключенъ отъ ихъ удѣла, и получилъ права муниципальныя, а для обезпеченія его жителей отъ новыхъ напастей, турецкій гарнизонъ продолжалъ занимать сосѣдній замокъ Птеддинъ. Наконецъ послѣ судебнаго разбора денежныхъ притязаній Христіанъ за грабительства 1841 года, было обѣщано имъ 13,000 мѣшковъ возмездія. Друзы не были въ состояніи уплатить эту сумму, а потому Порта обязывалась выдать изъ казны 10,000 мѣшковъ (около 285,000 р. с.) и только 3,000 взыскать съ грабителей. Порта, не получая никакихъ податей съ Ливана, расходуя огромныя суммы на содержаніе войскъ въ горахъ, на отправленіе коммиссаровъ, на подарки горцамъ и пр. терпѣливо приплачивалась даже за разбои своихъ подданныхъ, чтобы только окончить какъ нибудь это докучное Ливанское дѣло. Халиль-паша, бывшій Сераскиромъ въ началѣ царствованія Абдулъ-Меджида, и переименованный потомъ въ Капитанъ-пашу, былъ посланъ съ флотомъ въ Бейрутъ въ лѣто 1844 года, чтобы своимъ появленіемъ ускорить рѣшеніе дѣла.

Но народныя страсти уже кипѣли съ новою силою. Христіанскія племена Ливана, видѣли въ долготерпѣніи Порты одну лишь робость и слабость. Едва зажили раны первой междоусобной войны, они хотѣли вновь испытать счастіе, и рѣшить свой народный процесъ съ Друзами судомъ оружія. Всю зиму 1844 — 1845 года они провели въ приготовленіяхъ къ войнѣ. Приписывая испытанныя ими въ 1841 году бѣдствія своему внутреннему неустройству, Христіане стали об-

разовать народное ополченіе съ десятниками, сотниками и пр. Но ни одинъ Шейхъ или Эмиръ не рѣшался принять начальство надъ этимъ ополченіемъ. Съ одной стороны народъ не питалъ никакого довѣрія къ своей аристократіи, а съ другой — Маронитская аристократія, которая ближе и вѣрнѣе понимала дѣло чѣмъ Европейское общественное мнѣніе, обманутое религіознымъ колоритомъ Ливанскаго дѣла, ясно видѣла анархическое направленіе своихъ единовѣрцевъ, и хорошо постигала, что по ниспроверженіи власти Шейховъ Друзовъ, тотъ же потокъ опрокинулъ бы неминуемо и всю Маронитскую аристократію. Народъ, предоставленный самъ себѣ, далъ командирамъ назначеннымъ изъ его среды прихотливое прозваніе «Шейховъ молодежи» (Шейхъ-эль-Шебабъ). Центромъ военныхъ приготовленій былъ Деръ-эль-Камаръ. Христіане этого города, обязаннаго прежнимъ своимъ благосостояніемъ и промышленнымъ развитіемъ Эмиръ-Беширу, тѣмъ усерднѣе приступали къ дѣлу, что новыя политическія тревоги казались имъ залогомъ возвращенія Шагабовъ. Въ Деръ-эль-Камарѣ засѣдалъ тайный комитетъ съ инквизиціонными правами надъ всѣми обществами народнаго заговора, простиравшаго свои вѣтви по южнымъ округамъ. Онъ произносилъ смертные приговоры, и содержалъ на жалованіи присяжныхъ исполнителей, въ родѣ *сбировъ* Венеціанской республики.

Шейхи Друзы съ своей стороны, видя приготовленія Христіанъ, сходились на тайное совѣщаніе въ Мухтару у Джемблатовъ, и обязывались между собою забыть на время свои семейныя вражды, и дѣйствовать за-одно при первомъ возстаніи Христіанъ.

Въ наступавшемъ кризисѣ шаткое, недостроенное зданіе Ливанскаго управленія могло обрушиться надъ головами Каймакамовъ. Между тѣмъ сами они, вмѣсто того чтобы соединить свои усилія для обузданія народ-

наго потока, давали горскимъ племенамъ зрѣлище постояннаго соперничества и мелочнаго ихъ честолюбія, и другъ на друга клеветали у пашей. Пашамъ было повелѣно отъ Порты остерегаться всякой крутой мѣры; а потому въ ожиданіи окончательныхъ распоряженій своего правительства, не видя возможности миролюбивой сдѣлки между племенами, они истощали свои усилія, чтобы только продлить по возможности наружное спокойствіе, подъ которымъ горѣлъ волканъ. Флотъ отплылъ къ зимѣ, а Капитанъ-паша остался въ Бейрутѣ въ качествѣ полномочнаго коммиссара. Впрочемъ онъ не имѣлъ никакихъ полномочій. Данное ему порученіе служило благовиднымъ предлогомъ всемогущему въ это время сераскиру Риза-пашѣ, чтобы держать вдалекѣ отъ столицы вельможу, котораго вліяніе и родство съ Султаномъ разстроивали его планы.

Въ первые мѣсяцы 1845 года разбои, убійства и злодѣянія всякаго рода размножились по южнымъ округамъ Ливана. Обѣ партіи готовыя къ войнѣ обвиняли въ томъ одна другую, и поперемѣнно являлись съ жалобами къ пашамъ. Друзы старались привлечь къ себѣ Турокъ воззваніями о своей покорности и преданности, и тѣмъ обезпечить себѣ ихъ содѣйствіе; но они не соглашались на тѣ уступки, которыя предписывала имъ Порта для удовлетворенія притязаній Христіанъ. Христіане хотѣли только усыпить вниманіе правительства, выставляя себя жертвами самоуправства и корысти Шейховъ. Случилось, что въ Февралѣ были розданы Христіанамъ новыя милостыни (около 30,000 рубл. сер.) собранныя въ Австріи въ пользу жертвъ междоусобій 1841 года. Раздача производилась чрезъ Маронитское духовенство, и вся сумма послужила къ закупкѣ оружія и снарядовъ. Комитетъ Деръ-эль-Камарскій съ одной стороны сочинялъ слезныя просьбы

къ пашамъ и къ агентамъ Великихъ Державъ отъ имени Христіанъ, угрожаемыхъ злымъ умысломъ Друзовъ, а съ другой — подстрекалъ ко взрыву новыхъ междоусобій въ оправданіе своихъ жалобъ. Умы были до того разъярены, что семидесятилѣтній Маронитскій священникъ былъ задушенъ на большой дорогѣ своими родными, за то, что онъ въ противность приказа даннаго комитетомъ о прекращеніи всякой связи съ Друзами, навѣстилъ одного шейха, нѣкогда его благодѣтельствовавшаго. Всего болѣе потворствовала видамъ заговорщиковъ безнаказанность всѣхъ преступленій; власть Каймакамовъ была совершенно безсильна, а правительство не рѣшалось употребить строгія мѣры.

По представленію Консуловъ Великихъ Державъ Эссадъ - паша въ продолженіе Февраля посѣтилъ самъ Деръ-эль-Камаръ, чтобы лично изслѣдовать расположеніе умовъ на Ливанѣ, и предупредить взрывъ. Вездѣ встрѣчали его со знаками покорности и нелицемѣрнаго уваженія. Народъ, среди всѣхъ своихъ треволненій, умѣлъ цѣнить личныя качества, умъ, строгій нравъ, безпристрастное и безкорыстное правосудіе Эссада, благороднѣйшаго, едва ли не послѣдняго типа турецкаго вельможи стараго времени. Все Христіанское народонаселеніе Деръ-эль-Камара вышло къ нему на встрѣчу въ полномъ вооруженіи; а при въѣздѣ его въ городъ женщины и дѣти на террасахъ домовъ пѣли пѣсни въ его честь, сыпали цвѣты по пути его и опрыскивали его розовою водою. Старшины положили къ его ногамъ свое оружіе, объясняя, что они дерзнули идти къ нему на встрѣчу вооруженными, во знаменіе постоянной тревоги, въ которой проводили они жизнь въ горахъ, подъ страхомъ злаго умысла Друзовъ.

Все это было заучено. Христіане старались теперь выказать себя усердными и вѣрными рабами, чтобы

склонить на свою сторону вѣсы турецкаго правосудія. Порта не съумѣла воспользоваться обстоятельствами столь благопріятными для утвержденія своего законнаго вліянія въ горахъ. Поѣздка Эссадъ-паши въ Деръ-эль-Камаръ, его совѣты, обѣщанное имъ правосудное вниманіе къ обоюднымъ жалобамъ Христіанъ и Друзовъ, произвели спасительное впечатлѣніе. Но въ это время Порта смѣняла Эссадъ-пашу, и предписывала ему ѣхать немедленно въ Бруссу, мѣсто назначенное для его ссылки. Давно уже всѣ политическія и финансовыя затрудненія по Сайдскому Пашалыку, самыя даже дѣла Ливанскія становились со дня на день невыносимѣе для Эссада.

Его преслѣдовалъ министръ финансовъ Мусса-Савфети-паша, который въ это время раздѣлялъ съ Риза-пашею вліяніе по министерству *). Надо думать, что гроза накопившаяся въ горахъ должна была неминуемо

---

*) Ненависть эта, имѣвшая столь гибельныя послѣдствія, происходила отъ того, что старый Эссадъ, оскорбленный однажды повелительнымъ тономъ депеши къ нему министра финансовъ, выразился слишкомъ круто о немъ въ присутствіи одного изъ своихъ подчиненныхъ, который бывъ въ послѣдствіи выгнанъ изъ его службы, поспѣшилъ въ столицу съ доносомъ. Обида была тѣмъ чувствительнѣе для самолюбія министра, что его отецъ состоялъ нѣкогда въ службѣ Эссада, и все его семейство было имъ облагодѣтельствовано. Эссадъ принадлежитъ къ весьма небольшому числу турецкихъ вельможъ дворянскаго рода. Онъ происходитъ отъ древняго семейства Малоазійскихъ Деребеевъ, сподвижниковъ завоеваній первыхъ Султановъ. Въ эпоху истребленія Янычаръ, онъ былъ усерднымъ, но человѣколюбивымъ исполнителемъ Султанскаго приговора въ своемъ Пашалыкѣ въ Адріанополѣ, и почитался по своему уму, опытности и преданности однимъ изъ лучшихъ слугъ Султана. Въ 1827 году, по случаю ультиматума Россійскаго кабинета, Махмудъ секретнымъ письмомъ спрашивалъ мнѣнія Эссада: согласиться ли на требованія Россіи, или предпочесть войну. Эссадъ откровенно выразилъ свое мнѣніе о сохраненіи мира, предлагая даже своему Султану все свое состояніе въ пособіе на уплату возмездій, востребованныхъ Россіею въ пользу купцовъ нашихъ,

разразиться и при Эссадѣ; но нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что умный и правосудный паша, который при самомъ вступленіи своемъ въ должность успѣлъ вселить страхъ

разоренныхъ самоуправствами Порты въ 1821 году, лишь бы сохранить миръ, столь нужный для упроченія преобразованій Махмудовыхъ. Султанъ обманутый льстецами и любимцами, которые безъ метафоры называли *непобѣдимыми* новыя его войска, приписалъ умный совѣтъ Эссада его робости. Онъ принялъ только предложеніе его о пожертвованіи всего его состоянія, но не на уплату долга Россіи, какъ это разумѣлъ Эссадъ, а на расходы войны съ Россіею. Послѣдствія слишкомъ оправдали предчувствія опытнаго старика; но его богатства никогда не были ему возвращены. Въ 1826 году, когда Государь Императоръ участвовалъ въ Забалканской кампаніи, Эссадъ защищалъ Шумлу. Девять лѣтъ спустя, во время путешествія Государя въ Закавказскомъ краѣ, Эссадъ, бывшій въ то время пашею въ сосѣднемъ Эрзрумѣ, по повелѣнію Султана Махмуда являлся въ Александрополь съ привѣтствіемъ къ Его Величеству отъ имени своего Государя. Видъ, обхожденія и рѣчи Русскаго Царя сдѣлали глубокое впечатлѣніе въ его умѣ, и не одинъ разъ, въ домѣ моемъ въ Бейрутѣ, съ благоговѣніемъ взирая на Императорскій портретъ, пересказывалъ онъ мнѣ малѣйшія подробности этого свиданія. Государь вспомнилъ, что храбрый защитникъ Балканской твердыни именовался Эссадъ-пашею, и спросилъ у своего гостя, онъ ли самъ отстоялъ тогда крѣпость? Эссадъ воспитанный въ Турецкихъ понятіяхъ объ этикетѣ, разсудилъ, что утвердительный отвѣтъ былъ бы неприличнымъ; сказать *да*, значило бы похвалиться тѣмъ, что онъ дрался противъ арміи, въ которой присутствовалъ самъ Императоръ. Но онъ зналъ также, что предъ царемъ ложь постыдна; онъ потупилъ взоры, будто преступникъ, и не смѣлъ отвѣчать. Государь его понялъ, обласкалъ и похвалилъ за честную службу Султану. У удивленнаго старика навернулись въ глазахъ слезы признательности. Султанъ Махмудъ былъ въ восторгѣ отъ представленнаго пашею отчета объ его объясненіяхъ съ Императоромъ, и едва Эссадъ не сдѣлался первымъ любимцомъ этой эпохи. Но, какъ это всегда бываетъ въ Турціи, Султанская благосклонность внушила опасенія временьщикамъ власти. Эссадъ былъ оклеветанъ и смѣненъ съ Пашалыка. За тѣмъ наше посольство за него заступилось; онъ вошелъ опять въ милость и былъ принятъ въ верховный Совѣтъ. Прямота его нрава не позволила ему долго оставаться въ столицѣ. Его стали переводить изъ одного пашалыка въ другой по далѣе отъ Стамбула. Въ 1847 году онъ, управляя Кюрдистаномъ, наказалъ знаменитаго бунтовщика Бедерханъ-Бея. Ему теперь подъ 90 лѣтъ; онъ почитается лучшимъ поэтомъ въ Турціи.

въ горцевъ наказаніемъ бунта, а затѣмъ внушилъ довѣренность, и успѣлъ самъ изучить край и ознакомиться съ дѣлами и съ лицами, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что онъ успѣлъ бы обуздать своевременно горцевъ послѣ первой вспышки, и тѣмъ предупредилъ-бы бѣдствія второй междоусобной войны. Блистательная Порта все это упустила изъ виду, и ради личныхъ страстей господствовавшихъ въ ея совѣтахъ, осудила страдальческія племена Ливана новымъ и страшнымъ испытаніямъ, и потрясла собственное свое вліяніе въ Сиріи.

Отъѣзъ Эссада и прибытіе его преемника Веджиги, управлявшаго дотолѣ Алепскимъ пашалыкомъ, послужили будто сигналами къ открытію войны. Межъ тѣмъ Капитанъ-паша, который давно уже унывалъ въ Бейрутѣ, и не безъ причины подозрѣвалъ, что ему готовили преемника въ должность Великаго адмирала, успѣлъ исходатайствовать разрѣшеніе ѣхать обратно въ столицу, и садился на пароходъ въ тотъ самый день, когда первые пожары Ливанскихъ селеній загарались въ виду Бейрута. Никто не станетъ подозрѣвать добраго и любезнаго Халиль-пашу въ умышленномъ содѣйствіи къ достиженію такого результата. Чуждаясь всякихъ происковъ, онъ умиралъ со скуки въ Бейрутѣ, и не имѣлъ другаго развлеченія, другаго занятія, можно сказать, какъ стрѣлять изъ винтовки, ни другаго удовольствія, какъ разбивать кувшины на разстояніи 1200 шаговъ*). Отвѣтственность лежитъ на министерствѣ. Оно будто умышленно роняло величіе правительства въ народномъ мнѣніи этимъ загадочнымъ пребываніемъ Великаго адмирала въ Бейрутѣ, и еще болѣе

*) 10,000 піастровъ бахчишей было имъ роздано свитѣ въ первый разъ, когда кувшинъ былъ разбитъ на этомъ разстояніи выстрѣломъ Его Свѣтлости.

загадочнымъ его отъѣздомъ; оно навлекло на себя справедливый упрекъ подданныхъ и общественнаго мнѣнія Европы въ тайномъ желаніи утомлять горскія племена междоусобіями, подрывать турецкими козними всѣ мѣстные элементы власти и вліянія, пока удалось бы поставить въ горахъ своего пашу, вопреки обязательствъ принятыхъ предъ христіанскими Державами.

Непріятельскія дѣйствія открылись на рѣкѣ *Дамурѣ*, по большой дорогѣ изъ Бейрута въ Сайду. Тамъ случилась обычная ссора между погоньщиками Друзами и Маронитами. Отголосокъ перестрѣлки поднялъ на ногу всѣ южные округи. Въ этотъ разъ Христіане были готовы къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Жители *Джеззина*, богатаго и живописнаго округа, населеннаго почти исключительно Маронитами, ворвались въ сосѣдній округъ *Шуфъ*, сожгли много селеній, разбили и разсѣяли Друзовъ, и уже приступали къ Мухтарскому замку, гдѣ защищался ненавистный имъ шейхъ Саидъ-Джемблатъ. Въ тоже время Христіане Метена, пограничнаго округа между Друзами и Маронитами, поднимались массами на поселенныхъ между ними Друзовъ, жгли, грабили и умерщвляли безо всякой пощады. Въ одинъ и тотъ же день всѣ свирѣпства, всѣ ужасы злѣйшей междоусобной войны объяли южные округи Ливана. Въ каждомь селеніи дрались Христіане съ Друзами, а побѣдители жгли дома побѣжденныхъ. Была пора урожая шелковичныхъ червей. Шейхи Друзы, чтобы отвлечь своихъ вассаловъ отъ занятій по хозяйству, и заставить ихъ идти на защиту своего племени, стали сами сожигать и шелковичныхъ червей и коконы. Съ другой стороны они взывали о защитѣ у пашей и у войска турецкаго занимавшаго Птеддинъ.— Около недѣли продолжалось торжество Христіанъ. По всему Метену, въ Джеззинѣ и въ половинѣ селеній

округа Шуфа не осталось ни одного Друза; одни пали, другіе спасались въ сосѣдніе округи; ихъ имущество было разграблено, дома сожжены. Затѣмъ одолѣли Друзы; въ свою очередь стали и они губить Христіанъ, грабить и сожигать, такъ что въ промежутокъ двухъ недѣль этой неистовой оргіи, въ семидесяти живописныхъ, цвѣтущихъ богатыхъ селеніяхъ Ливана, не осталось ни одного дома. Изъ Бейрута можно было слѣдить глазомъ за ходомъ войны, днемъ по облакамъ дыма клубившимся попеременно надъ вершинами горъ, ночью по пламени бѣжавшему изъ одного селенія въ другое по скату горъ. И это было среди весенняго праздника полуденной природы! Жизненные соки растительнаго царства, разогрѣтые майскимъ солнцемъ, покрывали изумрудомъ плантацій и золотомъ зрѣлыхъ жатвъ поля и пригорки; а въ человѣкѣ свирѣпѣли страсти, и онъ метался хищнымъ звѣремъ среди благъ дарованныхъ ему щедрою природою, и съ зажженнымъ факеломъ въ рукахъ, съ бѣшенствомъ въ сердцѣ жаждалъ только крови и истребленія!

Съ одной стороны Птеддинскій гарнизонъ, а съ другой Веджиги-паша съ войскомъ и съ артиллеріею выступали въ горы между двухъ разъяренныхъ племенъ, чтобы ихъ разнять. Но Турки шли ощупью по горамъ, опасаясь чтобы оба племени вдругъ не возстали противу нихъ, и чтобы междоусобіе горцевъ не обратилось въ общій бунтъ. Опасенія эти были еще менѣе основательны теперь чѣмъ въ первую междоусобную войну, по мѣрѣ сугубой злобы, которою въ сей разъ были одушевлены обѣ стороны одна противъ другой. Можно было опасаться, что если бы Марониты восторжествовали, то анархическія ихъ стремленія направились бы впослѣдствіи противу правительства, подобно тому какъ Друзы подняли оружіе на пашу въ 1842

году, вслѣдъ за своею побѣдою надъ Маронитами. По законамъ человѣколюбія и здравой политики, и по соображенію всѣхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствъ, Туркамъ надлежало во всякомъ случаѣ соблюсти строжайшее безпристрастіе между двумя воюющими племенами. Достаточно было повелѣть, чтобы всѣ ватаги разсѣялись по своимъ селеніямъ, подъ страхомъ наказанія всякаго горца, встрѣченнаго съ оружіемъ внѣ своего селенія. Патрули регулярныхъ войскъ могли-бы обходить горы по всѣмъ направленіямъ, и безъ труда разсѣять обѣ партіи. Но Турки всего болѣе опасались за свое войско. Опасенія эти служили личиною коварнаго расчета. Они равно были озлоблены и на Друзовъ и на Христіанъ Ливанскихъ. По ихъ мнѣнію оба племени были недовольно истощены въ залогъ своего повиновенія.

Дивизіонный генералъ Давудъ-паша объявилъ, что онъ не раздробитъ своихъ колоннъ по горамъ, гдѣ тропинки и ущелья и чувства жителей повсюду таили измѣну. Было положено въ военномъ совѣтѣ, чтобы каждая колонна была не менѣе полубатальона въ комплектѣ, и чтобы два лагеря съ артиллеріею оставались резервными центральными пунктами въ Метенѣ и въ Птеддинѣ, куда могли опираться подвижныя колонны.— Эти стратегическія предосторожности обнаружили горскимъ племенамъ опасенія Турокъ, и внушили имъ новую дерзость.

Вмѣсто того чтобы соблюсти строгое безпристрастіе, паши рѣшились искать подпоры въ одной изъ двухъ воюющихъ партій. Вѣсы очевидно клонились опять на сторону Друзовъ. Коренное олигархическое ихъ устройство, и даже народный ихъ нравъ, представляли болѣе надежныя поруки чѣмъ буйныя страсти господствовавшія въ Христіанскомъ лагерѣ. Шейхи и

Эмиры были чужды этого народнаго стремленія Христіанъ, грозившаго потопомъ всему феодальному дворянству, и руководимаго тайными происками Маронитскаго духовенства и приверженцевъ отпадшаго княжескаго дома. Что же касается незрѣлой попытки *Шейхъ-эль-Шебабовъ*, предводителей Христіанской молодежи, — все это устройство рушилось при первой военной тревогѣ. Комитетъ Деръ-эль-Камарскій могъ управлять происками, но не военными дѣйствіями. Къ тому же Марониты, подъ роковымъ вліяніемъ безначалія, не замедлили навлечь на себя гнѣвъ пашей. Между тѣмъ какъ сами они вопіяли къ Туркамъ о защитѣ, былъ ими захваченъ провіантъ отправленный подъ конвоемъ изъ Бейрута въ лагерь Веджиги-паши, а въ перестрѣлкѣ съ Друзами, въ селеніи Курнайлѣ, убитъ ими вахмистръ турецкаго отряда, поспѣвшаго туда чтобы разсѣять обѣ партіи. Это преступленіе, или можетъ быть этотъ случай раздражилъ все войско турецкое противу Христіанъ, и обезпечилъ Друзамъ сверхъ благосклонности паши, основанной на политическомъ расчетѣ, сочувствіе войска, основанное на религіозномъ негодованіи противъ Гяуровъ за измѣну войску, посланному съ мирнымъ словомъ. Шейхи Друзы воспользовались ошибками своихъ соперниковъ. Паша приглашалъ въ лагерь всѣхъ Шейховъ и Эмировъ обоихъ враждебныхъ племенъ. — Марониты не являлись, одни по недовѣрію къ Туркамъ, другіе по сочувствію собственнаго безсилія на массы своихъ единовѣрцевъ. Друзы напротивъ того предстали къ пашѣ, и подъ благовиднымъ предлогомъ содѣйствія къ прекращенію междоусобій, стали изъ турецкаго лагеря направлять движенія своего племени.

Обстоятельства эти поясняютъ странное явленіе этой эпохи — роковой для христіанъ союзъ Турец-

кихъ властей и войскъ съ Друзами, которые еще недавно возставали общимъ бунтомъ въ горахъ противу Оттоманской власти, тогда какъ Христіане, оказавшіе усердіе къ Султану въ 1840 году, ничѣмъ инымъ можно сказать не провинились предъ правительствомъ, какъ развѣ легковѣрными рѣчами и легковѣрными надеждами на сочувствіе Европы. При томъ же основная мысль, которая одушевляла массы христіанскаго народонаселенія, мысль объ уничтоженіи феодальныхъ правъ, вполнѣ согласовалась съ видами Оттоманскаго правительства. Что же касается происковъ о возстановленіи падшаго владѣтельнаго дома, то всякій безпристрастный наблюдатель могъ убѣдиться въ томъ, что для народной массы, чуждой пронырствамъ партій, имя Шагабовъ, этихъ бичей Ливанской олигархіи, служило болѣе знаменемъ ея стремленія чѣмъ цѣлію.

Благопріятствуемые Турками Друзы продолжали по всюду карать злополучныхъ Христіанъ. Сайда и Бейрутъ наполнились жертвами Ливанскихъ междоусобій. Маронитскій Патріархъ умеръ со страха при извѣстіи о приближеніи ватаги Друзовъ къ Кесруану. Между тѣмъ, въ знакъ своего безпристрастія, и во удовлетвореніе жалобамъ Консульствъ Великихъ Державъ, паша повелѣвалъ въ одинъ и тотъ же день казнить въ Бейрутѣ Друза, пойманнаго въ зажигательствѣ христіанскихъ домовъ, а на горахъ въ лагерѣ — Христіанина обвиненнаго въ упомянутомъ нами убійствѣ Турецкаго вахмистра. Виновника нельзя было отыскать въ толпѣ сражающихся; но зрѣлище казни было необходимо для удовлетворенія озлобленнаго войска. Казнили перваго кто попалъ.

Кровопролитія Ливанскія отозвались и на Антиливанѣ. Округи *Рашеи и Хасбеи*, населенные православными Христіанами и Друзами, состоятъ и теперь какъ

встарину подъ управленіемъ младшей линіи Шагабовъ, пребывающихъ въ мусульманскомъ законѣ. Эмиръ-Саадъ-Эддинъ въ Хасбеѣ и Эмиръ-Эффенди въ Рашеѣ, лишенные феодальныхъ своихъ правъ подъ Египетскимъ владычествомъ, были съ того времени облечены властію Муселимовъ, или окружныхъ начальниковъ, и въ этомъ званіи утверждены Турками въ награду ихъ возстанія противу Египтянъ. Въ 1843 году слабоумный Али-паша Дамаскій смѣнилъ Хасбейскаго правителя, и отдалъ округъ на правѣ откупномъ какому то Кюрду. По поводу новой раскладки податей случилась распря между Хасбейскими христіанами. Шейхи Друзы изъ семействъ *Шамсъ* и *Кейсъ*, которые здѣсь никогда не имѣли политическаго вѣса, какъ шейхи на Ливанѣ, раздражали обѣ партіи, въ надеждѣ, подобно шейхамъ Ливанскимъ, подчинить своей власти цвѣтущій христіанскій округъ, обязанный своимъ благосостояніемъ отеческому правленію Эмиръ-Саадъ-Эддина, но потрясенный перемѣною власти. Они призвали на помощь себѣ Американскихъ протестантскихъ миссіонеровъ, которыхъ прозелитическая тактика въ Сиріи состоитъ преимущественно въ томъ, чтобы порождать ссоры въ общинахъ и въ семействахъ, мутить воду и въ ней рыбу ловить, по пословицѣ. Мы уже имѣли случай видѣть участіе принятое миссіонерами въ волненіи народныхъ страстей на Ливанѣ. Опираясь на вліяніе Англійскаго имени и на сочувствіе Англійскихъ агентовъ, суля своимъ послѣдователямъ всякія блага, льготу отъ податей, денежныя пособія, они успѣли привлечь къ себѣ недовольныхъ, въ числѣ 500 душъ, открыли школы, и стали проповѣдывать свое ученіе. Въ Турціи духовное начальство подвластныхъ племенъ участвуетъ въ дѣлахъ по управленію. Ссора за раскладку податей весьма легко обратилась, по проискамъ Друзовъ и миссіонеровъ,

въ ссору съ церковію. Произошли смятенія; народныя страсти, призвавшія расколъ, злѣе разгорались подъ его вліяніемъ. Миссіонеры, которые уже двадцать пять лѣтъ подвизаются на всемъ Востокѣ, и другаго успѣха не обрѣтаютъ кромѣ раздоровъ въ племенахъ и въ семействахъ другихъ христіанскихъ вѣроисповѣданій, торжествовали мнимымъ обращеніемъ ста слишкомъ православныхъ семействъ. Правда, семейства эти перестали посѣщать свою церковь; но миссіонерамъ предстояло еще обращеніе прозелитовъ строгимъ надзоромъ, чтобы лампада не зажигалась предъ домашними образами и чтобы не соблюдались посты; а прозелиты исполняли втайнѣ отъ своихъ учителей всѣ обряды отцовской вѣры. Престарѣлый Антіохійскій Патріархъ Меѳодій успѣлъ ходатайствомъ у правительства отмѣнить тѣ финансовыя мѣры, которыя породили распрю въ его паствѣ, и возвратить правленіе любимому народомъ Эмиру. Самъ престарѣлый владыка, среди зимы, переѣхалъ чрезъ снѣжный хребетъ Антиливана, и успѣлъ наконецъ примирить обѣ партіи, надъ которыми начинало тяготѣть корыстное вліяніе Шейховъ Друзовъ. Протестантскіе миссіонеры, принужденные укрыться отъ негодованія народнаго, покинули Хасбею.

Отступленіе это необходимо для поясненія тѣхъ бѣдствій, которыя постигли злополучную Хасбею по поводу Ливанскихъ междоусобій. Знакомый читателю шейхъ Насифъ-Абунакетъ, палачъ Деръ-эль-Камарскихъ Христіанъ, бѣжавшій за тѣмъ изъ-подъ ареста, былъ исключенъ, по настоянію Консульствъ Великихъ Державъ, отъ амнистіи, дарованной Эссадъ-пашею Друзамъ. Съ того времени онъ рыскалъ въ Гауранѣ и въ кочевьяхъ Бедуиновъ. Какъ только открылись новыя Ливанскія междоусобія, Друзы Антиливанскіе призвали къ себѣ этого знаменитаго злодѣя, и обѣщали ему

свое пособіе на Ливанѣ, съ тѣмъ чтобы онъ имъ предварительно помогъ казнить Хасбейскихъ христіанъ, и подчинить ихъ власти Шейховъ. Свирѣпый Абунакетъ набралъ шайку болѣе трехъ тысячь Друзовъ Гауранскихъ, Кюрдовъ, Бедуиновъ и всякаго сброда. Онъ обнародовалъ Султанскій поддѣльный фирманъ, которымъ повелѣвалось всѣмъ правовѣрнымъ возстать на побіеніе Христіанъ. Предшествуемый ужасомъ своего имени, налетѣлъ онъ какъ коршунъ на Хасбею. Эмиръ Садъ-Эддинъ посовѣтовалъ Христіанамъ спасаться бѣгствомъ. Они отступили съ своими семействами по дорогѣ въ Дамаскъ, чтобы просить защиты у паши; но Друзы Хасбейскіе, присоединившись къ ватагѣ Абунакета, обступили Христіанъ въ одной изъ Антиливанскихъ долинъ, гдѣ были они расположены на ночлегъ, отрѣзали имъ дорогу въ Дамаскъ и ударили на нихъ. Отчаяніе вселило храбрость въ несчастныхъ; они долго защищались; нѣсколько сотъ пали, другіе успѣли спастись въ Захле. Неподалеку оттуда былъ расположенъ лагерь Веджиги-паши. Абунакетъ со своею ватагою и съ Хасбейскими Друзами, насытившись грабежемъ въ покинутомъ Христіанами городѣ и въ цѣломъ округѣ, осквернили церкви, закололи священниковъ у олтарей, превзошли свирѣпствами Ливанскихъ своихъ единовѣрцевъ... Что же — послѣ всѣхъ этихъ злодѣйствъ Абунакетъ былъ ласково принятъ Веджиги-пашею, одѣтъ въ почетный кафтанъ, и будто загладивши новыми своими преступленіями тѣ преступленія, за которыя Эссадъ-паша два съ половиною года не дозволялъ ему ступить ногою на Ливанъ, получилъ теперь всепрощеніе отъ преемника правосуднаго Эссада. Приписать ли это ослѣпленію паши, или можетъ быть дѣлежу Хасбейской добычи? Всѣмъ своимъ поведеніемъ въ междоусобіяхъ Ливанскихъ племенъ намѣстникъ Порты

оправдалъ самыя черныя предположенія народной молвы, а что еще хуже — внушилъ убѣжденіе, что сама Порта радовалась бѣдствіямъ горцевъ.

Порта оправдывалась предъ посольствами Великихъ Державъ, слагая всю вину на происки Шагабовъ. Чтобы разрушить вліяніе стараго Эмиръ-Бешира, который изъ столицы путалъ Ливанскія дѣла и наводилъ на правительство новыя хлопоты, отправляли его въ ссылку со всѣмъ семействомъ въ Кастанъ-Болу, въ Малую Азію. Тогда-то сыновья и внуки Эмира, и прежде всѣхъ Эмиръ-Эминъ (Эминъ значитъ *вѣрный*), на котораго преимущественно возлагали свои упованія приверженцы Шагабова дома, одинъ за другимъ отреклись отъ новой своей вѣры, въ которой даже иные изъ нихъ были рождены. Шагабы возвращались теперь къ вѣрѣ своихъ предковъ, чтобы тѣмъ угодить правительству, точно такъ какъ лѣтъ за тридцать предъ тѣмъ принимали они въ горахъ крещеніе, чтобы обрѣсти въ Христіанскихъ племенахъ Ливана опору противу своихъ буйныхъ вассаловъ. Къ чести стараго Эмиръ-Бешира скажемъ, что онъ не осквернилъ своихъ сѣдинъ отступничествомъ. Онъ доселѣ пребываетъ въ Христіанскомъ законѣ, и смиренно живетъ въ Бруссѣ, куда онъ былъ впослѣдствіи переведенъ для перемѣны климата *).

На Ливанѣ между тѣмъ Друзы продолжали губить Христіанъ въ глазахъ пашей и войска, а Веджиги дѣлалъ въ своемъ лагерѣ артиллерійское ученіе, чтобы громомъ холостыхъ зарядовъ разогнать ихъ полчища. На горькіе упреки и на настойчивыя жалобы Генеральныхъ Консуловъ онъ отвѣчалъ напыщенною исповѣдію о своемъ безпристрастіи, о своемъ человѣко-

---

*) Эмиръ-Беширъ умеръ въ христіанской вѣрѣ въ Бруссѣ.

любіи, о чистотѣ своихъ намѣреній. Онъ обвинялъ Христіанскихъ старшинъ и самаго Каймакама въ томъ, что они не соглашались явиться къ нему въ лагерь для переговоровъ съ Друзами, и потому предлагалъ Консульствамъ Великихъ Державъ быть посредниками и дать свое поручительство въ безопасности и неприкосновенности старшинъ Христіанъ и Друзовъ, для съѣзда ихъ въ Бейрутъ на заключеніе перемирія.

Такимъ образомъ открылись переговоры въ Бейрутѣ, при поручительствѣ агентовъ Великихъ Державъ, въ концѣ Мая, и мало по малу были уняты неистовства въ горахъ. Но основной вопросъ объ управленіи такъ называемыхъ *смѣшанныхъ округовъ*, два раза бывшихъ театромъ междоусобій, не могъ быть рѣшенъ. По крайней мѣрѣ всѣ согласились остаться въ покоѣ и ждать новыхъ распоряженій Порты.

Едва прекратились междоусобія Друзовъ съ Маронитами въ южныхъ округахъ Ливана, произошли смятенія въ сѣверныхъ округахъ по поводу избранія новаго Патріарха Маронитскаго. Смятенія эти служили выраженіемъ внутренней борьбы между олигархическими притязаніями Шейховъ и новыми наклонностями въ народѣ.

Аристократія домогалась въ пользу кандидата своего племени сана Маронитскаго Патріарха, дабы затѣмъ всѣ прибыльныя должности, по управленію церковнымъ имуществомъ, достались на долю Духовнымъ лицамъ изъ дворянскаго рода, и послужили бы источникомъ обогащенія лѣнивыхъ Шейховъ. Церковь Маронитская богата; но масса духовенства пребываетъ въ нищенствѣ, и обработывая собственными руками монастырскія угодья, едва снискиваетъ себѣ насущный хлѣбъ. Злоупотребленія эти всегда существовали; они сдѣлались ощутительнѣе по мѣрѣ политическаго вліянія, прі-

обрѣтеннаго духовенствомъ въ послѣдовательныхъ переворотахъ горскихъ племенъ. Все лѣто бушевали Марониты, духовенство и міряне. Соборъ Епископовъ выдерживалъ осады противу міряпъ и монаховъ, вооруженныхъ дубинами, пока наконецъ олигархія успѣла превозгласить своего кандидата изъ рода Шейховъ Хазенъ, при содѣйствіи Французскихъ агентовъ и Римскихъ буллъ. Не менѣе того нанесенъ этою борьбою сильный ударъ патріархально-аристократическимъ преданіямъ Маронитовъ, подобно тому какъ междоусобія южныхъ округовъ, несмотря на торжество Шейховъ Друзовъ въ 1841 и въ 1845 годахъ, служатъ предзнаменованіемъ неминуемаго ихъ паденія.

Недолго спустя по усмиреніи Ливана скончался Али-паша Дамаскій. Увѣряютъ, что бѣдствія Хасбейскихъ Христіанъ отравили послѣдніе его дни, и ускорили его смерть. При всѣхъ своихъ порокахъ и при своей глупой лѣни, Али-паша имѣлъ сердце доброе и человѣколюбивое. Какъ бы то ни было онъ до конца болѣе заботился о своей кухнѣ чѣмъ о цѣломъ Пашалыкѣ, и охотнѣе разсуждалъ съ своимъ поваромъ о приправахъ къ соусамъ, чѣмъ съ своими чиновниками объ устройствѣ запущенныхъ дѣлъ по управленію. Господствующія страсти намѣстника Порты въ Дамаскѣ были — вино и индѣйки. Вину онъ посвящалъ свои ночи, къ великому соблазну правовѣрныхъ жителей *святаго града, Шамъ-эль-Шерифа, предмѣстія и запаха Мухаммедова рая*; а утро проводилъ среди своихъ трехъ сотъ отборныхъ индѣекъ, не довѣряя никому, развѣ своему начальнику Штаба, присмотра за этимъ любимымъ стадомъ. Межъ тѣмъ Хасбейскіе Христіане скитались безъ хлѣба и безъ крова, а въ Хомсѣ, одномъ изъ городовъ Дамаскаго Пашалыка, свирѣпый Муселимъ терзалъ на распятіи христіанина, окруж-

наго казначея, ограбленнаго нерегулярнымъ войскомъ паши, и допрашивалъ Архіерея, какія еще другія истязанія терпѣлъ Мессія отъ Іудеевъ.

Такъ-то соблюдались намѣстниками Султана въ областяхъ торжественныя обязательства Гюльханейскаго манифеста предъ подвластными племенами и предъ Европою.

За исключеніемъ Алепскаго Пашалыка, гдѣ въ это время стоялъ Аравійскій военный корпусъ, вся остальная Сирія томилась въ анархическомъ омутѣ подъ вліяніемъ Ливанской бури. Племена Мотуаліевъ въ Бальбекской долинѣ раздирались семейною враждою древняго владѣтельнаго ихъ дома Эмировъ *Харфушъ*. Ихъ повиновеніе пашамъ ограничивалось платежемъ подати, а платежъ былъ только тѣмъ обезпеченъ, что Эмиры, раздѣленные на двѣ враждебныя партіи, поочередно являлись въ Дамаскъ искать другъ противъ друга покровительства у паши. Другія племена Мотуаліевъ, населяющія живописныя долины и покатости послѣднихъ отраслей Ливана, между Сайдою и Суромъ, заразились духомъ своихъ Ливанскихъ сосѣдей, и составили между собою конфедерацію, съ условіемъ платить пашамъ положенную подать, но не допускать никакого вмѣшательства во внутреннія свои дѣла. Никогда ихъ Шейхи, потомки знаменитаго Насифъ-Насара, о которомъ мы упоминали въ эпоху Джеззарову, не являлись въ города; никогда не принимали они внутрь своего округа ни чиновниковъ Порты ни турецкаго войска. Многочисленныя шайки разбойниковъ обѣгали Галлилею. Изувѣрство Мусульманъ заставляло все Христіанское народонаселеніе Назарета бѣжать въ Акку. Мехметъ-паша-Кюпрузли, комендантъ крѣпости, воспитанный въ Парижѣ, до того уронилъ правительственную власть, что собственные его наѣздники, вмѣсто

того чтобы укрощать разбои въ подвѣдомственномъ округѣ, отказались отъ службы, стали грабить селенія, а когда паша успѣлъ захватить и посадить въ тюрьму нѣкоторыхъ изъ нихъ, остальные среди дня бросились въ крѣпость и ихъ выручили.

Въ Самаріи (въ горахъ Наплузскихъ) междоусобная война Абдулъ-Хадіевъ и Токановъ продолжалась съ 1841 года, и становилась съ каждымъ годомъ злѣе и кровопролитнѣе. Въ Іудейскихъ горахъ классическая вражда древнихъ партій *Кейси* и *Іемени* имѣла своихъ представителей въ Шейхахъ *Самханъ* и *Абугошь*. Шейхъ Мустафа Абугошь, знакомый всѣмъ нашимъ поклонникамъ стража ущелій ведущихъ въ Іерусалимъ, бунтовался и умерщвлялъ двухъ Муселимовъ, назначенныхъ отъ Іерусалимскаго паши. Въ Великой пустынѣ была засуха; несмѣтные рои Бедуиновъ прилетѣли искать пастбищъ у южныхъ предѣловъ Палестины, и тамъ дрались между собою, и прерывали сухопутныя сообщенія Сиріи съ Египтомъ, пока наконецъ Мехметъ-Али Египетскій принялъ мѣры для ихъ удаленія. Съ восточной стороны Сиріи, по всему пространству Великой пустыни, отъ Хомса до Галлилеи, прикочевали на рубежъ населенныхъ округовъ другія племена Бедуиновъ, вытѣсненныя засухою отъ береговъ Эвфрата и отъ Аравійскихъ степей. За два года предъ тѣмъ Турецкій паша, который велъ караванъ въ Мекку, поправши законы гостепріимства, вѣроломно умертвилъ въ своемъ лагерѣ шейха одного кочевья. Съ того времени вся пустыня кипѣла негодованіемъ на Турокъ, и грозила пресѣчь сообщенія между Дамаскомъ и Меккою. За тѣмъ Турки успѣли посѣять раздоры между кочевыми племенами, и выставить молодаго и предпріимчиваго шейха *Мухаммеда-Духхи*, и конфедерацію многихъ племенъ признавшихъ его своею главою, про-

тивъ другаго шейха, стошестнадцати-лѣтняго *Насифа-Шилаана*, который до того времени былъ облеченъ правомъ конвоя надъ караваномъ Мекки. Враждебныя племена расположились, въ числѣ можетъ быть полумилліона душъ, по сосѣдству Дамаска, и тамъ воевали между собою, грабили селенія и питались сами и ихъ стада недозрѣлыми жатвами.

Таково было состояніе Сиріи подъ Турецкими пашами послѣ пятилѣтняго безспорнаго владычества. Повсюду отзывалось пагубное вліяніе Ливанскихъ смутъ и безсильныхъ или коварныхъ попытокъ Порты къ устройству правленія горскихъ племенъ.

ГЛАВА XXIV.

ОПАСЕНІЯ ПОРТЫ. — ПРИБЫТІЕ ВЪ БЕЙРУТЪ МИНИСТРА ИНОСТРАННЫХЪ ДѢЛЪ ШЕКИБЪ-ЕФЕНДІЯ. — ВСТУПЛЕНІЕ ВОЕННАГО КОРПУСА ВЪ ГОРЫ. — АРЕСТЪ ШЕЙХОВЪ. — ОТОБРАНІЕ ОРУЖІЯ У ГОРЦЕВЪ. — СХОДСТВО СИРІИ СЪ ЕВРОПОЮ СРЕДНИХЪ ВѢКОВЪ И СЪ КРАЕМЪ ЗАКАВКАЗСКИМЪ. — СМѢНА КАЙМАКАМА ДРУЗОВЪ. — ОКОНЧАТЕЛЬНОЕ УСТРОЙСТВО ЛИВАНСКАГО УПРАВЛЕНІЯ. — УЧРЕЖДЕНІЕ СОВѢТОВЪ. — ЗАСЛУГА ШЕКИБЪ-ЭФФЕНДІЯ. — ВОЗСТАНОВЛЕНІЕ СПОКОЙСТВІЯ ВЪ СИРІИ. — ВАЖНОСТЬ ЛИВАНСКАГО ДѢЛА ОТНОСИТЕЛЬНО МЕЖДУНАРОДНАГО ПРАВА. — ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Отступничество семейства стараго Эмиръ-Бешира имѣло рѣшительное вліяніе на дѣла Ливана. До того, при всякомъ кризисѣ, обѣ католическія Державы то гласнымъ ходатайствомъ о возстановленіи Шагабовъ, то тайнымъ противудѣйствіемъ успѣху двойственнаго принципа Ливанскаго управленія, вызывали новыя несогласія между союзниками. Англія съ своей стороны усердно ходатайствовала въ пользу Друзовъ, а Порта, основывая свои расчеты на этихъ столкновеніяхъ, не отказывалась отъ надежды поставить пашу на Ливанѣ, вопреки сопротивленію Державъ, которое въ этомъ отношеніи было единодушно. Отступничество Шагабовъ заставило Францію и Австрію отказаться отъ мысли католическаго Княжества въ Сиріи. Согласіе возстановилось такимъ образомъ между союзниками Порты, а такъ какъ Ливанское дѣло уже докучало всѣмъ, и всѣ хорошо

понимали расчетъ Порты, то Посольства заговорили въ Константинополѣ рѣшительнымъ тономъ, и дали почувствовать Блистательной Портѣ, что дѣло можетъ быть разрѣшено и безъ ея согласія. Со дня на день принимало оно размѣры Европейскаго политическаго вопроса, подъ вліяніемъ общественнаго мнѣнія, раздраженнаго воплемъ Сирійскихъ Христіанъ. Вступничество Державъ не было основано на святыхъ правахъ человѣчества; въ такомъ случаѣ оно долженствовало бы распространиться на внутреннее управленіе всѣхъ Христіанскихъ племенъ Востока. Оно было вынуждено необходимостію отстранить упрекъ и отвѣтственность за бѣдствія, постигшія Сирійскихъ Христіанъ по возстановленіи Султанскаго правительства въ этомъ краю, согласно рѣшенію Христіанскихъ Державъ. Посольства настойчиво требовали искренняго примѣненія того двойственнаго принципа, которое было предложено Портою и признано ея союзниками въ 1842 году. Межъ тѣмъ сама Порта и всѣ ея представители въ Сиріи всяческими пронырствами старались доказать непримѣнимость двойственнаго принципа, и, въ надеждѣ ввести непосредственное Турецкое управленіе въ горы, періодически обливали Ливанъ кровію и пламенемъ.

Расположенія Кабинетовъ грозили протоколами по дѣлу Ливана. Порта призадумалась. Она весьма основательно возненавидѣла протоколы послѣ даннаго ей урока въ Наваринѣ на основаніи протоколовъ. Наступило время положить конецъ оговоркамъ и ухищреніямъ, которыя становились уже пошлы и опасны, и приступить къ исполненію обязательствъ принятыхъ въ 1842 году.

Для этой цѣли Порта положила нарядить въ Сирію не вельможу, не любимца, котораго удаленіе изъ столицы было нужно для другаго вельможи

и любимца, какъ это водится обыкновенно въ Турціи, какъ это было уже дважды испытано Сераскиромъ Нури-Мустафою и Великимъ адмираломъ Халиль-пашею — но человѣка дѣловаго, владѣющаго опытомъ и познаніями. Выборъ палъ на Шекибъ-Эффендія, Министра Иностранныхъ дѣлъ. Дѣло Ливанское, по принятому въ немъ участію Великими Державами, подлежало Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Инструкціи и полномочія, которыми былъ снабженъ новый коммисаръ Порты, сообщены были въ видѣ дипломатической ноты (отъ 23 Реджеба) Посольствамъ Великихъ Державъ, и ими одобрены.

Такъ какъ всѣ несогласія, сосредоточивались въ вопросѣ о правахъ шейховъ Друзовъ надъ христіанскимъ народонаселеніемъ ихъ удѣловъ, то главнымъ предметомъ этой ноты было ограниченіе правъ удѣльныхъ Шейховъ (Мукатаджи) и опредѣленіе правъ предстателей христіанскаго народонаселенія (Векиль) въ каждомъ удѣлѣ. Въ то же время Порта объявляла свое намѣреніе занять войскомъ Ливанъ для охраненія спокойствія при введеніи новой системы управленія.

Всѣ Эмиры и Шейхи облеченные властію, Друзы и Марониты, вмѣстѣ съ Каймакамами обоихъ племенъ, были созваны Шекибъ-Эффендіемъ въ замокъ Птеддинъ, для объявленія имъ воли Султана о преданіи забвенію кровавыхъ распрей Ливанскихъ племенъ, о безпрекословномъ исполненіи предписанныхъ правительствомъ ограниченій правъ удѣльныхъ Шейховъ Друзовъ надъ Христіанами, и о признаніи Друзами правъ Христіанскихъ предстателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ было повелѣно отбирать у горцевъ оружіе, розданное имъ въ 1840 году, и послужившее только къ междоусобнымъ кровопролитіямъ. Для этой цѣли собственно Аравійскій корпусъ, подъ начальствомъ Намикъ-паши, вступилъ въ горы

предъ самимъ прибытіемъ полномочнаго коммиссара, и послѣдовательно занялъ важнѣйшіе стратегическіе пункты. Военные отряды, не встрѣчая нигдѣ сопротивленія, стали обходить горы по всѣмъ направленіямъ и отбирать оружіе. Межъ тѣмъ Эмиры и Шейхи, созванные въ Птеддинъ, содержались въ почетномъ арестѣ, или, какъ выражался Шекибъ-Эффенди, были *его гостями*. Турки хорошо постигали, что массы предоставленныя сами себѣ, безъ предводителей, могли шумѣть, мѣстами оказать сопротивленіе, но бунтоваться не могли.

Мы приступаемъ къ окончанію нашего труда; мы обозрѣли Сирійскія событія въ три послѣдніе вѣка, и тщательно изслѣдовали начало и развитіе феодальнаго общества горскихъ племенъ, продлившихъ политическій бытъ Арабскаго элемента въ семъ краю подъ Турецкимъ владычествомъ. Мы усмотрѣли также первые признаки муниципальнаго направленія народныхъ массъ, и вліяніе правительственныхъ преобразованій Оттоманской имперіи на направленіе это, равно подчиненное повсюду законамъ естественнаго развитія гражданскихъ обществъ. Мы видѣли борьбу этихъ двухъ началъ, и едва ли не послѣднія торжества феодальнаго права въ Ливанскомъ обществѣ, предшествующемъ въ гражданственности другимъ племенамъ огромной Арабской семьи. Изучая эти современные факты, не одинъ разъ мы переносились мыслію во внутреннюю гражданскую жизнь Европейскаго общества XV вѣка и поясняли себѣ лѣтописи Германіи и сѣверной Италіи нравами политической и частной жизни Маронитовъ и Друзовъ. Стоитъ разбить призму важнаго историческаго разсказа, очарованную призму поэзіи и романа, чтобы короче ознакомиться съ предками Бароновъ и Графовъ Западныхъ, погостивши у Шейховъ и у Эмировъ Ливанскихъ, изучивши ихъ домашній бытъ, семейныя пре-

данія, направленіе и пружины политическаго ихъ вліянія *).

Шекибъ-Эффенди одинъ среди всѣхъ своихъ предшественниковъ и послѣдователей въ Сиріи постигъ, что притязаніе Порты свергнуть феодальную олигархію Ливана, и въ то же время препятствовать развитію правъ муниципальныхъ, и замѣнить всѣ мѣстные элементы власти правительственною бюрократіею — вещь несбыточная. Онъ благоразумно направилъ свои усилія къ тому, чтобы при ограниченіи феодальныхъ правъ

---

*) Подробное изслѣдованіе этого любопытнаго предмета не входитъ въ предѣлы настоящаго труда. Замѣчу мимоходомъ, что лучшая школа для поясненія темной и загадочной исторіи средняго вѣка Европы есть, по моему мнѣнію, Закавказскій край и Сирія. Много историческихъ предразсудковъ о среднихъ вѣкахъ будутъ разрушены до основанія, если при изслѣдованіи событій Западнаго міра отъ IX до XVI вѣка будемъ имѣть въ виду современный намъ общественный и частный бытъ племенъ Закавказья и Сиріи. Каждое племя порознь можетъ, по нынѣшней степени своего гражданскаго развитія, служить отраженіемъ извѣстной эпохи этого великаго періода, въ которомъ кроется начало новѣйшаго Западнаго общества. Изслѣдованіе это тѣмъ любопытнѣе, что имъ всего болѣе обнаруживается существенная разность политическаго развитія Славянскихъ племенъ отъ всей остальной Европы. Въ самомъ дѣлѣ феодальное право совершенно чуждо всѣмъ Славянскимъ племенамъ, и лишь насильственно и ненадолго могло водворяться по временамъ у нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ въ Польшѣ. Никто не станетъ въ Русской исторіи смѣшивать Княжескихъ удѣловъ отъ Ярослава до Іоанна III, или водворившееся впослѣдствіи крѣпостное право, съ феодальнымъ устройствомъ Западной Европы. Право общинное или муниципальное, котораго коренное начало, хотя и искаженное съ одной стороны введеніемъ рабства, съ другой—непомѣрною административною централизаціею, сохранилось однакожъ въ законодательствѣ нашемъ отъ Волостнаго Правленія до Дворянскихъ выборовъ, пребывая въ совершенной гармоніи съ народнымъ чувствомъ правительственнаго единодержавія. Начало это служитъ драгоцѣннымъ достояніемъ всѣхъ Славянскихъ племенъ отъ Адріатики до Волги, отъ Балтики до Балкановъ, обезпечивая ихъ въ грядущемъ отъ тѣхъ потрясеній, которымъ подвергаются обыкновенно народы вскормленные феодальнымъ началомъ.

подчинить законному порядку проявляющееся право муниципальное.

Подвигъ Шекиба составляетъ важную эпоху въ послѣдовательномъ гражданскомъ развитіи Ливанскихъ племенъ, и можетъ послужить мѣриломъ перехода многихъ Восточныхъ обществъ отъ феодальнаго устройства въ муниципальное.

Онъ не встрѣтилъ большихъ препятствій ни въ народныхъ массахъ ни въ дворянствѣ, потому что предпринятое имъ преобразованіе было своевременно, и соотвѣтствовало существенной потребности. Но по поводу обезоруженія горцевъ Шекибъ навлекъ на себя жалобы иныхъ изъ агентовъ союзныхъ Державъ, хотя мѣра эта для каждаго безпристрастнаго наблюдателя была необходимымъ условіемъ успѣха.

Бросимъ обратный взглядъ на внутреннее состояніе Ливанскихъ племенъ. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что Египтяне лучше Турецкихъ пашей постигали въ Сиріи науку правленія. Подъ ними впервые край позналъ правильное устройство гражданской власти. Послѣ вѣковыхъ внутреннихъ обуреваній, горцы успокоились подъ патріархальнымъ деспотизмомъ своего Эмира, платили огромныя подати, но благоденствовали. Эмиръ успѣлъ, какъ мы видѣли, обуздать произволъ Шейховъ. Замѣтимъ однакожъ, что эти благія начинанія современны отобранію оружія у горцевъ Ибрагимомъ. Съ той только поры власть Эмира упрочилась, и отказалась отъ безчеловѣчныхъ средствъ, отъ изувѣченій, отъ народныхъ опалъ, отъ истребленія жатвъ и плантацій, отъ тѣхъ страшныхъ мѣръ, какими въ прежнія времена и онъ и всѣ его предшественники содержали въ повиновеніи народъ, и наказывали измѣну своихъ ближнихъ.

Призывъ къ оружію горцевъ въ 1840 году былъ

необходимъ, судя по малочисленности Султанской арміи, и произвелъ сильный моральный эффектъ распространеніемъ бунта, во имя законнаго государя, противу похитителя. Впрочемъ ополченія горцевъ никакой дѣятельной заслуги въ войнѣ не оказали. Событія кампаніи въ Ливанскихъ горахъ и въ Палестинѣ, равно какъ и обѣ междоусобныя войны горцевъ, достаточно опровергли предразсудокъ о воинственныхъ доблестяхъ Ливанскихъ христіанъ. Не храбрость ихъ, однѣ ихъ скалы обезпечивали горцевъ встарину отъ непосредственнаго турецкаго управленія. Между тѣмъ каждый разъ, когда паши хотѣли проникнуть въ горы, они сопротивленія не находили. Потому самому, что племена эти не были воинственны, доставшееся имъ оружіе послужило къ собственному ихъ вреду; а оружіе досталось имъ въ такомъ количествѣ, что они снабдили имъ и Наплузскія горы въ замѣнъ хлѣба, доставленнаго оттуда въ голодный 1841 годъ. Восьмилѣтніе мальчики пасли стада съ тяжелымъ солдатскимъ ружьемъ на плечѣ. Съ того времени на Ливанѣ и въ Наплузѣ никакая власть не могла упрочиться. Всякая ссора между двумя поселянами обращалась въ ссору семейства, касты, племени и исповѣданія. Различіе племенъ и религій на Ливанѣ, и особенныя права, присвоенныя горскимъ племенамъ, придали этимъ ссорамъ размѣры борьбы политической и религіозной, и борьбы двухъ началъ, феодальнаго и муниципальнаго. Въ Наплузскихъ горахъ напротивъ того мы видимъ народонаселеніе одноплеменное при единствѣ религіозномъ. Среди 25,000 мусульманскихъ семействъ, населяющихъ этотъ округъ, небольшое христіанское народонаселеніе (около 1,000 семействъ) непричастно политической жизни; ему предоставлено только терпѣть отъ междоусобій Мусульманъ, хотя не принимаетъ оно никакого участія въ этихъ междо-

усобіяхъ. Феодальное начало сохраняетъ еще здѣсь всю свою силу. Наплуза упрямо боролась противъ Египетскихъ преобразованій. Усмиренная, обезоруженная и лишенная своей буйной аристократіи, она наслаждалась принужденнымъ миромъ, пока партіи *Абдулъ-Хади*, *Джерраръ*, *Токанъ и Беркауи* возстали вновь стоглавою гидрою въ переворотъ 1840 года, вооружились избыткомъ Ливанскаго оружія, и подъ слабымъ надзоромъ пашей много лѣтъ сряду вели самую злую междоусобную войну. Но потому самому, что феодальное начало здѣсь сильнѣе чѣмъ на Ливанѣ, борьба проявляется въ другомъ видѣ: партіи сражаются; осаждаютъ одна другую въ своихъ замкахъ; льется много крови; но не жгутъ селеній, не истребляютъ жатвъ, не касаются женщинъ, стариковъ и младенцевъ, и, не ожидая никакого пособія извнѣ, не обнаруживаютъ никакихъ революціонныхъ прихотей.

Въ Наплузѣ какъ и на Ливанѣ тѣ же дѣятели произвели тѣже послѣдствія, съ различіемъ необходимаго вліянія мѣстныхъ элементовъ на ихъ проявленіе. Прежде чѣмъ смуты Ливанскія приняли характеръ политической борьбы, насилія и убійства распространились по горамъ, и проникли въ лоно семействъ. Послѣ спокойствія дарованнаго Ливану деспотизмомъ Эмиръ - Бешира и Египетскаго правленія, племена эти пять лѣтъ сряду праздновали свои кровавыя сатурналіи, а вражды религіозныя и феодальныя послужили только взрывами анархическаго потока объявшаго горы. Всякій изъ этихъ взрывовъ болѣе и болѣе потрясалъ моральныя основы гражданскаго управленія, раздражалъ страсти и развращалъ народъ. Едва утихла междоусобная война 1845 года, Марониты, столь горько испытанные въ ней, потеряли всякое уваженіе къ власти, и — дѣло неслыханное на Ливанѣ, — горцы публично оскорбляли

супругу своего Князя, урожденную княжну Шагабъ, бранными пѣснями въ городѣ *Зукъ*, подъ окнами того дома, гдѣ она укрывалась отъ нашествія Друзовъ. За тѣмъ анархическая зараза проникла въ Маронитское духовенство, и по поводу избранія Патріарха болѣе трехъ тысячь монаховъ и десяти тысячь поселянъ бушевали нѣсколько мѣсяцевъ сряду по сѣвернымъ округамъ Ливана.

При такихъ признакахъ внутренняго состоянія горъ, чтобы съ успѣхомъ приступить къ правительственному устройству въ нихъ, было необходимо предварительно обезоружить горцевъ. Съ другой стороны участіе, принятое Великими Державами въ правительственномъ устройствѣ горъ, и обязательство Порты предоставить Ливану народное управленіе, послѣ неудачной попытки непосредственнаго своего управленія, указывали на необходимость предохранить въ будущемъ льготы, дарованныя горцамъ, отъ злаго умысла пашей и отъ новыхъ попытокъ самой Порты къ нарушенію принятыхъ ею обязательствъ. Мы видѣли какимъ образомъ бездарный сераскиръ Селимъ-паша направилъ по своему произволу междоусобія 1841 года, и погубилъ послѣдняго изъ князей Шагабовъ въ ураганѣ народныхъ страстей, по личной къ нему враждѣ. Для избавленія горскихъ племенъ отъ анархіи, ихъ истязавшей цѣлыхъ пять лѣтъ, было необходимо усилить по возможности постановленную власть. Матеріальная сила правительственной власти должна быть соразмѣрна съ тѣми средствами, какими могутъ располагать партіи. Среди народа вооруженнаго, одинъ только военный деспотизмъ можетъ обезпечить законную власть. На Ливанѣ средство это болѣе чѣмъ гдѣ либо опасно, судя по взаимнымъ отношеніямъ двухъ Каймакамовъ, и сверхъ того оно слишкомъ несоразмѣрно съ доходами края.

Турецкая бригада отбирала оружіе въ Маронитскомъ округѣ Кесруанѣ. По поводу ссоры бригаднаго командира съ Французскимъ консуломъ, за обиду нанесенную Арабу, состоявшему подъ консульскимъ покровительствомъ, Французскій фрегатъ Belle-Poule подступилъ къ Турецкому лагерю, оскорбительными для Турецкаго самолюбія угрозами внушилъ дерзость горцамъ, и раздражилъ фанатизмъ Турецкаго войска. Дотолѣ оружіе отбиралось безъ большихъ строгостей, почти безъ насилія. За тѣмъ Турки излили свою месть на Маронитовъ за оскорбленіе, претерпѣнное отъ единовѣрныхъ имъ Французовъ. Церкви были ограблены, священники поруганы, сѣкли народъ немилосердно, пока Сераскиръ лично поспѣшилъ туда изъ Птеддинскаго замка, чтобы унять свое войско, и наказать виновныхъ офицеровъ. Впрочемъ всѣ попытки горцевъ къ сопротивленію были суетны. Въ сѣверномъ округѣ *Джеббетъ-Бшари*, который по своему мѣстоположенію можетъ почесться неприступнымъ, нѣсколько сотъ Маронитовъ заняли ущелія, чтобы не допустить въ свои селенія Турецкаго войска; но при его появленіи, при первомъ залпѣ, едва было ранено два три человѣка, остальные разбѣжались, и эти *Ливанскіе Ѳермопилы*, какъ ихъ называли Французы, смиренно сдали свое оружіе.

Двадцать тысячь ружей было такимъ образомъ отобрано у Ливанскихъ племенъ въ продолженіе Октября и Ноября. Безъ сомнѣнія много еще оружія, еще столько же можетъ быть, укрылось отъ искательствъ; но не менѣе того мѣра эта была спасительна, и по впечатлѣнію произведенному на народные умы во всей Сиріи, и потому что на будущее время право носить оружіе подлежало нѣкоторымъ полицейскимъ ограниченіямъ.

Птеддинскіе *гости* Шекибъ-Эффендія были освобождены, и вслѣдъ за нимъ, исполненные признательности къ нему за его ласки и правосудіе, перешли въ Бейрутъ, гдѣ было тотчасъ приступлено къ рѣшенію многихъ вопросовъ относительно внутренняго управленія Ливана. Счастливый эффектъ успѣха въ отобраніи оружія изгладилъ всѣ тѣ препоны, которыя дотолѣ казались непреоборимыми въ практическомъ введеніи системы 1842 года. Давно уже вопіяли на Каймакама Друзовъ Эмира Ахмета-Руслана за его крутой нравъ, скупость и грубое обхожденіе. Онъ былъ смѣненъ Шекибъ-Эффендіемъ, а на его мѣсто поставленъ родной его братъ Эмиръ-Эминъ, человѣкъ съ тонкимъ умомъ и мягкимъ нравомъ. Предстатели Христіанскаго народонаселенія, въ округахъ подвѣдомыхъ Шейхамъ Друзамъ, были избраны по общему согласію обѣихъ сторонъ, утверждены ихъ права и постановлены ихъ отношенія къ народу, къ Шейхамъ и къ Каймакамамъ. Опредѣлены всѣ расходы по внутреннему управленію Ливана, не выходя изъ предѣловъ постановленной Портою суммы 3,500 мѣшковъ налога, изъ котораго только 1,200 мѣшковъ поступало въ казну. Постановлено правило о равномѣрной раскладкѣ налога, безъ всякихъ личныхъ, или семейныхъ, или помѣстныхъ льготъ. Разграничены округи обоихъ Каймакамовъ. Наконецъ Шекибъ-Эффенди довершилъ преобразованіе учрежденіемъ при каждомъ изъ Каймакамовъ Совѣта, въ которомъ всѣ исповѣданія Ливанскія имѣютъ своихъ представителей, и который облеченъ судебною властію, раскладкою налога и контролемъ его сбора. Постановленіемъ этимъ обуздано съ одной стороны феодальное самоуправство, а съ другой уравнены права всѣхъ исповѣданій и племенъ, надъ которыми искони тяготѣло

первенство двухъ владычествующихъ племенъ, Друзовъ и Маронитовъ.

Но самое важное изъ новыхъ постановленій, то именно на которомъ основанъ весь ихъ составъ, было — отстраненіе пашей отъ внутреннихъ дѣлъ горскихъ племенъ. Только въ случаѣ споровъ между двумя Каймакамами и въ случаѣ нарушенія ими предписаннаго порядка, предоставлено намѣстнику Порты право разбирать спорное дѣло или жалобу; но не по своему произволу и не по указаніямъ Порты, а только въ смыслѣ приложенія мѣстнаго права.

Замѣтимъ, что учрежденія эти, по принятому въ нихъ участію союзными Державами, не могутъ быть нарушены безъ ихъ согласія и содѣйствія. Отъ сего проистекаетъ право оппозиціи со стороны Державъ въ случаѣ произвольныхъ толкованій мѣстныхъ льготъ, и слѣдственно — обязанность постояннаго надзора и вступничества. Эта гарантія вводитъ льготы Ливанскія въ область международнаго Европейскаго права. Она не выражена впрочемъ ни въ одномъ оффиціальномъ актѣ, потому безъ сомнѣнія, что она не совмѣстна съ недавнимъ обезпеченіемъ цѣлости и независимости Оттоманской имперіи.

Предоставимъ времени указать практическія выгоды и невыгоды гарантіи пяти Державъ по дѣлу подверженному всяческимъ случайностямъ, то вспышкамъ новыхъ междоусобій и новыхъ возстаній народа противу феодальнаго дворянства, то проискамъ Порты и капризамъ и корыстолюбію пашей. Кто поручится въ постоянномъ или въ продолжительномъ единомысліи Державъ? — Въ случаѣ ихъ разногласія Порта можетъ отвѣчать на требованія каждой изъ нихъ, что въ дѣлѣ международномъ всего прежде поручители и совѣтники должны быть согласны между собою. Покрайней мѣрѣ

вопросъ о правѣ получилъ рѣшеніе благопріятное для развитія самобытности племенъ, неспособныхъ за нее бороться противу нынѣшнихъ средствъ Оттоманскаго правительства, которое замѣнило старинныя безчинства и насиліе коварствомъ систематическимъ. Въ этомъ отношеніи Ливанское дѣло имѣетъ политическое значеніе несравненно болѣе важное и болѣе благородное чѣмъ вопросъ о Египтѣ, рѣшенный пятью годами прежде. Въ Египтѣ Великія Державы обезпечили права одного семейства, а на Ливанѣ — права народныя, по примѣру Россіи, которая гораздо прежде обезпечила права народа трехъ Дунайскихъ Княжествъ, не права владѣтельныхъ семействъ. Какъ бы то ни было и въ Египтѣ и на Ливанѣ, какъ и на Дунаѣ, державныя права Султановъ подчинились формальнымъ ограниченіямъ ко благу человѣчества.

Весною 1846 года всѣ сословія съ признательностію и съ благословеніями провожали Шекиба, когда онъ садился на пароходъ для обратнаго пути въ Константинополь. По религіозному обряду Мусульманъ бараны были принесены въ жертву на Бейрутской пристани, и толпа по собственному движенію молилась, желая ему счастливаго пути. Чувства эти были нелицемѣрны. Всѣ знали, что Шекибъ-Эффенди уже впалъ въ немилость и лишился портфеля. Но Сирійскія племена цѣнили его заслуги. Счастливое заключеніе Ливанскаго дѣла возъимѣло самое благое вліяніе на весь край. Наплузскія междоусобія были прекращены однимъ появленіемъ того самаго Мехметъ-паши-Кюпрузли, который изъ Акки былъ переведенъ въ Іерусалимъ, и который во время управленія Аккскимъ Санджакомъ не могъ управиться съ своими Башибузуками, потому что въ ту пору, подъ вліяніемъ Ливанской неурядицы, правительственная власть не внушала никакого страха. Въ присутствіи

враждебныхъ партій, Абдулъ-Хадіевъ и Токановъ, Мехметъ-паша съ двумя баталіонами сталъ ломать феодальный замокъ *Аррабъ*, который со временемъ Джеззара служилъ гнѣздомъ бунта. Городъ Халиль-Рахманъ (ветхозавѣтный Ефронъ или Хевронъ) равно чтимый Іудеями, Христіанами и Магометанами по хранящимся въ немъ гробницамъ древнихъ патріарховъ, современи отступленія Египтянъ былъ во власти Шейховъ *Амръ*, которые безнаказанно бушевали въ южной Палестинѣ, взимали подати съ народа, и вели связи съ племенами Великой пустыни. Мехметъ-паша взялъ приступомъ Халиль-Рахманъ, наказалъ бунтовщиковъ, и возстановленіемъ Султанской власти на этомъ рубежѣ Великой пустыни обезопасилъ Палестину отъ хищныхъ Бедуиновъ. Вскорѣ затѣмъ знаменитые Абугоши, эти неугомонные стражи Палестинскихъ ущелій, были схвачены и сосланы въ заточеніе. Повсюду правительство стало съ успѣхомъ взыскивать накопившіяся въ теченіе шести лѣтъ казенныя недоимки.

Таково было непосредственное вліяніе успѣха Ливанскаго дѣла. Но Порта была озлоблена на своего коммисара, и противъ его воли назначила его посломъ въ Вѣну, чтобы лишить его всякаго участія въ дальнѣйшемъ ходѣ постановленнаго имъ порядка, по согласію и по совѣщанію съ агентами Великихъ Державъ. По мнѣнію Порты онъ уронилъ достоинство Оттоманскаго правительства, и пожертвовалъ государственнымъ интересомъ въ угоду Державъ участвовавшихъ въ рѣшеніи дѣла. Въ особенности тѣмъ была недовольна Порта, что ея Коммисаръ подвергнулъ обсужденію Генеральныхъ Консуловъ въ Бейрутѣ составленный имъ проектъ, будучи совершенно убѣжденъ, что въ случаѣ противудѣйствія со стороны иностранныхъ агентовъ, горскія племена, привыкшія питать болѣе довѣрія къ

агентамъ союзныхъ Державъ чѣмъ къ пашамъ и къ коммисарамъ Турецкимъ, стали бы неминуемо противудѣйствовать съ своей стороны. Порта была весьма расположена сдѣлать въ проектѣ значительныя измѣненія въ смыслѣ вящшаго вмѣшательства пашей во внутренния дѣла Ливана. Но проектъ Шекиба былъ въ полномъ его составѣ одобренъ консульствами въ Бейрутѣ и посольствами въ Константинополѣ, а Порта поневолѣ долженствововала въ свою очередь одобрить. Всетаки не теряла еще она надежды перепутать опять дѣло и подорвать обычными происками льготы дарованныя Горскимъ племенамъ. Съ этою цѣлію назначила она Султанскимъ намѣстникомъ въ Бейрутѣ Кьямиль-пашу, личнаго врага Шекибу *) съ порученіемъ наблюдать за ходомъ новаго управленія и новаго порядка вещей на Ливанѣ. По назначеніи своемъ Кьямиль не замедлилъ выказать свои расположенія. По примѣру своихъ предшественниковъ онъ искалъ повода ко вмѣшательству въ дѣла Ливана, и подъ предлогомъ недоразумѣній въ постановленномъ порядкѣ, или затрудненій встрѣчаемыхъ въ практическомъ его приложеніи, онъ сталъ доказывать необходимость поясненій и измѣненій. Но агенты Великихъ Державъ строго слѣдили за неприкосновенностію льготъ Ливанскихъ, и ихъ жалобы заставили Порту смѣнить Кьямиля.

Въ 1847 году мѣсто его заступилъ знаменитый

*) Вражда между ними существовала вотъ по какому случаю: Кьямиль въ 1843 г. будучи пашею Бѣлградскимъ, перепуталъ дѣла въ Сербіи и навлекъ на Порту негодованіе Русскаго Двора. Шекибъ-Эфенди, назначенный коммисаромъ въ Сербію, обличилъ все поведеніе Кьямиля, который хотя и дѣйствовалъ по внушеніямъ самой Порты, однако не съумѣлъ съ достаточнымъ искуствомъ скрыть своихъ происковъ. Онъ былъ смѣненъ по обвиненію Шекиба, и Порта оправдалась, сваливъ всю вину на Кьямиля.

Мустафа-паша Скодрійскій, бывшій нѣкогда удалымъ бунтовщикомъ противъ Махмуда, послѣдній вассалъ побѣжденный Махмудомъ въ продолжительной борьбѣ Султанскаго единодержавія противъ правительственнаго феодализма. Султанъ, принося дань новымъ политическимъ началамъ своего царствованія, не потребовалъ головы его къ вратамъ Серальскимъ, помиловалъ и даже обласкалъ его, довольствуясь конфискованіемъ его имущества. Выборъ новаго намѣстника доказывалъ, что Порта отказалась, на короткое время покрайней мѣрѣ, отъ той мысли, которою руководилась она до сей поры, и отложила до обстоятельствъ болѣе благопріятныхъ ея видамъ нарушеніе льготъ Ливанскихъ. Мустафа неспособенъ къ проискамъ. Онъ не принадлежитъ къ разряду нынѣшнихъ государственныхъ людей Оттоманской Имперіи, и сохраняетъ независимый нравъ Албанскаго своего происхожденія. Онъ строго руководствуется правилами постановленными Шекибомъ о невмѣшательствѣ пашей въ дѣла Ливана, и внутренно убѣжденъ, что государственный интересъ Оттоманской Имперіи предписываетъ добросовѣстное исполненіе принятыхъ обязательствъ, дабы избѣгать повода къ новому вступничеству Державъ во внутреннія дѣла имперіи.

Помилованный и обласканный Махмудомъ бунтовщикъ Албанскій оказалъ въ этомъ случаѣ существенную услугу сыну Махмуда. По собственному разсказу объ обстоятельствахъ бунта предпринятаго имъ въ Албаніи, когда онъ обладалъ наслѣдственно Скодрою, корыстолюбіе и происки любимцевъ той эпохи были главными тому причинами; а если въ ту эпоху, когда имя Султана внушало трепетъ правительству, бюрократія Стамбульская имѣла столь пагубное вліяніе въ областяхъ, нужно ли удивляться проискамъ правительства,

которое успѣло оградить себя Гюльханейскою присягою отъ произвола своего повелителя?

Пора бунтовъ пашей невозвратно прошла. Послѣднимъ актомъ этой двухвѣковой драмы были подробно описанныя нами предпріятія Египетскаго паши. Правительственная феодальная организація рушилась въ наши дни. Портѣ предстоитъ еще бороться противъ подвластныхъ племенъ и феодальнаго ихъ устройства, противъ ихъ попытокъ созрѣлыхъ или недозрѣлыхъ къ самостоятельному существованію и къ независимости, противъ стремленія ихъ къ равенству по крайней мѣрѣ съ владычествующимъ племенемъ. Но съ намѣстниками Султана не предвидится борьба. Ихъ слабость служитъ порукою вѣрности. Сама природа благопріятствуетъ Портѣ въ этомъ отношеніи. Оттоманское племя видимо чахнетъ въ нашъ вѣкъ. Оно не порождаетъ уже ни Али-паши Тепеленскаго, ни Джеззара, ни Мехметъ-Алія, ни Кючукъ-Али-Оглу даже, и подобныхъ ему Деребеевъ-разбойниковъ. Тоже явленіе поражаетъ и въ государственныхъ людяхъ Турціи. Прошла пора визировъ подобныхъ тѣмъ какими были Кюпурли; нынѣшнее поколѣніе врядъ ли дастъ государству даже такихъ людей, какими были при Махмудѣ Пертефъ и Хозрефъ.

Послѣ 1840 года существованіе Оттоманской Имперіи было обезпечено взаимными обязательствами Великихъ Державъ, по случаю борьбы Султана съ послѣднимъ изъ бунтовавшихъ вассаловъ. Распространяется ли обезпеченіе это на неизбѣжно-предстоящія борьбы противу подвластныхъ племенъ? Порта въ томъ увѣрена по крайней мѣрѣ, и потому переноситъ она съ стоическимъ терпѣніемъ всѣ докуки, всѣ уничиженія, которымъ подчиняетъ ее непрерывное вмѣшательство Державъ во внутреннія ея дѣла, въ этотъ нескончае-

мый процесъ между правительствомъ и подданными. Подробно изложенный нами ходъ Ливанскаго дѣла съ 1841 по 1846 годъ, дѣйствія и притязанія Порты, поведеніе ея пашей и ея коммисаровъ въ Сиріи, расположенія выказанныя горскими племенами, ихъ навыкъ обращаться съ жалобами на свое правительство къ агентамъ Европейскихъ Державъ, дѣятельное участіе Кабинетовъ въ развитіи и въ рѣшеніи вопроса, исключительно подлежащаго внутреннему управленію государства, котораго независимость была предъ тѣмъ обезпечена Великими Державами — все это въ совокупности представляетъ весьма мудренную задачу международнаго права, и еще болѣе мудренную задачу въ отношеніи нынѣ образуемаго государственнаго права Оттоманской имперіи.

Мы съ безпристрастіемъ сознали преимущества доставленныя или предстоящія племенамъ подвластнымъ Султану при теперешней правительственной системѣ, въ сравненіи съ прежнимъ ихъ бытомъ. Уже съ нѣкоторыхъ лѣтъ внутреннее развитіе этихъ долговѣчныхъ племенъ Оттоманскаго Востока поражаетъ наблюдателя. Равно замѣчательно и то любопытное явленіе, что само правительство Оттоманское, при всѣхъ своихъ усиліяхъ препятствовать развитію народностей, осуждено, по принятому съ 1839 года политическому направленію, благопріятствовать прогрессивному ихъ развитію. Таково по убѣжденію нашему вліяніе притѣсненій и гоненій, терпимыхъ подвластными племенами, съ той поры какъ старинное самоуправство замѣнилось судомъ и расправою безнравственными и нелѣпыми, но всегда пристрастными къ владычествующему племени. Съ 1839 года Оттоманское правительство поставило себя въ необходимость превозглашать въ слухъ Европы и подвластныхъ племенъ несбыточныя теоріи о равенствѣ, и

такія обѣщанія, которыхъ осуществленіе было-бы равносильно правительственному отрѣченію, судя по тому, что равенство правъ между племенами, какъ и равенство между сословіями, не совмѣстны съ предоставленіемъ власти одному племени или одному сословію. Не менѣе того проповѣдь о правѣ стараніями самаго правительства, упорствующаго въ борьбѣ противу права подвластныхъ племенъ, распространяется между этими племенами, и развиваетъ въ массахъ чувство новое. Для стяжанія права самымъ необходимымъ условіемъ служитъ предварительное понятіе о правѣ.

Какъ бы то ни было, предстоятъ въ этомъ пути горькія испытанія. Если исчислить всѣ бѣдствія испытанныя Ливанскими племенами съ 1841 по 1845 годъ, подъ знаменіемъ оффиціальнаго человѣколюбія правительства и ласковаго обращенія пашей съ горцами, нѣтъ сомнѣнія, что въ эти пять лѣтъ пролилось на Ливанѣ болѣе крови и произошло больше истребленія и злодѣйствъ, чѣмъ въ тридцатилѣтній періодъ свирѣпаго Джеззара.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

ПЛЕМЕНАХЪ СИРІЙСКИХЪ И О ДУХОВНОМЪ ИХЪ УПРАВЛЕНІИ.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

о племенахъ Сирійскихъ и о духовномъ ихъ управленіи.

Изслѣдованіе о происхожденіи племенъ населяющихъ нынѣ Сирію не входитъ въ предѣлы нашего труда. Замѣтимъ только, что страна эта искони была населена народами, равно чуждыми между собою по происхожденію, языку и религіи. Если съ одной стороны нравственный и физическій ихъ обликъ еще болѣе испещрялся отъ непрерывныхъ нашествій, коихъ исторія насчитываетъ болѣе двадцати отъ Сезостриса до Турокъ, за то — вліяніе климата и политическіе перевороты, совокупно дѣйствуя на разнохарактерныя племена, способствовали къ слiянію ихъ въ одну массу, каковою представляются теперь Сирійскіе жители, нося на себѣ только тѣ отличительные отпечатки, какіе наложили на нихъ мѣстность, политическое состояніе съ нею сопряженное, и всего болѣе религія. Арабскій языкъ, сдѣлавшійся общимъ языкомъ Сиріянъ, со времени Арабскаго завоеванія, еще болѣе способствовалъ къ слитію племенъ, или совершенно затерявшихъ свои коренные языки, или сохранившихъ только ихъ письменные памятники въ своемъ богослуженіи.

Такимъ образомъ основаніемъ раздѣленія Сирійскихъ племенъ можно принять: 1-е Политическій и физиче-

скій ихъ бытъ; 2-е Религію. Въ первомъ отношеніи племена сего края раздѣляются на:

1-е. Кочевыхъ обитателей пустыни, Бедуиновъ.

2-е. Полукочевыхъ жителей странъ плодородныхъ, Кюрдовъ и Тюркменовъ.

3-е. Горцевъ.

4-е. Осѣдлыхъ жителей равнинъ.

5-е. Жителей городовъ.

Ни одна страна, можетъ быть, не представляетъ столько разительныхъ противуположностей, проистекающихъ отъ физическаго ея образованія, и отражающихся въ гражданскомъ и нравственномъ быту ея жителей.

1-е. Бедуины или *Бедеви.* Подъ этимъ именемъ, соотвѣтствующимъ наименованію *Арабовъ* въ ветхомъ завѣтѣ, извѣстны многочисленныя племена, кочующія на пространствѣ болѣе двухъ милліоновъ квадратныхъ верстъ, отъ Персіи до западной оконечности Африки. Они гордятся происхожденіемъ своимъ отъ Измаила, сына рабыни, и почитаютъ необузданную, дикую свою свободу — законнымъ наслѣдіемъ ихъ рода. Въ пустынѣ Сирійской число ихъ простирается до милліона душъ. Среди всѣхъ политическихъ переворотовъ Сиріи они остались тѣмъ чѣмъ были при Магометѣ; и вѣроятно этотъ полудикій, полупатріархальный ихъ бытъ длится почти безъ измѣненій со временъ Авраама. Даже магометанство не произвело значительнаго преобразованія между ними. Этотъ духовный и политическій переворотъ, объявшій полъ міра, былъ произведенъ только племенами Хеджаса и Іемена; между тѣмъ какъ другія родственныя имъ племена Бедуиновъ при самомъ началѣ исламизма заслужили упрекъ въ невѣріи, и пребываютъ въ такомъ же состояніи доселѣ. Всѣ ихъ религіозныя понятія ограничиваются вѣрою въ единаго Всевышняго Творца. Ветхое и новое откровеніе — ихъ

не огласили, а законъ Магомета, сковавшій въ новую народность соплеменныхъ имъ Арабовъ, не имѣетъ между ними достаточно вліянія, чтобы побороть врожденное маловѣріе. Чувство религіознаго фанатизма совершенно имъ чуждо. Хотя по сосѣдству съ Мусульманами и принимаютъ они внѣшній видъ исламизма, однако ни мечетей, ни Корана, ни Имамовъ у нихъ нѣтъ, и религіозныхъ обрядовъ они не исполняютъ. Всѣ усилія Порты для возбужденія въ нихъ религіозной ревности къ Султану, какъ духовному главѣ ислама, остались доселѣ тщетными. Проявившаяся въ началѣ прошедшаго столѣтія секта Веххабитовъ, или Пуританъ исламизма, совершенныхъ Деистовъ, отвергающихъ всякій обрядъ и всякое поклоненіе, служитъ признакомъ, что въ этихъ племенахъ таится еще зародышъ духовнаго переворота; но нравственное ихъ развитіе такъ чуждо успѣховъ, такъ недоступно внѣшнему вліянію, что это состояніе, представляющее переходъ отъ дикаго быта къ гражданскому, продлится вѣроятно еще много вѣковъ. Самая природа кажется осудила ихъ на этотъ бытъ, удѣливъ имъ безплодныя и почти безводныя степи, гдѣ они круглый годъ заняты переходами для снисканія скудной пищи своимъ стадамъ и верблюдамъ — единственному средству существованія. Только по сосѣдству съ населенною полосою Сиріи они имѣютъ сношенія съ правительствомъ и съ жителями городовъ и селеній; но равно чуждаются и политическихъ властей и гражданскихъ узъ и трудовъ земледѣльческихъ, предпочитая всему этому приволье пустыни. Тамъ міръ совершенно чуждый міру нашему; тамъ есть племена большія и малыя, соотвѣтствующія большимъ и малымъ государствамъ. Нѣтъ понятія о поземельной собственности, этой основы гражданскаго быта. Ведутъ войну, заключаютъ оборонительные и наступательные

союзы; иногда большія племена раздробляются; иногда малыя входятъ въ составъ большихъ; иныя совершенно теряются въ политическихъ переворотахъ пустыни; новыя проявляются. Дѣдовскіе обычаи служатъ законами; а въ патріархальномъ правленіи племенъ сливаются воедино права Монархическія, Аристократическія и Демократическія.

2-е. *Полукочевые* жители плодородныхъ странъ, Кюрды и Тюркмены, имѣютъ въ характерѣ много общаго съ Бедуинами.

Кюрды съ нѣкотораго времени значительно размножились въ Сиріи. Они переходятъ сюда изъ своей гористой родины Кюрдистана, кочуютъ со своими стадами въ Пашалыкѣ Алеппскомъ, и постоянно занимаютъ въ немъ горы между Бейланомъ и Килисомъ. Живутъ частію въ палаткахъ, частію въ домахъ; чуждаются земледѣлія, грабятъ караваны при всякомъ удобномъ случаѣ, и даютъ много заботъ правительству, представляя собою племя въ существѣ независимое, и свободно бродящее по государству для промысла скотомъ и разбоемъ. Число ихъ въ Сиріи можетъ простираться по временамъ отъ 30 до 50 тыс. душъ обоего пола. Хотя и почитаютъ ихъ магометанами, однако въ существѣ они или не имѣютъ положительной религіи, или боготворятъ змія, или поклоняются дьяволу, сохраняя, можетъ быть, еще древнія вѣрованія Зороастровой секты о двухъ началахъ добра и зла, объ Ариманѣ и Ормуздѣ. Кюрды стали съ нѣкотораго времени селиться въ городахъ. Поводомъ къ сему послужило то, что при прежнемъ порядкѣ вещей въ Турціи, паши набирали изъ среды ихъ тѣлохранителей, которые постоянно при нихъ пребывали. И теперь каждый разъ, когда понадобится правительству или начальнику какой либо партіи нерегулярная кавалерія, обыкновенно

приглашаютъ Кюрдовъ. Въ Дамаскѣ считается ихъ болѣе тысячи семействъ. Поселившись въ городахъ, Кюрды сливаются мало-по-малу съ мусульманами. Бунтовщикъ Бедерханъ-Бей, который замыслилъ бороться противъ нововведеній Султанской власти и правительственной централизаціи, успѣлъ въ наше время привязать къ своимъ знаменамъ много племенъ Кюрдовъ за Тигромъ. Въ 1842 и 43 годахъ можно было подумать, что народъ этотъ помышлялъ о политической самостоятельности. Вмѣстѣ съ тѣмъ Бедерханъ-Бей являлся преобразователемъ, усердно обращалъ въ мусульманство своихъ послѣдователей, а мусульманство служитъ здѣсь первымъ выраженіемъ гражданственности. Политическіе замыслы рушились съ паденіемъ бунтовщика; но предпринятое имъ дѣло внутренняго гражданскаго и духовнаго преобразованія Кюрдовъ успѣшно продолжается нынѣ представителями Султанской власти. Тюркмены болѣе Кюрдовъ и Бедуиновъ сближаются съ гражданскимъ бытомъ. Они пасутъ свои многочисленныя стада въ Малой Азіи, въ долинахъ Тавра и по сѣверному прибережью Сиріи, снабжая скотомъ города. Они не столь преданы разбою; между ними болѣе благосостоянія; и хотя религіозныхъ обрядовъ и мечетей и имамовъ у нихъ нѣтъ, однако въ существѣ они мусульмане. Число Тюркменовъ кочующихъ въ Сиріи можетъ простираться отъ 10 до 15 тыс. душъ.

3-е. *Горцы.* Въ сѣверную часть Сиріи врѣзываются отрасли Тавра; между Антіохіею, Хамою и Латтакіею возвышается *Джебель Кельбіе* (Гора Собачья) древній Кассіонъ; по прибережью отъ Триполи до Сура раскинутъ Ливанъ; параллельно и смежно съ нимъ бѣжитъ отъ сѣвера къ югу хребетъ Антиливанскій до Тиверіады; на взморье выступаетъ изъ Галилеи утесистый Кармилъ, а въ пустыню врѣзаются волканиче-

скимъ лабиринтомъ ущелія и скалы Гауранскія. По восточному берегу Іордана высится хребетъ *Аджелунскій.* Насупротивъ южныхъ подошвъ Антиливана и одинокаго Ѳавора уставлены пригорки Самаріи, образующіе потомъ хребетъ Палестинскій, отрѣзанный Іорданомъ и Мертвымъ моремъ отъ Восточныхъ своихъ отраслей, и вмѣстѣ съ ними спускающійся потомъ въ Аравійскую пустыню рядомъ отлогихъ ущелій, бѣгущихъ до залива Акаба въ Чермное море. Сирійскія горы перемежаются плодородными долинами; самые ихъ хребты, при трудолюбіи свойственномъ племенамъ горскимъ, покрываются цвѣтущими плантаціями. Горы относительно населены болѣе чѣмъ равнины, или лучше сказать, народонаселеніе равнинъ, подверженное всѣмъ бѣдствіямъ войны и насилія въ продолженіи 15 вѣковъ, постоянно убываетъ, между тѣмъ какъ горецъ менѣе доступенъ и войнѣ и насилію. Въ промежуткахъ Сирійскихъ хребтовъ или между ними и моремъ, съ одной стороны, и пустынею, съ другой, раскинуты просторныя равнины. Таково поле Антіохійское, долина Оронта отъ Хамы до Сура, равнина Эсдралонская, долина Акки, поля Гаурана, Яффы и Аскалона. Но въ Сиріи земледѣліе, первая степень гражданственности, укрылось въ горы, а поля одичали. Сосѣдняя пустыня накидываетъ мало-по-малу свой песчаный саванъ на страны нѣкогда плодородныя, нынѣ покинутыя одушевлявшимъ ихъ земледѣліемъ; бѣгло проходятъ облака надъ обнаженными степями, которымъ небо отказываетъ въ дождѣ, и Сирія, эта роскошная провинція Рима, питавшая въ цвѣтущія свои времена до 15 милліоновъ жителей, часто получаетъ хлѣбъ изъ Египта.

Въ нравѣ, въ характерѣ, въ очеркѣ физіономіи, въ степени умственнаго развитія, въ чувствѣ религіозномъ горца и жителя равнинъ, видны слѣды тѣхъ противу-

положныхъ дѣятелей, подъ могущественнымъ вліяніемъ которыхъ взросли поколѣнія.

Потокъ Магометанскаго ученія, разлившись въ Сиріи, не могъ проникнуть въ горы; въ нихъ сохранилось христіанство; туда укрылись и остатки древнихъ религій и религіи новыя, порожденныя въ первые вѣки ислама.

Горскія племена Сиріи отличаются отъ горцевъ Европейской Турціи и Кавказа мирными и земледѣльческими наклонностями, хотя въ Европѣ и привыкли придавать имъ воинственный характеръ другихъ горскихъ племенъ Востока. Причиною сего явленія есть можетъ быть почва Сирійскихъ горъ, большею частью плодородныхъ, и самое стеченіе обстоятельствъ, при которыхъ политическіе перевороты края, потоки завоеваній и беззащитность равнинъ отъ хищничества сосѣднихъ Бедуиновъ, заставляли племена земледѣльческія укрываться въ горы. Не смотря на вѣковую анархію Сиріи, мы не встрѣчаемъ въ ея лѣтописяхъ ни одного племени горскаго, которое бы боролось съ намѣстниками Порты за свою независимость, подобно Майнотамъ, Албанцамъ и Сербамъ. Возникавшіе отъ времени до времени бунты имѣли цѣлью освобожденіе отъ случайныхъ насильственныхъ мѣръ правительства, отъ податей, отъ рекрутства. Еще недавно Джеззаръ-паша Аккскій, котораго вся сила состояла въ наборѣ вооруженныхъ бродягъ, смѣнялъ по своей прихоти Ливанскихъ князей, и надбавлялъ дань на Ливанскія племена. Тоже явленіе мы видимъ и въ отношеніяхъ пашей ко всѣмъ другимъ горскимъ племенамъ. Между тѣмъ, съ своихъ неприступныхъ вершинъ, эти племена озираютъ пустыню, которой кочевья не только сохраняютъ свою дикую независимость, но даже взимаютъ дань съ правительства. Религіозныя чувства Сирійскихъ горцевъ представля-

ютъ также разительную противуположность беззаботливости кочевыхъ жителей въ отношеніи къ вѣрѣ. Узы религіи тѣмъ могущественнѣе для горныхъ племенъ Сиріи, что ими хранится народность и политическія права каждаго изъ нихъ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣсколько разныхъ племенъ, обыкновенно враждебныхъ между собою, живутъ въ сосѣдствѣ или вкупѣ, какъ на горѣ Ливанѣ. Даже моральное вліяніе духовенства несравненно ощутительнѣе на горахъ, гдѣ власть правительственная встрѣчаетъ столько препонъ, особенно тамъ — гдѣ правительство или опытомъ убѣдилось, что выгоднѣе назначать начальниками туземцевъ не Мусульманъ, или обстоятельствами принуждено признавать и поддерживать власть, основанную на феодальномъ образованіи горскихъ обществъ.

Всѣ христіанскія исповѣданія, равно и другія религіи, пользуются полною свободою богослуженія на горахъ. Есть монастыри древніе и богатые, оставшіеся неприкосновенными во всѣ бурные перевороты сего края. Многіе изъ нихъ пользуются давними льготами въ повинностяхъ платимыхъ съ церковнаго имущества.

4-е. За симъ число *осѣдлыхъ жителей равнинъ*, состоящихъ въ непосредственномъ управленіи Порты, представляетъ едва ли четвертую часть Сирійскаго народонаселенія. Между ними нѣтъ племенъ отдѣльныхъ. Это большею частію Мусульмане-Сунниты и Христіане православные. Распрей между ними нѣтъ; потому что Христіане, при сознаніи своей слабости, терпѣливо переносятъ обиды, и при томъ тѣ и другіе вмѣстѣ равно подвержены насильственнымъ мѣрамъ пашей, или тѣхъ мелкихъ тирановъ, которые берутъ на откупъ казенные доходы. Между прочими характеристическими чертами жителей горныхъ племенъ и жителей равнинъ замѣчательно и то, что первые вообще владѣютъ на-

слѣдственною поземельною собственностію, а земля послѣднихъ принадлежитъ казнѣ или богатымъ помѣщикамъ, такъ что они и повинностями огромными обложены и насиліямъ подвержены. Въ такихъ обстоятельствахъ нравственное ихъ уничиженіе есть необходимое слѣдствіе политическаго ихъ быта. Если Феллахъ Египетскій терпитъ отъ тяжкихъ налоговъ и отъ монополій всѣхъ произведеній, за то онъ по крайней мѣрѣ обезпеченъ отъ войнъ , бунтовъ , разбоевъ , привыкъ жить своимъ насущнымъ хлѣбомъ, безъ собственности, безъ заботъ о будущемъ урожаѣ; заботы о немъ лежатъ на правительствѣ; словомъ сказать, привыкъ къ отеческому деспотизму владѣтеля Египта, и не вѣдаетъ другой власти надъ собою кромѣ власти правительства, тягостной, взыскательной, но попечительной. Сирійскій поселянинъ напротивъ подверженъ угнетеніямъ разнаго рода. Съ самой эпохи раздробленія Халифата и до нашихъ дней Сирійскій поселянинъ не вѣдаетъ отдыха. Сперва Эмиры, за тѣмъ Мамлуки, за тѣмъ Паши попеременно бунтовали противъ верховной власти, или смѣнялись другъ другомъ, или вели между собою войну, и никогда въ эту восьми-вѣковую суматоху удалые правители края не переставали грабить свой народъ. Разбой только въ восьмилѣтній періодъ Египетскаго правленія былъ укрощенъ, и были положены предѣлы злоупотребленіямъ Шейховъ, этихъ піавицъ народонаселенія. Но всѣ усилія Ибрагимъ-паши для искорененія злоупотребленій чиновниковъ правительства были тщетны. По слѣдственному дѣлу въ Аккѣ открылось, что одинъ изъ этихъ чиновниковъ, по шестимѣсячномъ заключеніи въ крѣпости , успѣлъ въ самый тотъ день когда по утру получилъ пятьсотъ плетей по пятамъ, взять съ одной деревни, угрозами и обѣщаніями, 5,000 піастровъ въ подарокъ. Такимъ образомъ житель рав-

нинъ Сирійскихъ взросъ въ безпрерывной тревогѣ, воспитанъ въ насиліяхъ; нравъ его одичалъ, а характеръ унизился и развратился. Гражданственности въ равнинахъ Сирійскихъ несравненно менѣе чѣмъ на горахъ. Чувство религіозное слабѣе; у Христіанъ оно поддерживается только усиліями духовенства и благодушнымъ перенесеніемъ гоненій отъ Мусульманъ. Церковь и ея священнослужители бѣдны.

5-е. *Жители городовъ.* Въ Сиріи болѣе чѣмъ во всякой другой странѣ разительна разность между поселяниномъ и городскимъ жителемъ. Разность проявляется въ самой физіономіи городскихъ жителей, представляющей обликъ болѣе греческій, чѣмъ арабскій. Обстоятельство это поясняется ихъ происхожденіемъ. Со времени Македонскаго владычества до самаго Арабскаго завоеванія, цѣлыхъ десять вѣковъ, въ странѣ сей преобладалъ греческій элементъ и греческое образованіе. Сельскіе жители оставались недоступными этому внѣшнему вліянію и смѣси съ просвѣщенными гостями, которые могли населить одни города, и насадить, будто оазисы, свои цвѣтущія колоніи чрезъ пустыню до самаго Эвфрата. Періодъ этотъ въ политическомъ отношеніи представляетъ три разныя эпохи: Греко-Македонскую при Селевкидахъ, Римскую и Константинопольскую при императорахъ; но въ отношеніи гражданственности по справедливости можетъ почесться единымъ послѣдовательнымъ развитіемъ предпріимчиваго генія Греціи, объявшаго всю окружность Средиземнаго моря, и всюду проявлявшагося, то подъ дробнымъ вліяніемъ колоній, то по слѣдамъ Македонской фаланги и Римскихъ легіоновъ. Если на западѣ классическая древность придала Сициліи и южной Италіи наименованіе Великой Греціи, то еще справедливѣе можетъ быть присвоено наименованіе это всему восточному берегу

Средиземнаго моря, отъ Византіи до Александріи, всѣмъ берегамъ Эвксинскаго понта и Пропонтиды. Малочисленное греческое племя не могло населить просторныхъ странъ, завоеванныхъ его геніемъ и открытыхъ имъ новому гражданскому, промышленному и торговому развитію. Но во весь цвѣтущій этотъ періодъ Эллинскіе выходцы не переставали селиться въ городахъ; Эллинскій языкъ былъ повсюду языкомъ просвѣщеннаго общества. Просвѣщенный классъ разноязычныхъ племенъ подчинялся вліянію гостей, и усыновлялся ими, не только въ народахъ лишенныхъ внутренняго элемента гражданственности, каковы были тогда племена Черноморскія и Малоазійскія; но и въ самой просвѣщенной Сиріи, и въ мудромъ Египтѣ, и даже въ племени Израелевомъ, которое благоговѣйно чуждалось всякаго общества съ язычниками *).

Подъ вліяніемъ сихъ могущественныхъ дѣятелей города Сирійскіе принимали успѣшно и гражданскій и физическій обликъ греческихъ переселенцевъ и ихъ потомства, и можно предполагать, что въ эпоху арабскаго нашествія, города эти были болѣе греческими чѣмъ сирійскими. Полудикіе выходцы Аравійскаго полуострова обрѣли въ нихъ готовые элементы того дивнаго преобразованія, которое такъ быстро совершилось въ первые три вѣка Эгиры, въ этотъ цвѣтущій періодъ халифата, оставившій міру столько памятниковъ своего творческаго генія въ наукахъ и въ искуствахъ. Потомство Селевкидовъ лишилось, въ этотъ блистательный но бурный періодъ, своего языка, своихъ преданій и самой религіи, придавшей новую жизнь гре-

---

*) Іосифъ Флавій писалъ на греческомъ языкѣ не только современную исторію Римской войны, но и завѣтныя древности своего племени.

ческому племени въ пору разрушенія древняго его генія. Исламизмъ наводнилъ Греко-сирійскіе города, болѣе доступные вліянію завоевателей чѣмъ горы и пустыни. Но и доселѣ, чрезъ 12 слишкомъ вѣковъ, чрезъ 60 поколѣній, наблюдатель легко замѣтитъ въ обликѣ городскаго народонаселенія, и особенно въ Алеппѣ, въ Дамаскѣ, въ Триполи и въ Латтакіи, черты Греческой физіономіи, высокій лобъ, большіе глаза, классическій профиль, бѣлый цвѣтъ лица, вовсе не свойственный ни Арабамъ ни туземнымъ племенамъ Сиріи.

Города Сирійскіе населены Мусульманами, Христіанами Православными, Уніатами, Евреями, весьма немногими Армянами, Маронитами и Латинами. Въ большихъ городахъ, въ Алеппѣ и въ Дамаскѣ, Мусульмане славятся своимъ фанатизмомъ и буйствомъ, а вообще христіане жители городовъ своею безнравственностію и всѣми пороками, которые впечатлѣваются въ характерѣ массы порабощенной необразованной и лишенной средствъ къ образованію, отъ соприкосновенія съ людьми, которые окружаютъ гражданское управленіе Сиріи, издавна извѣстное какъ самое безнравственное во всей Турціи. Городскіе жители грабятъ край, то въ качествѣ закупателей произведеній и ростовщиковъ, то въ качествѣ писцовъ разныхъ управленій или сборщиковъ податей. Самыя почетныя изъ христіанскихъ семействъ въ Сиріи принадлежатъ къ классу писцовъ у пашей и у мѣстныхъ правителей.

Послѣ Шейховъ и Турковъ это безъ сомнѣнія величайшая язва сего края. Сношенія съ европейцами, живущими въ городахъ, не мало также способствуютъ съ нѣкоторыхъ лѣтъ къ вящшему развращенію жителей. Мѣсто скуднаго наслѣдія прародительскихъ добродѣтелей заступаетъ зараза пороковъ, коими отличаются Левантійскіе европейцы.

Замѣчательно, что города Сирійскіе заключают въ себѣ болѣе четвертой части всего народонаселенія края. Это легко поясняется бѣдственнымъ состояніемъ сельскаго жителя и беззащитностью его отъ опасныхъ сосѣдей и отъ грабительства чиновниковъ.

Въ Турціи гражданское управленіе, какъ владѣтельнаго такъ и подвластныхъ народовъ, основано на религіозномъ ихъ раздѣленіи. Народомъ называется здѣсь совокупность всѣхъ подданныхъ имперіи одного исповѣданія. Такимъ образомъ турецкое названіе Грековъ, *Румъ* — равно присвоено и Сербамъ и Болгарамъ и Малоазійскимъ Грекамъ и православнымъ Арабамъ, словомъ всѣмъ подданнымъ православнаго исповѣданія, которыхъ политическимъ представителемъ у Порты служитъ Вселенскій патріархъ. Этимъ правиломъ, основаннымъ на муниципальномъ управленіи, которое свойственно краю и его жителямъ, и заблаговременно принято Турецкимъ правительствомъ, будемъ руководствоваться при изслѣдованіи каждаго изъ Сирійскихъ племенъ.

На семъ основаніи народонаселеніе Сиріи представляетъ слѣдующія раздѣленія и подраздѣленія:

A. Магометане (Мухаммедіэ).

1 Мусульмане (Сунниты).

2 Мотуали (Шія).

3 Друзы.

4 Ансаріэ.

5 Исмаилиты.

B. Христіане (Насара) *).

6 Православные.

---

*) Собственно — Назареяне. Извѣстно, что до введенія въ употребленіе имени христіанинъ, язычники называли Назареянами послѣдователей новаго ученія.

7 Латины.
8 Марониты.
9 Греко-Униаты.
10 Халдеи-Несторiане.
11 Сирiяне-Яковиты.
12 Халдео-Католики.
13 Сирiяне-Католики.
14 Армяне (къ нимъ причислены Копты и Абиссины).
15 Армяно-Католики.
16 Протестанты.

C. Евреи.

17 Талмудисты.
18 Самаритяне и Караиты.

Въ политическомъ отношенiи всѣ католическiя секты должны составлять одинъ народъ; но Марониты недавно признаны Портою за отдѣльную нацiю; за тѣмъ, по случаю раздоровъ между Алеппскими Греко-унiатами пребывающими въ Константинополѣ, Армянскимъ-Унiатскимъ патрiархомъ и Латинами, признаны новыя нацiи подъ именемъ *Латинiэ-Раясы* и *Румъ-Католикiэ* т. е. Латинъ и Греко-унiатовъ. Рождающаяся секта Протестантовъ недавно признана равномѣрно Портою по настоянiю Англiи. Еврейскiя секты Самаритянъ и Караитовъ оставлены правительствомъ безъ всякаго вниманiя, а Друзы, Ансарiи и Измаилиты, по принятому ими правилу выдавать себя за Магометанъ, и по вѣрованiю ихъ въ Магомета въ числѣ множества другихъ пророковъ, входятъ вмѣстѣ съ Мотуалiями въ составъ господствующаго племени подъ общимъ именемъ *Мухаммедiэ*.

Осѣдлое народонаселенiе всей Сирiи и Палестины, со включенiемъ Аданскаго Пашалыка, можетъ простираться до 1,500,000 душъ. Кочевыя или полукочевыя племена состоятъ внѣ всякаго статистическаго изслѣ-

дованія, и по сему не будемъ болѣе о нихъ упоминать.

Нынѣ дѣлаются въ Оттоманской имперіи первыя попытки народной переписи, на которыя впрочемъ ни сколько нельзя полагаться доселѣ. Предписано вести списки рождающихся и умирающихъ; но исполненіе этого распоряженія Порты повело только къ путанницѣ. Народонаселеніе самихъ городовъ неизвѣстно въ точности: нѣтъ средства пріискать никакихъ положительныхъ данныхъ для опредѣленія числа народонаселенія. Предположительно принятое нами число согласно съ самыми достовѣрными мѣстными показаніями, и подтверждено мнѣ свидѣтельствомъ высшихъ Египетскихъ сановниковъ и Турецкаго управленія по счетной и финансовой части; а это единственный надежный источникъ для свѣдѣній сего рода. Хотя и не было произведено описи народонаселенія, однако списки для сбора податей содержались при египетскомъ управленіи съ особеннымъ тщаніемъ, и можно полагаться на приблизительную ихъ точность. Для племенъ горскихъ, пользующихся особеннымъ управленіемъ, можетъ равномѣрно служить доводомъ къ опредѣленію числа народонаселенія выставляемое ими войско въ случаѣ всеобщаго вооруженія.

Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что народонаселеніе Сиріи постоянно убываетъ. Обстоятельство это свидѣтельствуется какъ мѣстными преданіями, такъ и вѣрными признаками, запустѣніемъ многихъ селеній, упадкомъ цѣны домовъ въ городахъ, цѣлыми плантаціями плодородныхъ деревъ, теперь одичалыхъ, жалобами почти всѣхъ общинъ на взиманіе поголовныхъ и поземельныхъ податей по старымъ спискамъ, между тѣмъ какъ иныя семейства вымерли, иныя удалились; множествомъ развалинъ не только древнихъ, но и временъ новѣйшихъ.

Главнѣйшія причины сего явленія суть слѣдующія:

1-е. Продолжительная анархія, кровопролитныя междоусобія, злоупотребленія Пашей; наконецъ всѣ политическія бѣдствія, которыхъ Сирія служитъ постояннымъ театромъ со времени раздробленія Халифата.

2-е. Многоженство Мусульманъ и Мотуаліевъ, составляющихъ слишкомъ половину народонаселенія. Въ христіанскихъ домахъ въ Дамаскѣ часто встрѣчается по 8 и по 9 дѣтей отъ одного брака; въ мусульманскихъ рѣдко болѣе 2 или 3 отъ многихъ женъ и невольницъ. Это впрочемъ относится преимущественно къ жителямъ городовъ; въ селеніяхъ рѣдкій мусульманинъ имѣетъ болѣе одной жены. Присовокупимъ къ этому, что дѣтоубійство — вещь самая обыкновенная въ мусульманскомъ мірѣ. Нетолько беременная жена, но и супругъ ея запросто требуетъ у медиковъ, точно какъ бы шло дѣло о лекарствѣ отъ зубной боли, средствъ для выкидыванія. Повивальныя бабки, при родахъ, спрашиваютъ у матерей нужно ли остановить кровотеченіе въ ребенкѣ. Бѣдность и лѣнь оправдываютъ предъ Мусульманскою совѣстію дѣтоубійство, невоспрещенное никакимъ закономъ духовнымъ или гражданскимъ. Писатели, которые превозносятъ мораль проистекающую изъ Корана, по случаю встрѣчи съ честнымъ мусульманиномъ, вовсе не упоминаютъ о подобныхъ явленіяхъ, потому что они слишкомъ обыкновенны въ мусульманскомъ мірѣ.

3-е. Несоразмѣрное съ числомъ народонаселенія черное духовенство въ католическихъ племенахъ. Марониты, коихъ все народонаселеніе не превосходитъ 140 тысячъ душъ обоего пола, имѣютъ болѣе двухъ тысячъ монаховъ.

4-е. Чумная зараза часто опустошающая Сирію, при другихъ болѣзняхъ, каковы: проказа и оспа. О

привитіи оспы теперь только стало заботиться правительство, а опустошительныя дѣйствія чумы пріостановлены кажется учрежденіемъ карантиновъ въ эти годы.

5-е. Непомѣрные рекрутскіе наборы произведенные Ибрагимъ-пашею. Болѣе 30,000 рекрутовъ было имъ набрано въ Сиріи въ немногіе годы съ однихъ Магометанъ, и до 100,000, можетъ быть, бѣжали въ Кипръ, въ Анатолію, въ Мосулъ, въ Діарбекиръ, чтобы избавиться отъ набора. Какъ тѣ такъ и другіе составляли отборную часть народонаселенія. Для вознагражденія этой убыли Ибрагимъ-паша приложилъ всѣ свои усилія, чтобы обратить кочевья Бедуиновъ въ осѣдлую жизнь; далъ имъ превосходныя земли, льготы, даже денежныя пособія. Если порою и удалось ему пересилить кочевой инстинктъ этихъ дѣтей пустыни, за то въ послѣдовавшій переворотъ ошибки Порты и ея представителей успѣли все это разрушить, и еще недавно опустѣли 30 деревень въ одномъ Гауранѣ; поселяне бѣжали частію къ Бедуинамъ, частію за Евфратъ.

Въ Турціи ни въ какомъ случаѣ не исчисляется народонаселеніе подушно. Правительство заботясь единственно о своихъ доходахъ, обращаетъ вниманіе только на лица обложенныя податьми, т. е. на мужскій полъ между 18 и 60 лѣтнимъ возрастомъ, или же ведется счетъ семействамъ и домамъ. Въ томъ и другомъ случаѣ для пріисканія общаго числа народонаселенія, число домовъ или лицъ обложенныхъ податью, почти всегда тожественное въ итогѣ, должно помножить на $4\frac{1}{2}$, и къ произведенію прибавить покрайней мѣрѣ 5 на 100 для духовенства и лицъ льготныхъ, каковы Шейхи, Эмиры, люди на службѣ правительства состоящіе.

Такимъ образомъ принятое нами число соотвѣтствуетъ 330,000 семействъ, расчитанныхъ приблизительно на основаніи слѣдующей таблицы.

180,000	семействъ	Мусульманъ.
10,000	»	Мотуаліевъ.
18,000	»	Друзовъ.
27,000	»	Ансаріевъ.
800	»	Измаилитовъ.
28,000	»	Христіанъ православныхъ.
1,000	»	Латинъ.
28,000	»	Маронитовъ.
8,000	»	Греко-уніатовъ.
50	»	Халдеевъ-Несторіанъ.
100	»	Сиріанъ-Яковитовъ.
100	»	Халдеевъ-католиковъ.
2,500	»	Сиріанъ-католиковъ.
18,000	»	Армянъ-Григоріянъ.
800	»	Армяно-католиковъ.
20	»	Протестантовъ.
8,000	»	Евреевъ.
100	»	Самаритянъ и Караитовъ.

Итоги представятъ болѣе 235,000 семействъ Магометанъ противу менѣе 100,000 всѣхъ другихъ народовъ въ совокупности.

Ансаріи сосредоточены въ горахъ сѣверной прибережной полосы отъ Сафиты до Скандерунскаго залива; Марониты на горѣ Ливанской; Друзы занимаютъ часть Ливана, отъ Бейрута до Сайды, Гауранъ и Антиливанскіе округи Хасбеи и Рашеи, повсюду вкупѣ съ христіанами. Мотуаліи живутъ по южнымъ отраслямъ Ливана между Сайдою, Суромъ и Сафетомъ, а на сѣверъ у Бальбека и въ окрестностяхъ приморскаго городка Джейбеля. Уніаты обитаютъ большею частію на Ливанѣ и въ городахъ; Армяне въ Аданскомъ Пашалыкѣ

и въ сѣверныхъ округахъ Алеппскаго. Евреи въ Палестинскихъ городахъ, въ Алеппѣ и въ Дамаскѣ; Латины въ окрестностяхъ Іерусалима и въ городахъ. Основною же массою народонаселенія по всему краю служатъ Мусульмане и Православные.

-·——∞·∞·——

I. МУХАМЕДАНСКІЯ ПЛЕМЕНА.

А. МУСУЛЬМАНЕ.

Потомство Арабскихъ завоевателей, которые подъ знаменами Абу-Обейдаха и Халеда, *Аллахова меча*, покорили Сирію при Халифѣ Абу-Бекрѣ, смѣшалось постепенно съ туземными Сирійцами, обращенными въ магометанство. Быстрый успѣхъ обращенія выказывается тѣмъ, что уже въ эпоху крестовыхъ походовъ, четыре вѣка спустя по завоеваніи, число христіанъ было незначительно въ Сиріи. Какъ только остылъ фанатизмъ, преобразившей Аравійскихъ пастуховъ въ завоевателей, роскошь Дамаска, Багдата и Куфы, и изнѣженный климатъ Сиріи возимѣли свое необходимое вліяніе на потомство воинственныхъ проповѣдниковъ Ислама. Впродолженіе упорной борьбы съ полчищами запада потокъ свѣжей сѣверной крови, притекшій съ вершинъ Кавказа и изъ средней Азіи, влилъ въ Сирійскихъ Магометанъ новую жизнь; но и она истратилась въ бурное правленіе Мамлуковъ и Эмировъ, такъ что Селимъ покорилъ безъ труда обширную область, которой народонаселеніе въ ту эпоху было по всѣмъ вѣроятностямъ втрое многочисленнѣе нынѣшняго.

Уже слишкомъ три вѣка Сирія принадлежитъ Туркамъ; но турецкое племя доселѣ не укоренилось въ

ней, а завоеватели покорились сами вліянію мѣстностей, Арабскаго элемента и языка, принимая постепенно нравы и физіономію покореннаго племени.

Замѣчательно впрочемъ, что по сѣвернымъ округамъ, болѣе подчиненнымъ элементу оттоманскому и приливу иноплеменной крови, народъ представляетъ уже первую степень перехода отъ собственно арабскаго характера къ той смѣси племенъ, которою испещрена Малая Азія. Въ южной Сиріи и физическая и нравственная физіономія народа сохранила свой арабскій типъ, и болѣе сходства съ Египтомъ и съ Аравійскимъ полуостровомъ.

Одни только потомки Янычаръ и Спахіевъ, поселенныхъ Султанами въ сѣверной сторонѣ Алеппскаго Пашалыка на правѣ феодальномъ, для несенія военныхъ повинностей, сохранили доселѣ въ употребленіи языкъ турецкій. Въ остальной Сиріи языкъ этотъ совершенно чуждъ народу; имъ пишутъ только въ канцеляріяхъ турецкихъ пашей, а во всемъ остальномъ дѣлопроизводствѣ принятъ арабскій языкъ.

Изученіемъ арабскаго языка ограничивается все воспитаніе Сирійскихъ мусульманъ. Во всѣхъ городахъ, даже во многихъ селеніяхъ, при мечетяхъ, служители религіи обучаютъ дѣтей грамотѣ по корану. Нынѣшніе Арабы мало понимаютъ языкъ своего богослуженія; самый выговоръ значительно измѣнился, такъ что правильное чтеніе и просодія корана требуютъ уже долгаго изученія и усовершенствованія, котораго немногіе достигаютъ. За исключеніемъ корана и его толкованій, на которыя тратятъ свой вѣкъ ученые Арабы, древніе памятники литтературы никому недоступны, никто о нихъ не помышляетъ, и, можно сказать, они въ Сиріи не существуютъ. Свѣтлый вѣкъ Халифовъ давно прошелъ, и, кромѣ изнѣженности нравовъ, другаго слѣда

не оставилъ въ потомствѣ. Сирійскіе Арабы и теперь, по мягкости нрава, по близости къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ нѣкогда процвѣтала ихъ литтература, по богатству и по красотамъ своего языка, и даже по природнымъ способностямъ, доступнѣе образованію чѣмъ Турки; но съ одной стороны они лишены тѣхъ средствъ, которыя доставляются правительствомъ въ Константинополѣ турецкому народонаселенію, и того поощренія, которое оказывали многіе Султаны національной литтературѣ; съ другой—непрестанныя политическія волненія Сиріи всего менѣе благопріятны наукамъ. Ни одной типографіи не имѣютъ мусульмане во всей Сиріи; другихъ печатныхъ книгъ на арабскомъ языкѣ не знаютъ, кромѣ тѣхъ, которыя изданы въ Каирѣ по повелѣнію Мехметъ-Алія; и тѣ мало находятъ читателей между мусульманами.

Такимъ образомъ, хотя наука корана болѣе распространена въ народѣ Сирійскомъ чѣмъ въ остальной Турціи, и хотя здѣсь встрѣчается болѣе людей нисшаго сословія знающихъ читать и писать, однако существеннаго образованія въ Сиріи менѣе чѣмъ въ Египтѣ и въ Европейской Турціи. Замѣчательно притомъ, что изъ Сиріи и Египта менѣе чѣмъ изъ всякой другой турецкой области вышли люди государственные; а это болѣе приписать можно отстраненію Арабовъ отъ государственной службы, по причинѣ различія языка и племени, чѣмъ недостатку въ нихъ способностей. Въ массѣ Сирійскаго народонаселенія болѣе природныхъ дарованій чѣмъ въ другихъ племенахъ имперіи. Самое физическое и гражданское образованіе края, раздробленнаго на маленькія общества, болѣе или менѣе самостоятельныя, благопріятствуетъ развитію правительственныхъ способностей, замѣняющему на Востокѣ въ государственныхъ людяхъ всякое теоретическое позна-

ніе. Отчужденные отъ поприща государственной службы, и поставленные на ряду съ подвластными народами, Арабы направили свой природный умъ къ утонченности въ обращеніи; наслѣдственное краснорѣчіе, свойственное генію арабскаго языка, обратилось у нихъ въ усугубленное выраженіе такихъ учтивостей и привѣтствій, которыя въ переводѣ показались бы ироніею, но составляютъ существенную часть разговоровъ и переписки всѣхъ сословій, и неизбѣжны даже въ семейномъ кругу *).

Соотвѣтственное тому направленіе приняла и единственная наука, въ которой исключительно упражняется Арабскій геній, съ того времени какъ онъ отказался отъ математики и отъ медицины и отъ всего ученаго наслѣдія Халифата. Мусульманское богословіе, упоро-

---

*) Встрѣчный поселянинъ не скажетъ самъ: «здравствуйте», а что-то причудливое и предлинное, напримѣръ: о драгоцѣнный путникъ, да будетъ день сей для вашего благородія (или сіятельства или свѣтлости) преисполненъ всякихъ наслажденій!

Я каждый годъ переѣзжалъ въ лѣтнюю пору на Ливанъ въ православную обитель Пр. Иліи. Въ пріѣздъ мой маронитскіе монахи сосѣдняго монастыря выходили мнѣ на встрѣчу при звонѣ колоколовъ. Надо было ихъ звать въ свои покои и подчивать лимонадомъ и кофеемъ. Надо было придумывать и фразы для разговора. Однажды я, шутя, имъ сказалъ, что скала, на которой построены обѣ обители, казалась мнѣ съ каждымъ годомъ отвѣснѣе и выше; одно изъ двухъ, прибавилъ я, или гора ростетъ или я старѣю, и съ каждымъ годомъ труднѣе мнѣ подниматься. Тутъ же безграмотный монахъ пресерьезно отвѣчалъ: Ваша свѣтлость (Саадъ-акъ) съ каждымъ годомъ становитесь моложе и бодрѣе; но гора наша и монастыри наши дѣйствительно растутъ вверхъ при каждомъ изъ вашихъ посѣщеній.

Если въ горахъ Ливанскихъ говорятъ такимъ языкомъ, предоставляю читателю судить — какія фразы можно слышать въ обществѣ образованныхъ эфендіевъ въ Іерусалимѣ и въ Дамаскѣ. Учтивыя гиперболы у Арабовъ всѣхъ сословій почитаются такою же необходимостію, даже въ разговорѣ отца съ сыномъ, какою почитается у насъ формула: покорнѣйшій слуга при подписи, и обязываютъ не болѣе.

ченное заблаговременно геніемъ Арабовъ, въ противность основной мысли о простотѣ Мухамедова закона, не состоитъ уже въ изслѣдованіи таинствъ религіи и откровеній Ислама, но въ толкованіи эпитетовъ Божества и метафизическаго ихъ значенія. Въ сихъ-то отвлеченностяхъ, сопряженныхъ съ потаенными сокровищами грамматики древняго языка (Нáху), логики и риторики, заключается весь кругъ воспитанія въ высшихъ училищахъ мусульманъ. Поэтому неудивительно, что чѣмъ выше ступени общества, тѣмъ превратнѣе понятія ихъ о морали. Искуство духовныхъ законоучителей, которымъ равномѣрно предоставлено практическое судопроизводство въ дѣлахъ гражданскихъ и уголовныхъ, состоитъ не въ томъ, чтобы изслѣдовать запутанное дѣло, и рѣшить на основаніи закона, но въ томъ чтобы софизмомъ принаровить законъ чуждый обстоятельствамъ дѣла къ тому рѣшенію, какое заблагоразсудится подкупному всегда въ Турціи правосудію. Въ семъ отношеніи Сирійскіе Кадіи и Муфтіи отличаются своимъ искуствомъ во всемъ Исламѣ.

Замѣчанія эти послужатъ къ тому, чтобы оцѣнить въ настоящей мѣрѣ преобладающее мнѣніе о чрезмѣрномъ фанатизмѣ и набожности Сирійскихъ мусульманъ, и лучше понять отношенія ихъ къ христіанамъ. Если возьмемъ въ соображеніе моральное и гражданское развитіе сего племени, въ сравненіи съ остальными мусульманами, несовсѣмъ справедливымъ покажется приписывать ему безусловно фанатическую ненависть къ христіанамъ. Сирія была первымъ и кровопролитнѣйшимъ полемъ боренія двухъ религій. Стѣны Дамаска, равнины Хамы и Антіохіи орошены кровію героевъ-мучениковъ Ислама. За тѣмъ цѣлыхъ два вѣка длилась въ Сиріи безпощадная война между христіанскимъ дебелымъ рыцарствомъ и полчищами мусульманъ. Еще

въ исходѣ прошлаго вѣка герой запада взволновалъ своимъ походомъ эту страну, которая видѣла въ Наполеонѣ преемника памятныхъ ей крестовыхъ вождей. Наконецъ чрезъ Сирію лежитъ путь всѣмъ набожнымъ Мусульманамъ Турціи, Россіи и сѣверной Персіи, которые идутъ ежегодно на поклоненіе въ Мекку. Эти впечатлѣнія и воспоминанія должны безъ сомнѣнія питать фанатизмъ въ Сирійскихъ мусульманахъ. Впрочемъ, не довѣряя разсказамъ путешественниковъ и гиперболическимъ жалобамъ Сирійскихъ христіанъ, безпристрастный наблюдатель удостовѣрится въ томъ, что въ Сиріи менѣе фанатизма чѣмъ въ большей части другихъ турецкихъ областей. Въ Турецкомъ племени изувѣрство грубѣе и постояннѣе чѣмъ въ Арабскомъ. Въ Арабскомъ всѣ чувства пылки, но вскорѣ истощаются. Если даже сравнить завоеванія Арабскія съ Турецкими, которыя равномѣрно служили проповѣдью закона, то въ первыхъ встрѣчаемъ черты терпимости, чуждой Туркамъ. Проявляющееся и нынѣ по многимъ мѣстностямъ Сиріи изувѣрство должно исключительно приписать усиліямъ правительства *). Турки домогаются укрѣпить религіознымъ чувствомъ вялые политическіе узы завоеваннаго края. Повсюду гдѣ тождество гражданскихъ обстоятельствъ сблизило христіанъ съ мусульманами, какъ въ Акьарѣ, въ Аджелунѣ, въ Гауранѣ, въ Керакѣ, два народа живутъ въ добромъ согласіи между собою. Краткій періодъ Египетскаго правленія служитъ доказательствомъ вліянія, какое можетъ имѣть правительство на народъ въ Сиріи относительно вѣротерпимости. Тогда христіане пользовались въ Сиріи

*) Таково было сужденіе мое въ 1847 году. Съ прискорбіемъ присовокупляю, что оно не измѣнилось нисколько по поводу Дамасскихъ кровопролитій 1860 года, въ которыхъ правовѣрная чернь служила орудіемъ пашей и чиновниковъ турецкихъ.

такими правами, какихъ не вѣдаютъ подданные Султана ни въ одной турецкой области.

Духовная жизнь проявляется сильнѣе въ Восточныхъ племенахъ чѣмъ на Западѣ, и имѣетъ несравненно болѣе вліянія на политическія судьбы народовъ. Почитая основою народности не происхожденіе, не племя, но единственно религію, Сирійскіе мусульмане не видятъ во владычествѣ иноземцевъ Оттоманъ никакой обиды для своего края. Турецкихъ чиновниковъ они не любятъ за ихъ безнравственность и спѣсь, но питаютъ много привязанности къ своему Султану, и есть еще много людей въ Сиріи, которые вѣрятъ въ его всемогущество, и почитаютъ его верховнымъ владыкою міра и раздавателемъ вѣнцовъ всѣмъ земнымъ царямъ. Торжество малочисленной турецкой арміи надъ огромными силами Ибрагима, въ 1840 году, укрѣпило въ народѣ эту мысль, а присутствіе Англо-Австрійскаго флота убѣдило въ томъ, что Султанъ силенъ по своему произволу употреблять, въ случаѣ надобности, полки и корабли другихъ государей, какъ данниковъ. Турецкіе паши усердно взлелѣяли эти народныя повѣрія Арабовъ. Загнанные Ибрагимомъ дервиши-бродяги и нагіе чудодѣи, съ копьями въ рукахъ, съ погремушками на шеѣ, съ вдохновенными бреднями, показались вновь въ Сирійскихъ городахъ, и продолжаютъ услаждать народъ всякими отвратительными зрѣлищами. Ни одинъ паша не посмѣетъ отказать имъ въ пріемѣ, и даже въ угощеніи; развѣ святоша состоитъ въ разрядѣ тѣхъ, которые живутъ безъ пищи. Не смотря на ихъ наготу — имъ доступны харемы, и даже нерѣдко брачное ложе съ вѣдома мужа *). Иные верхами проѣзжаютъ по улицѣ

*) Зять нынѣшняго Султана Саидъ-паша, въ пребываніе свое въ Дамаскѣ губернаторомъ, сажалъ этихъ нагихъ и грязныхъ святошей на свои роскошные диваны.

умощенной тѣлами вѣрующихъ, и вѣра такъ сильна въ народѣ, что вмѣсто боли въ бокахъ или на спинѣ, подъ копытомъ раскованной лошади, страдальцы чувствуютъ усладу. Этихъ суевѣрій въ Арабскомъ племени несравненно болѣе чѣмъ въ турецкомъ, по мѣрѣ силы воображенія и природной склонности Арабовъ ко всему чудесному. Гдѣ нѣтъ живаго святоши, хранится по-крайней мѣрѣ благоговѣйное преданіе о комъ либо умершемъ, и гробница его, гдѣ порою зажигаютъ лампаду, и дерево подъ которымъ онъ отдыхалъ, и къ которому больные привѣшиваютъ всякія тряпки для своего излеченія. Таковъ южный человѣкъ. Мухамедъ проповѣдывалъ чистый деизмъ, съ воспрещеніемъ всякаго поклоненія твари, и порицалъ символическое наружное богопочитаніе христіанъ. Но, въ борьбѣ съ наслѣдственными суевѣріями своего народа, онъ самъ былъ принужденъ дѣйствовать болѣе на воображеніе, чѣмъ на умъ, чѣмъ на чувство своихъ послѣдователей, и самъ проложилъ ту стезю, по которой подвизаются и нынѣ отвратительные бродяги *).

*) Дамаскъ особенно славится и числомъ и необыкновенными качествами своихъ чудодѣевъ. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ умеръ тамъ старый шейхъ, который по народному повѣрію совершалъ постоянно по пятницамъ воздушное путешествіе въ Мекку. Онъ имѣлъ большое вліяніе на умъ одного изъ прежнихъ пашей, и по ненависти къ евреямъ много вредилъ богатымъ банкирамъ этой націи въ Дамаскѣ. Евреи придумали средство пріобрѣсти его дружбу. Они поднесли пашѣ отборныя жемчужныя четки, въ которыхъ однакожъ недоставало верхней жемчужины. Евреи пояснили, что, по какимъ то обстоятельствамъ, жемчужина была у одного купца въ Меккѣ, и что тотъ купецъ на дняхъ отправлялся въ Индію. Это было наканунѣ пятницы; паша вспомнилъ о пріятелѣ святошѣ, и поручилъ ему во-что-бы-то ни стало доставить изъ Мекки жемчужину къ субботѣ. Святоша понялъ хитрость евреевъ, вошелъ съ ними въ переговоры, обѣщалъ имъ свое покровительство, и получилъ жемчужину, нарочно на сей конецъ отложенную. Тѣмъ еще болѣе утвердилось общее мнѣніе о чудесныхъ его поѣздахъ въ Мекку, отстоящую на 30 дней пути отъ Дамаска.

Составляя болѣе половины всего народонаселенія Сиріи, мусульмане почти въ равной пропорціи поселены по всему краю, за исключеніемъ горъ Ливанской и Ансарійской, гдѣ ихъ весьма мало. Вотъ приблизительное исчисленіе мусульманскаго народонаселенія въ семи Пашалыкахъ Сиріи и Таврическихъ округовъ, на основаніи нынѣшняго раздѣленія края.

Въ городѣ Алеппѣ можно считать семействъ мусульманскихъ до 10,000.

Въ Алеппскомъ Пашалыкѣ съ городами и округами: Айнтабъ, Антакія (Антіохія) Суэдія (Селевкія), Килисъ Идлипъ и пр., до 50,000.

Въ Пашалыкѣ Аданскомъ, съ городами: Аданою, Тарсусомъ, Паясомъ и пр., до 22,000 семействъ.

Въ Пашалыкѣ Триполійскомъ съ городами: Триполи (Шамъ-Тараблузъ) Латтакіею и съ сѣверными отраслями Ливана, подвѣдомыми сему Пашалыку, до 7,000.

Въ городѣ Дамаскѣ до 25,000.

Въ Пашалыкѣ Дамасскомъ, съ городами: Хамою, Хомсомъ, съ округами Бальбека, Антиливана, Гаурана и страною Заіорданскою, до 23,000.

Въ Пашалыкѣ Саидскомъ, съ городами: Бейрутомъ, Сайдою, Суромъ и немногими мусульманскими деревнями у подошвъ Ливана, до 4,000.

Въ Пашалыкѣ Аккскомъ съ городами: Аккою, Кайфою, Назаретомъ и прилежащими округами Галлилейскихъ горъ, до 4,000.

Въ Пашалыкѣ Іерусалимскомъ, съ городами: Іерусалимомъ, Яффою, Рамлою, Газою, Халиль-Рахманомъ (Хеврономъ) съ Іудейскими горами съ Наплузомъ и Самаріею, до 35,000.

Въ Халиль-Рахманѣ, въ горахъ Іудеи и Самаріи мусульманское народонаселеніе пребываетъ почти безъ примѣси другихъ племенъ, и славится буйнымъ своимъ

нравомъ. Въ остальныхъ округахъ оно болѣе или менѣе перемѣшано съ христіанами. Главная его промышленность — земледѣліе. Въ городахъ Алеппѣ и Дамаскѣ мусульмане наравнѣ съ христіанами занимаются также рукодѣліями, и есть много ремеслъ недозволенныхъ христіанамъ, и почитающихся исключительнымъ достояніемъ мусульманъ. Мы уже подробно говорили о судьбахъ Сирійскаго рукодѣлія, равно и о состояніи земледѣлія. Мусульмане еще болѣе обѣднѣли чѣмъ другія Сирійскія племена отъ упадка промышленности сего края, и врядъ ли предвидится улучшеніе ихъ судьбы. Въ Алеппѣ и въ Дамаскѣ есть предпріимчивые купцы и значительные капиталы между мусульманами.

Законы турецкіе не предоставляютъ никакихъ гражданскихъ преимуществъ дворянству; не менѣе того Арабское племя имѣетъ свое родовое дворянство, и сохраняетъ подъ Турецкимъ непосредственнымъ управленіемъ явные слѣды своего древняго патріархальнаго и аристократическаго образованія. Въ мусульманскомъ народонаселеніи Сиріи считается до 50 древнихъ семействъ, которыя и понынѣ, обитая частію въ городахъ съ почетнымъ именемъ *Аяновъ*, частію въ округахъ, наслѣдственно ими управляемыхъ, имѣютъ значительное вліяніе на дѣла правительственныя. Инымъ изъ нихъ присвоены званія Эмировъ, Бековъ, и Шейховъ. Таковы эмиры *Шагабъ* на Антиливанѣ, Беки *Токанъ* въ Наплузѣ, Шейхи *Амръ* въ Халиль-Рахманѣ, семейства *Рустемъ-Заде* и *Катаръ-Заде* въ Алеппѣ и пр. Сверхъ этой родовой аристократіи есть еще сельскіе шейхи, назначаемые по выбору отъ общества, съ подтвержденія гражданской власти, для завѣдыванія земскою полиціею и дѣлами о податяхъ. Они представляютъ существенный элементъ муниципальнаго управле-

нія, свойственнаго Арабскому племени, и соотвѣтствуютъ нашимъ старостамъ; но въ тоже время они составляютъ нѣкоторымъ образомъ нисшій классъ дворянства наслѣдственнаго, будучи всегда почти назначаемы изъ среди извѣстныхъ семействъ. Уваженіе къ роду есть главная отличительная черта Арабскаго племени. Есть цѣлыя общества поселянъ гордящихся происхожденіемъ своимъ отъ древнихъ Аравійскихъ племенъ; какъ напримѣръ *Хассаниты*, живущіе въ окрестностяхъ Іерусалима, и ведущіе свой родъ отъ аравійскихъ Хассанитовъ, извѣстныхъ въ исторіи Мухамеда. Весьма много также Шерифовъ (потомковъ Мухамеда по матери) и Сеидовъ (потомковъ по отцу); но это многочисленное племя пророка не болѣе пользуется уваженіемъ народа здѣсь, какъ и въ остальной Турціи *).

Духовенство магометанское въ Сиріи довольно многочисленно, особенно въ городахъ Дамаскѣ и Іерусалимѣ; но такъ какъ духовныя и юридическія училища находятся въ большомъ упадкѣ, то оно не достигаетъ тѣхъ высшихъ степеней іерархіи, которыя даются въ училищахъ Константинополя и Каира. Мало заботясь о своемъ усовершенствованіи въ безконечной наукѣ корана, при твердой вѣрѣ впрочемъ, что въ этой книгѣ заключается альфа и омега всѣхъ человѣческихъ познаній, они довольствуются обильными доходами съ имущества приписаннаго мечетямъ (Вакфъ) и прибыльною юриспруденціею, составляющею въ Турціи отрасль богословскихъ наукъ.

---

*) Городъ Алеппъ раздѣленъ на двѣ партіи: *Енкеріе* — потомковъ янычарскихъ, и *Эмиріе*,—шерифовъ и сеидовъ. Послѣдніе гораздо многочисленнѣе. Наслѣдственная вражда никогда между сими партіями не прекращается, и не разъ вели онѣ кровопролитныя войны въ самомъ городѣ. Енкеріе благопріятствуютъ христіанамъ.

Въ силу преобладающей нынѣ въ Турціи мысли о централизаціи, правительство приняло въ свое вѣдѣніе управленіе Вакфовъ, опредѣливъ содержаніе мечетямъ, которыя по каноническому праву мусульманъ не должны получать никакой платы съ прихожанъ за духовныя требы. И дѣйствительно была пора положить предѣлы безконечнымъ по этой части злоупотребленіямъ. При огромныхъ своихъ доходахъ съ имуществъ приклоненныхъ мечетямъ подъ разными видами, и назначенныхъ дарователями на содержаніе *Имаретовъ* (домовъ призрѣнія) и *Медрессе* (духовныхъ училищъ), все это пришло съ нѣкоторыхъ лѣтъ въ неимовѣрное запущеніе, какъ въ матеріальномъ такъ и въ духовномъ отношеніи. Паши Турецкіе приписываютъ все это зло Египетскому правленію и безвѣрію Ибрагима. Они упускаютъ изъ виду, что до Египтянъ анархія была нормальнымъ зломъ Сиріи по всѣмъ частямъ управленія. Дамаскъ, городъ ханжества, завѣтный городъ Ислама, наполненъ обвѣтшалыми или опустѣлыми мечетями, которыхъ развалины, испещренныя всѣми красами Арабскаго зодчества, свидѣтельствуютъ о древнемъ блескѣ религіи. Доходы съ имуществъ, вмѣсто первоначальнаго своего назначенія на дѣла богоугодныя, послужили, при ослабленіи правительственнаго надзора, на обогащеніе Аяновъ (приматовъ) и Улемовъ. Мѣра принятая нынѣ правительствомъ, соотвѣтствующая описи въ казну церковнаго имущества, могла бы и состояніе мечетей улучить и казнѣ доставить значительный доходъ. Но доселѣ мало пособила она злу; многія почетныя семейства завладѣли наслѣдственно правомъ содержать на откупѣ, безъ контроля, эти имущества за безцѣнокъ На Востокѣ обычай имѣетъ силу закона, особенно когда злоупотребленіе обычая обращается въ пользу лицъ и семействъ могучихъ... И въ самомъ дѣлѣ иско-

рененіе зла возбудитъ опасное для правительства неудовольствіе всѣхъ высшихъ сословій *). Съ другой стороны сами турецкіе чиновники хлопочутъ только о томъ, чтобы замѣнить старыя злоупотребленія новыми, и присвоить себѣ источники обогащенія туземнаго дворянства. По этой части, какъ и по всему, зло въ Турціи нисходитъ обыкновенно отъ высшихъ правительственныхъ слоевъ въ нисшее управленіе, на основаніи старинной, но всегда вѣрной турецкой поговорки «въ рыбѣ порча начинается съ головы» *балукъ баштанъ кокаръ*. И въ самомъ дѣлѣ, хотя теперь чиновникамъ производится жалованіе отъ казны, и притомъ весьма достаточное, однако должности подобнаго рода почитаются въ Константинополѣ наградою министерскимъ тварямъ за услужничество, или средствомъ къ уплатѣ долговъ и къ обезпеченію куска хлѣба на старость лѣтъ. По этому ропотъ мѣстной знати на отмѣненіе того, что она почитаетъ своимъ наслѣдственнымъ правомъ, не совсѣмъ безосноватеденъ.

Если предпринятое правительствомъ новое устройство Вакфовъ приведетъ въ лучшій порядокъ дѣла мечетей, то можно будетъ, опираясь на народномъ мнѣніи, искоренить давнишнее зло, и даже обезпечить значительный доходъ въ казну. Мусульмане по всей Сиріи съ глубокимъ прискорбіемъ видятъ запущеніе храмовъ и богоугодныхъ заведеній Ислама, обозначающее съ каждымъ годомъ новыми признаками разрушенія религіознаго завѣтные города ислама, Дамаскъ и Іерусалимъ, между тѣмъ какъ въ сихъ самихъ мѣстахъ другія исповѣданія, убогія, слабыя и презрѣнныя,

*) Высшіе сановники Порты, прося у меня совѣта по этому дѣлу, показывали по своимъ описямъ деревни приносящія 50,000 піастровъ чистаго дохода, и состоящія на откупѣ за 1,000 піастровъ.

успѣшно стремятся къ благолѣпію своихъ храмовъ, училищъ, больницъ.

Въ Іерусалимѣ правительство сдѣлало въ послѣдніе годы нѣкоторыя починки въ зданіи знаменитой Омаровой мечети, которая почитается второю по Меккѣ святынею Ислама, какъ по благоговѣнію къ памяти Соломонова храма, на мѣстѣ коего она построена, такъ и потому что Пресвятая Богородица провела въ тѣхъ мѣстахъ свой дѣтскій возрастъ *). Обновленъ равномѣрно и древній храмъ, построенный надъ тою пещерою, гдѣ было жилище въ Іерусалимѣ святыхъ праведныхъ Іоакима и Анны по народному преданію, храмъ обращенный въ мечеть послѣ крестоносцевъ, и обрушенный землетрясеніемъ за полтора вѣка предъ симъ*).

Дамаскъ, Алепъ и Іерусалимъ, какъ первостатейные города въ духовномъ и въ политическомъ отношеніяхъ, имѣютъ первоклассныхъ судей *Молла*, назначаемыхъ на годичный срокъ отъ Султана по представленію Шейхъ-ульислама. Каждый изъ нихъ опредѣляетъ въ города своего юридическаго округа Кадіевъ и Накибовъ изъ туземцевъ, взимая съ каждаго сумму соразмѣрную важности мѣста. Эта продажа судейскихъ мѣстъ производится не по злоупотребленію, но на основаніи закона. Судія имѣетъ законные свои доходы, получая извѣстные про-

---

*) Отъ сего послѣдняго обстоятельства происходитъ и нынѣшнее мусульманское наименованіе Омаровой мечети *Харемъ - Шерифъ*, святая обитель. О почитаніи мусульманами Пречистой Дѣвы, Матери Мессіи, излишнимъ будетъ припоминать читателю.

*) Внутри мечети, въ пещерѣ, видѣлъ я въ 1842 году, когда приступали къ работамъ, остатки писанныхъ на стѣнѣ образовъ. Паша обѣщался мнѣ не касаться этой живописи, и даже допускать на поклоненіе въ пещеру христіанскихъ богомоловъ съ нарочно придѣланной боковой двери. Впрочемъ подобныя снисхожденія весьма непрочны, завися болѣе отъ народнаго духа и отъ прислужниковъ мечети, чѣмъ отъ гражданской власти.

центы съ дѣлъ, съ наслѣдствъ, съ бумагъ предъявляемыхъ на скрѣпу и пр. Это прямой налогъ, соотвѣтствующій косвенному налогу гербовой бумаги, и назначенный на содержаніе судебныхъ мѣстъ, не получающихъ никакого жалованія отъ казны. Въ простотѣ нравовъ Аравійскаго кочевья, зачатка политическаго общества мусульманъ, такая система согласовалась съ теоріею основныхъ началъ правосудія. Теперь она способствуетъ всякимъ злоупотребленіямъ. Кандидатъ набавляетъ цѣну своего взноса, и по мѣрѣ возможности возвышаетъ итогъ присвоенныхъ ему доходовъ, законныхъ и беззаконныхъ. Судебная власть, проистекая отъ Султана, какъ духовнаго главы Ислама, совершенно независима отъ гражданскихъ властей. Впрочемъ Египетское правленіе положило предѣлы ея злоупотребленіямъ, тѣмъ, что кромѣ дѣлъ по наслѣдству и браку (въ турецкомъ законодательствѣ, какъ и во французскомъ, бракъ есть дѣло чисто гражданское) почти всѣ процессы разбирались въ Межлисахъ, или муниципальныхъ совѣтахъ, а моллѣ іерусалимскому производилось отъ казны Мехметъ-Алія жалованіе, для того только, чтобы онъ не бралъ взятокъ съ монастырей, составлявшихъ главную его доходную статью. Съ возстановленіемъ султанскихъ властей Межлисамъ предписано основывать свои приговоры на духовномъ законѣ. Такимъ образомъ засѣдающій въ нихъ кадій ворочаетъ всѣмъ по своему усмотрѣнію, а въ тоже время, на основаніи же духовнаго закона, свидѣтельство христіанина противу мусульманъ ни въ какомъ случаѣ не принимается. Злоупотребленія отъ сего проистекающія неисчислимы.

Доходы поименованныхъ нами судей весьма неопредѣлительны, завися отъ обстоятельствъ времени, отъ важности процессовъ, а всего болѣе отъ случаевъ

смерти зажиточныхъ людей. Въ Іерусалимѣ же доходъ моллы зависитъ преимущественно отъ процессовъ между монастырями. Доходы моллы Дамаскаго, за содержаніемъ чиновниковъ его вѣдомства, могутъ простираться отъ 20 до 30,000 рублей серебромъ въ годъ. Въ Алеппѣ и въ Іерусалимѣ вполовину менѣе; развѣ случится въ Іерусалимѣ такой процесъ между монастырями, за которой поднесутъ моллѣ 30 или 40 тысячь рублей въ одинъ пріемъ. Мы уже замѣтили, что судіи назначаются на годъ, и ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть вторично утверждены въ той же должности. Каждый изъ нихъ долженъ запастись въ этотъ годичный срокъ достаточнымъ капиталомъ, чтобы провести потомъ нѣсколько лѣтъ безъ дѣла въ Константинополѣ, во ожиданіи очереди между кандидатами для производства въ высшую должность. Этотъ краткій срокъ и безпрестанныя смѣны верховныхъ судей, усугубляютъ коренное зло турецкаго законодательства.

Муфтіи, которыхъ обязанность состоитъ въ выдачѣ *фетва*, или юридическихъ мнѣній въ руководство кадіямъ по каждому дѣлу, назначаются всегда изъ туземныхъ извѣстныхъ домовъ, которымъ званіе это наслѣдственно, можно сказать, присвоено.

В. МОТУАЛИИ.

Взаимная ненависть двухъ женщинъ, вѣтренной любимицы пророка Айше и дочери его Фатьмы, супруги его любимца и сподвижника Алія, породили надъ смертнымъ одромъ Магомета тотъ политическій и духовный разрывъ, который долго обуревалъ Халифатъ, пролилъ много мусульманской крови, и раздѣляетъ понынѣ народы магометанскіе на двѣ секты, извѣстныя подъ именами *Сунни* и *Шія*. И та и другая исключительно

присвоиваетъ себѣ имя *Мослемъ* — правовѣрныхъ; первая, господствуетъ въ Турціи, вторая въ Персіи.

Въ Сиріи считается до 10 тыс. семействъ послѣдователей Аліевой секты. Арабы называютъ ихъ Мотуаліями. Это слово, какъ и турецкое наименованіе Шія, означаетъ расколъ. Сами же они именуютъ себя *Адліэ* т. е. правосудными, въ знаменованіе того, что они признаютъ законнымъ преемникомъ Мухамедовымъ Алія, отвергая первыхъ трехъ Халифовъ и называя ихъ похитителями. Сія-то исключительная привязанность къ Алію и къ Имамамъ его племени, и фанатическая ненависть къ его предшественникамъ, равно какъ и къ Халифамъ Моавіева дома, составляютъ главнѣйшую разницу между двумя исповѣданіями, которыя тѣмъ болѣе ненависти питаютъ одно къ другому, что въ догматахъ совершенно тождественны, а въ обрядахъ ихъ едва замѣтны различія. Суннитскіе богословы упрекаютъ Персидскихъ своихъ собратій въ чрезмѣрномъ возвеличеніи святости Алія, и даже въ богохульствѣ, за то, что ставятъ его почти на равную степень съ Мухамедомъ, и тѣмъ даютъ поводъ народу простирать еще далѣе свое суевѣріе (ибо и заблужденія человѣческія имѣютъ свои степени), и предпочитать Алія самому Мухамеду. За то ежегодный трауръ и неистовый народный плачъ Персіянъ по Хассанѣ и Хусеинѣ, сыновьяхъ Аліевыхъ, и поклоненіе гробамъ ихъ въ Кербелаѣ, поддерживаютъ въ массахъ ненависть къ Сунитамъ.

Изо всѣхъ областей Оттоманской имперіи только въ Сиріи и въ Месопотаміи находятся послѣдователи Персидскаго раскола. Месопотамія, Багдадъ и Моссулъ, долго принадлежали Персидскимъ шахамъ, и въ ту эпоху Аліева секта была тамъ владычествующею. Въ Сиріи же неизвѣстно: заброшено ли сюда небольшое

племя Мотуаліевъ въ позднѣйшія времена, среди исповѣданія ему враждебнаго, или составляетъ оно остатокъ сектаторовъ, обуревавшихъ этотъ край въ эпоху Моавіи и его преемниковъ. Можетъ быть краю этому, испытанному всѣми расколами — отъ синагоги, раздвоенной въ цвѣтущія ея времена, и до современныхъ намъ Веххабитовъ — предоставлена провидѣніемъ льгота сберечь и увѣковѣчить въ своихъ горахъ, будто въ пріютѣ вѣротерпимости, всѣ остатки ересей, древнихъ и новыхъ, іудейскихъ, христіанскихъ и магометанскихъ.

Тщательно сберегая религіозную свою народность, Сирійскіе Мотуаліи чуждаются мусульманъ и ихъ духовныхъ властей. По неимѣнію въ Сиріи училищъ для духовнаго и юридическаго образованія своего племени, нѣкоторое число Мотуаліевъ получаютъ ученыя степени по каноническому праву у своихъ единовѣрцевъ въ Кербалаѣ, и занимаютъ потомъ мѣста Имамовъ и Кадіевъ въ своихъ обществахъ. Кадіи, по ходатайству народа, подтверждаются правительственными властями, дабы ихъ приговоры по дѣламъ между единовѣрцами имѣли законную силу. Приверженность къ религіи, свойственная всѣмъ Восточнымъ племенамъ, и особенно племенамъ покореннымъ иновѣрной власти, проявляется въ народномъ бытѣ Мотуаліевъ тѣмъ, что нѣтъ примѣра жалобъ отъ нихъ ни въ гражданскія власти ни въ мусульманскій судъ на рѣшенія своего духовнаго суда.

Впрочемъ Мотуаліи часто бываютъ принуждены скрывать свою религію, особенно тамъ гдѣ опасно раздражать господствующее исповѣданіе. Въ Дамаскѣ имѣютъ они свою мечеть, и занимаютъ отдѣльный кварталъ по сосѣдству съ христіанами; но изувѣрство мусульманской черни заставляетъ ихъ выдавать себя въ народѣ за Суннитовъ.

Блистательная эпоха Мотуаліевъ въ Сиріи была при знаменитомъ Дагеръ-эль-Омарѣ. За тѣмъ настали для нихъ времена бѣдственныя. Испытанные свирѣпымъ преслѣдованіемъ Джеззара, Мотуали ослабѣли и перестали играть дѣятельную роль въ волненіяхъ Сирійскихъ племенъ. Въ настоящее время они не составляютъ уже самостоятельнаго племени, подобно другимъ Ливанскимъ ихъ сосѣдямъ. Они раздѣлены на маленькія общества; но сохраняютъ во внутреннемъ своемъ управленіи много слѣдовъ своего народнаго аристократическаго устройства, и тщательнѣе всѣхъ другихъ Сирійскихъ племенъ оберегаются отъ вмѣшательства Турокъ во внутреннія ихъ дѣла.

Изъ показаннаго нами числа Мотуаліевъ около 1,000 семействъ обитаютъ въ Дамаскѣ; вдвое столько въ странѣ Бальбекской и въ округѣ Джибейля. За тѣмъ остальные 7,000 семействъ составляютъ массу народонаселенія южныхъ отраслей Ливана, между Сайдою и Суромъ, и горы Сафетской. Городокъ Суръ населенъ также симъ племенемъ.

Бальбекскіе Мотуали состоятъ подъ управленіемъ древняго дома ихъ племени, Эмировъ Харфушъ, ослабленныхъ отъ своихъ семейныхъ козней. Ливанскіе округи Мотуаліевъ, *Набатія* и *Бледъ-Бшарри*, состоятъ также подъ управленіемъ двухъ шейховъ, Хуссейнъ-Сельмана и Хамедъ-эль-Бека, внуковъ знаменитаго Насифъ-Насара. Имъ ввѣряются отъ правительства эти округи на правѣ откупномъ. Хотя и не предоставлено симъ шейхамъ никакихъ особенныхъ правъ, однако вліяніе ихъ, основанное на внутреннемъ народномъ элементѣ и на ненависти Мотуаліевъ къ мусульманскимъ властямъ, такъ сильно, что вопреки новыхъ законовъ имперіи они тайно отъ правительства произносятъ даже смертные приговоры, особенно по дѣламъ касающимся

семейной чести, соблюдая при этомъ однако согласіе родственниковъ провинившейся дѣвицы или супруги.

Съ нѣкотораго времени проявляются признаки семейной вражды между двумя отраслями потомства Насифъ-Насара. Благодаря этому наслѣдственному недугу всѣхъ Сирійскихъ аристократическихъ домовъ , правительство вѣроятно не замедлитъ подорвать совершенно ихъ вліяніе, и замѣнить Шейховъ Муселимами на общемъ основаніи.

C. ДРУЗЫ.

По общепринятому мнѣнію основаніе религіи Друзовъ относятъ къ первымъ годамъ пятаго вѣка эгиры. Въ Египтѣ царствовалъ двѣнадцатилѣтній Халифъ Хакемъ-эль-Бамра изъ рода Фатимитовъ, извѣстный въ Восточныхъ лѣтописяхъ по своему безумію. Однажды сжегъ онъ полъ-Каира, чтобы насладиться зрѣлищемъ пожара. Между прочимъ онъ возмечталъ быть богомъ. Нашелся пророкъ именемъ Мухамедъ-Ибнъ-Измаилъ-эль-Дорзи, который сталъ проповѣдывать новую религію во имя этого земнаго божества. Вскорѣ и пророкъ и божество его сдѣлались жертвами народнаго возмущенія. Гонимые ихъ послѣдователи перешли въ Сирію, въ классическій пріютъ всякаго раскола, и поселились въ Гауранѣ и на горахъ Ливанскихъ и Антиливанскихъ. Названіе Друзовъ (единственная форма по-арабски Дорзъ, множественная Друзъ) приняли они отъ имени помянутаго проповѣдника Мухамеда Дорзи *).

Впрочемъ почтенные и достовѣрные шейхи сего племени относятъ начало своего отпаденія отъ мусульманскаго закона къ эпохѣ самаго Мухамеда. По ихъ

*) О религіи Друзовъ можно найти много любопытныхъ подробностей въ книгѣ Сильвестра-де-Сасси: La religion des Druses.

сказанію одинъ изъ учениковъ пророка, по имени Шейхъ-Сулейманъ-эль-Фарси, былъ посланъ на проповѣдь къ Кюрдамъ и другимъ горцамъ по берегу Тигра. Чистота горскихъ нравовъ заставила проповѣдника сладострастной религіи Аравитянъ отмѣнить законъ о многоженствѣ, о наложницахъ, о разводѣ. Этимъ положено начало религіознаго разрыва. Если вѣрить сему сказанію, легко пояснить гоненіями, претерпѣнными отъ владычествующей секты, вкравшіеся послѣдовательно въ расколъ новые догматы, или сохраненіе старыхъ вѣрованій и преданій Халдейскихъ и другихъ, противныхъ самой основной мысли Мухамедова закона. За тѣмъ по сказанію шейховъ, сектаторы Сулеймана-эль-Фарси, бывъ принуждены бѣжать отъ гоненій Багдатскихъ Халифовъ, перешли въ Сирію, и дали впослѣдствіи въ своихъ горахъ убѣжище другимъ сектаторамъ, бѣжавшимъ изъ Египта съ новою вѣрою Мухамеда-эль Дорзи. Тогда только Мусульманскія племена, въ укоризну за союзъ съ нечестивыми боготворителями Хакемъ-эль-Бамры, придали всѣмъ имъ безъ различія именованіе Друзовъ.

Они вѣрятъ въ десятикратное сошествіе божества на землю въ видѣ человѣческомъ, въ разныхъ странахъ, подъ разными именами. Десятое было въ лицѣ Хакемъ-эль-Бамры; а одинадцатаго и послѣдняго его сошествія ждутъ къ тому времени, когда христіане возвеличатся надъ мусульманами. Въ сей разъ Хакемъ долженъ покорить своимъ мечемъ всю землю Друзамъ, и доставить имъ совершенное блаженство на землѣ; ибо въ будущую жизнь они не вѣрятъ. Кромѣ десяти олицетвореній божества, Друзы признаютъ многихъ пророковъ, между которыми встрѣчаются имена, Адама, Ноя, Пиѳагора, Соломона и Мессіи. Хамзу почитаютъ они основателемъ ихъ религіи. Онъ есть по всѣмъ вѣро-

ятностямъ лице идеальное; ибо его же именуютъ Ангеломъ Гавріиломъ, и причисляютъ къ сонму пяти визирей, которые держатъ тронъ божества.

Основнымъ догматомъ ихъ вѣры можно почесть переселеніе душъ, и очищеніе ихъ испытаніями на землѣ въ тѣлахъ безсловесныхъ, болѣе или менѣе благородныхъ, отъ коня и льва до червя и до мухи, смотря по заслугамъ испытуемой души. Этимъ поясняется, можетъ быть, довольно странная встрѣча съ именемъ Пиѳагора, въ числѣ другихъ пророковъ горскаго племени Сиріи.

Жители здѣшніе, какъ мусульмане такъ и христіане, обвиняютъ Друзовъ въ идолопоклонствѣ. Къ этому обвиненію подали поводъ неоднократно найденныя въ ихъ молитвенныхъ домахъ мѣдныя изображенія тельца. Христіане назвали Друзовъ потомками обоготворявшихъ тельца Самаритянъ. Иные путешественники, зная о египетскомъ происхожденіи Друзовъ, стали догадываться, что они сохраняютъ древнюю религію Аписа. Все это кажется совершенно неосновательнымъ. Хотя есть еще въ религіи Друзовъ тайна, изслѣдованію недоступная, однако ни въ одной изъ четырехъ или пяти духовныхъ книгъ, которыя до сего времени попались въ руки христіанъ, ни въ образѣ мыслей народа и духовнаго его сословія, ни въ народномъ характерѣ, нѣтъ малѣйшаго признака идолопоклонства. Гораздо вѣроятнѣе кажется, что эти небольшіе мѣдные тѣльцы суть какія либо эмблемы, или же талисманы, охраняющіе плодородіе окрестныхъ полей.

Разительная черта религіи Друзовъ есть совершенная безпечность массы народа о ея законѣ. Народъ дѣлится въ отношеніи къ вѣрѣ на два разряда: на *мудрыхъ* (окалъ) и *невѣждъ* (джохалъ). Разрядъ Окаловъ весьма немногочисленный, и доступный также

женскому полу, составляетъ касту духовную, съ правами и обязанностями почти наслѣдственными. Масса народа всѣхъ сословій принимаетъ названіе невѣждъ, совершенно не заботится о религіи, предоставляя и таинства ея и исполненіе ея обязанностей за весь народъ классу Окаловъ. Масса народа чужда даже молитвѣ, сему всемирному утѣшенію рода человѣческаго. Есть примѣры, что эмиры и народоправители были посвящаемы въ званіе Окаловъ. Джохалъ утомленный дѣятельною жизнію, или проникнутый глубокою скорбію, предается изученію таинственной религіи, проводитъ свое время въ сообществѣ Окаловъ, которые посвящаютъ мало-по-малу профана въ свои таинства, и принимаютъ его въ свое сословіе. Другаго обряда при семъ не соблюдается, кромѣ пиршества, въ которомъ старшіе Окалы, раздѣляютъ съ оглашеннымъ нѣкоторое блюдо, родъ пилафа. Подобно мусульманскимъ Улемамъ, Окалы подраздѣляются на нѣсколько классовъ. Высшія степени налагаютъ обязанность безбрачной жизни, созерцательнаго уединенія и воздержности отъ вина. Высшую іерархію составляютъ три лица, избираемыя изъ среды Окаловъ, и носящія почетное титло Шейхъ-эль-Окалъ. Изъ нихъ одинъ пребываетъ въ Шуфѣ, другой въ Аркубѣ, округахъ Ливанскихъ, третій въ Хасбеѣ, на Антиливанѣ. Сей послѣдній завѣдываетъ Гауранскими Друзами. По правиламъ религіи — Окалъ ни въ какомъ случаѣ не долженъ принять ни денегъ, ни подарка, ни даже угощенія, ни *одной ягоды* отъ человѣка живущаго на казенномъ жалованіи, и вообще отъ такого лица, которое не трудомъ рукъ своихъ снискиваетъ себѣ пропитаніе; ибо по вѣрованіямъ Друзовъ, всѣ подати, платимыя народомъ въ казну-ли, или своимъ правителямъ, суть неправедное стяжаніе.

Кромѣ отчужденія массы народной отъ религіи, ко-

торымъ объясняется впрочемъ сохраненіе ея въ тайнѣ, другой неменѣе любопытный законъ Друзовъ есть воспрещеніе принимать проселитовъ, и вѣрованіе, что одному ихъ потомству, не по праву догмата, но по праву племени, предоставлено чаемое на землѣ совершенное блаженство. Законъ, освобождающій своихъ послѣдователей отъ всякихъ религіозныхъ обязанностей, простираетъ свою снисходительность еще далѣе: народу дозволено, смотря по обстоятельствамъ и по временнымъ своимъ выгодамъ, принимать внѣшній видъ другой религіи. Подъ правленіемъ египетскимъ нѣсколько сотъ семействъ Друзовъ, чтобы только избавиться отъ рекрутскихъ наборовъ, приняли открыто крещеніе отъ Греко-Уніатскаго Бейрутскаго епископа; за тѣмъ ни одинъ изъ нихъ не остался христіаниномъ. Въ 1841 году Друзы обнадеживали Американскихъ миссіонеровъ и Англичанъ готовностію своею принять протестантство; за тѣмъ въ 1842 году, съ перемѣною обстоятельствъ, просили Военнаго министра Мустафа-пашу нарядить къ нимъ въ горы Имамовъ для мусульманской проповѣди. Послѣдствія удостовѣрили Сераскира, что это была только хитрость, допускаемая закономъ Друзовъ.

Описанныя нами событія послѣднихъ годовъ, и безпристрастный взглядъ на дѣла Ливанскія, достаточно опровергаютъ существующій въ Европѣ предразсудокъ о религіозной ненависти Друзовъ противу христіанъ. Можетъ быть въ цѣломъ мірѣ нѣтъ народа менѣе склоннаго къ фанатизму и къ религіознымъ преслѣдованіямъ. Друзы питаютъ даже много уваженія къ христіанству; особенно женщины, которыя нерѣдко идутъ въ церковь слушать Евангеліе вмѣстѣ съ христіанами.

Каждый разъ когда Друзы вооружаются противъ христіанъ, можно быть увѣреннымъ, что ихъ подстрекаютъ Турки, на основаніи кореннаго ихъ правила:

казнить племена одно другимъ, и видѣть въ распряхъ вѣрнѣйшій залогъ правительственнаго вліянія.

Около 10,000 семействъ Друзовъ обитаютъ по южнымъ отраслямъ Ливана, между Бейрутомъ и Сайдою, въ округахъ Метенѣ, Джурдѣ, Мнассефѣ, Аркубѣ, Аклимѣ, Шуффѣ, Джеззинѣ. Почти вездѣ есть посреди ихъ христіане, и иногда даже въ большинствѣ. За обращеніемъ въ христіанство старѣйшаго въ ихъ аристократіи дома эмировъ Булема, Ливанская аристократія Друзовъ состоитъ въ домахъ эмировъ Русланъ, и Шейховъ Джемблатъ, Абунакетъ, Амадъ, Абдель-Мелекъ и Тальхукъ.

Въ Антиливанскихъ округахъ, подъ управленіемъ младшей линіи Шагабовъ, считается около 2,000 семействъ сего племени. Между ними извѣстны шейхи Шамсъ и Кейсъ. За тѣмъ въ Гауранѣ число Друзовъ можетъ простираться до 4,000 семействъ; но значительныхъ шейховъ нѣтъ между ними, ни между остальными обществами Друзовъ поселенныхъ въ горахъ Акки и въ Алепскомъ Пашалыкѣ. Въ Палестинѣ вовсе нѣтъ Друзовъ. Это племя повсюду занимается исключительно земледѣліемъ и скотоводствомъ, и ни въ одномъ Сирійскомъ городѣ не найдется жителя изъ Друзовъ. Даже въ собственныхъ ихъ селеніяхъ торговля и ремесла почти всегда предоставлены христіанамъ.

Племя это, испытанное долгимъ рядомъ политическихъ обуреваній на Ливанѣ и въ горахъ Гауранскихъ, видимо убываетъ, слабѣетъ и клонится къ совершенному упадку, уступая христіанамъ свое мѣсто на Ливанѣ.

D. АНСАРІЭ *).

Друзы называютъ Ансаріевъ отступниками отъ ихъ вѣры. Въ самомъ дѣлѣ есть много сходства между вѣ-

*) Это множественная форма слова *Насайри*, чего недолжно смѣшивать съ множественнымъ *Насара* христіане, отъ Насрани (Назореянинъ) происходящаго отъ Насра, Арабскаго названія Назарета.

рованіями этихъ двухъ племенъ. Обѣ религіи родились подъ вліяніемъ тѣхъ же дѣятелей въ эпоху броженія умовъ на Востокѣ, среди обломковъ древнихъ религій, темныхъ отголосковъ Индейской ѳеогоніи, вѣрованій Халдейскихъ, укоренившихся въ странѣ за Тигромъ, ересей христіанскихъ, сектъ іудейскихъ, и появленія духа богословскихъ прѣній въ Мухамедовомъ законѣ.

Обѣ эти религіи включены нами въ составъ Магометанства не столько потому, что онѣ сопричисляютъ Аравійскаго законодателя къ своимъ пророкамъ, не слѣдуя впрочемъ его закону, не исполняя предписанныхъ имъ обрядовъ, сколько на основаніи политическаго раздѣленія племенъ Оттоманской имперіи, о чемъ уже было объяснено. Сами же мусульмане, имѣющіе какое либо понятіе о вѣрованіяхъ Друзовъ, Ансаріевъ и Измаилитовъ, чуждаются, даже гнушаются ихъ, и причисляютъ въ духовномъ отношеніи къ племенамъ невѣдающимъ откровенія, т. е. къ язычникамъ; тогда какъ христіане и евреи, хотя и не признали того откровенія, коимъ по мнѣнію мусульманъ довершены древнія откровенія, однако вѣрны своимъ законамъ, Аллахомъ дарованнымъ.

Основаніе вѣры Ансаріевъ, которые называютъ сами себя *Мюменъ*, вѣрующими, относятъ къ исходу IX вѣка по Р. Х. Имя дано ей отъ деревни Ансаръ, въ окрестностяхъ Куфы, гдѣ она первоначально появилась. Она проповѣдуетъ таинственную пятерицу и семь воплощеній каждаго изъ пяти лицъ божества, между которыми встрѣчается «Слово» будто отголосокъ Іоаннова Евангелія, и Хуссеинъ сынъ Алія, напоминающій о Персидскомъ расколѣ. Въ ряду воплощеній, подобныхъ тѣмъ о которыхъ проповѣдуетъ религія Друзовъ, перемѣшаны имена Адама, Авеля, Архангеловъ, Ноя, Іосифа, Іакова, Іессея, Моисея, Асафа, Соломона, Іису-

са, Іоанна, Павла, Петра, Матѳея и пр. Въ исторіи этихъ воплощеній проявляется Зороастровъ законъ о вѣчной борьбѣ двухъ началъ, добра и зла. При каждомъ изъ своихъ воплощеній таинственная пятерица боролась съ своими врагами, каковы были: Каинъ Индійскій царь, Змѣя, Павлинъ (эмблема гордости) Фараонъ, Немвродъ, Иродъ и пр. Подобно Друзамъ, Ансаріи вѣрятъ въ переселеніе душъ, и строго содержатъ въ тайнѣ свою религію. Они имѣютъ также духовный классъ шейховъ, которымъ исключительно предоставлено изучать законъ и молиться за народъ, и также народъ не заботится о своей вѣрѣ, и иногда принимаетъ наружный видъ исламизма. Подобно Окаламъ духовенство Ансаріевъ удаляется общества и любитъ созерцательную жизнь въ эрмитажахъ, или уединенныхъ молитвенныхъ домахъ, именуемыхъ *Хмери*. Примѣчанія достоино, что Ансаріи особенно благоговѣютъ къ памяти св. Георгія и къ Греческому монастырю во имя сего Великомученика, *Маръ-Джурджосъ-Хмери*, на южной сторонѣ Ансарійскихъ горъ.

Племя это населяетъ гористую страну на сѣверъ отъ Ливана, за рѣкою Нахръ-эль-Кебиръ, до Антіохіи. Оно управляется своими шейхами, между которыми почетнѣйшіе носятъ титло *Мукадеминъ*. Ансаріи лишены воинственныхъ наклонностей Друзовъ, и никогда не достигали ни благосостоянія ни политической важности племенъ Ливанскихъ.

Увѣряютъ, что Ансаріи подраздѣляются на нѣсколько сектъ, изъ которыхъ одна боготворитъ *Захру*, планету-ли Венеру или дочь Магомета Фатьму, которой равномѣрно придается это имя — неизвѣстно. Другая секта именуемая Шамсіе (отъ Шамсъ — солнце) поклоняется свѣтилу дня, говоря, что божество, по воплощеніи своемъ въ Али-абу-Талебѣ, зятѣ Магомето-

вомъ, и въ двѣнадцати имамахъ его племени, переселилось въ солнце со смертію послѣдняго имама Мехди. Горы обитаемыя Ансаріями именуются *Кельбіэ*, Собачьими; это заставило думать, что многіе изъ нихъ боготворятъ собаку. Вообще чрезвычайно трудно удостовѣриться въ истинѣ всѣхъ этихъ сказаній. Ни съ Друзами, ни съ Ансаріями, ни съ Измаилитами невозможно завести рѣчь о религіи. Жители здѣшніе, и христіане и мусульмане, весьма нелюбознательны, или же на удачу разсказываютъ всякія басни, со всею болтливою изобрѣтательностію Арабскаго генія.

Ансаріи почитаются самымъ отсталымъ въ гражданственности изъ Сирійскихъ племенъ. За уплатою подати въ извѣстные сроки, они живутъ независимо въ одичалыхъ своихъ горахъ, куда рѣдко заходятъ и чиновники правительства и путешественники. Правительство почитаетъ ихъ совершенно покорными, когда они не идутъ на разбой по большимъ дорогамъ, а о внутреннемъ ихъ устройствѣ нисколько не заботится. Два туземныя семейства, шейхи *Шамсинъ* и *Ресланъ*, поперемѣнно назначаются начальниками округа. Ихъ обязанности — взносить своевременно подать, съ правомъ взимать съ народа по мѣрѣ своего вліянія и по соображенію съ обстоятельствами. Подобно Друзамъ, племя Ансаріевъ исключительно предано земледѣлію, и въ городахъ никогда не обитаетъ.

Изъ показаннаго нами числа (28,000 семействъ) Ансаріевъ, 25 тыс. населяютъ горы между Антіохіею, Хамою и морскимъ берегомъ. Остальные живутъ небольшими обществами въ горахъ Аданскаго Пашалыка.

Е. ИЗМАИЛИТЫ.

Остается говорить о самой чудовищной изъ этихъ покрытыхъ мракомъ сектъ. Измаилитовъ смѣшиваютъ

иногда съ Ансаріями; это несправедливо, и подаетъ только поводъ къ тому, чтобы приписывать многочисленному племени Ансаріевъ тѣ неимовѣрныя бредни разстроеннаго воображенія, которыя встрѣчаются только въ небольшомъ обществѣ Измаилитовъ. Измаилиты не имѣютъ можно сказать никакой религіи. По ихъ вѣрованію человѣкъ родится отъ женщины и обреченъ землѣ. На семъ основаніи боготворятъ они *начало* и *конецъ*, и совершаютъ свои моленія предъ *женщиной*, простершись *на земь*. Въ извѣстные дни года мужчины и женщины сходятся въ ночныя собранія, подобно древнимъ Гностикамъ, и не только въ этихъ омерзительныхъ оргіяхъ но и въ общежитіи кровосмѣшеніе, даже въ первой степени, допускается между ними.

Измаилиты составляютъ не болѣе 800 или 1,000 семействъ, обитающихъ у подошвъ горы Кельбіэ, на западъ отъ Хамы. Главнѣйшее ихъ селеніе Кефтунъ. Внутреннимъ устройствомъ они не отличаются отъ Ансаріевъ. Племя это много претерпѣло отъ преслѣдованій Турецкихъ и отъ опустошительныхъ набѣговъ Ансаріевъ. Оно видимо клонится къ разрушенію и безвѣстно теряется.

По мнѣнію иныхъ историковъ Измаилиты происходятъ отъ тѣхъ страшныхъ сектаторовъ, которые нѣкогда вселяли ужасъ и крестоносцамъ и Султанамъ своими убійствами, подъ направленіемъ таинственнаго своего вождя, извѣстнаго въ крестовыхъ хроникахъ подъ именемъ Горнаго Старца, Vieux de la Montagne. Сектаторы эти завѣщали западнымъ языкамъ слово Assassin, бывъ прозваны у Арабовъ *Хашишинъ*, отъ имени травы Хашишъ*), замѣняющей и теперь въ

*) Хашишъ собственно значитъ трава. Форма *Хашишинъ*, изъ которой по Италіанскому выговору составлено слово Assassino, есть множественная. Слово это соотвѣтствуетъ, кажется, русскому выраженію отрава, отравленный, и принимается въ смыслѣ опьяненія.

Египтѣ опіумъ, и производящей тоже опьяненіе. Къ этимъ сектаторамъ равно прибѣгали и Христіане и Мусльмане, чтобы кинжаломъ ихъ отдѣлаться отъ врага-ли или отъ соперника. Какъ ни баснословны кажутся разсказы о фанатическомъ ихъ остервененіи, однако все это основано на неопровержимыхъ историческихъ данныхъ *). Впрочемъ, суть-ли нынѣшніе Измаилиты потомки тѣхъ сектаторовъ — это еще загадочно, и нельзя дознаться сохраняютъ-ли они въ своей религіи восторженность опьяненія. Я не слышалъ чтобы племя это было предано хашишу. Но личнымъ наблюденіемъ, особенно надъ Африканцами преданными хашишу, я удостовѣрился, что пьянство, производимое этимъ растеніемъ, сопровождается видѣніями и ощущеніями, несравненно болѣе увлекательными чѣмъ тѣ, которыми упояются любители опіума.

---

*) См. Histoire des Croisades par Michaud въ прибавленіяхъ ко II тому (шестаго изданія), письмо Г. Журдана.

II. ХРИСТІАНЕ.

А. ЦЕРКОВЬ ПРАВОСЛАВНАЯ.

Православіе было господствующею вѣрою въ Сиріи отъ временъ Константина Великаго до временъ Магомета. Этотъ трехвѣковый періодъ, которому предшествовали и за которымъ послѣдовали кровавыя внѣшнія гоненія, былъ ознаменованъ внутреннимъ недугомъ ереси и раскола. Въ странѣ провидѣніемъ Всевышняго предопредѣленной на тяжкій подвигъ духовной жизни, какъ мы подробно о томъ излагали въ XVIII главѣ нашей книги, расколъ и ересь никогда не переставали волновать народы окрестъ завѣтной колыбели христіанства. Если взять въ соображеніе тогдашнее состояніе церкви, когда расколъ порою, даже подъ эгидою Константинопольскаго императорскаго двора и при неоднократномъ отступничествѣ отъ Православія самихъ патріарховъ *), одолѣвалъ и преслѣдовалъ православіе; если вспомнить страшный напоръ Мухамеданства, равно и то, что въ послѣдовавшій за тѣмъ періодъ крестовыхъ нашествій Западное духовенство фанатически повсюду преслѣдовало Восточную церковь; если вникнуть въ значеніе мухамеданскаго политическаго закона, двѣнадцать слишкомъ столѣтій обрекающаго всѣ не-

*) Напр. Несторія и др.

мухамеданскія исповѣданія лишенію гражданскихъ правъ, и потворствующаго взаимному ихъ боренію, то одному лишь Божественному промыслу и непоборaемой силѣ внутренней жизни Восточнаго православія мы можемъ приписать чудесное сохраненіе церкви до нашихъ дней въ этой страдальческой сторонѣ. Вмѣсто укоризны духовенству и народу за то бѣдственное состояніе, въ которомъ нынѣ пребываетъ церковь въ Сиріи и Палестинѣ, мы воздадимъ имъ, по философскомъ изслѣдованіи историческаго и политическаго быта церкви, благоговѣйную дань хвалы и удивленія за великій подвигъ сбереженія чистоты догмата и чина церковнаго среди тягчайшихъ испытаній, какія только можетъ представить весь объемъ бытописаній міра. Вмѣсто легкомысленной укоризны въ невѣжествѣ, въ нерадѣніи, въ людскихъ слабостяхъ, мы должны признать и народъ этотъ и рядъ святителей, кѣмъ спасена скинія новаго завѣта, поколѣніями избранныхъ тружениковъ и рядомъ угодниковъ Божіихъ, продлившихъ до нашихъ дней святый подвигъ воинствующей древле церкви.

Указывая читателямъ нашимъ на эту утѣшительную точку зрѣнія, ради историческаго изслѣдованія предмета нашего, въ опроверженіе суетныхъ восклицаній, основанныхъ на незнаніи прошедшаго, ограничимся здѣсь статистическимъ изложеніемъ нынѣшняго состоянія Греко-Арабской православной церкви и паствы въ Сиріи и Палестинѣ. Она управляется двумя патріархами, Антіохійскимъ и Іерусалимскимъ. Первому подлежитъ собственно Сирія съ частію Малой Азіи и Кюрдистана; второму Палестина. Черта проведенная отъ *Бѣлаго Мыса* (Разъ-эль-Нахора) на Средиземномъ морѣ, до верховій Іордана, служитъ границею двухъ престоловъ. За Іорданомъ Антіохійская епархія простирается нѣсколько далѣе къ югу, объемля Гауранъ

почти до Мертваго моря. Въ Малой Азіи она объемлетъ Таврическіе округи Адану и Тарсусъ, древнюю Киликію, а на Востокѣ часть Діарбекира, гдѣ недавно просіяло православіе надъ Христіанами отпавшими въ Унію въ бѣдственныя времена церкви. Далѣе сихъ предѣловъ, въ Месопотаміи и за Тигромъ, нѣтъ вовсе православныхъ христіанъ. На сѣверѣ Өеодосіопольская епархія (Эрзрумъ) подлежитъ и нынѣ, какъ въ древности, Антіохійскому престолу. До Мухамеданскаго потока его предѣлы были несравненно обширнѣе. Ему подлежала вся Азія за исключеніемъ Мало-Азійскаго полуострова, подвѣдомственнаго Константинопольскому патріарху; ему подлежали Арменія, Иверія (Грузія и Имеретія) и Месопотамія до Багдата. Отъ Антіохіи, прозванной въ первыя времена Христіанства *окомъ Восточной церкви*, проникали лучи вѣры въ языческую Персію. Іерусалимскій престолъ лишился равномѣрно большей части своихъ за-Іорданскихъ епархій, которыхъ затеряны самыя имена. Недавно открытыя колоссальныя развалины Джераша (Герасосъ) среди Греческаго Декаполиса (Десятиградія) свидѣтельствуютъ о цвѣтущемъ нѣкогда состояніи сихъ опустѣлыхъ странъ; а изо всѣхъ Аравійскихъ епархій сохранилось одно только Синайское Епископство, гдѣ вѣра укрылась въ священныхъ скалахъ монастыря, будто въ возвышенномъ духовномъ оазисѣ среди потопа магометанскаго.

1-е ПРЕСТОЛЪ АНТІОХІЙСКІЙ.

Антіохійскій патріархъ, третій въ православной іерархіи по отпаденіи Римскаго Папы, носитъ титло *Блаженнѣйшаго патріарха Божьяго града Антіохіи и всего Востока*, при которомъ надписываетъ въ оффиціальныхъ бумагахъ, подобно другимъ верховнымъ пастырямъ на Востокѣ, *Божіею Милостію*. Въ пѣніи много-

лѣтія ему придается торжественное титло: «Блаженнѣйшаго, Божественнѣйшаго и Святѣйшаго Патріарха «Великаго Божьяго Града Антіохіи, Сиріи, Аравіи, Киликіи, Иверіи, Месопотаміи и всего Востока, Отца «отцовъ, Пастыря пастырей, тринадцатаго изъ Апо-«столовъ, Господина и Владыки».

При соблюденіи согласія Антіохійскаго синода и почетныхъ мірянъ города Дамаска, онъ назначается отъ Константинопольскаго синода и Вселенскаго патріарха. Сіе отмѣненіе древнихъ правъ церкви, которой Глава искони не подлежалъ ни избранію ни подтвержденію Вселенскаго престола, было слѣдствіемъ политическихъ обстоятельствъ края, а всего болѣе происковъ Римскаго двора къ покоренію Антіохійскаго престола своему церковному единодержавію, и успѣховъ пропаганды между бѣднымъ и уничиженнымъ духовенствомъ Сиріи.

Политическія права патріарха Антіохійскаго излагаются въ бератѣ и фирманахъ Порты, при подтвержденіи его выбора. Такъ какъ Константинопольскій патріархъ признанъ Турецкимъ правительствомъ за Главу всѣхъ подданныхъ православнаго исповѣданія, то въ семъ отношеніи ему подвѣдомы дѣла другихъ патріарховъ и самостоятельныхъ епископовъ. Впрочемъ Антіохійскій патріархъ имѣетъ въ Константинополѣ, наравнѣ съ пашами, своего повѣреннаго (капы-кеая) для хожденія по дѣламъ и для представительства правъ его престола.

Въ дѣлахъ церковныхъ и по церковному имуществу — патріархъ есть полный судія и властитель. Онъ можетъ наказать тюрьмою и ссылкою подвѣдомыхъ ему Христіанъ, не зависитъ отъ Пашей и судилищъ, и подлежитъ суду только Высокой Порты. Но политическія обстоятельства края, пріобыкшаго къ вѣковой анархіи, а еще болѣе смѣсь вѣроисповѣданій, и всег-

дашняя готовность Уніи заманить въ свои сѣти всѣхъ недовольныхъ, вмѣстѣ съ церквами и церковнымъ имуществомъ, подрываютъ эти права патріаршаго престола въ Сиріи. Здѣсь власть патріарха есть только власть блюстительная, и должна проявляться силою кроткаго увѣщанія, основываясь единственно на личныхъ качествахъ патріарха, на привязанности къ нему паствы, и на добровольномъ повиновеніи подчиненныхъ. Въ тяжебныхъ дѣлахъ, какъ между православными, такъ и православныхъ съ иновѣрцами, патріархъ произноситъ свой приговоръ только по обоюдному согласію тяжущихся; но приговоръ его не имѣетъ законной силы предъ гражданскими властями. Въ семъ отношеніи тягчайшая изъ обязанностей патріарха есть разбирательство дѣлъ брачныхъ. Страсти и наклонности людей не всегда согласны съ наслѣдственными понятіями Арабовъ о правѣ родственниковъ надъ невѣстами своего рода и племени. Нужна величайшая осторожность, чтобы предупреждать отступничество дѣвицъ, вступающихъ въ бракъ не по своему выбору, не по указанію даже своихъ родителей, но по приговору самой дальней родни, которая, по понятіямъ Арабовъ, имѣетъ право требовать невѣсты изъ своего племени. За тѣмъ надо предупреждать кровавую месть въ самой роднѣ, по поводу подобныхъ браковъ. Сему-то обстоятельству должно преимущественно приписать тѣ семейныя вражды, которымъ Унія обязана своими успѣхами впродолженіи прошедшаго вѣка между православными Арабами.

Совершенный упадокъ престольнаго града Антіохіи, и необходимость отстаивать у властей права церкви и народа, заставили Антіохійскихъ патріарховъ избрать постояннымъ мѣстопребываніемъ своимъ — Дамаскъ. Не разъ терпимыя церковію гоненія отъ Мусульманъ, или

обуревавшія ее внутреннія бѣдствія, или убожество, заставили патріарховъ отлучаться надолго въ Константинополь, въ Дунайскія Княжества, въ Россію.

Доходы Антіохійскаго патріарха простираются до 3,000 руб. сер. въ годъ. Половина этой суммы поступаетъ съ двухъ монастырей, принадлежащихъ престолу въ Дунайскихъ Княжествахъ. Доходъ отъ паствы состоитъ въ *Нуріи*, или ежегодномъ сборѣ съ епархіи въ пользу епископа. Каждое семейство взноситъ, по своимъ средствамъ или усердію, отъ 2 до 40 піастровъ (отъ 10 к. до 2½ руб. сер.) Епископъ обязанъ самъ однажды въ годъ посѣщать всѣ дома своей епархіи, для сего добровольнаго сбора, и только глубокая старость, или другія важныя препятствія, даютъ ему право послать за себя другое лицо. Патріарху принадлежитъ Нурія съ Антіохійской и Дамаской епархій. Отъ епископовъ, подвѣдомыхъ престолу, патріархъ, по древнему обычаю, получаетъ взносъ весьма умѣренный, какъ при назначеніи ихъ (отъ 50 до 150 руб. сереб.), такъ и ежегодно (отъ 3 до 6 руб. сер.) Впрочемъ нѣкоторымъ изъ своихъ митрополитовъ самъ патріархъ оказываетъ пособіе ежегодно, по бѣдности ихъ епархій. Случайные доходы отъ обѣдень, похоронъ и проч. въ Сиріи весьма ограничены. Взносъ за особенныя церковныя служенія митрополитамъ бываетъ обыкновенно отъ одного до двухъ рублей; патріарху — вдвое.

При доходахъ столь ограниченныхъ — патріархъ долженъ окружать себя нѣкоторою пышностію, для поддержанія своего сана, какъ предъ гражданскими властями, такъ и въ глазахъ своей паствы. Въ Сиріи, среди Арабскихъ племенъ, болѣе чѣмъ гдѣ либо судятъ о человѣкѣ и о санѣ его по внѣшнему благолѣпію, по числу служителей, по гостепріимству. Мы имѣли уже случай замѣтить, что успѣхъ дѣйствій патріарха

ради пользъ церковныхъ, всего болѣе зависитъ отъ личнаго его вліянія. Сверхъ того онъ обязанъ раздавать значительныя милостыни, въ странѣ столь часто испытуемой народными бѣдствіями.

Назначеніе епископовъ въ епархіи, игуменовъ въ монастыри и священниковъ въ приходы менѣе зависитъ отъ патріарха и отъ архіереевъ, чѣмъ отъ народнаго выбора. Малѣйшее неудовольствіе въ паствѣ даетъ доступъ Уніи. Часто проступки священниковъ и злоупотребленія игуменовъ остаются совершенно безнаказанными, чтобы только избѣгнуть раздоровъ съ семействами, которымъ они принадлежатъ.

Перемѣщеніе епископовъ изъ одной епархіи въ другую, столь обычное въ Константинопольскомъ престолѣ, и столь предосудительное по своему корыстному основанію, по своимъ послѣдствіямъ и по своему вліянію на нравственность духовенства, здѣсь совершенно неизвѣстно. Смѣна патріарха — дѣло неслыханное въ Антіохійскомъ престолѣ. Пастыри живутъ и умираютъ при одной паствѣ; развѣ глубокая старость подастъ поводъ къ добровольному, искреннему отреченію.

Изъ 200 епархій вмѣщавшихся нѣкогда въ предѣлахъ Антіохійскаго престола, нынѣ осталось только четырнадцать. Всѣ онѣ состоятъ въ степени Митрополій. Старшинства между ними нѣтъ; при соборѣ нѣсколькихъ митрополитовъ старшинство принадлежитъ лѣтамъ, или заслугамъ и личнымъ достоинствамъ.

Предлагаемъ списокъ епархій:

Антіохійская и Дамаская, составляющія епископство самаго патріарха.

Тиро-Сидонская.

Виритская.

Селевкійская.

Иліупольская.

Епифанійская.
Эмесская.
Аркадійская.
Триполійская.
Лаодикейская.
Аданская.
Амидійская.
Өеодосіопольская.

Въ прошедшемъ столѣтіи ихъ считалось восемьнадцать *); изъ нихъ Веррійская, (Алепъ) перешла въ вѣденіе Константинопольскаго патріарха; Акисская (Ахалцихъ) вошла въ составъ Россійской имперіи, а остальныя двѣ: Вострійская (въ Гауранѣ за Іорданомъ) и Пальмирская въ Евфратской пустынѣ, упразднены. По стѣсненному положенію своихъ финансовъ церковь ввѣряетъ одному епископу бдѣніе за нѣсколькими древними епархіями, если въ нихъ порознь число православныхъ слишкомъ слабо, чтобы содержать особенные престолы архіерейскіе.

Первопрестольное Антіохійское епископство лежитъ между Лаодикейскою, Аданскою и Веррійскою епархіями; гористая его часть занята Ансаріями; много Кюрдовъ и Тюркменовъ кочуютъ по богатымъ пастбищамъ Антіохіи. Большую часть народонаселенія составляютъ Ансаріи и Мусульмане. Православныхъ христіанъ считается 600 семействъ. Округи Килисъ, Бейланъ и Айнтабъ, подвѣдомые сему престолу, населены разными магометанскими племенами и значительнымъ числомъ Армянъ. Состояніе Христіанъ здѣсь бѣдственнѣе, чѣмъ во всей остальной Сиріи, по причинѣ буйнаго фана-

---

*) См. Хрисанөа, патріарха Іерусалимскаго — Синтагматіонъ, или описаніе епархій и чиновъ всея Восточныя церкви, составленное въ первой половинѣ прошедшаго вѣка, и изданное въ Венеціи въ 1773 г.

тизма Мусульманъ. Изъ трехъ сотъ храмовъ древней Антіохіи, обращенныхъ въ мечети или лежащихъ въ развалинахъ, Христіане не имѣли доселѣ ни одного олтаря въ оградѣ нынѣшняго города, и исполняли свои духовныя требы въ убогой церкви, въ пустынной сторонѣ. Недавно, при содѣйствіи нашего консульства, успѣлъ патріархъ Меѳодій соорудить небольшую церковь, подъ именемъ Молитвеннаго дома, въ самой Антіохіи *).

Въ Дамаской епархіи, простирающейся отъ Эмесской до предѣловъ Палестины за-Іорданской, между Антиливаномъ и пустынею, вмѣстѣ съ упраздненною Вострійскою, которой подлежалъ Гауранъ, считается до 1,500 православныхъ семействъ. Изъ сего числа половина въ самомъ городѣ Дамаскѣ. Изъ Гауранскихъ православныхъ христіанъ около 200 семействъ давно уже отторгнуты въ Унію, а бывшіе въ сей странѣ Сиріяне-Яковиты обращены всѣ въ Сиріянъ-католиковъ подъ Египетскимъ правленіемъ. Величайшимъ бѣдствіемъ для Дамаскихъ Христіанъ и для самой церкви былъ постепенный и конечный упадокъ мануфактуръ сего города, о чемъ уже имѣли мы случай упоминать. Христіане Дамаскіе землею не владѣютъ, и не дозволено имъ пріобрѣтать земли; многія ремесла, многія отрасли городской промышленности имъ равномѣрно недоступны, по завистливому приговору правовѣрной черни Дамаска. Вся ихъ дѣятельность была направлена къ издѣлію шелковыхъ тканей; а съ упадкомъ этой промышленности — масса христіанскаго народонаселенія города впала въ крайнее обѣдненіе.

---

*) Подъ именемъ молитвеннаго дома или дома священника (Папасъ эвы) допускаетъ Турецкій законъ основаніе небольшой церкви, не соблюдая тѣхъ судебныхъ обрядовъ, которые нужны для основанія новой церкви, и которыхъ исполненіе встрѣчаетъ иногда сильное препятствіе въ чувствахъ мусульманскаго народонаселенія.

Древній великолѣпный соборъ Св. Іоанна обращенъ въ мечеть. Патріаршая церковь Св. Николая, зданіе ветхое, убогое, составленное изъ разныхъ пристроекъ, недавно обновлена въ подобающемъ благолѣпіи, щедротами Государя Императора и сборомъ подаяній въ Россіи *).

Подвѣдомые Антіохійскому престолу ставропигіальные монастыри въ Сиріи суть слѣдующіе:

1-е Успенія Пресвятыя Богородицы, именуемый Бельмендъ (вѣроятно отъ имени какого нибудь крестоносца Бельмонда, имѣвшаго тамъ свой замокъ). Онъ расположенъ на горѣ надъ моремъ, въ пяти верстахъ отъ Триполи. Въ 1839 году пожалована сей обители возобновленная древняя грамота русскаго царя Алексѣя Михайловича на ежегодное пособіе по 35 рублей серебромъ. Въ немъ обитаетъ тридцать братій. Доходъ его простирается отъ 30 до 50,000 піастровъ, смотря по урожаю масличныхъ плантацій монастыря. Патріархъ другаго дохода съ этого монастыря не получаетъ, кромѣ двухъ кулей сарачинскаго пшена ежегодно, по древнему постановленію. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ патріархъ приступилъ къ основанію въ этомъ монастырѣ духовнаго училища; но разныя обстоятельства тому воспрепятствовали.

2-е Монастырь Св. Георгія, именуемый Маръ-Джурджосъ-Хмери, въ Аркадійской епархіи, у подошвъ горы Кельбіе. Въ статьѣ объ Ансаріяхъ мы упоминали о благоговѣніи сего племени къ памяти Великомученика. При обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ обитель эта можетъ послужить маякомъ слова Божія среди племенъ, томящихся въ лабиринтѣ полумухамеданскаго язычества.

---

*) Соборъ этотъ сожженъ мусульманскою чернію въ 1860 году.

Доходъ монастыря можетъ простираться до 100,000 піастровъ (около 6,000 рублей). Главнымъ, единственнымъ, можетъ быть, источникомъ дохода, ибо монастырь помѣстьями не владѣетъ, есть добровольный взносъ отъ Ансаріевъ. Стяжая своимъ семействамъ и стадамъ покровительство Великомученика, эти сектаторы записываютъ своихъ дѣтей, при самомъ рожденіи, въ невольники монастырю, съ правомъ выкупа впослѣдствіи; даруютъ равномѣрно въ монастырь половину, четверть или полчетверти заболѣвшаго скота, съ тѣмъ чтобы впослѣдствіи взносить ежегодную плату за право товарищества въ собственности, по обычаю Арабовъ.

Впрочемъ монастырь сей, находясь на большой дорогѣ между Алепомъ и Триполи, обремененъ гостепріимствомъ, на которое тратится большая часть его дохода. Патріарху обязанъ онъ, по древнему обычаю, взносомъ двухъ пудовъ воска. Церковь тѣсна и ветха. Монаховъ считается здѣсь пятьнадцать, а служителей и послушниковъ до сорока. При умномъ управленіи онъ могъ бы собственными средствами получить лучшее устройство.

3-е Обитель Св. пророка Иліи на Ливанѣ, въ шести часахъ отъ Бейрута (Маръ-Ильясъ-Шуеръ) смежная съ Маронитскимъ монастыремъ того же имени. Въ ней монашествуютъ восемь братій. Доходы съ помѣстій этой обители едва-ли простираются до 1,000 руб. сер.; однакожъ при хорошемъ управленіи она съ нѣкоторыхъ лѣтъ процвѣтаетъ. Патріархъ не получаетъ отсюда никакого дохода; развѣ игуменъ поднесетъ нѣсколько ведеръ вина съ своихъ виноградниковъ.

4-е Женскій монастырь Пресвятыя Богородицы именуемый *Сайденая*, лежитъ въ округѣ сего имени на сѣверъ, въ шесть часовъ растоянія отъ Дамаска. Это одна изъ древнѣйшихъ въ мірѣ обителей. Основаніе ея от-

носятъ къ VI вѣку. Здѣсь хранится одна изъ иконъ приписываемыхъ Св. Евангелисту Лукѣ. Окрестные пригорки замѣчательны по видимымъ въ нихъ развалинамъ десяти или пятьнадцати разныхъ монастырей. Нѣкоторые изъ нихъ извѣстны и теперь подъ именами Св. Θомы, Св. Сергія, Св. Іоанна, Св. Саввы, Св. Софіи, Св-хъ Петра и Павла, Пр. Иліи и Св. Георгія. Этотъ уединенный округъ, на рубежѣ великой пустыни, былъ въ цвѣтущіе вѣка церкви Антіохійской Сирійскою Θиваидою, и освященъ кровію многихъ тысячъ своихъ мучениковъ въ пору мусульманскаго завоеванія. Одинокая, ветхая, полуразрушенная обитель Пресв. Богородицы, подъ сѣнію которой пріютились убогія христіанкія деревни, обступленныя отовсюду изувѣрствомъ завоевателей и ватагами пустынныхъ наѣздниковъ, наводитъ умиленіе на посѣтителя, указывая на окрестныя развалины, будто на лѣтопись прошедшаго горя и на угрозу грядущихъ испытаній. Въ предѣлахъ Антіохійскаго престола нѣтъ другаго православнаго женскаго монастыря. Сайденайская обитель бѣдна, и помѣстій не имѣетъ, кромѣ небольшаго масличнаго сада купленнаго за 800 руб. сер. милостынею изъ Россіи. Около сорока монахинь, здѣсь укрывающихся, должны своими трудами и рукодѣліемъ стяжать скудный насущный хлѣбъ; ибо благочестивыя приношенія обѣднѣвшихъ христіанъ Дамаскихъ едва достаточны на содержаніе церкви и зданія. Патріархъ вмѣсто дохода съ монастыря обязанъ ежегодно пособіемъ ему.

5-е Монастырь Св. Θеклы на сѣверъ отъ Сайденаи, въ Селевкійской епархіи. Въ сей небольшой древнѣйшей обители пребываютъ два монаха и пять прислужниковъ.

Ея доходы ограничиваются 8,000 піастровъ, и едва достаточны на содержаніе. Патріарху поступаетъ три руб. сер. ежегоднаго взноса.

Таково нынѣшнее состояніе ставропигіальныхъ монастырей Антіохійскаго престола. Осмотримъ епархіи.

У предѣловъ Палестины, на берегу морскомъ, лежитъ епархія Тиро-Сидонская, обнимая въ своихъ предѣлахъ южныя отрасли Ливана и хребетъ Антиливанскій. Поморская ея полоса есть древняя Финикія, съ городами Суромъ и Сайдою, сохранившими отъ своей языческой славы только искаженныя свои имена *). Безобразныя развалины Сура, обставленныя рыбачьими хижинами, страшно свидѣтельствуютъ о буквальномъ исполненіи пророчествъ, наложенныхъ на гордаго царя морей. Здѣсь сохранилась небольшая бѣдная церковь, съ двумя семействами прихожанъ православныхъ и однимъ священникомъ, который едва добываетъ трудомъ свое пропитаніе. Народонаселеніе состоитъ въ нѣсколькихъ семействахъ уніятскихъ и 2,000 душахъ Магометанъ Аліевой секты. Такова нынѣ одичалая столица Финикіи, прославленная, и по упадкѣ древняго своего величія, многими мѣстными соборами въ бореніяхъ церкви съ ересью, и въ продолженіе крестовыхъ походовъ, когда она была однимъ изъ важнѣйшихъ военныхъ пунктовъ христіанскихъ владѣній въ Сиріи. Сайда, древній Сидонъ, понынѣ красивый городокъ съ роскошнымъ прозябеніемъ своихъ садовъ и полей, былъ долго столицею поморскаго Пашалыка Сиріи, и имѣлъ еще недавно до 30,000 душъ народонаселенія. Теперь едва-ли осталась пятая ихъ доля. Православныхъ семействъ считается здѣсь до ста; столько-же Уніатовъ, весьма немного Маронитовъ и Евреевъ, а остальные — Магометане. Изъ показанныхъ нами ста православныхъ семействъ — семьдесятъ недавно лишь возсоединились,

---

*) По мнѣнію ученыхъ лингвистовъ имя Сура, или Дсура, есть древнѣйшій корень, который Греками былъ обращенъ, по ихъ выговору, въ Тиръ.

бывъ долго въ Уніи. Въ ту пору, когда Унія преобладала, православные были принуждены, по неимѣнію уніятскаго храма, дозволить Уніятамъ служить свою литургію въ одномъ изъ придѣловъ древняго собора, за небольшую плату, которая вносилась Уніятами въ родѣ найма. За тѣмъ, когда Уніяты вышли изъ-подъ зависимости Греческаго духовенства, плату перестали вносить, а въ храмѣ остались на правѣ владѣтелей, и понынѣ отправляютъ въ немъ свои требы вмѣстѣ съ православными. Ссорамъ и соблазну между двумя исповѣданіями нѣтъ мѣры. При такихъ обстоятельствахъ митрополитъ Тиро-Сидонскій рѣдко навѣщаетъ свои престольные города, а имѣетъ свое пребываніе большею частію на Антиливанѣ. Тамъ православные горцы, пользуясь свободою богослуженія, этою драгоцѣнною льготою всѣхъ горскихъ племенъ Сиріи, состоятъ въ совокупности съ Друзами подъ управленіемъ младшей линіи эмировъ Шагабъ, пребывающихъ въ мусульманскомъ законѣ.

Въ недавніе годы происки протестантской пропаганды подвергли страшнымъ испытаніямъ мирную Хасбею. Городъ этотъ живописно раскинутъ среди оливковыхъ плантацій и виноградниковъ на скатѣ Антиливанскомъ. У подошвъ горы, бьетъ изъ-подъ корней оливковаго дерева одинъ изъ двухъ источниковъ той рѣки, которой искупительная струя омыла Адамово племя въ лицѣ Богочеловѣка. Мѣстоположеніе носитъ особую печать мира и благочестія. Можно подумать, что и самые Мусульмане и Друзы не чужды его вліянію. Подъ залогомъ вѣковой вѣротерпимости, православные горцы благоденствовали въ этомъ пріютѣ до нашихъ дней, среди постояннаго треволненія Сирійскаго. Въ XXII главѣ книги нашей мы упоминали о бѣдствіяхъ настигшихъ это племя въ 1845 году, вслѣд-

ствіе прозелитическихъ подвиговъ Американскихъ миссіонеровъ *). Съ той поры епархія еще не оправилась; народонаселеніе обѣднѣло, а церковному и семейному міру постоянно грозитъ сѣмя раздоровъ, зароненное въ народныя страсти.

Православныхъ семействъ въ Тиро-Сидонской епархіи считается до 2,500. Впрочемъ церковь бѣдна, и митрополитъ едва снискиваетъ самонужнѣйшіе свои расходы.

Бейрутская, или, по греческому произношенію, *Виритская* епархія, на сѣверъ отъ предыдущей, простирается по берегу до Триполійской, объемля главный хребетъ Ливана. Основное ея народонаселеніе — Марониты, которыхъ считается здѣсь до 16,000 семействъ. Число Друзовъ полагаютъ до 7,000; Православныхъ до 5,000; Уніятовъ около 2,500 семействъ, а Мусульмане, числомъ до 500 домовъ, сосредоточены въ городѣ Бейрутѣ. Въ этой епархіи, населенной Ливанскимъ, на особыхъ правахъ состоящимъ племенемъ, можно назвать владычествующею вѣрою Христіанство. Покрайней мѣрѣ здѣсь признано Портою въ горскомъ управленіи совершенное равенство Христіанъ съ Магометанами въ политическомъ отношеніи. Въ эпоху владѣтельныхъ князей Шагабовъ, особенно же со времени обращенія ихъ въ христіанство по Маронитскому исповѣданію, православные горцы терпѣли на Ливанѣ отъ католическаго изувѣрства преобладающаго племени, и отъ тайныхъ козней Латинскихъ монаховъ, еще злѣе гоненія, чѣмъ отъ Мусульманъ въ странахъ подвѣдомыхъ непосредственному управленію Турецкому. Гоненіе это было тѣмъ обиднѣе, что подъ видомъ совер-

---

*) Въ 1860 году новыя кровопролитія испытали злополучное племя Антиливанскихъ Христіанъ.

шенной свободы богослуженія, оно преимущественно направлялось на духовныя средства церкви. Такъ напримѣръ, строжайше воспрещалось основаніе православнаго училища, хотя бы въ немъ ограничивались обученіемъ грамотности.

Нынѣ, при болѣе либеральномъ устройствѣ горскаго управлеиія, православное племя, какъ и другія племена горцевъ Ливанскихъ, всего болѣе страдаютъ внутренними враждами и неспособностію пользоваться политическими льготами имъ дарованными. Этотъ моральный недугъ становится ощутительнѣе при явной злобѣ Турецкихъ Пашей на льготы Ливанскія. При такихъ элементахъ церковь, несмотря на свободу богослуженія, подвержена здѣсь вящшимъ опасностямъ подъ вліяніемъ народныхъ страстей. Доказательствомъ тому служитъ долгое бореніе партій по смерти митрополита Веніамина, тридцать слишкомъ лѣтъ управлявшаго Бейрутскою паствою.

Въ послѣднее десятилѣтіе значительныя улучшенія были введены по церковному устройству. Престолу Бейрутскому подчинены пять небольшихъ монастырей Ливанскихъ. Изъ дохода этихъ монастырей содержится теперь училище въ Бейрутѣ. Сверхъ того при Бейрутской митрополіи основана прекрасная типографія, единственная въ арабской православной церкви *). Она снабжаетъ церковь книгами и руководствами духовно-назидательными для воспитанія юношества. Изданный въ ней Арабскій переводъ пространнаго Христіанскаго катихизиса Преосвященнѣйшаго Митрополита Филарета, произвелъ благое впечатлѣніе на единовѣрныя намъ племена сего края, и служитъ лучшимъ духовнымъ ору-

---

*) Впослѣдствіи учреждена вторая Арабская православная типографія при Іерусалимскомъ патріаршемъ престолѣ.

жіемъ тремъ Восточнымъ престоламъ, Антіохійскому, Іерусалимскому и Александрійскому, противу постояннаго напора Западныхъ проповѣдниковъ. Примѣчанія достойно, что типографія, бывшая нѣкогда при Бейрутской митрополіи, разрушена нашимъ флотомъ при бомбардированіи Бейрута въ семидесятыхъ годахъ. Теперь типографія возстановлена нашимъ консульствомъ, при пособіи Святѣйшаго Сѵнода Всероссійскаго. Соборъ Бейрутскій, красивое зданіе прошедшаго вѣка, нынѣ обогащенъ и распространенъ ради умножившагося народонаселенія. Онъ имѣетъ достаточный доходъ изъ приписанныхъ ему имѣній, и состоитъ въ вѣденіи не митрополита, но гражданъ.

Двѣ епархіи, Селевкійская и Иліупольская, простираются отъ Дамаска до сѣверныхъ отраслей Ливана, объемля древнюю Кили-Сирію. Новопосвященный за нѣсколько лѣтъ предъ симъ Митрополитъ Иліупольскій, былъ наряженъ въ Москву для сбора милостыни въ 1842 году. Собранныя имъ въ Россіи благочестивыя подаянія послужили уже на основаніе Николаевскаго Дамаскаго собора, о которомъ мы упоминали. За тѣмъ устроилъ онъ въ Москвѣ дарованное Святѣйшимъ Сѵнодомъ Антіохійскому престолу подворье Вознесенско-Ипатьевское.

По отсутствію Епископа Иліупольская епархія состоитъ нынѣ въ управленіи Селевкійскаго Владыки. Обѣ сіи смежныя епархіи населены большею частію Мотуаліями. По обычаю Греческой церкви сохраняютъ онѣ свои древнія, классическія именованія, по бывшимъ престольнымъ городамъ Иліополису (Бальбеку) и Селевкіи. Селевкіи этой не должно смѣшивать съ другимъ древнимъ городомъ сего имени у устьевъ Оронта, который именуется теперь Суэдіею. Бальбекъ, древній городъ солнца, извѣстенъ своими великолѣпными колос-

сальными развалинами, какихъ нѣтъ даже въ древнемъ Египтѣ, этими десятисаженными скалами, сдвинутыми въ помостъ солнцева храма, или вытесанными въ легкія колонны Коринѳскаго ордена. Народъ здѣшній приписываетъ всѣ эти чудеса зодчества царю Соломону, и геніямъ бывшимъ въ его услуженіи, и вліянію таинственнаго кольца, символа мудрости и власти у восточныхъ племенъ, невозвратно утраченнаго для потомства. Сказаніе это Мусульманъ и Христіанъ Сирійскихъ основано на Книгѣ Царей, гдѣ упоминается о великолѣпіи Ливанскаго дворца Соломонова. Зодчество развалинъ принадлежитъ вѣку Адріана и Аврелія; однако нельзя сомнѣваться въ томъ, что основаніе храма, неоднократно возстановленнаго и украшеннаго, принадлежитъ весьма глубокой древности, какъ и самая религія солнца, преобладавшая на Востокѣ.

Среди племени Мотуаліевъ, занимающаго нынѣ Бальбекъ, живутъ немногіе христіане Уніатскаго исповѣданія съ своимъ епископомъ. Православныхъ здѣсь нѣтъ; но городъ Захле, лежащій у подошвъ Ливана въ 30 верстахъ, и принадлежащій Иліупольской эпархіи, имѣетъ до 500 православныхъ семействъ.

Селевкія Кили-Сирійская и развалинъ по себѣ не оставила. Мѣсто ея обозначено нынѣшнимъ мѣстечкомъ Малула, гдѣ имѣетъ свое пребываніе митрополитъ. Кромѣ Магометанъ Аліевой секты, составляющихъ главное народонаселеніе обѣихъ епархій, въ нихъ считается до 1000 семействъ православныхъ, нѣсколько болѣе Уніатскихъ, 600 Маронитскихъ, около 100 Сиріанъ-католиковъ и до 500 Друзовъ.

Епархія Эмесская и Епифанійская занимаютъ Оронтскую, долину вдоль великой пустыни, до предѣловъ Алепа. Ихъ престольные города — Хомсъ, коему дано Греками названіе Эмесосъ, и Хама, арабскій городъ не

подалеку отъ развалинъ древней Епифаніи, гдѣ нынѣ деревня Медіанъ. Эти обширныя и плодородныя равнины населены Мусульманами. Православныхъ домовъ считается до 800 въ Эмесской епархіи и около 2000 въ Епифанійской. Другихъ христіанъ почти нѣтъ, за исключеніемъ 20 семействъ отпавшихъ въ Унію, лѣтъ за 40 предъ симъ въ Хомсѣ, и немногихъ Сиріанъ-Яковитовъ въ окрестностяхъ Хамы. Надъ земледѣліемъ тяготѣетъ здѣсь двоякая кара, произволъ турецкихъ властей и набѣги Бедуиновъ. Промышленная дѣятельность городскихъ жителей пришла въ совершенный упадокъ, съ того времени какъ Востокъ наводнился Англійскими мануфактурами.

Сѣверная оконечность Ливана, именуемая по-арабски *Акъаръ*, а по капризамъ греческой эвфоніи, прозванная Аркадіею, южныя отрасли Кельбійской горы, и пролегающая межъ этихъ двухъ хребтовъ долина, отъ Оронта до Средиземнаго моря, составляютъ Аркадійскую епархію. Она населена по большей части Ансаріями. Мусульманъ здѣсь немного, а христіанъ считается до 4000 семействъ. Они принадлежатъ православной церкви, за исключеніемъ весьма немногихъ Маронитовъ. Церковь и народъ пользуются здѣсь льготами горскаго управленія. Семейство православныхъ шейховъ *Дерхамъ* облечено искони феодальными правами. Народъ благоденствуетъ, и не лишенъ воинственныхъ наклонностей, благопріятствуемыхъ мѣстностію. Семейныя и феодальныя распри Ансарійскихъ шейховъ Шемсинъ и Ресланъ, на соперничествѣ которыхъ опирается вліяніе турецкихъ властей для сбора податей съ этихъ племенъ, обуреваютъ по временамъ край, и еще недавно феодальная гроза Кельбійской горы разразилась надъ христіанскимъ городкомъ Мешта. Арка-

дійскій Митрополитъ проводитъ лѣто въ своей гористой епархіи, а зимою гоститъ въ Триполи.

Триполійская епархія занимаетъ западный скатъ Ливана и морской берегъ между Бейрутскою и Аркадійскою епархіями. Въ ней половину народонаселенія составляютъ Мусульмане. Въ горахъ живутъ они въ добромъ согласіи съ христіанами, а въ городѣ славятся своимъ изувѣрствомъ. Изъ остальной половины считается до 2500 семействъ православныхъ и нѣсколько болѣе Маронитовъ.

Попытки Уніи, чтобы сюда проникнуть, доселѣ безуспѣшны, не смотря на раздоры между православными приматами и на происки латинскаго духовенства. Престолъ Триполійскій бѣденъ. Съ епархіи и четырехъ небольшихъ монастырей Ливанскихъ едва поступаетъ 15,000 піастровъ дохода, слишкомъ недостаточнаго на содержаніе Архіерея.

Лаодикійская епархія съ престольнымъ городомъ Латтакіею, древнею Лаодикіею, обнимаетъ западныя отрасли Кельбіэ, простираясь на сѣверъ до Вратъ Сирійскихъ, замыкаемыхъ Тавромъ, и до епархіи Аданской. Горы населены племенами Ансаріевъ, равнины — мусульманами и православными. Число послѣднихъ, вмѣстѣ съ городскими жителями, простирается до 1700 семействъ. Сверхъ того по сѣвернымъ округамъ обитаютъ около 200 семействъ Армянскаго исповѣданія.

Таврическіе округи Аданы и Тарса (Тарсусъ) составляютъ епархію Адано-Паясійскую, коей второе наименованіе происходитъ отъ бывшаго престольнаго города Паяса, нынѣ опустѣлой деревни на Скандерунскомъ заливѣ. Здѣсь народонаселеніе принадлежитъ уже не арабскому, но малоазійскому племени, и употребительный языкъ не арабскій, но турецкій. Весьма не

многіе изъ христіанъ знаютъ греческій языкъ, на которомъ отправляется церковное служеніе. Около 2000 семействъ православныхъ и до 500 Армянъ-Григоріянъ составляютъ христіанское народонаселеніе края. Мусульманъ считается до 4000 домовъ, и столько же Кюрдовъ, Тюркменовъ и Ансаріевъ, разсѣянныхъ по ущеліямъ Тавра. Православный епископъ имѣетъ свое пребываніе въ Тарсусѣ, древнемъ городѣ временъ Соломоновыхъ. Тарсъ имѣлъ нѣсколько періодовъ благоденствія, благодаря мѣстоположенію своему внутри ограды Тавра, отсѣкающаго этотъ плодородный уголъ отъ малоазійскаго материка. Въ наше время Тарсусъ возстаетъ опять изъ своихъ развалинъ подъ живительнымъ вліяніемъ торговли. Ходатайствомъ нашего посольства разрѣшено теперь основаніе храма въ Тарсусѣ.

Алеппская епархія носитъ наименованіе Веррійской по древнему Византійскому имени престольнаго города Алеппа. Съ половины прошедшаго столѣтія она перешла въ вѣденіе Константинопольскаго Патріарха, по тому случаю, что Антіохійскій престолъ не былъ уже въ состояніи отстаивать въ ней небольшіе остатки православія, и самый соборъ, противу натиска Уніи. До того времени она была самою цвѣтущею въ Сиріи, и даже патріархи Антіохійскіе, вытѣсненные изувѣрствомъ Мусульманъ изъ своего престольнаго города, желали предпочтительно имѣть свое пребываніе въ Алеппѣ, потому что самое мусульманское народонаселеніе этаго города, по своей образованности и мягкости нрава, отличалось терпимостію. Это домагательство Антіохійскихъ патріарховъ было поводомъ къ разрыву съ митрополитомъ Алеппскимъ, и къ отпаденію его и паствы его въ Унію. Алеппская епархія, объемля округи Орфу и Марашъ, простирается до Діарбекира. Но въ

этихъ обширныхъ предѣлахъ — православныхъ семействъ едва ли начтется до 300. Кое-гдѣ встрѣчаются остатки Яковитовъ и Несторіанъ, за обращеніемъ массы этихъ сектаторовъ въ католическое исповѣданіе. Народонаселеніе Армянскаго племени здѣсь значительно; и въ немъ, преимущественно между городскими жителями, католическая пропаганда преуспѣла. Теперь по ея слѣдамъ преуспѣваетъ и протестантство тѣми же путями и тѣми-же средствами — льготою политескаго заступничества у властей, деньгами, а всего болѣе раздраженіемъ народныхъ страстей, ссорами семейства и общины, а не проповѣдію догмата. Изъ 3,000 христіанскихъ семействъ въ самомъ Алеппѣ считается не болѣе ста православныхъ, и то самыя бѣдныя. Уніятовъ — до 1,000 семействъ, и столько же Маронитовъ. Православный митрополитъ Алеппа, по неимѣнію почти никакого дохода изъ своей епархіи, получаетъ содержаніе отъ Вселенскаго престола.

О Ѳеодосіопольской епархіи, такъ именуемой въ церковномъ чинѣ по Византійскому имени престольнаго города Эрзрума, хотя и подлежитъ она Антіохійскому престолу, не будемъ говорить; она внѣ предѣловъ страны и предмета нашего.

Амидійская епархія (Діарбекиръ) отпала въ полномъ составѣ въ Унію въ прошедшемъ столѣтіи, вслѣдъ за Алеппомъ. Теперь православіе восторжествовало вновь. Уніятскій ея епископъ, съ половиною паствы своей, по собственному убѣжденію, сталъ ходатайствовать въ Дамаскѣ и въ Константинополѣ о своемъ принятіи въ лоно матери церквей, и не страшась угрозъ и преслѣдованій Уніятскаго духовенства и его поборниковъ, предпринялъ самъ путь въ древнюю столицу православія, гдѣ возсоединеніе его и его епархіи запечатлѣно ду-

ховнымъ чиномъ и гражданскимъ порядкомъ. За тѣмъ былъ наряженъ въ Діарбекиръ отъ патріарха Антіохійскаго способный проповѣдникъ и богословъ изъ Арабовъ *) для устройства церковнаго порядка и для духовнаго оглашенія паствы.

Предѣлы епархіи сей слишкомъ неопредѣлительны. Она объемлетъ обширную страну Кюрдистана и весь край за Тигромъ, гдѣ, кромѣ преобладающаго полудикаго племени Кюрдовъ, сосредоточены также бодрыя массы Несторіанскаго племени и исповѣданія.

Отъ сихъ крайнихъ предѣловъ православной церкви на Востокѣ, если взойдемъ вверхъ по теченію Евфрата и Тигра чрезъ Ванскій Пашалыкъ, то среди преобладающаго Армянскаго народонаселенія и Магометанъ и полуязыческихъ малоизвѣстныхъ сектъ этаго края, изрѣдка встрѣчаются слабыя православныя общества до самой границы Русской. На Востокъ за горами Кюрдовъ — царство Персидкое. На югъ, по теченію Тигра и въ Месопотаміи до Персидскаго залива, есть еще много Несторіянъ и Яковитовъ, между которыми дѣятельно и съ успѣхомъ подвизаются католическіе миссіонеры; но православія и слѣдовъ не осталось со времени борьбы Византійскихъ Императоровъ съ Хозроями за эти обширныя степи, искони осужденныя волненіямъ ересей. Восточные престолы слишкомъ нынѣ утомлены, слишкомъ скудны средствами матеріальными, слишкомъ озабочены самосохраненіемъ, при натискѣ Западной пропаганды, чтобы помышлять о племенахъ, отпадшихъ отъ церкви въ самый цвѣтущій

---

*) Пресвитеръ Спиридіонъ, нынѣ преподаватель Богословія въ Іерусалимскомъ духовномъ училищѣ, недавно учрежденномъ.

вѣкъ Византійской имперіи, когда гонимыя ереси стекались отовсюду въ пограничныя горы и степи, благопріятствуя успѣхамъ Персидскихъ завоевателей сперва, потомъ — проповѣди Магометанскаго нашествія.

2-е. ПРЕСТОЛЪ ІЕРУСАЛИМСКІЙ.

За Антіохійскимъ патріархомъ четвертое мѣсто въ іерархіи православной церкви занимаетъ *Блаженнѣйшій патріархъ Св. града Іерусалима и всея Палестины.* Оффиціальныя граммоты надписываетъ онъ также «Божіею милостію», а титло его при пѣніи многолѣтія превозглашается такъ: «Блаженнѣйшій, Божественнѣйшій и Свя«тѣйшій Отецъ и Патріархъ Святаго Града Іерусалима и «Всея Палестины, Сиріи и Аравіи за Іорданомъ, Каны «Галлилейской и Святаго Сіона Господинъ и Владыко»*).

*) Въ путешествіи къ Святымъ мѣстамъ А. Н. Муравьсва сказано, что Восточные Патріархи носятъ титло *князей.* Это кажется не совсѣмъ точнымъ перводомъ словъ Αὐθέντης καὶ Δεσποτης. Первое изъ нихъ есть слово Азіятскаго корня (въ Персіи *Ахундъ*, въ Турціи Эффенди) несмотря на то, что оріенталистъ г. Сенковскій производитъ наоборотъ слово Эффенди отъ Αὐθέντης, чуждаго Греческому языку даже по звуку. Оно встрѣчается въ первый разъ въ Восточной имперіи въ ту эпоху, когда съ размноженіемъ чиновъ истощились всѣ титлы Греческихъ и Латинскихъ словарей, и всегда значитъ *господинъ.* Владѣтельныхъ князей подданные называютъ Αὐθέντης, точно такъ какъ Турки, говоря о своемъ Султанѣ, даже о Пашахъ, употребляютъ выраженіе *Эффендимызъ,* а Арабы — *Аффендина* — господинъ нашъ. Δεσπότης, по значенію, корню и употребленію, совершенно соотвѣтствуетъ Славянскому Владыко; въ женскомъ родѣ Δέσποινα Владычица. Въ послѣдній періодъ Византійской имперіи владѣтельные князья Пелопонеса и Эпира носили титло Деспотовъ, Владыкъ. Но Владыка не значитъ князь. Слова князь нѣтъ въ Греческомъ языкѣ, какъ равно нѣтъ и слова графъ, потому что въ Греціи не было ни Князей ни Графовъ. Въ Византійской литературѣ приняты съ Латинскаго языка слова Πρίγγιψ и Κόμης.

Храненіе Святыхъ мѣстъ и казны гроба Господня, огромныя суммы, проходящія чрезъ руки Іерусалимскаго Духовенства, отношенія его къ мѣстнымъ властямъ, къ поклонникамъ и къ иновѣрному Духовенству, поставляютъ престолъ Іерусалимскій въ особенныя обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ сохранилась его самостоятельность и древнее право избранія и посвященія патріарха изсреди Святогробской братіи, безъ всякаго въ томъ участія Вселенскаго престола. По кончинѣ патріарха Аѳанасія, въ 1844 году, Константинопольскій патріархъ и его синодъ и приматы Греческіе стали домогаться, въ противность соборныхъ правилъ, избрать и посвятить патріарха въ Іерусалимъ, и тѣмъ самимъ подчинить престолъ сей вліянію и надзору столичному, подобно тому какъ уже подчиненъ вліянію Вселенской церкви престолъ Антіохійскій. Но заступничествомъ Посольства нашего права церкви ограждены. Избраніе преемника было сдѣлано Святогробскимъ духовенствомъ изъ его среды, соборомъ въ самомъ Іерусалимѣ, согласно древнему церковному уставу.

Политическія права патріарха Іерусалимскаго тѣ же, что и другихъ Патріарховъ, и подобно имъ, въ сношеніяхъ своихъ съ правительствомъ онъ прибѣгаетъ къ посредничеству Вселенскаго патріарха, имѣя также своего повѣреннаго въ столицѣ для ходатайства по дѣламъ престола, съ правомъ входить въ непосредственныя отъ своего имени представленія въ Порту.

Въ глазахъ Мусульманъ льготы духовенства Святогробскаго освящены тою грамотою, которая была пожалована патріарху Софронію отъ Халифа Омара, перваго Мусульманскаго завоевателя Іерусалима. Извѣстно, что предусмотрительная и на мудромъ политическомъ расчетѣ основанная благосклонность завоевателя къ Греческому духовенству, простиралась до того, что даже

находясь въ храмѣ Воскресенія въ часъ мусульманской молитвы, онъ не исполнилъ въ немъ обряда своей вѣры, но вышелъ вонъ, чтобы тѣмъ поставить въ законъ своимъ преемникамъ, не обращать церквей въ мечети. На разстояніи ста шаговъ отъ Христіанской святыни, совершилъ завоеватель свой *Намазъ*, а на томъ мѣстѣ высится нынѣ минаретъ. Подлинная грамота Омара, извѣстная подъ именемъ *Ахтинаме*, хранится какъ святыня у Султановъ, а духовенству Гроба Господня выдана скрѣпленная копія, записанная въ актахъ судебныхъ въ Мехкеме (духовномъ судилищѣ).

Латины при своемъ нашествіи изгнали Греческое духовенство изъ Іерусалима, и постановили свой церковный чинъ и своихъ патріарховъ у Гроба Господня. Затѣмъ Салахъ-Эддинъ, благоговѣя къ памяти и примѣру Омара, по взятіи Іерусалима, предоставилъ Христіанамъ завѣтныя ихъ поклоненія; но не Латинамъ, а православнымъ Арабамъ, которыхъ обласкалъ онъ, умно домогаясь сочувствія туземныхъ христіанскихъ племенъ въ своей борьбѣ съ полчищами Запада. Съ того времени, при всѣхъ обуреваніяхъ Сиріи, Арабское духовенство вмѣстѣ съ Греческимъ и Грузинскимъ, оставались единственною стражею святыни Іерусалимской; но пришлецы иноземные, какъ Греки, такъ и Грузины, были тщательно отстраняемы отъ епископства. По Іерусалимскимъ преданіямъ это былъ бѣдственный для церкви періодъ. Патріархи служили въ ризахъ полотняныхъ; трикиріи были желѣзныя; Духовенство, Епископы и сами Патріархи трудами рукъ своихъ, ремесломъ, тканьемъ, снискивали хлѣбъ насущный. Къ этому времени относится отдача въ наймы и затѣмъ уступка иновѣрнымъ разныхъ обителей. Съ водвореніемъ Грековъ у Гроба Господня и на Патріаршемъ престолѣ, состояніе церкви улучшилось. Это

было въ началѣ XVI вѣка. Сказываютъ, что Греческій монахъ Германосъ, изучивши въ совершенствѣ Арабскій языкъ въ Египтѣ, поступилъ діакономъ въ монастырь Святогробскій, гдѣ принимали его за природнаго Араба. Даровитый монахъ достигъ Епископства, и наконецъ былъ избранъ въ Патріархи. Тогда сталъ онъ посвящать въ Епископы уже Грековъ, а не Арабовъ, а со смертію послѣднихъ членовъ Синода изъ Арабовъ постановилъ за правило преемникамъ, чтобы никогда Арабу не ввѣрялось Епископство въ Палестинской церкви. Правило это столь строго соблюдается понынѣ, что Арабовъ не посвящаютъ даже въ іеромонахи, и не ввѣряютъ имъ никакихъ хозяйственныхъ должностей монастыря. Дѣйствительно туземцы, окруженные роднею, болѣе способны къ злоупотребленіямъ, чѣмъ Греки, которые, поступая съ молодыхъ лѣтъ въ монастырь, прирастаютъ, такъ сказать, къ ввѣренной имъ святынѣ, и становятся чуждыми и міру внѣшнему, и родинѣ и роднѣ. По смерти каждаго изъ нихъ, отъ Патріарха до послѣдняго послушника, въ самомъ ли монастырѣ или въ дальнемъ краю, на подворьѣ Святогробскомъ, все наслѣдство, безъ изъятія, поступаетъ въ монастырскую казну. Если при комъ есть родственники, то подъ проклятіемъ они не должны касаться наслѣдства, а только по распоряженію Синода выдается имъ часть въ видѣ милостыни. Въ буйныя времена Султановъ Египетскихъ, Эмировъ и Мамлуковъ, Іерусалимская церковь испытала всякія напасти. Тогда-то ввелось обыкновеніе произвольныхъ поборовъ и пеней, отъ которыхъ до нашего времени продолжали наживаться Турецкіе Паши. Патріархи были обязаны предпринимать странствія въ края отдаленные для сбора милостыни, чтобы откупать святыню. Льгота, дарованная Омаромъ и Салахъ-Эддиномъ, оставалась мертвою

буквою въ грамотахъ завоевателей. Наконецъ, патріархъ Θеофанъ, посвященный въ 1608 году, поселился въ Константинополѣ по завоеваніи Іерусалима Селимомъ Грознымъ. Его преемники не только послѣдовали его примѣру, но даже съ половины прошедшаго вѣка вовсе перестали посѣщать свою епархію. Обстоятельства времени поясняли это отступленіе отъ соборныхъ правилъ. Патріархи служили въ столицѣ ходатаями предъ правительствомъ и вельможами за свою церковь, могли жаловаться на злоупотребленія мѣстныхъ властей Палестины, а главное — отыскивали въ богатой столицѣ Оттоманской, и у православныхъ единоплеменныхъ вельможъ и князей Греческихъ, источники доходовъ для убогаго своего престола и на уплату суммъ, потребныхъ для охраненія Св. мѣстъ отъ притязаній-ли другихъ исповѣданій, или отъ расхищенія и оскверненія ихъ Мусульманами.

Выше упомянуто объ уступкѣ другимъ исповѣданіямъ разныхъ обителей въ періодъ духовнаго первенства Арабовъ въ Іерусалимѣ. Съ усиленіемъ Армянъ и Латинъ кругомъ Гроба Господня, православные лишились многихъ правъ своихъ, и были послѣдовательно вытѣсняемы изъ многихъ святыхъ мѣстъ. Латинское духовенство, благопріятствуемое дипломатическими сношеніями Французскаго Двора съ Египтомъ, послѣ несчастнаго крестоваго похода Людовика IX, и затѣмъ трактатами Франціи съ Портою, не только успѣло въ этотъ долгій промежутокъ водвориться вновь у Гроба Господня, но даже вмѣсто того, чтобы довольствоваться равными преимуществами съ православнымъ исповѣданіемъ подъ мусульманскимъ владычествомъ, упорно стремилось къ совершенному изгнанію Грековъ изъ Іерусалима, какъ это было при крестоносцахъ. Оно

воспользовалось уничиженіемъ Арабовъ и тревогами всего православнаго Востока въ первый, страшный періодъ Турецкаго завоеванія, чтобы завладѣть многими изъ мѣстъ Св. поклоненій, и даже лишить православныхъ служенія въ часовнѣ Гроба Господня.

При такихъ обстоятельствахъ, пребываніе Греческаго Іерусалимскаго патріарха въ столицѣ было нужно для охраненія правъ церкви отъ конечнаго торжества Латинскаго духовенства, при возрастающемъ вліяніи Франціи въ великій вѣкъ Людовика XIV. Россія въ тѣ времена ничѣмъ инымъ могла выражать свои сочувствія къ страдальческой церкви Востока, какъ развѣ подаяніями изъ скудныхъ своихъ доходовъ, и рѣдкими паломниками, которые тайкомъ, чрезъ всѣ опасности, приключенія и труды такого странствія, приносили отъ времени до времени дань народнаго благоговѣнія къ Іерусалимской ствятынѣ. Но о ходатайствѣ и заступничествѣ за святыни и за вѣру на Востокѣ, за степями и за морями ей недоступными, она была безсильна и помышлять. Патріархи Іерусалимскіе, одни, геройскимъ трудомъ отстаивали свои права противу надмѣнныхъ притязаній Французскаго двора. Съ XVIII вѣкомъ открылся на Востокѣ исполинскій подвигъ Петра и его преемниковъ. Этотъ рядъ блестящихъ войнъ, по вліянію ихъ на духовныя судьбы Востока, независимо отъ политическаго ихъ значенія для Россіи и для Европы, мы вправѣ назвать Крестовыми походами нашего отечества; и даже не ради суетной гордости, а въ смиренномъ сознаніи заслуги, промысломъ Вышняго указанной, и благословенной послѣдовательнымъ, прочнымъ успѣхомъ, мы вправѣ поставить подвигъ этотъ выше и благороднѣе всѣхъ рыцарскихъ тревѣковыхъ похожденій Западныхъ племенъ въ Сиріи, и ихъ походовъ подъ знаменемъ креста для меркантильныхъ и корыстныхъ цѣлей,

и ихъ нашествія на Восточный оплотъ христіанства, и грабежа тысячи церквей, совершеннаго христіанскими рыцарями. Когда Востокъ огласился нашими побѣдами, и начали его племена разгадывать пророчества, хранившіяся въ святыхъ обителяхъ, будто духовное ихъ наслѣдіе, Порта въ порывѣ злобы, стала народными опалами укрощать эти народныя сочувствія къ великому единовѣрному племени сѣвера. Но во всякомъ случаѣ злоба и опасенія ея были менѣе пагубны для народа и для церкви, чѣмъ та презрительная невнимательность, съ которою дотолѣ нарушала она, въ угоду Католикамъ, льготы дарованныя Православной церкви первыми завоевателями. Съ того времени Порта стала внимательнѣе къ ходатайству духовныхъ и политическихъ представителей подвластнаго народа, и не только прекратились похищенія Латинъ, но даже Греки успѣли исходатайствовать фирманы на возвращеніе имъ нѣкоторыхъ изъ святыхъ мѣстъ, отнятыхъ Латинами. Такъ они въ 1787 г. вошли опять во владѣніе Виѳлеемскимъ храмомъ, изъ котораго были вытѣснены Латинами за 114 лѣтъ предъ тѣмъ (1673). Въ 1808 году сгорѣлъ храмъ Воскресенія, въ оградѣ котораго заключаются Голгоѳа, Гробъ Господень, пещера Св. Креста и много придѣловъ страстей Господнихъ, съ особыми церквами для Грековъ, Латинъ и Армянъ. Во утвержденіе древнихъ своихъ правъ надъ сими Св. мѣстами, Греческое духовенство рѣшилось на исполинскій подвигъ возобновленія храма собственными средствами. Народное благочестіе Восточныхъ племенъ съ усердіемъ вняло гласу церкви. Всюду открылись подписки, а правительство Оттоманское даровало Грекамъ вожделѣнное право возобновленія народной святыни въ прежнемъ видѣ, съ сохраненіемъ прежнихъ правъ другихъ исповѣданій. Милліоны израсходованы на эту колоссаль-

ную постройку. Замѣтимъ, что мастеровые, лѣса, мраморъ, все — даже известь высылались изъ Константинополя. Если взять въ соображеніе скудость мѣстныхъ средствъ и трудность сообщеній, то успѣхъ Грековъ въ двугодовой срокъ доказываетъ, что и въ наше время, и въ сихъ краяхъ, гдѣ вѣра болѣе тысячи лѣтъ угнетена, не перестаетъ она творить чудеса. Кромѣ расходовъ на постройку, были выданы милліоны Турецкимъ вельможамъ, въ судебныя мѣста для полученія *иламовв* и другихъ законныхъ актовъ, Пашамъ Дамаска и Акки, Муселимамъ, старшинамъ и Шейхамъ Палестинскимъ; словомъ статья эта — можно утвердительно сказать — удвоила итогъ расходовъ. Іерусалимскій престолъ, всегда убогій отъ поясненныхъ нами причинъ, вошелъ тогда въ огромный долгъ. Но такъ какъ милостыни не прекращались, и самый успѣхъ предпріятія, отрадный для народа, благочестиво одушевлялъ Восточныя племена, и привлекалъ сугубое число поклонниковъ, то духовенство могло уплачивать проценты своимъ заимодавцамъ. Обстоятельство это въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ никакихъ кредитныхъ постановленій, подало поводъ къ тому, что много мертвыхъ капиталовъ было ввѣрено Іерусалимскому престолу, не отъ однихъ православныхъ, но и отъ Армянъ, отъ Мусульманъ и отъ Евреевъ. Суммы, которыми располагало духовенство Святогробское отъ сего источника, давали ему средства усиливать свою дѣятельность и вліяніе, окружать ввѣренныя стражѣ его поклоненія подобающимъ благолѣпіемъ, и даже содержать больницы и училища народныя. Но при первомъ кризисѣ не замедлили обнаружиться пагубныя послѣдствія системы, слишкомъ несовмѣстной тамъ, гдѣ предъ взоромъ всѣхъ святыня Господня. Наступалъ памятный славою и страданіями для Греческаго народа 1821 годъ. Незадолго

предъ тѣмъ успѣли Греки исходатайствовать право Богослуженія внутри Святаго Гроба. Ревнуя послѣдовательнымъ своимъ успѣхамъ, и не предвидя политической грозы, висѣвшей надъ христіанскимъ Востокомъ, Іерусалимское духовенство предприняло постройку огромнаго монастыря въ Виѳлеемѣ, расходуя опять милліоны на зданіе и на Турецкія власти для исходатайствованія соизволенія ихъ. Дотолѣ финансовыя операціи сосредоточивались въ рукахъ патріарха въ Константинополѣ, а въ Іерусалимѣ получался непосредственный доходъ только отъ поклонниковъ. При самомъ открытіи Греческой войны, поклонникамъ былъ просѣченъ путь въ Палестину, а обстоятельства столицы пресѣкли всѣ источники дохода Святогробскаго. Іерусалимское духовенство прибѣгло къ мѣстнымъ займамъ, платя огромные проценты, лишь бы достать денегъ на содержаніе монастыря и на свою разорительную постройку въ Виѳлеемѣ. Межъ тѣмъ гроза Турецкая достигла далекаго Іерусалима. Въ V главѣ книги нашей описаны ея проявленіе и ея послѣдствія.

Іерусалимское духовенство испило до дна чашу испытаній. Всѣ драгоцѣнности были распроданы; не оставалось въ храмѣ ни серебра ни золота, а долгъ, которымъ былъ обремененъ престолъ въ Константинополѣ и въ Палестинѣ, доходилъ до двухъ милліоновъ рублей серебромъ по тогдашнему курсу піастра. Заимодавцы Мусульмане и Евреи требовали у правительства продажи съ публичнаго торгу монастырей и всего имущества, принадлежащаго церкви Гроба Господня.

Въ 1829 году война съ Россіею и миръ Адріанопольскій просвѣтили умъ Султана Махмуда, и внушили ему новую политическую систему въ отношеніи под-

властныхъ ему христіанскихъ племенъ и церкви. Милостивымъ Султанскимъ фирманомъ было повелѣно, чтобы заимодавцы довольствовались ежегодною платою десятой доли по Святогробскимъ заемнымъ письмамъ, не считая никакихъ процентовъ, для совершеннаго погашенія долга въ десятилѣтній срокъ. Приписывая въ своемъ фирманѣ разстройство финансовъ Святогробскихъ неопытности духовенства въ дѣлахъ хозяйственныхъ, умалчивая впрочемъ о тѣхъ злоупотребленіяхъ гражданскихъ властей, о пеняхъ, налогахъ и грабительствахъ всяческихъ, отъ которыхъ стонала церковь Палестинская, Султанъ въ первый разъ выражалъ свою благосклонность къ православнымъ своимъ подданнымъ, послѣ восьмилѣтней кровавой опалы. Но законовъ практической вѣротерпимости нельзя было ожидать въ ту пору отъ Султанскаго правительства, особенно въ далекой, анархической сторонѣ. Султанъ не воспрещалъ тѣхъ мѣстныхъ злоупотребленій, которыя потому только пріутихали тогда, что грабителямъ рѣшительно нечего было уже грабить. Покрайней мѣрѣ воздадимъ хвалу Султану преобразователю за благое впечатлѣніе, произведенное въ народѣ милостивымъ распоряженіемъ и теоретическою проповѣдію вѣротерпимости, и за то, что онъ, въ подкрѣпленіе примѣромъ своимъ этого впечатлѣнія, самъ даровалъ въ Святогробскую казну полмилліона піастровъ, торжественно провезенныхъ чрезъ улицы столицы изъ Сераля къ патріарху Іерусалимскому. Правда, милостыня эта была въ слѣдующую ночь обратно внесена въ Султанскую казну, по собственному движенію патріарха, который выразилъ отъ имени всего народа признательность Султану, объясняя, что впечатлѣніе, произведенное его милостивымъ вниманіемъ, дороже милліоновъ. И дѣйствительно, церковь

ободрилась съ той поры; власти стали внимательнѣе къ ея жалобамъ, а фанатизмъ владѣтельнаго племени болѣе укрощенъ примѣромъ Султана, чѣмъ всѣми краснорѣчивыми Хати-шерифами царствованія Абдулъ-Меджида. Межъ тѣмъ начались по всему православному міру милостынные сборы для уплаты долга Святогробскаго. Въ Россію былъ наряженъ архіепископъ Ѳаворскій. Онъ собралъ въ нѣсколько лѣтъ болѣе 300,000 руб. серебромъ. Народъ Сербскій внесъ болѣе 10,000 червонцевъ. Западныя вѣтви Славянскаго древа и церкви православной, принесли также свою дань общей святынѣ; около 80,000 руб. серебр. было собрано въ православныхъ церквахъ Австрійской имперіи. Въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, кромѣ добровольныхъ взносовъ, всѣ православныя общины обложили сами себя поголовнымъ сборомъ для Іерусалима.

Мы говорили уже, что Султанское правительство не было въ состояніи приступать къ искорененію мѣстныхъ злоупотребленій, которыя были готовы возобновиться въ Іерусалимѣ при первыхъ признакахъ возрождавшагося благосостоянія церкви. То, чего не могъ сдѣлать законный государь въ этой анархической сторонѣ, сдѣлалъ бунтовщикъ Ибрагимъ-паша, о заслугахъ котораго въ этомъ отношеніи мы неоднократно имѣли случай говорить. Насильно установленная имъ вѣротерпимость въ покоренной области всего болѣе благопріятствовала не только успѣшной уплатѣ долговъ, но и постепенному улучшенію по содержанію монастыря и ревенію духовенства къ возстановленію утраченнаго благолѣпія кругомъ Святыни. Съ успѣхами административнаго устройства края притекли отъ всѣхъ концевъ православнаго міра поклонники ко гробу Господню. Нельзя не упомянуть здѣсь объ отставныхъ солдатахъ

и урядникахъ казачьихъ, которые изъ Кяхты, изъ Камчатки и изъ Томска совершили походъ этотъ съ посохомъ поклонническимъ.

При возстановленіи Султанской власти въ Сиріи благія учрежденія Ибрагима были подтверждены по ходатайству Русскаго посольства и при постоянной заботѣ нашихъ агентовъ. Мѣстныя начальства удостовѣрились въ томъ, что старый источникъ беззаконныхъ доходовъ изсякъ, и что святыня христіанская не будетъ уже предоставлена ихъ произволу. Подъ сими знаменіями долги были сполна уплачены къ 1844 году, и тогда же начались огромныя починки по зданіямъ Святогробскимъ и другія необходимыя улучшенія.

Мы упоминали о тѣхъ обстоятельствахъ, которыя заставили Патріарховъ Іерусалимскихъ переселиться въ Константинополь. Во весь періодъ отсутствія Патріарховъ церковь была управляема отъ ихъ имени Намѣстниками, по ихъ назначенію, изъ членовъ Іерусалимскаго Синода. Когда же обстоятельства измѣнились благопріятнымъ устройствомъ хозяйственныхъ дѣлъ и воспрещеніемъ пеней и произвольныхъ поборовъ, отсутствіе владыки Іерусалимскаго уже было не только безъ цѣли, но даже предосудительно для прямыхъ и существенныхъ пользъ его престола, особенно когда Западная пропаганда стала, послѣ войны 1840 года, усиливать свои средства въ этой сторонѣ Оттоманскаго Востока. Для поддержанія подобающаго блеска Іерусалимскаго престола, и правъ его и православной паствы Палестинской, было необходимо присутствіе самаго патріарха. По смерти патріарха Аѳанасія и среди происковъ столичныхъ, о которыхъ мы упоминали, церковь Іерусалимская стяжала и ту выгоду, что по поводу избранія Соборнымъ чиномъ въ Патріархи, въ самомъ Іерусалимѣ, бывшаго намѣстника Кирила, ар-

хіепископа Лиддскаго, новый владыка остался на постоянное жительство въ самомъ Іерусалимѣ *).

Этотъ краткій историческій обзоръ показался намъ необходимымъ для поясненія нынѣшняго состоянія Іерусалимской церкви. Начнемъ съ хозяйственной стороны, дабы вѣрнѣе оцѣнить стяжаемый нынѣ успѣхъ духовный и мѣру законныхъ ожиданій нашихъ въ будущемъ.

Ни патріархъ Іерусалимскій, ни епископы Палестинской церкви за исключеніемъ Птолемаидскаго, не получаютъ никакихъ доходовъ отъ своихъ епархій. Въ нихъ число православныхъ христіанъ весьма ограничено, и то люди бѣдные, болѣе нуждающіеся въ пособіи отъ церкви, чѣмъ способные доставить духовенству доходъ. Отъ казны гроба Господня содержится духовенство, Святыя мѣста и, можно сказать, вся церковь Палестинская, и самое православіе въ сей сторонѣ, завѣтной его колыбели. По своимъ судьбамъ, по святынѣ и по чувству, внушаемому сладкимъ именемъ Іерусалима во весь міръ христіанскій, городъ этотъ имѣетъ право на благочестивыя подаянія племенъ, озаренныхъ свѣтомъ, низшедшимъ отъ неба на его скалы и преобразившимъ міръ.

Доходъ казны Святогробской можно раздѣлить на три разряда:

1-е. Отъ имуществъ (Вакфъ) приписанныхъ ко гробу Господню на извѣстныхъ условіяхъ, или безусловно подаренныхъ, или завѣщанныхъ, или купленныхъ духовенствомъ въ разныя эпохи, въ разныхъ странахъ.

---

*) Таково было рѣшеніе патріарха Кирилла, когда писалась эта книга. Вскорѣ за тѣмъ Блаженнѣйшій Кириллъ, подъ разными предлогами, переѣхалъ на жительство въ Константинополь. Покрайней мѣрѣ онъ навѣщаетъ отъ времени до времени престолъ.

2-е. Отъ поклонниковъ посѣщающихъ святыя мѣста.

3-е. Отъ добровольныхъ взносовъ и вкладовъ.

Во всѣхъ почти большихъ городахъ Оттоманской имперіи есть подворья Святогробскія (метохіи). Въ Москвѣ существуетъ также съ давнихъ временъ подворье Іерусалимское, а въ Бессарабіи и въ Грузіи, когда вошли области эти въ составъ имперіи, права бывшихъ тамъ Святогробскихъ подворій и имуществъ утверждены нашимъ правительствомъ. Въ Греціи, по усиленіи въ правительствѣ народной стихіи (1843 г.), бывшія тамъ подъ Турецкимъ владычествомъ подворья Святогробскія, возвращены духовному ихъ вѣдомству. Въ совокупности число подворій, большихъ и малыхъ, простирается такимъ образомъ до 150.

Каждое изъ нихъ завѣдываетъ домами, садами, землями и деревнями, приписанными гробу Господню въ его округѣ. Эта часть управленія пребываетъ доселѣ не въ цвѣтущемъ состояніи, и надлежащее ея устройство требуетъ много времени и трудовъ, а главное — способностей и безкорыстія, какія рѣдко встрѣчаются въ совокупности. Усилія, приложенныя нынѣшнимъ патріархомъ для составленія даже простой описи недвижимаго имущества престола, по всѣмъ его подворьямъ, остались доселѣ безуспѣшны; а опись точная и подробная есть первое и необходимое условіе для введенія лучшаго порядка. Главное къ тому препятствіе возникаетъ отъ самаго духовенства. Замѣтимъ мимоходомъ, что возданная нами неоднократно добросовѣстная хвала Іерусалимскому духовенству относится къ лицамъ постоянно пребывающимъ въ самомъ Іерусалимѣ, и которыхъ мы тщательно отличаемъ отъ тѣхъ, которые заняты болѣе хозяйственными дѣлами по имѣніямъ. Настоятели, которымъ ввѣряется подворье и имущество,

полюбили старинный порядокъ, въ силу коего они, при назначеніи своемъ въ эти должности, вносятъ нѣкоторую сумму, а затѣмъ обязаны ежегодною платою въ казну Святогробскую, будто на правѣ откупномъ. Отчета-же никакого не даютъ они по своему управленію. Поэтому весьма естественно они не желаютъ доставить своему начальству свѣдѣнія нужныя для описи и для приведенія въ ясность дохода. Надзоръ за ними, отчетность и контроль, по дальности разстоянія и по неимѣнію нужныхъ мѣстныхъ свѣдѣній духовнымъ начальствомъ — невозможны. Принятыя нынѣшнимъ патріархомъ частныя мѣры ввели нѣкоторыя улучшенія, и доходъ умножился; но еще далеко и трудно достигнуть удовлетворительнаго устройства.

Въ Валахіи и Молдавіи обширныя помѣстья принадлежатъ престолу Іерусалимскому. Въ разныя эпохи, а преимущественно въ періодъ Греческихъ Господарей и пребыванія Патріарховъ въ Константинополѣ, много земель было подарено Князьями и Боярами въ церковь Гроба Господня. При бѣдственномъ состояніи, въ которомъ томились Дунайскія Княжества встарину, когда Турецкое правительство забирало оттуда по произволу пашей и коммисаровъ всѣ продукты, когда ватаги вооруженныхъ бродягъ топтали и грабили эти богатыя области, а устья Дуная были закрыты торговлѣ, доходы Іерусалимскаго престола съ имѣній ему принадлежащихъ въ Княжествахъ были ничтожны. Война 1828 — 29 года открыла новую эру благоденствія и промышленнаго развитія для Дунайскихъ Княжествъ. Извѣстно, что менѣе чѣмъ въ пятьнадцать лѣтъ удесятерился доходъ поземельной собственности въ обоихъ Княжествахъ. Святогробскій монастырь сталъ получать значительныя суммы съ помѣстій и подворій, которыми онъ владѣетъ въ Княжествахъ, хотя управленіе этихъ имуществъ

пребываетъ по прежнему въ хаотическомъ состояніи. Бояре и правительство въ обоихъ Княжествахъ съ досадою и завистію смотрятъ на вывозимыя изъ края суммы. Замѣтимъ, что и другіе православные престолы и многіе монастыри на Востокѣ, особенно Аѳонскія обители и гора Синайская, на томъ же основаніи владѣютъ помѣстьями въ Княжествахъ, и что чуть-ли не десятая доля поземельной собственности края принадлежитъ такимъ образомъ Греческой церкви. Но не всѣ эти имущества были подарены или завѣщаны Князьями и Боярами. Искони поземельная собственность въ Княжествахъ была лучше обезпечена, чѣмъ въ другихъ областяхъ Оттоманскихъ, и потому Греческая церковь, лишенная всего своего имущества по завоеваніи Востока Турками, какъ только могла впослѣдствіи располагать какою-нибудь суммою, старалась пріобрѣтать собственность въ Валахіи и въ Молдавіи для полученія постояннаго, хотя бы самаго умѣреннаго дохода. Даже частныя лица, богатые Греки въ Константинополѣ и въ провинціяхъ, когда хотѣли обезпечить постоянное пособіе основанной ими церкви въ родной сторонѣ, или монастырю, или училищу, или больницѣ, покупали недвижимое имущество въ Княжествахъ.

Первымъ ощутительнымъ плодомъ суетливыхъ успѣховъ просвѣщенія и вторженія новыхъ нравовъ въ Княжества была непомѣрная роскошь, или вѣрнѣе сказать, мотовство самое безтолковое. Молодой Бояринъ, наряженный въ Парижскія моды, вмѣсто отцовской шубы, и промотавшій въ Вѣнѣ или въ Парижѣ будущіе доходы съ заложеннаго дѣдовскаго имѣнія, можетъ-ли теперь равнодушно смотрѣть на часть того имѣнія, записанную на помины дѣдомъ или прадѣдомъ во Гробъ Господень, когда она приносила червонцевъ двадцать дохода, а нынѣ откупается она арендаторомъ

у Святогробскаго монаха за 500 червонцевъ или за 1,000? Притязанія Бояръ покрываются личиною благочестиваго попеченія о мѣстныхъ духовныхъ пользахъ, о богоугодныхъ заведеніяхъ въ самомъ краю, и выражаются жалобами на духовенство, будто бы оно не заботится о приходахъ и церквахъ ему присвоенныхъ въ самихъ Княжествахъ , на запустѣніе обителей. Намъ неизвѣстно , на сколько въ этомъ отношеніи доводы Бояръ основательны, особенно по тѣмъ имуществамъ, которыя были приписаны Греческой церкви подъ условіемъ, выраженнымъ въ дарственной грамотѣ или въ духовномъ завѣщаніи дарителя. Само собою разумѣется, что Бояре и правительство, которые стремятся къ тому, чтобы конфисковать церковное имущество, хотятъ все подвести подъ категорію условныхъ приношеній. Духовенство съ своей стороны силится освободить себя отъ всякаго контроля по управленію. Это спорное дѣло длится съ 1830-хъ годовъ, и нельзя еще предвидѣть, когда оно кончится.

По вышеизложеннымъ свѣдѣніямъ очевидно, что даже приблизительно нельзя опредѣлить доходовъ Іерусалимскаго престола съ имуществъ преклоненныхъ Святому Гробу. Можно предположить, что въ настоящее время доходъ простирается до полутора милліона піастровъ (около 90,000 руб. сер.) со всѣхъ подворій завѣдывающихъ недвижимымъ имуществомъ *). Доходъ этотъ можетъ быть значительно усиленъ при надлежащемъ устройствѣ и хорошемъ управленіи. Въ самомъ Іерусалимѣ болѣе пятидесяти домовъ принадлежатъ монастырю; но до-

*) Напоминаемъ читателю, что свѣдѣнія эти относятся къ 1846 — 47 годамъ. Къ 1860 году доходъ съ имуществъ Святогробскихъ по всей вѣроятности превышалъ сумму 300 000 руб., судя по прогрессивному и повсемѣстному возвышенію всѣхъ цѣнностей. Значительная часть дохода употребляется впрочемъ на содержаніе самихъ подворій, завѣдывающихъ помѣстьями.

хода съ нихъ нѣтъ; они отводятся для поклонниковъ въ случаѣ большаго ихъ стеченія, или помѣщаются въ нихъ бѣдныя туземныя православныя семейства.

Доходъ отъ поклонниковъ соразмѣренъ ихъ числу, а число ихъ зависитъ отъ политическихъ обстоятельствъ края, отъ удобствъ сообщеній и пр. Бываетъ до пяти и до шести тысячь поклонниковъ въ годъ; бываетъ и ни одного. Среднимъ числомъ можно опредѣлить съ 800 поклонниковъ 150,000 піастровъ ежегоднаго дохода. Замѣтимъ, что не всѣ поклонники приносятъ подаяніе ко Гробу Господню. Межъ ними много бѣдныхъ, иногда сотни бѣдныхъ, которые получаютъ безденежно помѣщеніе въ монастыряхъ, пищу, и харчи и милостыню на обратный путь. Главный доходъ отъ поклонниковъ состоитъ въ записываніи именъ ихъ для поминъ въ присутствіи собора; при чемъ каждый изъ нихъ, по мѣрѣ средствъ и усердія, приноситъ свой вкладъ. Это составляетъ собственно доходъ Святогробской казны; затѣмъ при посѣщеніи монастырей и святыхъ мѣстъ каждый поклонникъ оставляетъ что либо монахамъ къ онымъ приставленнымъ. Этотъ частный доходъ обращается на содержаніе сихъ самихъ поклоненій и монастырей. Отъ поклонниковъ и Епископы Іерусалимскаго синода получаютъ также нѣкоторый доходъ при исповѣди, на томъ основаніи, что право исповѣди поклонниковъ въ Іерусалимѣ предоставлено однимъ епископамъ. Этотъ единственный скудный доходъ (отъ 100 до 250 рублей серебромъ для каждаго епископа) доставляетъ почтеннымъ старцамъ одежду и обувь; ибо отъ монастыря и того не получаютъ они, въ предупрежденіе расточительности *).

*) Да не упрекнетъ читатель за эти мелочи; да не найдетъ ихъ излишними. Сердцу Русскаго православнаго читателя не должны казаться пустословіемъ никакія подробности о Гробѣ Господнемъ. Богъ

Наконецъ послѣдняя статья Святогробскаго дохода— взносы, вклады и приношенія добровольныя, еще неопредѣлительнѣе. Мы упоминали уже о чрезвычайныхъ пожертвованіяхъ на возобновленіе храма, послѣ пожара, и на уплату долговъ. Въ настоящее время можно предположить до 20,000 руб. сер. въ годъ дохода отъ сихъ приношеній и отъ сбора милостыни для Гроба Господня. Двѣ трети сей суммы составляютъ учрежденный въ Россіи благочестивыми заботами правительства нашего кружечный сборъ для Гроба Господня.

И такъ всѣ доходы Іерусалимскаго престола или казны Святогробской простираются до 120,000 рубл.

сподобилъ намъ быть нынѣ первенствующимъ племенемъ въ семьѣ православной. Матеріальнымъ и моральнымъ вліяніемъ Россіи и мудрыми дѣйствіями правительства нашего открылась новая эра для православія на Востокѣ. Въ этомъ простомъ статистическомъ изложеніи, мы тщательно избѣгаемъ всякаго восторженнаго выраженія, даже говоря о странѣ и о памятникахъ чистѣйшихъ восторговъ христіанскихъ. Въ семъ отношеніи укажемъ читателю на путешествія нашихъ предшественниковъ и пріятелей гг. Муравьева и Норова. Но случалось намъ слышать много жалобъ на Святогробскую братію, много всяческихъ сужденій о хозяйственномъ управленіи монастыря, объ употребленіи благочестивыхъ подаяній изъ Россіи приносимыхъ къ Святынѣ Іерусалимской, о тѣхъ суммахъ, въ которыхъ милостыня богача и вельможи сходится съ лептою вдовы и инвалида. Слышали мы горькія жалобы отъ соотечественниковъ нашихъ за то, что въ монастырѣ Іерусалимскомъ, *куда стекаются милліоны*, было имъ отказано во французскомъ винѣ. Не станемъ никого осуждать; но жалѣемъ о томъ, что люди, посѣтившіе Іерусалимъ, такъ мало успѣли вникнуть въ дѣла по управленію Святогробскому, а за тѣмъ по невѣдѣнію грѣшатъ неправедною хулою. Скажемъ откровенно: заслугами Святогробскаго духовенства вправѣ утѣшаться въ нашъ вѣкъ православная церковь; а заслуги эти оцѣнитъ тотъ только, кто вникнетъ въ смыслъ политическихъ и хозяйственныхъ обстоятельствъ Восточной церкви въ эти трудныя времена, когда геній разрушенія такъ злобно силится всюду проникнуть. Вмѣсто всякихъ похвалъ и восторговъ, вмѣсто всякихъ литтературныхъ прикрасъ, но съ убѣжденіемъ въ точности и полнотѣ свѣдѣній нашихъ о предметѣ, излагаемъ тѣ подробности, которыми преимущественно объясняется сущность дѣла.

серебромъ. Какъ ни велика покажется эта сумма, стоитъ вникнуть въ нужды престола, чтобы убѣдиться въ скудости средствъ Палестинской церкви. Но упомянемъ предварительно о богатствѣ Св. поклоненій въ настоящее время, въ сравненіи съ тѣмъ, что было до 1821 года. Мы имѣли уже случай говорить, что въ пору Турецкой опалы около 2,000 пудовъ серебра и до сорока пудовъ золота было обращено въ слитки. Въ исходѣ этаго зловѣщаго періода ничего уже не оставалось отъ прежняго богатства и благолѣпія кругомъ Святыхъ поклоненій, за исключеніемъ ризъ сшитыхъ жемчугомъ, подаренныхъ въ прошедшемъ столѣтіи отъ Грузинскихъ царей, да немногихъ алмазовъ, сохраненныхъ патріархомъ въ Константинопольскомъ подворьи отъ старыхъ митръ и посоховъ. Тѣ несмѣтныя сокровища, которыя по народнымъ повѣрьямъ хранились въ тайникахъ Святогробскихъ, сами собою рушились предъ фактами нагрянувшихъ бѣдъ и нищеты. Нынѣ, благодаря отдыху церкви и обстоятельствамъ, а всего болѣе благочестію Русскихъ, постепенно укращающему святыню, можно оцѣнить въ 200,000 р. сер. лампы, подсвѣчники, оклады, драгоцѣнные камни, ризы и всѣ эти приношенія, служащія къ благолѣпію церкви и богослуженія во всѣхъ поклоненіяхъ Палестинскихъ. Богатство это, составляющее во всѣхъ отношеніяхъ существенную необходимость церкви, особенно въ Палестинѣ, постепенно умножается стараніями Патріарха; хотя монастырь Святогробскій врядъ-ли обезпеченъ отъ кризисовъ, подобныхъ тому, въ который не однѣ лампы, но и святые сосуды и образные оклады были обращены въ слитки для сбереженія святыни Святогробской отъ оскверненія. Врядъ-ли обезпеченъ самый храмъ отъ покушеній правовѣрной черни Іерусалима и его окрестностей, которая при всякомъ политическомъ волненіи расположена ограбить святыя поклоненія.

Мы объясняли уже, что до 1844 года главною статьею расходовъ Святогробской казны было погашеніе долга. Межъ тѣмъ заживали мало-помалу язвы Турецкой опалы, и подъ благодѣтельнымъ вліяніемъ льготъ, дарованныхъ церкви Египетскимъ Пашею, улучшалось состояніе монастыря. Быстрое умноженіе доходовъ позволяло духовному начальству, за срочными платежами по старымъ долговымъ обязательствамъ, употреблять значительныя суммы на обновленіе зданій, распадавшихся отъ ветхости и запущенія, равно и на духовное попеченіе о паствѣ. Не менѣе того соблюдалась строжайшая бережливость по содержанію монастыря. Только Намѣстники, и лица имѣвшія особыя должности, пользовались столомъ, а остальнымъ отпускалась скудная порція, епископамъ и монахамъ, которая обходилась круглымъ числомъ около четырехъ руб. сер. въ мѣсяцъ. Пребываніе новаго Патріарха въ самомъ Іерусалимѣ всего болѣе споспѣшествовало, послѣ 1844 года, къ водворенію новаго хозяйственнаго устройства по монастырю, равно и къ усиленію духовныхъ заботъ о паствѣ. Въ настоящее время расходы Іерусалимскаго престола едва покрываются доходомъ, на слѣдующемъ основаніи. Расходъ можно раздѣлить на три отрасли.

А) Матеріальное содержаніе монастырей и Святыхъ поклоненій.

В) Духовныя потребности паствы Палестинской.

С) Ходатайство о правахъ и преимуществахъ православной церкви, въ борьбѣ съ притязаніями другихъ церквей.

Болѣе милліона трехъ сотъ тысячъ піастровъ потребно на первую изъ сихъ статей. Сюда относится:

1-е. Содержаніе Святогробскаго монастыря, епископовъ въ немъ пребывающихъ, всего духовенства и двухъ монастырскихъ церквей, равно и Патріаршаго Двора,

самаго Владыки и всего причета, въ томъ числѣ и Турецкой почетной стражи (кавасовъ), столъ и одѣяніе слишкомъ трехъ сотъ лицъ духовныхъ и прислуги. Отчетность монастырская слишкомъ неустроена, чтобы въ точности можно было опредѣлить расходъ этотъ. Онъ доходитъ до 600,000 піастровъ.

2-е. За тѣмъ бывшій въ Константинополѣ патріаршій домъ, нынѣ подворье, въ которомъ пребываетъ намѣстникъ Патріаршій съ причетомъ для ходатайства по дѣламъ престола въ столицѣ, обходится около 150,000 піастровъ.

3-е. Храмъ Воскресенія, со всѣми Святыми поклоненіями въ оградѣ его стоящими, воскъ и масло, духовенство безвыходно пребывающее внутри храма, Турецкая стража и проч. требуютъ не менѣе 150,000 піастровъ ежегоднаго расхода.

4-е. Другія поклоненія внѣ храма, и монастыри, которыхъ частный доходъ слишкомъ недостаточенъ, въ томъ числѣ Виѳлеемъ и Саввинскій монастырь, получаютъ пособія изъ казны Святогробской около 100,000 піастровъ круглымъ числомъ.

5-е. Наконецъ починка зданій монастырскихъ, храмовъ и Св. Поклоненій требуетъ и понынѣ покрайней мѣрѣ 300,000 піастровъ ежегоднаго расхода. Далѣе укажемъ на произведенныя починки и на предстоящую необходимость еще значительныхъ пожертвованій на сей предметъ. Здѣсь ограничимся замѣчаніемъ, что на постройки и починки равно и на нѣкоторыя покупки домовъ и мѣстъ по сосѣдству монастырей, израсходовано съ 1833 года по сіе время (1847 г.) болѣе милліона рублей серебромъ, или семьнадцати милліоновъ піастровъ; а это было необходимо, ибо столько вѣковъ лежало на этихъ двѣнадцати-вѣковыхъ зданіяхъ воспрещеніе всякой починки, что многія изъ нихъ были

уже въ развалинахъ, а другія грозили разрушеніемъ. Вспомнимъ, что поправка разбитой ставни, или починка кровли отъ течи служили поводомъ къ разорительному преслѣдованію отъ мѣстныхъ Турецкихъ властей, а исходатайствованіе каждый разъ фирмановъ было сопряжено съ трудами и расходами неимовѣрными. Что касается до покупки домовъ и мѣстъ въ самомъ Іерусалимѣ, то въ семъ отношеніи намъ представляется излишнимъ распространять недвижимое имущество церкви Гроба Господня, и притомъ не для выгоды какой, не для дохода или удобства, а только изъ состязанія съ Армянами или Латинами. Іерусалимскіе Мусульмане и въ этомъ случаѣ извлекаютъ свои выгоды отъ соперничества вѣроисповѣданій; хозяева сбываютъ свои дома, предлагая то тѣмъ, то другимъ, и уступая тому, кто надбавитъ болѣе.

Подъ именемъ духовныхъ потребностей паствы мы разумѣемъ тѣ расходы, которые обязанъ принимать на себя Іерусалимскій престолъ собственно въ пользу народа. По соображенію съ духовнымъ и политическимъ состояніемъ края они состоятъ въ слѣдующемъ:

1-е. На пособіе епархіальнымъ и сельскимъ церквамъ, на постепенное украшеніе ихъ, на поддержаніе священниковъ и ихъ семействъ въ малолюдныхъ приходахъ, на починку или постройку отъ времени до времени сельскихъ церквей, на снабженіе ихъ утварью и служебниками, патріархъ обязанъ жертвовать ежегодно до 100,000 піастровъ.

2-е. Столько-же платится ежегодно за разныя подати и повинности народа правительству. За всѣхъ православныхъ жителей Іерусалима, по бѣдности ихъ и по праву обычаемъ введенному, казенныя повинности уплачиваются монастыремъ. Многимъ сельскимъ обществамъ предоставлена таже льгота, и вообще по всѣмъ

мѣстностямъ Палестины за неимущихъ христіанъ, при раскладкѣ податей, значительная доля платится церковію. Латины и Армяне соблюдаютъ тоже правило, и въ случаѣ отказа православнымъ въ этомъ притязаніи, Латинство готово ихъ заманить. Замѣтимъ здѣсь, что и въ самую бѣдственную для Палестинской церкви эпоху, когда братія подвергалась всѣмъ лишеніямъ и всѣмъ испытаніямъ, это бремя всегда лежало на монастырѣ, и хотя не въ такомъ количествѣ какъ нынѣ, однако и тогда уплачивались подати за бѣдныхъ христіанъ. Если поклоненія охранены отъ притязаній другихъ исповѣданій, равномѣрно и паства спасена отъ прозелитизма.

3-е. Существеннѣйшую потребность духовной жизни въ Палестинѣ составляетъ содержаніе училищъ. Около 150,000 піастровъ расходуется ежегодно отъ казны Святогробской на сей предметъ *). Училища здѣсь имѣютъ двоякую цѣль: охраненіе паствы отъ Западнаго прозелитизма, и воспитаніе духовенства. Извѣстно, что самымъ дѣйствительнымъ орудіемъ въ рукахъ миссіонеровъ Латинской церкви и Протестантскихъ обществъ, служитъ на Востокѣ воспитаніе юношества всѣхъ сословій, отъ феодальныхъ семействъ до земледѣльческихъ общинъ. Не здѣсь мѣсто разбирать послѣдствія этаго вторженія науки, или лучше сказать плохой грамоты, и его вліяніе на судьбы обществъ и на благосостояніе человѣка и сельскаго его быта. Ограничимся нашею точкою зрѣнія. Церковь всего прежде должна заботиться о сбереженіи своей паствы. Миссіонеры не только въ городахъ, но и въ селахъ учреждаютъ свои школы, безденежно снабжаютъ дѣтей книгами, и въ эту тревожную пору всѣхъ умствен-

---

*) Въ 1853 году расходъ этотъ достигалъ 500,000 піастровъ.

ныхъ вліяній на Востокѣ, сулятъ народу воспитаніе и всякія блага. Во отвращеніе наносимыхъ ей ударовъ то же оружіе должна употреблять церковь, часто даже противъ собственнаго убѣжденія въ пользѣ содержимыхъ ею училищъ. Болѣе двадцати пяти школъ основано такимъ образомъ въ послѣднее десятилѣтіе. Въ нихъ обучаютъ дѣтей арабской грамотѣ, молитвамъ, чтенію псалтыря и посланій. Сверхъ жалованья наставникамъ патріархъ обязанъ всѣ учебныя пособія безденежно посылать изъ Іерусалима, а всего прежде — строить зданіе училищное изъ Святогробскихъ денегъ. Въ трехъ значительнѣйшихъ городахъ престола, въ Іерусалимѣ, въ Яффѣ и въ Аккѣ, эти народныя училища преуспѣваютъ и приносятъ существенную пользу воспитанія горожанамъ. Затѣмъ въ самомъ монастырѣ Святогробскомъ содержится духовное училище для молодыхъ послушниковъ, грядущихъ служителей Палестинской церкви. Кругъ ученія объемлетъ Греческую литературу, богословіе, толкованіе отцевъ церкви, географію, и исторію. По этой части остается еще многаго желать *).

Чрезъ длинный рядъ вѣковъ, испытавшихъ Греческую церковь всѣми напастями, она не отлучилась отъ древняго наслѣдія науки. Когда рушилась профессорская каѳедра въ повсемѣстномъ политическомъ треволненіи Востока, наука укрылась въ свое законное пристанище, въ церковь, и келейнымъ воспитаніемъ переходила въ духовныя поколѣнія служителей олтаря. Въ этомъ ряду писателей, проповѣдниковъ и ученыхъ святителей, Іерусалимъ являетъ великія имена Досиѳея, Хрисанѳа и другихъ мужей, которыхъ энциклопедиче-

*) Въ 1852 году въ Крестовой обители основана Духовная Академія; затѣмъ патріархъ Кириллъ учредилъ типографію Греческую и Арабскую.

ская ученость непостижима, судя по скудости средствъ келейныхъ, гдѣ почерпнули они науку. Переворотъ 1821 года и за тѣмъ гражданскія преобразованія Турецкой имперіи не возъимѣли доселѣ благаго вліянія на духовное образованіе Востока. Все это слишкомъ тревожно объемлетъ народные умы; повсюду суетливо учреждаются училища; число полуграмотныхъ безъ счета размножается; но въ существѣ учености менѣе теперь, чѣмъ когда-либо, и нельзя безъ грусти озирать перспективу духовнаго быта Восточныхъ племенъ. Теперь доживаютъ свой вѣкъ въ Святогробскомъ монастырѣ два ученые старца Іоиль и Анѳимъ, оберъ-секретарь правленія Святогробскаго, подъ руководствомъ которыхъ, въ скромной келіи получили образованіе ихъ послушники *).

Нынѣшній патріархъ, равно какъ и предшественникъ его Аѳанасій, приложили ревностное попеченіе и сдѣлали значительныя пожертвованія для водворенія науки внутри Святогробской обители, и для доставленія средствъ къ образованію молодымъ послушникамъ и діаконамъ монастырскимъ, которыхъ число простирается до сорока. Но всегда главною тому препоною былъ недостатокъ въ преподавателяхъ и трудность пріискать наставниковъ духовнаго званія, даже за большое содержаніе. Этимъ подтверждается сдѣланное нами замѣчаніе о вящшемъ упадкѣ духовнаго образованія въ современномъ Востокѣ. Патріархъ Аѳанасій рѣшился даже послать, на монастырскомъ иждивеніи, въ Аѳинскія школы и въ Германію нѣсколько молодыхъ людей, обязавшихся посвятить себя служенію престола. По возвращеніи ихъ пришлось только жалѣть объ учиненныхъ расходахъ безъ проку и безъ пользы для Монастыря.

*) Архимандритъ Никифоръ, послушникъ и воспитанникъ преподобнаго Анѳима, умершаго въ глубокой старости, занялъ впослѣдствіи его мѣсто (1861).

Въ текущемъ году (1847) патріархъ Кириллъ предпринялъ дѣло, котораго успѣхъ можетъ направить къ результатамъ благимъ для престола и для паствы. Сверхъ помянутаго нами духовнаго училища внутри обители, онъ пригласилъ въ Іерусалимъ весьма способнаго наставника и проповѣдника изъ Арабовъ, съ тѣмъ, чтобы ввѣрить ему воспитаніе пятнадцати священническихъ дѣтей, предназначенныхъ въ духовное званіе. Такимъ образомъ надѣется онъ замѣнить нынѣшнее необразованное и уничиженное Арабское духовенство новымъ поколѣніемъ пресвитеровъ образованныхъ и способныхъ преподавать слово Божіе Арабамъ.

4-е. Къ духовнымъ потребностямъ паствы мы должны сопричислить милостыню, которая раздается изъ монастыря въ самомъ Іерусалимѣ, равно какъ изъ подворья Святогробскаго въ Константинополѣ, и гостепріимство монастырское. Всѣ убогія семейства православныя въ Іерусалимѣ (въ числѣ около 1,000 душъ) получаютъ пищу изъ монастыря. Имъ выдаются ежедневно порціи хлѣба, супу и постнаго масла. Большая часть ихъ помѣщаются въ домахъ монастырскихъ. Много бѣдныхъ поклонниковъ получаютъ также безденежно помѣщеніе въ монастыряхъ и пищу. Самимъ убогимъ дается на зиму одежда. А вообще для всѣхъ православныхъ жителей Іерусалима и для всѣхъ поклонниковъ выдаются безденежно всѣ лекарства изъ монастырской аптеки, и врачъ состоящій при монастырѣ на жалованіи обязанъ всѣхъ пользовать, и даже посѣщать другія мѣстности Палестины для пособія православнымъ жителямъ, особенно въ случаѣ повальныхъ болѣзней. Сверхъ того по субботамъ круглый годъ, а въ великій постъ ежедневно, по вечерамъ, раздается много хлѣба нищимъ всѣхъ исповѣданій у монастырскихъ воротъ. Это милостыня въ первобытномъ патрі-

архальномъ видѣ. Затѣмъ монастырь оказываетъ много пособій почетнымъ православнымъ Арабскимъ семействамъ не только Палестины, но и внѣ предѣловъ престола, въ случаѣ крайнихъ бѣдствій *).

По мѣрѣ того какъ хозяйственныя дѣла монастыря Святогробскаго возстановлялись въ послѣднее десятилѣтіе, умножились и притязанія паствы, которая по близости своей къ Святымъ мѣстамъ, привыкла искони почитать себя привиллегированнымъ племенемъ, и съ первыхъ вѣковъ Христіанства привыкла получать милостыню извнѣ и всякія льготы и пособія. Отказъ монастыря, и равнодушіе къ бѣднымъ и болящимъ, охладили бы народъ, тѣмъ болѣе, что Латинское духовенство усердно печется о своей Палестинской паствѣ, и дѣлаетъ значительныя пожертвованія.

Пріемъ гостей всякаго званія, отъ почетнаго путешественника до Палестинскаго поселянина, идущаго въ Іерусалимъ хлопотать по своимъ дѣламъ, составляетъ также значительный расходъ для монастыря. Изъ Константинопольскаго подворья выдается ежегодно, по распоряженію патріарха, значительная сумма въ пособіе народнымъ больницамъ, училищамъ и бѣднымъ семействамъ.

Всѣ эти статьи въ совокупности, въ томъ числѣ содержаніе врача, аптеки и аптекаря, и поѣздки врача по епархіи, представляютъ въ итогѣ не менѣе 200,000 піастровъ **).

С) Намъ остается говорить о третьей отрасли расходовъ Святогробской казны, по ходатайству о правахъ и преимуществахъ православной церкви.

---

*) Во все время пребыванія моего въ Сиріи, когда случались народныя бѣдствія въ Дамаскѣ, въ Алеппѣ, на Ливанѣ, Іерусалимское духовенство никогда не отказывало въ пособіи.

**) Въ 1853 году статья эта доходила до 500,000 піастровъ.

Въ силу запретительныхъ мѣръ оттоманскаго законодательства противу церкви христіанской, а еще болѣе по поводу взаимныхъ состязаній христіанскихъ исповѣданій кругомъ завѣтныхъ поклоненій Палестины, расходы эти весьма значительны, и представляютъ въ ежегодномъ итогѣ по крайней мѣрѣ 250,000 піастровъ. Сюда относимъ: 1) періодическое исходатайствованіе фирмановъ въ подтвержденіе-ли древнихъ правъ церкви, или для предстоящихъ строеній и починокъ; 2) расходы судопроизводства; 3) обычные подарки.

Нынѣ запретительныя мѣры законодательства относительно церкви нѣсколько смягчились въ Турціи, а главное — злоупотребленія мѣстныхъ властей по этому предмету обратили на себя вниманіе правительства, и исходатайствованіе фирмана уже неразорительно, если не предстоятъ состязанія другихъ исповѣданій и потребность судебнаго разбирательства. Вспомнимъ, что встарину фирманы отплачивались вельможамъ столичнымъ сотнями тысячь, а препятствія мѣстныхъ вліяній, по исполненію фирмановъ, устранялись также сотнями тысячь. Въ 1848 году изданъ Султанскій фирманъ на имя патріарха Вселенскаго о сокращеніи дѣлопроизводства по починкамъ и обновленіямъ христіанскихъ храмовъ. Такимъ образомъ вѣротерпимость, вошедшая въ политическую систему Порты послѣ Адріанопольскаго мира, и послѣ бѣдственныхъ для нея послѣдствій тѣхъ чудовищныхъ преслѣдованій на церковь и тѣхъ кровавыхъ опалъ, которыми было ознаменовано предшествовавшее семилѣтіе, обозначается послѣдовательными успѣхами, какъ въ проявленіи правительственной власти, такъ и въ понятіяхъ народныхъ, и въ самомъ законодательствѣ. Но въ Іерусалимѣ зло прежней системы такъ укоренилось, что и теперь превозмогаетъ оно порою столичныя предписанія, а потому самое испол-

неніе по фирманамъ никогда почти не обойдется безъ значительныхъ расходовъ. Сверхъ того *Иламы*, или судебныя свидѣтельства, на основаніи которыхъ издаются фирманы, обходятся недаромъ. Самые *Кешвы*, или слѣдственныя дѣла, при выдачѣ Илама, причиняютъ значительный расходъ.

Все это дѣлопроизводство становится и многосложнѣе и несравненно дороже, когда предстоитъ спорное разбирательство между правами двухъ исповѣданій по какому бы то ни было дѣлу. Судопроизводство въ Оттоманскомъ законѣ обложено значительными пошлинами, какъ и въ Европейскихъ государствахъ, съ тою разницею, что пошлина эта поступаетъ не въ казну, а въ карманъ судей. Объ этомъ упоминали мы въ статьѣ о мусульманскихъ судилищахъ. Ограничимся здѣсь замѣчаніемъ, что по Турецкой системѣ интересъ судіи благопріятствуетъ запутанности дѣла. Есть еще правило въ Турецкомъ законодательствѣ, совершенно противуположное нашимъ юридическимъ теоріямъ: всѣ расходы процесса лежатъ не на виновномъ, а на томъ, который выигриваетъ процессъ. Въ простотѣ Аравійскаго кочевья — этого зачатка гражданскаго общества мусульманъ, законодатель могъ, изъ участія къ осужденному, освободить его отъ уплаты расходовъ; но легко себѣ представить, къ какимъ безнравственнымъ послѣдствіямъ ведетъ теперь это правило. Должникъ воленъ уклоняться отъ своего обязательства, а когда прибѣгнете къ суду и принудите его заплатить, то всего прежде судъ учтетъ свои проценты. Въ процессахъ по дѣламъ Святогробскимъ между разными исповѣданіями — это разорительно. При постоянной, жалостной враждѣ между Греками, Латинами и Армянами за обладаніе Святыми мѣстами, самая безосновательная попытка одного изъ исповѣданій противу законныхъ, неоспоримыхъ правъ

другаго, не только остается безнаказанною, но сверхъ того доставляетъ зачинщику спора удовольствіе разорять соперника судебными расходами. Теперь, при возрастающемъ благосостояніи Греческаго монастыря, Армяне, а въ особенности Латины, неоднократно изъ изъ одной зависти доставили себѣ подобное удовольствіе. То откроютъ искъ по своему-ли капризу, или по наущенію судей и писцовъ іерусалимскихъ, то заведутъ ссору въ Виѳлеемѣ по пустякамъ. Наряжается слѣдствіе; изъ Іерусалима поднимается весь причетъ судебный, иногда и самъ паша, а Греки обязаны уплачивать то 10, то 20,000 піастровъ на расходы за эти многолюдныя поѣздки. Очевидно, такія дѣла несовмѣстны съ духомъ религіи, во имя коей они совершаются ея служителями у порога святѣйшихъ ея памятниковъ. Но, вмѣсто упрека на духовныя общества того или другаго исповѣданія, справедливѣе будетъ, когда вникнемъ безпристрастно въ тѣ обстоятельства и въ тѣ взаимныя отношенія, въ которыхъ общества эти поставлены, жалѣть о нихъ, рыдать по христіанскому чувству о Іерусалимѣ, какъ рыдаютъ о немъ Евреи, во исполненіе пророчествъ.

И въ самомъ дѣлѣ кто изъ посѣтителей Св. Града, не исключая даже и самыхъ образованныхъ и самыхъ безпристрастныхъ, не произнесъ укоризненнаго приговора надъ этими обществами? Разница въ томъ, что если не изъ религіознаго рвенія, то по чувству народнаго самолюбія, мы осуждаемъ Латинское духовенство Іерусалима, Католики осуждаютъ Грековъ, а Протестанты тѣхъ и другихъ. Межъ тѣмъ добросовѣстное, подробное изслѣдованіе края, законовъ, обычаевъ, правъ, мѣстностей, самихъ предметовъ привлекающихъ благоговѣніе наше въ Іерусалимѣ, словомъ всѣхъ тѣхъ условій, въ которыхъ поставлены

представители трехъ первенствующихъ церквей у Гроба Господня, убѣдитъ насъ окончательно въ томъ, что не людей мы вправѣ винить въ изувѣрствѣ, въ невѣжествѣ, въ корысти, въ ябедѣ, во всѣхъ порокахъ, такъ безотчетно приписываемыхъ то тѣмъ, то другимъ, но именно тѣ условія, тѣ обстоятельства, въ которыхъ поставлены труженники разныхъ исповѣданій христіанскихъ, окрестъ предметовъ нашего почитанія, подъ судомъ и расправою мусульманъ.

Таково личное убѣжденіе наше; чтобы передать его читателю надлежало бы представить здѣсь полный уставъ о правахъ, обычаяхъ и притязаніяхъ каждаго исповѣданія, съ толкованіемъ о значеніи каждой лампы, и о томъ, какую важность представляетъ въ турецкомъ законодательствѣ право сметать пыль, напримѣръ, съ такого-то угла. Этимъ пояснились бы странные процессы между исповѣданіями, разорительные процессы по предметамъ самымъ маловажнымъ, восходящіе до самаго Султана, и требующіе дипломатическаго ходатайства Европейскихъ посольствъ. Пояснилось бы и то, какимъ образомъ оплошность какого-нибудь пономаря, и шалость заѣзжаго поклонника подаютъ иногда поводъ къ этимъ процессамъ. Но предметъ скученъ, и не входитъ въ предѣлы моего труда. Ограничиваюсь слѣдующимъ замѣчаніемъ. Права христіанскихъ исповѣданій на Святыя мѣста можно раздѣлить на три категоріи: 1) права историческія, 2) права приказныя, 3) права существующаго обычая или факта.

Каждое исповѣданіе почерпаетъ въ своей исторіи права и притязанія на исключительное владѣніе Святыми мѣстами. Греки говорятъ: все это воздвигнуто нашими Императорами Константиномъ, Еленою, Юстиніаномъ. Латины отвѣчаютъ, что тѣ Императоры были латинскаго закона. Армяне въ свою очередь увѣряютъ,

что Императоры исповѣдывали григоріанское ученіе. Греки присовокупляютъ: по завоеваніи Іерусалима мусульманами намъ и патріарху нашему Софронію были исключительно дарованы Святыя мѣста; Латины возражаютъ — а потоки Западной крови, а мечь крестоносцевъ не намъ ли, не однимъ ли намъ, завѣщалъ храненіе Святыни? Армяне сознаются, что предки ихъ не дрались за владѣніе Святыхъ мѣстъ; но, присовокупляютъ они, никогда цари ихъ не переставали посылать милостыню въ Іерусалимъ.

Правами приказными мы называемъ тѣ права и притязанія, которыя основываются на судебныхъ приговорахъ, на фирманахъ и на хати-шерифахъ Султанскихъ. Тутъ еще болѣе запутанности и недоумѣнія. Каждая изъ состязающихся сторонъ владѣетъ сотнями противурѣчащихъ документовъ сего рода; каждая изъ нихъ когда-либо выигрывала свой процессъ на владѣніе Святыми мѣстами. Хотя не всѣ эти фирманы и судебные приговоры были приведены въ исполненіе, однако не менѣе того документъ существуетъ; и такъ какъ по обычаю турецкой канцеляріи новѣйшее правительственное распоряженіе не отмѣняетъ предшествовавшаго, противуположнаго рѣшенія, и такъ какъ нерѣдко, въ одно почти время, правительство даровало и той и другой сторонѣ тѣже права и преимущества, то воспослѣдовалъ хаосъ юридическій, въ которомъ каждое притязаніе, каждый искъ, могутъ при пособіи ябеды почерпать доводы неопровержимые.

Казалось бы, что если прянять за основаніе нынѣ существующіе право и фактъ, подтвердить все это вопреки всякихъ возраженій и притязаній, при подробномъ и мелочномъ опредѣленіи круга дѣйствій каждаго изъ вѣроисповѣданій, отдѣльно и въ совокупности или въ соприкосновенности съ другими, съ тѣмъ, чтобы

всякое посягательство противу постановленнаго такимъ образомъ права было тщательно укрощаемо, то можно бы надѣяться водворенія спокойствія и благочинія кругомъ Святыни, равно и прекращенія тяжбъ между вѣроисловѣданіями. Но въ такомъ случаѣ кому быть блюстителемъ и исполнителемъ? Уже ли турецкому чиновнику ввѣрить верховный судъ и расправу надъ тремя патріархами греческимъ, латинскимъ и армянскимъ? Трудно-ли предвидѣть неминуемыя послѣдствія подобнаго преобразованія? Знаемъ, что воззрѣніе наше грустно для каждаго христіанина; вдвойнѣ грустно оно потому, что мы приписываемъ изслѣдованныя нами явленія не лицамъ, но фактамъ. Съ перемѣною лицъ, съ улучшеніемъ умственнаго и моральнаго ихъ быта, можно бы достигнуть желаннаго преобразованія; но пока существуютъ факты, сопряженные съ вѣковыми политическими судьбами Іерусалима, духовныя поколѣнія могутъ смѣняться одно другимъ на стражѣ Святыни, а вліяніе фактовъ равно будетъ тяготѣть надъ ними. Тамъ гдѣ всѣ исповѣданія долженствовали бы сугубо возчувствовать высокое значеніе проповѣди о единомъ стадѣ и единомъ пастырѣ, распятомъ на Голгоѳѣ, взаимная терпимость воздвориться не можетъ.

Это невольное отступленіе лучше послужитъ къ объясненію Святогробскихъ дѣлъ, чѣмъ возгласы о томъ благоговѣйномъ чувствѣ, которое наполняетъ сердце, когда представимъ себѣ стеченіе кругомъ общей Святыни разноплеменныхъ людей, которые на разныхъ языкахъ, разными обрядами, по разнымъ догматамъ, согласно славословятъ Смерть и Воскресеніе Сына Божія.

Разсмотримъ теперь духовное управленіе Іерусалима. Сверхъ патріаршей епархіи считается нынѣ въ предѣлахъ Іерусалимскаго престола шесть митрополій, семь архіепископствъ и одно епископство.

Митрополіи суть : Кесарійская , Скиѳополійская , Петра-Аравійская , Птолемаидская , Виѳлеемская, Назаретская.

Архіепископства — Лиддское , Газійское , Синайское, Іоппейское, Неапольское, Севастійское, Ѳаворское.

Епископство — Филадельфійское.

Изъ сего числа только Птолемаидская и Виѳлеемская епархіи управляются теперь своими митрополитами, въ нихъ пребывающими. За тѣмъ Кесарійская, Скиѳополійская, Лиддская, Іоппейская — вакантны. Епископы Синайскій и Ѳаворскій пребываютъ въ Константинополѣ; первый по введенному давно обычаю, и на основаніи особыхъ правъ своего престола, второй временно, въ качествѣ намѣстника патріаршаго *). Такимъ образомъ пять архіереевъ пребываютъ въ самомъ Іерусалимѣ, въ монастырѣ Святогробскомъ. Они вмѣстѣ съ тремя архимандритами и оберъ-секретаремъ, драгоманомъ и казначеемъ составляютъ при Патріархѣ Синодъ, который завѣдываетъ какъ всѣми хозяйственными дѣлами престола, такъ и дѣлами по епархіямъ въ совокупности. Дѣла же духовныя, равно какъ и внутреннее управленіе монастыря, и чинъ церковный, и сношенія съ гражданскими властями или съ духовенствомъ другихъ исповѣданій — предоставлены одному патріарху и избираемому имъ намѣстнику, который служитъ не только представителемъ его, но и совѣтникомъ, облеченнымъ всякимъ полномочіемъ отъ братіи для участія во всѣ внутреннія и внѣшнія распоряженія Патріарха.

---

*) Бывшій Ѳаворскій архіепископъ Іероѳей, о которомъ здѣсь упоминается, возведенъ въ 1849 году на Антіохійскій престолъ. Новопосвященный Ѳаворскій архіепископъ состоитъ членомъ Синода іерусалимскаго (1861).

Въ первопрестольной, собственно Iерусалимской епархiи считается 1,500 семействъ православныхъ. Изъ сего числа 350 въ самомъ Iерусалимѣ и 180 въ городѣ Рамлѣ; остальные по деревнямъ. Сельскiе жители, между коими христiанъ другихъ исповѣданiй нѣтъ, живутъ большею частiю врознь отъ мусульманъ. Изъ 80 деревень лежащихъ въ предѣлахъ сего престола, только въ восьми или девяти есть христiане; остальныя населены одними мусульманами, коихъ народонаселенiе въ сихъ предѣлахъ простирается до 6,000 семействъ, не считая въ томъ числѣ болѣе тысячи шатровъ Бедуиновъ заiорданскихъ, постоянно здѣсь кочующихъ. Христiанъ другихъ исповѣданiй считается въ самомъ Iерусалимѣ 160 семействъ латинскихъ, болѣе ста армянскихъ, 10 Сирiянъ и 40 Коптовъ. Затѣмъ около 1,000 семействъ Евреевъ дополняютъ итогъ постояннаго народонаселенiя Св. Града до 15,000 душъ, а въ пору большаго стеченiя поклонниковъ, не только христiанъ, но и мусульманъ, идущихъ туда съ разныхъ мѣстностей Палестины ради торговли или любопытства, всего же болѣе для поклоненiя мѣсту почитаемому у нихъ гробницею Моисея, народонаселенiе Iерусалима удвояется. Судя по мѣстностямъ, которыя и понынѣ совершенно соотвѣтствуютъ древнимъ описанiямъ, трудно понять, какимъ образомъ въ эпоху величiя еврейскаго, городъ сей могъ вмѣщать болѣе полумиллiона по крайней мѣрѣ постояннаго народонаселенiя, а въ Пасху два миллiона и болѣе по свидѣтельству Iосифа Флавiя.

Изъ 17-и монастырей, состоящихъ въ предѣлахъ патрiаршей епархiи — 14 находятся внутри Iерусалима.

Монастырь Св. Гроба, въ которомъ, какъ мы уже замѣтили, сосредоточивается все управленiе палестинской церкви, прилежитъ ко храму Воскресенiя. При

обновленіи храма, послѣ пожара 1808 года, греческое духовенство успѣло открыть дверь изъ монастыря своего во храмъ, на хоры, и имѣть внутреннее сообщеніе. Внутренность монастыря представляетъ видъ городка съ улицами, дворами и садами. Это не одно зданіе, но совокупность небольшихъ домовъ, которые были постепенно пріобрѣтаемы, и много всякихъ пристроекъ. Здѣсь по несчастію много строеній деревянныхъ, отчего неоднократно случаются пожары. Двѣ небольшія церкви: Царя Константина и Св. Өеклы, заключаются внутри монастыря. Первая изъ нихъ пристроена къ самой ротондѣ храма Воскресенія, и имѣетъ туда окна насупротивъ Св. Гроба. Это собственно патріаршая церковь, въ коей по всей строгости древняго чина, совершается служба церковная, ежедневно и еженощно, въ присутствіи всего духовенства и владыки. Только болѣзнь тяжкая или важныя занятія по должности освобождаютъ отъ обязанности присутствія. Поклонники и никто чужой сюда не впускаются, покоя ради и благочинія. Поклонники въ свою очередь обязаны сходиться въ церквахъ тѣхъ самихъ монастырей, гдѣ они обитаютъ, а только въ положенные дни и торжества причетъ Святогробскаго духовенства спускается во храмъ Воскресенія, совокупно съ поклонниками. О размѣрѣ хозяйственныхъ обзаведеній внутри монастыря можно судить по тѣмъ обязанностямъ, кои лежатъ на сей обители, и о коихъ упоминали мы въ статьѣ о финансахъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ библіотека монастырская, менѣе по числу книгъ (около четырехъ тысячь томовъ) и по старинымъ изданіямъ греческихъ духовныхъ писателей, чѣмъ по двумъ или тремъ византійскимъ рукописямъ рѣдкой красоты. О благомъ начинаніи нынѣшняго Патріарха учрежденіемъ семинаріи внутри монастыря мы уже упоминали,

и надѣемся что заведенію этому будетъ дано подобающее развитіе. Аптека, о которой также упомянуто, находится равномѣрно внутри монастырскихъ зданій.

Домъ лежащій чрезъ улицу насупротивъ монастыря, и назначенный прежде для пріема почетныхъ путешественниковъ, обращенъ теперь въ патріаршій дворецъ, и отдѣланъ съ приличіемъ и благолѣпіемъ. Многія части монастыря, залъ синодальнаго присутствія, пріемный залъ для поклонниковъ и келліи архіерейскія, приведены равномѣрно въ лучшее устройство, благодаря разрѣшенію строиться и чиниться послѣ вѣковаго запущенія. Около полутора милліона піастровъ израсходовано на сей предметъ въ послѣднее десятилѣтіе.

Храмъ Воскресенія, или Святогробскій, составляетъ особенную отрасль управленія по хозяйственной части, покрывая часть своихъ расходовъ вкладами поклонниковъ. Въ немъ безвыходно пребываетъ пожизненно хранитель ризницы, изъ простыхъ монаховъ, съ правами настоятеля надъ братіею, также безвыходно пребывающею положенный срокъ внутри храма, въ жилыхъ покояхъ, нарочно для сего устроенныхъ. Это необходимо для потребностей постояннаго служенія и бдѣнія надъ Святыми мѣстами. Иные по собственному обѣту, иные по распоряженію духовнаго начальства, при вступленіи своемъ въ чинъ Святогробской братіи, обязываются провести положенный срокъ испытанія въ этомъ затворничествѣ. Встарину хранитель ризницы былъ равномѣрно хранителемъ казны Святогробской, сберегавшейся въ тайникахъ, устроенныхъ въ самомъ храмѣ, и ему одному извѣстныхъ. Тайники существуютъ и понынѣ; но въ нихъ хранятся не суммы, а лишь драгоцѣнности церковныя, золото и алмазы. Съѣстные припасы доставляются во храмъ изъ монастыря чрезъ внутреннее сообщеніе, о которомъ мы упоминали.

Планъ іерусалимскаго храма въ подробности извѣстенъ изъ описаній Гг. Муравьева и Норова. О первобытномъ видѣ храма можно имѣть довольно вѣрное понятіе изъ знаменитаго памятника воздвигнутаго въ Россіи патріархомъ Никономъ, и освященнаго именемъ Новаго Іерусалима. Зданіе патріарха Никона построенное на подобіе Іерусалимскаго храма, изобличаетъ тѣ измѣненія, которыя по невѣжеству и безвкусію, или же по обстоятельствамъ времени введены во многихъ частяхъ древняго зданія, и даже въ самой пещерѣ Св. Гроба, при возобновленіи храма сгорѣвшаго въ 1808 году.

Основною мыслію строительницы, первой вѣнценосной поклонницы Іерусалимской Святыни, была просторная ротонда подъ отверстымъ куполомъ, какъ въ Римскомъ Пантеонѣ, посреди которой стоитъ часовня Св. Гроба. Очевидно, что гробъ сей, подобно другимъ гробамъ Іерусалимскимъ, не стоялъ первоначально одинокою скалою посреди площади, но былъ высѣченъ на скатѣ того утеса, на которомъ нынѣ стоитъ церковь Константиновская. Для построенія храма и ротонды утесъ былъ выдолбленъ кругомъ, и мѣстность приняла настоящій видъ. Затѣмъ просторная, неправильной формы ограда обняла скалу Голгоѳы и пещеру Обрѣтенія креста, а внутри ограды устроены различные придѣлы въ память страстей Господнихъ, олтари и церкви. Насупротивъ самаго отверстія Св. Гроба, на востокъ отъ ротонды, патріаршая соборная церковь Воскресенія принадлежитъ Грекамъ. По сѣверной сторонѣ, смѣжно съ ротондою, древніе придѣлы Пресвятой Богородицы и Св. Маріи Магдалины составляютъ нынѣшнюю церковь Латинъ. Армяне имѣютъ свою церковь на хорахъ ротонды, а каждому изъ трехъ исповѣданій присвоены жилые покои и ризницы по бли-

зости ихъ церквей. Кромѣ того небольшая досчатая часовня Коптовъ пристроена къ западной стѣнѣ часовни Св. Гроба, а Сиріяне-Яковиты владѣютъ другою часовнею насупротивъ Коптовъ, подъ сводами ротонды. На Голгоѳу ведутъ двѣ лѣстницы, одна не подалеку отъ входа въ храмовую ограду, насупротивъ того мѣста гдѣ лежитъ камень Помазанія тѣла Спасителя, а другая извнутри олтаря Греческаго Собора. У подошвы Голгоѳы лежали до пожара гробницы королей Іерусалимскихъ Готфрида и Балдуина. Въ пожаръ мраморъ гробницъ истлѣлъ, и самыя мѣстности измѣнились. Латины обвиняютъ Грековъ въ посягательствѣ на святыя права гробовъ и исторіи, зато что при возобновленіи храма они не возобновили завѣтныхъ памятниковъ западнаго рыцарства. Упрекъ этотъ воспламеняетъ воображенія путешественниковъ; но Греки небезосновательно отвѣчаютъ, что внутри ограды Спасителева Гроба и мѣстъ освященныхъ страданіями Богочеловѣка — могилы людскія, хотя бы онѣ были памятниками геройскихъ подвиговъ, неумѣстны и суетны. Скала Голгоѳы съ своимъ искуственнымъ помостомъ, подъ тяжелыми сводами, раздѣлена на двое между Греками и Латинами; первымъ принадлежитъ мѣсто водруженія Креста, надъ коимъ стоитъ самый олтарь. Часовня Святой Елены, гдѣ по преданію обитала она въ пребываніе свое въ Іерусалимѣ, пристроена извнѣ къ самой Голгоѳѣ, и принадлежитъ теперь Латинамъ. Позади полукруглой ограды Греческаго олтаря симметрически расположены три придѣла: Поруганія, Раздѣленія ризъ и Лонгина Сотника. Придѣлы эти составляютъ ниши въ большой храмовой стѣнѣ, а промежъ нихъ лѣстница ведетъ въ просторное подземелье, присвоенное Армянамъ, внутри котораго еще глубже укрыта пещера Обрѣтенія креста.

Мы вкратцѣ указываемъ здѣсь на главныя мѣстности Іерусалимскаго храма. Это не храмъ, въ томъ смыслѣ какъ мы разумѣемъ это слово, но совокупность въ общей оградѣ многихъ церквей, поклоненій и жилищъ. Очевидно, что при постройкѣ руководствовались болѣе мѣстностями и потребностями благочестія, чѣмъ архитектурными соображеніями. Такъ и затѣмъ политическія судьбы края, и пребываніе внутри храма въ совокупности служителей и стражей исповѣданій, раздѣленныхъ между собою догматомъ и людскими страстями, послѣдовательно ввели существующій нынѣ порядокъ, или вѣрнѣе сказать тотъ плачевный безпорядокъ, источникъ зла и соблазна, о чемъ мы имѣли уже случай говорить. Первое его проявленіе поражаетъ благочестиваго посѣтителя при самомъ вступленіи во храмъ, зрѣлищемъ турецкихъ стражей, обитающихъ внутри храма, и курящихъ свои вѣчныя трубки въ галлереѣ, на-лѣво отъ воротъ, насупротивъ камня Помазанія!

Но какъ ни прискорбно присутствіе турецкой стражи, постоянно живущей внутри храмовой ограды — оно необходимо. Всего же болѣе становится оно необходимымъ по причинѣ исключительныхъ притязаній Латинъ завладѣть всѣмъ, и вытѣснить другія исповѣданія.

Укажемъ на другія Іерусалимскія поклоненія и монастыри:

Геѳсиманійская пещера, гдѣ поклоняются Гробу Богоматери и Ея Родителей, находится близъ сада Геѳсиманійскаго, въ оврагѣ, образующемъ Кедронскій потокъ. Пещера эта составляетъ просторный подземный храмъ, величественный природною красотою. Она принадлежитъ Грекамъ и Армянамъ. Священнослужители обоихъ исповѣданій постоянно тамъ живутъ взаперти, получая съѣстные припасы изъ своихъ монастырей, а

ключи отъ крѣпкихъ желѣзныхъ вратъ, защищающихъ подземную обитель отъ хищничества Арабовъ, хранятся въ греческомъ монастырѣ. Въ 1843 году Греки успѣли построить на площади, насупротивъ входа въ Святогробскій храмъ небольшое красивое подворье Геѳсиманійское.

За Геѳсиманіею, по ту сторону Кедрона, высится гора Елеонская (масличная) увѣнчанная мѣстомъ Вознесенія Спасителя. Мѣсто это было нѣкогда обстроено красивымъ отверстымъ храмомъ; посреди стоитъ часовня надъ тѣмъ камнемъ, откуда вознесся Воскресшій; кругомъ — придѣлы Св. Апостоловъ. Все это теперь въ развалинахъ, отъ войнъ, запущенія, землетрясенія и воспрещеній мусульманскихъ, или вѣрнѣе сказать отъ невозможности благаго согласія между христіанскими исповѣданіями для возобновленія святыни. Въ 1837 году Армяне успѣли безъ вѣдома Грековъ и Латинъ исходатайствовать у Порты позволеніе возобновить небольшой придѣлъ для своего служенія, съ жилыми покоями для духовенства. Подъ этимъ предлогомъ они завладѣли всею оградою, и не давали доступа другимъ исповѣданіямъ. По жалобамъ Грековъ и Латинъ армянскія постройки были разрушены въ 1839 году, и мѣсто осталось открытымъ, подъ надзоромъ служителей смежной мечети полуразрушенной. Замѣтимъ, что мусульмане, вѣруя въ Вознесеніе Христа Мессіи на небо, поклоняются этому мѣсту, какъ равномѣрно оказываютъ они большое благочестіе и къ Виѳлеемскимъ Святынямъ.

Въ самомъ Іерусалимѣ Грекамъ принадлежатъ монастыри во имя: *Авраама*, смежный съ храмомъ Воскресенія, *Іоанна Предтечи*, *Св. Николая*, *Св. Дмитрія*, *Святыхъ Ѳеодоровъ*, *Св. Георгія*, *Архангеловъ*, (подворье обители Св. Саввы) и еще *Св. Георгія* въ еврейской

части города, и пять женскихъ: *Св. Василія*, *Св. Меланіи*, *Пресв. Богородицы*, *Св. Евѳиміи* и *Св. Екатерины*. Послѣдній служитъ исключительнымъ пристанищемъ для русскихъ поклонницъ; въ остальныхъ женскихъ помѣщается отъ 50 до 60 монахинь Гречанокъ, Болгарокъ и Сербокъ. Монастырь Св. Архангеловъ отведенъ въ настоящее время для русскаго духовенства и духовныхъ воспитанниковъ пребывающихъ въ Іерусалимѣ. Затѣмъ прочіе семь по имени только и по церквамъ могутъ называться монастырями. Это собственно гостепріимные домы для поклонниковъ и ихъ семействъ, проводящихъ постъ или всю зиму въ Іерусалимѣ. Въ остальное время года въ нихъ обитаютъ одни настоятели и сторожа. Всѣ исчисленныя нами зданія весьма древней постройки. Прочность спасла ихъ отъ совершеннаго разрушенія, при вѣковомъ воспрещеніи всякой починки. Начало починокъ было предпринято въ 1841 году, по внушенію русскаго консульства, сперва въ двухъ обителяхъ назначенныхъ для пріема русскихъ поклонниковъ и поклонницъ; затѣмъ нынѣшній Патріархъ усердно приступилъ къ починкѣ всѣхъ другихъ монастырей, и израсходовалъ на это нѣсколько милліоновъ піастровъ.

Верстахъ въ трехъ отъ Іерусалима, въ уединенной долинѣ стоитъ *Крестовый* монастырь, въ томъ мѣстѣ, гдѣ по преданію расло древо Животворящаго Креста. Это древняя Грузинская обитель, вмѣщавшая сотни братій, теперь опустѣлое жилище игумена, родомъ Грузина *). Затѣмъ далѣе, по дорогѣ къ Виѳлеему, стоитъ одинокая обитель во имя *Пророка Иліи*, въ та-

*) Крестовый монастырь возобновленъ впослѣдствіи для помѣщенія въ немъ Духовной академіи.

комъ же запустѣніи. Наконецъ въ пустынѣ Мертваго моря, верстахъ въ 15-ти отъ Іерусалима, вдоль Кедронскаго потока, среди безводныхъ скалъ, лишенныхъ всякаго слѣда прозябенія и жизни, величественно возвышается обитель Св. Саввы, будто духовный оазисъ, и надгробный памятникъ тысячь отшельниковъ населявшихъ эту Палестинскую Ѳиваиду въ VI и VII вѣкѣ, и побіенныхъ Арабами. Взоръ путника поражается здѣсь дикимъ величіемъ природы, видомъ Мертваго моря и обступающихъ его тумановъ и горъ, а слухъ отрадно внемлетъ звуку колокола, оглашающаго пустыню. Отъ 30 до 40 братій Русскихъ, Болгаръ и Грековъ обитаютъ нынѣ въ Саввинской обители, гдѣ сохраненъ по всей строгости уставъ основателя. Это единственная въ Сиріи обитель истинно отшельническая, чуждая всякой мірской суетѣ и корысти. Въ лѣтописяхъ Іерусалимскихъ упоминается о неоднократномъ разграбленіи обители кочевьями хищныхъ Бедуиновъ, и о ея запустѣніи. Саввинская обитель получаетъ отъ патріархіи припасы и все нужное, по неимѣнію особыхъ доходовъ, а Бедуины довольствуются подаяніемъ и хлѣбомъ, отпускаемымъ имъ отъ обители, и рѣдко нарушаютъ ея покой. Просторныя ея зданія и висячія надъ пропастями ея стѣны много потерпѣли отъ времени и запущенія. Недавно произведены и здѣсь значительныя починки.

Городъ Рамла состоитъ въ предѣлахъ патріаршей епархіи, а потому въ дополненіе списка монастырей сей епархіи мы должны упомянуть о Георгіевскомъ монастырѣ въ Рамлѣ, значительно распространенномъ въ недавнее время, и служащемъ для ночлега поклонниковъ на пути изъ Яффы въ Іерусалимъ.

Въ Яффѣ обширный Георгіевскій монастырь древней

постройки *), служащій равномѣрно для пріема поклонниковъ въ этой пристани Іерусалима, почитается митрополіею Яффы; но престолъ Яффскій давно упраздненъ, и управляется наравнѣ съ другими епархіями синодомъ Іерусалимскимъ чрезъ монастырскаго настоятеля Яффы.

Исчисляя епархіи Іерусалимскаго престола мы упоминали, что одни только престолы Птолемаиды и Виѳлеема управляются своими митрополитами, въ нихъ пребывающими. Ограничимся отдѣльными замѣтками о сихъ двухъ каѳедрахъ, чтобы потомъ общимъ взоромъ осмотрѣть всю Палестинскую паству.

Городокъ Виѳлеемъ, живописно расположенный среди оливковыхъ плантацій Іудейскихъ горъ, верстахъ въ двѣнадцати отъ Іерусалима, возведенъ на степень митрополіи по завѣтнымъ его святынямъ. Великолѣпный храмъ, воздвигнутый Іустиніаномъ надъ пещерою Воплощенія, никогда не былъ окончательно отстроенъ, ибо вскорѣ нахлынулъ на Палестину опустошительный потопъ ислама. Храмъ принадлежитъ Грекамъ, за исключеніемъ сѣвернаго придѣла, которымъ успѣли лѣтъ за 40 предъ симъ завладѣть Армяне, домогающіеся нынѣ совокупнаго съ греками обладанія всѣмъ храмомъ. По беззащитности Виѳлеема, неоднократно святилище это подвергалось нападеніямъ Арабовъ, и служило для пригона скота, какъ древле пещера Виѳлеема. До 1841 года храмъ былъ въ величайшемъ запущеніи. Затѣмъ Греки израсходовали около милліона піастровъ на починки; помостили мраморомъ; предохранили отъ конечной порчи остатки мозаической живописи, и даже поставили надъ оловянною его кровлею пять крестовъ, обласкавъ подарками мусульманъ, нигдѣ въ Турціи не

*) Монастырь этотъ служилъ чумнымъ лазаретомъ для Бонапартовой арміи, въ походъ 1799 г.

терпящихъ торжественнаго знаменія Христова въ воздушной высотѣ. По тремъ сторонамъ храма пристроены къ нему монастыри: греческій, армянскій и латинскій, и каждый изъ нихъ имѣетъ внутреннее сообщеніе съ храмомъ и пещерою. Въ пещерѣ Ясли исключительно присвоены Латинамъ; а олтарь Воплощенія принадлежитъ въ совокупности Грекамъ и Армянамъ. Разныя отдѣленія пещеры, служившія въ первые вѣки скитами угодниковъ, исключительно принадлежатъ Латинамъ; но они не перестаютъ домогаться полнаго обладанія и храмомъ и пещерою, какъ это было съ 1673 по 1787 годъ. А для достиженія этаго, по обычной тактикѣ Іерусалима, нужно предварительно вступить въ совокупное владѣніе, и затѣмъ улучить время чтобы изгнать совладѣтелей.

Паства Виѳлеемскаго митрополита состоитъ въ 400 православныхъ семействахъ, жителяхъ Виѳлеема и близлежащей деревни Пастырей. Изъ сего числа около 60 Виѳлеемскихъ семействъ за нѣсколько лѣтъ предъ симъ обратились въ Православіе изъ Латинъ. Затѣмъ въ Виѳлеемѣ считается еще 350 семействъ Латинъ, 15 Армянъ, 10 Коптовъ и до 50 Мусульманскихъ. Въ бывшемъ нѣкогда епископствѣ Хевронскомъ, въ древней столицѣ Израиля, подъ Виѳлеемскою митрополіею, не осталось ни одного Христіанина; лишь видны развалины христіанскихъ храмовъ.

Птолемаидская епархія занимаетъ сѣверную прибрежную Палестину, съ престольнымъ городомъ Аккою. Греческое духовенство сохраняетъ этому городу классическое имя Птолемеевъ. Церковь и пристроенная къ оной митрополія бѣдны и ветхи. Паству составляютъ около тысячи семействъ православныхъ, большею частію сельскихъ жителей; 200 семействъ недавно возсоединены къ церкви изъ числа отпавшихъ въ Унію

въ прошедшемъ вѣкѣ. Еще столько Уніатовъ остается въ предѣлахъ этой епархіи, среди преобладающаго магометанскаго народонаселенія. Птолемаидскому митрополиту, кромѣ его паствы, поручено еще бдительство надъ Галилейскими епархіями, Назаретомъ, Ѳаворомъ и Скиѳополіею, по отдаленности ихъ отъ Іерусалима.

Въ Назаретѣ христіанъ считается до 1,200 семействъ и столько же магометанъ. Двѣ трети христіанъ принадлежатъ церкви православной; изъ остальной трети 150 латинской, 180 греко-уніатской, 50 маронитской и 20 коптской. Православная церковь Назаретская построена за городомъ, надъ тѣмъ источникомъ, у коего по мѣстному преданію свершилось благовѣщеніе. Латины имѣютъ здѣсь великолѣпный монастырь, построенный крестоносцами; въ немъ заключается жилище Іосифа, гдѣ протекло дѣтство Спасителя.

Архіепископство Ѳаворское, простираясь по сѣвернымъ предѣламъ Галилеи до Іордана и Тиверіады, обнимаетъ въ своихъ предѣлахъ уединенную Ѳаворскую гору. Въ семъ малонаселенномъ краѣ считается не болѣе 60 православныхъ семей, въ двухъ селеніяхъ.

Побережье Іордана и сѣверныя отрасли Самарійскихъ горъ составляютъ древнюю епархію Скиѳополійскую. Престольному ея городу, нынѣ убогому селенію, возвращено Арабами ветхозавѣтное его имя *Бизанъ* (Виѳсанъ), вмѣсто Греческаго названія Скиѳополіи. Этотъ одичалый край, подверженный хищничеству Бедуиновъ, населенъ большею частію мусульманами. Православныхъ семействъ считается здѣсь до 160; другихъ христіанъ нѣтъ.

На югъ отъ описанныхъ епархій горы Самарійскія, промежъ Іудеи и Галилеи, составляютъ архіепископства Неапольское и Севастійское. Въ самомъ городѣ Неаполѣ, древнемъ Сихемѣ или нынѣшней Наблузѣ, по-

строенной при Іустиніанѣ, послѣ страннаго явленія бунта Самаритянъ противу имперіи, христіане имѣютъ тѣсную церковь, между тѣмъ какъ великолѣпные древніе храмы обращены въ мечети. *Севастія* построенная Иродомъ въ честь Августа Кесаря *), на мѣстѣ древней Самаріи, сохраняетъ только развалины своихъ дворцовъ и великолѣпнаго храма, воздвигнутаго Іустиніаномъ надъ тою подземною темницею, гдѣ Иродіада отсѣкла главу Предтечи, и гдѣ была его гробница. Среди развалинъ воздвигнута мечеть, и мусульмане окружаютъ особымъ благоговѣніемъ гробъ Мученика-Пророка. Около 250-ти христіанскихъ православныхъ семействъ разсѣяны по селеніямъ этихъ двухъ епархій, гдѣ особенно преобладаетъ мусульманская стихія.

Прибрежная полоса Палестины составляетъ епархіи Кесарійскую, Лиддскую, Іоппейскую и Газійскую.

Первопрестольная Кесарія, знаменитая духовными своими училищами, обозначена развалинами у Палестинскаго взморья. Немногіе жители одичалаго края исповѣдуютъ магометанство, а титло Кесарійскаго митрополита принадлежитъ обыкновенно нарѣченному преемнику патріарха Іерусалимскаго.

Около 500 семействъ православныхъ обитаютъ епархіи: Лиддскую, Іоппейскую и Газійскую. Бывшій престольный градъ Лидда, нынѣ бѣдная деревушка, замѣчательна по развалинамъ собора во имя Св. Георгія, ея уроженца. Въ Яффѣ (Іоппеѣ) Латинъ и Греко-Уніатовъ считается до 130 семействъ. Армяне подобно Грекамъ и Латинамъ имѣютъ здѣсь монастыри для пріема своихъ поклонниковъ. Остальное все народонаселеніе мусульманское, за исключеніемъ 250 домовъ Евреевъ. Въ Газѣ замѣчателенъ древній великолѣпный соборъ.

---

*) Греческое слово Σεβαστος соотвѣтствуетъ Латинскому Augustus

Заіорданская Палестина вмѣщала нѣкогда въ своихъ предѣлахъ много престоловъ и значительное число христіанъ. Край этотъ одичалъ въ теченіи двухъ послѣднихъ столѣтій, и предоставленъ теперь наѣздамъ Бедуиновъ Великой пустыни. Осѣдлое его народонаселеніе сосредоточено въ городѣ Керакѣ, на востокъ отъ Мертваго моря, и въ горѣ Аджелунской, по лѣвому берегу Іордана. Число христіанъ во всей этой сторонѣ едва простирается нынѣ до 500 семействъ. Съ нѣкотораго времени Іерусалимская церковь особенно печется объ этихъ остаткахъ христіанства Заіорданскаго, строитъ имъ храмы и учреждаетъ училища. Въ развалинахъ престольнаго града Петры-Аравійской рыскаютъ стада газелей, гіенны и ватаги Бедуиновъ. Въ городѣ Керакѣ считается 300 православныхъ семействъ и столько же осѣдлыхъ мусульманъ. Они живутъ въ добромъ союзѣ между собою, ради общей защиты отъ Бедуиновъ, а правительственной власти надъ собою почти не признаютъ, и податей не платятъ. Туда спасалось православное духовенство Іерусалима въ пору нашествія крестоносцевъ и Западнаго духовенства. Полагаютъ, что въ этомъ мѣстѣ была древняя столица Моавитовъ. Кодга крестовыя ополченія стали переходить за Іорданъ, Керакъ сдѣлался передовымъ ихъ постомъ противъ Арабовъ. Замокъ построенный здѣсь Балдуиномъ нынѣ полуразрушенъ.

По ходатайству митрополита Мелетія Петры-Аравійской, намѣстника Патріарха Іерусалимскаго, и благочестивыми заботами графа Н. В. Адлерберга, была сдѣлана въ 1846 году въ Россіи подписка на сооруженіе храма въ Керакѣ. Пожертвованіями отечества нашего не только церковь основана, но и училище, и сверхъ того обезпеченъ постоянный доходъ для оглашенія Слова Божія въ семъ отрадномъ оазисѣ, гдѣ

чудесно сохранилось христіанство чрезъ 12-ти вѣковую бурю, свирѣпствующую неугомонно за Іорданомъ.

Патріархъ Кириллъ съ своей стороны возобновилъ церковь престольнаго града Филадельфіи, основаннаго Птоломеемъ Филадельфомъ, когда Палестина принадлежала Греко-Египетской династіи, нынѣ убогомъ арабскомъ селеніи *Сальтѣ*, и основалъ тамъ училище.

Знаменитая Синайская обитель, на Аравійскомъ полуостровѣ, издревле пользуется правами самостоятельности, хотя Іерусалимское духовенство и сопричисляетъ ее къ своимъ епархіямъ. Іерусалимскій престолъ основывается въ семъ случаѣ на актѣ 1520 года между Патріархами Діонисіемъ Константинопольскимъ и Германомъ Іерусалимскимъ, по случаю введенныхъ тогда разныхъ преобразованій по церковному управленію. Подчиненность Синая Іерусалимскому престолу ограничивается впрочемъ обычаемъ ежегоднаго взноса въ Іерусалимъ корзины фиников и грушъ изъ искуственныхъ садовъ, воздѣлываемыхъ трудами братіи на скалахъ древнезавѣтной горы Откровенія. Судьбы Синайской обители и чудесное ея сохраненіе, среди потопа магометанскаго и политическихъ бурь Аравійскаго полуострова, составляетъ одинъ изъ любопытнѣйшихъ фактовъ Восточной исторіи, выражающихъ силу духовной заповѣди надъ племенами чувственными и страстными, каковы Арабы. Въ самомъ дѣлѣ, чрезъ столько вѣковъ злѣйшей борьбы ислама съ христіанствомъ отъ Ярмукской битвы, гдѣ пало сто тысячь воиновъ, и которая прозвана въ Арабскихъ лѣтописяхъ *днемъ слѣпотнымъ*, отъ множества Арабовъ ослѣпленныхъ стрѣлками царя Ираклія, съ той эпохи и до похода Наполеона въ Аравію, при всемъ разгарѣ народнаго фанатизма и фанатизма духовнаго, одинокая и беззащитная обитель христіанская, на скалѣ Синайской, осталась неприкосно-

венна. Среди милліоновъ вооруженныхъ кочевыхъ племенъ, живущихъ грабежемъ, она и до сего времени окружена ихъ благоговѣніемъ, по преданію о льготной заповѣди Мухаммедовой. Замѣтимъ еще, что не правительственная власть защищала обитель Синайскую въ сей странѣ, недоступной ея вліянію, но чувство проникнувшее въ самое сердце народа, въ эти полудикія кочевья Бедуиновъ. Сосѣднія племена Арабовъ наслѣдственно со временъ мухаммедовыхъ обложены службою монастырю, отъ котораго впрочемъ получаютъ они пособіе хлѣбомъ въ неурожайные годы.

Обитель управляется епископомъ самостоятельнымъ, избираемымъ братіею; но по давно введенному обычаю епископъ пребываетъ въ Константинополѣ, гдѣ онъ завѣдываетъ доходами съ имуществъ, преклоненныхъ Синаю въ Дунайскихъ Княжествахъ и другихъ мѣстностяхъ, и многими подворьями, ему приписанными въ разныхъ городахъ. Число всей братіи Синайской простирается нынѣ до 150 человѣкъ. Впрочемъ не болѣе 15 или 20 иноковъ отшельничествуютъ въ самомъ монастырѣ; другіе живутъ по подворьямъ, или управляютъ имуществомъ къ нимъ приписаннымъ. Внутреннимъ управленіемъ обители завѣдываетъ совѣтъ старѣйшихъ. При обстоятельствахъ болѣе благопріятныхъ Синайская обитель могла бы послужить для оглашенія вѣры Аравійскому полуострову. Примѣчанія достойно, что въ самой Калькуттѣ Синайская братія основала единственную во всей Индіи православную церковь, о которой впрочемъ никакихъ положительныхъ свѣдѣній мы не имѣемъ.

Въ предѣлахъ обозрѣнныхъ нами двухъ престоловъ Антіохіи и Іерусалима, число православныхъ простирается до 140,000 душъ (около 110,000 подъ Антіохійскимъ и не болѣе 30,000 подъ Іерусалимскимъ). Въ

Антіохійскихъ епархіяхъ считается монаховъ, іеромонаховъ и епископовъ 110, священниковъ 290, монастырей 17, церквей 250. Въ Іерусалимскихъ епархіяхъ чернаго духовенства 200 лицъ (не включая Синайской братіи) изъ коихъ впрочемъ едва ли половина пребываетъ въ Палестинѣ; священниковъ 70, монастырей 20, церквей 50.

В. ЛАТИНЫ.

Латинское духовенство, которое наводнило Сирію и Палестину въ крестовые походы, явило Востоку, вмѣсто доблестей приличныхъ церковному сану, постыдное зрѣлище своихъ козней и суеты мірской. Оно было изгнано вмѣстѣ съ крестоносцами. Подъ угрозою смертной казни мусульманскіе завоеватели запретили ему посѣщать Іерусалимъ. Впослѣдствіи договоры заключенные Франціею съ Оттоманскимъ правительствомъ, обезпечили Латинскому духовенству тѣ преимущества, которыми оно понынѣ пользуется на Востокѣ.

Въ XVII столѣтіи Востокъ, и преимущественно Сирія, открыли новое поприще дѣятельности могущественнаго тогда Іезуитскаго ордена. Іезуиты основали монастыри въ Алеппѣ и на горѣ Ливанской. Шейхъ Абу-Нофель, изъ рода Маронитскихъ дворянъ *Хазенъ*, оказалъ свое покровительство Западнымъ миссіонерамъ, даровалъ имъ земли и дома. Въ награду за то Папа пожаловалъ его кавалеромъ, а Французскій король назначилъ этаго шейха своимъ консуломъ въ Бейрутѣ, тогдашней столицѣ Ливанскаго княжества. Между тѣмъ какъ Францисканскіе монахи, возвратившись въ Палестину, домогались святыхъ поклоненій, при дипломатическомъ ходатайствѣ Франціи, Іезуиты съ своей стороны удачно подвизались противъ древнихъ церквей Востока, посѣщая всю страну отъ прибрежья Сирій-

скаго до Курдистана и до Багдата, всюду ласкаясь къ мѣстному духовенству, снискивая любовь народа, изучая языкъ и край, порою принимая видъ духовенства Восточнаго, и готовя такимъ образомъ элементы прозелитизма, обнаружившагося въ XVIII столѣтіи между Армянами Малой Азіи, православными Арабами и Яковитами въ Сиріи, и въ Несторіанахъ за-Евфратскихъ.

По уничтоженіи Іезуитскаго ордена буллою Климента XIV, монастыри его въ Алеппѣ и на Ливанѣ были переданы Лазаристамъ, которые исключительно занимаются теперь на Востокѣ католическимъ воспитаніемъ юношества. Въ двадцатыхъ годахъ Іезуиты вновь стали посѣщать Востокъ. Такъ какъ прежнія ихъ заведенія остались за Лазаристами, то они стали вновь пріобрѣтать земли и строить монастыри и училища, располагая значительными суммами изъ Европы.

По всѣмъ Сирійскимъ городамъ, гдѣ только есть хотя нѣсколько Европейскихъ поселенцевъ, существуютъ приходскія церкви и подворья Капуцинскія или Францисканскія. Съ размноженіемъ западныхъ выходцевъ, размножаются и подворья католическія. На горѣ Кармилѣ были встарину двѣ убогія обители, Греческая и Латинская. Въ эпоху возстанія Греціи Абдаллахъ-паша Аккскій, между прочими гоненіями на церковь, разрушилъ эти зданія, подъ предлогомъ будто христіане намѣревались тамъ укрѣпиться, при пособіи Грековъ Морейскихъ. Онъ конфисковалъ мѣсто и выстроилъ себѣ лѣтнее жилище. Впослѣдствіи Латины успѣли войти къ нему въ милость, и получили позволеніе строиться вновь. Этимъ воспользовались они, чтобы завладѣть мало по малу и бывшимъ имуществомъ Грековъ, и даже домомъ изгнанника Абдаллаха. Сборомъ подаяній изъ Европы они основали здѣсь великолѣпнѣйшій на всемъ Востокѣ монастырь католи-

ческій, израсходовавши на это зданіе болѣе полутора милліона франковъ, и обезпечивши ему доходъ изъ домовъ, магазиновъ и подворій, пріобрѣтенныхъ или построенныхъ ими въ разныхъ Сирійскихъ городахъ.

Въ 1845 году Іезуиты выписали изъ Италіи въ пособіе себѣ женскій орденъ Сестеръ Св. Іосифа, сопричисленный къ братству Іезуитскому, для вящшаго усиленія прозелитическаго дѣла, воспитаніемъ дѣвицъ и тайнымъ дѣйствіемъ въ лонѣ семействъ. Лазаристы съ своей стороны успѣли вскорѣ затѣмъ основать въ Бейрутѣ обширное заведеніе Сестеръ милосердія, подвѣдомыхъ Лазаристскому ордену, съ училищемъ народнымъ, дѣвичьимъ пансіономъ, богадѣльнею и госпиталемъ. По этому случаю сестры Св. Іосифа, которыхъ молодость и пріемы возбудили въ Бейрутѣ негодованіе Маронитскаго духовенства, были переведены въ Іерусалимъ, для основанія тамъ дѣвичьяго училища.

Изъ приведенной нами таблицы Сирійскаго народонаселенія видно, что число христіанъ, принадлежащихъ собственно Латинской церкви, ограничивается во всей Сиріи и Палестинѣ тысячею семействъ, и то большею частью переселенцы или гости изъ Запада. Между туземцами только въ Палестинѣ есть общества Латинскаго догмата. Между тѣмъ духовенства Латинскаго считается въ сей странѣ до 300 лицъ; а именно: Іезуитовъ 25, Лазаристовъ отъ 30 до 40, Капуциновъ 20, Францисканов около полутораста, до 40 Кармелитовъ, Сестеръ милосердія 10, и столько же Сестеръ Св. Іосифа. Все это духовенство не только исполняетъ безвозмездно всѣ церковныя требы, но даже оказываетъ значительныя пособія туземцамъ, раздаетъ милостыни бѣднымъ семействамъ, не говоря уже о томъ, что безвозмездно пользуетъ бѣдныхъ, и вездѣ обучаетъ дѣтей грамотѣ, или содержитъ школы и пансіоны, гдѣ за

ничтожную плату, или безъ платы, воспитываются дѣти почетныхъ семействъ. Никакихъ доходовъ мѣстныхъ оно не имѣетъ, развѣ съ присвоеннаго ему имущества, или отъ добровольныхъ взносовъ поселенныхъ здѣсь Европейцевъ или путешественниковъ, или же отъ обычныхъ лотерей въ пользу больницъ и т. п. Между тѣмъ Латинское духовенство располагаетъ огромными суммами, всюду строится, окружаетъ свои олтари подобающимъ благолѣпіемъ, и сверхъ милостыни народу оказываетъ пособіе другимъ католическимъ церквамъ. До 1830 года Латинскіе монастыри, какъ въ Сиріи такъ и въ Палестинѣ, не имѣли и половины нынѣшнихъ своихъ размѣровъ, и нуждались часто въ насущномъ хлѣбѣ. Въ настоящее время пособія поступающія къ Латинскому духовенству сего края изъ Запада должны простираться до 2,000,000 франковъ ежегодно. Источники этихъ доходовъ не опредѣлительны и не постоянны. Отъ Французскаго правительства выдается около 100,000 франковъ въ видѣ пособія, на поддержаніе Латинскихъ церквей и приходовъ, въ тѣхъ городахъ, гдѣ учреждены Французскія консульства, или же въ видѣ стипендій на училища. Отъ Ліонской пропаганды, учрежденной понедѣльнымъ сборомъ по полуторы копѣйки съ милліоновъ подписчиковъ низшихъ сословій во Франціи, Бельгіи, Сардинскомъ королевствѣ и католическихъ странахъ Германіи, высылаются въ Сирію то постоянныя пособія, то чрезвычайныя дачи, смотря по обстоятельствамъ. Испанія доставляла прежде постоянныя милостыни отъ Двора, особенно въ Іерусалимъ; нынѣ отъ времени до времени собираются тамъ милостыни народныя. Римскій Дворъ доставляетъ также значительныя суммы. Но главный источникъ дохода — пожертвованія частныхъ лицъ, по собственному ли призванію дарителей и завѣщателей, или посредствомъ

сбора, производимаго посланцами Латинскаго духовенства самой Сиріи. Дѣятельность и способность монаховъ, наряжаемыхъ для этихъ сборовъ, средства, искусно употребляемыя ими, чтобы добыть денегъ не у однихъ благочестивыхъ жертвователей, но даже у лицъ чуждыхъ всякаго усердія къ вѣрѣ, или же не принадлежащихъ католической церкви, превосходятъ всякое вѣроятіе. Такъ напримѣръ, помянутые нами полутора милліона франковъ на постройку Кармильскаго монастыря собраны въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ безграмотнымъ Кармелитскимъ монахомъ Фра-Жанъ-Баттистомъ по всѣмъ Европейскимъ государствамъ. Изъ Россіи даже получилъ значительныя суммы Фра-Жанъ-Баттистъ, хотя самъ въ Россію не ѣздилъ, а только списывался съ другими лицами, возбуждая усердіе дарителей своими разсказами, журнальными статьями, всякими небылицами. Когда обитель была отстроена, Фра-Жанъ-Баттистъ убѣдилъ Французскаго литератора Александра Дюма описать живѣйшими красками въ журналахъ тѣ опасности, которымъ подвергаются будто-бы путники на горѣ Кармилѣ, когда по ночамъ идутъ просить гостепріимства у монаховъ. Дюма разсказалъ небылицы о хищныхъ звѣряхъ, львахъ, тиграхъ и гіенахъ, рыскающихъ подъ стѣнами обители, которая не имѣла средствъ обстроиться заборомъ. Этою смѣлою выдумкою добыто еще тысячь сто франковъ, изъ которыхъ купили монахи доходное имѣніе для обители. Сестры милосердія въ прибытіе свое въ Бейрутъ въ 1846 году имѣли съ собою не болѣе 40,000 франковъ капитала, а доходъ обезпеченный имъ отъ Ліонской пропаганды едва ли простирался до 10,000 франковъ въ годъ. Съ полнымъ довѣріемъ въ свои грядущія средства, онѣ тогда же приступили къ дѣлу въ самыхъ обширныхъ объемахъ, купили просторное

мѣсто, выстроили великолѣпное зданіе, основали училище, пансіонъ, больницу, а на все это израсходовано до сего времени не менѣе 300 тысячъ франковъ. Если съ одной стороны утѣшительно видѣть, что среди преобладающаго на Западѣ безвѣрія, чувство религіозное выражается столь щедрымъ усердіемъ народовъ къ своей церкви, за то прискорбно видѣть направленіе самаго духовенства Латинскаго на Востокѣ, съ того времени какъ усиленіе и распространеніе его дѣятельности служитъ уже не къ самосохраненію, еще менѣе къ проповѣди христіанства между невѣрными, но единственно орудіемъ къ распространенію на Востокѣ вліянія Папы Римскаго. Очевидно, что средства духовныя и матеріальныя, которыми располагаетъ Латинская церковь въ Сиріи, далеко превосходятъ всякую соразмѣрность съ нуждами паствы. За то Латинское духовенство здѣсь, какъ и по всему Востоку, обнаруживаетъ двоякую дѣятельность: съ одной стороны служитъ оно центромъ разныхъ Католическихъ сектъ, пріобрѣтенныхъ пропагандою Рима, усиливая постепенно межъ ними вліяніе Папы, и направляя духовное ихъ развитіе, сообразно съ видами Рима, а съ другой — подвизается оно противу Восточныхъ церквей, усиливается подкапывать внутреннюю ихъ дисциплину и ихъ вліяніе на народъ, и стремится, не разбирая средствъ, къ конечному ихъ разрушенію и къ покоренію Христіанскаго Востока духовному единовластію Рима. Это направленіе Латинскаго духовенства и плоды его вѣковыхъ усилій будутъ оцѣнены точнѣе при обзорѣ самихъ католическихъ сектъ Сиріи. Ограничимся покамѣсть краткимъ изложеніемъ внутренняго устройства сего духовнаго ополченія Запада въ той сторонѣ Востока, на которую преимущественно устремлены виды

Римскаго Первосвященника, и теперь, какъ и въ эпоху крестовыхъ войнъ.

Каждый изъ помянутыхъ орденовъ зависитъ собственно отъ своего генерала, пребывающаго въ Римѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ они въ совокупности подвѣдомы коллегіуму пропаганды. Мѣстный надзоръ за ихъ дѣйствіями ввѣренъ двумъ представителямъ Папской власти — Делегату пребывающему на Ливанѣ, который вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ блюстителемъ надъ туземными католическими сектами, ходатаемъ и посредникомъ въ возникающихъ между ними спорахъ, и новоназначенному отъ Папы Латинскому Патріарху Іерусалима. Эти многосложныя пружины подчиненности и надзора представляютъ ту выгоду, что непосредственное дѣйствіе Папской власти проявляется только въ случаяхъ крайней важности по части церковнаго управленія и дисциплины, и поощряютъ свободное соревнованіе между орденами въ сферѣ дѣятельности указанной каждому изъ нихъ.

Приходы Латинскіе и духовныя требы паствы исключительно предоставлены Капуцинамъ и Францисканамъ, которые вмѣстѣ съ тѣмъ пекутся и о воспитаніи дѣтей въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ нѣтъ другихъ католическихъ училищъ. Лазаристы занимаются собственно воспитаніемъ католическаго юношества высшихъ сословій. Они имѣютъ большой и хорошо устроенный коллегіумъ въ Антурѣ, на горѣ Ливанской, и другой въ Алеппѣ, бывшій Іезуитскій. Въ этихъ двухъ коллегіумахъ около сорока воспитанниковъ, большею частію изъ дѣтей туземныхъ почетныхъ семействъ, содержится на счетъ Французскаго правительства. Іезуиты въ недавніе годы основали обширный коллегіумъ въ Бейрутѣ, и другіе три на Ливанѣ. Это народныя училища для дѣтей всѣхъ сословій, возрастовъ и ис-

повѣданій; но въ существѣ воспитаніе небрежно, служа только предлогомъ и приманкою въ этихъ центрахъ всяческихъ происковъ, откуда распространяется вліяніе Іезуитское на семейства и общины. Между тѣмъ Іезуиты прикупаютъ земли, обзаводятся обширнымъ хозяйствомъ, пользуютъ больныхъ, обучаютъ жителей разнымъ отраслямъ сельскаго хозяйства и земледѣлія, вкрадываются въ довѣріе аристократическихъ семействъ края, и владѣя всяческими практическими свѣдѣніями, становятся людьми необходимыми. Кармелиты монашествуютъ въ своемъ прекрасномъ монастырѣ и въ разныхъ его подворьяхъ, живутъ роскошно, и подъ благовиднымъ предлогомъ гостепріимства странниковъ, угощаютъ богатыхъ путешественниковъ, а бѣднымъ странникамъ даютъ ночлегъ и хлѣбъ трое сутокъ. Главное ихъ занятіе — хозяйство и умноженіе дохода.

Палестина исключительно предоставлена ордену Францисканов, и потому орденъ этотъ на Востокѣ именуется орденомъ Святыя земли (Terra-Santa). Устройство его въ Палестинѣ представляетъ нѣкоторый отпечатокъ эпохи крестовыхъ походовъ; самыя лица, можно сказать, сохранили, если не рыцарскія доблести тѣхъ временъ, то по крайней мѣрѣ совершенное невѣжество, изувѣрство, сварливый нравъ и безпокойный характеръ крестоносцевъ, всѣ грубые пороки такъ живо проглядывающіе сквозь романтическія покрывала, набросанныя на ту эпоху временемъ и поэзіею. Они именуютъ себя потомками крестоносцевъ и ихъ преемниками у стражи Святогробской. Впрочемъ такъ какъ на мусульманъ Францисканы не могутъ обращать свои воинственныя наклонности, то къ нимъ они стараются приласкаться, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать противу ненавистныхъ соперниковъ, Православныхъ и Армянъ. Проистекающія отъ сего народныя ненависти, тяжбы

и всякія безчинства у Святыхъ поклоненій Палестинскихъ, извѣстны всему міру, и мы имѣли уже случай о нихъ упомянуть. Сказанное въ статьѣ о Греческомъ Святогробскомъ духовенствѣ отстранитъ отъ нашего образа воззрѣнія всякій упрекъ въ пристрастіи къ тому или другому; но нельзя не приписывать всего болѣе Латинамъ преобладающаго въ Іерусалимѣ духа несогласія и раздора. Какія бы ни были постановлены начала для водворенія порядка и благочинія въ храмѣ Святогробскомъ и другихъ поклоненіяхъ, гдѣ разныя исповѣданія соприкосновенны, они будутъ безсильны, пока не водворится если не братское, подобающее между ними согласіе, то по крайней мѣрѣ терпимость взаимная. А чувство терпимости такъ чуждо всѣмъ понятіямъ Латинъ, что почитается противнымъ основному догмату католической церкви о духовномъ единодержавіи Папы. По своей католической теоріи они безъ обиняковъ объявляютъ, что Римская церковь никогда не можетъ согласиться на уравненіе правъ своихъ надъ Св. поклоненіями съ другими исповѣданіями, и даже никогда не признаетъ какого либо права другимъ исповѣданіямъ. Миръ съ другими исповѣданіями они считаютъ ересью; но перемиріе готовы заключить на томъ основаніи, чтобы другія удовлетворили ихъ всякими уступками, а взамѣнъ они оставятъ процессъ открытымъ объ остальныхъ своихъ притязаніяхъ, и отложатъ до времени наступательныя свои дѣйствія, пока удастся вытѣснить окончательно изъ Палестины Грековъ и Армянъ. Въ подкрѣпленіе такой теоріи они говорятъ, что Папы доселѣ не отказываются отъ притязаній своихъ на Авиньонъ. Не намъ, говорятъ они, принадлежатъ Святыя поклоненія, но Спасителю и Апостоламъ. Намѣстникъ Спасителя и преемникъ Апостоловъ, не имѣетъ никакого права уступать другому

предметъ ввѣренный его стражѣ, но не ему принадлежащій. Когда софизмъ доходитъ до такого цинизма, то можно ли ожидать мира и согласія между исповѣданіями? Съ одной стороны они оглашаютъ Западъ воплемъ на Грековъ, и называютъ ихъ похитителями святыни, а съ другой — жалуя встрѣчныхъ путешественниковъ въ рыцари Св. Гроба за 50 червонцевъ (на это есть такса) и надѣвая имъ такъ называемыя шпоры и шпагу короля Готфрида, приводятъ ихъ къ присягѣ внутри Гроба Господня *на преслѣдованіе схисматиковъ*. Церковь же наша ежедневно молится о *соединеніи всѣхъ*.

Мы уже упоминали, что съ нѣкотораго времени почетнымъ представителемъ Папы въ Іерусалимѣ служитъ новопоставленный Латинскій Патріархъ Валерга. Его послалъ Римскій Дворъ на Востокъ въ порывѣ преобразованій предпринятыхъ Піемъ IX, когда онъ и Нунція посылалъ къ Султану и окружными письмами призывалъ Восточныя племена къ соедененію съ Римомъ, вмѣсто того чтобы охранять собственный престолъ и церковь отъ внутренней напасти и отъ пародіи Римской республики. Восточныя попытки Пія IX вели болѣе къ суетному эффекту, чѣмъ къ существенной какой либо цѣли. Нельзя не удивляться тому легкомыслію, съ которымъ глава одной изъ церквей обращается не къ церкви, не къ духовенству съ предложеніемъ о возсоединеніи, или точнѣе сказать о подчиненіи ихъ догмату ими осужденному, но къ массамъ народнымъ, и прызываетъ массы народныя къ возстанію противу духовной ихъ власти. Если съ другой стороны основаніе Латинской Патріаршей каѳедры въ Іерусалимѣ имѣло цѣлію, усиленіе внутренней дисциплины церковной и наступательныхъ средствъ противу Грековъ и Армянъ, то врядъ ли кромѣ наружнаго блеска можно ожидать отъ этой мѣры другихъ результатовъ. Пока францисканскій орденъ

Св. Земли сохраняетъ нынѣшнее свое внутреннее устройство, Патріархъ пребудетъ болѣе почетнымъ гостемъ, чѣмъ главою своего духовенства. Самъ онъ состоитъ на папскомъ жалованіи, а духовенство зависитъ отъ своего орденскаго начальства, и не допускаетъ ничьего вмѣшательства во внутреннія его дѣла, въ монастырское и въ хозяйственное управленіе. По старинному учрежденію имъ начальствуетъ іеромонахъ, посылаемый на трехлѣтіе изъ Рима съ титуломъ *Ревендиссима и стража Св. Земли.* Этому іеромонаху предоставлены епископскія почести, перстень и митра. Онъ долженъ быть природный Римлянинъ. Власть его ограничена мѣстнымъ вліяніемъ братіи постоянно здѣсь пребывающей. Сверхъ того при немъ состоитъ викарій, Итальянскій уроженецъ, наряжаемый также изъ Рима; но ни тотъ, ни другой не могутъ ничего предпринять безъ согласія *Прокураторовъ*, избираемыхъ братіею, и казначея безсмѣннаго, равно избираемаго братіею. Въ монастырѣ бывшемъ Іоанна Богослова, нынѣ Спасскомъ, сосредоточивается управленіе Францисканъ. Число братій простирается въ немъ до 50. Они имѣютъ внутреннюю богатую церковь и ризницу, въ которой хранятся изящные и богатые дары разныхъ католическихъ королей. Они же идутъ служить въ принадлежащую имъ пещеру Геѳсиманійской долины, гдѣ укрывались Апостолы во время предательства, равно и въ придѣлъ Св. Елены, пристроенный извнѣ ко храму Воскресенія, и во вновь выстроенную церковь, гдѣ была темница Христова, и коей мѣсто даровано имъ по ходатайству принца Жоэнвиля, посѣтившаго Св. мѣста подъ Египетскимъ владычествомъ. Кромѣ сего до 10 братій пребываетъ безвыходно въ самомъ храмѣ Воскресенія, гдѣ игуменствуютъ по очереди Испанецъ и Итальянецъ. Въ Іерусалимѣ другихъ монастырей Францисканы не

имѣютъ; поклонниковъ своихъ принимаютъ въ особый домъ, а нѣсколько другихъ домовъ, имъ принадлежащихъ, служатъ для безмезднаго помѣщенія бѣдныхъ семействъ Латинскаго исповѣданія. Такъ какъ число Латинскаго народонаселенія въ Іерусалимѣ и во всей Палестинѣ весьма ограничено, то монастырь раздаетъ значительныя милостыни, и вообще платитъ за всѣхъ казенныя повинности, не употребляя впрочемъ на эту статью и трети тѣхъ расходовъ, какими обремененъ Греческій монастырь въ пользу паствы.

Въ древнемъ Виѳлеемскомъ монастырѣ, пристроенномъ ко храму и принадлежащемъ Францисканамъ, пребываетъ 15 или 20 братій Итальянцевъ и Испанцевъ. Игуменъ избирается по очереди той или другой націи, а хранитель ризницы (sacristano) всегда Испанецъ. Въ Горней, въ двухъ часахъ отъ Іерусалима, имъ принадлежитъ древній монастырь Св. Іоанна Предтечи; тамъ пребываетъ 10 братій, а игуменъ всегда Испанецъ. Въ Назаретѣ, въ великолѣпномъ монастырѣ Благовѣщенскомъ, воздвигнутомъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ домъ Іосифа, игуменствуетъ Французъ, а братій считается до 15. Наконецъ въ Яффѣ и въ Рамлѣ есть значительные Францисканскіе монастыри, во имя Св. Петра и Богородицы; игуменствуютъ Испанцы, а братіи считается въ нихъ до 20 человѣкъ разныхъ націй.

Всѣ исчисленные нами Францисканскіе монастыри обязаны гостепріимствомъ странникамъ, имѣютъ нѣкоторое доходное имущество, и получаютъ пособіе отъ ордена. Впрочемъ жизнь въ нихъ скудна. Только немногіе изъ устарѣвшихся въ нихъ монаховъ пребываютъ безсмѣнно; остальные переводятся изъ одного въ другой, и часто замѣняются другими пришлецами изъ Европы, пробывши положенный срокъ въ Палестинѣ.

Въ политическомъ отношеніи всѣ монастыри, подворья и церкви Латинскія подлежатъ вѣдомству Французскихъ консульствъ, и всѣ Латинскіе монахи, къ какой бы они націи ни принадлежали, состоятъ на правахъ Французскихъ подданныхъ. Льготы и права, трактатами обезпеченныя подданнымъ Европейскихъ государствъ въ Оттоманской имперіи, были до преобразованій Махмудовыхъ единственною порукою существованія Европейцевъ, среди анархическаго хаоса и произвольнаго деспотизма мѣстныхъ властей. Франція въ благородномъ соревнованіи къ вѣрѣ, въ пору своего величія, при Лудовикѣ XIV, стяжала неоспоримую славу, обезпечивъ свободу богослуженія своимъ Восточнымъ единовѣрцамъ, обезпечивъ ихъ храмы и св. поклоненія отъ насилій и отъ произвольнаго конфискованія. Когда, благодаря успѣхамъ преобразованій на Востокѣ, миновалась всякая опасность со стороны властей Оттоманскихъ, охранительныя начала трактатовъ Людовика XIV обращаются Латинскимъ духовенствомъ въ орудіе возрастающихъ его исключительныхъ притязаній противъ другихъ христіанскихъ церквей, а Французскіе представители, домогаясь религіознымъ вліяніемъ укрѣпить политическое вліяніе на Востокѣ, суетно поддерживаютъ самыя прихотливыя домогательства своихъ единовѣрцевъ и наступательныя ихъ дѣйствія противу христіанскихъ церквей. Съ другой стороны вліяніе Французскихъ консульствъ на духовенство ограничивается правомъ заступничества; но унять неправильныя его дѣйствія, или присудить виновнаго къ законному наказанію, Консулы не могутъ, по самостоятельности духовнаго управленія. Легко себѣ представить, какую смѣлость внушаетъ предпріимчивому Латинскому духовенству это странное льготное состояніе ему предоставленное, эта увѣренность лицъ и обществъ

найти всегда покровительство отъ чужой обиды, при совершенной безнаказанности обидъ, съ такимъ удальствомъ наносимыхъ соперникамъ.

C. МАРОНИТЫ.

Статистическія изслѣдованія наши о племенахъ Сирійскихъ расположены по вѣроисповѣданіямъ ихъ, не только потому что гражданское управленіе на Востокѣ руководствуется симъ началомъ, но по самому коренному развитію народности Восточныхъ племенъ на духовномъ началѣ. Среди ересей обуревавшихъ Сирію подъ вліяніемъ противуположныхъ ученій Евтихія и Несторія, возникло ложное вѣрованіе о единой волѣ въ Спасителѣ. Шестой Вселенскій Соборъ осудилъ Монофелитовъ. Неподалеку отъ нынѣшней Хамы (Епифаніи) на берегахъ Оронта, отшельничествовалъ Сирійскій монахъ Марунъ при императорѣ Маврикіѣ. Воспламененный догматомъ Монофелитовъ, отшельникъ сдѣлался краснорѣчивымъ проповѣдникомъ ереси между сосѣдними племенами. Вотъ начало Маронитскаго племени, которое причислило ересіарха къ лику Святыхъ, именуя его защитникомъ Православія противу Монофизитовъ и Несторіянъ, и храня преданіе о духовныхъ его сношеніяхъ съ Іоанномъ Златоустомъ. По смерти Маруна скитъ его обратился въ огромный монастырь, вмѣщавшій до 800 братій. Онъ былъ разрушенъ въ послѣдствіи императоромъ Юстиніаномъ II, который обращалъ на гоненіе ересей всю дѣятельность нужную на защиту имперіи отъ невѣрныхъ. Нашествіе Арабовъ заставило Маронитовъ, преслѣдуемыхъ отъ Константинопольскаго Двора, искать убѣжища на горахъ Ливанскихъ, коихъ племя искони было извѣстно подъ именемъ *Мардаитовъ*, что означаетъ на Сирійскомъ языкѣ *буйныхъ*, по непокорности ихъ императорской

власти. Съ того времени имена Маронитовъ и Мардаитовъ сдѣлались тождезначащими, особенно въ Византійскихъ историкахъ, а тѣ Сирійскіе христіане, которые остались вѣрными православію и покорными императорамъ, стали именоваться *Мельхитами*, то есть приверженцами царскими. Сего-то послѣдняго наименованія стали домогаться въ наше время Сирійскіе Греко-Уніаты, секта новая, о которой далѣе будемъ говорить.

Переселенцы вскорѣ слились съ Ливанскимъ туземнымъ племенемъ, отстояли съ нимъ свои горы противу нашествій Арабскихъ завоевателей, и заключивъ союзъ съ княземъ сосѣдняго Джибейля (др. Вивлоса) простирали свои набѣги до Дамаска и Іерусалима. Греческій Дворъ, вмѣсто того чтобы употребить ихъ передовыми стражами имперіи, пожертвовалъ ими при заключеніи мира съ Халифомъ Абдельмелекомъ, и тѣмъ усилилъ еще враждебныя чувства горцевъ къ Константинополю, и духовное ихъ отчужденіе. Въ то время церковное и политическое управленіе этого племени соединилось въ рукахъ даровитаго инока Іоанна Маруна, который занялъ монастырь *Канобинъ*, основанный Ѳеодосіемъ Великимъ близь знаменитыхъ Кедровъ Ливанскихъ, и понынѣ служащій престольнымъ патріаршимъ монастыремъ Маронитовъ. Преемники Іоанна Маруна приняли впослѣдствіи титулъ Патріарховъ Антіохійскихъ. По соединеніи ихъ съ Римомъ, Папская булла признала ихъ въ этомъ санѣ. Изъ крестовыхъ лѣтописей видно, что соединеніе ихъ съ Западною церковію совершилось Алимерикомъ, третьимъ Латинскимъ Партіархомъ Антіохіи въ 1182 году. Но церковные лѣтописцы Маронитовъ силятся доказать, что ихъ предки никогда не были Моноѳелитами, не отступали отъ православія, и пребыли въ постоянномъ ду-

ховномъ общеніи съ Римомъ. Должно думать, что не только прежде указанной нами эпохи соединенія съ Римомъ, но и послѣ впадали они въ ересь; ибо въ актахъ Флорентійскаго собора упоминается опять о возсоединеніи ихъ *). Тоже явленіе повторяется на мѣстныхъ Соборахъ, созванныхъ подъ вліяніемъ Римскаго Двора для укрѣпленія духовенства и народа въ покорности Папѣ. Въ 1600 году Нунцій папскій былъ на Ливанѣ, и созванный имъ соборъ объявилъ, что «церковь Маронитская пребудетъ неразлучною отъ «Римской, хотя бы вмѣстѣ съ оною была осуждена во «адъ.» Въ половинѣ прошедшаго вѣка былъ другой соборъ такого рода, и имъ постановлено нынѣшнее церковное управленіе Маронитовъ. Принявъ основные догматы Запада и большую часть обрядовъ, разрѣшеніе брачныхъ союзовъ даже до третей степени родства включительно, и Юліанскій календарь, Марониты сохранили въ своемъ богослуженіи древній Сирійскій языкъ, котораго впрочемъ никто почти не понимаетъ, даже въ высшемъ духовенствѣ, равно и каноническое правило Восточной церкви о брачной жизни священниковъ, которое было самоизвольно отмѣнено Западною церковію, по видамъ Григорія VII.

Съ самаго своего основанія Маронитская церковь пользуется неоцѣненною на Востокѣ свободою богослуженія, благодаря мѣстностямъ и политическому состоя-

---

*) Появленіе на Флорентійскомъ соборѣ представителей Восточныхъ сектъ Монофелитовъ, Евтихіанъ, Несторіянъ и пр. можно почесть драматическою выдумкою Папъ для усугубленія ихъ торжества. За исключеніемъ Патріарховъ Антіохіи и Іерусалима врядъ ли кто изъ Сирійскихъ христіанъ слышалъ тогда о Флорентійскомъ соборѣ. Историческія подробности нами приводимыя служатъ къ поясненію не только неизмѣнныхъ правилъ Римской политики относительно Восточныхъ христіанъ, но и самихъ связей духовныхъ и политическихъ Рима съ католическими сектами Востока.

нію Сиріи. Союзъ съ Друзами запечатлѣнный съ XI вѣка завѣтомъ терпимости и общей защиты горъ, и наконецъ обращеніе владѣтельныхъ семействъ *Шагабъ* и *Булема* въ христіанство по Маронитскому исповѣданію, придали постепенное политическое развитіе сему горскому племени, нынѣ первенствующему на Ливанѣ. Римскій Дворъ сугубо о немъ печется, и доставляетъ средства воспитанія его духовенству учрежденіемъ 30 стипендій Маронитскихъ въ коллегіумѣ Пропаганды. Но доселѣ Маронитское духовенство наравнѣ съ народомъ пребываетъ въ черствомъ невѣжествѣ. Главнымъ предметомъ Римскаго воспитанія есть затвержденіе папскихъ правъ, и очевидно, что это умышленно, дабы духовнымъ уничиженіемъ обезпечить подчиненность этого племени дальнему и чуждому церковному главѣ. Приведенный въ книгѣ Вольнея эпизодъ о похожденіяхъ Маронитской монахини *Хендіэ*, живо изображаетъ степень умственнаго образованія Маронитовъ.

Маронитскій Патріархъ избирается и посвящается соборомъ своихъ епископовъ, и затѣмъ утверждается Папскою буллою. Къ титулу своему *Блаженнѣйшаго Патріарха Антіохійскаго* онъ присовокупляетъ почетное званіе Папскаго Викарія въ Сиріи. Онъ посвящаетъ двѣнадцать епископовъ; изъ нихъ пять управляютъ Ливанскими епархіями, а остальные состоятъ in partibus съ титлами престоловъ Акки, Іерусалима, Дамаска, Кипра и пр. пребывая на Ливанѣ, гдѣ сосредоточено племя Маронитское. Двое изъ нихъ постоянно находятся при Патріархѣ помощниками и совѣтниками для отправленія дѣлъ. Число Маронитскаго духовенства можетъ простираться до 1000 женатыхъ священниковъ и до 2,000 лицъ чернаго духовенства. Бѣлое духовенство родомъ жизни мало отличается отъ поселянъ. Въ каждой деревнѣ есть нѣсколько церквей; и нѣтъ мызы,

можно сказать, на Ливанѣ, гдѣ при двухъ или трехъ семействахъ обывателей, не было бы церкви и священника. Если доходъ его слишкомъ скуденъ, то онъ прибѣгаетъ къ епархіальному епископу или къ Патріарху, которые обязаны оказывать ему пособіе изъ суммъ, поступающихъ къ нимъ на помины, полагая по три піастра за литургію. Если напримѣръ по смерти богатаго мірянина поступитъ къ епископу три тысячи піастровъ на помины, то эти деньги раздѣляются на неимущихъ священниковъ, которые обязаны отслужить каждый извѣстное число литургій. Такимъ образомъ каждый священникъ получаетъ до 1000 піастровъ ежегоднаго дохода, и источникъ этотъ, которымъ обязано духовенство Западному догмату о чистилищѣ, столь обиленъ, духовныя требованія паствы столь обширны, что при значительномъ числѣ духовенства, деньги часто хранятся безъ употребленія, и тотъ, кому поручена раздача, долго отыскиваетъ священника или іеромонаха, который не забралъ бы впередъ денегъ на огромное число литургій. Каждый священникъ и іеромонахъ обязанъ ежедневно совершать сіе таинство или въ церкви, или въ своей келліи, или въ жиломъ покоѣ у гостей; и это такъ строго соблюдается, что и больной, если только умственныя его способности въ здравомъ состояніи, лежа въ постели священнодѣйствуетъ.

Черное духовенство Маронитское слѣдуетъ чину Св. Антонія, раздѣляясь по внутреннему управленію на три разряда: *Беладіэ*, туземцевъ, *Халебіэ*, выходцевъ съ Алеппской стороны, (это вѣроятно знаменуетъ Оронтскихъ переселенцевъ, о которыхъ мы упоминали) и собственно *Антоніаніэ*, монаховъ Св. Антонія. Каждый изъ этихъ разрядовъ имѣетъ своего главу *Реизъ-Эльамъ*, избираемаго на трехлѣтіе братіею изъ своей среды, независимо отъ епископской власти, и завѣды-

вающаго хозяйственнымъ управленіемъ подвѣдомыхъ ему монастырей.

Маронитскихъ монастырей считается болѣе полутораста; но изъ сего числа пятьдесятъ самостоятельныхъ, а остальные состоятъ въ зависимости отъ первыхъ, коими они основаны для ближайшаго присмотра за помѣстьями, поступившими отъ времени до времени въ церковное вѣдомство. Главныя обители сосредоточены въ сѣверной сторонѣ Ливана, населенной исключительно Маронитскимъ племенемъ.

Доходы Маронитской церкви и духовенства вообще должны простираться до 700,000 рубл. серебр. — суммы огромной въ отношеніи къ числу и богатству народонаселенія. Двѣ трети этой суммы поступаютъ съ помѣстій. Пятая или шестая доля по крайней мѣрѣ плодородныхъ земель Ливана принадлежатъ Маронитской церкви. Помѣстья эти обработываются самими монахами и обывателями монастырскими на правѣ товарищества. Впрочемъ содержаніе монастырей чрезвычайно скудно. Монахи трудолюбивы, и сами для себя готовятъ все нужное, занимаясь кто земледѣліемъ, кто ремесломъ въ пользу обители; есть между ними и сапожники и портные, и плотники и каменьщики; чинятъ свои зданія собственными средствами, и однажды въ недѣлю вся братія идетъ въ хлѣбопекарню готовить хлѣбъ на всю недѣлю. Обѣтъ бѣдности такъ строго соблюдается между ними, что монаху не позволено владѣть ничѣмъ цѣннымъ, ни вещію, ни деньгами выше 5 піастровъ; а у кого найдется болѣе при смерти, того не хоронятъ на монастырскомъ кладбищѣ. Гостепріимство Маронитскихъ обителей ограничивается скуднымъ черствымъ хлѣбомъ нищему. Очевидно, что обильные доходы съ монастырскихъ имуществъ обращаются злоупотребленіями духовнаго начальства въ

пользу родни, а потому дворянство Маронитское, посвящая нѣкоторыхъ изъ своихъ членовъ въ духовное званіе, домогается доставить имъ прибыльныя должности по церковному управленію. Доходы епископовъ состоятъ въ добровольномъ взносѣ отъ мірянъ, и главное — въ наслѣдствѣ послѣ умирающихъ. Епископъ забираетъ четверть или треть съ наслѣдства, если нѣтъ дѣтей у умершаго, и довольствуется 7-ою или 10-ою долею при дѣтяхъ. Къ чести Маронитской церкви замѣтимъ, что она исключительно печется о воспитаніи и духовенства и мірянъ. Какъ ни односторонно и ограничено воспитаніе это, оно поддерживаетъ и народность горскаго племени и благое въ немъ вліяніе духовныхъ началъ. Въ тридцати слишкомъ монастыряхъ духовныя лица изучаютъ Сирійскій и Арабскій языки и догматы своей вѣры, а дѣти мірянъ языкъ Арабскій, который доставляетъ имъ мѣста писцевъ по разнымъ управленіямъ, и сопряженное съ симъ вліяніе. Съ нѣкоторыхъ лѣтъ введено правило подвергать испытанію лица вступающія во священство, такъ что все новое поколѣніе Маронитскихъ пресвитеровъ обязано систематическимъ воспитаніемъ въ духовныхъ училищахъ. Явленіе это ново на Востокѣ, и обѣщаетъ усилить умственный элементъ Маронитскаго племени и вліяніе Западныхъ догматовъ, къ которымъ духовенство Маронитское несравненно болѣе привязано, чѣмъ всѣ другія католическія секты Востока.

Маронитское духовенство носитъ платье длинное Азіятское и черную рясу. Бѣлое духовенство надѣваетъ на голову высокій клобукъ темносиній, обвязанный огромною чалмою того же цвѣта, а монахи накрываютъ голову только низкимъ капюшономъ. Епископы надѣваютъ сверхъ капюшона монашескаго клобукъ бѣлаго духовенства.

Менѣе всѣхъ католическихъ сектъ Востока Марониты домогаются прозелитизма; но во всякомъ случаѣ потворствуютъ обращенію Грековъ въ Унію. Уніатовъ хотя они и не любятъ за безпокойный ихъ нравъ, однако по религіи почитаютъ братьями, и входятъ съ ними въ родство.

Кромѣ новообращенныхъ эмировъ Мусульманъ и Друзовъ, о которыхъ мы упоминали неоднократно, Марониты имѣютъ нѣсколько дворянскихъ семействъ, шейховъ, каковы: Хазенъ, Хбешъ, Дагдахъ, Керамé, Гандуръ и другіе менѣе почетные. Дворянство это угнетаетъ народъ, упорствуя въ своихъ феодальныхъ притязаніяхъ; но при надлежащемъ устройствѣ центральной власти на Ливанѣ оно безсильно, ибо тратитъ свое вліяніе на семейныя козни, и большею частію нищенствуетъ по порочнымъ своимъ навыкамъ, равно и потому, что имѣнія дѣлятся на ровныя доли между наслѣдниками.

Изъ показаннаго нами числа 28,000 семействъ сего племени, слишкомъ 25,000 населяютъ Ливанскія горы, составляя половину всего ихъ народонаселенія, и въ семъ-то сосредоточеніи состоитъ политическій ихъ вѣсъ. Остальные живутъ въ Алеппѣ, въ Дамаскѣ и по разнымъ городамъ и округамъ Сиріи, равно и на островѣ Кипрѣ. Это старые переселенцы выброшенные изъ своихъ горъ внутренними ихъ смятеніями. Кипрскіе Марониты состояли прежде въ завѣдываніи Греческаго митрополита, и строго воспрещалось имъ отъ властей всякое сношеніе съ Латинскимъ духовенствомъ. Теперь они пользуются полною свободою богослуженія, не завися болѣе отъ Греческаго духовенства. По всей Палестинѣ считается не болѣе 100 семействъ Маронитовъ.

D. ГРЕКО-УНІАТЫ.

Когда на Флорентійскомъ соборѣ Папа насильственно предписывалъ свои догматы Восточнымъ церквамъ, и морилъ голодомъ злополучныхъ святителей, пока не подписывали они акта о подчиненіи церквей Римскому догмату, было совершенно упущено изъ виду, что церковь на Востокѣ не была исключительнымъ достояніемъ одного духовенства или мірскихъ властей, но святымъ достояніемъ племенъ ею вскормленныхъ; что подписи духовенства и мірскихъ властей не могли быть обязательны для народной совѣсти. Подъ мусульманскимъ игомъ самостоятельные догматы сдѣлались ковчегомъ народности для Восточныхъ племенъ. Подкупныя или вынужденныя подписи актовъ Флорентійскихъ остались мертвою буквою. Церкви испытанныя въ упорномъ натискѣ всего Западнаго рыцарства, когда Западъ трехвѣковыми гоненіями истязалъ христіанство Восточное подъ знаменіемъ креста, когда епархіи (кромѣ Никеи) были ввѣрены Латинскому духовенству, не могли безъ сомнѣнія покориться толкованіямъ богослововъ Флорентійскаго собора. Оффиціальное соединеніе основывалось на томъ самомъ началѣ, которое за четыре слишкомъ вѣка предъ тѣмъ подало поводъ къ разрыву; а именно на догматѣ о подчиненности церквей Римскому епископу. Это совершалось въ ту самую пору, когда злоупотребленія духовныя и мірскія Папской власти переполнили мѣру народнаго терпѣнія даже на Западѣ, готовя реформу XVI вѣка. Впрочемъ какъ ни суетнымъ оказалось торжество Флорентійское по своимъ непосредственнымъ результатамъ, Папы съ упорствомъ стали домогаться водворенія своей духовной власти на Востокѣ, и тщательно слѣдили политическія событія этихъ странъ, чтобы улучшить пору осуще-

ствленія своихъ домогательствъ. Соединеніе православной Литвы съ Польшею, отторженіе отъ Россіи Западной ея полосы, и одиночество Славянскихъ племенъ между Карпатами и Адріатикою, благопріятствовали прозелитическимъ усиліямъ Рима на Сѣверѣ. Извѣстно, какими насильственными политическими мѣрами было вооружено пронырство Іезуитовъ въ ихъ посягательствѣ на Славянскія православныя церкви для введенія въ нихъ Уніи. Греко-Славянскія племена Оттоманской имперіи были ей недоступными. На Востокѣ православіе почерпало новыя духовныя силы въ тѣхъ гоненіяхъ, коими испытывало его Оттоманское владычество. Ни одна Уніатская церковь не была основана не только въ тѣхъ странахъ, гдѣ мусульманскіе завоеватели съ равнымъ презрѣніемъ или ненавистью смотрѣли на оба христіанскія вѣроисповѣданія, но даже тамъ, гдѣ длилось вѣковое владычество Итальянскихъ республикъ, гдѣ Римско-католическая церковь безспорно господствовала, какъ напримѣръ въ Кандіи, въ Архипелагѣ, въ Мореѣ, на островахъ Іоническихъ и въ Кипрѣ. Замѣтимъ еще, что вскорѣ по паденіи Венеціанъ и Генуэзцевъ, остатки или потомки владѣтельныхъ гостей по большой части вошли въ православную церковь.

Въ Сиріи ни одного прозелита не обрѣла сперва Унія въ православной церкви. Но мы имѣли уже случай замѣтить, что раннія политическія напасти сего края, вслѣдъ за обуреваніями древнихъ ересей, заблаговременно истомили церковь Антіохійскую. Сношенія ея съ Цареградскимъ православнымъ центромъ, и по народности здѣшнихъ племенъ и по языку, были недовольно дѣятельны въ теченіе восьми-вѣковаго треволненія духовно-политическаго. Папы смѣтливо этимъ воспользовались. Съ самаго XVI вѣка Римскій Дворъ вошелъ въ сношенія съ Антіохійскою церковью; писа-

лись письма къ патріархамъ и архіереямъ, посылались дары и денежныя пособія; Іезуиты усердно навѣщали край. Изучая Арабскій языкъ, принимая костюмъ и обычаи здѣшнихъ жителей, пользуя болящихъ, пособляя страждущимъ, благодѣтельствуя убогія церкви, они до того успѣли вкрасться въ довѣренность духовенства и народа, что даже проповѣдывали въ церквахъ, въ Дамаскѣ, въ Сайдѣ и въ Алеппѣ. Посѣщая города они обыкновенно останавливались у епископовъ, состоя подъ ихъ покровительствомъ, выдавая себя за православныхъ, умалчивая о догматахъ Западныхъ, упоминая о Папѣ, какъ о нѣкоемъ покровителѣ и благотворителѣ всѣхъ церквей, и ожидая, чтобы созрѣла вожделѣнная жатва прозелитизма. Бѣдность и необразованность Арабскаго духовенства, природная наклонность Арабовъ къ преніямъ, суесловію и софизмамъ, самостоятельность Антіохійскаго престола, сосѣдство католическаго племени Маронитовъ — все благопріятствовало успѣху Іезуитовъ.

Въ 1725 году возникъ раздоръ между Патріархомъ Аѳанасіемъ и митрополитомъ Алеппскимъ Герасимомъ по поводу желанія Патріарха поселиться на жительство въ Алеппѣ, и назначить намѣстникомъ своимъ въ Дамаскѣ Герасима. Родной братъ сего епископа, обращенный смолода въ магометанство, былъ главнымъ медикомъ Султана, могучимъ вельможею *Хекимъ-баши*. Имѣя такую подпору въ столицѣ, Герасимъ отложился отъ Антіохійскаго Патріарха, и при посредничествѣ Іезуитовъ призналъ Римскаго Папу. Въ обрядахъ церкви не сдѣлалъ онъ никакихъ измѣненій, такъ что народъ ничего не замѣтилъ. Умолчаніе Патріаршаго имени на эктеніи было приписано ссорѣ двухъ Владыкъ. Тиро-Сидонскій епископъ принялъ сторону Герасима, и послѣдовалъ его примѣру. Лѣтъ двадцать спустя, когда

мало по малу пронырствомъ Іезуитовъ была пріуготовлена сильная партія въ духовенствѣ и въ почетныхъ жителяхъ Алеппа и Сайды, отпечатанъ молитвенникъ, въ которомъ включены въ символъ вѣры слова «и отъ сына», однакожъ въ скобкахъ, въ видѣ поясненія, а не прибавки.

Замѣтимъ, что Алеппъ и Сайда были единственными городами Сиріи, въ которыхъ имѣли тогда свое пребываніе Французскіе Консулы и негоціанты. Много туземцевъ пользовались ихъ покровительствомъ, и на основаніи прежней торговой системы Турціи были снабжены *бератами* отъ Французскаго и Венеціанскаго посольствъ. Извѣстно, что *бераты* эти, съ вѣдома Порты, составляли въ подвластныхъ племенахъ классъ людей привиллегированный отъ иностранныхъ державъ, и слѣдственно къ нимъ привязанный *). Такъ какъ богатѣйшіе изъ купцовъ принадлежали къ этому классу, то узы торговаго покровительства распространяли тѣ же чувства въ многочисленныхъ кліентахъ. Въ сихъ то

---

*) Въ XIX главѣ нашей книги помѣщены нѣкоторыя замѣчанія о прежней и нынѣшней торговыхъ системахъ Турціи. Для читателя мало знакомаго съ причудами Турецкаго законодательства, присовокупляемъ здѣсь поясненіе о бератахъ.

По заключеніи торговыхъ трактатовъ съ другими державами, Порта не могла произвольно обременять ихъ подданныхъ новыми налогами. Все бремя нововводимыхъ налоговъ падало на туземцевъ, а иностранцы составили классъ привиллегированный. Этого мало: посольства и консульства въ силу трактатовъ оказывали свое покровительство Турецко-подданнымъ, подъ предлогомъ будто они состояли въ службѣ при посольствахъ и консульствахъ. Такимъ образомъ всѣ богатые купцы Турецко-подданные вошли въ привиллегированное сословіе, а привиллегія признавалась Султанскимъ бератомъ. Въ началѣ этого столѣтія Турки постигли наконецъ зло, проистекавшее отъ такой чудовищной системы. Они стали выдавать бераты своимъ подданнымъ непосредственно отъ правительства. Само собою разумѣется, что бераты выдавались за деньги. Напослѣдокъ посольства согласились съ Портою уничтожить бераты.

городахъ зародилась Унія и усилилась, едва не вытѣснивши православія, тогда какъ въ остальной Сиріи она въ массѣ народа не обрѣла сочувствія.

По кончинѣ Аѳанасія избраніе преемника его Сильвестра подало поводъ къ раздорамъ въ православной паствѣ, а Іезуиты, сбросивши уже личину, воспользовались этимъ обстоятельствомъ, чтобы привлечь новыхъ проселитовъ въ духовенствѣ и въ народѣ. Между тѣмъ отпавшіе епископы посвятили изъ своей среды патріарха, съ титуломъ православныхъ Патріарховъ Антіохіи, и съ подтвержденіемъ выбора Папскою буллою. На горѣ Ливанской, гдѣ издревле преобладала католическая секта Маронитовъ, двѣ знаменитѣйшія обители православныя: Спасская *Деръ-Мхаласъ* и Іоанновская *Деръ-Маръ-Хана-Шуэръ*, отпали въ Унію. Патріархъ Сильвестръ прибѣгнулъ къ насильственнымъ мѣрамъ для утушенія зла. Соборная церковь Алеппская была возвращена православію, но осталась безлюдною. Уніаты, какъ въ Алеппѣ такъ и въ другихъ городахъ, гдѣ новыхъ церквей не позволялось строить, стали служить литургію по домамъ, со всѣмъ упорствомъ гонимаго раскола. Не разъ правительство, увѣдомленное о томъ, подвергало духовенство тюремному заключенію и налагало пени на христіанъ въ совокупности. Нерѣдко самъ Патріархъ и епископы православные, единственные представители народа предъ правительствомъ, подвергались взысканію за Уніатовъ. Видя невозможность искорененія зла силою власти, они, вмѣсто гоненія, стали оказывать отпадшимъ свое покровительство предъ Турецкимъ начальствомъ, и заключили условія съ Уніатами, чтобы ходатайствовать по дѣламъ подвѣдомымъ духовной власти въ гражданскомъ управленіи Турціи. Православное духовенство обязалось выносить на кладбище покойниковъ, ибо Уніатскаго духовенства Турки

не признавали, включая Уніатовъ въ составъ православныхъ обществъ.

Безначаліе Сиріи въ продолженіе цѣлаго XVIII вѣка благопріятствовало успѣхамъ Уніи. Самъ Патріархъ Анѳимъ, преемникъ Сильвестра, долженъ былъ бѣжать въ столицу отъ гоненій Джеззара. Во все это время народъ видѣлъ въ Уніи только раздоръ между духовенствомъ; о Папѣ ничего не слышалъ; нововведеній въ догматахъ не подозрѣвалъ при сохраненіи православныхъ обрядовъ, а потому всегда чуждаясь и Латинской и Маронитской церквей, легко впадалъ въ Уніатскій расколъ при первой ссорѣ съ православнымъ духовенствомъ, даже при первой семейной враждѣ, точно какъ бы оставлялъ одинъ приходъ, чтобы вступить въ другой. Но въ духовенствѣ Унія сдѣлала существенные успѣхи, воспитаніемъ молодыхъ послушниковъ въ Римѣ и учрежденіемъ духовныхъ училищъ на Ливанѣ и типографіи въ обители Маръ-Ханна. Арабскому духовенству предстояла также перспектива епископства и патріаршаго сана съ того времени, какъ православная церковь приняла за правило ввѣрять Патріаршій престолъ Антіохіи, и большую часть епархій, природнымъ Грекамъ, а не Арабамъ, не столь благонадежнымъ въ этой упорной борьбѣ.

Уничтоженіе Іезуитскаго ордена Папою Климентомъ XIV и политическія дѣла Европы, въ исходѣ прошедшаго столѣтія, пріостановили успѣхи Уніи въ Сиріи, а дѣятельностію Греческаго духовенства наступательныя ея дѣйствія были обузданы. Безъ внѣшняго содѣйствія Унія была безсильна. Самые ея послѣдователи усердно опровергали Латинскіе догматы. По смерти ученаго Уніатскаго епископа Германоса, на Ливанѣ, найдены его рукописи, служащія оправданіемъ Восточной православной церкви противу Западныхъ догма-

товъ, и даже противу притязаній Папскихъ имѣть верховный судъ надъ Восточными пастырями. Многіе поколебались; сильная партія и въ духовенствѣ и въ народѣ убоялась своихъ заблужденій, и уже помышляла о возсоединеніи. Алеппскій православный митрополитъ Герасимъ, завлеченный необдуманною ревностью, вмѣсто миролюбивыхъ мѣръ для возвращенія отпадшей паствы, прибѣгнулъ къ строгостямъ, всегда опаснымъ въ дѣлахъ духовнаго убѣжденія. Онъ испросилъ хатишерифъ Султанскій объ изгнаніи изъ Алеппа Уніатскихъ священниковъ. При исполненіи этаго фирмана толпа Уніатовъ мятежно ворвалась въ соборъ, и жизнь митрополита была въ опасности. Поспѣли Турецкія власти, и по обычаямъ того времени, безъ дальней расправы, одиннадцать человѣкъ Уніатовъ были казнены за буйство. Народъ усмирился; но злоба его противъ православнаго духовенства усилилась.

Немного лѣтъ спустя возникла Греческая народная война, и съ нею — гоненія на православную церковь по всей Оттоманской имперіи. Патріархъ и митрополиты, подверженные опалѣ, не могли помышлять объ утушеніи внутренняго раздора церкви. Уніатское духовенство стало дѣйствовать смѣлѣе, а Уніаты въ первый разъ стали выказывать себя народомъ отдѣльнымъ отъ православныхъ и непричастнымъ тѣмъ замысламъ возмущенія, которые существовали въ подозрительномъ воображеніи Дивана и въ донесеніяхъ пашей, искавшихъ предлога къ пенямъ, конфискованіямъ и казнямъ.

Въ эти времена тяжкихъ испытаній скончался Патріархъ Антіохійскій. Въ Константинопольскомъ синодѣ, при избраніи новаго Патріарха, всѣ предложенные кандидаты отказались. Только святительскія убѣжденія и церковныя угрозы могли заставить престарѣлаго митрополита Анкирскаго Меѳодія, мужа опытнаго въ дѣлахъ

церковныхъ и политическихъ, воспріять тяжкій жезлъ Антіохійской паствы. Въ Дамаскѣ ожидала его тюрьма и денежные поборы. Но мало по малу успѣлъ онъ утишить гнѣвъ пашей и изувѣрство черни. Успѣшнымъ заступничествомъ христіанъ, безъ различія исповѣданій, онъ пріобрѣлъ любовь и довѣренность не только своей паствы, но и Уніатовъ. Уже почетнѣйшіе дома Дамаска и треть христіанъ принадлежали Уніи. Умными мѣрами пастыря прозелитизмъ пріостановился, и вражда между православными и Уніею пріутихла.

По истомленіи православныхъ подданныхъ имперіи казнями и пенями, настала очередь Армяно-католиковъ. На Западѣ приписали эту опалу проискамъ Армяно-григоріанскаго духовенства. Гораздо вѣрнѣе то, что Порта, нуждаясь въ деньгахъ, когда уже не стало тучныхъ жертвъ между Греками, сама пріискала предлогъ описать въ казну имущество и капиталы богатыхъ банкировъ Армяно-католиковъ. Знаменитая нота Пертевъ-паши по сему дѣлу высказываетъ многое, но умалчиваетъ о плодахъ изобрѣтенной старымъ его Турецкимъ геніемъ финансовой мѣры. Патріархъ Антіохійскій могъ бы призвать тогда опалу Турецкую на Сирійскихъ Уніатовъ; но подобное направленіе не согласовалось ни съ христіанскими его правилами, ни съ опытностію его, оправданною послѣдствіями. Немного спустя (1827 г.) Армяно-католики, по ходатайству Франціи, восторжествовали, и Диванъ призналъ ихъ отдѣльнымъ отъ Армянъ народомъ, съ правомъ имѣть свои церкви и своего Патріарха. Эта мѣра распространилась на всѣхъ католиковъ подданныхъ Султана, и такимъ образомъ Сирійскіе Уніаты отдѣлились въ гражданскомъ управленіи отъ православныхъ, и составили особый народъ подъ именемъ *Румъ-Католикіэ*, Греко-католиковъ. Представителемъ ихъ у Порты сдѣлался

новый Армяно-католическій Патріархъ, признанный отъ правительства главою всѣхъ католическихъ сектъ Востока.

Около этаго времени соборомъ Уніатскихъ епископовъ на Ливанѣ былъ избранъ въ Патріархи Максимъ. Въ молодости онъ принадлежалъ къ Уніатской оппозиціи, къ послѣдователямъ Германоса, у коего онъ служилъ нѣкогда секретаремъ. Подозрѣвая его въ склонности къ православію, Римскій Дворъ долго не соглашался его подтвердить. Максимъ прибѣгнулъ къ хитрости: чрезъ довѣренное лице онъ предложилъ Патріарху Меѳодію возсоединеніе церквей. Когда начались переговоры, онъ отправилъ въ Римъ самое письмо Антіохійскаго Патріарха, который предлагалъ подвергнуть дѣло разбирательству мѣстнаго собора. Это заставило Папу поспѣшить признаніемъ Максима Патріархомъ Греко-католическимъ Антіохіи, Александріи и Іерусалима. За то Максимъ въ послѣдствіи далъ Римскому двору явныя доказательства своей преданности фанатическою проповѣдью противъ православія и строгимъ розыскомъ рукописей Германоса, которыя по требованію Папы посылались въ Римъ на всесожженіе.

Періодъ Египетскаго владычества въ Сиріи ознаменованъ новыми наступательными дѣйствіями Уніи противу православной церкви, и вящшимъ раздраженіемъ народныхъ страстей. Не довольствуясь вѣротерпимостію и разрѣшеніемъ строить соборныя церкви въ Дамаскѣ, въ Алеппѣ и въ другихъ городахъ, гдѣ дотолѣ Уніатское духовенство скрытно отправляло духовныя требы по домамъ, Максимъ напыщенною проповѣдью воспламенялъ народныя страсти, софистически упрекалъ Греческую церковь въ отступленіи отъ православія, и называлъ себя законнымъ преемникомъ Златоуста, Григорія, Кирилла и другихъ древнихъ Отцевъ Восточной

церкви. Въ это же время появились опять въ Сиріи Іезуиты, а вліяніемъ въ гражданскомъ управленіи Уніата Бахри-бея, о коемъ мы имѣли случай говорить, Уніаты стали повсюду одолѣвать православныхъ, отняли у нихъ нѣсколько сельскихъ церквей, и по мѣстамъ обращали народъ въ Унію.

Съ первой поры наступательныхъ дѣйствій Максима Патріархъ Антіохійскій убѣдился въ необходимости отличительнаго клобука для Уніатскаго духовенства; ибо простой народъ, не видя никакого внѣшняго отличія, легко вдавался въ обманъ, ввѣряясь Уніатамъ, которые выдавали себя за истинныхъ представителей православія. По тѣмъ же соображеніямъ Максимъ упорствовалъ въ сохраненіи одѣянія и клобука присвоеннаго Греческому духовенству, и принятаго Уніатами съ того времени, когда они были признаны Портою, межъ тѣмъ какъ прежде носили они въ городахъ черную чалму. Открылся процессъ между двумя Патріархами по поводу клобука. Процессъ этотъ длился лѣтъ двѣнадцать; много фирмановъ Порты и даже Хати-шерифъ, предписывавшій Уніатамъ принять четвероугольный клобукъ Армяно-католическаго духовенства, остались безъ исполненія. Патріархъ Меѳодій провелъ года три въ Египтѣ, домогаясь правосудія у Мехметъ-Алія. Максимъ съ своей стороны въ угожденіе Туркамъ предлагалъ, чтобы всѣ спорные вопросы между двумя исповѣданіями были предоставлены суду и рѣшенію мусульманскихъ законоучителей Каира. Затѣмъ ѣздилъ онъ въ Италію и во Францію, собралъ значительныя милостыни, и наполнилъ Западъ воплемъ на терпимыя будто бы преслѣдованія отъ Грековъ, тогда какъ на Востокѣ подвѣдомое ему духовенство прилежно искало повода къ ссорамъ съ Греческою церковію и къ соблазну въ народѣ. Сохраняя въ старости безпокойную

дѣятельность, коею было ознаменовано все его поприще, онъ провелъ еще нѣсколько лѣтъ въ Константинополѣ, пока наконецъ этотъ долгій споръ о костюмѣ духовенства былъ рѣшенъ, при посредничествѣ посольствъ Россійскаго и Французскаго, установленіемъ восьмиугольнаго клобука новой формы для Уніатскаго духовенства.

Впрочемъ еще до рѣшенія вопроса этого, котораго важность постигнетъ тотъ, кто хорошо знакомъ съ внутреннимъ управленіемъ народовъ въ Оттоманской имперіи и съ образомъ народныхъ мыслей, дерзость Уніи была унята при самомъ паденіи Египетскаго владычества; церкви похищенныя ею въ періодъ Египетскаго владычества были возвращены православію, и мало-по-малу утихла вражда между двумя исповѣданіями. За тѣмъ Діарбекирская уніатская епархія возсоединилась съ церковію. Въ епархіяхъ Сидонской и Птолемаидской значительное число Уніатовъ перешли въ православіе.

Моральное состояніе Уніатскихъ обществъ въ Сиріи служитъ мѣриломъ пагубныхъ послѣдствій прозелитизма, когда прозелитизмъ есть плодъ не духовнаго убѣжденія, но происковъ, козней и раздоровъ, какими секта эта была основана въ прошедшемъ столѣтіи Іезуитами. Чрезъ три или четыре поколѣнія по отпаденіи своемъ отъ церкви, Уніатскія общества сохраняютъ отпечатокъ тѣхъ страстей, которыми ознаменовалось начало ихъ отпаденія. Это самые безнравственные и самые безпокойные между всѣми Сирійскими христіанами, и не только съ православными обществами, не только съ другими католическими сектами не могутъ ужиться, но и между ними вражды никогда не прекращаются. Ихъ природныя способности и воспитаніе, коимъ обязаны они Западному духовенству, приняли са-

мое безпутное направленіе. Прилежно изучая арабскій и турецкій языки, они всего болѣе домогаются секретарскихъ должностей при гражданскомъ управленіи, служатъ орудіями турецкихъ сановниковъ, и навлекаютъ на себя ненависть народа. Духовенство Уніатское едва стяжало политическую самостоятельность, впало во всякіе соблазны. Безпорядки женскихъ обителей обратили на себя вниманіе Римскаго Двора. Едва кончился процессъ съ православною церковію по дѣлу о клобукѣ, возникла новая тяжба между патріархомъ Уніатскимъ Максимомъ и нѣкоторыми изъ его епископовъ по внутреннимъ дѣламъ церковнаго управленія. Папскіе делегаты въ Сиріи очевидно стремятся къ тому, чтобы подобныя тяжбы никогда не прекращались, дабы тѣмъ заставить обѣ стороны прибѣгать къ суду Папской власти, и тѣмъ усиливать вліяніе Папы на Восточныя секты.

Вѣковыя усилія Римскаго духовенства къ распространенію Западныхъ догматовъ въ Сирійскихъ Уніатахъ имѣли доселѣ мало успѣховъ; въ существѣ мірянъ можно считать православными, и весьма приверженными къ своей церкви, но отложившимися отъ Греческаго духовенства. Въ чистилище они не вѣруютъ; о Римскомъ первосвященникѣ имѣютъ невыгодное понятіе, и вовсе не признаютъ его главою церкви; индульгенцій не уважаютъ; Латинской церкви чуждаются; стремленіе духовенства къ безбрачію и стараніе епископовъ замѣнять постепенно женатыхъ священниковъ іеромонахами, порождаетъ неудовольствіе въ народѣ. Неоднократно уже предписывалъ Папа введеніе новаго календаря, давно уже принятаго другими католическими сектами на Востокѣ; но Греко-Уніаты упорно придерживаются стараго календаря и всѣхъ обрядовъ Греческой церкви, утѣшая себя мыслію, что они не отсту-

пают отъ вѣры своихъ предковъ. Въ самомъ духовенствѣ существуетъ еще разрывъ, произведенный книгами Германоса.

Церковь Уніатская въ Сиріи, устроена по образцу православной, съ тою разницею, что въ противность основныхъ соборныхъ правилъ Патріархъ Уніатскій управляетъ тремя престолами: Антіохійскимъ, Іерусалимскимъ и Александрійскимъ. Епископовъ посвящаетъ онъ отъ 10 до 12. Изъ сего числа Бейрутскій, Сидонскій, Тирскій, Аккскій, Яффскій и Захлейскій (на Ливанѣ) живутъ въ своихъ епархіяхъ. Діарбекирскій обращенъ въ православіе вмѣстѣ съ своею паствою. Другіе имѣютъ епархіи in partibus, безъ паствы, какъ напримѣръ Триполійскій и Латтакійскій.

Черное духовенство Уніатское силится уподобить внутреннее свое образованіе Римскому, и потому вводитъ раздѣленіе на ордена, не основанное впрочемъ ни на преданіи, ни на особомъ какомъ-либо учрежденіи, а единственно на управленіи монастырскомъ. На такомъ основаніи оно составляетъ три ордена, или, вѣрнѣе сказать, три отдѣла: *Беладіэ*, туземцевъ, коихъ управленіе сосредочивается въ обители *Маръ-Хана-Шуэръ*; *Халебіэ*, Алеппскихъ выходцевъ, занимающихъ обитель *Маръ-Джурджіосъ-эль-Гарбъ*; и *Мхалсіэ*, по имени ихъ главнаго монастыря *Деръ-Мхаласъ* Спасскаго. Сіи три обители управляются самостоятельно, подобно Маронитскимъ монастырямъ. До десяти другихъ обителей, въ томъ числѣ двѣ женскихъ, подвѣдомы имъ, или епископамъ Уніатскимъ на Ливанѣ. Сверхъ того года за два предъ симъ успѣли Уніаты основать новый монастырь въ Іерусалимѣ. Число чернаго духовенства Уніатскаго въ совокупности простирается до 300 человѣкъ, изъ коихъ половина только живетъ въ монастыряхъ, а другая половина разставлена по при-

ходамъ. Бѣлаго духовенства считается не болѣе 50 священниковъ.

Показанное нами народонаселеніе Уніатское въ Сиріи расположено слѣдующимъ образомъ: въ городѣ Алеппѣ 1000 семействъ; въ епархіи Дамасской 1000 семействъ; на горѣ Ливанской съ городами Бейрутомъ, Сайдою и Суромъ 4250 семействъ; въ Птолемайдской епархіи 1000 семействъ; въ Назаретѣ, Яффѣ и Рамлѣ 250 семействъ. Затѣмъ до 500 семействъ Уніатовъ, Сирійскихъ выходцевъ, обитаютъ въ Египтѣ и въ Константинополѣ.

Е. НЕСТОРІЯНЕ, СИРІАНЕ-ЯКОВИТЫ, АРМЯНЕ, КОПТЫ и АБИССИНЫ и УНІЯ СИХЪ СЕКТЪ.

Это остатки тѣхъ ересей, коими церковь была обуреваема на Востокѣ нѣсколько вѣковъ, доколѣ Магометанское иго, духовное и политическое, положило конецъ богословскимъ спорамъ.

Изслѣдованіе объ ихъ началѣ и развитіи принадлежитъ церковной исторіи. Ограничимся замѣчаніемъ, что не заблужденія Несторія, Евтихія, Діоскора, Іакова Барадея и другихъ ересіарховъ раздѣляютъ теперь ихъ послѣдователей на разныя секты, но болѣе соперничество духовенства и народность, основанная въ Турціи на вѣроисповѣданіи. Народъ слишкомъ очерствѣлъ подъ вѣковымъ невѣжествомъ, чтобы разсуждать о догматахъ вѣры. Духовенство ограничивается исполненіемъ церковныхъ требъ, смиренною вѣрою въ догматы, осѣняющіе древнюю народность, и заботою о вещественныхъ выгодахъ своихъ и своей паствы. Этимъ поясняются успѣхи Западныхъ миссіонеровъ между Несторіянами и Монофизитами, тѣмъ блистательнѣе, чѣмъ невѣжественнѣе духовенство побораемыхъ сектъ.

Темные послѣдователи Несторіянской ереси переняли имя Халдеевъ отъ того древняго народа, который предшествовалъ въ образованіи Грекамъ и Египтянамъ. Халдейскій языкъ сохранился въ ихъ богослуженіи. Они составляютъ основу христіанскаго народонаселенія за Тигромъ, между Кюрдами и Магометанами того края, простираясь до полумилліона душъ въ Турецкихъ границахъ.

Ересь Несторія, состоящая въ томъ, что Пресвятая Дѣва почитается Матерью не Бога, но человѣка-Христа, съ которымъ впослѣдствіи соединилось Божество, за святость Его жизни, — преобладала въ Сиріи до Іустиніана. Блистательная ея эпоха наступила вскорѣ послѣ гоненій, которымъ она подверглась со стороны императоровъ, и которыя внушили Персидскимъ царямъ мысль оказывать ей свое покровительство, для привлеченія въ Персію промышленнаго народонаселенія Сиріи и Месопотаміи. Между тѣмъ какъ Іустиніанъ Великій могъ хвалиться, что ни одной Несторіянской церкви не оставалось въ предѣлахъ имперіи, ересь отторгала отъ Антіохійскаго престола весь Восточный міръ за Евфратомъ, открывала путь Персидскому оружію въ древнюю Вавилонію, проникала въ Индію и въ среднюю Азію, и даже въ Китай, основывая тысячи церквей, пока Магометанство не остановило ея успѣховъ. Несторіяне и впослѣдствіи воспользовались ласкою мусульманскихъ завоевателей, по ненависти своей къ православнымъ престоламъ Константинополя и Антіохіи. Когда же долгая борьба противъ имперіи кончилась торжествомъ магометанства на Востокѣ, то и Несторіяне раздѣлили судьбу остальныхъ христіанъ и ихъ уничиженіе.

Ученіе Несторія ввергло не только его послѣдователей, но и самихъ его противниковъ въ заблужденіе.

Въ жару догматическихъ опроверженій, противная сторона впала въ другую крайность, смѣшавъ воедино два естества Богочеловѣка. Догматы Монофизитовъ, которые заставляютъ страдать на крестѣ самое Божество, и потому названы также Ѳеопасхитами, были осуждены на Халкидонскомъ соборѣ, созванномъ противъ Евтихія. Они преобладаютъ въ церквахъ Сиріянъ-Яковитовъ, Армянъ, Коптовъ и Абиссинянъ. Общества эти не составляютъ церкви единой, но и не чуждаются духовнаго между собою общенія, а закоренѣлая ненависть раздѣляетъ ихъ вкупѣ отъ Несторіянъ. Ненависть эта переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе двѣнадцать слишкомъ вѣковъ, и до сей поры она сильнѣе дѣйствуетъ, чѣмъ общая ненависть этихъ сектъ къ церкви православной. Даже между сектами Монофизитовъ раздоры не прекращаются; по поводу соперничества въ духовенствѣ возжигаются и богословскія пренія и взаимныя укоризны въ заблужденіяхъ; такъ напр. Сиріяне упрекаютъ Армянъ въ мнѣніяхъ *Докетовъ*, которые не вѣрили въ вещественность и въ дѣйствительность человѣческаго тѣла въ Спасителѣ; Коптовъ Армяне и Сиріяне обвиняютъ въ иконоборствѣ, по тому поводу, что иконы въ ихъ церквахъ ставятся высоко, и къ нимъ народъ не прикладывается. Абиссинянъ называютъ Іудействующими, по сохранившемуся у нихъ обряду обрѣзанія обоихъ половъ.

И Несторіяне и Монофизиты сохранили въ своихъ обрядахъ и въ церковномъ чинѣ много сходства съ православною церковью, особенно же Сиріяне-Яковиты. За исключеніемъ Армянъ, отправляющихъ свою литургію на опрѣснокахъ и на винѣ безъ примѣси воды (въ знаменіе единой природы) другія секты Монофизитовъ, равно какъ и Несторіяне, употребляютъ въ таинствѣ богослуженія квасный хлѣбъ и вино съ водою.

Подобно Армянамъ Сиріяне присовокупляютъ къ трисвятой пѣсни одно изъ словъ: *родшійся*, *распныйся*, *воскресшій*, *вознесшійся за насъ*, судя по дню празднуемому церковью, присвоивая такимъ образомъ Троицѣ земныя испытанія Богочеловѣка. Извѣстно, что это нововведеніе Монофизитовъ произвело бунтъ въ столицѣ, при Императорѣ Анастасіѣ. Копты и Абиссины сихъ словъ не прибавляютъ.

Яковиты относятъ основаніе своей перкви къ апостолу Іакову; впрочемъ названіе Яковитовъ имъ дано отъ Іакова Барадея, или Ганзала, послѣдователя Евтихіевой ереси, и отпавшаго отъ православія въ эпоху преній о существахъ въ Спасителѣ, при императорѣ Зенонѣ. Хотя и между патріархами и императорами нашлись послѣдователи сей ереси, она однако не долго существовала въ столицѣ. Она наводнила Сирію, гдѣ считалось до 50 епископовъ Яковитовъ, и потому самая церковь Яковитская названа Сирійскою. Послѣ Аріянства и Несторіянства, это была чувствительнѣйшею язвою и для церкви и для государства, и много крови пролито въ гоненіяхъ, коимъ ересь Монофизитовъ подверглась при возстановленіи православія въ Антіохійскомъ престолѣ. Съ той поры ересь укрылась за Евфратъ, по сосѣдству враждебнаго ей, равно выгнаннаго изъ предѣловъ имперіи Несторіанства. Яковиты имѣютъ четырнадцать литургій, подъ именами: Іакова Брата Божія, двѣнадцати Апостоловъ, Св. Петра, Матѳея-пастыря (одного изъ 72), Евангелиста Іоанна, Св. Діонисія Ареопагита, Іоанна Златоуста, Св. Василія, Св. Григорія, Кирилла Александрійскаго, Евстафія Антіохійскаго (монофизита), Епифана Кипрскаго, Сикста Римскаго и Климента Римскаго. Впрочемъ ежедневно служатъ они литургію Св. Златоуста, а остальныя въ положенные дни и случаи. Посты наблюдаются у нихъ

на томъ же основанiи, какъ и въ православной церкви, съ тою разницею, что Рождественскiй продолжается 25 дней, а Св. Апостоловъ неизмѣнно 12 дней. Таинства православной церкви сохранены сектами Монофизитовъ, а Несторiяне замѣняютъ исповѣдь публичнымъ покаянiемъ въ церкви.

Въ Месопотамiи и понынѣ масса христiанскаго народонаселенiя, въ числѣ около 600,000 душъ, принадлежитъ Яковитской церкви, отдѣленной Тигромъ отъ Несторiянъ. Внутри Сирiи мало осталось послѣдователей обѣихъ сектъ, за обращенiемъ въ Унiю около 2,500 семействъ Яковитовъ Гауранскихъ. Впрочемъ не излишнимъ кажется, для полноты и ясности нашего изложенiя, присовокупить нѣкоторыя свѣдѣнiя о сихъ древнихъ малоизвѣстныхъ нынѣ церквахъ, противъ коихъ усердно подвизаются католическiе и протестантскiе миссiонеры.

Первосвятитель Несторiанской церкви принимаетъ титло Патрiарха Антiохiйскаго и Католикоса. Правительство признаетъ его главою *Кыльданскаго* (Халдейскаго) народа, и снабжаетъ его Бератомъ Султанскимъ. Патрiаршiй санъ наслѣдственно присвоенъ одному семейству, и потому выборъ соборный падаетъ иногда на отроковъ. Самъ нынѣшнiй Патрiархъ былъ посвященъ на 12-мъ году отъ роду. Послѣ кровавыхъ гоненiй, претерпѣнныхъ имъ и его племенемъ отъ бунтовщика Кюрда Бедеръ-Ханъ-Бея, наказаннаго Портою въ 1845 году, онъ провелъ нѣсколько лѣтъ въ Мосулѣ, подъ покровительствомъ пашей. Онъ посвящаетъ до 30 епископовъ въ подвѣдомыя ему епархiи, въ Дiарбекирѣ и по всему пространству отъ Вана до Багдата, вдоль Персидской границы, или въ самой Персiи. Въ предѣлахъ Ванскаго пашалыка есть племя Несторiянъ, населяющихъ неприступную гору *Гекери*,

и управляемыхъ самостоятельнымъ епископомъ. Въ Сиріи давно уже Несторіяне не имѣютъ ни епископовъ, ни церквей. По временамъ наряжаются духовники отъ Патріарха, для посѣщенія немногихъ семействъ сего исповѣданія, обитающихъ въ Алеппѣ и Дамаскѣ. Католическіе миссіонеры стараются присвоить теперь наименованіе Халдеевъ (Кыльданъ) тѣмъ Несторіянамъ, кои подчинились Папской власти и приняли Унію и католическій символъ, сохранивши впрочемъ если не догматы Несторіянскіе, имъ невѣдомые, то покрайней мѣрѣ всѣ обряды своей секты. Ихъ считается уже болѣе восьми тысячь семействъ въ Месопотаміи, въ странѣ за Тигромъ и въ Персіи. Даже въ Закавказской Россіи есть немного Халдеевъ-Уніатовъ между Турецкими выходцами. За нѣсколько лѣтъ предъ симъ Римское духовенство стало съ новою дѣятельностію посѣщáть тѣ страны. Въ Багдатѣ постоянно пребываетъ назначаемый изъ Рима епископъ съ титломъ Вавилонскаго. Тамъ же находится и Халдео-Уніатскій Патріархъ, имѣющій подъ своимъ вѣдомомъ пять или шесть епископовъ.

Не столь успѣшно, хотя гораздо дѣятельнѣе трудятся протестантскіе миссіонеры надъ обращеніемъ Несторіянъ. Примѣчанія достойно, что хотя секта сія отличается изувѣрствомъ и предразсудками между всѣми христіанскими церквами — что легко поясняется тысячелѣтнимъ ея одиночествомъ среди полуязыческихъ племенъ за Тигромъ, равно и претерпѣнными въ древности гоненіями со стороны Восточныхъ императоровъ — однако протестантскіе богословы наиболѣе ей сочувствуютъ, обрѣтая въ ея догматахъ сходство съ протестантскими понятіями о Богочеловѣкѣ и Его Матери. И въ самомъ дѣлѣ ученіе Несторія, отвергающее каѳолическій догматъ о Пресвятой Богородицѣ и при-

знающее не воплощеніе Слова въ утробѣ Дѣвы Маріи, но сошествіе Божества въ Человѣка-Спасителя въ минуты крещенія Его, болѣе согласны съ богословіемъ протестантовъ, чѣмъ принятый ими символъ Вѣры. Послѣ поэтическихъ толкованій Докетовъ и софистическихъ тонкостей Аріянъ, Несторіанство можно почесть третею и послѣднею попыткою къ коренной догматической реформѣ христіанства. Реформа XVI вѣка, вынужденная злоупотребленіями церковной власти, вмѣсто того, чтобы ограничиться богословскимъ изслѣдованіемъ тѣхъ догматовъ, на которыхъ опирались злоупотребленія Папъ, отвергла непогрѣшимость самихъ Вселенскихъ соборовъ, на томъ же основаніи, какъ она отвергла сперва Западный догматъ о непогрѣшимости Папы. Тѣмъ самимъ она опрокинула единственную подпору собственнаго подвига, осудивъ себя суетному труду богословскихъ преній, коимъ такъ мудро, такъ предусмотрительно налагала отъ времени до времени завѣтныя границы Вселенская церковь своими соборами. Направленіе, принятое такимъ образомъ послѣдователями Лютера, ведетъ ихъ обратно къ догматамъ и понятіямъ то Докетовъ, то Аріянъ, то Несторіянъ. Внѣ же сихъ трехъ попытокъ къ преобразованію или опроверженію основной мысли Христіанства, всѣ прочія ереси, коихъ при Св. Епифаніѣ Кипрскомъ считалось семдесятъ двѣ (нынѣ числа имъ нѣтъ, судя по тому, что происходитъ въ Америкѣ, въ Англіи и въ Германіи) врядъ-ли заслуживаютъ какого-либо вниманія христіанскаго философа, развѣ какъ признаки постоянной, болѣзненной попытки ума человѣческаго, въ продолженіе семнадцати вѣковъ отъ Гностиковъ до Методистовъ, къ попранію границъ Творцемъ ему поставленныхъ.

При всемъ догматическомъ сочувствіи протестантскихъ

миссіонеровъ къ Несторіянамъ, сія секта оказываетъ къ нимъ еще болѣе ненависти, чѣмъ къ католикамъ, и нѣсколько миссіонеровъ были умерщвлены въ ея дикихъ гнѣздахъ.

Яковитская церковь устроена правильнѣе Несторіянской. Въ ней нѣтъ наслѣдственнаго званія самоуправнаго Патріарха, какъ въ Несторіянской, и сопряженныхъ съ тѣмъ смутъ народныхъ. Патріархъ Яковитскій носитъ титло Антіохійскаго, и имѣетъ свое мѣстопребываніе въ древнемъ, величественномъ монастырѣ Деръ-Зафранѣ, близъ Мосула. Онъ избирается соборомъ своихъ епископовъ, изъ коихъ четыре составляютъ при Патріархѣ постоянный синодъ, ограничивающій его власть. Подвѣдомыя ему епархіи въ Сиріи, въ Месопотаміи, за Тигромъ и въ Египтѣ, суть: Орфа, Діарбекиръ, Мардинъ, Мосулъ, Джеззире, Туръ-Абдинъ, Эйрунъ-Шерванъ (въ сѣверной Месопотаміи), Алеппъ, Хама и Хомсъ, Дамаскъ, Іерусалимъ и Каиръ. Собственно Сирійскія епархіи: Алеппъ, Хама, Хомсъ и Дамаскъ упразднены въ текущемъ столѣтіи, по отпаденіи паствы въ Унію. Индійскіе Яковиты составляютъ особенныя епархіи, управляемыя синодально митрополитомъ, наряжаемымъ отъ Патріарха, и четырьмя епископами, тамъ посвящаемыми. Языкъ употребляется въ богослуженіи какъ здѣсь, такъ и въ Индіи, древній Сирійскій, котораго народъ вовсе не разумѣетъ; даже въ духовенствѣ немногіе владѣютъ симъ мертвымъ языкомъ, развѣ научаются машинально читать по церковнымъ книгамъ.

Послѣ Патріарха первое мѣсто въ Яковитской іерархіи занимаетъ *Мафріанъ*; титло это присвоено епископу полудикой горы Туръ-Абдина, населенной независимымъ племенемъ Яковитовъ, посреди Кюрдовъ и Езидовъ. Это святая гора Яковитовъ, усѣянная множествомъ

монастырей и пустынь, между коими наиболѣе славятся по своей древности Мидіадъ, Деръ-Эсейде, Деръ-Маръ-Метте. Санъ Мафріана сопряженъ съ правами гражданскаго управленія надъ горскимъ племенемъ, коего главное ополченіе состоитъ въ нѣсколькихъ тысячахъ вооруженныхъ монаховъ и пресвитеровъ. Въ Іерусалимѣ Сиріяне-Яковиты владѣютъ древнимъ монастыремъ во имя Пресв. Богородицы, въ коемъ убого пребываетъ ихъ епископъ съ двумя или тремя священниками и діакономъ. Церкви, коими они владѣли въ остальной Сиріи, перешли вмѣстѣ съ паствою въ Унію, которая въ наши дни окончательно одолѣла сію церковь въ предѣлахъ Сиріи; но доселѣ не перестаетъ Патріархъ Яковитскій требовать обратно своихъ церквей, и судится съ Сиріяно-Уніатами въ столицѣ. Неоднократно обращался онъ къ православной церкви съ просьбою о содѣйствіи и заступничествѣ противъ наступательныхъ дѣйствій миссіонеровъ.

Іезуиты въ началѣ прошедшаго столѣтія положили основаніе Сиріяно-Уніатской и Халдео-Уніатской церквамъ тѣми же средствами, какія послужили имъ въ Сиріи противу православія. Поссоривъ одного изъ Яковитскихъ епископовъ съ Патріархомъ, они отвлекли его въ Римъ, откуда спустя нѣсколько лѣтъ онъ возвратился съ титломъ Патріарха Сиріяно-католическаго. Затѣмъ каждый разъ, при избраніи Патріарховъ Яковитскихъ, Іезуиты скрытно посѣевали раздоры и успѣвали привлекать недовольныхъ въ Унію. Ученый Датскій путешественникъ Нибуръ самъ былъ свидѣтелемъ, въ половинѣ прошедшаго вѣка, кровопролитій причиненныхъ между Яковитами по проискамъ миссіонеровъ, и гибели многихъ почетныхъ семействъ.

Сиріяно-католическій Патріархъ имѣетъ нынѣ свое мѣстопребываніе въ Алеппѣ, и носитъ титло Антіохій-

скаго, подобно Сиріяно-Яковитскому. Онъ имѣетъ два монастыря въ горахъ Ливанскихъ, въ этомъ оплотѣ католическихъ сектъ Востока, *Деръ-Шарфи* и *Деръ-Рухбъ*, въ Кесруанѣ, и посвящаетъ пять или шесть епископовъ, въ Дамаскъ, въ Мардинъ, въ Мосулъ и на Ливанскую гору. Прозелитизмъ за Евфратомъ успѣшно продолжается католическими миссіонерами понынѣ, при политическомъ содѣйствіи Французскаго консула въ Мосулѣ.

Армяно-григоріянское народонаселеніе сосредоточивается въ Аданскомъ пашалыкѣ и въ сѣверныхъ округахъ Алеппскаго. Въ остальной Сиріи и въ Палестинѣ встрѣчается немного Армянъ городскихъ жителей. По церковному управленію Алеппскіе и Аданскіе Армяне подлежатъ Патріарху Сизскому (въ древней Киликіи), который въ духовной іерархіи занимаетъ второе мѣсто послѣ Католикоса Эчь-Міадзинскаго. За нимъ третье мѣсто принадлежитъ Патріарху Іерусалимскому, а четвертое Константинопольскому, облеченному отъ правительства званіемъ главы и представителя своего народа, на томъ же основаніи, какъ Вселенскій Патріархъ служитъ представителемъ православныхъ подданныхъ. Какъ при Сизскомъ, такъ и при Іерусалимскомъ Патріархахъ пребываетъ по нѣскольку епископовъ, составляющихъ постоянный синодъ. За исключеніемъ епархій прилегающихъ къ Тавру, гдѣ преобладаетъ Армянское народонаселеніе, въ другихъ городахъ Сиріи пребываютъ не епископы, но іеромонахи съ званіемъ *Вартабетовъ* или блюстителей. Въ Алеппѣ считалось прежде 1,000 семействъ Армянъ; болѣе половины ихъ перешло въ Унію, которая преслѣдуетъ Григоріянскую церковь въ столицѣ и по всей Малой Азіи. Въ Сиріи вообще Армяне живутъ въ добромъ согласіи съ православными. Въ Палестинѣ соперничество по владѣнію святыми мѣстами подаетъ непрестанные поводы къ ссорамъ.

Въ продолженіе послѣднихъ двухъ вѣковъ Армянское духовенство постепенно усиливается въ Іерусалимѣ, завладѣвши нѣкоторыми изъ святыхъ поклоненій, и получивъ надъ другими равныя права съ Греками и Латинами. Впрочемъ жителей Армянскаго исповѣданія не болѣе 150 семействъ обрѣтается по всей Палестинѣ, въ городахъ: Яффѣ, Рамлѣ, Іерусалимѣ и Виѳлеемѣ. Успѣхи Армянъ должно приписать возрастающему богатству сей націи въ Турціи и по всему Востоку, и вліянію богатыхъ столичныхъ банкировъ, которые забираютъ въ свои руки всѣ капиталы.

Армянское Святогробское духовенство не перестаетъ домогаться распространенія своихъ правъ надъ святыми мѣстами. Должно отдать ему справедливость въ томъ, что при равной съ Греками ревности и настойчивости, оно ввело много похвальныхъ улучшеній по внутреннему своему устройству, хотя средства его болѣе ограниченны; оно соблюдаетъ строгую бережливость и несравненно болѣе дисциплины чѣмъ другіе. Монастыри и поклоненія принадлежащія нынѣ Армянамъ, достались имъ большею частію отъ православныхъ Грузинъ, имѣвшихъ нѣкогда обширныя духовныя заведенія въ Палестинѣ, или же отъ Коптовъ и Абиссинъ, которые по своей слабости и бѣдности давно состоятъ подъ покровительствомъ Армянъ въ Іерусалимѣ, ради тождества догмата. Духовное управленіе Армянъ сосредоточивается въ прекрасномъ монастырѣ св. Іакова Зеведея, который нанимали они нѣкогда за годичную плату у Грузинъ, а потомъ удержали въ залогъ за долги, когда бѣдствія Грузіи, подъ Персидскою и Лезгинскою карою, заставили Грузинское духовенство по недостатку пособій покинуть Палестину. Въ семъ монастырѣ находится древнѣйшая и прекрасно сохраненная церковь, въ которой показываютъ мѣсто истя-

занія Св. Іакова. Въ немъ же пребываетъ Патріархъ и пять епископовъ, составляющихъ его синодъ, и до 100 другихъ духовныхъ лицъ. Сверхъ того есть внутри онаго типографія для богослужебныхъ книгъ и духовное училище, а зданіе такъ обширно, что въ немъ же помѣщаются всѣ Армянскіе поклонники, хотя число ихъ доходитъ иногда до 4,000 человѣкъ. Хозяйственное управленіе Армянъ могло бы служить образцомъ для Грековъ. Впрочемъ въ пору безпутства Турецкихъ властей, по поводу гоненій на Грековъ, поплатились пенями и Армяне, и нажили значительный долгъ, который былъ уплаченъ впослѣдствіи на томъ же основаніи какъ и Греческаго монастыря долгъ, въ силу Султанскаго фирмана. По всѣмъ этимъ дѣламъ Армянскій монастырь много обязанъ уму и вліянію бывшаго Константинопольскаго Армянскаго Патріарха Богоса, который послѣ торжества Армяно-католиковъ удалился на жительство въ Іерусалимъ.

Другихъ монастырей въ Іерусалимѣ не имѣютъ Армяне, кромѣ одного женскаго, именуемаго *Дерз-Зейтунз*, масличнымъ, въ коемъ отшельничествуютъ 22 монахини. Внутри Святогробскаго храма они имѣютъ нѣсколько жилыхъ покоевъ для пребывающаго тамъ безвыходно хранителя ризницы, и духовенства помѣсячно смѣняемаго у стражи поклоненій ему присвоенныхъ. Въ Геѳсиманійскую пещеру, принадлежащую Армянамъ въ совокупности съ Греками, равно какъ и въ женскій монастырь идутъ ежедневно по очереди служить литургію іеромонахи изъ Іаковскаго монастыря.

За городомъ, на горѣ Сіонѣ, принадлежитъ Армянамъ такъ называемое *Мѣсто пѣтуха*, гдѣ хранятся гробы Патріарховъ и епископовъ, и устроена богадѣльня для старцевъ.

Въ Виѳлеемѣ Армяне владѣютъ древнимъ монастыремъ Абиссинскимъ, пристроеннымъ ко храму Рождества и имѣющимъ внутреннюю церковь во имя Пресвятой Богородицы и внутреннее сообщеніе съ храмомъ, коего сѣверный придѣлъ принадлежитъ теперь Армянамъ. Безъ всякой существенной пользы, изъ одного состязанія съ Греками, Армяне затѣяли нѣсколько лѣтъ тому назадъ процессъ, упорно домогаясь ключа отъ большихъ вратъ храма. Съ обоихъ сторонъ много денегъ израсходовано доселѣ за процессъ этотъ; Латины наблюдаютъ и ждутъ рѣшенія, съ тѣмъ чтобы въ свою очередь получить третій ключь. Казалось бы дѣло не стоитъ спора, судя потому что и Армяне и Латины имѣютъ внутреннее свободное сообщеніе съ храмомъ. Но несомнѣнно то, что если получатъ они ключи отъ большихъ вратъ наравнѣ съ Греками, то съ одной стороны пойдутъ безконечные процессы за право внутренняго владѣнія, за лампы, за часы молитвы и прочее, а съ другой воспослѣдуетъ необходимость приставить ко вратамъ Виѳлеемскаго храма Турецкую стражу, и ввѣрить Турецкимъ кавасамъ полицію внутри храма, какъ это водится въ Іерусалимѣ. Въ Виѳлеемѣ пребываетъ Армянскій епископъ и при немъ человѣкъ пятнадцать причета. Въ Рамлѣ и въ Яффѣ есть также Армянскіе монастыри, служащіе для пріема поклонниковъ. Имущество Армянской церкви въ Палестинѣ состоитъ въ 50 домахъ въ Іерусалимѣ и Яффѣ, съ коихъ доходъ весьма не великъ, ибо въ нихъ помѣщаются большею частію бѣдныя семейства, и въ нѣскольких стахъ масличныхъ деревьяхъ въ Геѳсиманіи и на Элеонской горѣ. Доходъ отъ поклонниковъ равняется той же статьѣ дохода Греческаго монастыря, и подобно Грекамъ Армяне имѣютъ много Святогробскихъ подворій по разнымъ городамъ Турціи и въ

Армянской области, равно какъ и въ Персіи и въ Индіи. По временамъ поступаютъ въ Іерусалимъ значительныя милостыни отъ зажиточныхъ Армянъ изъ Багдата, Тегерана, Босры, Бомбая, Калькутты. Въ итогѣ доходъ Армянъ въ Іерусалимѣ можетъ равняться половинѣ Греческаго; но такъ какъ Армяне не обременены тѣми расходами, какіе лежатъ на Грекахъ, и сверхъ того бережливѣе и отчетливѣе Грековъ, то нѣтъ сомнѣнія, что значительныя суммы хранятся въ ихъ монастырѣ.

Армяно-католическаго народонаселенія нѣтъ въ Сиріи, кромѣ нѣсколькихъ сотъ городскихъ жителей, отторгнутыхъ отъ народной церкви происками миссіонеровъ. Впрочемъ Армяно-католическій Патріархъ пребываетъ на горѣ Ливанской въ своемъ монастырѣ *Дерз-Бзумаръ*, одномъ изъ двухъ монастырей, построенныхъ въ началѣ сего столѣтія на Ливанѣ, пожертвованіями Константинопольскихъ банкировъ *Дузъ-Оглу*. Онъ носитъ титло Киликійскаго Григоріянскаго Патріарха, и присвоиваетъ себѣ всѣ его преимущества, посвящая епископовъ: Ливанскаго, Мосульскаго, Алепскаго, Діарбекирскаго и Константинопольскаго. Послѣдній изъ нихъ признается отъ правительства главою Армяно-католической церкви и почетно именуется Патріархомъ.

Коптовъ и Абиссинъ жителей собственно нѣтъ въ Сиріи, за исключеніемъ немногихъ переселенцевъ изъ Египта, и преимущественно Коптовъ, вызванныхъ подъ правленіемъ Египетскимъ для счетныхъ дѣлъ, къ коимъ они имѣютъ наслѣдственныя способности. О нихъ упоминаемъ по духовному ихъ представительству въ Іерусалимѣ. Іерусалимское духовенство Коптовъ зависитъ отъ Патріарха сего племени пребывающаго въ Каирѣ. Абиссины также высылаются сюда изъ далекой

полудикой ихъ родины, и живутъ въ Палестинѣ подаяніями отъ Армянъ, въ силу условія, заключеннаго между ними при уступкѣ Армянамъ поклоненій, бывшихъ дотолѣ во владѣніи Абиссинянъ внутри храма, и даже церковнаго имущества въ Іерусалимѣ. И Копты и Абиссины присоединяются къ Армянамъ въ церковныя торжества.

На паперти Воскресенскаго храма имѣютъ Копты свой древній монастырь, именуемый *Иль-Султанъ*, съ церковію во имя Св. Апостоловъ. Въ немъ обитаютъ два женатые священника. Въ другомъ Коптскомъ монастырѣ, во имя Св. Георгія, пребываетъ обыкновенно епископъ, посвящаемый отъ Каирскаго Патріарха. При немъ состоятъ пять іеромонаховъ и діаконовъ, изъ коихъ двое по-очереди пребываютъ внутри храма. Тамъ имѣютъ они часовню.

Въ Іерусалимѣ есть Абиссинскій монастырь, въ которомъ пребываютъ, по особымъ отдѣленіямъ, монахи и монахини сего народа, числомъ до 15 душъ. Внутри храма есть большой притворъ Абиссинскій; но давно уже они не совершаютъ литургіи, ибо по церковнымъ ихъ постановленіямъ должны для сего присутствовать семь іереевъ и четыре діакона. Литургію у нихъ совершаютъ Копты по духовному между ними общенію. И Копты и Абиссины оказываютъ уваженіе и сочувствіе къ обрядамъ Греческой церкви, и желаютъ сподобиться общенія съ нею. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ Армянской церкви нѣтъ, они слушаютъ литургію у Православныхъ, но къ таинствамъ не допускаетъ ихъ православное духовенство, предварительно требуя отъ нихъ законнаго присоединенія.

Обѣ эти древнія церкви доселѣ мало доступны попыткамъ Католическихъ миссіонеровъ. Попытка сдѣланная іезуитами въ Абиссиніи въ началѣ XVII вѣка

не имѣла того успѣха, какого можно было ожидать по блистательнымъ ея началамъ. Излишняя ревность миссіонеровъ вскорѣ разочаровала прозелитовъ. Но съ нѣкотораго времени іезуиты начали вновь посѣщать тотъ край, и, судя по нынѣшней ихъ опытности надъ Восточными племенами, Римскій догматъ не замедлитъ проникнуть въ Африканскія церкви.

Наблюдая современное состояніе древнихъ Восточныхъ церквей, неоднократно имѣли мы случай указать на средства, коими побораетъ ихъ западная Пропаганда, и на плоды ея усилій въ теченіе двухъ слишкомъ столѣтій. Подъ блескомъ стяжаемыхъ ею успѣховъ не укроется отъ глазъ безпристрастнаго наблюдателя явленіе грустное: старыя вражды народныя и схоластическія умствованія, подъ совокупнымъ вліяніемъ коихъ расколъ и ересь томили Восточную церковь, подобно тому какъ въ XVI вѣкѣ подъ вліяніемъ вторженія науки въ темный Западъ, треволненіе умовъ потрясло Западную церковь — эти вражды и эти умствованія утихали на Востокѣ, при общихъ испытаніяхъ его племенъ, со времени Мусульманскаго нашествія. Племена эти многоиспытанныя и долговѣчныя готовились на обновленіе духовной ихъ жизни подъ знаменіемъ взаимной терпимости и Евангельскаго ученія о Единомъ Пастырѣ-Искупителѣ. Но свѣтское честолюбіе Римскаго Двора и дѣятельность его агентовъ, вооруженныхъ политическими и умственными успѣхами Запада противу христіанъ Восточныхъ, уничиженныхъ и истомленныхъ подъ иновѣрнымъ игомъ, произвели новую духовную тревогу на Востокѣ, и воспламенили новою силою народныя вражды и догматическія распри. Когда же Султаны Оттоманскіе предприняли новыя правительственныя начала относительно подвластныхъ народовъ, и Востокъ ждалъ отдыха послѣ толикихъ бурныхъ испы-

таній, народныхъ опалъ и преслѣдованій на церковь, то Римъ спѣшитъ извлечь новыя выгоды себѣ изъ преобразованій Оттоманскихъ, и усиливая Восточное свое ополченіе, торжественно взываетъ къ народамъ сего края; не къ церквамъ, но къ народамъ, на разрушеніе церквей. Таково направленіе и самая форма окружнаго посланія, которымъ Пій IX ознаменовалъ возшествіе свое на престолъ Папскій.

Воздадимъ должную хвалу тѣмъ Западнымъ миссіонерамъ, которые по заповѣди Апостольской и съ Апостольскою ревностію идутъ съ крестомъ и евангеліемъ на оглашеніе язычниковъ; но не станемъ смѣшивать съ ними, какъ это дѣлается умышленно на Западѣ, въ заблужденіе общественнаго мнѣнія, той ватаги посланцевъ Римскихъ, которые идутъ на соблазнъ Христіанъ съ проповѣдію не Евангелія, но догмата о непогрѣшимости Папы, о духовномъ его самодержавіи. Печать Запада тщательно умалчиваетъ о ихъ подвигахъ противу Христіанскихъ церквей Востока, и осѣняетъ ихъ лавромъ тѣхъ благихъ подвиговъ евангельской проповѣди, коими неоспоримо можетъ хвалиться Римъ. Что касается до средствъ употребляемыхъ Римскою Пропагандою на Востокѣ, то они ознаменованы тѣмъ разрушительнымъ началомъ, что для цѣли благой допускаются всякія средства. На этомъ-то безнравственномъ началѣ миссіонеры посягаютъ даже на семейный миръ Христіанъ Восточныхъ, обольщаютъ умъ дѣтей и женъ, посѣваютъ раздоры между братьями, развращаютъ семейные и общественные нравы, чтобы среди волненія страстей успѣшнѣе отторгать прозелитовъ отъ Восточныхъ церквей.

Стяжаютъ-ли они по крайней мѣрѣ существенный успѣхъ, направляютъ-ли свои дѣйствія къ великой цѣли духовнаго единодержавія Рима?.. Римская пропо-

вѣдь на Востокѣ вмѣсто того, чтобы слить воедино разныя церкви, и церковнымъ единодержавіемъ усилить власть духовную, успѣла до сего времени потрясти лишь духовные узы племенъ Восточныхъ, ослабить дисциплину церковную и чувство религіозное, и подала поводъ къ нововведеніямъ и къ мысли ѳ церковномъ преобразованіи. Тѣмъ она открыла путь протестанству, противу коего вооружается теперь, будто предчувствуя наступающую борьбу съ нимъ на древнѣйшемъ поприщѣ богословскихъ преній. Очевидно, что нынѣшнее состояніе Католической церкви на Востокѣ не есть нормальное, но представляетъ какой-то переходъ. Древнія церкви рушатся, вѣрованія отцевъ колеблются, семейныя преданія опровергаются, вѣковыя зданія, потрясенныя въ своихъ основаніяхъ, грозятъ паденіемъ, и никакая человѣческая сила не возсоздастъ изъ разнородныхъ ихъ обломковъ чего либо стройнаго и цѣлаго. Въ нынѣшнемъ своемъ состояніи Католическая церковь на Востокѣ не можетъ пребывать въ мирѣ. Ей нужно движеніе для самаго ея существованія, движеніе наступательное или оборонительное; ей нужны народные процессы; ей нужно поддерживать тѣ самыя страсти, дѣйствіемъ коихъ она основана, ибо какъ только дѣятельность ея утихнетъ, то она сама собою разрушится, и мѣстное духовенство само собою отложится отъ Папскаго единодержавія и возвратится къ прежней самостоятельности. Направленіе это тѣмъ очевиднѣе, что доселѣ одно только духовенство признаетъ духовную власть Рима, а народъ или не вѣдаетъ объ ней или чуждается ея, будучи проникнутъ какою-то инстинктивною недовѣрчивостію къ Западному духовенству. Въ одной только Ливанской горѣ католицизмъ упроченъ на основаніяхъ болѣе надежныхъ. Секта Моноѳелитовъ была искони слабѣйшею изъ

всѣхъ ересей Востока; затѣмъ политическія ошибки Константинопольскаго Двора въ отношеніи къ Маронитамъ, Мусульманское завоеваніе, одиночество горскаго племени, внѣ всякаго вліянія кромѣ Римскаго, самое географическое положеніе Ливана на берегу, издревле привлекавшемъ завоевателей и купцевъ и законоучителей Запада — все здѣсь содѣйствовало успѣхамъ Рима, и въ продолженіе восьми вѣковъ Римъ не щадитъ ни усилій, ни пожертвованій въ пользу небольшаго и бѣднаго горскаго племени, и предоставляетъ всякія льготы его духовенству. Въ настоящее время Ливанъ съ своими двумя стами монастырями Латинскими, Маронитскими, Греко-Уніатскими, Армяно-Уніатскими и Сиро-Уніатскими, служитъ горниломъ Римской проповѣди на Востокѣ. За предѣлами Ливана въ одномъ только городѣ Алеппѣ преуспѣлъ Католицизмъ. На сѣверъ отъ Ливана онъ находитъ сильную препону въ православномъ и Григоріянскомъ народонаселеніи Таврическихъ округовъ, межъ тѣмъ какъ Армянское народонаселеніе по той сторонѣ Тавра, въ Малой Азіи, уже колеблется подъ вліяніемъ успѣховъ католицизма въ самомъ Константинополѣ. На югъ отъ Ливана оплотомъ православія служитъ Святыня Святогробская, и пріобрѣтенное Греческимъ духовенствомъ мѣстное вліяніе.

Изъ Сиріи Римская проповѣдь стремится къ Востоку. Подъ Египетскимъ владычествомъ, въ тридцатыхъ годахъ, она разлилась по полямъ Гаурана обращеніемъ въ Унію Сиріяно-Яковисткой церкви, и уже полтора вѣка подвизается противу Яковитовъ и Несторіянъ въ Месопотаміи и за Тигромъ. Въ Абиссиніи имѣла она успѣхи болѣе блистательные чѣмъ прочные, а нынѣ предпринимаетъ новый подвигъ противу Христіанъ Западнаго берега Чермнаго моря учрежденіемъ Іезуитскихъ миссій въ Зензибарѣ. Но въ эти два вѣка

труда своего на Востокѣ, въ предѣлахъ Оттоманской имперіи, ни одного магометанина, ни одного еврея, ни одного язычника, Кюрда, Іезида, Измаилита, Ансарія, Друза, за исключеніемъ двухъ семействъ Шагабовъ и Булема на Ливанѣ, не огласила она словомъ Евангелія.

F. ПРОТЕСТАНТЫ.

Въ первые годы Греческой народной войны, когда вниманіе Европы устремилось на событія Востока и на будущія судьбы народовъ, подвластныхъ Портѣ Оттоманской, протестантскія общества Соединенныхъ Штатовъ выразили въ свою очередь бывшій въ ту пору модою филелленизмъ, отправленіемъ миссіонеровъ въ Грецію, на острова Архипелага, въ приморскіе города Малой Азіи, на островъ Кипръ и въ Бейрутъ. Политическія обстоятельства той эпохи, волненіе умовъ, гоненія на духовенство, всеобщее упованіе христіанъ на Европу — все тогда благопріятствовало миссіонерамъ, въ коихъ народъ видѣлъ духовныхъ сподвижниковъ человѣколюбія и наставниковъ дѣтскихъ, а духовенство Восточное еще не разгадывало ихъ направленія. Какъ только въ Греціи былъ возстановленъ порядокъ, народъ по собственному движенію изгналъ законоучителей, посягавшихъ на его церковь. Вселенскій престолъ съ своей стороны окружными грамотами обратилъ вниманіе епископовъ и паствы на сѣти миссіонеровъ, и воспретилъ издаваемыя ими книги, содержащія многообразныя хулы противу догматовъ и обрядовъ православныхъ.

Въ Сиріи смѣсь вѣроисповѣданій, духовная тревога произведенная католическою пропагандою, о чемъ мы упоминали, и бѣдственное состояніе православной церкви, способствовали основанію протестантскихъ школъ, ко-

торыя вскорѣ наполнились дѣтьми всѣхъ вѣроисповѣданій. Затѣмъ запрещенія, читанныя въ церквахъ, и основаніе училищъ Греческихъ и Маронитскихъ заставили родителей быть осторожнѣе. У миссіонеровъ остались большею частію сироты, мальчики и дѣвушки воспитываемые на ихъ иждивеніи въ протестантскомъ законѣ. Въ Іерусалимѣ они равномѣрно пытались основать свои училища, какъ и въ другихъ Палестинскихъ городахъ; но вліяніе духовенства не допустило къ нимъ паствы. Сосредоточивъ свои усилія въ Бейрутѣ, Американскіе миссіонеры основали здѣсь свою типографію для безденежнаго распространенія въ народѣ всякихъ учебныхъ книгъ, въ коихъ между обыкновенными повѣстями для дѣтей, осуждаются вѣрованія и преданія древней церкви, и открыли свою церковь въ домѣ Американскаго консула, Левантійца, коему общества Американскія назначили содержаніе для дѣятельнаго политическаго содѣйствія миссіонерамъ. Столкновеніе съ католическими миссіонерами научило здѣсь Американцевъ употреблять тѣже средства, что и они для успѣха своей проповѣди. Между ними замѣтна та только существенная разница, что Римскій монахъ во всемъ жертвуетъ своею личностію для достиженія своей цѣли, и находитъ мзду въ исполненіи собственнаго обѣта; тогда какъ дитя промышленной Америки обращаетъ свое миссіонерство въ ремесло, получаетъ огромное содержаніе отъ обществъ, легко довѣряющихъ его разсказамъ, а между тѣмъ живетъ со всевозможнымъ комфортомъ. Первымъ прозелитомъ Американскихъ миссіонеровъ въ Сиріи былъ одинъ изъ Армянскихъ епископовъ Іерусалима *Мутранъ-Якубъ*, (епископъ Іаковъ), который обокралъ монастырскую казну, бѣжалъ изъ Іерусалима, долго скитался съ мѣста на мѣсто, преслѣдуемый отъ своего духовнаго начальства, былъ от-

вергнутъ Маронитами, когда просилъ у нихъ покровительства въ горахъ, и наконецъ прибѣгнулъ къ миссіонерамъ, вступилъ подъ покровительство Американскаго флага, назвался Якубъ-Агою, женился, и изъ украденныхъ монастырскихъ денегъ построилъ дома въ Бейрутѣ. Нѣсколько другихъ проселитовъ, бѣжавшихъ отъ своихъ обществъ за преступленія, или поссорившихся съ своимъ духовенствомъ и съ роднею, и до 20 молодыхъ людей обоего пола, сиротъ воспитанныхъ миссіонерами, получающихъ жалованье и пользующихся политическимъ заступничествомъ Американскаго консульства, среди безпутнаго Сирійскаго управленія, составляютъ нынѣ Американо-протестантскую паству сего края. Между тѣмъ можно приблизительно полагать до 50,000 руб. серебр. ежегоднаго расхода Американскихъ обществъ на содержаніе миссіонеровъ въ Сиріи, а для народа положительнаго и расчетливаго, каковы граждане Соединенныхъ Штатовъ, довольно странно, что расходъ столь значительный производится, уже столько лѣтъ сряду, для цѣли столь мало соотвѣтствующей размѣру пожертвованій. Нечего и говорить уже о существенномъ направленіи протестантской проповѣди, не обрѣтающей отголоска въ Восточныхъ племенахъ, не внушающей никакого религіознаго чувства, а ведущей лишь къ безвѣрію. Она распространяетъ мысли о сомнѣніи въ такомъ обществѣ, коего степень образованности не вѣдаетъ средины, между смиренною вѣрою, при исполненіи обрядовъ наружнаго благочестія, и наглымъ безвѣріемъ, каковымъ отличаются нынѣ слушатели Американскихъ законоучителей. Описывая Ливанскія междоусобія 1845 года, мы имѣли случай замѣтить участіе принятое Американскими миссіонерами въ бѣдствіяхъ, постигшихъ христіанъ Хасбейскихъ. Послѣдствія этаго дѣла, когда хвастливыя донесенія

миссіонеровъ оказались ложными, встревожили общества, платящія огромное содержаніе своимъ агентамъ. Былъ наряженъ на слѣдствіе въ 1846 году довѣренный человѣкъ, который заставилъ Бейрутскихъ миссіонеровъ перемѣнить систему дѣйствій. Съ того времени вмѣсто училищъ, которыя они содержали дотолѣ, распространяя зачатки ложнаго образованія преподаваніемъ физики и математики людямъ безграмотнымъ, они сосредоточили свои усилія на систематическое образованіе 15 молодыхъ людей изъ туземцевъ, которые, очевидно, предназначены въ званіе миссіонеровъ, судя по заключенному съ родителями условію, не отвлекать впослѣдствіи дѣтей отъ ихъ призванія. Заведеніе это устроено на Ливанѣ, въ селеніи *Эбеъ*, въ сторонѣ, гдѣ преобладаютъ Друзы; ибо въ христіанскихъ округахъ Ливана происки миссіонеровъ противъ церквей внушили народу самыя враждебныя къ нимъ чувства. Съ другой стороны учредили они въ Бейрутѣ общество, въ еженедѣльныхъ засѣданіяхъ коего разбираются порою общественные вопросы, порою читаются лекціи съ учеными притязаніями. Если бы миссіонеры ограничивались этими притязаніями, дисертаціями напр. о *двойныхъ звѣздахъ*, предъ слушателями едва доучившими четыре правила ариѳметики, и о *колоніальной и торговой системѣ древняго міра*, когда въ публикѣ, не исключая и членовъ ученаго общества, врядъ-ли кто слышалъ объ имени Финикіянъ или Александра и Кесаря — это было бы только смѣшно, какъ и всякое шарлатанство. Но нельзя безъ прискорбія видѣть другую сторону дѣятельности этой Академіи, какъ ее называютъ. Миссіонеры предлагаютъ молодымъ своимъ слушателямъ Арабамъ на разборъ нравственные и общественные диспуты, какъ это дѣлалось въ пору схоластическихъ стяжаній науки. Арабы и безъ того склонны къ софизму и лжеумство-

ванію; что можетъ болѣе развращать ихъ умъ, какъ эти споры о томъ: полезна-ли наука женскому полу, или вредна, и т. п., особенно когда по наказу предсѣдателя одинъ изъ членовъ долженъ защищать тезу, а другой опровергать ее своими доводами?... Таковы успѣхи и нынѣшнее направленіе Американскихъ миссіонеровъ въ Сиріи. Собственно церкви они не составляютъ, но служатъ къ соблазну другихъ церквей, подрывая всякую дисциплину въ нихъ, посѣевая безвѣріе и суемудріе въ христіанскихъ племенахъ; иновѣрнаго же проселита не обрѣли они досслѣ ни одного.

Съ 1841 года Англиканская церковь назначила своего епископа въ Іерусалимъ. До того Англійскія общества содержали тамъ одного или двухъ миссіонеровъ для проповѣди христіанства евреямъ на самомъ мѣстѣ святыхъ событій и воспоминаній. Это должно приписать обнаружившемуся въ Еврейскомъ народѣ на Западѣ вниманію къ Палестинѣ, и постепенному переселенію въ обѣтованную землю многихъ Евреевъ. Образъ дѣйствій миссіонера Николайзона оправдываетъ это предположеніе. Не домогаясь нисколько обращенія христіанъ въ протестантство, онъ ограничивался Евреями, впрочемъ безуспѣшно. Учрежденное въ 1838 году въ Іерусалимѣ Англійское консульство не перестало заботиться о Евреяхъ, заступаясь за нихъ у мѣстныхъ властей и внушая имъ довѣріе къ себѣ. Дѣла 1840 года придали новую силу на Западѣ и мечтамъ Евреевъ и домогательствамъ ревнителей ихъ обращенія въ христіанство въ самой Палестинѣ. Между тѣмъ духовная миссія и консульство пріобрѣтали покупкою мѣста въ Іерусалимѣ, учреждали больницы, училища, распространяли свой кругъ дѣйствій, и приступали къ сооруженію храма, богадѣльни, аптеки, библіотеки, типо-

графіи и проч. Число проселитовъ ограничивалось двумя или тремя Евреями, состоявшими на жалованьи у миссіонеровъ. Прибытіе въ Іерусалимъ Англиканскаго епископа, произвело сильное впечатлѣніе въ духовенствѣ другихъ исповѣданій, и заставило подозрѣвать, что подъ предлогомъ проповѣди Евреямъ, будто бы скрывали Англичане посягательство на христіанскія церкви. Тогда къ постояннымъ элементамъ давнихъ несогласій между господствующими исповѣданіями въ Іерусалимѣ, присоединилась новая пища для фанатизма и для нареканій. Латинское духовенство въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, преимущественно выказывало свое усердіе фанатическою проповѣдью противъ протестантовъ, хотя никакой попытки не было съ ихъ стороны на христіанскія церкви. Францисканы заблаговременно вооружившись церковными отлученіями, стали еженедѣльно посѣщать дома своей паствы для розыска: нѣтъ-ли сношеній какого бы то ни было рода съ заморскими проповѣдниками, и читать чистительныя молитвы въ тѣхъ домахъ, куда хотя случайно зашла нога протестантовъ. Англиканская миссія, въ предчувствіи расположеній католиковъ, съ самаго прибытія въ Іерусалимъ тщательно избѣгала всякихъ сношеній съ ними. Напротивъ она ласкалась къ Грекамъ и къ Армянамъ, которые съ своей стороны отвѣчали соблюденіемъ приличій и холодною учтивостію. Первопрестольный англиканскій архіепископъ Канторберійскій снабдилъ даже посвященнаго имъ въ Іерусалимъ епископа печатными окружными рекомендательными грамотами къ Греческому духовенству, прося его расположенія къ представителю Англиканской церкви на Востокѣ, и называя Греческую церковь *матерью всѣхъ церквей.* Онъ намекалъ даже на то, что представителя Англиканской церкви не должно смѣшивать съ миссіонерами

разныхъ протестантскихъ обществъ и сектъ на Востокѣ. Подобныя начинанія Англиканской церкви были безъ сомнѣнія правильнѣе и благоразумнѣе, чѣмъ появившійся впослѣдствіи, при назначеніи Латинскаго патріарха въ Іерусалимъ, призывъ отъ Папы къ Восточнымъ христіанамъ. По крайней мѣрѣ нѣтъ сомнѣнія, что основная мысль назначенія Англиканскаго епископа въ Іерусалимъ не была направлена на нарушеніе церковнаго мира Восточныхъ племенъ, но на оглашеніе Евреевъ. Затѣмъ не станемъ разбирать, основательна-ли мысль эта, сбыточно-ли и надежно-ли обращеніе Евреевъ въ самомъ Іерусалимѣ; соотвѣтствуетъ-ли цѣль размѣру средствъ и пожертвованій; подобаетъ-ли достоинству Англиканской церкви пріобрѣсть въ Іерусалимѣ паству изъ сброда тамошнихъ Евреевъ, жалостныхъ переселенцевъ изъ Германіи и изъ другихъ странъ Европы; принаровлены-ли къ предположенной цѣли самыя средства оглашенія, согласны-ли онѣ съ человѣколюбивыми началами, коими должно преимущественно руководствоваться всякое духовное предпріятіе? Замѣтимъ только, что выборъ перваго епископа Александра, новокрещеннаго еврейскаго раввина, былъ весьма неудаченъ, ибо самое это обстоятельство усугубляло враждебныя къ нему чувства прежнихъ единовѣрцевъ его, хотя оно еще болѣе подтверждаетъ въ мысли, что цѣлью Англиканской церкви было обращеніе Евреевъ.

Мусульмане Палестинскіе и самое правительство Турецкое съ неудовольствіемъ смотрѣли на духовныя попытки Англичанъ. Съ одной стороны народъ возъимѣлъ весьма невыгодное понятіе о вѣроисповѣданіи протестантовъ. Отсутствіе всякихъ обрядовъ отъ ихъ богослуженія и то холодное любопытство, съ которымъ посѣщаютъ Англичане Св. мѣста, окруженныя благо-

говѣніемъ христіанъ, мусульманъ или евреевъ, не творя нигдѣ *Намаза*, (молитвы съ преклоненіемъ), заставили мусульманъ сравнить протестантство въ христіанскомъ законѣ съ ученіемъ Веххабитовъ въ магометанствѣ, отвергнувшихъ обряды и осквернившихъ святыню Мекки нечестивою войною. Самое правительство, уже оскорбленное притязаніями Англичанъ, послѣ содѣйствія ими оказаннаго въ войнѣ противъ Мехметъ-Алія, подозрѣвало политическія домогательства въ этомъ духовномъ начинаніи. Епископы въ Турціи служатъ, какъ мы замѣтили неоднократно, главами и представителями паствы предъ гражданскою властью. Англиканскій епископъ не былъ признанъ отъ Порты. Строеніе храма было воспрещено; ибо по основнымъ законамъ имперіи строеніе христіанскихъ храмовъ подлежитъ судебнымъ обрядамъ и утвержденію высшей власти, а это не было своевременно соблюдено строителями. Лишь года три спустя Англійское посольство исходатайствовало разрѣшеніе отъ Порты на окончаніе храма. Это небольшое готическое зданіе, тщательно отдѣланное, обошлось около 13,000 фунтовъ стерлинговъ (90,000 руб. сер.) Вдвое болѣе этой суммы расходуется на постройки, о коихъ мы упоминали. Такъ что около 300,000 рубл. серебр. собрано изъ добровольныхъ пожертвованій на этотъ предметъ, а правительство обезпечило съ своей стороны содержаніе епископа и его причета. Особенный капиталъ подаренъ на сей предметъ отъ Прусскаго короля, съ тѣмъ чтобы назначеніе епископа по очереди принадлежало ему и Англійской церкви, хотя епископъ всегда долженъ принадлежать исповѣданію Англиканскому.

Съ самаго своего основанія въ Іерусалимѣ Англиканская церковь явила признаки внутренняго недуга, коему осуждено протестантство въ силу основной идеи

опровержения всѣхъ преданій и соборныхъ каноновъ. Епископъ Александръ принадлежалъ къ сектѣ методистовъ, и пребывалъ въ ней, хотя при посвященіи своемъ принялъ догматы Англиканскаго исповѣданія. При немъ капелланъ былъ Пусеистъ, и до того простиралъ свое усердіе къ древнимъ обрядамъ, что онъ ходилъ слушать литургію православную, и клалъ земные поклоны предъ иконами. Другіе члены миссіи строго держались Англиканскаго устава, такъ что въ церкви единой появилось нѣсколько сектъ, произошли ссоры, и капелланъ Вильямсонъ, ученый и даровитый пресвитеръ, поспѣшилъ удалиться въ Англію. Епископъ Александръ скончался въ 1847 году. Ему наслѣдовалъ, по назначенію отъ Прусскаго Короля, новый епископъ Гоббатъ, родомъ Швейцарецъ, бывшій миссіонеромъ въ Абиссиніи, на иждивеніи Англійскихъ обществъ. Единство въ исповѣданіи догматовъ не утвердилось впрочемъ до сего времени въ этой церкви. Что касается до успѣховъ ея проповѣди, то въ настоящее время (1848 г.) число обращенныхъ Евреевъ едва простирается до 30 душъ. Всѣ они живутъ на содержаніи самой миссіи, которая обязана платить имъ пенсіи, и затрудняется пріискать имъ какое-либо занятіе; а въ томъ нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти прозелиты отпадутъ опять въ свою народную вѣру, какъ только будутъ прекращены пособія, коими теперь пользуются.

III. ЕВРЕИ.

ТАЛМУДИСТЫ, САМАРИТЯНЕ и КАРАИТЫ.

Небольшое еврейское народонаселеніе Палестины и Сиріи едвали можно почитать остаткомъ древняго царственнаго народа первой изъ этихъ областей. Милліоны Евреевъ или погибли подъ мстительнымъ мечемъ Римлянъ при Веспасіанѣ, послѣ фанатическаго своего возстанія, или разсѣялись по лицу земли во исполненіе пророчествъ. Долго самый пепелъ Іерусалима былъ недоступенъ ихъ племени подъ страхомъ смертной казни. За симъ послѣднимъ явленіемъ Іудеевъ въ политической исторіи міра, синагога укрылась въ Яффу и въ Тиверіаду. Духовное покореніе Востока Евангельскимъ словомъ еще болѣе вытѣснило Евреевъ изъ странъ, гдѣ живыя воспоминанія страстей Спасителя и кровь мучениковъ, такъ сильно раздражали Христіанъ, что и императорскіе эдикты невсегда могли защитить Евреевъ отъ гоненій. Мухамедъ еще въ Меккѣ высказалъ жестокость свою къ Евреямъ; а его преемники по завоеваніи Палестины и Сиріи не перестали гнать это злополучное племя, котораго страдальческіе остатки едвали не изчезли въ этихъ странахъ въ бурю крестовыхъ походовъ. Только въ Аравійской пустынѣ между кочевьями Бедуиновъ есть

племя Іудеевъ, извѣстныхъ подъ именемъ *Рехабитовъ*, которые или остались тамъ со времени странствія Моисеева, отдѣлившись отъ своего народа, по сказанію нынѣшнихъ Іерусалимскихъ раввиновъ, или обратились въ кочевую жизнь подъ Римскою опалою. Извѣстно только, что они усердно сохраняютъ Моисеевъ законъ, и не смѣшиваются съ другими Бедуинскими племенами, хотя по языку, по нравамъ и по образу жизни ничѣмъ отъ нихъ не отличаются. Нынѣшніе Евреи Сиріи и Палестины переселились сюда изъ Европы и изъ Африки. Это потомки другаго поколѣнія изгнанниковъ, принужденныхъ покинуть Западный полуостровъ Средиземнаго моря отъ гоненій католическихъ государей, и искать пріюта у Мусульманъ, вдоль разбойничьяго берега Африки. Путемъ этимъ возвращались они къ тому Восточному берегу, который былъ нѣкогда дарованъ ихъ дѣдамъ Іеговою, и который не престаетъ чрезъ тридцать вѣковъ почитаться идеальною родиною скитальческаго потомства. Въ наше время переселеніе Евреевъ въ Палестину усиливается. Ежегодно пріѣзжаютъ сюда на постоянное жительство Евреи изъ другихъ Турецкихъ областей, изъ Варварійскихъ владѣній, изъ Германіи, изъ Россіи. Удобства сообщеній и слухъ о вѣротерпимости и гражданскомъ благоустройствѣ на Востокѣ тому благопріятствуютъ. Замѣтимъ еще, что журнальные разсказы о какихъ-то небывалыхъ переговорахъ между Султаномъ и богатыми банкирами Израилева племени объ уступкѣ имъ Палестины, оживили мечтательныя надежды о возстановленіи Іудейскаго царства и о возобновленіи храма. Едва ли со временъ отступника Юліана, и причудливаго его призыва къ Еврейскому народу, и троекратной попытки противу Божіихъ судебъ къ возобновленію разрушеннаго храма, едвали мечтательныя эти ожиданія, сопряженныя съ

духовными надеждами Израиля, были когда-нибудь такъ живы между Евреями, какъ въ наше время.

Изъ числа 4000 семействъ, населяющихъ нынѣ Іерусалимъ и другіе Палестинскіе города, преимущественно Табарію, Саффетъ и Халиль-Рахманъ, (древній Ефронъ) едвали начтется сто или двѣсти, которыхъ дѣды родились бы въ сей странѣ. Переселенцы Европейскіе и Евреи Турецко-подданные составляютъ два общества отдѣльныя одно отъ другаго, и имѣютъ особыя синагоги и особое управленіе. Турецко-подданные, за исключеніемъ тѣхъ, кои давно поселены въ Сиріи и уже приняли въ разговорѣ языкъ Арабскій, употребляютъ между собою, какъ и всѣ ихъ единовѣрцы въ Турціи и въ Африкѣ, испорченный Испанскій языкъ. Европейскіе переселенцы принимаютъ уже костюмъ Восточный, но сохраняютъ свой испорченный Нѣмецкій языкъ. Первые управляются своимъ раввиномъ, который служитъ и политическимъ представителемъ народа у властей, имѣя титло *Хахамъ-баши*; вторые признаютъ духовнымъ своимъ главою раввина, назначаемаго отъ Амстердамской конгрегаціи, особенно пекущейся о Восточныхъ Евреяхъ. Вообще Евреи много терпятъ въ Іерусалимѣ, какъ и во всей Турціи, отъ нерасположенія къ нимъ Мусульманъ и другихъ народовъ. Гоненіямъ отъ властей они не подвержены, благодаря презрѣнію къ нимъ Турокъ и своей бѣдности. Межъ тѣмъ какъ поклонники другихъ народовъ шумно празднуютъ въ Іерусалимѣ свою Пасху, Евреи, старики и старухи, собираются на плачь въ уединенной улицѣ Іерусалима, гдѣ по народному повѣрію сохранились обломки храмовой стѣны.

Палестинскіе Евреи живутъ почти всѣ пособіями отъ родственниковъ, пребывающихъ въ Европѣ, и милостынею. Предположительно можно думать, что около

25,000 руб. сер. доставляется имъ изъ Россіи чрезъ поклонниковъ и раввиновъ, наряжаемыхъ на сборъ. При суммахъ препровождается записка съ назначеніемъ сколько слѣдуетъ внести въ казну синагоги и на училища, и сколько каждому лицу поименно. Изъ Западной Европы деньги доставляются векселями при строжайшей отчетности, особенно съ того времени, какъ маркизъ Монтефіоре, зять Ротшильдовъ, навѣстилъ дважды своихъ единовѣрцевъ Палестинскихъ, и назначилъ пособіе на синагогу, на богадѣльни, на содержаніе врача для Еврейскаго народа, дабы тѣмъ предостеречь ихъ отъ благотвореній Англиканской миссіи, и отъ проповѣди. Замѣтимъ что Палестинскіе Евреи, при всей скудости своихъ средствъ, особенно пекутся о своемъ духовномъ воспитаніи. Воспоминаніе о знаменитой Тиверіадской синагогѣ, гдѣ 1000 молодыхъ труженниковъ слушали толкованіе закона у великаго раввина Гихеля, прозваннаго новымъ Моисеемъ, которая процвѣтала по паденіи царства, въ эпоху извѣстную въ Талмудѣ, подъ именемъ *Западнаго плѣна*, воспоминанія эти привлекаютъ теперь много Евреевъ въ Табарію (древнюю Тиверіаду). Саффетъ, расположенный на ближнихъ горахъ, населенъ также почти одними Еврейскими переселенцами. Подъ Египетскимъ владычествомъ оба эти города были постигнуты сугубымъ бѣдствіемъ: жители окрестные, Мусульмане и Друзы, прельщенные возрастающимъ благоденствіемъ Еврейскихъ колоній, внезапно напали на нихъ и ограбили 700 или 800 беззащитныхъ семей. Нѣсколько недѣль спустя страшное землетрясеніе погубило много несчастныхъ подъ развалинами ограбленныхъ ихъ жилищъ. Такъ какъ въ числѣ жертвъ было много Русскихъ Евреевъ, то по настоянію нашего консульствъ Мехметъ-Али забралъ съ грабителей около

милліона піастровъ, для раздачи ограбленнымъ Евреямъ. Въ Яффѣ, которую раввины по паденіи Іерусалима называли *разсадникомъ закона*, по бывшимъ въ ней Синагогѣ и Синедріону, теперь едва укрывается нѣсколько бѣдныхъ Евреевъ, равно какъ и въ Кайфѣ и въ Аккѣ; но ни въ одномъ селеніи нѣтъ Еврея земледѣльца. Это непреоборимое отвращеніе Еврейскаго племени повсюду, и въ самой странѣ почитаемой завѣтнымъ его наслѣдіемъ, отъ земледѣльческаго труда, сей основы гражданскаго общества, сей заповѣди, выраженной въ первомъ откровеніи, было кажется совершенно упущено изъ виду мечтателями о возстановленіи Іудейскаго царства.

Въ Дамаскѣ считается 600 семействъ Еврейскихъ, а въ Алеппѣ еще болѣе. Ихъ можно назвать туземными по давности пребыванія ихъ рода въ Сиріи. По языку и по образу жизни они слились съ Арабами, сохранивши только наслѣдственную печать физіономіи и характера, которыми отличаются Евреи отъ всѣхъ племенъ земнаго шара, и которые не покоряются вліянію ни климата, ни гражданскаго быта, и упорны, какъ и религія этого удивительнаго народа. Въ помянутыхъ двухъ городахъ есть между Евреями богатые банкиры и купцы. Въ началѣ 1840 года великое бѣдствіе постигло богатыхъ Евреевъ Дамаска: пропалъ безъ вѣсти капуцинъ отецъ Ѳома. Подозрѣнія толпы пали на Евреевъ; вспомнили старое повѣріе о крови взимаемой Евреями съ Христіанъ для какихъ-то обрядовъ религіозныхъ. Французскій консулъ прибѣгнулъ къ Турецкому правосудію. По его настоянію почетнѣйшіе между Дамаскими Евреями подверглись жесточайшимъ пыткамъ, и составлено слѣдственное дѣло съ цѣлію — юридическимъ образомъ доказать истину страшной тайны крови. Дѣло

это возбудило много преній въ журналахъ и въ законодательныхъ собраніяхъ Англіи и Франціи.

Въ догматическомъ отношеніи Восточная синагога тщательно ограждаетъ себя отъ тѣхъ вліяній, коимъ подчинилось Іудейство въ Германіи и въ Западной Европѣ, съ того времени какъ сфера народнаго воспитанія вышла изъ предѣловъ, талмудомъ очертанныхъ въ эпоху схоластическаго направленія ветхозавѣтной учености, отлученной отъ пророческаго свѣта, и мертвой ожиданіемъ въ будущемъ тѣхъ таинственныхъ событій, кои уже сбылись. На Востокѣ роковое вліяніе мистическихъ бредней талмуда пребываетъ во всей силѣ, и въ нихъ то почерпаетъ народъ свое изувѣрство и свою ненависть ко всѣмъ другимъ племенамъ. Порою появляются лжепророки, порою раввинъ, увлекаясь кабалистическимъ толкованіемъ строкъ Талмуда, коихъ смыслъ умышленно загадоченъ, опредѣляетъ эпоху пришествія Мессіи, и тогда по всѣмъ центрамъ синагоги, въ Константинополѣ, въ Салоникѣ, въ Палестинѣ, замѣтно необыкновенное движеніе. Не далѣе какъ въ 1842 году стекались Евреи въ Тиверіаду, на встрѣчу Мессіи, «идущаго по волнамъ Галлилейскаго моря».

Древняя секта Самаритянъ, неизвѣстная въ Европѣ, сохранилась до сего времени въ Палестинѣ, въ воспоминаніе отдѣленія отъ Іудеевъ десяти колѣнъ Израиля, при Ровоамѣ, сынѣ Соломоновомъ, основавшихъ самостоятельное царство въ Самаріи. Сохраненію небольшаго племени (шестидесяти или семидесяти семействъ) Самаритянъ, едвали не единственнаго въ мірѣ слѣда сего народа, и постоянному ихъ пребыванію въ Наблузѣ, древнемъ Сихемѣ, ихъ столицѣ, подъ сѣнію священной горы Гаризина, тѣмъ болѣе должно удивляться, что народъ этотъ никогда не былъ одушевленъ духовною твердостію Іудеевъ, впадалъ въ идолопоклонство,

заслуживалъ отъ Фарисеевъ упрекъ въ безвѣріи и въ скептицизмѣ, или можетъ быть сохраняя въ душѣ ветхозавѣтную вѣру въ единаго Бога, приносилъ однако публичныя жертвы Римскимъ божествамъ. Межъ тѣмъ онъ постоянно подвергался тяжкимъ гоненіямъ, то отъ Іудеевъ то отъ другихъ націй. Бунты его наказаны потоками крови и при Восточныхъ императорахъ и при Магометанахъ. Но доселѣ пребываетъ онъ одинокимъ, беззащитнымъ и бѣднымъ, гордясь своимъ народнымъ палладіумомъ — рукописію Пятикнижія, коей приписывается глубочайшая древность. Это свертокъ пергаментный, хорошо сохраненный, писанный весьма четкимъ и красивымъ письмомъ. Самаритяне, увѣряютъ что это единственный памятникъ древняго Еврейскаго письма, измѣнившагося въ книгахъ Евреевъ послѣ Вавилонскаго плѣна. Хотя и нельзя вѣрить чтобы рукопись эта была древнѣе Вавилонскаго плѣна, какъ толкуютъ Самаритскіе раввины, однако глубокая ея древность несомнительна.

Ненависть между этою сектою и Евреями, о коей свидѣтельствуетъ Евангеліе, длится доселѣ во всей силѣ. Въ прошедшемъ столѣтіи много претерпѣли Самаритяне отъ гоненія воздвигнутаго на нихъ Евреями для насильственнаго ихъ обращенія въ синагогу.

Догматическая разность Самаритянъ отъ Іудеевъ состоитъ въ томъ, что первые въ богуслуженіе свое принимаютъ одно Пятикнижіе Моисеево, а большую часть книгъ Ветхаго Завѣта уважаютъ только, какъ книги историческія, отвергая совершенно Талмудъ. Самаритяне ждутъ также Мессіи, покорителя міра, изъ своего медленно угасающаго племени. Христіанамъ говорятъ они, что Іисуса Христа почитаютъ однимъ изъ величайшихъ мужей Завѣта, котораго по злобѣ за упреки на синагогу распяли Іудеи. Въ окрестностяхъ

Наблуза показываютъ они колодезь Іакова, гдѣ Самаритянка утолила жажду Спасителя.

Есть еще другая малоизвѣстная на Западѣ Еврейская секта Караитовъ. Лжемудріе Гностиковъ и Докетовъ, порожденныхъ философіею синагоги въ Христіанской церкви, не долго устояло предъ свѣтомъ Евангельскаго догмата, межъ тѣмъ какъ ученый скептицизмъ Саддукеевъ оставилъ и нынѣ въ Еврейскомъ народѣ слѣдомъ своимъ небольшую секту Караитовъ, которыхъ можно назвать протестантами синагоги.

Караиты признаютъ всѣ книги Ветхаго Завѣта, принятыя и нашею церковію, но отвергаютъ Талмудъ и всѣ преданія. Пагубное вліяніе Талмуда на Іудеевъ доказывается тѣмъ, что и Караиты и Самаритяне несравненно выше Талмудистовъ въ моральномъ отношеніи, и не питаютъ къ другимъ религіямъ той наслѣдственной вражды, коею одушевлены Фарисеи всѣхъ вѣковъ.

Немногія семейства Караитовъ разсѣяны по разнымъ городамъ Сиріи. Синагоги они не имѣютъ, а столицею своею въ этомъ мірѣ почитаютъ, кажется, Бахчисарай въ Крыму, гдѣ есть красивое предмѣстье Чуфутъ-Калэ, населенное ихъ племенемъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ I.

Доходы и расходы по управленію Египетскимъ пашалыкомъ *).

Египетскій пашалыкъ былъ пожалованъ въ 1806 году Мехметъ-Алію съ условіемъ, чтобы онъ доставлялъ Султану ежегодную подать, въ видѣ подарка, четыре тысячи мѣшковъ. Сумма эта по тогдашнему курсу составляла около полутора милліона рублей сер.

Египетскій пашалыкъ обнималъ тогда средній Египетъ (Беледъ-Масръ) и Дельту. Верхній же Египетъ (Саидъ) былъ раздѣленъ на много *бейлыковъ*, управлявшихся Беями изъ Мамлуковъ. Александрія съ прибрежьемъ до западнаго рукава Нила, составляла особенный пашалыкъ.

Недолго спустя Порта въ награду за услуги, оказанные Мехметъ-Аліемъ въ 1807 году, по случаю высадки Англичанъ въ Египтѣ, пожаловала ему и Александрійскій пашалыкъ.

Доходы обѣихъ областей состояли тогда:

1) Въ поземельной подати *Мири*, взимаемой съ феллаховъ за тѣ обработанныя земли, которыя не зависили отъ беевъ.

---

*) Этотъ оффиціальный документъ былъ представленъ Портѣ и кабинетамъ Великихъ державъ когда предстояло установить подать съ Египта въ Оттоманскую казну. Факты въ немъ изложенные и постепенное развитіе итоговъ финансовой системы Мехметъ-Алія, послужатъ къ поясненію многихъ явленій, которыя мы вправѣ назвать загадочными въ удивительномъ поприщѣ этого человѣка.

2) Въ таможенныхъ пошлинахъ по привозу и отпуску товаровъ въ Суэйцѣ, Каирѣ, Дамьятѣ, Рашитѣ (Розетѣ) и Александріи.

3) Въ таможенныхъ сборахъ съ каравановъ Сеннаара, Дарфура и Кордофана.

4) Въ Хараджѣ, поголовной подати съ раіевъ.

Никакихъ положительныхъ данныхъ нѣтъ относительно итоговъ по тогдашнимъ доходамъ и расходамъ Египетскаго паши; впрочемъ Мехметъ-Алій увѣряетъ, что въ его казну едва поступало до 35,000 мѣшковъ, и что сумма эта едва доставала на расходы по управленію, на скудное содержаніе войскъ и его самаго, на уплату подати въ Порту и на удовлетвореніе другихъ столичныхъ притязаній.

Для улучшенія своихъ финансовъ, онъ думалъ возвысить поземельную подать *мири*; но тому воспротивились всѣ улемы (законники) и всѣ владѣльцы, опираясь на фирманѣ Султана Селима, который при самомъ завоеваніи Египта постановилъ неизмѣнную поземельную подать. Мехметъ-Али былъ принужденъ отказаться отъ этой мысли; присутствіе Мамлуковъ казалось слишкомъ опаснымъ при нововведеніи ненавистномъ народу.

По истребленіи Мамлуковъ, въ 1811 году, Мехметъ-Али занялъ Саидъ, прося у Порты утвержденія за нимъ сей области, и предлагая умноженіе подати. Порта согласилась, съ тѣмъ чтобы подать была установлена въ 12,000 мѣшковъ, что по тогдашней цѣнности піастра составитъ опять около полутора милліона руб. сер. *)

---

*) Напоминаемъ читателю, что Турецкій піастръ (курушъ) постоянно упадаетъ въ цѣнѣ. Въ первыхъ годахъ текущаго столѣтія онъ равнялся рублю серебромъ; въ 30-хъ годахъ 10 ти копѣйкамъ; въ 40-хъ годахъ 5-ти копѣйкамъ; въ настоящее время (1861 года), 3-мъ копѣйкамъ.

Дѣйствуя рѣшительнѣе когда не стало Мамлуковъ, Мехметъ-Али по согласію съ улемами, и основываясь на постепенномъ упадкѣ цѣнности піастра, значительно умножилъ поземельную подать и сборы по внутреннимъ таможнямъ. Доходы его утроились.

Сверхъ того онъ завладѣлъ большею частью недвижимаго имущества Саидскихъ Мамлуковъ, и описалъ въ казну много частныхъ собственностей, которыхъ купчія крѣпости (ходжетъ) оказались несходными съ порядкомъ, имъ установленнымъ за нѣсколько недѣль до обнародованія сей мѣры.

Расходы его простирались до 125,000 мѣшковъ, а доходы значительно превосходили эту сумму. Порта, провѣдавъ о цвѣтущемъ состояніи финансовъ его, изъявила желаніе раздѣлить барыши. Ея коммисаръ Сатифъ-паша потребовалъ умноженія подати въ Султанскую казну; но Мехметъ-Али уклонился, подъ предлогомъ, что война въ Аравіи съ Веххабитами его разоряла. Сатифъ-паша, по навѣту коего была сдѣлана попытка умноженія подати, публично казненъ въ Каирѣ, подъ предлогомъ заговора.

Въ 1824 году Порта возобновила свои притязанія. Мехметъ-Али вторично и на отрѣзъ отказалъ; въ сей разъ Морейская экспедиція поглощала его казну. Между тѣмъ доходы его возрастали; въ это время они простирались до 240,000 мѣшковъ; за то они не покрывали уже его расходовъ, при возрастающемъ итогѣ основаннаго имъ флота и регулярнаго его войска. Тогда онъ придумалъ множество монополій и откупныхъ статей, по которымъ соблюдалась величайшая строгость.

Въ 1830 году (1245 г. эгиры) Султанъ пожаловалъ ему Кандію. Подати при этомъ не было постановлено, потому что островъ былъ совершенно разоренъ отъ войны, и не покрывалъ собственныхъ расходовъ.

Назначенный туда правителемъ отъ Мехметъ-Алія Мустафа-паша получалъ два милліона пятьсотъ тысячъ піастровъ годоваго содержанія изъ доходовъ Кандіи.

Такимъ образомъ, не смотря на это пріобрѣтеніе, не смотря на упадокъ піастра въ одну четверть прежней его цѣнности, не смотря на чрезмѣрное умноженіе доходовъ Египетскихъ, подать въ Султанскую казну оставалась таже (12,000 мѣшковъ).

Въ 1830 году доходы были . .	493,791	мѣшокъ.
» » » расходы » . .	444,872	»
Остатокъ доходовъ.	48,919	мѣшковъ.

Въ 1833 году въ первый разъ составленъ систематическій бюджетъ Мехметъ-Алія; въ немъ показаны

Доходы около . . .	15,000,000	руб. сер.
Расходы около . . .	11,500,000	» »
Остатокъ доходовъ.	3,500,000	руб. сер.

Не знаемъ, существенный-ли бюджетъ это, или только предположительный; ограничимся присовокупленіемъ перевода съ онаго.

Положительно то, что Сирійская война поглотила болѣе трехъ сотъ тысячъ мѣшковъ, и что въ казнѣ Мехметъ-Алія въ концѣ 1248 г. (1833 г.), по сознанію самаго казначея, вмѣсто избытка приходовъ, согласно съ оффиціальными итогами бюджета, было 165,000 мѣшковъ долгу. Съ того времени Мехметъ-Али не хотѣлъ болѣе бюджетовъ, пріостановилъ выдачу жалованья войску и чиновникамъ, и объявилъ даже что не былъ въ состояніи платить подать Султану.

По заключеннымъ $^2/_{14}$ Мая условіямъ, Мехметъ-Али обязался платить за Египетъ по прежнему, а за Сирію, Адану и Кандію платить то самое, что платили до того паши сихъ областей, а именно:

Египетъ	. . . .	12,000	мѣшковъ.
Кандія	. . . .	2,000	»
Сирія и Адана	. . . . .	18,000	»
	Всего. . .	32,000	мѣшковъ.

По настоящему курсу (1840 г.) это составитъ около 950,000 руб. сер., такъ что Мехметъ-Али платитъ 550,000 руб. сер. менѣе чѣмъ то, что онъ платилъ первоначально за одинъ Египетскій пашалыкъ, когда онъ не владѣлъ еще ни верхнимъ Египтомъ, ни Александріею, когда онъ не могъ умножать поземельную подать, ни установлять монополіи, введенныя имъ съ такимъ искуствомъ и съ такою жестокостью. По его собственному сознанію всѣ эти прямые и косвенные налоги въ Египтѣ, въ Сиріи и въ Кандіи, доставили ему въ 1838 году 900,000 мѣшковъ.

Мы не имѣемъ точныхъ подробностей о разныхъ статьяхъ сего огромнаго дохода, ни о расходахъ, имъ покрываемыхъ. Достовѣрно то, что не смотря на увѣренія Мехметъ-Алія, будто въ настоящемъ 1840 году онъ получилъ 197,000 мѣшковъ чрезвычайнаго дохода противу смѣты, онъ не могъ удовлетворить жалованьемъ своей арміи, покрыть расходы по коммисаріату, по флоту и по гражданскому управленію. Арміи причитается выслуженнаго жалованья за 16 мѣсяцевъ и за полтора года, флоту 11 мѣсяцевъ, гражданскимъ вѣдомствамъ 13 мѣсяцевъ, а подать въ Султанскую казну не уплачена за 1839 и 1840 годы. Долги эти въ совокупности простираются до 500,000 мѣшковъ (около 12 милліоновъ рублей серебромъ).

Мы полагаемъ, что если Мехметъ-Али установитъ налоги Египетскіе и таможенныя пошлины въ сообразности съ правилами Гюль-Ханейскаго хати-шерифа и новаго торговаго трактата, доходъ его можетъ прости-

раться до 400,000 мѣшковъ. Съ другой стороны уменьшеніе арміи и флота въ соразмѣрности съ будущимъ положеніемъ Мехметъ-Алія, прекращеніе арсенальныхъ работъ, секретныхъ расходовъ и разорительныхъ заказовъ въ Европѣ для экипировки войска и для крѣпостныхъ потребностей, приведетъ расходы Мехметъ-Алія въ сумму 100,000 мѣшковъ, такъ что избытокъ доходовъ будетъ простираться до огромной суммы 300,000 мѣшковъ, что составитъ около семи съ половиною милліоновъ рублей серебромъ.

Это не произвольный расчетъ, ибо поземельная подать мири, взимаемая нынѣ съ 3,856,226 федлановъ, составляетъ 225,000 мѣшковъ; между тѣмъ есть еще 3,157,000 федлановъ невоздѣланныхъ полей, коихъ двѣ трети легко были бы покрыты жатвами и обложены законнымъ налогомъ, по прекращеніи рекрутскихъ наборовъ и разныхъ казенныхъ работъ, которыя сверхъ отнятія рукъ у земледѣлія, причиняютъ еще бѣгство народа, болѣе предосудительное для земледѣлія, чѣмъ рекрутскіе наборы. Отъ 120 до 130,000 мѣшковъ поземельной подати можетъ прибавиться такимъ образомъ.

Присовокупимъ къ этому таможенный доходъ привозной торговли (Европейскихъ и Азіятскихъ мануфактуръ, винъ и проч.) и вывоза предметовъ не подлежащихъ монополіи, каковы: мануфактурныя произведенія Египта, индиго, сахаръ, гумми и проч., съ которыхъ таможенный сборъ теперь откупается за 20,000 мѣшковъ; таможню хлѣбныхъ зеренъ подлежащихъ монополіи, каковы: пшеница, ячмень, рисъ, бобы, чечевица, бѣлый маисъ и проч., которыхъ вывозъ простирается ежегодно среднимъ числомъ отъ 6 до 700,000 ардебовъ *), и которые по новому ком-

*) Ардебъ почти равняется нашей четверти.

мерческому трактату обложены девяти-процентною пошлиною; статья эта составитъ . . 18,000 мѣшковъ.

Хлопчатая бумага	10,000	»
Транзитная пошлина съ кофе, слоновой кости, страусовыхъ перьевъ, золотаго песку и другихъ произведеній Африки и Аравіи.	6,000	»
Ленъ и льняное сѣмя	1,200	»

И такъ очевидно, что Мехметъ-Али можетъ уничтожить всѣ прочіе поборы, налоги и пошлины, освободить земледѣліе и промышленность отъ тяготѣющаго надъ ними бремени, привести въ большую простоту поземельную подать и таможенную пошлину, и тѣмъ придать своей администраціи ходъ твердый, правильный и человѣколюбивый.

Нѣтъ никакого преувеличенія въ показанныхъ нами цифрахъ доходовъ. Самъ Мехметъ-Али увѣрялъ, что поземельная подать и таможенныя пошлины съ одного Египта, при надлежащемъ воздѣланіи почвы, какъ онъ намѣревался это устроить, когда пройдетъ пора воинственныхъ его пріемовъ, могли бы дать ему чистаго дохода болѣе 200,000 мѣшковъ, за уплатою всѣхъ расходовъ по управленію и проч.

При предстоящемъ установленіи подати съ Египта въ Султанскую казну, не излишнимъ будетъ имѣть въ виду вышеприведенныя данныя.

БЮДЖЕТЪ ДОХОДОВЪ И РАСХОДОВЪ ЕГИПТА ВЪ 1833 ГОДУ:

1-е. Доходы:

	Турецк. піастры.
Мири (поземельная подать)	112,500,000
Поголовная подать, фирде	35,000,000
Харадчь съ христіанъ и евреевъ	320,000
Проценты съ наслѣдства (бейтъ-эль-маль)	600,000
Сборъ съ рогатаго скота въ бойняхъ	1,000,000

	Турецк. піастры.
Сборъ съ постоялыхъ дворовъ и базаровъ въ верхнемъ Египтѣ.	182,000
Сборъ съ танцовщицъ, музыкантовъ и скомороховъ.	240,000
Сборъ съ работы серебра и галуновъ	225,000
Сборъ съ финиковыхъ деревъ	2,000,000
Сборъ съ рыбной ловли въ озерѣ Мензалѣ	1,000,000
Сборъ съ соли, съ барокъ и съ рыбной торговли .	1,752,000
Пошлина съ хлѣбныхъ зеренъ.	10,000,000
Таможни и рыночныя пошлины.	12,282,000
Откупъ крѣпкихъ напитковъ	1,384,000
Откупъ растенія Сене (Александрійскаго листа) . .	130,000
Откупъ рыбной ловли въ озерѣ Керунѣ и рыночныя пошлины въ округѣ Фаюмѣ	290,000
Доходы съ перепродажи правительствомъ хлопчатой бумаги, индиго, опіума, сахара, вина, риса, меду, воска, краски хенне, розовой воды, сѣмянъ: льнянаго, кунжутнаго, латучнаго, желтяничнаго, шелку, сафрану, селитры, извести, камней, натрону, соды и нашатыря	48,000,000
Прибыль отъ чеканенія монеты	1,500,000
Выручка съ продажи полотенъ съ казенныхъ фабрикъ.	6,000,000
Тоже съ шелковыхъ тканей	4,800,000
Тоже съ кожъ	3,500,000
Тоже съ цыновокъ.	400,000
Сумма. . .	243,105,000

2-е. Расходы:

	Турецк. піастры.
Подать въ Султанскую казну	6,000,000
Содержаніе арміи.	60,000,000
Жалованья по военному министерству	20,000,000
Содержаніе нерегулярной Турецкой конницы. . . .	3,248,000
Содержаніе Бедуиновъ.	2,600,000
Артиллерія и снаряды	7,300,000
Раціоны и содержаніе мулловъ и верблюдовъ при арміи.	1,248,000
Военная школа	800,000
Содержаніе флота	30,000,000
Постройка военныхъ судовъ	7,500,000
Постройка верфи для барокъ въ Булакѣ	1,648,000
Содержаніе фабрикъ и жалованье фабрикантамъ . .	11,000,000
Жалованья по гражданскому вѣдомству.	10,000,000
Порціоны по оному.	2,500,000
Пенсіи	1,760,000

	Турецк. піастры.
Пенсіи Арабамъ	3,000,000
Расходы на постройки дворцовъ, мостовъ, фабрикъ и плотинъ	9,000,000
Поставка изъ Европы машинъ для фабрикъ	7,500,000
Содержаніе дворца Мехметъ-Алія	5,000,000
Кухня его свѣтлости	2,000,000
Покупка шалей, парчи, алмазовъ и проч.	7,000,000
Расходы въ пользу поклонниковъ идущихъ въ Мекку	1,000,000
Сумма	200,104,000

ПРИБАВЛЕНІЕ II.

Доходы и расходы по управленію Сирійскими пашалыками и Таврическими округами.

Въ предыдущей запискѣ о финансахъ Мехметъ-Алія показана въ совокупности сумма налога, которымъ были обложены пашалыки Сирійскіе подъ прежнимъ управленіемъ Турецкихъ пашей. Когда Сирія была уступлена Египетскому пашѣ, въ силу Кютахійскаго договора, налогъ въ Султанскую казну остался неизмѣннымъ; но паша, какъ мы уже видѣли, совершенно измѣнилъ финансовую систему края, и усилилъ казенный доходъ въ свою пользу. Представимъ здѣсь нѣсколько таблицъ доходовъ и расходовъ по управленію сею областью, какъ подъ Египетскимъ пашею, такъ и нынѣ, на основаніи новыхъ Оттоманскихъ учрежденій. Принятыя нами цифры основаны на отчетахъ Турецкихъ канцелярій. Впрочемъ такъ какъ съ каждымъ годомъ бываютъ измѣненія, а сверхъ того съ каждымъ годомъ итогъ казенныхъ недоимокъ усиливается, то наши цифры

приблизительны. Замѣтимъ еще, что самое исчисленіе доходныхъ статей, по разнымъ пашалыкамъ и округамъ, не подходитъ подъ одну и ту-же систему, потому что правительство не успѣло до сего времени ввести единообразіе въ систему налоговъ, а принаравливается къ стариннымъ формамъ. Много округовъ по старинному состоятъ на откупѣ, платя положенную сумму подати гуртомъ, а не по казеннымъ податнымъ статьямъ.

Эйалетъ Саидскій въ настоящихъ его предѣлахъ, за исключеніемъ санджаковъ Газы и Іерусалима, не входящихъ прежде въ составъ сей области, доставлялъ Египетскому правленію болѣе двадцати милліоновъ піастровъ дохода, по слѣдующимъ статьямъ и округамъ:

ОКРУГИ.	Казенное имущество.	Взносы натурою.	Поземельная подать Мири.	Фирде.	Харадчъ.	Суммы.
Турец. піаст.						
Санджакъ Акки	800000	1163500	1835000	640000	52500	4491000
Беледъ - Бшари (страна Мотуаліевъ)	„	450000	1507000	253000	23500	2233500
Городъ Саида	40000	400	16300	115000	4800	176500
„ Суръ	2[illegible]200	„	8800	36500	4000	74500
Городъ Бейрутъ	170000	„	47500	167000	14500	399000
Санджакъ Триполійскій	642000	404000	873000	843000	101500	2863500
„ Латакійскій съ горою Ансаріевъ	211000	164000	1477000	92[illegible]000	26000	2803000
Княжество Ливанское (общій налогъ)	„	„	„	„	„	6500000
Таможни, подлежа особенной отчетности при частныхъ измѣненіяхъ дохода, въ 1839 году дали въ итогѣ около	„	„	„	„	„	2000000
Суммы...	1888200	2181900	5764600	2979500	226800	21541000

Замѣтимъ, что подъ первою статьею казенныхъ имуществъ подразумѣваются всѣ поля не имѣющія частнаго владѣльца, и которыя уступаются каждому, лицу ли или обществу, для воздѣлыванія на извѣстныхъ условіяхъ, и

сверхъ того соляныя озера, сады, постоялые казенные дворы, въ городахъ бани, кофейни и т. п. казенныя зданія отдаваемыя на откупъ. Статья эта именуется въ Турецкомъ канцелярскомъ слогѣ Мали-арзи-ве-акламъ. Взносы натурою состоятъ въ извѣстномъ количествѣ хлѣба, коимъ обложены иные округи сверхъ обыкновенныхъ налоговъ, и которое должно или представить натурою или уплатить по справочнымъ цѣнамъ. Налогъ этотъ подаетъ поводъ ко всяческимъ злоупотребленіямъ.

О поземельной подати *мири* мы имѣли уже случай говорить. Она остается номинально-неизмѣнною въ каждомъ округѣ, на томъ основаніи, какъ было первоначально постановлено; а постановленіе мири большею частью восходитъ ко времени Оттоманскаго завоеванія. Съ того времени Турецкая монета понизилась: піастръ нынѣшній равняется двадцатой долѣ стараго Турецкаго піастра; слѣдовательно въ существѣ подать эта представляетъ двадцатую долю того, чѣмъ земля была первоначально обложена. Поголовныя подати, *фирде* и *харадчъ*, измѣняются съ числомъ народонаселенія. О подати фирде, первоначально постановленной Египтянами, а потомъ принятой Портою подъ названіемъ *верги*, мы подробно объясняли въ VII главѣ. Извѣстно, что поголовнымъ окладомъ *харадчъ* (по-арабски Джезіэ) обложены всѣ подданные не магометане, на основаніи духовнаго закона. Всѣ подданные не магометане должны ежегодною платою откупаться отъ смертной казни, которой по толкованію законниковъ, подвержены они за невѣріе.

Саидскій Эйалетъ въ нынѣшнихъ его предѣлахъ, со включеніемъ санджаковъ Газы и Іерусалима, доставляетъ Портѣ слѣдующіе доходы:

ОКРУГИ.	Казенное имущество.	Взносы натурою.	Поземельная подать Мири.	Фирде или Вергю.	Харадчъ	Таможни.	Суммы.
Піастровъ.							
Санджакъ Акки......	888000	1493000	1651500	427000	52500	700000	5212000
Беледъ-Вшара........	„	513000	1356500	168000	23500	„	2061000
Городъ Сайда........	109000	400	14700	76600	4800	291000	496500
„ Суръ	56300	„	7900	24400	3900	291000	383500
„ Бейрутъ......	558900	„	42600	111500	14500	2877500	3605000
Санджакъ Триполійскій	741500	233500	785000	562000	101500	579500	3003000
„ Латакійскій.	222800	148000	1329000	616500	25700	238000	2580000
Санджаки Газы и Іерусалима (отданы на откупъ)..........	„	„	„	„	„	„	3913500
Гора Ливанская (на особыхъ правахъ)....	„	„	„	„	„	„	1750000
Суммы. . .	2576500	2387900	5187200	1986000	226400	4977000	23004500

Расходы гражданскаго управленія того же Саидскаго Эйлета, какъ-то: содержаніе пашей, чиновниковъ Порты, каймакамовъ и нерегулярной милиціи, состоящей въ вѣдомствѣ гражданскаго начальства, простирается до 6,000,000 піастровъ. Замѣтимъ впрочемъ, что остатокъ 17,000,000 піастровъ по этимъ итогамъ, равно и остатки какіе показаны будутъ по другимъ Сирійскимъ областямъ, далеко не покрываютъ въ совокупности содержанія регулярнаго войска занимающаго Сирію. Гражданскія власти обязаны передавать военному вѣдомству всѣ суммы, какія къ нимъ поступаютъ, за уплатою расходовъ по управленію. Затѣмъ много суммъ доплачивается изъ столицы, откуда равномѣрно доставляется обмундировка, аммуниція, снаряды и проч. Сверхъ того мы повторительно должны замѣтить, что недоимки въ полученіи податей, откупныхъ суммъ и проч. весьма значительны. Такъ напримѣръ: Шейхъ Мустафа-Саидъ, взявшій на откупъ Іерусалимъ и Газу за показанную въ таблицѣ сумму,

оказалсянесостоятельнымъ; онъ не внесъ и половины подати по обязательству, такъ что въ одно трехлѣтіе недоимки по этой части простираются до 8,000,000 піастровъ; а эта сумма навсегда потеряна, хотя откупщикъ насчитываетъ двѣ трети ея на сельскія общества, обвиняя самихъ поселянъ, что они не взносили повинностей.

По Дамасскому Эйалету недоимки еще значительнѣе. Номинальные доходы этой области простираются до 21,500,000 піастровъ на слѣдующемъ основаніи:

	Піастровъ.
По городу Дамаску поголовная и поземельная подать, откупныя статьи, таможни и проч.	4,000,000
По округу Дамасскому	3,400,000
Доходы отъ земель Дамасскихъ, приписанныхъ Кеабѣ въ Меккѣ и Омаровой мечети въ Іерусалимѣ	740,000
По округу Хамы, общій доходъ	3,660,000
» Хомсу	1,500,000
» Бальбеку	1,260,000
По Антиливанской долинѣ (Бекаа) . . .	1,700,000
По горѣ Аджлуну за Іорданомъ	830,000
По округу Кунетра	380,000
По Гаурану	1,980,000
Съ Антиливанскихъ горныхъ округовъ. .	755,000
Съ сѣверной части Ливана, Хоснъ-Эль-Кура	700,000
Подать съ Бедуиновъ скотомъ (никогда невзносимая)	275,000
Сумма . .	21,180,000

Затѣмъ расходы по гражданскому управленію Да-

масскимъ пашалыкамъ составляютъ болѣе 14,000,000 піастровъ, а именно:

На содержаніе нерегулярной милиціи . .	5,000,000
Милостыни на шейховъ, святошъ и бѣдныхъ	1,000,000
Содержанія паши, его штаба и прочихъ чиновниковъ	3,500,000
Расходы на караванъ поклонниковъ въ Мекку	5,000,000

Встарину Дамасскій пашалыкъ ничего не платилъ въ Султанскую казну, или почти ничего, а развѣ посылалась какая-нибудь сумма въ подарокъ отъ паши Султану и вельможамъ. За то паша Дамасскій былъ обязанъ на своемъ иждивеніи вести поклонниковъ въ Мекку. Часто всѣхъ его доходовъ не доставало на исполненіе этого долга, сопряженнаго съ его званіемъ; ибо стекаются порою тысячи бѣдныхъ, на которыхъ правительство отпускаетъ кормовыя и проѣздныя деньги, да сверхъ того конвой стоитъ очень дорого, и значительныя суммы расходуются на подарки Бедуинамъ. Султаны Оттоманскіе по своему званію духовныхъ главъ Ислама, будучи обязаны дѣлать всѣ эти пожертвованія, возложили главную заботу проводовъ каравана на Дамасскихъ пашей, предоставивши имъ безотчетно всѣ доходы пашалыка и право укрощать войною Бедуиновъ, или вести съ ними переговоры и заключать условія для безопасности пути чрезъ пустыню. Египетскій паша съ своей стороны былъ обязанъ уплачивать расходы каравана западныхъ мусульманъ, идущихъ въ Мекку чрезъ Египетъ, а паша Триполійскій, по сосѣдству съ Дамасскомъ, поставлялъ провизію на обратномъ пути каравана, и выходилъ на встрѣчу Дамасскому пашѣ съ своими милиціями до Мезариба.

При всѣхъ введенныхъ нынѣ преобразованіяхъ правительственнаго и финансоваго устройства имперіи, Дамасскій паша облеченъ всегда званіемъ *Эмиръ-Хаджія*, проводника поклонниковъ, а доходы пашалыка, при огромныхъ недоимкахъ, едва достаточны на прикрытіе расходовъ въ пользу каравана.

Алеппскій пашалыкъ доставлялъ Египетскому пашѣ болѣе 17,000,000 піастровъ. Изъ этой суммы на гражданское управленіе расходовалось не болѣе полутора милліона; ибо ни паши, ни одного высшаго сановника въ немъ не было, а вся область состояла подъ вѣдѣніемъ Дамасскаго паши, какъ мы уже объясняли. Въ первые годы Турецкаго управленія, при размноженіи высшихъ сановниковъ, доходъ понизился до 10,000,000 изъ коихъ едва добывалась половина за недоимками. Въ 1849 году номинальные доходы возвысились до 12,000,000. Начетъ старыхъ недоимокъ остается огромнымъ; но по крайней мѣрѣ теперь подати собираются почти сполна, и не одинъ разъ Бедуины были наказаны за набѣги, и отнято у нихъ много скота, распроданнаго на уплату подати, которою они обложены.

Вотъ росписаніе доходовъ въ совокупности по округамъ и городамъ Алеппскаго пашалыка.

	Піастровъ.
Городъ Алеппъ (поголовная и поземельная подати, откупныя статьи, таможни и проч.	5,276,500
Округъ Алеппскій	1,928,500
Округъ Айнтабъ	1,114,000
Округъ Антіохіи	1,412,000
Округъ Килисъ	1,391,500
Округъ Идлепъ	128,000
Округъ Шогръ	14,000
Округъ Рихха	31,000

	Піастровъ.
Подать съ Бедуиновъ за пастбища . . .	693,500
Подать съ Туркменовъ	232,000
Сумма. . .	12,221,000

На гражданское управленіе расходы простираются до 5,000,000 піастровъ, а именно:

	Піастровъ.
На содержаніе паши, его штаба, членовъ совѣта, окружныхъ начальниковъ и проч.	3,500,000
На содержаніе нерегулярной милиціи (около 800 наѣздниковъ по спискамъ, на лицо же ихъ менѣе)	1,200,000
На пенсіи и милостыни	120,000

И такъ, по показаннымъ нами итогамъ, за вычетомъ расходовъ по управленію, государственный доходъ изъ трехъ Сирійскихъ пашалыковъ долженъ простираться до 30,000,000 піастровъ. Содержаніе арміи, занимающей эту область и составляющей четвертый корпусъ регулярнаго Турецкаго войска, поглощаетъ весь этотъ доходъ, хотя въ корпусѣ считается солдатъ на лицо не болѣе 12,000 вмѣсто 30,000 комплекта; а такъ какъ за недоимками вмѣсто тридцати милліоновъ едва поступаетъ наличіемъ милліоновъ двадцать, то Сирія, вмѣсто дохода въ государственную казну, приноситъ въ существѣ ущербъ, и ежегодно требуются значительныя суммы изъ Константинополя на прикрытіе расходовъ арміи. Замѣтимъ еще, что Сирія до 1849 года рекрутовъ не давала, а весь занимающій ее корпусъ, хотя и именуется Аравійскимъ, составленъ изъ рекрутовъ Румелійскихъ, Малоазійскихъ и Кюрдовъ.

Въ Аданскомъ пашалыкѣ регулярнаго войска нѣтъ, и потому онъ приноситъ дохода, за уплатою граждан-

скаго управленія, около 7,500,000 піастровъ. Доходы его можно подвести подъ слѣдующія статьи:

	Піастровъ.
Поголовная подать Вергы	3,500,000
Поземельный сборъ	5,000,000
Харадчь съ Христіанъ и Евреевъ . . .	75,000
Таможни	1,300,000
Разныя откупныя статьи, табакъ, свинецъ, порохъ, квасцы, крѣпкіе напитки, соль и проч.	170,000
Сборъ съ Тюркменовъ за пастьбище . .	3,000
Сборъ съ Ансаріевъ, живущихъ въ горахъ	5,000
Сборъ съ проѣзжихъ въ ущеліяхъ Тавра .	70,000
Сумма . .	10,123,000

Расходы по управленію простираются до 2,500,000 піастровъ; а именно:

Содержаніе паши и его штаба, около . .	1,200,000
Содержаніе другихъ чиновниковъ и членовъ совѣта	300,000
Содержаніе милиціи	1,000,000

Изъ самаго наименованія доходныхъ статей по разнымъ пашалыкамъ, видно какой хаосъ царствуетъ въ нынѣшнемъ финансовомъ устройствѣ имперіи. Впрочемъ если вспомнимъ, что при прежней системѣ управленія каждая область подлежала особымъ правиламъ, и что все это было основано на какихъ-то старыхъ хартіяхъ Султанскихъ, пожалованныхъ при самомъ завоеваніи, а затѣмъ каждый паша толковалъ права и обязанности свои по своему разумѣнію, или облагалъ по своему капризу подвластныя ему племена, то нельзя не признать что по этой части сдѣланы значительные успѣхи, если не въ пользу государственной казны, то покрайней

мѣрѣ въ пользу податныхъ сословій. Заключимъ наши замѣчанія тѣмъ, что при нынѣшнемъ устройствѣ финансовъ и управленія доходы государственной казны умножились, можетъ быть, всемеро противу прежнихъ итоговъ; но въ существѣ казна значительно обѣднѣла; ибо сосредоточивъ администрацію и военную силу въ своихъ рукахъ, она едва покрываетъ государственный расходъ, тогда какъ прежде изъ казначейства содержались только Янычарская милиція и Султанскій Дворъ.

ПРИБАВЛЕНІЕ III.

Дѣйствія русскаго флота у Сирійскаго берега.

Когда писалась эта книга, въ 1846 году, авторъ въ изложеніи дѣйствій нашего флота у Сирійскихъ береговъ ни какихъ другихъ источниковъ не имѣлъ кромѣ книги Вольнея, Арабской современной лѣтописи, хранившейся въ семействѣ *Бустросъ* въ Бейрутѣ, Ливанской хроники Шагабовъ и изустныхъ преданій въ Бейрутѣ и на Ливанѣ. Авторъ располагалъ по возвращеніи въ Россію обратиться съ просьбою въ адмиралтейство для отысканія оффиціальныхъ документовъ въ архивахъ о дѣйствіяхъ нашего флота въ Средиземномъ морѣ въ семидесятыхъ годахъ. Между тѣмъ въ 1849 году было издано весьма подробное и отчетливое описаніе той знаменитой кампаніи, составленное изъ оффиціальныхъ и частныхъ документовъ, хранящихся въ архивахъ морскаго министерства. Этотъ весьма любопытный разсказъ помѣщенъ въ VII томѣ Записокъ Гидрографическаго Департамента Морскаго Министер-

ства, издаваемыхъ съ Высочайшаго разрѣшенія (1849). Въ дополненіе разсказа нашего выписываемъ здѣсь тѣ подробности, кои собственно относятся до дѣйствій флота нашего у Сирійскаго берега; а предварительно замѣтимъ, что въ эту пору (въ началѣ 1772 года), полтора года спустя послѣ Чесменской битвы, главная армія наша подъ начальствомъ графа Румянцова удерживала за собою лѣвый берегъ Дуная и временно вторгалась на правый берегъ; вторая армія подъ начальствомъ князя Долгорукова занимала весь Крымъ, а флотъ усиленный отрядами и судами, послѣдовательно высланными изъ Балтическаго моря, имѣлъ главную квартиру на островѣ Паросѣ въ Архипелагѣ, порою блокировалъ Дарданеллы и дѣлалъ смѣлыя и удачныя экспедиціи въ разныя точки Европейскаго и Азіатскаго берега Турціи, и на тѣ изъ острововъ, гдѣ Турки удерживались еще въ своихъ крѣпостяхъ. Турки стали договариваться о мирѣ, но до мира было еще далеко. Предлагаемъ самыя выписки изъ упомянутаго описанія относительно дѣйствій нашихъ отрядовъ у Сирійскаго берега (стр. 349 и слѣд.).

Генералъ-адъютантъ Ризо занималъ свою станцію у Негрепонта до половины Апрѣля. Тогда присоединился къ нему лейтенантъ Псаро съ шебекою «Греція» и одною полугалерою, и вся эта флотилія послана къ берегамъ Сиріи. — Это была первая посылка къ тѣмъ берегамъ, послѣ повторявшаяся много разъ, и всегда чрезвычайно удачно.

Подходя къ Кайфѣ, Ризо былъ встрѣченъ посланнымъ отъ Египетскаго паши Али-бея *), съ просьбою

*) Али-бей пашею не былъ; мы видѣли начало его власти, его силу и его замыслы. Все это описаніе поясняется обстоятельствами изложенными въ нашей книгѣ. Не одинъ разъ Сирійскія племена смѣшиваются съ Турками въ этомъ описаніи.

зайти къ нему, что и исполнилъ. Али-бей, тогда разбитый Турками, стоялъ здѣсь съ 8,000 войска, и былъ въ крайнемъ положеніи: 30,000 Турецкихъ и союзныхъ имъ войскъ держали въ осадѣ Сидонъ, и ежеминутно угрожали разбить остатки Египетской арміи. По просьбѣ Али-бея Ризо отрядилъ къ Сидону три поляки, командуемыя Греками: Стефанополи, Калига и Вальзамати, которымъ поручено: выгнать изъ-подъ крѣпости стоявшія тамъ одинадцать судовъ, съ десантомъ и артиллеріею, и потомъ стрѣлять по Турецкому лагерю. Али-бей обѣщалъ въ тоже время напасть на Турковъ съ сухаго пути. Такъ и сдѣлали: поляки прогнали суда изъ-подъ крѣпости, а одно, ставшее на мель, зажгли, и стали стрѣлять по лагерю; Турки смутились; Али-бей ударилъ на нихъ, и они побѣжали, потерявъ до 10,000 (?) своего войска. По окончаніи этаго дѣла наши поляки пошли къ Бейруту, въ надеждѣ сыскать ушедшія изъ-подъ Сидона суда. Они нашли ихъ тамъ; но только что приблизились, чтобы аттаковать, какъ съ крѣпости открыли сильный огонь, и заставили удалиться. Между тѣмъ Ризо и Псаро, съ особенною почестью принимаемые Али-беемъ, получили отъ него богатыя шубы, запаслись въ Сидонѣ провизіею, и соединились съ поляками. По соединеніи всей эскадры положили аттаковать Бейрутъ, и отмстить за учиненное сопротивленіе. Послѣ нѣсколькихъ выстрѣловъ съ нашихъ судовъ, изъ крѣпости выслали парламентера, и Ризо потребовалъ годовую контрибуцію, платимую городомъ Султану, давъ двадцать четыре часа срока. По минованіи этаго срока, такъ какъ отвѣта никакого не было, снова открыли пальбу, и на другой день выслали десантъ изъ 500 Албанцевъ. Осажденные сдѣлали вылазку, но были отбиты; ихъ форштатъ и всѣ стоявшіе у крѣпости суда сожжены. У насъ убито 4, ранено 26.

Къ ночи взяли десантъ обратно, а на разсвѣтѣ крѣпость сдалась. Жители согласились на требуемую контрибуцію, и дали обѣщаніе: впредь «всякому Россійскому судну чинить послушаніе и въ нуждѣ вспоможеніе». 19 Іюля эскадра Ризо возвратилась въ портъ Аузу (на островѣ Паросѣ) овладѣвъ на пути еще двумя купеческими судами.

Еще 15 Мая въ главной арміи графа Румянцова было заключено перемиріе съ Турками. Слухи объ этомъ стали приходить на флотъ съ начала Іюня; 18 получено оффиціальное извѣстіе отъ графа Румянцова, а 20 Іюля заключено и здѣсь перемиріе. . . . . .

. . . .

9 Марта (1773 г.) кончилось перемиріе, и главная армія Румянцова стала готовиться къ переходу на правый берегъ Дуная...... 18 Апрѣля главнокомандующій графъ А. Г. Орловъ и контръ-адмиралъ Грейгъ уѣхали въ Ливорно на кораблѣ «Побѣда»; начальство надъ флотомъ принялъ адмиралъ Спиридовъ.

Графъ Орловъ, на походѣ въ Ливорно, отрядилъ къ берегамъ Сиріи сопровождавшую его эскадру мелкихъ судовъ, два фрегата «Св. Николай» и «Слава», одну шебеку «Забіяка» и четыре полугалеры, подъ начальствомъ маіора графа Ивана Войновича. Почти въ тоже время Спиридовъ получилъ просьбу отъ Алибея о помощи противъ Турокъ, и послалъ къ тѣмъ же берегамъ другую эскадру изъ двухъ фрегатовъ, пяти полякъ и двухъ полугалеръ, подъ командою капитана Кожухова...... Въ началѣ Мая графъ Войновичъ подошелъ къ Кипру и разослалъ крейсеровъ къ берегамъ Египта и Сиріи; потомъ крейсеровалъ по сѣверную сторону Кипра, и наконецъ видя, что здѣсь уже всѣ жители встревожены, и на добычу остается немного надеждъ, пошелъ къ берегамъ Сиріи. 12 Іюня онъ

сталъ на якорь у Сура, куда собрались и другія суда эскадры, порядочно обогатившіяся призами. Здѣсь находился еще фрегатъ «Накція», пришедшій по слѣдующимъ обстоятельствамъ: состоя въ отрядѣ фонъ-Дезина, онъ былъ посланъ къ о. Родосу; на пути погнался за однимъ непріятельскимъ судномъ, догнать не могъ, а между тѣмъ далеко подался къ югу, и для возвращенія имѣлъ свѣжій противный вѣтеръ. Поэтому — или просто въ видахъ корсарства, онъ пошелъ къ Даміэтѣ, а оттуда къ берегамъ Сиріи, въ Яффу и наконецъ въ Суръ, захвативъ на пути нѣсколько призовъ.

Али-бея уже не было (онъ убитъ незадолго предъ этимъ). Его преемникъ въ Сиріи Дагеръ-Омаръ, помирился съ Друзскими князьями, доселѣ державшими сторону Турокъ, и теперь просилъ Войновича (чрезъ Сидонскаго правителя) помочь Друзамъ овладѣть Бейрутомъ. Бейрутъ принадлежалъ Друзскому князю Іосифу Шехаби (Шагабу); но когда онъ отдѣлился отъ Султана, губернаторъ этаго города Ахметъ-Бей-Эль-Джеззаръ не захотѣлъ повиноваться, и соединясь съ пашами Дамасскимъ, Алеппскимъ и Триполійскимъ, сталъ воевать противъ Шехаби. Войновичъ согласился помочь Друзамъ, и тотчасъ же послалъ для блокады Бейрута шебеку и галеру; а между тѣмъ велъ переговоры объ окончательныхъ условіяхъ.

15 Іюня пришелъ въ Акру (Акку) капитанъ Кожуховъ, съ эскадрою изъ двухъ фрегатовъ «Надежда» и «Св. Павелъ», пяти полякъ и двухъ полугалеръ. Онъ принялъ главную команду, и 25 числа того же мѣсяца обѣ эскадры, также и фрегатъ «Накція», пришли въ Бейрутскій рейдъ. Всего теперь было здѣсь пять фрегатовъ, четыре поляки, одна шебека и шесть полугалеръ, а именно:

Фрегаты:	42 пуш.	Надежда. . . .	кап.	Кожуховъ.
	26 »	Св. Николай. .	маіоръ	И. Войновичъ.
	26 »	Св. Павелъ . .	лейт.	П. Алексіано.
	16 »	Слава	»	М. Войновичъ.
	22 »	Накція	»	Корели.
Поляки:	12 »	Стиксъ	мичм.	Паликути.
	20 »	Св. Алексѣй .	»	Вальзамати.
	18 »	Св. Екатерина.	»	Куппа.
	20 »	Св. Анна . . .	»	Паламида.
	12 »	Лондра	»	Ан. Алексіано.
Шебека	18 »	Забіяка	»	Кудинъ.

Полугалеры, числомъ шесть, были командуемы тоже Греками.

Переговоры съ Друзами тянулись до 17 Іюля. Тогда они подписали условія, которыми обязывались: признавать надъ собою покровительство Россіи; воевать съ Турками доколѣ мы будемъ воевать съ ними; отрядить къ Бейруту пять или шесть тысячъ войска, которому дѣйствовать совокупно съ нашимъ; нашему войску на штурмъ не ходить, чтобы, по сходству союзниковъ съ непріятелями, не сдѣлать замѣшательства; «а для возмездія Россійскимъ войскамъ за обыкновенный грабежъ, котораго въ ономъ случаѣ имъ дѣлать запрещается, князья и начальники Друзскіе обязываются заплатить въ руки господина командующаго Россійскаго *триста тысячъ піастровъ*». Сверхъ того намъ отдавались суда, стоявшія у города, все мелкое оружіе, какъ-то: ружья, пистолеты, сабли, ножи, также барабаны, флаги и всѣ другіе воинскіе трофеи, какіе будутъ найдены въ городѣ.

19 Іюля Войновичъ взялъ аманатовъ, а 23 свезли десантъ въ числѣ 787 человѣкъ регулярныхъ и нерегулярныхъ; послѣдніе подъ начальствомъ маіора Дуси и поручика Ивана Войновича, а первые подъ командою

подпоручика Баумгартена *). Въ тоже время всѣ фрегаты, шебеки и одна поляка «Св. Екатерина» приблизились къ городу и открыли пальбу. Непріятель отстрѣливался и дѣлалъ вылазки противъ дессанта. Дессантъ расположился по сѣверо-западную сторону города; тамъ поставилъ баттарею о двухъ 12-ти-фунтовыхъ пушкахъ, и къ 28 Іюля пробили брешь, достаточную для прохода фронтомъ 60 человѣкъ. Дали знать объ этомъ Друзамъ, стоявшимъ въ отдаленіи; но они требовали чтобы мы сдѣлали еще другую брешь. Тогда поставили новую баттарею о двухъ 6-ти-фунтовыхъ пушкахъ, и къ 31 числу пробили другую брешь, почти такой же величины какъ и первая, а первая между тѣмъ была увеличена. Опять предложили Друзамъ идти на штурмъ; но они опять отказались. Кожуховъ уже соглашался въ противность условіямъ — чтобы впереди шли наши войска, а Друзы только-бъ не отставали; но они и отъ этаго отказались. На другой день пріѣхалъ къ намъ князь Іосифъ Шехаби, и объявилъ, что онъ въ *плачевномъ* состояніи: войска не повинуются, и большая ихъ часть уже разбѣжалась. Теперь у него было 1,400 человѣкъ; но спустя четыре дня осталось только 400, и тогда онъ совершенно отказался вспомоществовать штурму, предложилъ чтобы наши войска переѣхали на суда, и ожидали подкрѣпленія отъ Дагеръ-Омара, изъ Акры, а самъ пошелъ въ горы, и обѣщалъ запереть непріятеля съ той стороны. 5 Августа дессантъ былъ перевезенъ, и эскадра оттянулась отъ крѣпости. Во все это время въ дессантѣ

---

*) Г. Баумгартенъ находился въ Сиріи еще съ прошлаго года. Онъ былъ посланъ отъ графа Орлова за лошадьми, захворалъ, и потому не могъ возвратиться. По убіеніи Али бея, онъ заключилъ отъ имени главнокомандующаго союзъ съ Дагеръ-Омаромъ, и вообще, принималъ дѣятельное участіе во всѣхъ переговорахъ.

убито 10 человѣкъ, въ томъ числѣ поручикъ Войновичъ, и ранено 55, въ числѣ которыхъ 4 офицера. На фрегатѣ «Надежда» убито 2 матроса, ранены лейтенантъ Кадниковъ и прапорщикъ Савенковъ, которые вскорѣ умерли, и нижнихъ чиновъ 10 человѣкъ.

Между тѣмъ въ городѣ открылся недостатокъ въ провизіи, и комендантъ сталъ переговариваться о сдачѣ: онъ не хотѣлъ отдавать города Друзамъ, но обѣщалъ дѣйствовать противъ Турокъ, союзно съ Дагеръ-Омаромъ. На это не согласились. 18 и 24 снова свезли дессантъ, уже на сѣверо-восточную сторону города, гдѣ и укрѣпились. Непріятель иногда дѣлалъ сильныя вылазки, но былъ отбиваемъ. 4 Сентября комендантъ прислалъ просить освобожденія одинадцати плѣнныхъ женщинъ: ему отвѣчали, что прежде надобно говорить о сдачѣ города, а уже потомъ о женщинахъ. Онъ просилъ объяснить наши мысли; — ему объявили, что «наши мысли — получить городъ». Снова начались переговоры. 16 опять сдѣлана сильная вылазка изъ города, но послѣ пяти-часовой упорной битвы непріятель былъ прогнанъ. Комендантъ въ тотъ же день просилъ извиненія за сдѣланную вылазку, увѣряя, что не давалъ на это приказа; ему отвѣчали, что «все это дѣлу не мѣшаетъ». Дѣло о сдачѣ города подходило къ концу: Друзы соединясь съ Дагеръ-Омаромъ — доселѣ занятымъ своими войнами — разбили Алеппскаго пашу, шедшаго на помощь Бейруту, и собрались осадить этотъ городъ. Джеззаръ-бей поѣхалъ на нашей полугалерѣ въ Сидонъ, гдѣ находился Дагеръ-Омаръ, Друзскіе князья и нашъ повѣренный графъ И. Войновичъ. Тамъ условились о сдачѣ города, и 27 Сентября подписали капитуляцію; городъ сданъ Друзамъ, а войско поступило къ

Дагеръ-Омару *). По этому мы не воспользовались обѣщанными «трофеями» и получили только двѣ полугалеры о 8 и 9 пушкахъ, и около 1,000 ядеръ. 14 пушекъ, 9 фальконетовъ, 1 мортира и немного снарядовъ найденныхъ въ городѣ, оставлены настоящему владѣльцу. Жителей было 3,000; гарнизона выведено 1,200; 800 считали убитыми.

На другой день мы заняли крѣпость, и потомъ передали ее Друзамъ. Во все время осады на судахъ и въ дессантѣ, мы имѣли 34 убитыми и 96 ранеными.

Теперь оставалось получить съ Друзовъ слѣдуемые по условію за вспомоществованіе 300,000 піастровъ. Выплачиваніе шло медленно: по 31 Декабря мы получили 250,000, а остальные 50,000 отсрочили до будущаго года. Всю полученную сумму Кожуховъ раздѣлилъ командамъ, согласно Морскому Уставу **). 8 Января 1774 года обѣ эскадры снялись отсюда, а въ началѣ Февраля пришли ко флоту.

Въ порывахъ благодарности за возвращеніе города, Друзскій князь Іосифъ Шехаби изъявилъ желаніе вступить въ наше подданство. Въ письмѣ графу Орлову (1 Января 1774 года) онъ говоритъ, что еще съ дѣтства имѣлъ это желаніе; что и онъ и его предки всегда покровительствовали христіанъ; что онъ былъ привлеченъ ко Двору Оттоманскому многими политическими причинами, и только искалъ случая отложиться; что теперь «кажется самъ Господь, непостижимымъ

---

*) Не надолго однакожъ: не прошло мѣсяца, какъ Джеззаръ отошелъ отъ Дагеръ-Омара.

**) Дѣлежъ былъ сдѣланъ такъ: 10-я доля (25,000) главному командиру надъ флотомъ (Орлову?); 10-я доля изъ оставшагося (22,500) командиру эскадры (Кожухову); командирамъ фрегатовъ и поручику Баумгартену 7-я доля (28,928); остальныя 173,572 піастра офицерамъ и нижнимъ чинамъ, по окладамъ ихъ жалованья. (Піастръ въ ту пору равнялся рублю серебромъ.)

своимъ Провидѣніемъ, привелъ Русскихъ для выполненія этихъ замысловъ, и что отнынѣ полагаю всю надежду на помощь Божію, силу и власть Креста Христова, который ношу на груди моей, какъ многіе изъ вашихъ офицеровъ видѣли, и на побѣдоносное оружіе Императрицы Всероссійской, къ которому я прибѣгалъ и всегда прибѣгать буду!... Снимаю съ себя всѣ достоинства надъ моими людьми и надъ моею землею, и Ея Величество да располагаетъ оными по Ея соизволенію; и для наибольшаго доказательства моего подданства, посылаю Ей сей *бѣлый листъ, подписанный моею рукою и запечатанный моею печатью*, дабы Ея Величество предписала мнѣ законы по Ея соизволенію, которые готовъ я принять со всѣмъ усердіемъ, и наблюдать на вѣки, хотя-бъ и съ цѣною моей крови». — Но тутъ же объясняетъ, обращаясь какъ сынъ къ отцу, какъ кающійся къ исповѣднику — «что имѣетъ нужду въ помощи для своего освобожденія отъ Турокъ, безъ опасенія совершенной погибели моей и моего рода и всѣхъ христіанъ моего владѣнія. И хотя ежечасно нахожусь въ состояніи, безъ затрудненія, поставить 30,000 воиновъ, но со всѣмъ тѣмъ, *не полагаюсь много на моихъ людей*, по причинѣ невѣжества ихъ въ воинскомъ искуствѣ, и весьма малаго числа артиллеріи», что большая часть его владѣнія состоитъ въ неприступныхъ горахъ, и эти горы не изобилуютъ богатствами; что страна многолюдна и можетъ поставить болѣе 60,000 войска, но «болѣе половины его владѣнія суть христіане, а другая половина есть невѣрные, называемые Дрозы, и начальники земли такожде большею частію суть Дрозы, кои болѣе доброжелательствуютъ Туркамъ, нежели христіанамъ; сіи начальники по древнему обычаю откупаютъ у начальствующаго Князя большую часть владѣнія, и потому сдѣлались

весьма сильны. Оное владѣніе окружено весьма сильными непріятелями, т. е. Дамасскимъ, Алеппскимъ и Триполійскимъ пашами, кои въ семъ случаѣ, моего соединенія къ союзу съ Россійскимъ, еще болѣе противъ меня озлятся, и не преминутъ склонить на свою сторону вѣроломныхъ начальниковъ . . . . »

Разумѣется, что мы отказались отъ такого подданства.

Это была послѣдняя экспедиція къ берегамъ Сиріи. Нельзя не обратить вниманія, что почти всѣ посылаемые туда командиры были изъ Грековъ и Славянъ «которые для своихъ прибылей, какъ мы и примѣтили — пишетъ Спиридовъ, гораздо храбрѣе, нежели какъ изъ одного только жалованья, служатъ» (письмо Елманову 26 Февраля 1774 года). Поведеніе этихъ корсаровъ не всегда бывало приличнымъ; вотъ два примѣра: бывшій на эскадрѣ Ризо капитанъ Пано, въ Ноябрѣ прошлаго года овладѣлъ Турецкою шебекою, на которой взялъ богатый призъ: везенныхъ для Турецкаго Султана девять мальчиковъ и пять дѣвушекъ Грузинокъ. Празднуя эту побѣду, Ризо вздумалъ потребовать къ себѣ плѣнниковъ и плѣнницъ «для лучшаго изслѣдованія», какъ онъ доносилъ потомъ главнокомандующему. Пано отказалъ, объявивъ, что онъ самъ доставитъ плѣнныхъ къ эскадрѣ. Ризо сперва грозилъ, потомъ сталъ упрашивать, и наконецъ, выведенный изъ терпѣнія упорствомъ подчиненнаго, велѣлъ одному изъ своихъ офицеровъ арестовать его. Дѣйствіе происходило въ каютѣ у начальника: офицеръ подошелъ къ капитану Пано, чтобы принять (или отнять) шпагу; но тотъ выскочилъ на шканцы, и закричалъ на свое судно двоюродному брату, чтобъ приготовили баттарею. Ризо тоже изготовился къ бою. Однакожъ успѣли схватить ослушника и увести въ каюту. Другой случай былъ съ маіоромъ Войновичемъ въ этомъ (1774) году. На возвратномъ

пути изъ Сиріи мичманъ Паликути овладѣлъ однимъ призомъ, потомъ упустилъ его, и этотъ призъ былъ перехваченъ Войновичемъ. Завязался споръ, кому принадлежитъ добыча. Войновичъ хотѣлъ оставить дѣло до прихода къ порту — тогда находились у Кастель-Росса; но Паликути тотчасъ же снялся съ якоря и повелъ призъ съ собою. Войновичъ послалъ въ погоню гребныя суда и отнялъ призъ. Тогда Паликути пріѣхалъ къ нему на фрегатъ «въ ярости», и наговорилъ «много грубыхъ и вредныхъ, и другихъ трогающихъ словъ, которыхъ изъ благопристойности здѣсь не включаю». Его арестовали.

. . . .

. . . .

Миръ заключили 10 Іюля въ палаткѣ главнокомандующаго, при Кучукъ-Кайнарджи. . . . .

КОНЕЦЪ.

Содержаніе второй части.

СТАТИСТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.